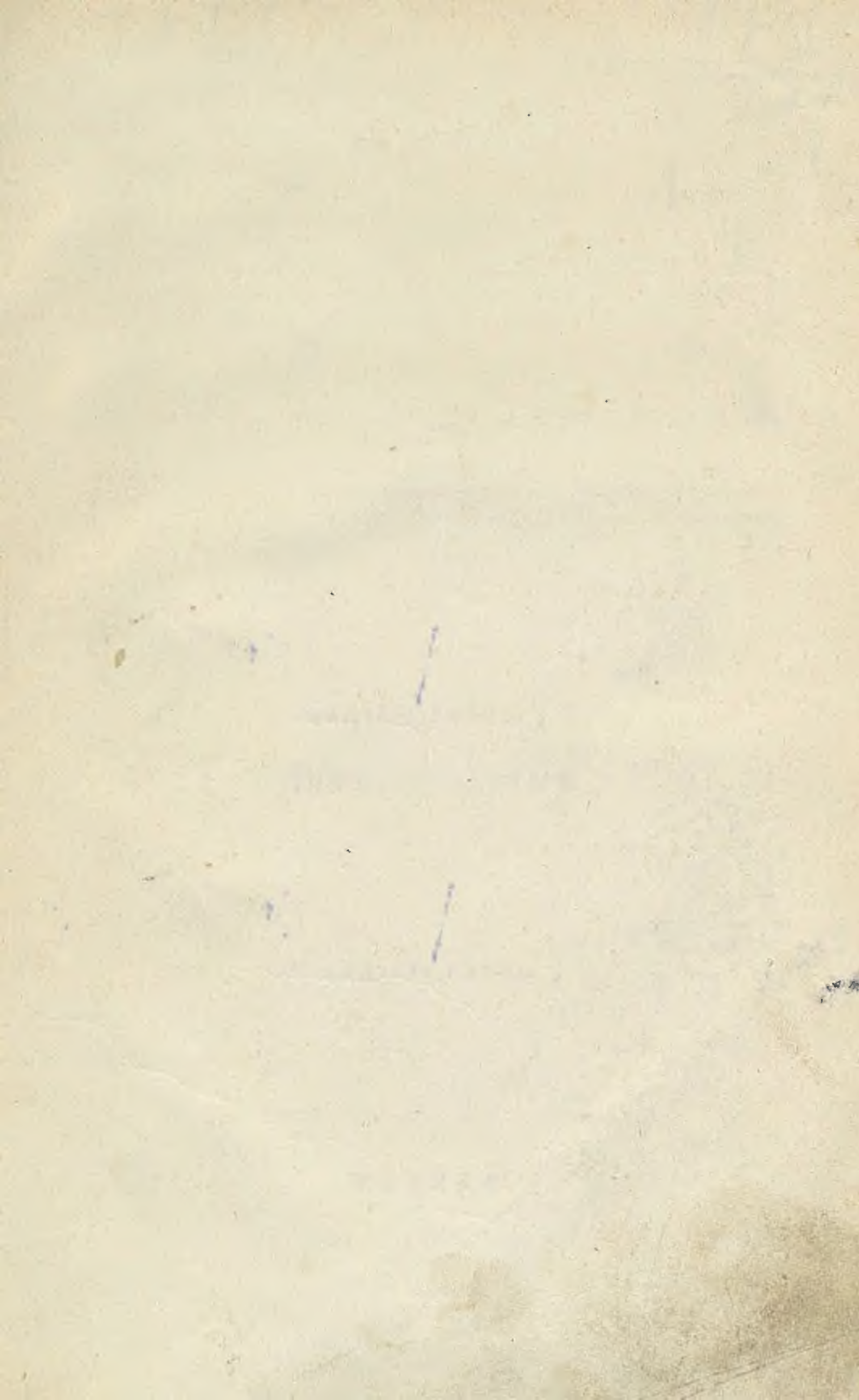
4 111/10
-4-

ИСТОРІЯ РОССІИ.



И 111/10

III Pa/2001

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ф. 31-26664

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

МОСКВА.

1881.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

ГЛАВА I.

Княженіе Василія Димитріевича.

(1389—1425).

Присоединеніе къ Москвѣ княжества Нижегородскаго.—Столкновеніе великаго князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ Донскимъ.—Договоры великаго князя съ родными братьями.—Отношенія къ Новгороду Великому.—Внутреннія движенія въ Новгородѣ. —Ссора Новгорода со Псковомъ.—Отношенія Москвы къ Рязани и Твери.—Усобицы между тверскими князьями.—Нашествіе Эдигея на Москву.—Отношеніе великаго князя къ Татарамъ послѣ Эдигеева нашествія. — Отношенія литовскія: взятіе Смоленска Витовтомъ; намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ; битва Витовта съ Татарами на Ворсклѣ; вторичное взятіе Смоленска Витовтомъ; борьба московскаго князя съ литовскимъ и миръ на Угрѣ; взглядъ лѣтописца на литовскія и татарскія отношенія.—Отношенія Литвы къ Польшѣ и Тевтонскому ордену.—Борьба Пскова и Новгорода съ Ливонскимъ орденомъ.—Борьба Новгорода со Шведами.—Смерть Василія Димитріевича.—Его духовныя грамоты.—Бояре Василія.

Молодой сынъ Донскаго въ самомъ началѣ княженія своего показалъ, что останется вѣренъ преданію отцовскому и дѣдовскому. Черезъ годъ послѣ того, какъ посолъ ханскій посадилъ его на великокняжескій столъ во Владимірѣ, Василій отправился въ Орду и купилъ [1] тамъ ярлыкъ на княжество Нижегородское, которое незадолго передъ тѣмъ выпросилъ себѣ въ Ордѣ же Борисъ Константиновичъ. Услыхавъ о замыслахъ Васильевыхъ, Борисъ созвалъ къ себѣ бояръ своихъ и сталъ говорить имъ со слезами: „Господа и братья, бояре и друзья мои! вспомните свое крестное цѣлованіе, вспомните, какъ вы клялись мнѣ!“ Старшимъ бояриномъ у него былъ Василій Румянецъ, который и отвѣчалъ князю: „Не

печалься, господинъ князь! всѣ мы тебѣ вѣрны, и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить". Такъ онъ говорилъ своему князю, а между тѣмъ пересылался съ Василіемъ Димитріевичемъ, обѣщаясь выдать ему Бориса. Василій на возвратномъ пути изъ Орды, доѣхавши до Коломны, отправилъ оттуда въ Нижній Тохтамышева посла съ своими боярами. Борисъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ въ городъ, но Румянецъ сталъ говорить ему: „Господинъ князь: посолъ ханскій и бояре московскіе идутъ сюда за тѣмъ, чтобъ миръ подкрѣпить и любовь утвердить вѣчную, а ты самъ хочешь поднять брань и рать; впусти ихъ въ городъ; что они могутъ тебѣ сдѣлать? мы всѣ съ тобою". Но только что посолъ и бояре въѣхали въ городъ, какъ велѣли звонить въ колокола, собрали народъ и объявили ему, что Нижній принадлежитъ уже князю московскому. Борисъ, услыхавъ объ этой новости, послалъ за боярами и сталъ говорить имъ: „Господа мои и братья, милая дружина! вспомните крестное цѣлованіе, не выдайте меня врагамъ моимъ." На это отвѣчалъ ему тотъ же Румянецъ: „Господинъ князь! не надѣйся на насъ, мы уже теперь не твои, и не съ тобою, а на тебя". Борисъ былъ схваченъ. Немного спустя пріѣхалъ въ Нижній Василій Димитріевичъ, посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ, а князя Бориса съ женою, дѣтьми и доброхотами велѣлъ развести въ оковахъ по разнымъ городамъ и держать за крѣпкою стражею. По тому же ярлыку, кромѣ Нижняго, Василій пріобрѣталъ Городецъ, Муромъ, Мещеру, Тарусу [2].

Но у Бориса нижегородскаго оставалось двое племянниковъ— Василій и Семенъ Димитріевичи, родные дядья по матери московскому князю; какъ видно они оставались княжить въ Суздальской волости, обхваченной теперь со всѣхъ сторонъ московскими владѣніями, или, по крайней мѣрѣ, оставались жить въ Суздалѣ; но, въ 1394 году, тотчасъ по смерти Бориса Константиновича, оба племянника его, вслѣдствіе притѣсненій отъ московскаго князя, какъ шелъ слухъ, выбѣжали изъ Суздаля въ Орду добиваться ярлыковъ на отчину свою—Нижній, Суздаль и Городецъ. Московскій князь послалъ за ними погоню, но имъ удалось избѣжать ея и благополучно достигнуть Орды. Въ 1399 году князь Семенъ Димитріевичъ вмѣстѣ съ какимъ-то татарскимъ царевичемъ Ейтякомъ, у котораго было 1000 человѣкъ войска, подступилъ къ Нижнему-Новгороду, гдѣ затворились трое московскихъ воеводъ; три дня

бились Татары подъ городомъ и много людей пало отъ стрѣлъ, наконецъ Нижегородцы сдали городъ, взявши съ Татаръ клятву, что они не будутъ ни грабить христіанъ, ни брать въ плѣнъ. Но Татары нарушили клятву, ограбили всѣхъ Русскихъ до-нага, а князь Семенъ говорилъ: „Не я обманулъ, а Татары, я въ нихъ не воленъ, я съ ними ничего не могу сдѣлать.“ Двѣ недѣли пробыли Татары въ Нижнемъ съ Семеномъ, но потомъ, услыхавши, что московскій князь собирается на нихъ войскомъ, убѣжали въ Орду. Василій Димитріевичъ послалъ большую рать съ братомъ своимъ княземъ Юріемъ, воеводами и старшими боярами; они вошли въ Болгарію, взяли города Болгары, Жукотинъ, Казань, Кременчукъ, въ три мѣсяца повоевали всю землю и возвратились домой съ большою добычею.

Послѣ этого Семенъ крылся все въ татарскихъ мѣстахъ, не отказываясь отъ надежды возвратить себѣ родовое владѣніе. Это заставило московскаго князя въ 1401 году послать двоихъ воеводъ своихъ, Ивана Уду и Ѳедора Глѣбовича искать князя Семена, жену, дѣтей, бояръ его. Въ землѣ Мордовской отыскали они жену Семенову, княгиню Александру, на мѣстѣ, называемомъ Цыбирца, у Св. Николы, гдѣ бусурманинъ Хазибаба поставилъ церковь [3]. Княгиню ограбили и привели вмѣстѣ съ дѣтьми въ Москву, гдѣ она сидѣла на дворѣ Белеутовѣ [4] до тѣхъ поръ, пока мужъ ея не прислалъ великому князю съ челобитьемъ и покорился ему. Василій, быть можетъ по увѣщанію Св. Кирилла Бѣлозерскаго, далъ ему опасную грамоту, получивши которую Семенъ пріѣхалъ въ Москву, заключилъ миръ съ великимъ княземъ, взялъ семейство и больной отправился въ Вятку, издавна зависѣвшую отъ Суздальскаго княжества: здѣсь онъ черезъ пять мѣсяцевъ умеръ. Этотъ князь, говоритъ лѣтописецъ, испыталъ много напастей, претерпѣлъ много истомы въ Ордѣ и на Руси, все добиваясь своей отчины; восемь лѣтъ не зналъ онъ покоя, служилъ въ Ордѣ четыремъ ханамъ, все подпимая рать на великаго князя московскаго; не имѣлъ онъ своего пристанища, не зналъ покоя ногамъ своимъ—и все понапрасну. Братъ Семеновъ, Василій, какъ видно, также помирился съ великимъ княземъ московскимъ, потому что подъ 1403 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти его, случившейся въ Городцѣ, и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ онъ называется прямо княземъ городецкимъ; но Василій не могъ оставить Городца сыну своему Ивану,

котораго мы видимъ послѣ въ изгнаніи, а Городецъ въ числѣ московскихъ владѣній.

Неизвѣстно, какимъ образомъ освободились сыновья Бориса Константиновича—Иванъ и Даніилъ. Имѣемъ впрочемъ право отнести къ Ивану Борисовичу слѣдующее мѣсто въ договорной грамотѣ великаго князя съ дядею своимъ Владиміромъ Андреевичемъ: уступая дядѣ Городецъ съ волостями, великій князь говоритъ: „А чѣмъ я пожаловалъ князя Ивана Борисовича, въ то князю Владиміру и его дѣтямъ не вступаться". Но въ 1411 году встрѣчаемъ уже извѣстіе о боѣ между сыновьями Борисовыми и княземъ Петромъ Димитріевичемъ на Лысковѣ [5]: изгнанники съ союзниками своими, князьями болгарскими и жукотинскимъ, остались побѣдителями. Въ томъ же году, князь Даніилъ Борисовичъ, призвавши къ себѣ какого-то татарскаго царевича Талыча, послалъ вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру тайно лѣсомъ боярина своего Семена Карамышева. Татары и дружина Даніилова подкрались къ городу въ полдень, когда всѣ жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и пожгли ихъ, людей побили множество. Въ соборной Богородичной церкви затворился ключарь, священникъ Патрикій, родомъ Грекъ; онъ забралъ сколько могъ сосудовъ церковныхъ и другихъ вещей, снесъ все это въ церковь, посадилъ тамъ нѣсколько людей, заперъ ихъ, сошелъ внизъ, отбросилъ лѣстницы и сталъ молиться со слезами предъ образомъ Богородицы. И вотъ Татары прискакали къ церкви, кричатъ по-русски, чтобъ имъ ее отперли:—ключарь стоитъ неподвижно передъ образомъ и молится; Татары отбили двери, вошли, ободрали икону Богородицы и другіе образа, ограбили всю церковь, а Патрикія схватили и стали пытать: гдѣ остальная казна церковная и гдѣ люди, которые были съ нимъ вмѣстѣ? ставили его на огненную сковороду, втыкали щепы за ногти, драли кожу—Патрикій не сказалъ ни слова; тогда привязали его за ноги къ лошадиному хвосту, и такимъ образомъ умертвили. Весь городъ послѣ того былъ пожженъ и пограбленъ, жителей повели въ плѣнъ; всей добычи Татары не могли взять съ собою, такъ складывали въ копны и жгли, а деньги дѣлили мѣрками; колокола растопились отъ пожару, городъ и окрестности наполнились трупами. Въ 1412 году Борисовичи успѣли выхлопотать себѣ въ Ордѣ ярлыки на отчину свою; но одинъ ярлыкъ давно уже потерялъ значеніе на Руси, и въ 1416 году пріѣхали въ Москву ни-

жегородскіе князья Иванъ Васильевичъ, внукъ Димитрія, и Борисовичъ Иванъ, а сынъ послѣдняго Иванъ пріѣхалъ еще за два года передъ тѣмъ; въ слѣдующемъ году явился и князь Даніилъ Борисовичъ, но въ 1418 году убѣжалъ отсюда опять вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ. Дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій о судьбѣ князей суздальскихъ не встрѣчаемъ; но имѣемъ право заключать, что Суздальская волость оставалась за ними, потому что великій князь Василій въ завѣщаніи своемъ ни слова не говоритъ о Суздалѣ, отказывая сыну только два примысла свои—Нижній и Муромъ.

Утвержденіе новаго порядка вещей не обошлось безъ сопротивленій и въ самомъ родѣ князей московскихъ: въ первый же годъ княженія Василіева встрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ великаго князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ, который выѣхалъ изъ Москвы сперва въ свой наслѣдственный городъ Серпуховъ, а потомъ въ Новгородскую область, въ Торжокъ. Но въ началѣ слѣдующаго года находимъ уже извѣстіе о мирѣ между дядею и племянникомъ: Василій придалъ Владиміру къ его отчинѣ два города—Волокъ и Ржевъ. Договоръ дошелъ до насъ [6]: великій князь выговариваетъ себѣ право посылать дядю въ походъ, и тотъ долженъ садиться на коня безъ ослушанія. Слѣдующее условіе показываетъ сильную недовѣрчивость между родственниками: „Если я, говоритъ великій князь дядѣ, самъ сяду въ осадѣ въ городѣ (Москвѣ), а тебя пошлю изъ города, то ты долженъ оставить при мнѣ свою княгиню, своихъ дѣтей и своихъ бояръ; если же я тебя оставлю въ городѣ, а самъ поѣду прочь, то я оставлю при тебѣ свою мать, своихъ братьевъ младшихъ и бояръ.“ Предположеніе: „Если перемѣнитъ Богъ Орду“—находится въ договорѣ; видно также, что при заключеніи договора Василій уже имѣлъ намѣреніе примыслить Муромъ, или Торусу, и другія мѣста: „Найду я себѣ Муромъ, или Торусу, или другія мѣста, то ты (князь Владиміръ) не участвуешь въ издержкахъ, которыя я понесу при этомъ; если же тебѣ Богъ дастъ какія другія мѣста, кромѣ Мурома и Торусы, то мы (великій князь съ братьями) не участвуемъ въ твоихъ издержкахъ.“ Потомъ заключенъ былъ второй договоръ [7] съ Владиміромъ, по которому онъ уступилъ великому князю Волокъ и Ржевъ, и взялъ вмѣсто нихъ Городецъ, Угличь, Козельскъ и нѣкоторыя другія мѣста. Владиміръ обязался не вступаться въ примыслы великаго князя—Нижній Новгородъ, Муромъ, Мещеру и ни въ какія другія мѣста татарскія и

мордовскія, которыя были за дѣдомъ Васильевымъ, Димитріемъ Константиновичемъ и за нимъ самимъ. Владиміръ обязался, въ случаѣ смерти великаго князя, признать старшимъ, отцомъ, сына его, а своего внука, Ивана; здѣсь впрочемъ выговорена небольшая перемѣна въ отношеніяхъ: „Если, господинъ! (говоритъ Владиміръ) будетъ сынъ твой на твоемъ мѣстѣ, и сядетъ сынъ твой на коня, то и мнѣ съ нимъ вмѣстѣ садиться на коня; если же сынъ твой не сядетъ на коня, то и мнѣ не садиться, а пошлетъ дѣтей моихъ, то имъ сѣсть на коня безъ ослушанья.“ Въ 1410 году умеръ князь Владиміръ Андреевичъ. Въ завѣщаніи [8] онъ раздѣлилъ свою волость на пять частей по числу сыновей своихъ, которыхъ, вмѣстѣ съ княгинею своею и боярами приказалъ великому князю Василію, съ просьбою печаловаться объ нихъ: споры между сыновьями рѣшаетъ княгиня мать ихъ, и великій князь долженъ привести въ исполненіе приговоръ ея, причемъ завѣщатель прибавляетъ: „А вотчинѣ бы ихъ и удѣламъ было безъ убытку.“ Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей, завѣщатель распорядился такъ: „Если не будетъ у него сына, и останется дочь, то всѣ дѣти мои брата своего дочь выдадутъ за мужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся всѣ поровну.“

До насъ дошли также договорныя грамоты Василія Димитріевича съ родными его братьями [9]. Въ нихъ нѣтъ отмѣнъ противъ прежнихъ подобнаго же рода грамотъ. Для объясненія послѣдующихъ событій нужно замѣтить, что князья—Андрей и Петръ Димитріевичи обязываются, въ случаѣ смерти Василія, блюсти великое княженіе и подъ сыномъ его, тогда какъ въ договорной грамотѣ Юрія этого условія не находится. Подобно Юрію, и самый младшій братъ великокняжескій, Константинъ, не хотѣлъ сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу племянника. Мы видѣли, что Константинъ родился не задолго до смерти отца, такъ что ему въ духовной Донскаго не было назначено никакаго удѣла, и Василій Димитріевичъ въ первомъ завѣщаніи своемъ, распорядившись на счетъ роднаго сына, говоритъ: „А брата своего и сына, князя Константина благословляю, даю ему въ удѣлъ Тошню да Устюжну, по душевной грамотѣ отца нашего, великаго князя.“ Но когда Василій въ 1419 году потребовалъ отъ братьевъ, чтобы они отреклись отъ правъ своихъ на старшинство въ пользу племянника, то Константинъ оказалъ явное сопротивленіе: „Этого отъ начала никогда не бывало, говорилъ молодой князь.“ Василій разсердился, отнялъ у

него удѣлъ, и Константинъ ушелъ въ Новгородъ, убѣжище всѣхъ недовольныхъ князей; однако скоро онъ уступилъ требованіямъ старшаго брата и возвратился въ Москву.

Съ Новгородомъ Великимъ началась у московскаго князя вражда въ 1393 году. Давно уже Новгородцы однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ великими князьями ставили, чтобъ не звать ихъ къ суду въ Низовые города; въ 1385 году они вздумали пріобрѣсть то же право и въ отношеніи къ суду церковному; посадникъ и тысяцкій созвали вѣче, гдѣ всѣ укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ не ходить въ Москву на судъ къ митрополиту, а судиться у своихъ владыкъ по закону греческому; написали объ этомъ и утвержденную грамоту. Когда въ 1391 году митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то цѣлыя двѣ недѣли уговаривалъ гражданъ разодрать эту грамоту. Новгородцы отвѣчали одними устами: „Цѣловали мы крестъ за одно, грамоты пописали и попечатали и души свои запечатали.“ Митрополитъ говорилъ имъ на это: „Цѣлованье крестное съ васъ снимаю, у грамотъ печати порву, а васъ благословляю и прощаю, только мнѣ судъ дайте, какъ было при прежнихъ митрополитахъ.“ Новгородцы не послушались, и Кипріанъ поѣхалъ отъ нихъ съ большимъ гнѣвомъ. Московскій князь, хорошо зная, что зависѣть отъ митрополита значило зависѣть отъ Москвы, не хотѣлъ позволить Новгородцамъ отложиться отъ суда митрополичьяго: примысливши Нижній Новгородъ, онъ послалъ сказать гражданамъ Великаго, чтобъ дали ему черный боръ, заплатили всѣ княжескія пошлины (княжчины) и чтобъ отослали грамоту о судѣ къ митрополиту, который сниметъ съ нихъ грѣхъ клятвопреступленія. Новгородцы не согласились, и великій князь отправилъ дядю своего Владиміра Андреевича и брата Юрія съ войскомъ къ Торжку. Новоторжцы побѣжали съ женами и дѣтьми въ Новгородъ и другія мѣста, и много народу изъ новгородскихъ волостей сбѣжалось съ домочадцами своими въ Новгородъ. Князь Владиміръ и Юрій сѣли въ Торжкѣ, а рать распустили воевать новгородскія волости; взяты были Волокъ Ламскій и Вологда. Остальные жители Торжка возмутились было и умертвили великокняжескаго боярина Максима: но Василій послалъ перехватать убійцъ, которые были привезены въ Москву и казнены различными муками. Между тѣмъ новгородская охочая рать съ двумя князьями (Романомъ литовскимъ и Константиномъ бѣлозерскимъ) и пятью своими воеводами, начала воевать великокняжескія

волости, взяла Кличенъ городокъ и Устюжню, а изъ Заволочья Новгородцы съ Двинянами взяли Устюгъ. Много было кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, и Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не желая видѣть большаго кровопролитія между христіанами, отправили пословъ къ великому князю съ челобитіемъ о старинѣ, а къ митрополиту отослали грамоту цѣловальную; митрополитъ отвѣчалъ: „Я грамоту цѣловальную беру, грѣхъ съ васъ снимаю и благословляю васъ." Великій князь также принялъ новгородское челобитье и взялъ миръ по старинѣ. Новгородцы дали князю черный боръ по своимъ волостямъ, заплатили 350 рублей князю и митрополиту за то, что послѣдній благословилъ ихъ владыку и весь Новгородъ; тѣ, за которыми были княжчины, поклялись ихъ не утаивать [9].

Три года прошло мирно: въ 1395 году митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ посломъ патріаршимъ и запросилъ суда; Новгородцы суда ему не дали и, несмотря на то, при отъѣздѣ онъ благословилъ владыку Ивана и весь Великій Новгородъ. Но въ 1397 году великій князь вдругъ послалъ за Волокъ на Двину бояръ своихъ, приказавши объявить всей Двинской свободѣ (колоніи): „Чтобъ вамъ задаться за великаго князя, а отъ Новгорода бы отняться? Князь великій хочетъ васъ отъ Новгорода оборонять, хочетъ стоять за васъ." Въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ выставлена одна причина такого поступка великокняжескаго: Василій Димитріевичъ вмѣстѣ съ Витовтомъ Литовскимъ отправили пословъ своихъ къ Новгородцамъ съ требованіемъ разорвать миръ съ Нѣмцами; Новгородцы не послушались князей и дали такой отвѣтъ въ Москву: „Князь Василій! Съ тобою у насъ миръ, съ Витовтомъ другой, съ Нѣмцами третій!" Но есть очень вѣроятное извѣстіе, что великій князь рѣшился захватить Заволоцкую свободу, узнавши о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Витовтомъ Литовскимъ, который склонялъ ихъ поддаться ему [10]. Какъ бы то ни было, бояре двинскіе и всѣ Двиняне задались за великаго князя и цѣловали ему крестъ; но Василій не удовольствовался этимъ, послалъ войско захватить Волокъ Ламскій, Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ, Вологду, послѣ чего сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Новгороду и крестную грамоту скинулъ. Новгородцы сдѣлали то же самое, но хотѣли кончить дѣло миромъ, и когда митрополитъ прислалъ ко владыкѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ въ Москву по святительскимъ

дѣламъ, то вмѣстѣ съ архіепископомъ Новгородцы отправили къ великому князю пословъ своихъ: владыка подалъ великому князю благословеніе и доброе слово, а послы челобитье отъ Новгорода; владыка говорилъ Василію: „Чтобъ тебѣ, господинъ сынъ князь великій, мое благословеніе и доброе слово и новгородское челобитье принять, отъ Новгорода отъ своихъ мужей вольныхъ нелюбье отложить, принять ихъ въ старину; чтобы при твоемъ, сынъ, княженіи другаго кровопролитія между христіанами не было; а что ты, сынъ князь великій, на крестномъ цѣлованіи отнялъ у Новгорода Заволочье, Торжокъ, Волокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ, того, князь великій отступись, пусть пойдетъ то къ Новгороду по старинѣ, и общій судъ на порубежьи отложи, потому что это не старина.“ Но великій, князь не принялъ ни благословенія, ни добраго слова отъ владыки, ни челобитья отъ пословъ новгородскихъ, и мира не взялъ.

Тогда, на слѣдующій (1398) годъ, весною, Новгородцы сказали своему господину владыкѣ отцу Іоанну: „Не можемъ, господинъ отецъ, терпѣть такого насилія отъ своего князя великаго, Василія Димитріевича, что отнялъ у насъ, у св. Софіи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, хотимъ поискать ихъ“:—и цѣловали крестъ всѣ за одинъ братъ, что отыскивать имъ пригородовъ и волостей св. Софіи и Великаго Новгорода, сказали: „Или найдемъ свою отчину, или головы свои положимъ за св. Софію и за своего господина, за Великій Новгородъ“. Владыко Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей—и Новгородцы съ тремя воеводами отправились за Волокъ, на Двину, къ городку Орлецу. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ вельскій волостель Владыкинъ, Исаія, и сказалъ: „Господа воеводы Новгородскіе! наѣхалъ князя великаго бояринъ Андрей съ Двинянами на Софійскую волость Вель, въ самый великъ день, волость св. Софіи повоевали, а на головахъ окупъ взяли; отъ великаго князя пріѣхалъ въ засаду, на Двину, князь Ѳедоръ Ростовской городокъ беречь, судить и пошлины брать съ новгородскихъ волостей, а двинскіе воеводы, Иванъ да Конопъ, со своими друзьями, волости новгородскія и бояръ новгородскихъ подѣлили себѣ на части“. Услыхавши объ этомъ, новгородскіе воеводы сказали другъ другу: „братья! если такъ вздумалъ господинъ нашъ князь великій съ клятвопреступниками двинскими воеводами, то лучше намъ умереть за св. Софію, чѣмъ быть въ обидѣ отъ своего великаго князя; — и пошли на великокняжескія

волости, на Бѣлоозеро, взяли ихъ на щитъ, повоевали и пожгли; старый городокъ бѣлозерскій пожгли, а изъ новаго вышли князья бѣлозерскіе съ великокняжескими воеводами и добили челомъ воеводамъ новгородскимъ и всему войску, заплативши 60 рублей окупа. Новгородцы захватили и кубенскія волости, воевали около Вологды, взяли и сожгли Устюгъ, гдѣ оставались четыре недѣли, отсюда двое воеводъ съ дѣтьми боярскими ходили къ Галичу и только одного дня не дошли до него. Добычу взяли Новгородцы страшную: плѣнниковъ отпустили на окупъ, потому что уже ладьи не подымали, и многое принуждены были бросить. Съ Устюга Двиною пошли Новгородцы къ городку Орлецу, стояли подъ нимъ четыре недѣли, но когда начали бить пороками, то Двиняне вышли изъ городка съ плачемъ, и воеводы, по новгородскому слову, приняли ихъ челобитье, схватили только воеводъ заволоцкихъ, которые водили Двинскую землю на зло, по словамъ лѣтописца: однихъ казнили смертію, другихъ сковали, у князя Ѳедора Ростовскаго взяли присудъ и пошлины, которые онъ побралъ, а самого съ товарищами оставили въ живыхъ; у гостей великокняжескихъ взяли окупа 300 рублей; у Двинянъ, за ихъ вину, взяли 2000 рублей, да 3000 лошадей. Съ торжествомъ возвратилось новгородское войско домой, изъ 3000 человѣкъ потерявши только одного. Плѣнный воевода заволоцкій, Иванъ Никитинъ, какъ главный перевѣтникъ, скинутъ былъ съ моста; братья его Герасимъ и Родіонъ выпросили себѣ у Великаго Новгорода жизнь, съ условіемъ постричься въ монахи; четвертый Анфалъ убѣжалъ съ дороги; за нимъ погнался Яковъ Прокофьевъ, съ 700 человѣкъ, и пригналъ къ Устюгу, гдѣ въ то время былъ ростовскій архіепископъ Григорій и князь Юрій Андреевичъ; Яковъ спросилъ владыку Григорія, князя Юрія и Устюжанъ: „стоите ли за бѣглеца новгородскаго Анфала?“ Тѣ отвѣчали, что не стоятъ. Тогда Яковъ пошелъ дальше за Анфаломъ и настигъ его за Медвѣжьею горою, гдѣ бѣглецъ съ товарищами своими устроилъ себѣ острогъ и бился изъ-за него съ Новгородцами; Устюжане обманули Якова, и въ числѣ 2000 человѣкъ пришли на помощь къ Анфалу, и бились съ Новгородцами крѣпко на рѣкѣ Сухонѣ, у порога Стрѣльнаго: Яковъ побѣдилъ, убилъ 400 человѣкъ Устюжанъ и дружины Анфаловой, перетопилъ другихъ въ Сухонѣ, но самъ Анфалъ убѣжалъ въ Устюгъ. Это было уже въ 1399 году, но еще въ предыдущемъ 1398 Новго-

родцы, несмотря на свои успѣхи, отправили къ великому князю архимандрита, посадника, тысяцкаго и двоихъ житыхъ людей со вторичною просьбою о мирѣ, и получили его на старинныхъ условіяхъ [11].

Но въ Москвѣ не могли забыть неудачи относительно Заволоцкаго края, не могли забыть и того, что владыка Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ на войну съ великимъ княземъ. Въ 1401 году владыка былъ позванъ къ митрополиту Кипріану въ Москву для святительскихъ дѣлъ, но былъ задержанъ тамъ, и пробылъ въ наказаніи и смиреніи слишкомъ три года. Въ то же время на Двинѣ возобновлена была прежняя попытка; извѣстный намъ Анфалъ Никитинъ съ братомъ Герасимомъ, которому удалось выбѣжать изъ новгородскаго монастыря [12], съ полками великокняжескими явились нежданно въ Двинской землѣ и взяли ее всю на щитъ, жителей посѣкли и повѣшали, имѣніе ихъ забрали, захватили и посадниковъ двинскихъ; но трое изъ нихъ, собравши Вожанъ, нагнали Анфала и Герасима, бились съ ними на Холмогорахъ, и отняли у нихъ бояръ новгородскихъ. Въ то же время великій князь послалъ двоихъ бояръ своихъ съ 300 человѣкъ въ Торжокъ, гдѣ они захватили двоихъ бояръ новгородскихъ и взяли имѣніе ихъ, хранившееся въ церкви. Какъ шли дѣла дальше неизвѣстно; въ 1402 году великій князь отпустилъ бояръ новгородскихъ, захваченныхъ въ Торжкѣ, а въ 1404 отпущенъ былъ и владыко Іоаннъ [13]. Потомъ подъ 1406 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о пріѣздѣ въ Новгородъ князя Петра, брата великокняжескаго; въ 1408 году великій князь послалъ намѣстникомъ въ Новгородъ брата своего Константина, чего уже давно не бывало. Анфалъ Никитичъ не безпокоилъ болѣе владѣній новгородскихъ: въ 1409 году онъ пошелъ съ Вятчанами Камою и Волгою на городъ Болгары, но былъ разбитъ Татарами и отведенъ въ Орду; избавившись отъ плѣна, онъ явился опять въ Вятку, но былъ здѣсь убитъ другимъ новгородскимъ бѣглецомъ Разсохинымъ; въ 1418 году этотъ Разсохинъ шелъ по слѣдамъ Анфала относительно Новгорода; въ 1417 году изъ Вятки, изъ отчины великаго князя, какъ выражается новгородскій лѣтописецъ, бояринъ князя Юрія Димитріевича, Глѣбъ Семеновичъ съ новгородскими бѣглецами—Жадовскимъ и Разсохинымъ, съ Устюжанами и Вятчанами, наѣхали въ насадахъ, безъ вѣсти, на Заволоцкую землю, и повоевали волости Борокъ, Емцу [14] и Холмогоры, захватили и двоихъ бояръ новгородскихъ.

По четверо другихъ бояръ новгородскихъ нагнали Глѣба Семеновича и отбили свою братью со всѣми другими плѣнниками и добычею, послѣ чего четверо воеводъ новгородскихъ пошли съ Заволочанами въ погоню за разбойниками и пограбили Устюгъ [15]. Это было послѣднее враждебное столкновеніе Москвы съ Новгородомъ въ княженіе Василія Димитріевича, который первый ясно показалъ намѣреніе примыслить къ Москвѣ Заволоцкія владѣнія. Овладѣвши Нижнимъ Новгородомъ съ помощію тамошнихъ бояръ, великій князь попытался сдѣлать тоже самое и въ Двинской области; первая попытка была неудачна; но московскій князь, вѣрный преданіямъ своего рода, не теряетъ надежды на успѣхъ, повторяетъ попытку, не упускаетъ изъ виду разъ намѣченной цѣли. Почетный пріемъ, оказанный Новгородцами въ 1419 году князю Константину Димитріевичу, поссорившемуся со старшимъ братомъ, какъ видно, не имѣлъ непріятныхъ слѣдствій для Новгорода [16].

Слѣды внутренняго раздѣленія въ Новгородѣ, раздѣленія между лучшими и меньшими людьми, опять обнаруживаются: въ 1418 году какой-то простолюдинъ Степанъ схватилъ боярина Даніила Ивановича, и сталъ кричать прохожимъ: „Господа, помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ“! Прохожіе кинулись на Даніила, поволокли его къ толпѣ, собравшейся на вѣчѣ, и стали бить; между прочимъ выскочила изъ толпы какая-то женщина и начала бранить и бить его, какъ неистовая, крича, что онъ ее обидѣлъ; наконецъ полумертваго Даніила свели съ вѣча и сбросили съ моста; но одинъ рыбакъ, Личковъ сынъ, захотѣлъ ему добра и взялъ на свой челнъ; народъ разъярился на рыбака и разграбилъ его домъ, а самъ онъ успѣлъ скрыться. Дѣло этимъ не кончилось, потому что бояринъ Даніилъ хотѣлъ непремѣнно отомстить Степану: онъ схватилъ его и сталъ мучить. Когда разнеслась въ народѣ вѣсть, что Степанъ схваченъ, то зазвонили вѣче на дворѣ Ярославовомъ, собралось множество народа, и нѣсколько дней сряду кричали: „Пойдемъ на этого Даніила, разграбимъ его домъ!“ Подняли доспѣхи, развернули знамя и пошли на Козмодемьянскую улицу, гдѣ разграбили домъ Даніиловъ и много другихъ домовъ, а на Яневой улицѣ пограбили берегъ. Тогда Козмодемьянцы, боясь, чтобъ не было съ ними чего хуже, рѣшились выпустить Степана, и, пришедши къ архіепископу, стали умолять его, чтобъ вступился въ дѣло, и послалъ къ людскому собранію; святитель исполнилъ ихъ просьбу и

послалъ священника козмодемьянскаго вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ, которые и освободили Степана. Но и этимъ дѣло не кончилось: народъ всталъ какъ пьяный на другаго боярина, Ивана Іевлича, разграбилъ его домъ на Чудинцевой улицѣ и много другихъ домовъ боярскихъ, мало того, разграбили и Никольскій монастырь на полѣ, говоря, что тутъ житницы боярскія; потомъ, въ то же утро, разграбили много дворовъ на Люгощѣ улицѣ, говоря, что тамъ живутъ ихъ супостаты; пришли было и на Прусскую улицу, но жители ея отбились отъ грабителей, и это послужило поводомъ къ большему смятенію. Вѣчники прибѣжали на свою торговую сторону и начали кричать, что Софійская сторона хочетъ на нихъ вооружиться и домы ихъ грабить, начали звонить по всему городу,—и вотъ съ обѣихъ сторонъ толпы повалили, какъ на рать, въ доспѣхахъ, на большой мостъ; стали уже и падать мертвые: одни отъ стрѣлъ, другіе отъ лошадей; въ то же самое время страшная гроза разразилась надъ городомъ съ громомъ и молніею, дождемъ и градомъ; ужасъ напалъ на обѣ стороны, и многіе начали уже переносить имѣніе свое въ церкви. Тогда владыка Симеонъ пошелъ въ церковь св. Софіи, облачился, велѣлъ взять крестъ и образъ Богородицы, и пошелъ на большой мостъ, за нимъ слѣдовали священники, причетъ церковный и толпа народу. Многіе добрые люди плакали, говоря: „да укротитъ Господь народъ, молитвами господина нашего святителя“; другіе, припадая къ ногамъ владыки, съ плачемъ говорили: „Иди, святитель, благослови народъ, да утишитъ Господь твоимъ благословеніемъ усобную рать“; а иные прибавляли: „пусть все зло падетъ на зачинщиковъ“. Между тѣмъ крестный ходъ, не взирая на тѣсноту отъ вооруженныхъ людей, достигъ большаго моста; владыка сталъ посреди него и началъ благословлять крестомъ на обѣ стороны: тогда одни, видя крестъ, начали кланяться, другіе прослезились; отъ Софійской стороны пришелъ старый посадникъ Ѳедоръ Тимоѳеевичъ съ другими посадниками и тысяцкими, и сталъ просить владыку, чтобъ установилъ народъ; владыка послалъ духовника своего, архимандрита Варлаама, и протодьякона на дворъ Ярославовъ къ св. Николѣ, отнести благословеніе степенному посаднику Василью Осиповичу, тысяцкому, всему народу, и сказать имъ, чтобъ расходились по домамъ. Тѣ отвѣчали: „Пусть святитель прикажетъ своей сторонѣ разойтись.

а мы здѣсь своимъ, по его благословенію, приказываемъ то же самое",—и такимъ образомъ всѣ разошлись.

Мы видѣли, какъ дорого поплатились Новгородцы за своихъ ушкуйниковъ при Димитріи Донскомъ; это заставляло ихъ строго смотрѣть, чтобы шайки людей, обремененныхъ долгами, холопей, рабовъ не собирались въ ихъ волостяхъ и не отправлялись разбойничать на Волгу; это же повело и къ ссорѣ Новгорода со Псковомъ въ 1390 году. Пошли Новгородцы съ войскомъ ко Пскову подъ предводительствомъ князя Семена Ольгердовича и стали на Солцѣ [18]; но тутъ явились къ нимъ послы псковскіе и заключили миръ съ обязательствомъ не вступаться за должниковъ, холопей и рабовъ, которые ходили на Волгу, но выдавать ихъ. Ушкуйничество впрочемъ не прекратилось: подъ слѣдующимъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, Устюжане и другіе собрались и пошли въ насадахъ и ушкуяхъ рѣками Вяткою и Камою, взяли Жукотинъ, Казань, выплыли потомъ на Волгу и пограбили всѣхъ гостей. Не прекратилась и вражда Новгорода со Псковомъ: въ 1394 году Новгородцы пошли съ войскомъ ко Пскову, и стояли подъ нимъ 8 дней; былъ у нихъ бой съ Псковичами, гдѣ они потерпѣли неудачу и принуждены были ночью бѣжать домой, побросавши свои стѣнобитныя орудія; вслѣдствіе этого-то неудачнаго похода свергнутъ былъ, какъ видно, посадникъ Осипъ Захаровичъ. Несмотря однако на свое торжество, Псковичи не хотѣли продолжать войны съ старшимъ братомъ и отправили пословъ въ Новгородъ: но на этотъ разъ послы возвратились безъ мира; черезъ два года явились въ Новгородъ новые знатные послы изъ Пскова и били челомъ владыкѣ Іоанну: „Чтобъ ты, господинъ, благословилъ дѣтей своихъ Великій Новгородъ, чтобъ господинъ нашъ Великій Новгородъ нелюбье намъ отдалъ, и принялъ бы насъ въ старину". Владыка благословилъ дѣтей своихъ: „Вы бы, дѣти, мое благословеніе приняли, Псковичамъ нелюбье отдали, и свою братью младшую приняли по старинѣ; потому что, дѣти, видите, уже послѣднее время приходитъ, надобно всѣмъ христіанамъ быть за одно". Новгородцы послушались и заключили миръ по старинѣ.

Но если послѣ этого не было войны между Новгородомъ и Псковомъ, за то не было и единодушнаго союза между ними, какого желалъ владыка; и послѣ Псковскій лѣтописецъ постоянно жалуется, что Новгородцы не помогаютъ Псковичамъ. Отношенія между

старшимъ и младшимъ братомъ были таковы, что они не могли дѣйствовать заодно; но этотъ недостатокъ единства между ними пролагалъ московскимъ князьямъ путь къ усиленію своей власти, къ собранію Русской земли. Дѣйствительно, по словамъ новгородскаго владыки, приходило теперь послѣднее время, но послѣднее время для особаго существованія Новгорода, Пскова и другихъ русскихъ волостей. Угрожаемый Нѣмцами и Литвою, оставляемый безъ помощи Новгородомъ, Псковъ необходимо долженъ былъ обратиться къ сильному князю московскому, который теперь имѣлъ возможность заняться его дѣлами, оборонить отчину св. Ольги, и вотъ съ послѣдняго года XIV вѣка во Псковѣ происходитъ важная перемѣна: онъ начинаетъ принимать князей отъ руки великаго князя московскаго. Такимъ образомъ сынъ Донскаго примыслилъ богатыя волости на берегахъ Оки и Волги, утвердилъ свое вліяніе во Псковѣ, заставилъ Новгородцевъ держать свое княженіе честно и грозно, потому что грозилъ постоянно ихъ богатымъ колоніямъ заволоцкимъ. Рязань и Тверь, слабыя, волнуемыя усобицами, не могли и думать о борьбѣ съ Москвою, но все болѣе и болѣе подчинялись ея вліянію. Въ 1402 году великій князь московскій Василій отъ имени всѣхъ родичей—дяди Владиміра Андреевича и троихъ родныхъ братьевъ Юрія, Андрея и Петра—заключилъ договоръ съ великимъ княземъ рязанскимъ, Θеодоромъ Ольговичемъ. Въ этомъ договорѣ московскій князь дѣлитъ своихъ родичей на два разряда: братьевъ младшихъ (князь Владиміръ Андреевичъ и князь Юрій Димитріевичъ) и братьевъ меньшихъ (князь Андрей и Петръ Димитріевичи). Великій князь рязанскій обязывается держать великаго князя московскаго старшимъ братомъ, младшихъ его братьевъ равными себѣ братьями, меньшихъ братьевъ младшими. Обязывается не приставать къ Татарамъ; выговариваетъ себѣ право отправлять посла (киличея) въ Орду съ подарками, право принять у себя татарскаго посла съ честію для добра христіанскаго; но при этомъ обязывается давать знать въ Москву, если вздумаетъ послать киличея, равно какъ передавать въ Москву всѣ вѣсти ордынскія. „А отдалится отъ насъ Орда, тогда тебѣ съ нами учинить по думѣ,“ прибавляетъ великій князь московскій. Не разъ было упомянуто о наслѣдственной враждѣ между великими князьями рязанскимъ и пронскимъ; московскій князь ставитъ себя посредникомъ между ними и вноситъ въ договоръ слѣдующее условіе: „Съ княземъ великимъ Иваномъ Владиміро-

вичемъ (пронскимъ) взять любовь по прежнимъ грамотамъ; а если учинится между васъ какая обида, то вамъ послать бояръ своихъ для рѣшенія спора; если же они не рѣшатъ, то третій (судья) имъ митрополитъ: кого митрополитъ обвинитъ, тотъ и долженъ отдать обидное; а не отдастъ, то я, великій князь Василій Димитріевичъ, заставлю его исправиться." Московскій князь обязываетъ рязанскаго помириться съ князьями новосильскимъ и торускимъ [19] по прежнимъ грамотамъ, и жить съ ними безъ обиды, потому что тѣ князья одинъ человѣкъ съ московскимъ. Если случится у этихъ князей споръ съ княземъ рязанскимъ о землѣ или о водѣ, то рѣшаютъ его бояре, высланные съ обѣихъ сторонъ; если же бояре не уладятся, то избираютъ третьяго судью, приговоръ котораго приводится въ исполненіе княземъ московскимъ. Если князь литовскій Витовтъ захочетъ любви съ княземъ рязанскимъ, то послѣдній можетъ взять съ нимъ любовь, но только по думѣ съ княземъ московскимъ, какъ будетъ годно. Но несмотря на посредничество московскаго князя, вражда между князьями рязанскимъ и пронскимъ не стихла: въ 1408 году князь Иванъ Владиміровичъ пронскій пришелъ нечаянно съ Татарами и выгналъ изъ Рязани князя Ѳедора Ольговича, который бѣжалъ за Оку. Московскій князь послалъ на помощь къ изгнанному воеводъ коломенскаго и муромскаго съ тамошними полками; на рѣкѣ Смядвѣ [20] встрѣтились они съ пронскимъ княземъ и были разбиты: коломенскій воевода былъ убитъ, муромскій взятъ въ плѣнъ. Несмотря однако на эту побѣду, пронскій князь уступилъ Рязань опять Ѳедору, вѣроятно вслѣдствіе угрозъ князя московскаго.

Въ 1399 году умеръ тверской князь Михаилъ, послѣдній опасный соперникъ московскаго князя. Договорная грамота его съ сыномъ Донскаго дошла до насъ [21]: въ ней отношенія князя тверскаго къ московскому и его братьямъ не опредѣлены родовыми счетами: Михаилъ называется просто братомъ Василія. Тверской князь обязывается за себя, за дѣтей своихъ, за внучатъ и за племянниковъ не искать ни Москвы, ни великаго княженія Владимірскаго, ни Великаго Новгорода; обязывается быть за одно съ московскимъ княземъ на Татаръ, на Литву, на Нѣмцевъ и Ляховъ. Если на московскихъ князей нападутъ Татары, Литва, Нѣмцы или Поляки, и самъ Василій съ братьями сядетъ на коня, то Михаилъ обязанъ послать къ нимъ на помощь двоихъ сыновей, да двоихъ племянни-

ковъ, оставивъ у себя одного сына; если же Татары, Литва или Нѣмцы нападутъ на тверское княжество, то московскій князь обязанъ самъ идти на помощь къ Михаилу съ своею братьею. Эта разница въ обязательствахъ объясняется старостію Михаила относительно Василія. Тверской князь обязанъ объявить Витовту литовскому, что онъ одинъ человѣкъ съ Московскимъ княземъ. Къ Ордѣ тверскому князю путь чистъ, равно его дѣтямъ, внучатамъ и людямъ. Въ первый разъ московскій князь упоминаетъ о князьяхъ, которыхъ ему или его младшей братьи Богъ поручилъ: если ктонибудь изъ нихъ отъѣдетъ къ тверскому князю, то послѣдній не можетъ вступаться въ ихъ вотчины: онѣ остаются за московскимъ княземъ.

Распредѣленіе тверскихъ волостей между сыновьями, сдѣланное княземъ Михаиломъ, замѣчательно: и здѣсь ясно обнаруживается намѣреніе завѣщателя увеличить волость старшаго брата предъ волостями младшихъ, чтобъ сдѣлать возстаніе послѣднихъ и усобицы невозможными: старшій сынъ Михаила, Иванъ, получилъ Тверь съ семью городами, а двое другихъ сыновей, Василій и Ѳедоръ, только по два города; притомъ можно думать, что въ кашинскомъ же удѣлѣ второго сына, Василія Михайловича, помѣщенъ былъ и внукъ Михаиловъ Иванъ, сынъ умершаго при жизни отцовой Бориса Михайловича [22]. Мы видѣли упорную борьбу Михаила съ Димитріемъ московскимъ, которая обличала большую энергію въ тверскомъ князѣ; мы видѣли также стремленіе Михаила подчинить себѣ кашинское княжество; это стремленіе увѣнчалось успѣхомъ, несмотря на сопротивленіе Москвы, ибо мы видимъ Кашинъ во власти Михаила, и онъ завѣщаетъ этотъ городъ второму сыну своему Василію. Миръ, господствовавшій въ тверскихъ волостяхъ въ продолженіе 25 лѣтъ по окончаніи борьбы съ Москвою, далъ Михаилу досугъ обратить свою дѣятельность на устроеніе внутренняго наряда, и авторъ сказанія о его смерти говоритъ, что въ княженіе его разбойники, воры и ябедники исчезли, корчемники, мытари и торговыя злыя тамги истребились, о насиліяхъ и грабежахъ нигдѣ не было слышно; вообще о Михаилѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ такой отзывъ: былъ онъ крѣпокъ, сановитъ и смышленъ, взоръ имѣлъ грозный и дивный.

Новый тверской князь Иванъ Михайловичъ, по обычаю, немедленно же хотѣлъ воспользоваться полученными отъ отца средствами для приведенія въ свою волю младшихъ братьевъ. Тверскіе бояре

великокняжескіе начали обижать удѣльныхъ князей; Василій Михайловичъ кашинскій пришелъ къ своей матери, великой княгинѣ Евдокіи, и сталъ говорить ей: „Бояре брата нашего крестное цѣлованіе къ намъ сложили, тогда какъ они клялись отцу нашему хотѣть намъ добра.“ Великая княгиня тотчасъ же отправила своихъ бояръ съ боярами младшихъ сыновей къ старшему, которому они должны были сказать: „Господинъ князь великій! вопреки грамотѣ отца нашего, бояре твои сложили къ намъ крестное цѣлованіе, и тыбъ, господинъ князь великій, пожаловалъ, велѣлъ своимъ боярамъ крестное цѣлованіе держать по грамотамъ отца нашего.“ Но Иванъ велѣлъ имъ прямо сказать, что бояре тверскіе сложили къ нимъ крестное цѣлованіе по его приказу, и началъ съ тѣхъ поръ сердиться на мать, братьевъ и племянника. Но мать послѣдняго, вдова Бориса Михаиловича, родомъ Смолянка, взяла сына, боярина Воронца и явилась въ Тверь къ великому князю съ оправданіемъ, что она не посылала своихъ бояръ вмѣстѣ съ другими удѣльными. Эта лукавая лесть, по выраженію лѣтописца, понравилась Ивану; онъ отнялъ у брата, Василія Кашинскаго, Луское озеро и отдалъ его племяннику Ивану Борисовичу. Тщетно Василій чрезъ владыку тверскаго Арсенія просилъ у брата общаго суда; тотъ велѣлъ отвѣчать: „суда тебѣ не дамъ.“ Скоро Иванъ успѣлъ примыслить новую волость къ своей отчинѣ: въ 1402 году умеръ двоюродный братъ его Иванъ Всеволодовичъ Холмской, и мимо роднаго брата Юрія отказалъ свой удѣлъ сыну великаго князя Александру [23], въ слѣдующемъ году этотъ Александръ выгналъ дядю Василія Михайловича изъ Кашина; тотъ убѣжалъ въ Москву, и великій князь Василій успѣлъ на этотъ разъ помирить его съ старшимъ братомъ; но черезъ годъ, когда Кашинскій князь пріѣхалъ за чѣмъ-то въ Тверь къ старшему брату, то послѣдній велѣлъ схватить его вмѣстѣ съ боярами; двоюродный братъ ихъ, Юрій Всеволодовичъ, боясь такой же участи, убѣжалъ въ Москву; неизвѣстно, что заставило Ивана выпустить своего плѣнника и поцѣловать съ нимъ крестъ; но черезъ мѣсяцъ Кашинскій князь былъ уже въ Москвѣ, и тверскіе намѣстники сидѣли въ Кашинѣ, угнетая его жителей продажами и грабежомъ. Дѣла литовскія мѣшали московскому великому князю вступиться въ усобицу тверскихъ князей. Какъ видно, онъ далъ изгнанному Василію Михайловичу Переяславль въ кормленіе; но когда явился изъ Литвы болѣе важный для Москвы выходецъ, князь Александръ Нелюбъ,

то великій князь Василій отдалъ Переяславль ему; вѣроятно это самое обстоятельство заставило Кашинскаго князя вступить въ переговоры съ старшимъ братомъ своимъ, Иваномъ Тверскимъ, который возвратилъ ему Кашинъ.

Между тѣмъ Юрій Всеволодовичъ Холмской все жилъ въ Москвѣ. и вдругъ въ 1407 году поѣхалъ въ Орду искать великаго княженія тверскаго подъ двоюроднымъ братомъ своимъ, Иваномъ. Послѣдній. узнавъ объ этомъ, также отправился въ Орду судиться съ Юріемъ; но легко было предвидѣть, кто изъ двухъ будетъ оправданъ на этомъ судѣ: богатый ли Иванъ, или беземельный Юрій? Всѣ князья ордынскіе, говоритъ лѣтописецъ, оправили князя Ивана Михайловича и съ честію отпустили его въ Тверь, а Юрій остался въ Ордѣ. Въ 1408 году поднялась вражда между княземъ Иваномъ Михайловичемъ и племянникомъ его Иваномъ Борисовичемъ, которому онъ до сихъ поръ покровительствовалъ: услыхавъ о приближеніи дяди съ войскомъ къ Кашину, Иванъ Борисовичъ бѣжалъ въ Москву; но мать его отвезена была плѣнницею въ Тверь, и въ Кашинѣ сѣли намѣстники великаго князя тверскаго, т.-е., какъ надобно полагать, въ той части Кашина, которою владѣлъ Иванъ Борисовичъ, ибо тутъ же сказано, что князь Иванъ Михайловичъ заключилъ миръ съ братомъ своимъ, Василіемъ кашинскимъ. Миръ этотъ однако продолжался не болѣе трехъ лѣтъ: въ 1412 году встало опять между братьями нелюбье великое, по выраженію лѣтописца: князь Иванъ Михайловичъ тверской велѣлъ схватить брата своего, Василія Михайловича кашинскаго, вмѣстѣ съ женою, боярами и слугами; княгиню велѣлъ отвезти въ Тверь, а самого Василія Михайловича въ Старицу; но при переправѣ черезъ рѣку Тмаку, когда всѣ провожатые сошли съ лошадей, князь въ одномъ терликѣ, безъ кивера, погналъ свою лошадь въ бродъ, переправился черезъ рѣку и потомъ поскакалъ по неѣзжалымъ дорогамъ; въ одномъ селѣ посчастливилось ему найти преданнаго человѣка, который заботился объ немъ, укрывалъ въ лѣсу, перенималъ вѣсти и, улучивъ наконецъ удобное время, убѣжалъ съ княземъ въ Москву.

Въ это самое время явился изъ Орды въ Тверь посолъ лютый звать князя Ивана къ хану; тотъ поѣхалъ; но еще прежде него отправился въ Орду изъ Москвы братъ его Василій, прежде и возвратился, и пользуясь отсутствіемъ старшаго брата попытался было овладѣть Кашиномъ съ Татарами; но князь Иванъ Борисовичъ съ

тверскою заставою (гарнизономъ) не пустилъ его въ городъ. Это показываетъ вопервыхъ, что Василій успѣлъ склонить хана на свою сторону, ибо тотъ далъ ему Татаръ въ помощь, вовторыхъ видимъ, что князь Иванъ Борисовичъ помирился уже съ старшимъ дядею и дѣйствовалъ за него противъ младшаго. Скоро перемѣна хана въ Ордѣ перемѣнила и дѣла тверскія: враждебный князю Ивану Михайловичу ханъ Зелени-Салтанъ былъ убитъ, и пріемникъ его отпустилъ тверскаго князя съ честію и пожалованіемъ [24].

Этимъ оканчиваются извѣстія о тверскихъ дѣлахъ въ княженіе Василія Димитріевича. Дѣла ордынскія и литовскія мѣшали московскому князю пользоваться тверскими усобицами; спачала князь Иванъ Михайловичъ былъ въ союзѣ съ Москвою и послалъ полки свои на помощь Василію Димитріевичу противъ Витовта къ рѣкѣ Плавѣ; но тутъ московскій князь скрылъ свои переговоры съ Витовтомъ отъ князей и воеводъ тверскихъ, кромѣ того, въ договорной грамотѣ съ литовскимъ княземъ написалъ имя тверскаго великаго князя ниже именъ родныхъ братьевъ своихъ Димитріевичей, вслѣдствіе чего Тверичи съ гнѣвомъ ушли домой, и князь ихъ съ тѣхъ поръ пересталъ помогать Москвѣ [25]. Несмотря на то однако онъ не смѣлъ и думать объ открытой борьбѣ съ Москвою. Опасеніе тверскаго князя затронуть могущественную Москву видно изъ того, что когда Эдигей, во время осады Москвы, послалъ звать его къ себѣ на помощь съ войскомъ, то князь Иванъ показалъ видъ, что послушался приказа, и поѣхалъ къ Эдигею, только одинъ, безъ войска; а потомъ, подъ предлогомъ болѣзни, возвратился съ дороги. Современники считали этотъ поступокъ тверскаго князя мастерскимъ дѣломъ; вотъ что говоритъ лѣтописецъ: „Таковымъ коварствомъ перемудрова, ни Эдигея разгнѣва, ни князю великому погруби, обоимъ обоего избѣжа; се же створи умениски, паче же истински“.

Тверской князь боялся князя московскаго наравнѣ съ ханомъ татарскимъ: это всего лучше показываетъ значеніе Москвы при сынѣ Донскаго; несмотря на то Василій Димитріевичъ не могъ еще смотрѣть на хана, какъ только на равнаго себѣ владѣтеля, не могъ совершенно избавиться отъ зависимости ордынской. Мы видѣли, что въ началѣ своего княженія московскій князь ѣздилъ въ Орду искать благосклонности Тохтамыша, съ ярлыкомъ котораго овладѣлъ Нижнимъ. Между тѣмъ лѣтописи говорятъ о нападеніяхъ

Татаръ на Рязань: два раза пустошили оннэто пограничное съ степью княжество безнаказанно, въ третій были побиты княземъ Олегомъ; въ 1391 году Тохтамышъ послалъ какаго-то царевича Бектута, которому удалось взять Вятку, перебить и поплѣнить ея жителей; какъ видно этотъ походъ былъ предпринятъ съ цѣлію отомстить Вятчанамъ за ихъ ушкуйничество. Болѣе важныхъ предпріятій нельзя было ожидать со стороны Тохтамыша, потому что къ смятеніямъ внутреннимъ присоединилась еще борьба съ Тамерланомъ. Въ концѣ XIV вѣка для Азіи повторились времена Чингисхановы: сынъ небогатаго Чагатайскаго князька, Тимуръ или Тамерланъ, началъ въ половинѣ XIV вѣка поприще свое мелкимъ грабежомъ и разбоями, а въ 1371 году владѣлъ уже землями отъ Каспійскаго моря до Манжуріи. Ему былъ обязанъ Тохтамышъ престоломъ Кипчакскимъ; но не хотѣлъ быть благодарнымъ и вооружился противъ Тамерлана. Въ 1395 году, на берегахъ Терека, Тохтамышъ потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ лѣсахъ болгарскихъ, а Тамерланъ вошелъ въ русскіе предѣлы, взялъ Елецъ, плѣнилъ его князя, опустошилъ окрестную страну. Нападеніе не было нечаянное и Василій Димитріевичъ имѣлъ время приготовиться: онъ собралъ большое войско и сталъ на границѣ своего княжества, на берегу Оки. Но онъ не дождался врага; простоявши 15 дней въ землѣ рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерланъ вышелъ изъ русскихъ предѣловъ въ тотъ самый день, когда москвичи встрѣтили образъ Богородицы, принесенный изъ Владиміра.

Послѣ разгрома тамерланова Золотая Орда долго не была опасна московскому князю; въ продолженіе 12 лѣтъ лѣтописецъ раза три упоминаетъ только о пограничныхъ сшибкахъ хищническихъ отрядовъ татарскихъ съ рязанцами, при чемъ успѣхъ большею частію оставался на сторонѣ послѣднихъ. Нѣсколько хановъ перемѣнилось въ Ордѣ, а великій князь московскій не думалъ не только самъ ѣздить къ нимъ на поклонъ, но даже не посылалъ никого; на требованіе дани отвѣчалъ, что княжество его стало бѣдно людьми, не на комъ взять выхода, тогда какъ татарская дань съ двухъ сохъ по рублю шла въ казну великокняжескую. Наконецъ обращеніе съ Татарами перемѣнилось въ областяхъ московскихъ: надъ послами и гостями ордынскими начали смѣяться и мстить имъ за прежнее разными притѣсненіями [26]. Въ это время, какъ во время Мамаево,

всѣми дѣлами въ Ордѣ завѣдывалъ князь Эдигей; долго терпѣлъ онъ презрительное обращеніе московскаго князя съ бывшими повелителями; наконецъ рѣшился напомнить ему о себѣ. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмѣлился явно напасть на Москву, встрѣтиться въ чистомъ полѣ съ ея полками; только отъ хитрости и тайны ждалъ онъ успѣха; далъ знать великому князю, что ханъ со всею Ордою идетъ на Витовта, а самъ съ необыкновенною скоростію устремился къ Москвѣ. Василій Димитріевичъ, застигнутый врасплохъ, оставилъ защищать Москву дядю Владиміра Андреевича, да братьевъ своихъ Андрея и Петра Димитріевичей, а самъ съ княгинею и дѣтьми уѣхалъ въ Кострому. Жители Москвы смутились, отъ страха побѣжали въ разныя стороны, не заботясь объ имѣніи, чѣмъ воспользовались разбойники и воры и наполнили свои руки богатствомъ. Посады были уже выжжены, когда явились Татары Эдигеевы и со всѣхъ сторонъ облегли городъ. Остановившись у Москвы, Эдигей разослалъ въ разныя стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верею, Новгородъ Нижній, Городецъ, Клинъ; много народу погибло отъ Татаръ, много и отъ жестокаго холоду и вьюгъ. Тридцати-четырехъ тысячный отрядъ посланъ былъ въ погоню за великимъ княземъ, но не успѣлъ догнать его. Между тѣмъ Эдигей стоялъ спокойно подъ Кремлемъ; сберегая людей и помня неудачу Тохтамышеву, онъ не дѣлалъ приступовъ, а хотѣлъ зимовать и принудить къ сдачѣ голодомъ; уже мѣсяцъ стоялъ Эдигей подъ Москвою, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть изъ Орды отъ хана, чтобъ шелъ немедленно домой, потому что какой-то царевичъ напалъ на хана. Осажденные ничего не знали объ этомъ, и когда Эдигей прислалъ къ нимъ съ мирными предложеніями, то они съ радостію заплатили ему три тысячи рублей за отступленіе; Эдигей поспѣшно поднялся и вышелъ изъ русскихъ предѣловъ, взявши по дорогѣ Рязань (1408 г.).

Но и послѣ нашествія эдигеева московскій князь три года не ѣздилъ въ Орду самъ и не посылалъ туда ни родственниковъ своихъ, ни бояръ большихъ; только въ 1412 году, когда новый ханъ Зелени-Салтанъ (Джелаледдинъ Султанъ), сынъ Тохтамыша, далъ изгнаннымъ нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ на ихъ отчину, Василій Димитріевичъ поѣхалъ въ Орду съ большимъ богатствомъ и со всѣми своими вельможами. Это послѣднее извѣстіе объ отноше-

ніяхъ Москвы къ Ордѣ въ княженіе Василія Димитріевича; послѣ встрѣчаемъ только извѣстія о нападеніяхъ татарскихъ на пограничныя съ степью русскія области: въ 1410 году Татары напали нечаянно на Рязань, но были отбиты и потеряли добычу; въ 1414 они воевали по Задонью, взяли Елецъ и убили тамошняго князя; въ 1422 году они прогнаны были изъ области одоевской; въ 1424 году ханъ Кундадатъ вошелъ въ одоевскую область, простоялъ здѣсь три недѣли и отправился къ Рязани; но здѣсь встрѣченъ былъ русскими войсками и пораженъ [27].

Опаснѣе была Литва. Когда еще въ 1386 году Василій Димитріевичъ спасался бѣгствомъ изъ Орды отъ Тохтамыша, то, разумѣется, не могъ бѣжать прямо дорогою, а направлялъ путь къ западнымъ странамъ, свободнымъ отъ татарскаго вліянія; сначала онъ укрылся въ Молдавіи, а оттуда пробирался въ Москву чрезъ литовскія владѣнія; извѣстія разногласятъ на счетъ того, гдѣ именно Василій встрѣтился съ Витовтомъ, ведшимъ тогда борьбу съ Ягайломъ, но согласны въ томъ, что молодой московскій князь далъ или принужденъ былъ дать кейстутову сыну слово жениться на его дочери Софіи. Слово было сдержано, какъ только Василій сталъ великимъ княземъ: въ 1390 году трое бояръ великокняжескихъ привезли невѣсту въ Москву изъ-за-моря, отъ Нѣмцевъ, по выраженію лѣтописца, т.-е. изъ владѣній Ордена, гдѣ жилъ тогда Витовтъ. Но эта близкая родственная связь не принесла Москвѣ никакой пользы, когда Витовтъ, помирившись съ Ягайломъ, сталъ великимъ княземъ литовскимъ, и началъ стремиться къ увеличенію своихъ владѣній, ибо это увеличеніе единственно могло произойти чрезъ покореніе областей Руси восточной.

Сначала Орденъ не давалъ Витовту досуга обратить свое вниманіе на востокъ: великій магистръ Конрадъ-фонъ-Юнгингенъ хотѣлъ воспользоваться борьбою между Ягайломъ и младшимъ братомъ его, Свидригайломъ Олгердовичемъ витебскимъ (который, по обычаю, отдался подъ покровительство ордена), и въ 1394 году осадилъ Вильну. Но, несмотря на многочисленность осаждавшихъ, ихъ искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерію, осажденные отбивались съ такимъ мужествомъ, что магистръ, потерявъ треть войска, множество лошадей и снарядовъ, принужденъ былъ снять осаду и заключить миръ съ Витовтомъ, чтобы только безпрепятственно выйти изъ Литвы [28]. Миръ съ Нѣм-

цами далъ Витовту возможность обратить вниманіе на востокъ и примыслить важную волость Смоленскую. Въ Смоленскѣ происходила въ это время сильная усобица между княземъ Юріемъ Святославичемъ и братьями его за удѣлы и за то, что ни одинъ братъ не хотѣлъ служить другому. Князь Юрій былъ принужденъ уѣхать изъ Смоленска къ тестю своему, князю Олегу рязанскому, а Витовтъ спѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, ибо удаленіе Юрія не примирило остальныхъ Святославичей; литовскій князь распустилъ слухъ, что идетъ на Татаръ, вмѣсто того вдругъ явился подъ Смоленскомъ. Одинъ изъ князей, Глѣбъ Святославичъ, выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ небольшою дружиной, былъ принятъ съ честію, отпущенъ съ миромъ, при чемъ Витовтъ велѣлъ сказать остальнымъ князьямъ: „Чтобъ вамъ всѣмъ князьямъ братьямъ выѣхать ко мнѣ съ любовію, по охранной грамотѣ (по опасу); слышалъ я, что между вами нѣтъ единства и вражда большая; такъ если будетъ между вами какой споръ, то вы сошлитесь на меня, какъ на третьяго, и я васъ разсужу справедливо". Смоленскіе князья обрадовались, что нашелся безпристрастный третій судья, который разсудитъ ихъ по всей справедливости и раздѣлитъ имъ отчину по жребію; всѣ они собрались и поѣхали къ Витовту съ дарами; но Витовтъ, взявши дары, велѣлъ перехватать всѣхъ князей и отослалъ ихъ въ Литву; потомъ подступилъ къ городу, пожегъ посады, взялъ крѣпость, и посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ (1395 г.).

Но старшій изъ смоленскихъ князей Юрій оставался на свободѣ, въ Рязани, и въ концѣ 1395 года тесть его Олегъ, вмѣстѣ съ нимъ и другими князьями опустошилъ литовскія владѣнія; но еще не успѣлъ Олегъ возвратиться въ Рязань, какъ услыхалъ, что Витовтъ пустошитъ его собственныя волости. Тогда, оставивъ свою добычу въ надежномъ мѣстѣ, Олегъ ударилъ въ расплохъ на Литовцевъ, разсѣявшихся для грабежа, и поразилъ ихъ; Витовтъ испугался и ушелъ домой. Великій князь московскій во всѣхъ этихъ событіяхъ явно держалъ сторону тестя: въ 1396 году онъ ѣздилъ на свиданіе съ нимъ въ Смоленскъ, праздновалъ здѣсь Пасху, и когда рязанскій князь снова вошелъ съ полками въ землю литовскую и осадилъ Любутскъ, то Василій отправилъ къ нему посла и отвелъ его отъ этого города. Потомъ, когда Витовтъ вошелъ въ рязанскія владѣнія и пролилъ здѣсь кровь какъ воду, по выраженію лѣто-

нисей, и людей побивалъ сажая ихъ улицами, то изъ Москвы не было ему никакого препятствія, напротивъ зять встрѣтилъ его въ Коломнѣ, поднесъ дары и оказалъ большую честь. Мы видѣли, что въ 1397 году оба князя, и московскій и литовскій, за одно посылали требовать отъ Новгородцевъ, чтобы тѣ разорвали миръ съ Нѣмцами; но тогда же московскій князь могъ узнать, какого союзника онъ имѣлъ въ своемъ тестѣ, ибо въ то же время Витовтъ требовалъ отъ Новгородцевъ, чтобы тѣ поддались ему; получивши отказъ, онъ послалъ въ 1399 году въ Новгородъ грамоту размѣтную (объявленіе войны) и велѣлъ сказать Новгородцамъ: „Вы меня обезчестили: что было вамъ мнѣ поддаться, а мнѣ было вашимъ княземъ великимъ быть и васъ оборонять; но вы мнѣ не поддались". Но не одинъ Витовтъ объявлялъ свои притязанія на Новгородъ: еще въ 1389 году пріѣхалъ туда князь Симеонъ Лугвеній Ольгердовичъ; былъ принятъ Новгородцами съ честію, и за эту честь далъ брату своему, королю Ягайлу, слѣдующую запись: „Такъ какъ господинъ Владиславъ (Ягайло), король польскій, литовскій, русскія и иныхъ земель многихъ господарь, поставилъ насъ опекуномъ надъ мужами и людьми Великаго Новгорода: то мы королю и Ядвигѣ королевѣ, вмѣстѣ съ Новгородцами, обѣщались и обѣщаемся, пока держимъ Новгородъ въ нашей опекѣ, быть при коронѣ польской и никогда не отступать отъ нея" [29].

Намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ обнаруживается и въ договорѣ его съ Орденомъ 1398 года: здѣсь Витовтъ обѣщался Ордену помогать ему въ завоеваніи Пскова, за что Орденъ, съ своей стороны, обязался помогать Витовту въ завоеваніи Великаго Новгорода. Но война съ послѣднимъ была отложена, потому что Витовтъ обратилъ вниманіе на дѣла ордынскія, вмѣшательство въ которыя обѣщало ему выгоды болѣе важныя. По удаленіи Тамерлана на югъ, Тохтамышъ попытался было снова утвердиться въ Золотой Ордѣ, но былъ изгнанъ ханомъ Темиръ-Кутлуемъ (Kotlogh-Timur) и отдался въ покровительство Витовту, который обѣщалъ ему возвратить Кипчакъ съ тѣмъ, чтобы Тохтамышъ потомъ помогъ ему овладѣть Москвою. Въ 1399 году Витовтъ собралъ огромное войско: кромѣ Руси, Литвы, Жмуди и Татаръ тохтамышевыхъ, здѣсь были полки волошскіе, польскіе и нѣмецкіе, ибо и находившійся тогда въ мирѣ съ Витовтомъ великій магистръ Ордена прислалъ ему отрядъ войска; однихъ князей лѣтописцы насчитываютъ до пятиде-

сяти. Передъ выступленіемъ въ походъ, къ Витовту явились послы отъ Темира-Кутлуя: „Выдай мнѣ бѣглаго Тохтамыша, велѣлъ сказать ему ханъ: онъ мой врагъ, не могу оставаться въ покоѣ, зная, что онъ живъ и у тебя живетъ; потому что измѣнчива жизнь наша: нынче ханъ, а завтра бѣглецъ, нынче богатъ, завтра нищій, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своихъ, не только что чужихъ, а ханъ Тохтамышъ чужой мнѣ и врагъ мой, да еще злой врагъ; такъ выдай мнѣ его, а что ни есть около его, то все тебѣ". Витовтъ велѣлъ отвѣчать на это: „Хана Тохтамыша не выдамъ, а съ ханомъ Темиръ-Кутлуемъ хочу видѣться самъ". На берегахъ Ворсклы произошло это свиданіе, въ полѣ чистомъ, въ землѣ татарской. Но передъ битвою начались опять переговоры; Темиръ-Кутлуй послалъ сказать Витовту: „За чѣмъ ты на меня пошелъ? я твоей земли не бралъ, ни городовъ, ни селъ твоихъ". Витовтъ велѣлъ отвѣчать: „Богъ покорилъ мнѣ всѣ земли, покорись и ты мнѣ, будь мнѣ сыномъ, а я тебѣ буду отцемъ, и давай мнѣ всякій годъ дани и оброки; если же не хочешь быть сыномъ, такъ будешь рабомъ, и вся орда твоя будетъ предана мечу". Испуганный ханъ соглашался на всѣ требованія Витовта, который, видя такую уступчивость, началъ требовать, чтобы на деньгахъ ордынскихъ чеканилось клеймо литовскаго князя; ханъ просилъ три дня срока подумать. Но въ это время пришелъ къ нему Эдигей; старикъ, узнавши объ условіяхъ, сказалъ хану: „Лучше намъ умереть, чѣмъ согласиться на нихъ",—и послалъ къ Витовту требовать личныхъ переговоровъ; литовскій князь выѣхалъ на берегъ Ворсклы, и Эдигей сталъ ему говорить съ другаго берега: „По праву взялъ ты нашего хана въ сыновья, потому что ты старъ, а онъ молодъ; но я старше еще тебя, такъ слѣдуетъ тебѣ быть моимъ сыномъ, дани давать каждый годъ, клеймо мое чеканить на литовскихъ деньгахъ". Витовтъ разсвирѣпѣлъ и велѣлъ немедленно полкамъ своимъ сходиться на битву. Сначала полки Витовтовы схватились съ полками Эдигеевыми; съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ самострѣловъ и пищалей; но пушки и пищали плохо дѣйствовали въ чистомъ полѣ. Несмотря на то Витовтова рать крѣпко боролась, падали стрѣлы какъ дождь, и стали полки Витовтовы перемогать князя Эдигея. Но въ это время обошли кругомъ полки Темиръ-Кутлуевы, вступили въ битву и одолѣли силу литовскую. Тохтамышъ первый обратился въ бѣгство, и въ этомъ бѣгствѣ много народа побралъ и много

литовской земли пограбилъ. Побѣдители взяли весь обозъ Витовта, который едва успѣлъ убѣжать съ небольшою дружиной; Татары гнались за нимъ пятьсотъ верстъ до самаго Кіева: ставши подъ этимъ городомъ, Темиръ-Кутлуй распустилъ свою силу воевать литовскую землю, и ходила татарская рать до самаго Луцка, опустошивъ все на своемъ пути. Кіевъ откупился тремя тысячами рублей, при чемъ Печерскій монастырь заплатилъ отъ себя 30 рублей, и ханъ ушелъ въ степи, оставивъ литовскую землю въ плачѣ и скудости: лѣтописецъ насчитываетъ между убитыми слишкомъ 20 князей [40].

Битва куликовская возвѣстила паденіе татарскаго владычества въ Восточной Европѣ; Мамай пришелъ на Донъ съ цѣлію напомнить Руси Батыя, возстановить порядокъ вещей, утвердившійся послѣ сраженія при Сити; Мамай былъ побѣжденъ, и битва при Ворсклѣ показала ясно слѣдствія этой побѣды: Темиръ-Кутлуй пришелъ не нападать, но защищаться отъ замысловъ одного изъ государей Восточной Европы; унизительныя условія, которыя онъ соглашался принять, показываютъ всего лучше перемѣну отношеній. Татары побѣдили, но какія же были слѣдствія этой побѣды? опустошеніе нѣкоторой части литовскихъ владѣній — и только! Темиръ-Кутлуй долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что освободился отъ страха предъ Тохтамышемъ. Важность битвы при Ворсклѣ для судебъ Восточной Европы не подлежитъ сомнѣнію: конечно нельзя нисколько утверждать, что торжество Витовта и Тохтамыша надъ Темиръ-Кутлуемъ имѣло бы необходимымъ слѣдствіемъ подчиненіе Москвы и остальныхъ княженій восточной Руси Витовту; но нельзя также не признать, что опасность Москвѣ отъ этого торжества грозила большая.

Витовтъ пріутихъ и заключилъ съ Новгородцами миръ по старинѣ въ 1400 году. Въ то же время и Смольняне, которымъ тяжко было господство литовское, завели сношенія съ роднымъ княземъ своимъ, Юріемъ Святославичемъ, жившимъ по прежнему у тестя въ Рязани. Юрій пришелъ къ Олегу и сталъ говорить ему со слезами: „Пришли ко мнѣ послы изъ Смоленска отъ доброхотовъ моихъ; говорятъ, что многіе хотятъ меня видѣть на отчинѣ и дѣдинѣ моей, сотвори, господинъ, Христову любовь, помоги, посади меня на отчинѣ и дѣдинѣ моей, на великомъ княженіи смоленскомъ.“—И вотъ въ 1401 году Олегъ, вмѣстѣ съ Юріемъ, князьями пронскимъ, муромскимъ и козельскимъ, отправился къ Смоленску: время онъ

улучилъ удобное, говоритъ лѣтописецъ, потому что Витовтъ оскудѣлъ тогда до конца людьми послѣ побоища при Ворсклѣ, и въ Смоленскѣ была крамола: одни хотѣли здѣсь Витовта, а другіе многіе своего отчича, стариннаго князя Юрія. Пришедши подъ Смоленскъ, Олегъ велѣлъ повѣстить его жителямъ: „Если не отворите города и не примете господина вашего князя Юрія, то буду стоять здѣсь долго и предамъ васъ мечу и огню; выбирайте между животомъ и смертію.“ Смольняне сдались, и многіе изъ нихъ были рады князю своему Юрію, но другіе ненавидѣли его. Вошедши въ городъ, Юрій началъ тѣмъ, что убилъ витовтова намѣстника, князя Романа Михайловича Брянскаго, съ его боярами, а потомъ перебилъ и смоленскихъ бояръ, преданныхъ Витовту. Олегъ, возвративши зятю его отчину, не былъ этимъ доволенъ, но вошелъ со всѣмъ войскомъ въ литовскія владѣнія и возвратился оттуда съ большею добычею.

Въ августѣ мѣсяцѣ утвердился въ Смоленскѣ Юрій, а осенью того же года Витовтъ уже стоялъ съ полками подъ этимъ городомъ, гдѣ поднялась сторона ему преданная; но противники Литвы осилили, перебили много ея приверженцевъ, и Витовтъ, простоявши четыре недѣли понапрасну, заключилъ перемиріе и отступилъ отъ Смоленска. Слѣдующій 1402 годъ былъ счастливѣе для Витовта: сынъ рязанскаго князя, Родославъ Ольговичъ пошелъ на Брянскъ, но у Любутска встрѣтили его двое князей Гедиминовичей—Симеонъ-Лугвеній Ольгердовичъ и Александръ Патрикіевичъ Стародубскій, разбили его и взяли въ плѣнъ; три года просидѣлъ онъ въ тяжкомъ заключеніи у Витовта, наконецъ отпущенъ въ Рязань за 3000 рублей. Въ 1403 году побѣдитель Родослава, Лугвеній, взялъ Вязьму; а въ 1404 самъ Витовтъ опять осадилъ Смоленскъ, и опять неудачно: три мѣсяца стоялъ онъ подъ городомъ, много трудился и билъ пушками, но взять не могъ, и, опустошивъ окрестности, ушелъ въ Литву. Смоленскій князь Юрій видѣлъ однако, что одинъ онъ не въ состояніи противиться Витовту, который показывалъ ясно намѣреніе овладѣть во чтобы ни стало Смоленскомъ, внутри котораго была у него сильная сторона; Олегъ Рязанскій умеръ (1402 г.), слѣдовательно отсюда нечего было ожидать помощи. Оставался только одинъ русскій князь, могшій поспорить съ Витовтомъ, то былъ князь московскій; но послѣдній, зять Витовта, до сихъ поръ былъ съ нимъ въ постоянномъ союзѣ; трудно было надѣяться и отсюда помощи безкорыстной; Юрій видѣлъ, что изъ двухъ под-

данствъ надобно выбрать менѣе тяжкое, и потому, взявши опасную грамоту, пріѣхалъ въ Москву и сталъ умолять Василія Димитріевича о помощи: „Тебѣ все возможно, говорилъ онъ, потому что онъ тебѣ тесть, и дружба между вами большая: помири и меня съ нимъ, чтобъ не обижалъ меня. Если же онъ ни слезъ моихъ, ни твоего дружескаго совѣта не послушаетъ, то помоги мнѣ бѣдному, не отдавай меня на съѣденіе Витовту; если же и этого не хочешь, то возьми городъ мой за себя; владѣй лучше ты имъ, а не поганая Литва." Василій обѣщался помочь ему, но медлилъ; въ нѣкоторыхъ источникахъ эта медленность объясняется доброжелательствомъ московскаго князя къ тестю [31], хотя она можетъ естественно объясняться и безъ этого. Какъ бы то ни было, въ то время, когда медлили въ Москвѣ, въ Смоленскѣ и Литвѣ не теряли времени: бояре смоленскіе, доброжелательствовавшіе Витовту, послали сказать ему, чтобъ шелъ какъ можно скорѣе къ ихъ городу, прежде чѣмъ придетъ Юрій съ помощію московскою. Витовтъ явился, и бояре сдали ему городъ, вмѣстѣ съ женою Юрьевою, дочерью Олега Рязанскаго. Витовтъ отослалъ княгиню въ Литву вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, другихъ бояръ, самыхъ сильныхъ себѣ противниковъ, казнилъ смертію, посадилъ въ городѣ своихъ намѣстниковъ, а жителямъ далъ большія льготы, отводя ихъ тѣмъ отъ князя Юрія, чтобъ земля смоленская не хотѣла послѣдняго и не любила. Въ Москвѣ сильно разсердились или, по крайней мѣрѣ, показали видъ, что разсердились, когда узнали о сдачѣ Смоленска; желая, какъ видно, сложить всю вину на самого Юрія и поскорѣе освободиться отъ него, Василій сказалъ ему: „Пріѣхалъ ты сюда съ обманомъ, приказавши Смольнянамъ сдаться Витовту" [32],—и Юрій, видя гнѣвъ московскаго князя, уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители приняли его и дали тринадцать [33] городовъ; Юрій и Новгородцы цѣловали другъ другу крестъ—не разлучаться ни въ жизни, ни въ смерти; если пойдутъ какіе иноплеменники на Новгородъ ратью, то обороняться отъ нихъ князю Юрію съ Новгородцами заодно. Такъ пало знаменитое княжество Ростиславичей, отчина Мстислава.

Новгородцы, заключая договоръ съ княземъ Юріемъ противъ иноплеменниковъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣли въ виду самаго опаснаго изъ этихъ иноплеменниковъ, князя Литовскаго. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ же 1405 году, Витовтъ, пославши объявленіе войны въ Новгородъ, самъ вышелъ съ войскомъ въ псков-

скую волость, тогда какъ псковскій посолъ жилъ еще въ Литвѣ, и Псковичи, ничего не зная, не могли приготовиться: Витовтъ взялъ городъ Коложе и вывелъ 11.000 плѣнныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не считая уже убитыхъ; потомъ стоялъ два дня подъ другимъ городомъ, Воронячемъ, гдѣ Литовцы накидали двѣ лодки мертвыхъ дѣтей. Такой гадости, говоритъ лѣтописецъ, не бывало съ тѣхъ поръ, какъ Псковъ сталъ. Между тѣмъ Псковичи послали въ Новгородъ просить помощи, и Новгородцы прислали къ нимъ полки съ тремя воеводами; но Витовтъ уже вышелъ изъ русскихъ предѣловъ. Псковичи вздумали отомстить ему походомъ въ его владѣнія и звали съ собою Новгородцевъ: „Пойдемте, господа, съ нами на Литву мстить за кровь христіанскую;“ но воеводы новгородскіе побоялись затрогивать страшнаго литовскаго князя и отвѣчали Псковичамъ: „Насъ владыка не благословилъ идти на Литву, и Новгородъ намъ не указалъ, а идемъ съ вами на Нѣмцевъ.“ Псковичи разсердились, отправили Новгородцевъ домой, а сами выступили въ походъ, повоевали Ржеву, въ Великихъ Лукахъ взяли стягъ Коложскій, бывшій въ плѣну у Литвы, и возвратились съ добычею [34]. Мало этого: въ 1406 году Псковичи подняли всю свою область и пошли къ Полоцку, подъ которымъ стояли трое сутокъ.

Но ни Псковичи, ни Новгородцы не надѣялись однѣми собственными силами управиться съ Витовтомъ, и потому послали просить защиты у московскаго князя. Мы не знаемъ, какіе были уговоры у Василія Димитріевича съ Витовтомъ относительно Смоленска, уже прежде принадлежавшаго литовскому князю; нѣтъ ничего страннаго, что Москва дѣйствовала нерѣшительно въ смоленскомъ дѣлѣ. Но нападеніе на псковскія волости показывало ясно, что Витовтъ, ободренный вторичнымъ взятіемъ Смоленска, не хочетъ удовольствоваться этимъ однимъ примысломъ, и московскій князь не хотѣлъ ему уступать Пскова и Новгорода: Василій разорвалъ миръ съ тестемъ за псковскую обиду, отправилъ брата Петра въ Новгородъ; потомъ, сложивши, вмѣстѣ съ тверскимъ княземъ, крестное цѣлованіе къ Витовту, собралъ полки и послалъ ихъ въ литовскую землю: они приступали къ Вязьмѣ, Серпѣйску [35] и Козельску, но безуспѣшно. Витовтъ за это велѣлъ перебить всѣхъ Москвичей, находившихся въ его владѣніяхъ; но здѣсь уже отозвался разрывъ съ московскимъ княземъ: до сихъ поръ тѣ изъ южныхъ Руссиновъ и Литвиновъ, которые были недовольны новымъ порядкомъ вещей,

начавшимъ утверждаться со времени соединенія Литвы съ Польшею, должны были сдерживать свое неудовольствіе, ибо негдѣ было искать помощи, кромѣ иновѣрнаго Ордена: сильный единовѣрный московскій князь находился постоянно въ союзѣ съ Витовтомъ. Но когда этотъ союзъ перемѣнился на вражду, то недовольнымъ литовскимъ открылось убѣжище въ Москвѣ: первый пріѣхалъ изъ Литвы на службу къ великому князю московскому князь Александръ Нелюбъ, сынъ князя Ивана Ольгимантовича, и съ нимъ много Литвы и Поляковъ; Василій Димитріевичъ принялъ его съ любовію и далъ ему въ кормленіе Переяславль. Съ обѣихъ сторонъ, и въ Москвѣ и въ Литвѣ, собирали большое войско, и осенью 1604 года московскій князь выступилъ въ походъ и остановился на рѣкѣ Плавѣ, близъ Кропивны, куда пришли къ нему на помощь полки тверскіе съ четырьмя князьями и татарскіе отъ хана Шадибека. Литовскій князь также вышелъ на встрѣчу къ зятю съ сильнымъ войскомъ, Поляками и Жмудью; но, по обычаю, битвы между ними не было: князья начали пересылаться, заключили перемиріе до слѣдующаго года, и разошлись, причемъ Татары, уходя, пограбили русскія области.

Въ 1407 году Литовцы начали непріятельскія дѣйствія, взявши Одоевъ. Московскій князь пошелъ опять съ большимъ войскомъ на литовскую землю, взялъ и сжегъ городъ Дмитровецъ [36]; но, встрѣтившись съ тестемъ у Вязьмы, опять заключилъ перемиріе, и оба князя разошлись по домамъ. Въ слѣдующемъ году отъѣхалъ изъ Литвы въ Москву родной братъ короля Ягайла, сѣверскій князь Свидригайло Ольгердовичъ, постоянный соперникъ Витовта, и соперникъ опасный, потому что пользовался привязанностію православнаго народонаселенія въ южной Руси. Свидригайло пріѣхалъ не одинъ; съ нимъ пріѣхалъ владыка черниговскій, шесть князей югозападной Руси и множество бояръ черниговскихъ и сѣверскихъ. Московскій князь не зналъ, чѣмъ изъявить свое радушіе знаменитому выходцу; онъ далъ Свидригайлу въ кормленіе городъ Владиміръ, со всѣми волостями и пошлинами, селами и хлѣбами земляными и стоячими, также Переяславль (взятый слѣдовательно у князя Нелюба), Юрьевъ Польскій, Волокъ Ламскій, Ржевъ и половину Коломны. Въ іюлѣ пріѣхалъ Свидригайло, въ сентябрѣ Василій съ полками своими и татарскими уже стоялъ на границахъ, на берегу Угры, а на другомъ берегу этой рѣки стоялъ Витовтъ съ

Литвою, Поляками, Нѣмцами и Жмудью. Но и тутъ битвы не было: постоявши много дней другъ противъ друга, князья заключили міръ и разошлись.

Витовтъ былъ сдержанъ: послѣ мира на Угрѣ, во все остальное время княженія Василіева, онъ не обнаруживалъ больше непріятельскихъ замысловъ ни противъ Москвы, ни противъ Новгорода и Пскова. Во время войны между князьями московскимъ и литовскимъ Новгородцы, по обычаю, не хотѣли быть ни за того ни за другого: не отступали отъ Москвы и между тѣмъ держали у себя на пригородахъ князя Семеона-Лугвенія Ольгердовича, присяжника Ягайлова. Напрасно послѣ того Ягайло и Витовтъ уговаривали Новгородцевъ заключить тѣсный союзъ съ Польшею и Литвою и воевать вмѣстѣ съ Нѣмцами: тѣ не соглашались, причемъ высказалась уже главная причина, которая будетъ постоянно препятствовать тѣсному союзу Новгорода съ Гедиминовичами: послѣдніе были уже Латины, поганые. Въ 1411 году Симеонъ-Лугвеній, видя, что мало пользы служить на пригородахъ новгородскихъ, уѣхалъ въ Литву, свелъ и намѣстниковъ своихъ, и въ началѣ слѣдующаго года Ягайло, Витовтъ и Лугвеній разорвали всякій союзъ съ Новгородцами, прислали имъ взметныя грамоты и велѣли сказать: „Что было вамъ взяться служить намъ, разорвать миръ съ Нѣмцами, съ нами стать заодно и закрѣпиться на обѣ стороны въ запасъ; пригодился бы этотъ союзъ—хорошо; а не пригодился, такъ ничего бы дурного не было; мы къ вамъ посылали бояръ своихъ Немира и Зиновья Братошича спросить васъ: стоите ли въ прежнемъ договорѣ? и вы отвѣчали Немиру: „Не можетъ Новгородъ исполнить королевскаго требованія: какъ онъ съ литовскимъ княземъ миренъ, такъ и съ Нѣмцами миренъ".—Мы князя Лугвенія вывели отъ васъ къ себѣ, съ Нѣмцами заключили миръ вѣчный, и съ Венграми и со всѣми нашими сосѣдями (граничниками), а вы слово свое забыли, да еще ваши люди насъ бранили и безчестили, погаными звали; кромѣ того вы приняли нашего врага, сына смоленскаго князя". Лугвеній велѣлъ прибавить: „Держали вы меня у себя хлѣбокормленіемъ, а теперь старшимъ моимъ братьямъ, королю и Витовту, это не любо, и мнѣ не любо, потому что я съ ними одинъ человѣкъ, и съ меня крестное цѣлованіе долой". Войны однако у Новгорода съ Литвою не было: въ 1414 году новгородскіе послы ѣздили въ Литву и заключили съ Витовтомъ миръ по старинѣ; Псковичи же заключили миръ съ

литовскимъ княземъ еще въ 1409 году, по старинѣ, на псковской волѣ, по докончанію великаго князя Василія Димитріевича; слѣдовательно при заключеніи мира на Угрѣ московскій князь выговорилъ у Витовта и миръ со Псковомъ. Но въ 1418 году Витовтъ писалъ къ великому магистру нѣмецкаго Ордена, поднимая его противъ Псковичей; магистръ отговаривался тѣмъ, что у Ордена съ Псковомъ заключенъ десятилѣтній миръ; Витовтъ возражалъ, что Орденъ учрежденъ для постоянной борьбы съ невѣрными и слѣдовательно долженъ помогать ему, Витовту, какъ единовѣрному государю противъ невѣрныхъ Псковичей; представлялъ въ примѣръ собственное поведеніе: въ прошломъ году московскій великій князь присылалъ звать его на Нѣмцевъ, но онъ не согласился [37]. Неизвѣстно, потому ли Витовтъ хотѣлъ поднять Орденъ на Псковичей, что самъ не могъ напасть на нихъ безъ нарушенія договора съ Москвою; извѣстно только то, что войны со Псковомъ не было.

Витовтъ былъ сдержанъ; но на сѣверовостокѣ не умѣли понять необходимости войны съ литовскимъ княземъ; видѣли вооруженія сильныя, но съ перваго взгляда безполезныя; видѣли странную борьбу, кончившуюся, какъ будто, ничѣмъ; сильно досадовали, что иноплеменнику Свидригайлу дано такъ много богатыхъ волостей; всего больше боялись и ненавидѣли Татаръ; отъ нихъ опасались вредныхъ замысловъ, и вотъ дѣйствительно Эдигей страшно опустошилъ московскія владѣнія. „Эдигей, по мнѣнію лѣтописца, ссорилъ тестя съ зятемъ, чтобы они тратили свои силы въ борьбѣ, и тѣмъ легче стали бы добычею Татаръ; Эдигей посылалъ въ Москву къ великому князю Василію, побуждая его на Витовта, давая ему помощь свою, а князья и бояре и всѣ думцы великокняжескіе и вся Москва радовалась Эдигеевой любви къ Василію Димитріевичу, и говорили: „Вся Орда въ волѣ великаго князя, кого хочетъ воюетъ". Вотъ и начали воевать Литву, водя съ собою рать татарскую, а Литва воевала Москвичей, крови лилось много. Татары обогащались добычею, а московскіе бояре, воеводы и вельможи веселились. Но старикамъ старымъ это не нравилось: „Не добра дума бояръ нашихъ, говорили они, что приводятъ на помощь къ себѣ Татаръ, нанимаютъ ихъ серебромъ и золотомъ; не отъ того ли и въ старину Кіеву и Чернигову приключились большія напасти и бѣды? и тамъ братья воевали другъ съ другомъ, поднимая Половцевъ на помощь; а Половцы, разсмотрѣвши весь нарядъ и всю крѣпость князей

нашихъ, потомъ ихъ всѣхъ одолѣвали. Что если и теперь то же случится? Князь великій Василій Димитріевичъ воевалъ съ тестемъ своимъ, великимъ княземъ Витовтомъ Кестутьевичемъ, утомились и заключили перемиріе; а вражда между ними умножалась, и оба понесли много убытковъ и томленія. Не было въ то время на Москвѣ бояръ старыхъ, но молодые обо всемъ совѣтовали, радуясь войнѣ и кровопролитію, а между тѣмъ Эдигей безпрестанно ссорилъ князей, разсматривая весь русскій нарядъ и все войско, дожидаясь удобнаго времени, когда бы напасть на Русь. Въ это время присылалъ въ Москву къ великому князю Свидригайло Ольгердовичъ, желая съ нимъ вмѣстѣ воевать Литву. Свидригайло былъ вѣрою Ляхъ, но устроенъ къ брани, мужъ храбрый и крѣпкій на ополченіе; обрадовался ему князь великій со всѣми боярами своими, дали ему городовъ много, чуть-чуть не половину всего княженія московскаго, и даже славный городъ Владиміръ, гдѣ соборная златоверхая церковь Пречистой Богородицы: и это все Ляху пришельцу дано было; отъ того и многія бѣды постигли насъ: храбрый князь Свидригайло Ольгердовичъ и храброе его воинство смутились и испугались, какъ дѣти малыя, во время Эдигеева нашествія, и обратились въ бѣгство".

Такъ разсуждаетъ лѣтописецъ. Свидригайло дѣйствительно не оправдалъ надеждъ великаго князя, хотя, быть можетъ, союзъ этого Ольгердовича съ московскимъ княземъ и заставилъ Витовта ускорить заключеніемъ мира съ послѣднимъ. Свидригайло не могъ быть доволенъ такимъ окончаніемъ войны, которое нисколько не измѣняло его положенія къ лучшему относительно Литвы: ему не удалось свергнуть Витовта съ московскою помощію. Вотъ почему онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ братомъ великаго князя Юріемъ, который уже тогда былъ въ размолвкѣ съ Василіемъ, не желая уступать старшинства племяннику: этимъ объясняется поступокъ Свидригайла, который во время Эдигеева нашествія не оказалъ великому князю никакой помощи, и скоро отъѣхалъ назадъ въ Литву (1409 г.), обнаруживъ свою вражду къ Москвѣ тѣмъ, что на дорогѣ ограбилъ Серпуховъ [38].

Неизвѣстно, чего надѣялся Свидригайло въ Литвѣ; извѣстно только то, что по пріѣздѣ своемъ сюда онъ былъ схваченъ въ Кременцѣ, заключенъ въ темницу Ягайломъ и Витовтомъ, и пробылъ въ цѣпяхъ около девяти лѣтъ: только въ 1418 году онъ былъ освобожденъ острожскимъ княземъ и убѣжалъ въ Венгрію. Но заклю-

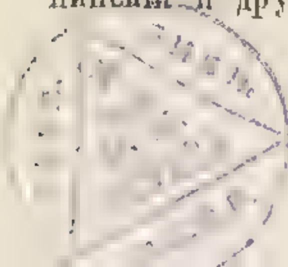
ченіе Свидригайла не могло положить конца волненіямъ въ Литвѣ и Руси, ибо эти волненія зависѣли не отъ личности одного человѣка, но отъ взаимныхъ отношеній двухъ или трехъ народовъ, приведенныхъ въ неожиданную связь однимъ случайнымъ обстоятельствомъ. Слѣдя за отношеніями московскаго князя къ литовскому, мы видѣли обширные честолюбивые замыслы послѣдняго: примысливъ важную волость смоленскую, Витовтъ хотѣлъ сдѣлать тоже съ Новгородомъ и Псковомъ, хотѣлъ посадить своего хана въ Кипчакѣ и съ его помощію подчинить себѣ Москву; но этотъ могущественный и честолюбивый князь былъ не иное что, какъ вассалъ двоюроднаго брата своего, короля польскаго: могъ ли Витовтъ терпѣливо сносить такое положеніе, могли ли терпѣливо сносить его Литва и Русь? Въ 1398 году, королева Ядвига прислала къ Витовту письмо, въ которомъ говорилось, что Ягайло отдалъ ей княжества литовское и русское въ вѣно, вслѣдствіе чего она имѣетъ право на ежегодную дань съ нихъ. Витовтъ собралъ сеймъ въ Вильнѣ и предложилъ боярамъ литовскимъ и русскимъ вопросъ: „Считають ли они себя подданными короны Польской въ такой степени, что обязаны платить дань королевѣ?“ Всѣ единогласно отвѣчали: „Мы не подданные Польши ни подъ какимъ видомъ; мы всегда были вольны, наши предки никогда Полякамъ дани не платили, не будемъ и мы платить, останемся при нашей прежней вольности“. Послѣ этого Поляки больше уже не толковали о дани. Но Витовтъ и бояре его не могли забыть этой попытки со стороны Польши, и должны были подумать о томъ, какъ бы высвободиться и изъ-подъ номинальнаго подчиненія. Однажды на обѣдѣ, данномъ по случаю заключенія мира съ Орденомъ, бояре провозгласили тостъ Витовта, короля литовскаго и русскаго, и просили его, чтобъ онъ позволилъ всегда такъ величать себя. Витовтъ на этотъ разъ притворился скромникомъ и отвѣчалъ, что не смѣетъ еще почитать себя достойнымъ такого высокаго титула. Королемъ литовскимъ и русскимъ могли провозглашать его вельможи, потому что еще въ 1396 году древняя собственная Русь, или Кіевская область лишилась своего великаго князя Скиргайла-Ивана, и соединилась опять съ Литвою. Но если князь литовско-русскій съ своими боярами хотѣлъ независимости, отъ Польши, то вельможи польскіе старались всѣми силами соединить неразрывно Литву и Русь съ своимъ государствомъ: въ 1401 году на виленскомъ сеймѣ, въ присутствіи

Ягайла и Витовта, было определено, что по смерти Витовта Литва и Русь возвращаются снова подъ власть Ягайла; по смерти же королевской ни Литва безъ Польши не выбираетъ великаго князя, ни Польша безъ Литвы не выбираетъ короля; оба народа имѣютъ общихъ враговъ и друзей. Ходили слухи еще объ одномъ пунктѣ договора, а именно, что по смерти Ягайла престолъ польскій переходитъ къ Витовту. Въ 1413 году связь съ Польшею была еще болѣе скрѣплена на сеймѣ городельскомъ: дворянство литовское сравнено въ правахъ съ дворянствомъ польскимъ, за исключеніемъ однако православныхъ [39].

Послѣдній пунктъ показывалъ ясно, какъ мало прочности было для будущаго въ этой связи Литвы съ Польшею; но пока она еще не рушилась, и первымъ важнымъ слѣдствіемъ ея для Восточной Европы было сокрушеніе нѣмецкаго Ордена. Въ концѣ XIV вѣка Витовтъ, чтобы заняться дѣлами на востокѣ, хотѣлъ жить въ мирѣ съ Нѣмцами, и даже отдалъ имъ на жертву Жмудь, упорно державшуюся язычества. Въ 1399 году, пользуясь прибытіемъ заграничныхъ крестоносцевъ, въ томъ числѣ Карла, герцога лотарингскаго, великій магистръ выступилъ на Жмудь, жители которой одни не могли сопротивляться Нѣмцамъ и принуждены были принять подданство и крещеніе; нѣкоторые изъ нихъ, однако, по примѣру старыхъ Пруссовъ, убѣжали въ Литву. Когда Орденъ неотступно требовалъ ихъ выдачи у Витовта, то послѣдній отвѣчалъ: „Вы, вѣрно, хотите, чтобъ я всѣмъ Жмудинамъ за разъ велѣлъ возвратиться въ ихъ землю? Хорошо; но знайте, что эти люди самые горячіе приверженцы независимости, которую вы отняли у ихъ земляковъ; никто лучше ихъ не защититъ ее“. Угроза Витовта скоро исполнилась: возстаніе вспыхнуло во всей Жмуди, толпы вышли изъ лѣсовъ и ударили на новопостроенные замки орденскіе, сожгли ихъ, изрубили гарнизоны, начальниковъ, рыцарей, духовныхъ побрали въ неволю, послѣ чего отправлены были послы къ Витовту съ просьбою, чтобъ онъ взялъ Жмудь подъ свою власть. Витовтъ согласился; Жмудины разослали всюду грамоты съ жалобою на Орденъ: „Выслушайте насъ, угнетенныхъ, измученныхъ, выслушайте насъ, князья духовные и свѣтскіе! Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, онъ ищетъ земель нашихъ для себя; онъ насъ довелъ до того, что мы должны или ходить по-міру, или разбойничать, чтобы было чѣмъ жить. Какъ они послѣ того смѣютъ называть себя братьями,

какъ смѣютъ крестить? Кто хочетъ другихъ умывать, долженъ быть самъ чистъ. Правда, что Пруссы покрещены; но они также ничего не смыслятъ въ вѣрѣ, какъ и прежде: когда войдутъ съ рыцарями въ чужую землю, то поступаютъ хуже Турокъ, и чѣмъ злѣе свирѣпствуютъ, тѣмъ больше похвалъ получаютъ отъ Ордена. Всѣ плоды земли нашей и улья пчелиные рыцари у насъ забрали; не даютъ намъ ни звѣря бить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями; что годъ, увозили дѣтей нашихъ къ себѣ въ заложники; старшинъ нашихъ завезли въ Пруссію, другихъ со всѣмъ родомъ огнемъ сожгли; сестеръ и дочерей нашихъ силой увлекли—а еще крестъ святой на платьѣ носятъ! Сжальтесь надъ нами! Мы просимъ крещенія, но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобію Божію, а не звѣри какіе.... Отъ всей души хотимъ быть христіанами, но хотимъ креститься водою, а не кровію".

Началась война. Рыцари, пользуясь отсутствіемъ Витовта къ брату въ Краковъ, опустошили окрестности Гродно, за что Жмудь взяла Мемель; два раза потомъ сильное орденское войско опустошало Литву; Витовтъ отплатилъ рыцарямъ опустошеніемъ Пруссіи; съ обѣихъ сторонъ впрочемъ не сдѣлали ничего важнаго и заключили перемиріе, а въ 1404 году вѣчный миръ. Витовтъ принужденъ былъ спѣшить заключеніемъ мира съ Орденомъ, потому что долженъ былъ обратить вниманіе свое на отношенія къ сѣверо-восточной Руси; онъ уступилъ опять Жмудь рыцарямъ, обязавшись даже, въ случаѣ сопротивленія Жмудиновъ, помогать Ордену при ихъ покореніи. Несмотря на это Жмудь не думала покоряться добровольно. Когда орденскія и витовтовы войска входили въ ея области, жители преклонялись на время передъ силою, но потомъ возставали опять. „Не мало у насъ (говорили они) прелатовъ, ксензовъ и тому подобныхъ людей, которые отбираютъ у насъ шерсть и молоко, а въ ученіи христіанскомъ не наставляютъ насъ." Между тѣмъ Витовтъ, управившись на востокѣ, началъ думать, какъ бы опять овладѣть Жмудью, сталъ поддерживать жителей ея въ ихъ возстаніяхъ, слѣдствіемъ чего были новыя войны Польши и Литвы съ Орденомъ. Въ 1410 году Витовтъ соединился съ Ягайломъ и встрѣтилъ орденское войско подъ Грюнвальдомъ: у рыцарей было 83.000 войска, у Витовта и Ягайла 163.000, между которыми находились русскіе полки: смоленскій, полоцкій, витебскій, кіевскій, пинскій и другіе. Въ началѣ битвы успѣхъ былъ на сторонѣ



рыцарей; но отчаянное мужество русскихъ смоленскихъ полковъ, выдержавшихъ натискъ Нѣмцевъ, дало возможность Витовту поправить дѣло: рыцари потерпѣли страшное пораженіе, потеряли великаго магистра Ульриха фонъ-Юнгингена, болѣе 40.000 убитыми и 15.000 взятыми въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ. Грюнвальдская битва была одна изъ тѣхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбы народовъ; слава и сила Ордена погибли въ ней окончательно; покорители разъединенныхъ Пруссовъ встрѣтили громадное ополченіе изъ трехъ соединенныхъ народовъ Восточной Европы, предъ которымъ силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имѣло болѣе ни средствъ, ни цѣли для борьбы; силы его поникли предъ соединенными силами трехъ народовъ христіанскихъ; въ ополченіи враговъ Ордена не приносилось болѣе языческихъ жертвъ, въ немъ раздавалась христіанская молитва: „Богородице, Дѣво, радуйся!“ Орденъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ: потерянныя силы не восполнялись болѣе толпами рыцарей изъ разныхъ краевъ Европы, потому что Орденъ не велъ болѣе войны съ невѣрными, слѣдовательно существованіе его становилось уже безцѣльнымъ, не нужнымъ, и существованіе это послѣ Грюнвальдской битвы представляетъ только продолжительную агонію.

Въ то время, какъ Орденъ Тевтонскій въ Пруссіи оканчивалъ борьбу свою съ Литвою, другая половина его, Орденъ Меченосцевъ въ Ливоніи, продолжалъ борьбу со Псковомъ и Новгородомъ. Въ 1406 году, по возвращеніи псковичей съ войны литовской, изъ подъ Полоцка, магистръ ливонскій пришелъ со всею силою, и ходилъ двѣ недѣли по ихъ волости [40]: но извѣстно, что значило тогда ходить по чужой волости. Жители пригорода Велья [41] выѣхали въ числѣ 150 человѣкъ желѣзной рати, помолились Богу и св. Михаилу и ударили на Нѣмцевъ; поганые не выдержали и обратились въ бѣгство, потерявши много людей и знамя; а изъ Вельянъ никто не былъ не только убитъ, но даже и раненъ; одного только Нѣмцы взяли въ плѣнъ, но и тотъ убѣжалъ. Это было въ августѣ мѣсяцѣ; въ октябрѣ псковичи подняли всю свою волость и пошли на Нѣмецкую землю, подстерегли нѣмецкую рать, убили у нея 20 человѣкъ, да 7 взяли живыхъ: потомъ пошли за Новый Городокъ. встрѣтили другую нѣмецкую рать, ударили и на нее, убили 315 Нѣмцевъ, потеряли своихъ 34 человѣка, и возвратились

домой съ большою добычею. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ во Псковъ братъ великаго князя московскаго, Константинъ; первымъ дѣломъ его было послать слугу своего въ Новгородъ на добро Пскову, просить помощи на Нѣмцевъ; Новгородцы однако отказались, не помогли псковичамъ ни словомъ, ни дѣломъ. Тогда князь Константинъ, будучи юнъ верстою, по выраженію лѣтописца, но совершенъ умомъ, поднявши всю область псковскую и пригороды, пошелъ воевать за Нарову; повоевали много погостовъ, взяли много добычи; со временъ князей Довмонта и Давыда псковичи не бывали еще такъ далеко въ Нѣмецкой землѣ. Благополучно возвратились псковичи изъ похода; но скоро князь Константинъ уѣхалъ отъ нихъ, и дѣла перемѣнились; магистръ пришелъ ко Пскову со всею нѣмецкою силою; псковичи вышли къ нему на встрѣчу, четыре дня стояли непріятели другъ противъ друга и бились объ рѣку; Нѣмцы не отважились перейти ее и пошли уже назадъ, какъ псковичи, ободренные этимъ отступленіемъ, перешли рѣку, и погнались за ними: тогда Нѣмцы оборотились и нанесли имъ сильное пораженіе на Логозовицкомъ полѣ [42]; убили трехъ посадниковъ, множество бояръ и сельскихъ людей, всего 700 человѣкъ; Нѣмцамъ побѣда стоила также дорого и они не могли воспользоваться ею. Это побоище, по словамъ лѣтописца, было также сильно, какъ Ледовое и Раковорское. Въ тоже самое время другая рать псковская потерпѣла неудачу за Наровою, принуждена была бросить свои лодки и бѣжать отъ непріятеля. Псковской лѣтописецъ при этомъ продолжаетъ жаловаться на Новгородцевъ: они взяли князя изъ Литвы, говоритъ онъ, все псковичамъ на перекоръ, вложилъ имъ дьяволъ злыя мысли въ сердце—водить дружбу съ Литвою и Нѣмцами, а псковичамъ не помогать ни словомъ, ни дѣломъ. Въ слѣдующемъ 1408 году магистръ пришелъ опять со всею своею силою на псковскую волость, ходилъ по ней двѣ недѣли, но безуспѣшно осаждалъ Велье; потомъ встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ неудачномъ набѣгѣ Нѣмцевъ на Велье, и о неудачномъ походѣ псковичей на Нѣмецкую землю. Въ 1409 году новое нашествіе Нѣмцевъ, опять безъ важныхъ послѣдствій, кромѣ пораженія псковскихъ охочихъ людей. Наконецъ въ 1410 году псковскіе посадники и бояре съѣхались съ рыцарями у Киремпе и заключили миръ по старинѣ, на псковской волѣ; въ 1417 въ Ригу пріѣхалъ посолъ великокняжескій съ двумя псковскими сановниками, и заключили договоръ о свободной торговлѣ и

не пропускѣ враговъ Ордена чрезъ псковскія, а псковскихъ чрезъ орденскія владѣнія: въ обидахъ положено искать управы судомъ, а не мечемъ; великій князь Василій въ этой грамотѣ называется великимъ королемъ московскимъ, императоромъ русскимъ [43]. Въ 1420 году нѣмецкіе послы съѣхались съ новгородскими на рѣкѣ Наровѣ и заключили вѣчный миръ, по старинѣ, какъ было при Александрѣ Невскомъ.

Въ 1392 году приходили шведскіе разбойники въ Неву, взяли села по обѣ стороны рѣки, не доходя до города Орѣшка; но князь Семенъ (Лугвеній) Ольгердовичъ нагналъ ихъ и разбилъ; въ 1395 году новое безуспѣшное покушеніе Шведовъ на городъ Яму; въ слѣдующемъ году опять нападеніе Шведовъ на Корельскую землю, гдѣ они повоевали два погоста; въ 1397 году они взяли семь селъ у города Ямы. Въ 1411 году успѣхъ Шведовъ былъ значительнѣе: они овладѣли однимъ пригородомъ Новгородскимъ [44]; тогда Новгородцы, съ княземъ Семеномъ Ольгердовичемъ, пошли сами въ Шведскую землю, села повоевали и пожгли, народу много перебили и взяли въ плѣнъ, а у города Выборга взяли наружныя укрѣпленія. Въ томъ же году двинскій воевода съ Заволочанами, по приказу изъ Новгорода, ходилъ на Норвежцевъ, послѣдніе отомстили въ 1419 году: пришло ихъ 500 человѣкъ, въ бусахъ и шнекахъ къ берегамъ Бѣлаго моря, повоевали одиннадцать мѣстъ; Заволочанамъ удалось истребить у нихъ только двѣ шнеки [45].

Когда войны стихли на всѣхъ концахъ сѣверовосточной Руси, тогда явилось бѣдствіе физическое, началъ свирѣпствовать страшный моръ. Въ это время умеръ великій князь московскій Василій Димитріевичъ, 1425 года, 27 февраля, послѣ тридцати-шестилѣтняго правленія. До насъ дошли три его духовныя грамоты. Первая написана, когда еще у него былъ живъ сынъ Иванъ, а Василій еще не родился [46]. Въ это время великій князь не былъ увѣренъ, достанется ли великое княженіе владимірское, равно какъ богатые примыслы, Нижній и Муромъ, сыну его, и потому говоритъ предположительно: „А дастъ Богъ сыну моему князю Ивану княженье великое держать.... А дастъ Богъ сыну моему держать Новгородъ Нижній да Муромъ.“ Во второй духовной грамотѣ [47] великій князь благословляетъ сына Василія утвердительно своею отчиною, великимъ княженіемъ; о Новгородѣ же Нижнемъ говоритъ опять предположительно: „Если мнѣ дастъ Богъ Новгородъ Нижній, то я

благословляю имъ сына моего князя Василія." Въ третьей грамотѣ утвердительно благословляетъ сына примысломъ своимъ Новгородомъ Нижнимъ и Муромомъ [48]; но о великомъ княженіи владимірскомъ говоритъ опять предположительно: „А дастъ Богъ сыну моему великое княженье." Замѣчательнѣе всего въ этихъ духовныхъ то обстоятельство, что великій князь приказываетъ сына тестю Витовту, братьямъ Андрею, Петру и Константину, равно какъ троюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Владиміра Андреевича; но ни въ одной грамотѣ не говорится ни слова о старшемъ изъ братьевъ Юріи Димитріевичѣ—знакъ, что этотъ князь еще при жизни Василія Димитріевича постоянно отрицался признать старшинство племянника, основываясь на древнихъ родовыхъ счетахъ и на криво толкуемомъ завѣщаніи Донского, гдѣ послѣдній говоритъ, что въ случаѣ смерти Василія удѣлъ его переходитъ къ старшему по немъ брату; но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ завѣщаніяхъ, разумѣется кончина безпотомственная, ибо рѣчь идетъ о цѣломъ удѣлѣ Василіевомъ, котораго отчинная часть, по крайней мѣрѣ, если исключимъ великое княженіе владимірское, должна была переходить къ сыновьямъ покойнаго [49]; притязанія брата Юрія, какъ видно, и заставили Василія въ послѣдней своей духовной грамотѣ сказать предположительно о великомъ княженіи; въ третьей грамотѣ нѣтъ также имени Константина Димитріевича въ числѣ князей, которымъ Василій поручалъ своего сына.

На первомъ планѣ въ княженіе Василія Димитріевича стоятъ безспорно отношенія литовскія. Почти въ одно время со вступленіемъ на московскій столъ Василія, въ Литвѣ окончательно утверждается тесть его Витовтъ; оба ознаменовываютъ начало своего княженія богатыми примыслами: Василій овладѣваетъ Нижнимъ Новгородомъ и Муромомъ, Витовтъ Смоленскомъ. Примыслы эти достались имъ не легко, не вдругъ, и на берегахъ Волги, и на берегахъ Днѣпра не обошлось безъ борьбы, довольно продолжительной. Въ этой борьбѣ оба князя не только не мѣшаютъ другъ другу, но находятся повидимому въ тѣсномъ союзѣ, живутъ какъ добрые родственники, хотя Витовтъ и выговариваетъ себѣ Москву у Тохтамыша. Но какъ скоро литовскій князь, утвердившись въ Смоленскѣ, начинаетъ тѣснить Псковъ и Новгородъ, то Василій вооружается противъ него. Кажется наступаетъ рѣшительная минута, въ которую долженъ рѣшиться вопросъ о судьбахъ восточной Европы, но ни потомки

Всеволода III, ни потомки Гедимина не любятъ средствъ рѣшительныхъ; тесть и зять не разъ выходятъ съ полками другъ противъ друга—и расходятся безъ битвы; дѣло оканчивается тѣмъ, что Витовтъ отказывается отъ дальнѣйшихъ покушеній на независимость Пскова, куда московскій князь посылаетъ своихъ намѣстниковъ; съ другой стороны и Василій принужденъ отказаться на время отъ богатаго примысла—Двинской земли. Но мы видѣли, что порваніе мира между тестемъ и зятемъ возбудило сильное неудовольствіе въ Москвѣ; лѣтописецъ жалуется, что не было больше въ думѣ княжеской старыхъ бояръ, и обо всѣхъ дѣлахъ начали совѣтовать молодые. Кто-жъ были эти старые бояре, державшіеся союза съ Литвою и осторожно поступавшіе относительно Татаръ, и кто были эти молодые, начавшіе дѣйствовать иначе? Это мы узнаемъ изъ письма Эдигеева, которое онъ прислалъ великому князю, возвращаясь отъ Москвы въ степи [50]. „Добрые нравы и добрая дума и добрыя дѣла къ Ордѣ были отъ боярина Өедора Кошки; добрый былъ человѣкъ; которыя были добрыя дѣла ордынскія—и онъ тебѣ объ нихъ напоминалъ; но это время прошло. Теперь у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любимецъ, старѣйшина, изъ котораго слова и думы ты не выступаешь. А отъ этой думы улусу твоему теперь раззореніе и христіане изгибли. Такъ ты впередъ поступай иначе, молодыхъ не слушай, а собери старшихъ своихъ бояръ: Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, да иныхъ многихъ стариковъ земскихъ, и думай съ ними добрую думу“.

Итакъ важнѣйшее вліяніе на дѣла оказывалъ сначала бояринъ Өедоръ Андреевичъ Кошка, а потомъ сынъ его Иванъ, подлѣ которыхъ видимъ и родичей ихъ, и младшихъ сыновей Өедора Кошки—Өедора Өедоровича и Михаила Өедоровича, и роднаго племянника его, Игнатія Семеновича Жеребцова, бывшаго коломенскимъ воеводою и убитаго въ сраженіи съ пронскимъ княземъ. Старшими боярами Эдигей называетъ Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, изъ которыхъ первый, по родословнымъ, оказывается сыномъ извѣстнаго Ивана Родіоновича Квашни. Этотъ Иванъ Родіоновичъ умеръ въ 1390 году, и извѣстіе объ его смерти занесено въ лѣтопись. Изъ Вельяминовыхъ, по соображеніи съ родословными книгами, можно указать только Өедора Ивановича, сына казненнаго Ивана Васильевича [51]. Знаменитый бояринъ Донского, Өедоръ Андреевичъ Свиблъ больше не упоминается: но въ духов-

ныхъ грамотахъ своихъ великій князь Василій говоритъ о селахъ Θедора Свибла, которыя онъ взялъ за себя, и о холопахъ, которыхъ онъ отнялъ у него: это выраженіе указываетъ на опалу; но между боярами Василія упоминается родной братъ Свибла, Михаилъ Андреевичъ Челядня. Изъ извѣстныхъ намъ прежде родовъ и лицъ упоминаются также между боярами: Константинъ Димитріевичъ Шея, сынъ Димитрія Александровича Зерна, внукъ Четовъ; Иванъ Димитріевичъ, сынъ Димитрія Всеволожа; Владиміръ Даниловичъ Красный-Снабдя, бывшій намѣстникомъ въ Нижнемъ Новгородѣ; Даніилъ и Степанъ Θеоθановичи Плещеевы, родные племянники св. митрополита Алексія; о Даніилѣ сказано въ лѣтописи подъ 1393 годомъ: „преставился Данило Θеофановичъ [52], который много служилъ великому князю въ Ордѣ, и на Руси, и по чужимъ землямъ". Наконецъ упоминаются въ лѣтописи Иванъ Уда и Александръ Белеутъ.— Изъ неизвѣстныхъ упоминается: Димитрій Аоинеевичъ, подписавшійся на первой духовной Василія на третьемъ мѣстѣ, Андрей Албердовъ, занявшій Двинскую землю; Александръ Поле, Иванъ Маринъ (оба подъ 1401 годомъ); Селиванъ (или Селиванъ Борисовичъ, внукъ Димитрія Михайловича Волынскаго, или Селиванъ Глѣбовичъ Кутузовъ); Димитрій Васильевичъ; Степанъ Васильевичъ; намѣстниками въ Нижнемъ Новгородѣ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Даніиловичемъ Краснымъ, были Григорій Владиміровичъ и Иванъ Лихорь; въ 1393 году Новоторжцы убили великокняжескаго боярина Максима; въ битвѣ съ пронскимъ княземъ, вмѣстѣ съ Игнатіемъ Жеребцовымъ погибли Михайла Лялинъ и Иванъ Брынка, тутъ же попался въ плѣнъ муромскій воевода Семенъ Жирославичъ; намѣстникомъ во Владимірѣ упоминается Юрій Васильевичъ Щека; подъ 1390 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Коломнѣ на игрушкѣ былъ убитъ Осей, кормиличичъ великаго князя.—Какъ при Донскомъ новопріѣзжій бояринъ, Димитрій Михайловичъ Волынскій оттѣснилъ на низшую степень или заѣхалъ, по тогдашнему выраженію, нѣкоторыхъ старыхъ бояръ, такъ при Василіи Димитріевичѣ литовскій князь Юрій Патрикѣевичъ, внукъ Наримантовъ, вступивши въ службу къ московскому князю, заѣхалъ [53] также нѣкоторыхъ бояръ, и его имя встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ въ духовныхъ великокняжескихъ. Братъ его, князь Θедоръ Патрикѣевичъ былъ намѣстникомъ великаго князя въ Новгородѣ въ 1420 году. — Дьяками великокняжескими были: Тимоθей Ачкасовъ и Алексѣй Стромиловъ.

ГЛАВА II.

Княженіе Василія Васильевича Темнаго.

(1425—1462).

Малолѣтство Василія Васильевича.—Новая усобица дяди съ племянникомъ.—Споръ въ Ордѣ между ними.—Московскій бояринъ Всеволожскій.—Ханъ рѣшаетъ дѣло въ пользу племянника Василія противъ дяди Юрія Димитріевича. Отъѣздъ боярина Всеволожскаго отъ великаго князя къ дядѣ его Юрію.—Возобновленіе борьбы между дядею и племянникомъ. Василій попадается въ плѣнъ къ Юрію.—Василій въ Коломнѣ. Продолженіе борьбы. Смерть Юрія. Василій утверждается въ Москвѣ.—Отношенія Василія Васильевича къ двоюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Юрія, Василію Косому и Димитрію Шемякѣ.—Ослѣпленіе Косого.—Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ. Отношенія татарскія.—Плѣнъ великаго князя у казанскихъ Татаръ и освобожденіе.—Шемяка овладѣваетъ Москвою, захватываетъ великаго князя въ Троицкомъ монастырѣ и ослѣпляетъ. Слѣпой Василій получаетъ Вологду.—Движенія его приверженцевъ, которые овладѣваютъ Москвою.—Продолженіе борьбы Василія съ Шемякою.—Дѣятельность духовенства въ этой борьбѣ.—Смерть Шемяки. — Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ.—Отношенія къ Рязани и Твери. Отношенія къ Новгороду и Пскову.—Событія въ Литвѣ, борьба ея съ Польшею. Отношенія Литвы къ Москвѣ.—Татарскія нашествія. Борьба Новгорода и Пскова со Шведами и Нѣмцами. Смерть великаго князя Василія: его духовная грамота; его приближенные.

По смерти Василія Димитріевича на столѣ московскомъ и всея Руси явился опять малолѣтный, десятилѣтній князь, Василій Васильевичъ. Малолѣтствомъ дѣда его Димитрія хотѣлъ воспользоваться Димитрій Суздальскій, князь изъ старшей линіи потомства Ярослава Всеволодовича; но Москва была уже такъ сильна, что несмотря и на малолѣтство ея князя, Суздаль, даже поддерживаемый ханомъ, не могъ остаться побѣдителемъ въ борьбѣ. Теперь, при малолѣт-

номъ внукѣ Димитріевомъ, никто изъ князей не осмѣливается спорить за Владиміръ съ потомками Калиты: Нижній, Суздаль принадлежатъ уже Москвѣ, Тверь давно уже отказалась отъ всякаго наступательнаго движенія. Но теперь, когда не можетъ быть болѣе борьбы у московскаго князя за Владиміръ ни съ княземъ нижегородскимъ, ни съ тверскимъ, начинается борьба между самими потомками Калиты, между самими князьями московскими—за Москву и уже неразрывно соединенный съ нею Владиміръ. До сихъ поръ мы видѣли частыя и явныя нарушенія родовыхъ правъ старшинства въ потомствѣ Всеволода III, нарушенія, постоянно увѣнчивавшіяся успѣхомъ: видѣли возстаніе Михаила Ярославича московскаго противъ дяди Святослава, возстаніе Андрея Александровича городецкаго противъ старшаго брата, Димитрія переяславскаго, возстаніе Юрія московскаго противъ старшаго, въ родѣ Михаила тверскаго; но все это были возстанія противъ порядка вещей, который хотя и видимо ослабѣвалъ (что именно доказывалось успѣхомъ явленій, противъ него направленныхъ), однако еще держался, признавался вообще всѣми какъ законно существующій, и явленія, ему враждебныя, были только исключеніями; не являлось еще ни одного князя, который рѣшился бы это исключеніе сдѣлать правиломъ. Димитрій Донской первый завѣщалъ старшіе столы и московскій и владимірскій сыну своему мимо двоюроднаго брата, который самъ согласился на это распоряженіе, согласился признать племянника старшимъ братомъ; но этотъ братъ Донскаго былъ, вопервыхъ, братъ двоюродный; вовторыхъ, не могъ занять старшаго стола п о о т ч и н ѣ: отецъ его не былъ никогда великимъ княземъ московскимъ и владимірскимъ. Гораздо важнѣе слѣдовательно и рѣшительнѣе было распоряженіе сына Димитріева, Василія, завѣщавшаго старшинство сыну своему мимо родныхъ своихъ братьевъ, которыхъ права, по старинѣ, были совершенно безспорны. И вотъ полноправный, по старинѣ, наслѣдникъ старшинства, князь Юрій Димитріевичъ звенигородскій отказывается признать старшинство племянника, отказывается признать законность новаго порядка престолонаслѣдія. Должна была возгорѣться борьба, борьба послѣдняя и рѣшительная, которая нисколько не похожа на прежнія усобицы между дядьми и племянниками; припомнимъ древнюю борьбу Изяслава Мстиславича съ дядею, Юріемъ Долгорукимъ: Изяславъ занялъ Кіевъ вопреки правамъ дяди, но никогда не смѣлъ отрицать этихъ

правъ, говорилъ прямо, что Юрій старше его, но не умѣетъ жить съ родичами и проч.; припомнимъ также, что возможность этой борьбы условливалась обстоятельствомъ случайнымъ, слабостію, неспособностію полноправнаго дяди Вячеслава, предъ которымъ однако Изяславъ принужденъ былъ наконецъ покаяться. Но теперь оба порядка, оба обычая, старый и новый сталкиваются другъ съ другомъ во всей чистотѣ; князь Юрій полноправный наслѣдникъ старшинства по старинѣ; племянникъ его, Василій Васильевичъ, получаетъ это старшинство по завѣщанію отцовскому, съ полнымъ отрицаніемъ правъ дяди, безъ всякаго пособія какого-либо случайнаго обстоятельства, которое ослабляло бы права дяди и давало племяннику предлогъ къ возстанію противъ нихъ. Въ этой новой борьбѣ дяди съ племянникомъ какъ бы нарочно племянникъ является малолѣтнымъ, и потому неспособнымъ дѣйствовать самъ по себѣ; до сихъ поръ когда племянники возставали противъ дядей, то это было обыкновенно возстаніе болѣе даровитой, болѣе сильной личности; но теперь, какъ нарочно, слабый отрокъ вступаетъ въ борьбу противъ сильнаго своимъ правомъ стараго дяди, слѣдовательно всѣ преимущества повидимому на сторонѣ послѣдняго, а между тѣмъ побѣждаетъ малолѣтный племянникъ и тѣмъ рѣзче обнаруживается вся крѣпость новаго порядка вещей, который не зависитъ болѣе отъ личныхъ средствъ.

Могущественныя средства малолѣтняго Василія обнаружились въ самомъ началѣ: въ ту самую ночь, какъ умеръ великій князь Василій Димитріевичъ, митрополитъ Фотій послалъ своего боярина въ Звенигородъ къ Юрію, звать его въ Москву. Но Юрій не хотѣлъ признавать племянника старшимъ, боялся принужденія въ Москвѣ, боялся даже оставаться по близости въ Звенигородѣ и уѣхалъ въ отдаленный Галичъ, откуда прислалъ съ угрозами къ племяннику и съ требованіемъ перемирія мѣсяца на четыре. Въ Москвѣ согласились на перемиріе, которое было употреблено съ обѣихъ сторонъ для собранія войска. Бояре московскіе съ малолѣтнымъ княземъ своимъ предупредили Юрія и пошли къ Костромѣ съ большимъ войскомъ, въ которомъ находились и остальные дядья великаго князя, Димитріевичи; это напугало Юрія, который побѣжалъ въ Нижній Новгородъ и сѣлъ тамъ; противъ него отправленъ былъ братъ его Константинъ Димитріевичъ, который прежде самъ вооружался за старшинство дядей; Юрій изъ Нижняго побѣжалъ за Суру и сталъ

на одномъ ея берегу, а Константинъ на другомъ, и постоявши нѣсколько времени возвратился въ Москву подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя было перейти рѣку: но по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Константинъ радѣлъ не племяннику, а брату, и потому не хотѣлъ, какъ должно, преслѣдовать Юрія [54], который возвратился въ Галичъ, и послалъ въ Москву просить опять перемирія на годъ. Но если для Юрія выгодно было не заключать окончательнаго мирнаго договора, въ которомъ онъ принужденъ былъ бы отказаться отъ своихъ притязаній, если ему выгодны были только перемирія, которыя позволяли ему собирать силы и выжидать удобнаго времени; то въ Москвѣ, на оборотъ, желали чего-нибудь рѣшительнаго, и, по общему совѣту—митрополита, матери великокняжеской Софіи, дядей и даже дѣда Витовта литовскаго, митрополитъ Фотій отправился въ Галичъ уговаривать Юрія къ вѣчному миру. Юрій, узнавши, что митрополитъ ѣдетъ, встрѣтилъ его съ дѣтьми, боярами, лучшими людьми, собралъ и чернь всю изъ городовъ и деревень и поставилъ ее по горѣ такъ, чтобы Фотій могъ видѣть большую толпу народа при въѣздѣ въ городъ. Но галицкій князь не достигъ своей цѣли, не испугалъ митрополита, который, взглянувъ на густыя толпы черни, сказалъ ему: „Сынъ князь Юрій! не видывалъ я никогда столько народа въ овечьей шерсти“, давая тѣмъ знать, что люди, одѣтые въ сермяги, плохіе ратники.

Начались переговоры: митрополитъ настаивалъ на вѣчный миръ; но Юрій не хотѣлъ объ немъ слышать, а требовалъ только перемирія. Фотій разсердился и выѣхалъ изъ Галича, не благословивъ ни князя, ни городъ, и вдругъ послѣ его отъѣзда открылся моръ въ Галичѣ. Юрій испугался, поскакалъ самъ за митрополитомъ, нагналъ его за озеромъ и едва успѣлъ со слезами умолить его возвратиться. Фотій пріѣхалъ опять въ Галичъ, благословилъ народъ, и моръ сталъ прекращаться, а Юрій обѣщалъ митрополиту послать, и дѣйствительно послалъ, двухъ бояръ своихъ въ Москву, которые заключили миръ на томъ условіи, что Юрій не будетъ искать великаго княженія самъ собою, но ханомъ: кому ханъ дастъ великое княженіе, тотъ и будетъ великимъ княземъ. Но понятно, что и это была только одна уловка, одно средство продлить нерѣшительное положеніе, потому что если и прежніе князья мало обращали вниманія на рѣшенія ханскія, то могли ли повиноваться имъ сынъ и внукъ Донскаго? Вотъ почему послѣ того ни дядя, ни пле-

мянникъ не думали ѣхать въ Орду, и Юрій, отчаявшись въ успѣхѣ своего дѣла, заключилъ въ 1428 году договоръ съ Василіемъ, по которому признавалъ себя младшимъ братомъ племянника и обязывался не искать великаго княженія подъ Василіемъ [55]. Но въ 1431 году Юрій прислалъ означенный договоръ вмѣстѣ со складною грамотою [56], и оба соперника рѣшились ѣхать въ Орду, къ хану Махмету. Обративъ вниманіе на время возобновленія вражды, мы не можемъ не придти къ мысли, что поводомъ къ нему была смерть Витовта: въ 1428 году Юрій призналъ старшинство племянника, потому что въ предыдущемъ году великая княгиня Софья Витовтовна ѣздила къ отцу и поручила ему сына и все московское княжество; въ 1430 году Витовтъ умеръ, и на его мѣстѣ сталъ княжить Свидригайло, побратимъ, своякъ Юрія; вотъ почему послѣдній, въ 1431 году, пользуясь благопріятною для себя перемѣною обстоятельствъ, разрываетъ съ племянникомъ.

Въ челѣ московскаго боярства стоялъ тогда извѣстный уже намъ бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, хитрый, ловкій, находчивый, достойный преемникъ тѣхъ московскихъ бояръ, которые при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Василія умѣли удержать за Москвою первенство и дать ей могущество. Когда Юрій, по прибытіи въ Орду, уѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ доброжелателемъ своимъ, могущественнымъ мурзою Тегинею, который обѣщалъ ему великое княженіе, Иванъ Димитріевичъ подольстился къ остальнымъ мурзамъ, возбудилъ ихъ самолюбіе и ревность къ могуществу Тегини: „Ваши просьбы, говорилъ онъ имъ, ничего не значатъ у хана, который не можетъ выступить изъ Тегинина слова: по его слову дается великое княженіе князю Юрію; но если ханъ такъ сдѣлаетъ послушавшись Тегини, то что будетъ съ вами? Юрій будетъ великимъ княземъ въ Москвѣ, въ Литвѣ великимъ княземъ побратимъ его Свидригайло, а въ Ордѣ будетъ сильнѣе всѣхъ васъ Тегиня". Этими словами, говоритъ лѣтопись, онъ уязвилъ сердца мурзъ какъ стрѣлою; всѣ они стали бить челомъ хану за князя Василія, и такъ настроили хана, что тотъ началъ грозить Тегинѣ смертію, если онъ вымолвитъ хотя слово за Юрія. Весною 1432 года былъ судъ между дядею и племянникомъ: Юрій основывалъ свои права на древнемъ родовомъ обычаѣ, доказывалъ лѣтописями и наконецъ ссылался на криво-толкуемое завѣщаніе Донскаго. За Василія говорилъ Иванъ Димитріевичъ, онъ сказалъ хану: „Князь Юрій ищетъ великаго княженія по завѣщанію

отца своего, а князь Василій по твоей милости: ты далъ улусъ свой отцу его Василію Димитріевичу, тотъ, основываясь на твоей милости, передалъ его сыну своему, который уже столько лѣтъ княжитъ и не свергнутъ тобою, слѣдовательно княжитъ по твоей же милости". Эта лесть, выражавшая совершенное презрѣніе къ старинѣ, произвела свое дѣйствіе: ханъ далъ ярлыкъ Василію, и даже хотѣлъ заставить Юрія вести коня подъ племянникомъ, но послѣдній самъ не захотѣлъ нанести такой позоръ дядѣ; Юрію уступленъ былъ также Дмитровъ, выморочный удѣлъ брата его Петра (умершаго въ 1428 году). Такъ кончился судъ въ Ордѣ: разумѣется, онъ не могъ потушить распри; Юрій не могъ забыть неудачи, а въ Москвѣ не могли не воспользоваться своимъ торжествомъ для окончательнаго низложенія соперника. Вотъ почему въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе, что Юрій побоялся жить вблизи отъ Москвы, въ новопріобрѣтенномъ Дмитровѣ, и уѣхалъ опять въ Галичъ, а Василій тотчасъ же выгналъ его намѣстниковъ изъ Дмитрова и захватилъ городъ; но вдругъ дѣла въ Москвѣ неожиданно приняли благопріятный оборотъ для стараго дяди.

Иванъ Димитріевичъ, въ награду за услуги, оказанныя имъ Василію въ Ордѣ, надѣялся, что великій князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкою въ то время, когда князья часто женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали за бояръ дочерей своихъ. Самъ же Иванъ Димитріевичъ велъ свой родъ отъ князей смоленскихъ и женатъ былъ на внукѣ великаго князя нижегородскаго, почему и былъ уже въ родствѣ съ великимъ княземъ московскимъ. Василій, будучи въ Ордѣ, далъ Ивану Димитріевичу обѣщаніе жениться на его дочери, но, по пріѣздѣ въ Москву, дѣла перемѣнились: мать великаго князя Софья Витовтовна никакъ не согласилась на этотъ бракъ, и настояла, чтобъ сынъ обручился на княжнѣ Марьѣ Ярославовнѣ, внукѣ Владиміра Андреевича. Тогда Иванъ Димитріевичъ, такъ сильно ратовавшій въ Ордѣ противъ старины княжеской, вспомнилъ старину боярскую, и отъѣхалъ отъ московскаго князя. Онъ боялся прямо ѣхать къ Юрію, и потому кинулся сперва къ брату его Константину Димитріевичу, надѣясь пробудить въ немъ старинные замыслы, потомъ къ тверскому князю, наслѣдственному сопернику Москвы: но все это уже была старина, надъ которою самъ бояринъ такъ недавно посмѣялся въ Ордѣ; новымъ, дѣйствительнымъ было могущество Москвы, противъ

котораго никто не смѣлъ тронуться, могущество, утвержденное съ помощію предшественниковъ, товарищей Ивана и его самого. Наконецъ бояринъ рѣшился явиться къ Юрію и былъ принятъ радушно. Но между тѣмъ какъ Иванъ Димитріевичъ подговаривалъ Юрія возобновить старыя притязанія, въ Москвѣ сыновья Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка, пировали на свадьбѣ великокняжеской. Василій Косой пріѣхалъ въ богатомъ золотомъ поясѣ, усаженномъ дорогими каменьями. Старый бояринъ Петръ Константиновичъ разсказалъ исторію этого пояса матери великокняжеской, Софьѣ Витовтовнѣ, исторію любопытную: поясъ этотъ былъ данъ суздальскимъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ въ приданое за дочерью Евдокіею, шедшею замужъ за Димитрія Донскаго: послѣдній тысяцкій, Василій Вельяминовъ, имѣвшій важное значеніе на княжеской свадьбѣ, подмѣнилъ этотъ поясъ другимъ, меньшей цѣны, а настоящій отдалъ сыну своему Николаю, за которымъ была другая дочь князя Димитрія суздальскаго, Марья. Николай Вельяминовъ отдалъ поясъ также въ приданое за дочерью, которая вышла за нашего боярина, Ивана Димитріевича; Иванъ отдалъ его въ приданое за дочерью же князю Андрею, сыну Владиміра Андреевича, и по смерти Андреевой, обручивъ его дочь, а свою внуку за Василія Косаго, подарилъ жениху поясъ, въ которомъ тотъ и явился на свадьбу великаго князя [57]. Софья Витовтовна, узнавъ, что за поясъ былъ на Косомъ, при всѣхъ сняла его съ князя какъ собственность своего семейства, беззаконно перешедшую въ чужое. Юрьевичи, оскорбленные такимъ позоромъ, тотчасъ выѣхали изъ Москвы, и это послужило предлогомъ къ войнѣ.

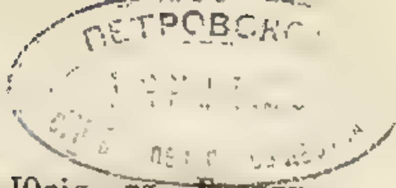
Въ Москвѣ тогда только узнали о движеніяхъ Юрія, когда уже онъ былъ въ Переяславѣ съ большимъ войскомъ. Московскій князь, захваченный врасплохъ, послалъ бояръ своихъ просить мира у дяди, котораго они нашли въ Троицкомъ монастырѣ; но Иванъ Димитріевичъ не далъ и слова молвить о мирѣ: „и была, говоритъ лѣтописецъ, между боярами брань великая и слова неподобныя“. Тогда Василій, собравши наскоро, сколько могъ, ратныхъ людей и московскихъ жителей, гостей и другихъ, выступилъ противъ дяди, но съ своею малочисленною и нестройною толпою былъ разбитъ на голову сильными полками Юрьевыми на Клязьмѣ за 20 верстъ отъ Москвы [58] (въ апрѣлѣ 1433 года) и бѣжалъ въ Кострому, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. Юрій въѣхалъ въ Москву и сталъ

великимъ княземъ. Но какія же могли быть слѣдствія этого событія? Старина, возобновленная Юріемъ, была новостію въ Москвѣ, и потому побѣдитель находился въ затруднительномъ положеніи относительно побѣжденнаго. Сперва при господствѣ родовыхъ отношеній, сынъ старшаго или великаго князя, при жизни отца, имѣлъ свою волость, и когда старшій въ родѣ заступалъ мѣсто покойнаго великаго князя, то сынъ послѣдняго оставался на своемъ столѣ или перемѣнялъ его на другой, лучшій, что было тогда легко. Но теперь Василій, при жизни отца, не имѣлъ особаго удѣла, его удѣлъ была Москва и великое княженіе; вытѣснивъ его изъ Москвы, Юрій, чтобъ помѣстить гдѣ-нибудь, долженъ былъ разрушить порядокъ вещей, установленный завѣщаніями князей предшествовавшихъ. Далѣе представлялся вопросъ: по смерти Юрія кто долженъ былъ занять его мѣсто? по старому порядку вещей, Константинъ Димитріевичъ, единственный изъ оставшихся въ живыхъ сынъ Донскаго (Андрей умеръ въ 1432), и послѣ него опять Василій, какъ сынъ старшаго брата. Но московскій бояринъ Иванъ Димитріевичъ и сыновья Юрія думали не такъ; они позабыли старину и знать ее не хотѣли. Ихъ право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи. Выгнавши Василія изъ Москвы, добывши его въ свои руки, Юрьевичи вовсе не думали возобновлять старыхъ родовыхъ счетовъ съ кѣмъ бы то ни было; они хотѣли, по новому порядку, наслѣдовать своему отцу точно такъ, какъ Василій наслѣдовалъ своему; они хотѣли воспользоваться своею побѣдою, чтобъ тотчасъ же избавиться отъ соперника.

Но Юрій былъ болѣе совѣстливъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ столько твердости, чтобъ рѣшиться на мѣры насильственныя. Скоро Василій нашелъ за себя предъ нимъ ревностнаго ходатая: у Юрія былъ старинный любимый бояринъ Семенъ Морозовъ, который, вѣроятно изъ соперничества съ Иваномъ Димитріевичемъ, отбившимъ у него первое мѣсто, заступился за плѣннаго Василія и уговорилъ Юрія отдать послѣднему въ удѣлъ Коломну, постоянно переходившую къ старшему сыну московскаго князя. Тщетно Иванъ Димитріевичъ и сыновья Юрія сердились и возставали противъ этого рѣшенія: Юрій далъ прощальный пиръ племяннику, богато одарилъ его и отпустилъ въ Коломну со всѣми боярами его.

Но едва прибылъ Василій въ Коломну, какъ началъ призывать къ себѣ отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь отъ Юрія, потому что, говоритъ лѣтописецъ, не привыкли они служить галицкимъ князьямъ; однимъ словомъ, около Василія собрались всѣ тѣ, которые пришли бы къ нему и въ Москву по первому зову, но не успѣли этого сдѣлать, потому что Юрій напалъ на племянника врасплохъ, и этому только былъ обязанъ своимъ торжествомъ. Тогда старшіе Юрьевичи, Василій Косой и Димитрій Шемяка, увидя исполненіе своихъ опасеній, обратили ярость свою на главнаго виновника отцовской ошибки, и убили Семена Морозова въ дворцовыхъ сѣняхъ, приговаривая: „Ты злодѣй, крамольникъ! Ты ввелъ отца нашего въ бѣду и намъ издавна крамольникъ и лиходѣй". Избѣгая отцовскаго гнѣва, убійцы удалились изъ Москвы; тогда Юрій, видя себя оставленнымъ всѣми, послалъ къ Василію звать его обратно на великое княженіе, а самъ уѣхалъ въ Галичъ, сопровождаемый только пятью человѣками [59]. Такъ торжественно была показана невозможность возстановленія старины! Но борьба этимъ не кончилась.

Удаляясь изъ Москвы, въ пылу негодованія на двоихъ старшихъ сыновей, Василія Косаго и Димитрія Шемяку, Юрій отдѣлилъ ихъ дѣло отъ своего и заключилъ съ Василіемъ Васильевичемъ договоръ, въ которомъ за себя и за младшаго сына, любимца своего, Димитрія Краснаго, отказался принимать къ себѣ Косаго и Шемяку, отказался отъ Дмитрова, вмѣсто котораго взялъ Бѣжецкій Верхъ съ разными другими волостями; призналъ племянника старшимъ братомъ, который одинъ имѣетъ право знать Орду; старый дядя выговорилъ только не садиться на коня, когда племянникъ самъ поведетъ свои полки, не ѣздить къ племяннику и не давать ему помощи на Литву, гдѣ по смерти Витовта княжилъ побратимъ и своякъ Юрьевъ, Свидригайло. Что же касается Ивана Димитріевича, то есть извѣстіе, что онъ былъ схваченъ великимъ княземъ Василіемъ и ослѣпленъ, села его были взяты въ казну великокняжескую за его вину, какъ сказано въ договорѣ Юрія съ Василіемъ [60]. Понадѣявшись на обѣщаніе дяди, Василій отправилъ воеводу своего, князя Юрія Патрикѣевича, къ Костромѣ на Косаго и Шемяку; но тѣ съ Вятчанами и Галичанами разбили московское войско на рѣкѣ Куси и взяли въ плѣнъ воеводу. Василій узналъ, что дядя не сдержалъ своихъ обѣщаній, что полки его были въ войскѣ сыновей



при Куси, и потому въ 1434 году пошелъ на Юрія къ Галичу, сжегъ этотъ городъ, и заставилъ дядю бѣжать на Бѣлоозеро. Но когда Василій ушелъ домой, Юрій также возвратился въ Галичъ, послалъ за сыновьями, за Вятчанами, и весною двинулся на московскаго князя съ большою силою. Онъ встрѣтилъ двухъ племянниковъ—Василія московскаго и Ивана можайскаго (сына умершаго Андрея Димитріевича) въ ростовской области, у св Николы на горѣ, и разбилъ ихъ: Василій убѣжалъ въ Новгородъ, Иванъ можайскій въ Тверь, вмѣстѣ съ матерью; Василій Васильевичъ послалъ къ нему боярина съ просьбою не отступать отъ него въ бѣдѣ; но можайскій отвѣчалъ: „Господинъ и государь! гдѣ ни буду, вездѣ я твой человѣкъ, но теперь нельзя же мнѣ потерять свою отчину и мать свою заставить скитаться по чужой сторонѣ.“ Позванный Юріемъ, Иванъ отправился къ нему въ Троицкій монастырь, и вмѣстѣ съ дядею приступилъ къ Москвѣ, которая сдалась по прошествіи недѣли, при чемъ мать и жена Васильевы попались въ плѣнъ и были отосланы въ Звенигородъ. Самъ Василій, не видя ни откуда помощи, перебрался изъ Новгорода Великаго въ Нижній, и слыша о погонѣ за собою отъ Юрьевичей, которые стояли во Владимірѣ, сбирался въ Орду, какъ вдругъ узналъ о скоропостижной смерти Юрія [61], и о томъ, что старшій сынъ послѣдняго, Василій Косой, занялъ столъ московскій, по новому обычаю.

Но братья Косаго, два Димитрія—Шемяка и Красный, послали сказать ему: „Если Богу не угодно, чтобъ княжилъ отецъ нашъ, то тебя сами не хотимъ“,—и въ то же время послали къ Василію Васильевичу въ Нижній звать его на великое княженіе въ Москву; они знали, что брату ихъ не удержаться въ Москвѣ, и спѣшили добровольнымъ признаніемъ Василія получить расположеніе послѣдняго и прибавки къ своимъ удѣламъ. Василій Васильевичъ дѣйствительно отдалъ Шемякѣ удѣлъ умершаго дяди Константина Дмитріевича—Ржеву и Угличъ, Димитрію Красному Бѣжецкій Верхъ, но за то удержалъ за собою удѣлъ дяди Петра—Дмитровъ и удѣлъ Косаго—Звенигородъ [62]; кромѣ того выговорилъ, чтобъ Шемяка не вступался въ Вятку, воинственное народонаселеніе которой давало постоянно дѣятельную помощь Юрію.—Косой былъ изгнанъ изъ Москвы и лишенъ удѣла; ему не оставалось ничего, кромѣ самыхъ отчаянныхъ средствъ, которыя слѣдовательно условливались его положеніемъ и притомъ еще личнымъ характеромъ. Вообще, чтобъ

уяснить себѣ характеръ Косаго и Шемяки, надобно войти въ ихъ положеніе: притязанія отца вовлекли ихъ во вражду съ Василіемъ московскимъ, изъ которой имъ не было выхода. Когда отецъ ихъ овладѣлъ въ первый разъ Москвою, они требовали насильственныхъ мѣръ противъ Василія, понимая, что дѣло идетъ о томъ: кому быть московскимъ княземъ и кому быть слугою московскаго князя; теперь, когда восторжествовалъ Василій, Юрьевичи чувствуютъ, что побѣдитель долженъ употребить противъ нихъ тѣ же самыя средства, какія прежде они сами хотѣли употребить противъ него, и если они примиряются съ нимъ, то это примиреніе вынуждено только обстоятельствами, ненадежно, и обѣ стороны пользуются имъ для отысканія средствъ къ возобновленію борьбы. Но во имя чего же идетъ эта борьба? Какое право поддерживаютъ Юрьевичи противъ Василія? Борьба идетъ во имя права самосохраненія: доведенные до отчаянія, озлобленные неудачею, Юрьевичи повинуются одному инстинкту самосохраненія и не разбираютъ средствъ для достиженія цѣли; но средства, употребляемыя Юрьевичами, вызываютъ подобныя же и со стороны ихъ соперника.

Косой бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ Великій; но скоро выѣхалъ оттуда, пограбивши по дорогѣ берега Мсты, Бѣжецкій Верхъ и Заволочье. Въ 1435 году онъ успѣлъ собрать войско въ Костромѣ и встрѣтился съ великимъ княземъ московскимъ въ ярославской волости, на берегу Которости, между Кузьминскимъ и Великимъ Селомъ: Богъ помогъ Василію Васильевичу, Косой бѣжалъ въ Кашинъ и, собравшись здѣсь съ силами, напалъ нечаянно на Вологду, гдѣ была застава (гарнизонъ) великокняжеская, захватилъ воеводъ и дворянъ московскихъ и послалъ за Вятчанами, которые не замедлили придти къ нему. Московскій князь пошелъ опять за нимъ къ Костромѣ и сталъ у нынѣшняго монастыря Ипатьевскаго, на мысѣ между Волгою и Костромою, за которою расположился Косой. Рѣка помѣшала биться и двоюродные братья помирились: великій князь отдалъ Косому въ удѣлъ Дмитровъ; почему же не прежній удѣлъ его Звенигородъ? почему и прежде Василій не далъ этого отцовскаго удѣла Шемякѣ и уступилъ ему удѣлъ Константина Димитріевича? Распоряженіе это объясняется послѣдующими распоряженіями: и послѣ великіе князья стараются перемѣнять владѣнія князей удѣльныхъ, дабы послѣдніе, постоянно живя въ одномъ удѣлѣ, не могли пріучить къ себѣ его жителей, пріобрѣсть ихъ

любовь. Юрьевичъ призналъ Василія Васильевича старшимъ братомъ, обязался не брать великаго княженія, если Татары будутъ давать ему его, обязался также отдать всю казну, увезенную имъ изъ Москвы, равно казну покойнаго дяди Константина. Въ этомъ же договорѣ встрѣчаемъ слѣдующее условіе: „Которые гости суконники завели крамолу на меня, великаго князя, и на мою мать, великую княгиню, да ушли изъ Москвы въ Тверь во время нашей войны, тѣхъ тебѣ не принимать“ [63].

Но миръ былъ не дологъ: проживъ только мѣсяцъ въ Дмитровѣ, Косой отправился опять въ Кострому, отославши къ великому князю разметныя грамоты. Проживши въ Костромѣ до зимняго пути, отправился къ брату въ Галичъ, отсюда къ Устюгу, куда пришли къ нему и Вятчане; не могши взять крѣпости устюжской Гледена силою, взялъ его на условіяхъ, но, нарушивъ ихъ, убилъ московскаго воеводу князя Оболенскаго, повѣсилъ десятильника владыки ростовскаго, и многихъ Устюжанъ перебилъ и перевѣшалъ [64]. И въ это самое время братъ Косаго Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя къ себѣ на свадьбу; но Василій Васильевичъ велѣлъ задержать его и стеречь въ Коломнѣ на все время войны съ братомъ его; третій же Юрьевичъ, Димитрій Красный, по своему кроткому характеру, не могъ возбудить подозрѣнія и былъ въ войскахъ великаго князя. Послѣдній встрѣтился съ Косымъ въ ростовской области, при селѣ Скорятинѣ. У Юрьевича, кромѣ Вятчанъ, былъ дворъ брата его Шемяки; съ великимъ княземъ, кромѣ Димитрія Краснаго, находился Иванъ можайскій и новоприбывшій изъ Литвы князь Иванъ Баба Друцкой, который изрядилъ свой полкъ съ копьями по литовскому обычаю. Косой не надѣялся одолѣть соперника силою и рѣшился употребить коварство: заключилъ съ великимъ княземъ перемиріе до утра, и когда Василій, понадѣявшись на это, распустилъ свои полки для сбора припасовъ, вдругъ прибѣжали къ нему сторожа съ вѣстію, что непріятель наступаетъ. Великій князь тотчасъ разослалъ по всѣмъ сторонамъ приказъ собираться, самъ схватилъ трубу и началъ трубить; полки московскіе успѣли собраться до прихода Косаго, который былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву, и когда союзники его, Вятчане, схватили воеводу великокняжескаго, князя Александра Брюхатаго, взяли съ него богатый окупъ, и несмотря на это, отвели къ себѣ въ плѣнъ, то великій князь велѣлъ ослѣпить Косого [65]. Ожесто-

ченная борьба, въ которой рѣшался вопросъ: кому стать сильнѣе всѣхъ и подчинить себѣ всѣхъ другихъ, давно уже шла между князьями, борьба, по означенному характеру не могшая отличаться мягкостію средствъ: такъ борьба между Москвою и Тверью кончилась гибелью четырехъ князей тверскихъ; московскіе князья погубили ихъ въ Ордѣ посредствомъ хана, но не менѣе того погубили; теперь же, въ борьбѣ между московскими князьями, соперники были поставлены въ положеніе гораздо опаснѣйшее: прежде вопросъ шелъ только о великомъ княженіи владимірскомъ, торжество одного князя еще не грозило такою близкою гибелью побѣжденному: онъ, его сыновья и внуки могли существовать какъ владѣльцы почти независимые, тогда какъ теперь обстоятельства были уже не тѣ. Косой обнаружилъ свой характеръ и свои цѣли, показалъ, что пока онъ живъ, имѣетъ средства вредить, до тѣхъ поръ Василій Васильевичъ не будетъ покоенъ; ханы въ это время потеряли прежнее значеніе, ихъ уже нельзя было употреблять орудіемъ для гибели соперника, и князьямъ было предоставлено раздѣлываться самимъ другъ съ другомъ.

По ослѣпленіи Косаго, великій князь выпустилъ брата его Шемяку изъ Коломны въ прежній удѣлъ и заключилъ съ нимъ договоръ, совершенно одинаковый съ предыдущимъ [66]. Въ 1440 году встрѣчаемъ новый договоръ съ Юрьевичемъ [67], гдѣ между прочимъ сказано слѣдующее: „Также и теперь что вы взяли на Москвѣ нынѣшнимъ приходомъ у меня, и у моей матери, и у моихъ князей, у бояръ моихъ и дѣтей боярскихъ, и что будетъ у васъ, то все вы должны отдать“. Это мѣсто ясно указываетъ на непріятельскій приходъ Юрьевичей къ Москвѣ. Лѣтописцы молчатъ объ этомъ приходѣ Шемяки подъ 1440 годомъ, и помѣщаютъ приходъ его подъ 1442, которому предшествовалъ походъ великаго князя на Юрьевича и бѣгство послѣдняго въ новгородскую область [68]; причиною вражды Василія къ Шемякѣ въ этомъ случаѣ было то, что Юрьевичъ ослушался зову великокняжескаго и не пошелъ помогать Москвѣ, когда она была осаждена ханомъ Улу-Махметомъ въ 1439 году [69]; соперники были примирены троицкимъ архимандритомъ Зиновіемъ. Если мы предположимъ, что въ лѣтописи перемѣшаны года, и этотъ походъ 1442 года должно отнести къ 1440, послѣ котораго и былъ заключенъ означенный договоръ, то дѣло можетъ объясниться легко: въ 1439 году Улу-Махметъ осаждалъ Москву;

Шемяка не явился на помощь, за что великій князь пошелъ на него и прогналъ въ новгородскую область; потомъ Шемяка, оправившись, явился самъ подъ Москвою и заключилъ миръ.

Такъ кончилась первая половина усобицы въ княженіе Василія Васильевича. За право дядей боролся одинъ Юрій, остальные три Димитріевича были на сторонѣ племянника, хотя, какъ видно, и не желали окончательнаго низложенія брата. Всѣ они умерли во время первой половины усобицы, до 1440 года; Петръ и Константинъ умерли бездѣтны; Андрей оставилъ двоихъ сыновей—Ивана можайскаго и Михаила верейскаго. Мы видѣли поведеніе Ивана можайскаго въ борьбѣ Юрія съ Василіемъ: чтобы не лишиться волости, чтобы не заставить мать свою скитаться по чужимъ сторонамъ, онъ принимаетъ сторону побѣдителя, увѣряя въ вѣрности своей побѣжденнаго,—таково обыкновенно поведеніе слабыхъ въ борьбѣ двухъ сильныхъ. До насъ дошелъ договоръ обоихъ Андреевичей съ Василіемъ Васильевичемъ, заключенный, какъ видно, еще до поѣздки въ Орду, когда еще Василій не былъ увѣренъ, что получитъ великое княженіе, ибо Андреевичи говорятъ: „А дастъ тебѣ Богъ достать свою вотчину, великое княженіе, то ты насъ пожалуешь, какъ обѣщался, изъ великаго княженія, по-пригожу". Андреевичи обязываются считать себя младшими братьями [70]. Послѣ торжества дяди Юрія, они заключили и съ нимъ договоръ, въ которомъ обязываются почитать его отцемъ, не сноситься съ Василіемъ Васильевичемъ, и, по кончинѣ Юрія, признать великое княженіе за дѣтьми его—знакъ, что Юрій, подъ предлогомъ старшинства, велъ борьбу вовсе не за старый порядокъ вещей, и, добывши себѣ великое княженіе, передавалъ его своимъ дѣтямъ, мимо законнаго по старинѣ наслѣдника [71]. Также точно обязался не искать великаго княженія московскаго подъ сыновьями Юрія и рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ, по матери родной племянникъ Юрію, который обязывается имѣть его племянникомъ; сынъ его Василій Косой обязывается имѣть рязанскаго князя братомъ равнымъ, Димитрій Шемяка и Димитрій Красный—братомъ старшимъ [72]. До насъ дошелъ также договоръ князя Василія Ярославича, внука Владиміра Андреевича, съ зятемъ (мужемъ сестры) и четвероюроднымъ братомъ, Василіемъ Васильевичемъ московскимъ. Въ этомъ договорѣ замѣчаемъ другой тонъ, гораздо униженнѣе: Василій Ярославичъ называетъ

московскаго князя старшимъ братомъ и отцемъ, обязывается держать подъ нимъ великое княженіе честно и грозно [73].

Съ 1440 года по 1445 у великаго князя не было враждебныхъ столкновеній съ Шемякою; послѣдній дожидался удобнаго случая для возобновленія борьбы, и этотъ случай наконецъ представился по поводу дѣлъ татарскихъ. Прежде поѣздки Василія Васильевича съ дядею въ Орду, для суда предъ ханомъ, мы встрѣчаемъ извѣстія объ обычныхъ набѣгахъ Татаръ на украинскія мѣста: въ 1425 году они приходили на рязанскую украйну, но были разбиты Рязанцами и потеряли всю добычу; въ концѣ 1428 года они напали нечаянно на галицкую область и стояли здѣсь мѣсяцъ; потомъ взяли Кострому, Плесо, Лухъ, и ушли Волгою внизъ. Великій князь Василій послалъ за ними въ погоню дядей своихъ Андрея и Константина Димитріевичей и боярина Ивана Димитріевича съ полками московскими; они не догнали Татаръ и возвратились; но князь Θедоръ Стародубскій Пестрый съ Θедоромъ Константиновичемъ Добрынскимъ, тайкомъ отъ московскихъ князей, погнались за Татарами, догнали задніе отряды и побили. Тотъ же князь Θедоръ Давыдовичъ Пестрый, по приказанію князя московскаго, ходилъ на Болгаръ и поплѣнилъ всю ихъ землю въ 1431 году. Въ 1437 году Татары опустошили границы рязанскія; но гораздо важнѣе были дѣла съ ними въ концѣ года, когда ханъ Улу-Махметъ, изгнанный изъ Золотой Орды братомъ своимъ, явился на границахъ русскихъ и засѣлъ въ Бѣлевѣ. Великій князь отправилъ противъ него сильные полки подъ начальствомъ обоихъ Юрьевичей — Шемяки и Краснаго, которые, по свидѣтельству лѣтописца, грабили по дорогѣ своихъ русскихъ, мучили людей, допытывались у нихъ имѣнія, били скотъ и позволяли себѣ всякаго рода неприличные поступки [74]. Когда они пришли къ Бѣлеву, то ханъ испугался, прислалъ просить мира, отдаваясь на всю волю князей русскихъ, но тѣ не послушали его рѣчей, двинулись къ городу и нанесли Татарамъ сильное пораженіе. На другой день татарскіе мурзы пріѣхали опять для переговоровъ съ великокняжескими воеводами: ханъ давалъ сына и мурзъ своихъ въ заложники, обязывался, пока живъ, стеречь русскую землю и не требовать никакихъ выходовъ. Но воеводы не соглашались и на эти условія; тогда мурзы сказали имъ: „Не хотите мира, такъ оглянитесь назадъ!“ — и воеводы увидали, что все русское войско бѣжитъ назадъ передъ Татарами. Причиною этого бѣгства былъ

литовскій мценскій воевода Григорій Протасьевъ, присланный своимъ княземъ на помощь москвичамъ; онъ передался на сторону хана и началъ говорить московскимъ воеводамъ: „Великій князь мой прислалъ ко мнѣ приказъ, чтобъ я не бился съ ханомъ, а заключилъ съ нимъ миръ и распустилъ полки.“ Когда московскіе воеводы пріуныли отъ этого объявленія, Протасьевъ послалъ ночью къ хану, чтобъ тотъ утромъ нападалъ на московскую рать. Утро, какъ нарочно, было мглистое, и русскіе сторожа не видали какъ Татары вышли изъ города и напали на московскіе полки; Протасьевъ побѣжалъ прежде всѣхъ, крича: „Бѣги! бѣги!“ — и всѣ въ ужасѣ побѣжали за нимъ.

Послѣ этой побѣды, Улу-Махметъ пошелъ степью мимо русскихъ границъ, переправился черезъ Волгу и засѣлъ въ опустѣлой отъ русскихъ набѣговъ Казани, гдѣ поставилъ себѣ деревянный городъ на новомъ мѣстѣ, и въ іюлѣ 1439 года явился нечаянно подъ Москвою. Великій князь не успѣлъ собраться съ силами и уѣхалъ за Волгу, оставивъ защищать Москву воеводу своего, князя Юрія Патрикѣевича: ханъ стоялъ 10 дней подъ городомъ, взять его не могъ, но надѣлалъ много зла русской землѣ; на возвратномъ пути сжегъ Коломну и погубилъ множество людей. Въ 1444 году султанъ Мустафа пришелъ на Рязань со множествомъ Татаръ, повоевалъ волости и села рязанскія и остановился въ степи для продажи плѣнниковъ, которыхъ выкупали Рязанцы. Когда плѣнные были всѣ выкуплены, Мустафа пришелъ опять въ Рязань, на этотъ разъ уже съ миромъ; хотѣлось ему зимовать въ городѣ, потому что въ степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорѣла пожаромъ, а зима была лютая, съ большими снѣгами и сильными вьюгами: отъ безкормицы лошади у Татаръ перемерли. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то великій князь отправилъ на Мустафу двоихъ воеводъ своихъ—князя Василія Оболенскаго и Андрея Голтяева, съ дворомъ своимъ, да Мордву на лыжахъ. Московскіе воеводы нашли Мустафу подъ Переяславлемъ на рѣчкѣ Листани, потому что Рязанцы выслали его изъ своего города. Несчастные Татары, полузамерзшіе, безконные, не могшіе владѣть луками по причинѣ сильнаго вихря, должны были выдержать нападеніе съ трехъ сторонъ: отъ воеводъ московскихъ, отъ Мордвы и отъ казаковъ рязанскихъ, которые упоминаются тутъ въ первый разъ. Несмотря на безпомощное состояніе свое, Татары рѣзались

крѣпко, по выраженію лѣтописца, живыми въ руки не давались, и были сломлены только превосходнымъ числомъ непріятелей, причемъ самъ Мустафа былъ убитъ. Другіе Татары въ томъ же году отплатили за Мустафу нападеніемъ и на рязанскую украйну, и на землю мордовскую; а въ 1445 году ханъ Улу-Махметъ засѣлъ въ старомъ Нижнемъ-Новгородѣ, и оттуда пришелъ къ Мурому. Великій князь вышелъ противъ него со всѣми своими силами, съ князьями Шемякою, обоими Андреевичами и Василіемъ Ярославичемъ; ханъ испугался и убѣжалъ назадъ въ старый Нижній-Новгородъ, только передовымъ полкамъ великокняжескимъ удалось побить Татаръ подъ Муромомъ, Гороховцемъ и въ другихъ мѣстахъ.

Но иначе кончилось дѣло при второй встрѣчѣ Василія съ Татарами Улу-Махметовыми. Весною того же года пришла въ Москву вѣсть, что двое сыновей Улу-Махметовыхъ опять появились въ русскихъ границахъ, и великій князь, заговѣвшись на Петровъ постъ, вышелъ противъ нихъ. Въ Юрьевъ прискакали къ нему нижегородскіе воеводы—князь Ѳедоръ Долголядовъ и Юшка Драница съ вѣстію, „что они выбѣжали ночью изъ города зажегши его, потому что не могли долѣе переносить голода: что было хлѣбнаго запасу, все переѣли“. Тогда великій князь, проведши Петровъ день въ Юрьевѣ, пошелъ къ Суздалю и сталъ на рѣкѣ Каменкѣ, куда пришли къ нему двоюродные братья Андреевичи и Василій Ярославичъ. 6 іюля московское войско переполошилось, надѣли доспѣхи, подняли знамена и выступили въ поле, но непріятель не показался, и великій князь, возвратившись въ станъ, сѣлъ ужинать съ князьями и боярами; долго пили ночью, встали на другой день уже послѣ солнечнаго восхода, и Василій, отслушавъ заутреню, хотѣлъ было опять лечь спать, какъ пришла вѣсть, что Татары переправляются черезъ рѣку Нерль. Великій князь тотчасъ же послалъ съ этою вѣстію по всѣмъ станамъ, самъ надѣлъ доспѣхи, поднялъ знамена и выступилъ въ поле, — но войска было у него мало, всего тысячи съ полторы, потому что полки союзныхъ князей не успѣли собраться, не успѣли придти и союзные Татары, не пришелъ и Шемяка, несмотря на то, что къ нему много разъ посылали [75]. Подлѣ Евѳиміева монастыря, по лѣвую сторону, сошлись русскіе полки съ Татарами, и въ первой стычкѣ рать великокняжеская обратила въ бѣгство Татаръ; но когда стала гнаться за ними въ безпорядкѣ, то непріятель обратился и нанесъ Русскимъ совершенное пораженіе.

Великій князь отбивался храбро, получилъ множество ранъ и былъ наконецъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Михаиломъ Андреевичемъ; князь Иванъ Андреевичъ можайскій былъ также раненъ и сбитъ съ коня, но успѣлъ пересѣсть на другого и спасся бѣгствомъ. Побѣдители разсыпались по окрестностямъ для грабежа, а сыновья ханскіе, остановившись въ Евфиміевѣ монастырѣ, сняли съ великаго князя крестъ-тѣльникъ и отослали въ Москву къ матери и женѣ плѣнника.

Когда узнали въ Москвѣ объ участи великаго князя, то поднялся плачъ великій и рыданіе многое, говоритъ лѣтописецъ. Но за этою бѣдою для Москвичей по слѣдамъ шла другая: ночью 14 іюля загорѣлся ихъ городъ и выгорѣлъ весь; не осталось ни одного дерева, а каменныя церкви распались и стѣны каменныя попадали во многихъ мѣстахъ; людей много погорѣло, по нѣкоторымъ извѣстіямъ 700 человѣкъ [76], по другимъ гораздо больше, духовныхъ и міряиъ, потому что съ одной стороны огонь, а съ другой боялись Татаръ; казны и всякаго товара сгорѣло множество, ибо изъ разныхъ городовъ собрались тогда жители въ Москву и сѣли въ осадѣ. Великія княгини—Софья и Марья съ дѣтьми и боярами уѣхали въ Ростовъ; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ великая княгиня Софья отправилась было сначала въ Тверь, но отъ рѣки Дубны была возвращена назадъ Шемякою. Между тѣмъ въ Москвѣ послѣ отъѣзда княгинь поднялось волненіе: тѣ, которые могли бѣжать, хотѣли оставить Москву; но чернь, собравшись, прежде всего начала строить городовыя ворота, хотѣвшихъ бѣжать хватали, били, ковали, и тѣмъ прекратили волненіе: всѣ вмѣстѣ начали укрѣплять городъ и готовить лѣсъ для постройки домовъ.

Между тѣмъ побѣдители—Татары подошли было ко Владиміру, но не рѣшились на приступъ, и удалились сперва къ Мурому, потомъ къ Нижнему, откуда Улу-Махметъ со всею Ордою и плѣннымъ великимъ княземъ отступилъ къ Курмышу, отправивши посла своего Бегича къ Шемякѣ, который могъ теперь думать, что благопріятная судьба внезапною, неожиданною развязкою даетъ ему желанное торжество. Онъ принялъ посла съ большою честію и отпустилъ его, по выраженію лѣтописца, „со всѣмъ лихомъ на великаго князя“, и вмѣстѣ съ Бегичемъ отправилъ къ хану своего посла, дьяка Дубенскаго хлопотать о томъ, чтобъ Василію не выйти на великое княженіе. Но ханъ хотѣлъ кончить дѣло какъ можно

скорѣе, какъ можно скорѣе получить выгоды отъ своей побѣды; думая, что посолъ его, долго не возвращавшійся отъ Шемяки, убитъ послѣднимъ, Махметъ вступилъ въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ и согласился отпустить его въ Москву. Касательно условій освобожденія свидѣтельства разногласятъ; въ большей части лѣтописей сказано: „Царь Улу-Махметъ и сынъ его утвердили великаго князя крестнымъ цѣлованіемъ, что дать ему съ себя окупъ, сколько можетъ"; но въ нѣкоторыхъ означена огромная сумма 200.000 рублей, намекается также и на другія какія-то условія: „А иное Богъ вѣсть, и они между собою"[77]; во всякомъ случаѣ трудно согласиться, чтобъ окупъ былъ умѣренный. Лѣтописи единогласно говорятъ, что съ великимъ княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья татарскіе со многими людьми. И прежде Василій принималъ татарскихъ князей въ службу и давалъ имъ кормленіе—средство превосходное противопоставлять варварамъ варваровъ же, средство, которое Россія должна была употреблять вслѣдствіе самаго своего географическаго положенія; но современники думали не такъ: мы видѣли, какъ они роптали, когда при отцѣ Василія давались литовскимъ князьямъ богатыя кормленія; еще болѣе возбудили ихъ негодованіе подобные поступки съ Татарами, потому что въ нихъ не могла еще тогда погаснуть сильная ненависть къ этому народу, и когда къ тому еще были наложены тяжкія подати, чтобъ достать деньги для окупа, то неудовольствіе обнаружилось въ самыхъ стѣнахъ Москвы: имъ спѣшилъ воспользоваться Шемяка. Теперь, больше чѣмъ когда-либо, Юрьевичъ долженъ былъ опасаться Василія, потому что посолъ его къ хану былъ перехваченъ и великій князь зналъ объ его замыслахъ; но, занятый дѣлами татарскими, онъ не могъ думать о преслѣдованіи Димитрія. Послѣдній спѣшилъ предупредить его и началъ сноситься съ княземъ Борисомъ тверскимъ и можайскимъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ, у котораго хотя прежде и было неудовольствіе съ великимъ княземъ, однако потомъ заключенъ былъ миръ: Василій далъ ему Козельскъ съ волостями, и можайскій князь вмѣстѣ съ братомъ, какъ мы видѣли, находились въ суздальской битвѣ[78]. Шемяка сообщилъ князьямъ слухъ, который носился тогда, объ условіяхъ Василія съ ханомъ Махмедомъ: шла молва, будто великій князь обѣщалъ отдать хану все московское княжество, а самъ удовольствовался Тверью. Князья тверской и можайскій повѣрили или сочли полезнымъ для

себя повѣрить, и согласились дѣйствовать заодно съ Шемякою и московскими недовольными, въ числѣ которыхъ были бояре, гости и даже чернецы [79], а главнымъ двигателемъ былъ Иванъ Старковъ; изъ бояръ Шемякиныхъ главными совѣтниками лѣтописецъ называетъ Константиновичей, изъ которыхъ послѣ на видномъ мѣстѣ является Никита Константиновичъ.

Въ 1446 году московскіе недовольные дали знать союзнымъ князьямъ, что Василій поѣхалъ молиться въ Троицкій монастырь; Шемяка и можайскій, ночью 12 февраля, овладѣли въ расплохъ Москвою, схватили мать и жену великаго князя, казну его разграбили, вѣрныхъ бояръ перехватали и пограбили, пограбили также многихъ гражданъ, и въ ту же ночь можайскій отправился къ Троицѣ съ большою толпою своихъ и Шемякиныхъ людей. Великій князь слушалъ обѣдню, 13 числа, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ церковь рязанецъ Бунко и объявляетъ ему, что Шемяка и можайскій идутъ на него ратію. Василій не повѣрилъ ему, потому что Бунко незадолго передъ тѣмъ отъѣхалъ отъ него къ Шемякѣ: „Эти люди только смущаютъ насъ, сказалъ великій князь: можетъ ли быть, чтобы братья пошли на меня, когда я съ ними въ крестномъ цѣлованіи?“—и велѣлъ выбить Бунка изъ монастыря, поворотить его назадъ. Не повѣривши Бунку, великій князь послалъ однако на всякій случай сторожей къ Радонежу [80] (на гору), но сторожа просмотрѣли ратныхъ людей можайскаго, ибо тѣ увидали ихъ прежде и сказали своему князю, который велѣлъ собрать много саней иныя съ рогожами, другія съ полостями, и положить въ нихъ по два человѣка въ доспѣхахъ, а третьему велѣлъ идти сзади, какъ будто за возомъ. Въѣхавши на гору, ратники выскочили изъ возовъ и перехватали сторожей, которымъ нельзя было убѣжать, потому что тогда снѣгъ лежалъ на девять пядей. Забравши сторожей, войско можайскаго пошло тотчасъ же къ монастырю. Великій князь увидалъ непріятелей, какъ они скакали съ Радонежской горы къ селу Клементьевскому, и бросился-было на конюшенный дворъ, но здѣсь не было ни одной готовой лошади, потому что самъ онъ прежде не распорядился, понадѣявшись на крестное цѣлованіе, а люди всѣ оторопѣли отъ страха. Тогда Василій побѣжалъ въ монастырь, къ Троицкой церкви, куда пономарь впустилъ его и заперъ за нимъ двери. Тотчасъ послѣ этого вскакали на монастырь и враги; прежде всѣхъ въѣхалъ бояринъ Шемякинъ Никита Константиновичъ, кото-

рый разлетѣлся на конѣ даже на лѣстницу церковную, но какъ сталъ слѣзать съ лошади, споткнулся объ камень, лежавшій на паперти, и упалъ: когда его подняли, то онъ едва очнулся, шатался точно пьяный, и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Потомъ въѣхалъ на монастырь и самъ князь Иванъ, и сталъ спрашивать гдѣ князь великій? Василій, услыхавъ его голосъ, закричалъ ему изъ церкви: „Братья! помилуйте меня! позвольте мнѣ остаться здѣсь, смотрѣть на образъ Божій, пречистой Богородицы, всѣхъ святыхъ: я не выйду изъ этого монастыря, постригусь здѣсь",—и, взявши икону съ гроба Св. Сергія, пошелъ къ южнымъ дверямъ, самъ отперъ ихъ, и, встрѣтивъ князя Ивана съ иконою въ рукахъ, сказалъ ему: „Братъ! цѣловали мы животворящій крестъ и эту икону, въ этой самой церкви, у этого гроба чудотворцева—что не мыслить намъ другъ на друга никакого лиха, а теперь не знаю, что надо мною дѣлается?" Иванъ отвѣчалъ: „Государь! если мы захотимъ сдѣлать тебѣ какое зло, то пусть это зло будетъ надъ нами: а что теперь дѣлаемъ, такъ это мы дѣлаемъ для христіанства, для твоего окупа. Татары, которые съ тобою пришли, когда увидятъ это, облегчатъ окупъ."

Василій, поставивъ икону на мѣсто, упалъ предъ чудотворцевымъ гробомъ, и сталъ молиться съ такими слезами, воплемъ и рыданіемъ, что прослезилъ самихъ враговъ своихъ. Князь Иванъ, помолившись немного въ церкви, вышелъ вонъ, сказавши Никитѣ: „Возьми его." Великій князь, помолившись, всталъ и, оглянувшись кругомъ, спросилъ: „Гдѣ же братъ, князь Иванъ?" Вмѣсто отвѣта подошелъ къ нему Никита Константиновичъ, схватилъ его за плеча, и сказалъ: „Взятъ ты великимъ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ." Василій сказалъ на это: „Да будетъ воля Божія!" Тогда Никита вывелъ его изъ церкви и изъ монастыря, послѣ чего посадили его на голыя сани, съ чернецомъ напротивъ, и повезли въ Москву; бояръ великокняжескихъ также перехватали, но о сыновьяхъ, Иванѣ и Юріи, бывшихъ вмѣстѣ съ отцемъ въ монастырѣ, даже и не спросили. Эти малолѣтные князья днемъ спрятались вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ слугъ, а ночью убѣжали въ Юрьевъ, къ князю Ивану Ряполовскому въ село его Боярово: Ряполовскій, взявши ихъ, побѣжалъ вмѣстѣ съ братьями, Семеномъ и Димитріемъ, и со всѣми людьми своими въ Муромъ и тамъ заперся.

Между тѣмъ великаго князя привезли въ Москву на ночь 14 февраля и посадили на дворѣ Шемякинѣ; 16 числа на ночь ослѣпили и сослали въ Угличъ вмѣстѣ съ женою, а мать, великую княгиню Софью Витовтовну, отослали на Чухлому. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приведены причины, побудившія Шемяку ослѣпить Василія: „Зачѣмъ привелъ Татаръ на русскую землю, и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Татаръ и рѣчь ихъ любишь сверхъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости; золото, серебро и всякое имѣніе отдаешь Татарамъ; наконецъ, зачѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича?“—Услыхавши объ ослѣпленіи великаго князя, братъ жены его, князь Василій Ярославичъ, вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Ивановичемъ Оболенскимъ, убѣжали въ Литву. Мы видѣли литовскихъ князей въ Москвѣ, теперь видимъ явленіе обратное: и великіе князья литовскіе принимаютъ московскихъ выходцевъ точно также, какъ московскіе принимали литовско-русскихъ,—съ честію, даютъ имъ богатыя кормленія: такъ Василію Ярославичу дали Брянскъ, Гомель, Стародубъ, Мстиславль и многія другія мѣста. Изъ бояръ и слугъ Василіевыхъ одни присягнули Шемякѣ, другіе убѣжали въ Тверь; всѣхъ отважнѣе поступилъ Ѳедоръ Басенокъ, объявившій, что не хочетъ служить Шемякѣ, который за это велѣлъ заковать его въ желѣза; но Басенокъ успѣлъ вырваться изъ нихъ, убѣжалъ въ Коломну, подговорилъ тамъ многихъ людей, разграбилъ съ ними коломенскій уѣздъ и ушелъ въ Литву къ князю Василію Ярославичу, который отдалъ ему и князю Семену Оболенскому Брянскъ [81].

Шемяка видѣлъ, что не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока сыновья Василія находятся на свободѣ въ Муромѣ съ многочисленною дружиною, но не смѣлъ послать противъ нихъ войско, боясь всеобщаго негодованія противъ себя, и придумалъ слѣдующее средство: призвалъ къ себѣ въ Москву рязанскаго епископа Іону и сталъ говорить ему: „Батюшка! поѣзжай въ свою епископію, въ Муромъ, и возьми на свою епитрахиль дѣтей великаго князя Василія, а я съ радостію ихъ пожалую, отца ихъ выпущу и вотчину дамъ достаточную, чѣмъ будетъ имъ можно жить.“ Владыка отправился въ Муромъ, и передалъ Ряполовскимъ слова Шемяки. Тѣ начали думать: „Если мы теперь святителя не послушаемъ, не пойдемъ къ князю Димитрію съ дѣтьми великокняжескими, то онъ придетъ съ войскомъ и городъ возьметъ; тогда и дѣти, и отецъ

ихъ, и мы всѣ будемъ въ его волѣ.“ Рѣшившись исполнить требованіе Шемяки, они сказали Іонѣ: „Мы не отпустимъ съ тобою дѣтей великокняжескихъ такъ просто, но пойдемъ въ соборную церковь, и тамъ возьмешь ихъ на свою епитрахиль.“ Іона согласился, пошелъ въ церковь, отслужилъ молебенъ Богородицѣ, взялъ дѣтей съ пелены отъ Пречистой на свою епитрахиль и поѣхалъ съ ними къ Шемякѣ въ Переяславль, куда прибылъ 6 мая. Шемяка принялъ малютокъ ласково, позвалъ на обѣдъ, одарилъ; но на третій день отослалъ къ отцу въ Угличъ, въ заточеніе. Тогда Ряполовскіе, увидавъ, что Шемяка не сдержалъ своего слова, стали думать, какъ бы освободить великаго князя изъ заточенія. Въ этой думѣ были съ ними вмѣстѣ: князь Иванъ Васильевичъ Стрига-Оболенскій, Иванъ Ощера съ братомъ Бобромъ, Юшка Драница, котораго прежде мы видѣли воеводою нижегородскимъ, Семенъ Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно и многіе другіе дѣти боярскіе. Они сговорились сойдтись къ Угличу въ Петровъ день, въ полдень. Семенъ Филимоновъ пришелъ ровно въ срокъ, но Ряполовскіе не могли этого сдѣлать, потому что были задержаны отрядомъ Шемяки, за ними посланнымъ; они разбили этотъ отрядъ, но зная, что уже опоздали, двинулись назадъ по новгородской области въ Литву, гдѣ соединились съ прежними выходцами, а Филимоновъ пошелъ опять къ Москвѣ.

Шемяка испугался этихъ движеній въ пользу плѣннаго Василія, послалъ за владыками и началъ думать съ ними, съ княземъ Иваномъ можайскимъ и боярами: выпускать ли плѣннаго Василія изъ заточенія или нѣтъ? Сильнѣе всѣхъ въ пользу Василія говорилъ епископъ Іона, нареченный митрополитъ; онъ каждый день твердилъ Шемякѣ: „Сдѣлалъ ты неправду, а меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ; ты обѣщалъ и князя великаго выпустить, а въ мѣсто того и дѣтей его съ нимъ посадилъ; ты мнѣ далъ честное слово, и они меня послушали, а теперь я остаюсь передъ ними лжецомъ. Выпусти его, сними грѣхъ съ своей души и съ моей! что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой да малыя дѣти? если боишься, укрѣпи его еще крестомъ честнымъ, да и нашею братьею, владыками.“ Шемяка рѣшился наконецъ освободить Василія, дать ему отчину, и осенью 1446 года [82] отправился въ Угличъ съ епископами, архимандритами и игуменами. Пріѣхавши туда, онъ выпустилъ Василія и дѣтей его изъ заключенія, каялся и просилъ у него прощенія; Василій так-

же въ свою очередь складывалъ всю вину на одного себя, говорилъ: „И не такъ еще мнѣ надобно было пострадать за грѣхи мои и клятвопреступленіе передъ вами, старшими братьями моими, и передъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ, которое изгубилъ и еще изгубить хотѣлъ. Достоинъ былъ я и смертной казни, но ты, государь, показалъ ко мнѣ милосердіе, не погубилъ меня съ моими беззаконіями, далъ мнѣ время покаяться.“ Когда онъ это говорилъ, слезы текли у него изъ глазъ какъ ручьи; всѣ присуствующіе дивились такому смиренію и умиленію, и плакали сами, на него глядя. На радости примиренія Шемяка далъ Василію, женѣ его и дѣтямъ большой пиръ, гдѣ были всѣ епископы, многіе бояре и дѣти боярскіе; Василій получилъ богатые дары и Вологду въ отчину, давши напередъ Шемякѣ проклятыя грамоты не искать великаго княженія. Но приверженцы Василія ждали только его освобожденія, и толпами кинулись къ нему. Затрудненіе состояло въ проклятыхъ грамотахъ, данныхъ на себя Василіемъ: Трифонъ, игуменъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря, снялъ ихъ на себя, когда Василій пріѣхалъ изъ Вологды въ его монастырь, подъ предлогомъ—накормить братію и раздать ей милостыню. Съ Бѣлаозера великій князь отправился къ Твери, которой князь Борисъ Александровичъ обѣщалъ ему помощь, съ условіемъ, чтобъ онъ обручилъ своего старшаго сына и наслѣдника Ивана на его дочери Марьѣ: жениху было тогда только семь лѣтъ. Василій согласился [83], и съ тверскими полками пошелъ на Шемяку къ Москвѣ.

Между тѣмъ князь Василій Ярославичъ и другіе московскіе выходцы, жившіе въ Литвѣ, еще не зная объ освобожденіи великаго князя, рѣшились, оставя семейства свои въ Литвѣ, идти къ Угличу и вывести оттуда Василія. Они уже назначили срокъ собраться всѣмъ въ Пацынѣ [84], какъ пришла вѣсть, что великій князь выпущенъ и дана ему Вологда. Тогда князь Василій Ярославичъ двинулся изъ Мстиславля, князь Семенъ Оболенскій съ Басенкомъ изъ Брянска, сошлись въ Пацынѣ, и получивши здѣсь вѣсть, что великій князь уже пошелъ изъ Вологды на Бѣлоозеро, и оттуда въ Твери, двинулись къ нему на помощь. Близь Ельны встрѣтили они татарскій отрядъ и начали было уже съ нимъ стрѣляться, какъ Татары закричали: „кто вы?“ Они отвѣчали: „Москвичи; идемъ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ искать своего государя, великаго князя Василія Васильевича, сказываютъ, что онъ уже выпущенъ;

а вы кто?"—Татары отвѣчали: мы пришли изъ страны черкасской, съ двумя царевичами, дѣтьми Улу-Махметовыми, Касимомъ и Эгупомъ; слышали царевичи о великомъ князѣ, что онъ пострадалъ отъ братьевъ, и пошли искать его за прежнее добро и за хлѣбъ, потому что много его добра до насъ было." Когда дѣло такимъ образомъ объяснилось, Москвичи и Татары съѣхались, дали другъ другу клятву и пошли вмѣстѣ искать великаго князя. Шемяка, съ княземъ Иваномъ можайскимъ, выступилъ къ Волоку, навстрѣчу непріятелю, но въ его отсутствіе Москва также внезапно и легко была захвачена приверженцами Василія Васильевича, какъ прежде приверженцами Шемяки. Бояринъ Михаилъ Борисовичъ Плещеевъ, отправленный великимъ княземъ съ очень небольшимъ отрядомъ войска, пробрался мимо Шемякиной рати и подъѣхалъ къ Москвѣ въ ночь наканунѣ Рождества Христова, въ самую заутреню; Никольскія ворота были отворены для княгини Ульяны, жены Василія Владиміровича (сына Владиміра Андреевича); этимъ воспользовался Плещеевъ и ворвался въ Кремль: Шемякинъ намѣстникъ, Ѳедоръ Галицкій, убѣжалъ отъ заутрени изъ собора: намѣстникъ князя Ивана можайскаго, Василій Шига, выѣхалъ было изъ Кремля на лошади, но былъ схваченъ истопникомъ великой княгини, Ростопчею, и приведенъ къ воеводамъ, которые сковали его вмѣстѣ съ другими боярами Шемяки и Можайскаго, а съ гражданъ взяли присягу на имя великаго князя Василія, и начали укрѣплять городъ.

Великій князь, узнавши, что Москва за нимъ, двинулся къ Волоку на Шемяку и Можайскаго, которые, видя, что изъ Твери идетъ великій князь, изъ Литвы Василій Ярославичъ съ Татарами, Москва взята и люди бѣгутъ отъ нихъ толпами, побѣжали къ Галичу, оттуда въ Чухлому, гдѣ взяли съ собою мать великаго князя, Софью Витовтовну, и отправились въ Каргополь. Василій, отпустивши жену въ Москву, пошелъ за ними, взялъ Угличъ, который сдался только тогда, когда тверской князь прислалъ пушки осаждающимъ; въ Угличѣ соединился съ великимъ княземъ Василій Ярославичъ и всѣ вмѣстѣ пошли къ Ярославлю, гдѣ соединились съ татарскими царевичами. Изъ Ярославля Василій послалъ сказать Шемякѣ: „Братъ князь Димитрій Юрьевичъ! какая тебѣ честь или хвала держать въ плѣну мою мать, а свою тетку? неужели ты этимъ хочешь мнѣ отмстить? я уже на своемъ столѣ, на великомъ княженіи!" Отпустивши съ этимъ посла къ Шемякѣ, великій князь отправился въ Москву, куда пріѣхалъ 17 февраля 1447 года; а Шемяка, выслу-

шавши посла Василіева, сталъ думать съ своими боярами: „Братья, говорилъ онъ имъ: что мнѣ томить тетку и госпожу свою, великую княгиню? самъ я бѣгаю, люди надобны самому, они уже и такъ истомлены, а тутъ еще надобно ее стеречь,—лучше отпустимъ ее“. Порѣшивши на этомъ, онъ отпустилъ Софью изъ Каргополя съ бояриномъ своимъ, Михаиломъ Ѳедоровичемъ Сабуровымъ, и дѣтьми боярскими. Великій князь, услыхавъ, что мать отпущена, поѣхалъ къ ней на встрѣчу въ Троицкій монастырь, а оттуда съ нею же вмѣстѣ въ Переяславль; бояринъ Шемякинъ, Сабуровъ, со всѣми своими товарищами, добилъ челомъ великому князю, чтобы принялъ ихъ къ себѣ въ службу.

Послѣ этого Шемяка съ Можайскимъ рѣшились просить мира и обратились къ посредничеству князей, остававшихся вѣрными Василію—Михаила Андреевича верейскаго и Василія Ярославича серпуховскаго, заключили съ ними перемиріе, и въ перемирномъ договорѣ обѣщались бить челомъ своему господину, брату старшему, великому князю Василію Васильевичу, чтобы принялъ ихъ въ любовь и миръ и пожаловалъ ихъ прежними ихъ отчинами, за что обязывались возвратить всю казну, захваченную ими у великаго князя, его матери, жены, женниной матери [85] и бояръ; кромѣ того Шемяка отступался отъ пожалованія великаго князя—Углича, Ржевы и Бѣжецкой волости, а Можайскій отступался отъ Козельска, Алексина и Лисина, обѣщались отдать всѣ взятые въ казнѣ великокняжеской договорныя грамоты, ярлыки и дефтери. Любопытно высказанное въ этомъ договорѣ недовѣріе: Шемяка и Можайскій просятъ, чтобы великій князь не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ тамъ митрополита, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности. На основаніи этихъ статей заключенъ былъ миръ между Шемякою, Иваномъ можайскимъ и великимъ княземъ. Но мы видѣли, что и Василій далъ Шемякѣ въ Угличѣ проклятыя грамоты.

Теперь мы должны обратиться нѣсколько назадъ и посмотрѣть, что сдѣлалъ Шемяка, сидя въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ. Положеніе его здѣсь было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василія, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примышлять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ пріобрѣсти расположеніе другихъ князей. Обязанный своимъ успѣхомъ содѣйствію князя

Ивана Андреевича можайскаго, онъ отдалъ ему суздальское княжество; но правнуки Димитрія Константиновича были еще живы, и какъ видно, княжили въ Суздалѣ, неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ къ московскимъ князьямъ. Когда Шемяка снова лишился Москвы, то заключилъ съ ними договоръ [86], призналъ старшаго брата, князя Василія Юрьевича сыномъ, младшаго князя Өедора Юрьевича племянникомъ; но сынъ Шемяки, князь Иванъ Димитріевичъ, долженъ былъ считать князя Василія Юрьевича братомъ равнымъ, слѣдовательно въ случаѣ смерти Шемяки, суздальскій князь, будучи равнымъ сыну его и наслѣднику, имѣлъ равное съ нимъ право на великое княженіе владимірское. Шемяка обязался не отдавать Суздаля князю можайскому, какъ отдалъ прежде, не вступаться въ прадѣдину, дѣдину и отчину обоихъ братьевъ, Суздаль, Новгородъ-Нижній, Городецъ и Вятку. Здѣсь, какъ видно, нарочно прибавлено: прадѣдину, чтобъ показать давность права князей на эти области. Шемяка уступаетъ суздальскимъ одно изъ самыхъ важныхъ правъ— вѣдаться самимъ съ Ордою; обязывается не заключать никакихъ договоровъ съ великимъ княземъ Василіемъ безъ вѣдома князей суздальскихъ. Касательно оборонительнаго и наступательнаго союза обязанности равныя: если самъ Шемяка поведетъ войско, то и князь суздальскій долженъ сѣсть на коня; если же пошлетъ сына, то и суздальскій князь посылаетъ только сына или брата. Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его (въ ихъ неверемя), должны отступиться отъ своихъ пріобрѣтеній; наконецъ читаемъ: „что мы, наши бояре и люди пограбили въ твоей отчинѣ, великомъ княженьи, то все оставить, пока дастъ тебѣ Богъ, велитъ достать своей отчины, великаго княженія“.

Обязанный уступать требованіямъ князей-союзниковъ, въ ущербъ силѣ московскаго княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ; граждане къ нему нерасположенные или, по крайней мѣрѣ, равнодушные, не могли найти противъ нихъ защиты на судѣ Шемякинѣ, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго.

Но послѣ торжества Василіева отношеніе московскаго князя къ другимъ князьямъ, союзнымъ и враждебнымъ, роднымъ и не роднымъ, принимаютъ прежній характеръ. Мы видѣли, на какихъ осно-

ваніяхъ заключенъ былъ миръ съ Шемякою и Можайскимъ; до насъ дошла договорная грамота послѣдняго съ великимъ княземъ [87]; Можайскій повторяетъ въ ней: „что ты, господинъ князь великій, отъ насъ потерпѣлъ, за то за все ни ты самъ, ни твоя мать, ни жена, ни дѣти не должны мстить ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ, не должны ничего этого ни помнить, ни поминать, ни на сердцѣ держать". Когда дѣтямъ великокняжескимъ исполнится по 12 лѣтъ, то они должны сами цѣловать крестъ въ соблюденіи этого договора. Договаривающіеся ставятъ въ свидѣтели Бога, Богородицу, великихъ чудотворцевъ, великаго Святителя Николу, св. Петра митрополита, свв. Леонтія Ростовскаго, Сергія и Кирилла, молитву родителей, отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ; а поруками—князя тверскаго, его жену (сестру Можайскаго); князей Михаила Андреевича и Василія Ярославича; кто нарушитъ договоръ, на томъ не будетъ милости Божіей, Богородицы, молитвы означенныхъ святыхъ и родительской, а поруки будутъ съ правомъ на виноватаго.

Союзъ можайскаго князя пока еще былъ нуженъ Василію, и въ сентябрѣ 1447 года заключенъ былъ съ нимъ новый договоръ [88], по которому великій князь пожаловалъ Ивана Андреевича Бѣжецкимъ Верхомъ, половиною Заозерья и Лисинымъ; Можайскій клянется держать великое княженіе честно и грозно безъ обиды, въ случаѣ смерти Василія обязуется признать его сына великимъ княземъ и быть съ ними заодно, ходить на войну по приказу великокняжескому безъ ослушанья, но выговариваетъ опять: „а къ тебѣ, великому князю, мнѣ не ѣздить, пока Богъ не дастъ отца нашего митрополита въ землѣ нашей". Князья, оставшіеся вѣрными Василію, были награждены: въ іюнѣ 1447 года заключенъ былъ договоръ [89] съ Михайломъ Андреевичемъ верейскимъ, по которому тотъ получилъ освобожденіе отъ татарской дани на два года, кромѣ того большую часть Заозерья въ вотчину; серпуховской князь Василій Ярославичъ получилъ за свои услуги Дмитровъ и еще нѣсколько волостей [90].

Всѣ эти князья были довольны, не могъ быть доволенъ одинъ Шемяка. Вездѣ, въ Новгородѣ и Казани, между князьями удѣльными и въ стѣнахъ самой Москвы, онъ заводилъ крамолы, хотѣлъ возбудить нерасположеніе къ Василію: онъ не переставалъ сноситься съ Новгородомъ, называя себя великимъ княземъ и требуя помощи отъ гражданъ, повторяя старое обвиненіе Василію, что по его по-

блажкѣ Москва въ рукахъ Татаръ, не прекратилъ сношеній и съ прежнимъ союзникомъ своимъ, Иваномъ можайскимъ: послѣдній не скрывалъ этого союза отъ великаго князя, послы его прямо говорили Василію: „Если пожалуешь князя Димитрія Юрьевича, то все равно, что ты и меня, князь Ивана, пожаловалъ; если же не пожалуешь князя Димитрія, то это значитъ, что и меня ты не пожаловалъ“ [81]. Изъ этого свидѣтельства видно, что Шемяка просилъ у великаго князя волостей, потерянныхъ по договору 1447 года или другихъ какихъ-либо, и не получалъ просимаго. Отказавшись отъ всякой власти надъ Вяткою, Шемяка между тѣмъ посылалъ подговаривать ея безпокойное народонаселеніе на Москву; поклявшись не сноситься съ Ордою, Шемяка держалъ у себя казанскаго посла, и легко было догадаться, какіе переговоры велъ онъ съ ханомъ, потому что послѣдній сковалъ посла великокняжескаго; когда же отъ хана Большой Орды пришли послы въ Москву и великій князь послалъ къ Шемякѣ за выходомъ, то онъ не далъ ничего, отозвавшись, что ханъ Большой Орды не имѣетъ никакой власти надъ Русью. Поклявшись возвратить все захваченное имъ въ Москвѣ черезъ мѣсяцъ, Шемяка не возвращалъ и по истеченіи шести мѣсяцевъ, особенно не возвращалъ ярлыковъ и грамотъ. Далѣе, въ договорѣ находилось условіе, общее всѣмъ княжескимъ договорамъ того времени — что бояре, дѣти боярскіе и слуги вольные вольны переходить отъ одного князя къ другому, не лишаясь своихъ отчинъ, такъ что бояринъ одного князя, покинувъ его службу, перейдя къ другому, могъ жить однако во владѣніяхъ прежняго князя, и тотъ обязывался блюсти его, какъ своихъ вѣрныхъ бояръ. Но Шемяка не могъ смотрѣть равнодушно, что бояре его отъѣзжаютъ въ Москву и, вопреки клятвѣ, грабилъ ихъ, отнималъ села, дома, все имущество, находившееся въ его владѣніяхъ. Мы знаемъ, что младшимъ сыновьямъ великокняжескимъ давались части въ самомъ городѣ Москвѣ, и каждый изъ нихъ держалъ тіуна въ своей части: Шемяка, владѣя въ Москвѣ жребіемъ отца своего Юрія, посылалъ къ тіуну своему Ватазину грамоты, въ которыхъ приказывалъ ему стараться отклонять гражданъ отъ великаго князя. Эти грамоты были перехвачены, и Василій отдалъ дѣло на судъ духовенству.

Если русское духовенство въ лицѣ своего представителя, митрополита, такъ сильно содѣйствовало возвеличенію Москвы, то оди-

наково могущественно содѣйствовало и утвержденію единовластія; ибо въ это время духовенство сознательнѣе другихъ сословій могло смотрѣть на стремленіе великихъ князей московскихъ, вполнѣ оцѣнить это стремленіе. Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемой отъ Бога и независящей ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей, къ родовымъ отношеніямъ, не говоря уже о томъ, что усобицы княжескія находились въ прямой противоположности съ духомъ религіи, а безъ единовластія они не могли прекратиться. Вотъ почему, когда московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный. Мы видѣли, какъ митрополитъ Фотій въ началѣ Василіева княженія дѣйствовалъ противъ замысловъ дяди Юрія, какъ потомъ кирилловскій игуменъ Трифонъ разрѣшилъ Василія отъ клятвы, данной Шемякѣ; и теперь, когда Шемяка не соблюлъ своей клятвы и великій князь объявилъ объ этомъ духовенству, то оно вооружилось противъ Юрьевича и отправило къ нему грозное посланіе, замѣчательное по необыкновенному для того времени искусству, съ какимъ написано, по умѣнью соединить цѣли государственныя съ религіозными. Посланіе написано отъ лица пяти владыкъ, двухъ архимандритовъ, которые поименованы, и потомъ отъ лица всего духовенства. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ владыки одинъ за другимъ: они написаны по старшинству городовъ, и первое мѣсто занимаетъ владыка ростовскій. Ростовъ Великій, давно утратившій свое значеніе, давно преклонившійся предъ пригородами своими, удерживаетъ прежнее мѣсто относительно церковной іерархіи и напоминаетъ, что область, въ которой находится теперь историческая сцена дѣйствія, есть древняя область ростовская; за нимъ слѣдуетъ владыка суздальскій, и уже третье мѣсто занимаетъ нареченный митрополитъ Іона, владыка рязанскій, за которымъ слѣдуютъ владыки коломенскій и пермскій. Второе, что останавливаетъ насъ здѣсь—это единство русскаго духовенства: Іона, епископъ рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственное стремленіе московскаго князя, и московскій князь не медлитъ дать свое согласіе на возведеніе этого

епископа въ санъ митрополита, зная, что рязанскій владыка не принесетъ въ Москву областныхъ рязанскихъ стремленій.

Въ первыхъ строкахъ посланія духовенство высказываетъ ясно свою основную мысль о царственномъ единодержавіи: оно сравниваетъ грѣхъ отца Шемякина, Юрія, помыслившаго беззаконно о великомъ княженіи, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. „Сколько трудовъ перенесъ отецъ твой, говоритъ духовенство Шемякѣ; сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола все не получилъ, чего ему Богомъ не дано ни земскою изначала пошлиною". Послѣдними словами духовенство объявляетъ себя прямо на сторонѣ новаго порядка престолонаслѣдія, называя его земскою изначала пошлиною. Упомянувъ о поступкахъ и неудачахъ Юрія и Василія Косого, духовенство обращается къ поступкамъ самого Шемяки; укоривъ его тѣмъ, что онъ не подавалъ никогда помощи великому князю въ борьбѣ его съ Татарами, переходитъ къ ослѣпленію Василія: „Когда великій князь пришелъ изъ плѣна на свое государство, то дьяволъ вооружилъ тебя на него желаніемъ самоначальства: разбойнически, какъ ночной воръ, напалъ ты на него, будучи въ мирѣ, и поступилъ съ нимъ не лучше того, какъ поступили древніе братоубійцы Каинъ и Святополкъ окаянный. Но разсуди, какое добро сдѣлалъ ты православному христіанству, или какую пользу получилъ самому себѣ, много ли нагосподарствовалъ, пожилъ ли въ тишинѣ? Не постоянно ли жилъ ты въ заботахъ, въ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто, днемъ томился тяжелыми думами, ночью дурными снами? Ища и желая большаго, ты погубилъ и свое меньшее". Потомъ приводится послѣдняя договорная грамота Шемяки съ великимъ княземъ и показывается, что Юрьевичъ не соблюлъ ни одного условія. Духовенство отстраняетъ упрекъ, дѣлаемый великому князю за то, что онъ держитъ въ службѣ своей Татаръ: „Если Татары живутъ въ землѣ христіанской, то это потому, что ты не хочешь соблюдать договора, слѣдовательно всѣ слезы христіанскія, проливаемыя отъ Татаръ, на тебѣ же. Но какъ скоро ты съ своимъ старшимъ братомъ, великимъ княземъ, управишься во всемъ чисто, по крестному цѣлованію, то мы ручаемся, что великій князь сейчасъ же вышлетъ Татаръ вонъ изъ земли". Какъ видно, Шемяка сильно досадовалъ на духовенство за то, что оно держитъ сторону Василія, и выражалъ на словахъ свою досаду;

духовенство пишетъ: „Ты оскверняешь наши святыя епитрахили неподобными своими богомерзкими рѣчами; это дѣлаешь ты не какъ христіанинъ, но хуже и поганыхъ, ибо самъ знаешь, что святыя епитрахили изображаютъ страданіе Господа нашего Іисуса Христа: епитрахили наши твоими рѣчами не могутъ никакъ оскверниться, но только ты самъ душу свою губишь“. Въ заключеніе духовенство говоритъ, что оно, по своему долгу, било челомъ за Шемяку великому князю, что тотъ послушалъ святительскаго слова и хочетъ мира съ двоюроднымъ братомъ, назначая ему срокъ для исполненія договора. Если же Шемяка и тутъ не исполнитъ условій, въ такомъ случаѣ духовенство отлучаетъ его отъ Бога, отъ церкви Божіей, отъ православной христіанской вѣры и предаетъ проклятію.

Шемяка не послушался увѣщаній духовенства, и въ 1448 году великій князь выступилъ въ походъ. Тогда Юрьевичъ, не пугавшійся церковнаго проклятія, испугался полковъ Василіевыхъ и послалъ просить мира къ великому князю, который остановился въ Костромѣ. Миръ былъ заключенъ, какъ видно, па прежнихъ условіяхъ, и Шемяка далъ на себя проклятыя грамоты. Іона, посвященный въ декабрѣ 1448 года въ митрополиты, увѣдомляя объ этомъ посвященіи своемъ князей, пановъ, бояръ, намѣстниковъ, воеводъ и все Христоименитое Господне людство, пишетъ: „Знаете, дѣти, какое зло и запустѣніе земля наша потерпѣла отъ князя Димитрія Юрьевича, сколько крови христіанской пролилось; потомъ князь Димитрій добилъ челомъ старшему брату своему, великому князю, и честный крестъ цѣловалъ, и не однажды, но все измѣнялъ; наконецъ написалъ на себя грамоту, что если вооружится опять на великаго князя, то не будь на немъ милости Божіей, Пречистыя Богоматери, великаго чудотворца Николы, св. чудотворцевъ Петра и Леонтія, преподобныхъ Сергія и Кирилла, благословенія всѣхъ владыкъ, и всего духовенства, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій; поэтому, продолжаетъ Іона, пишу къ вамъ, чтобы вы пощадили себя, не только тѣлесно, но особенно духовно, и посылали бить челомъ къ своему господарю великому князю о жалованьѣ, какъ ему Богъ положитъ на сердце. Если же не станете бить челомъ своему господарю, и прольется отъ того кровь христіанская, то вся эта кровь взыщется отъ Бога на васъ, за ваше окаменѣніе и неразуміе; будете чужды милости Божіей, своего христіанства, благословенія и молитвы нашего смиренія, да и всего великаго священства Божія благослове-

нія не будетъ на васъ; въ землѣ вашей никто не будетъ больше называться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, но всѣ Божія церкви затворятся отъ нашего смиренія“ [92].

Въ концѣ 1448 года увѣдомлялъ митрополитъ о мирѣ великаго князя съ Шемякою, а весною слѣдующаго 1449 года Шемяка уже нарушилъ крестное цѣлованіе, свои проклятыя грамоты, и въ самое Свѣтлое Воскресенье осадилъ Кострому, бился долго подъ городомъ, но взять его не могъ, потому что въ немъ была сильная застава (гарнизонъ) великокняжеская, подъ начальствомъ князя Ивана Стриги и Өедора Басенка. Скоро и самъ великій князь выступилъ съ полками противъ Шемяки, съ которымъ опять заодно дѣйствовалъ Иванъ Можайскій, а съ великимъ княземъ шли вмѣстѣ также могущественные союзники—митрополитъ и епископы. На Волгѣ, въ селѣ Рудинѣ, близъ Ярославля, встрѣтились непріятели, но битвы не было, потому что можайскій оставилъ Шемяку и помирился съ Василіемъ, который придалъ ему Бѣжецкій Верхъ. Мы видѣли, что Бѣжецкій Верхъ былъ отданъ Ивану гораздо прежде, въ 1447 году, но это нисколько не можетъ заставить насъ заподозрить приведенное лѣтописное извѣстіе, потому что до насъ не дошло никакихъ извѣстій о причинахъ, которыя побуждали Шемяку и Можайскаго возставать на великаго князя; очень можетъ быть, что у Можайскаго по чему-нибудь было отнято пожалованіе 1447 года; мы знаемъ, что еще въ февралѣ 1448 года Можайскій, чрезъ посредство тестя своего, князя Өедора Воротынскаго, вошелъ въ сношенія съ великимъ княземъ литовскимъ Казимиромъ, требуя помощи послѣдняго для овладѣнія столомъ московскимъ, за что обязывался писаться всегда Казимиру братомъ младшимъ, уступить Литвѣ Ржеву, Медынь, не вступаться въ Козельскъ и помогать во всѣхъ войнахъ, особенно противъ Татаръ [93]. Подъ 1450 годомъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о походѣ великаго князя на Шемяку къ Галичу: 27 января великокняжескій воевода, князь Василій Ивановичъ Оболенскій, напалъ на Шемяку, который стоялъ подъ городомъ со всею своею силою; Шемяка потерпѣлъ страшное пораженіе, и едва могъ спастись бѣгствомъ; Галичъ сдался великому князю, который посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ.

Лишенный удѣла, Шемяка скрылся сначала въ Новгородѣ, но потомъ, собравшись съ силами, захватилъ Устюгъ, земли онъ не

воевалъ, говоритъ лѣтописецъ, но привелъ добрыхъ людей къ присягѣ; кто же изъ нихъ не хотѣлъ измѣнить великому князю Василію, тѣхъ бросалъ въ рѣку Сухону, навязавши камень на шею; изъ Устюга ходилъ воевать къ Вологдѣ. Великій князь, занятый дѣлами татарскими, не могъ дѣйствовать противъ Шемяки въ 1451 году, и только въ началѣ 1452 выступилъ противъ него къ Устюгу; Шемяка испугался и убѣжалъ на рѣку Кокшенгу, гдѣ у него были городки; но преслѣдуемый и тамъ великокняжескими полками убѣжалъ опять въ Новгородъ. Въ 1453 году отправился туда изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый; онъ подговорилъ боярина Шемякина Ивана Котова, а тотъ подговорилъ повара: Юрьевичъ умеръ, поѣвши курицы, напитанной ядомъ. 23 іюня пригналъ къ великому князю изъ Новгорода подъячій, Василій Беда, съ вѣстію о смерти Шемякиной, и былъ пожалованъ за это въ дьяки [94].

Сынъ Шемаки Иванъ ушелъ въ Литву, гдѣ, какъ прежде враги отца его, нашелъ себѣ почетный пріемъ и кормленіе. Но кромѣ Шемяки въ московскомъ княжествѣ оставались еще другіе удѣльные князья, отъ которыхъ Василію надобно было избавиться; онъ началъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ Ивана можайскаго: въ 1454 году великій князь пошелъ къ Можайску на князя Ивана Андреевича, за его неисправленіе, говоритъ лѣтописецъ. Князь Иванъ не сопротивлялся; онъ выбрался изъ города съ женою, дѣтьми, со всѣми своими, и побѣжалъ въ Литву; Можайскъ былъ присоединенъ къ Москвѣ. Какое было неисправленіе Ивана можайскаго, узнаемъ изъ письма митрополита Іоны къ смоленскому епископу [95]: „Вы знаете, пишетъ митрополитъ, что и прежде этотъ князь Иванъ Андреевичъ сдѣлалъ съ нашимъ сыномъ, а съ своимъ братомъ старшимъ, но не скажу: съ братомъ, съ своимъ господаремъ, великимъ княземъ“. Здѣсь глава русскаго духовенства ясно говоритъ, что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, что князья удѣльные не суть братья великому, но подданные!—Вина Ивана можайскаго, по словамъ Іоны, состояла въ томъ, что во время двукратнаго нашествія Татаръ, митрополитъ посылалъ къ нему съ просьбою о помощи великому князю; но Иванъ не явился. Цѣль письма—чрезъ посредство смоленскаго владыки внушить литовскому правительству, чтобъ оно, принявъ бѣглеца, удовольствовалось этимъ, и не позволяло ему враждовать противъ Москвы, ибо это необхо-

димо должно вызвать непріязненное движеніе и со стороны Василія Васильевича.

Изъ остальныхъ удѣльныхъ князей всѣхъ безпокойнѣе могъ быть Василій Ярославичъ серпуховской, именно потому, что оказалъ большія услуги великому князю, и слѣдовательно имѣлъ большія притязанія на благодарность и уступчивость послѣдняго. Мы видѣли, что въ благодарность за услугу великій князь уступилъ серпуховскому князю Дмитровъ; но послѣ, неизвѣстно въ какое именно время, Василій Ярославичъ долженъ былъ отказаться отъ этого пожалованья [96]; и только когда Иванъ можайскій былъ изгнанъ изъ своего удѣла, великій князь уступилъ Василію Ярославичу Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ [97]. Но въ 1456 году серпуховскій князь былъ схваченъ въ Москвѣ и заточенъ въ Угличъ, откуда послѣ перевезенъ въ Вологду, гдѣ и умеръ, той же участи подверглись и меньшіе его дѣти, а старшій, Иванъ, вмѣстѣ съ матерью, убѣжалъ въ Литву. Лѣтописцы не объявляютъ вины серпуховского князя, одна только Степенная Книга глухо говоритъ: „За нѣкую крамолу". Иванъ Васильевичъ серпуховской встрѣтился въ Литвѣ съ Иваномъ Андреевичемъ можайскимъ; общее бѣдствіе соединило ихъ, и они уговорились дѣйствовать заодно; Иванъ серпуховской говоритъ въ договорной грамотѣ князю можайскому [98]: „Такъ какъ великій князь Василій Васильевичъ отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣлованіи, выгналъ тебя изъ твоей отчины и дѣдины; также и моего отца, князя Василія Ярославича, великій князь схватилъ на крестномъ цѣлованіи безвинно и меня выгналъ изъ моей отчины и дѣдины; то идти тебѣ, князь Иванъ Андреевичъ, доставать вмѣстѣ и отца моего, князя Василія Ярославича, и нашей отчины и дѣдины, а мнѣ идти съ тобою, заодно. Если великій князь станетъ звать тебя на твою отчину, станетъ отдавать тебѣ твою отчину или придавать къ ней, а моего отца не пожалуетъ, не выпустить, и отчины ему по старинѣ не отдастъ, или станетъ жаловать отца моего какъ мнѣ нелюбо: то тебѣ съ великимъ княземъ безъ моей воли не мириться, стоять со мною заодно, доставать отца моего; и если отецъ мой погибнетъ въ неволѣ, или умретъ своею смертію, то тебѣ съ великимъ княземъ также не мириться безъ моей воли, но мстить за обиду отца моего. Наоборотъ, если великій князь захочетъ помириться съ отцомъ моимъ, а съ тобою не захочетъ, то мнѣ отъ тебя

не отставать. Если великій князь не смилуется, ни тебѣ отчины не отдастъ, ни отца моего не выпуститъ, и, дастъ Богъ, князя великаго побьемъ или сгонимъ, и ты достанешь великое княженіе и отца моего освободишь, то тебѣ принять отца моего въ любовь и докончаніе, и въ его отчину тебѣ не вступаться; а меня тебѣ принять въ братья младшіе и дать мнѣ отчину особую, Дмитровъ и Суздаль; а если кто станетъ тебѣ на меня наговаривать, то тебѣ меня вдругъ не захватывать, но обослать сперва своими боярами и спросить по крестному цѣлованью, и мнѣ тебѣ сказать всю правду, а тебѣ мнѣ вѣрить". Это условіе любопытно; оно можетъ указывать, что князь Василій Ярославичъ серпуховской былъ схваченъ по наговору, и сынъ его требуетъ отъ своего союзника, чтобы впередъ не было подобнаго. Въ изгнаніи, лишенные почти всякой надежды, князья можайскій и серпуховской мечтали, одинъ— о великомъ княженіи, другой—о Дмитровѣ и Суздалѣ. Замыслы изгнанниковъ не осуществились; попытка нѣкоторыхъ вѣрныхъ слугъ освободить стараго серпуховского князя также не удалась; они были схвачены и казнены въ Москвѣ въ 1462 году. Такимъ образомъ изо всѣхъ удѣловъ московскаго княжества остался только одинъ—верейскій, ибо князь его, Михаилъ Андреевичъ, какъ видно, велъ себя такъ, что на него не могло быть никакого наговора. До насъ дошелъ договоръ великаго князя Василія съ суздальскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ, правнукомъ Димитрія Константиновича чрезъ второго сына Семена [22]; князь Иванъ отказался отъ Суздаля и Нижняго, возвращалъ московскому князю всѣ ярлыки, прежде на эти княжества взятые, и самъ бралъ отъ Василія, въ видѣ пожалованія, Городецъ да нѣсколько селъ въ суздальской области, съ условіемъ, что если онъ отступитъ отъ великаго князя или сыновей его, то эта отчина отходитъ къ Москвѣ, а онъ, Иванъ, подвергается церковному проклятію. Какая была судьба князей—Василія и Ѳедора Юрьевичей— неизвѣстно; извѣстно только то, что великій князь московскій завѣщалъ Суздаль старшему сыну своему.

Такъ кончилась знаменитая усобица между князьями московскими, потомками Калиты. Сперва началась было она подъ предлогомъ стараго права дяди предъ племянникомъ; но скоро приняла сообразный съ временемъ характеръ: сыновья Юрія, мимо всѣхъ правъ, враждуютъ съ Василіемъ Васильевичемъ, добиваются великаго

княженія, ибо чувствуютъ, что удѣльными князьями они больше оставаться не могутъ. Вслѣдствіе сухости, краткости, отрывочности лѣтописныхъ извѣстій, у насъ нѣтъ средствъ съ точностію опредѣлить, во сколько торжество старшей линіи въ потомствѣ донского зависѣло отъ личности главныхъ дѣятелей въ этой борьбѣ; но изъ современныхъ источниковъ, при всей ихъ неполнотѣ, мы можемъ ясно усмотрѣть, какъ старыя права, старые счеты родовые являются обветшалыми, являются чѣмъ-то дикимъ, страннымъ; московскій бояринъ смѣется въ Ордѣ надъ правами, которыя основываются на старыхъ лѣтописяхъ, старыхъ бумагахъ; духовенство торжественно провозглашаетъ, что новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату, есть земская изначала пошлина; старый дядя Юрій остается одинокъ въ Москвѣ съ своимъ старымъ правомъ; сынъ его, Шемяка, побѣждается беззащитнымъ слѣпымъ плѣнникомъ своимъ, который успѣваетъ уничтожить всѣ (кромѣ одного) удѣлы въ московскомъ княжествѣ и удержать примыслы отцовскіе и дѣдовскіе.

Но въ то время, какъ въ московскомъ княжествѣ происходила эта знаменитая усобица между правнуками Калиты, усобица первая и послѣдняя, ясно показавшая, что московское княжество основалось на новыхъ началахъ, не допускающихъ родовыхъ счетовъ и родовыхъ усобицъ между князьями,—въ это время что же дѣлали великіе князья, давніе соперники московскихъ,—князь рязанскій и тверской? отъ чего они не воспользовались усобицею и не постарались усилиться насчетъ Москвы?—Какъ видно, они были такъ слабы, что имъ не приходило и на мысль подобное предпріятіе. Этимъ князьямъ давно уже оставалось на выборъ—подчиниться московскимъ или литовскимъ великимъ князьямъ, смотря по тому, которые изъ нихъ возьмутъ верхъ. Когда усиленіе московскаго княжества было пріостановлено усобицею между потомками Калиты, рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ почелъ нужнымъ примкнуть къ Литвѣ, и заключилъ съ Витовтомъ слѣдующій договоръ: „Я, князь великій Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій, добилъ челомъ господину Господарю моему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мнѣ ему вѣрно, безъ хитрости, и быть съ нимъ всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня отъ всякаго. Если будетъ отъ кого притѣсненіе внуку его, великому князю Василію Васильевичу, и если велитъ мнѣ великій князь Витовтъ,

то, по его приказанію, я буду пособлять великому князю Василію на всякаго, и буду жить съ нимъ по старинѣ. Но если начнется ссора между великимъ княземъ Витовтомъ и внукомъ его, великимъ княземъ Василіемъ или родственниками послѣдняго, то мнѣ помогать на нихъ великому князю Витовту безъ всякой хитрости. А великому князю Витовту не вступаться въ мою отчину, ни въ землю, ни въ воду, судъ и исправу давать ему мнѣ во всѣхъ дѣлахъ чисто, безъ переводу: судьи его съѣзжаются съ моими судьями и судятъ, цѣловавъ крестъ, безо всякія хитрости; а если въ чемъ не согласятся, то рѣшаетъ дѣла великій князь Витовтъ". Временемъ этого подданства и договора можно положить 1427 годъ: отъ 15 августа этого года Витовтъ писалъ къ великому магистру Ордена, что во время поѣздки его по русскимъ областямъ явились къ нему князья рязанскіе—Переяславскій и Пронскій, также князья—Новосильскій, Одоевскій и Воротынскій и всѣ поддались ему; что потомъ пріѣхала къ нему дочь, великая княгиня московская, которая съ сыномъ и великимъ княжествомъ своимъ, съ землями и людьми, отдалась въ его опеку и обереганіе [100]. Такимъ образомъ, чего съ одной стороны не успѣвали сдѣлать князья московскіе, то съ другой доканчивали литовскіе, отнимая независимость и у князей восточной Руси, заставляя ихъ вступать къ себѣ въ службу. Въ одно время съ рязанскимъ княземъ и великій князь пронскій заключилъ точно такой же договоръ съ Витовтомъ—„служить ему вѣрно, безъ всякія хитрости" [101]. Но когда Витовтъ умеръ и Литва ослабѣла отъ междоусобій, а въ Москвѣ Василій Васильевичъ взялъ явный верхъ, тогда тотъ же рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ примкнулъ къ Москвѣ, и умирая, въ 1456 г., отдалъ осмилѣтняго сына своего на руки великому князю Василію: послѣдній перевезъ малютку Василія вмѣстѣ съ сестрою къ себѣ въ Москву, а въ Рязань и другіе города княжества послалъ своихъ намѣстниковъ.

Въ Твери, въ 1426 году, умеръ великій князь Иванъ Михайловичъ, во время сильнаго морового повѣтрія; Ивану наслѣдовалъ сынъ его Александръ, но и этотъ умеръ въ томъ же году; старшій сынъ и наслѣдникъ его, Юрій, княжилъ только четыре недѣли и умеръ; мѣсто Юрія занялъ братъ его Борисъ Александровичъ, тогда какъ оставался еще въ живыхъ двоюродный дѣдъ его, князь Василій Михайловичъ кашинскій. Василій, какъ видно, не хотѣлъ уступать своего старшинства безъ борьбы, и Борисъ спѣшилъ пред-

упредить его: подъ тѣмъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Борисъ Александровичъ схватилъ дѣда своего Василія Михайловича Кашинскаго. Но если старый порядокъ вещей явно вездѣ рушился, то новый не установился еще окончательно: Борисъ занялъ главный столъ мимо старыхъ правъ двоюроднаго дѣда и мимо новыхъ правъ племянника отъ старшаго брата, ибо у князя Юрія Александровича остался сынъ Иванъ, который не наслѣдовалъ отцу въ Твери и долженъ былъ удовольствоваться удѣломъ зубцовскимъ. Во время малолѣтства Василіева и смутъ московскихъ, и Борисъ Тверской, подобно рязанскому князю, примкнулъ къ Литвѣ, хотя на гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ: въ 1427 году онъ заключилъ съ Витовтомъ договоръ, по которому обязался быть съ литовскимъ княземъ заодно, при его сторонѣ, и помогать на всякаго безъ исключенія; Витовтъ, съ своей стороны, обязался оборонять Бориса отъ всякаго, думою и помощію. Въ этомъ договорѣ всего любопытнѣе то, что тверской великій князь не позволяетъ Витовту никакого вмѣшательства въ отношенія свои къ удѣльнымъ тверскимъ князьямъ,—знакъ, что въ описываемое время всѣ великіе князья, въ отношеніи къ удѣльнымъ, преслѣдовали одинакія цѣли, всѣ стремились сдѣлать ихъ изъ родичей подручниками, подданными. Борисъ говоритъ въ договорѣ: „Дядьямъ моимъ, братьямъ и племени моему—князьямъ быть у меня въ послушаніи: я, князь великій Борисъ Александровичъ, воленъ, кого жалую, кого казню, и моему господину дѣду, великому князю Витовту не вступаться; если кто изъ нихъ захочетъ отдаться въ службу къ моему господину дѣду вмѣстѣ съ отчиною, то моему господину дѣду съ отчиною не принимать; кто изъ нихъ пойдетъ въ Литву, тотъ отчины лишится: въ отчинѣ его воленъ я, князь великій Борисъ Александровичъ". Вслѣдствіе этого договора тверскіе полки находились въ войскѣ Витовта, когда послѣдній, въ 1428 году, воевалъ новгородскую землю [102]. Но по смерти Витовта начинается безпрестанное колебаніе тверского князя между союзомъ литовскимъ и московскимъ, причемъ Борисъ Александровичъ сохраняетъ равенство положенія, пользуясь благопріятными для себя обстоятельствами, т.-е. тѣмъ, что оба сильнѣйшіе князя были заняты внутренними смутами и не имѣли возможности дѣйствовать наступательно на Тверь. Такъ дошелъ до насъ договоръ тверского князя съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и двоюродными братьями его—Димитріемъ

Шемякою и Димитріемъ Краснымъ [103]. Борисъ Александровичъ выговариваетъ, чтобъ московскій князь не принималъ тверскихъ областей въ даръ отъ Татаръ. Оба князя клянутся быть заодно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву, на Нѣмцевъ; Борисъ обязывается сложить цѣлованіе къ Сигизмунду Литовскому, объявивъ ему, что Тверь въ союзѣ съ Москвою, и безъ князя московскаго не заключать договоровъ ни съ какимъ княземъ литовскимъ. Мы видѣли, что тверской князь, находившійся въ близкомъ свойствѣ съ княземъ можайскимъ, соединился съ послѣднимъ и Шемякою противъ Василія, но тотчасъ же и принялъ сторону его, увидавши, что московское княжество противъ Шемяки; мы видѣли также, что Борисъ, въ награду за помощь, выговорилъ у Василія согласіе на бракъ его старшаго сына и наслѣдника, Ивана, на своей дочери Маріи. Между тѣмъ у тверского князя была война съ литовскимъ, и войска послѣдняго взяли Ржеву. Это, какъ видно, заставило Бориса заключить миръ съ Казиміромъ литовскимъ, который возвратилъ Ржеву, но за это Борисъ обязался быть въ постоянномъ союзѣ съ литовскимъ княземъ, помогать ему на всѣхъ, никого не исключая [104]. И московскій великій князь, заключая въ томъ же году договоръ съ Казиміромъ, объявляетъ тверскаго князя на сторонѣ литовской, о своихъ же отношеніяхъ къ нему говоритъ, что онъ съ нимъ въ любви и докончаніи [105]. Но послѣ 1454 года опять встрѣчаемъ договоръ тверского князя съ московскимъ, въ которомъ оба клянутся быть заодно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и Нѣмцевъ [106]. Въ этомъ договорѣ замѣчательно слѣдующее условіе: „Что отступилъ отъ тебя князь Иванъ можайскій да сынъ Димитрія Шемяки, князь Иванъ, или который другой братъ тебѣ сгрубитъ: и мнѣ, великому князю Борису, и моимъ дѣтямъ, и братьямъ моимъ младшимъ къ себѣ ихъ не принимать; а быть намъ съ тобою на нихъ за одно и съ твоими дѣтьми. Также, если кто изъ моихъ братьевъ младшихъ или меньшихъ, мнѣ, великому князю Борису, сгрубитъ, или моему сыну, князю Михаилу, и меньшимъ моимъ дѣтямъ: то тебѣ, великому князю Василію, и твоимъ дѣтямъ, великому князю Ивану и князю Юрію, и меньшимъ твоимъ дѣтямъ къ себѣ ихъ не принимать; а быть вамъ со мною и съ моими дѣтьми на нихъ за одно“. Оба свата обязываются въ заключеніи, что если одинъ изъ нихъ умретъ, то оставшійся въ живыхъ долженъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ умершаго.—И въ сношеніяхъ

съ княземъ тверскимъ митрополитъ Іона принимаетъ дѣятельное участіе. До насъ дошло посланіе его къ тверскому епископу о томъ, чтобы тотъ убѣдилъ своего князя подать помощь великому князю Василію противъ Татаръ: „Благословляю тебя, пишетъ митрополитъ епископу: чтобъ ты сыну моему, великому князю Борису Александровичу говорилъ, и билъ челомъ и докучалъ твердо, по своему святительскому долгу, чтобъ онъ послалъ своихъ воеводъ къ великому князю Василію Васильевичу на безбожныхъ, ибо самъ ты знаешь, что если великій князь Василій Васильевичъ получитъ надъ ними верхъ, то это будетъ общее добро обоихъ великихъ государей и всего нашего православнаго христіанства“ [107]. Такъ духовенство старалось тогда поддержать сознаніе объ общихъ русскихъ выгодахъ.

Рязань и Тверь постоянно колебались между Москвою и Литвою; Новгородъ-Великій хотѣлъ быть самостоятельнѣе, тѣмъ болѣе, что теперь онъ былъ порадованъ возобновленіемъ усобицъ между самими князьями московскими. Во время этихъ усобицъ Новгородцы слѣдовали правилу признавать побѣдителя своимъ княземъ, но между тѣмъ давать у себя убѣжище и побѣжденному; такъ въ 1434 году нашелъ въ Новгородѣ убѣжище Василій Васильевичъ [108], и въ томъ же году видимъ тамъ и противника его, Василія Юрьевича Косого. Но послѣдній, кромѣ почетнаго пріема, не могъ ничего получить отъ Новгородцевъ, и уѣзжая отъ нихъ, пограбилъ ихъ волости. Угрожаемый Косымъ, Василій Васильевичъ заключилъ въ 1435 году договоръ съ Новгородцами, по которому обѣщалъ отступиться отъ всѣхъ новгородскихъ земель, захваченныхъ его предшественниками, Бѣжецкаго Верха, волостей на Ламскомъ Волокѣ и Вологдѣ, а Новгородцы обѣщали также отступиться отъ всего слѣдующаго великому князю, и для этого обязались съ обѣихъ сторонъ выслать своихъ бояръ на разводъ земли. Новгородцы выслали своихъ бояръ въ назначенный срокъ, но московскіе бояре не явились. Несмотря однако на это, открытой вражды не было; когда въ 1437 году отъ великаго князя изъ Москвы пріѣхалъ въ Новгородъ князь Юрій Патрикѣевичъ просить чернаго бору, то Новгородцы черный боръ дали [109]; съ другой стороны московскій князь былъ занятъ борьбою съ Косымъ и Татарами. Но въ 1441 году, когда со всѣхъ сторонъ было спокойно, Василій прислалъ въ Новгородъ складную грамоту, и повоевалъ волостей новгородскихъ много,

вмѣстѣ со Псковитянами, которые опустошили новгородскія владѣнія на 300 верстъ въ длину и 50 въ ширину; двое тверскихъ воеводъ были также въ полкахъ Васильевыхъ. Новгородскіе воеводы, съ своей стороны, много воевали за Волокомъ по землѣ великокняжеской; тѣмъ не менѣе Новгородцы послали въ городъ Демонъ къ великому князю владыку, бояръ и житыхъ людей, которые купили у него миръ на старинныхъ условіяхъ, за 8000 рублей [110]. Если мы, основываясь на договорѣ великаго князя съ Шемякою 1440 года, предположимъ смѣшеніе годовъ въ лѣтописяхъ, и отнесемъ войну Василія Васильевича съ Шемякою къ 1439 и 1440 году вмѣсто 1442, то будемъ въ состояніи объяснить себѣ причину разрыва великаго князя съ Новгородомъ въ 1441 году: во время войны своей съ Василіемъ Шемяка убѣжалъ въ новгородскія владѣнія на Бѣжецкомъ Верху, и оттуда послалъ сказать Новгородцамъ: „Примите меня на своей волѣ". Тѣ отвѣчали: „Хочешь, князь, пріѣзжай къ намъ; а не хочешь, то какъ тебѣ любо".

1444 годъ былъ тяжелъ для Новгорода: съ одной стороны напали Нѣмцы, съ другой стороны Тверичи, неизвѣстно по какому поводу, опустошили много пограничныхъ волостей новгородскихъ: тогда великій князь литовскій Казимиръ прислалъ сказать Новгородцамъ: „Возьмите моихъ намѣстниковъ на городище, и я васъ обороню, я для васъ не заключилъ мира съ великимъ княземъ московскимъ". Новгородцы не приняли этого предложенія, и не было имъ обороны ни отъ Литвы, ни отъ Москвы, противъ князя тверского, который опять взялъ у нихъ 50 волостей вмѣстѣ съ Торжкомъ. Плѣнъ великаго князя Василія у Татаръ придалъ тверскому князю еще больше смѣлости: онъ прислалъ своихъ людей и воеводъ на Торжокъ, разогналъ, ограбилъ остальныхъ его жителей [111], иныхъ погубилъ, на другихъ взялъ окупъ, свезъ въ Тверь 40 возовъ товару московскаго, новгородскаго и торжокскаго, изъ нихъ нѣсколько потонуло въ рѣкѣ. Притѣсняемые Тверью, Новгородцы, по крайней мѣрѣ, могли надѣяться спокойствія со стороны Москвы, гдѣ опять начались усобицы; Шемяка восторжествовалъ надъ Василіемъ, но былъ слабъ, и потому прислалъ поклонщиковъ въ Новгородъ, и заключилъ съ нимъ миръ на всѣхъ старинахъ. Шемяка недолго накняжилъ въ Москвѣ; въ новой войнѣ его съ Василіемъ, Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не вступились ни за одного, и тѣмъ самымъ уже возбуждали неудовольствіе побѣдителя; еще болѣе

раздражали они его тѣмъ, что, по обычаю, приняли къ себѣ Шемяку. Митрополитъ Іона и тутъ вступился въ дѣло; нѣсколько разъ писалъ онъ къ новгородскому архіепископу Евѳимію и къ Новгородцамъ, чтобы они поберегли себя душевнаго ради устроенія и тишины. Новгородцы, съ своей стороны, присылали къ митрополиту съ просьбою, чтобъ билъ челомъ за нихъ великому князю и далъ для ихъ пословъ опасныя грамоты. Опасныя грамоты были даны, съ тѣмъ, чтобы Новгородцы отправили въ Москву своихъ пословъ, людей большихъ, по своимъ дѣламъ, а чтобъ Шемяка прислалъ своего посла, съ чистымъ покаяніемъ, бить челомъ своему господину и старшему брату, великому князю, и жалованья у него просить. Новгородцы прислали своихъ пословъ людей великихъ, но прислали ни съ чѣмъ; Шемяка прислалъ также своего боярина, но съ такими условіями, на которыя въ Москвѣ никакъ не хотѣли согласиться. Митрополитъ жаловался на это новгородскому владыкѣ, зачѣмъ Шемяка посылаетъ свои грамоты съ великою высостію, о своемъ преступленіи и о своей винѣ ни одного слова пригоднаго не приказываетъ [112]. Между тѣмъ Новгородцы продолжали держать Шемяку, и владыка въ письмахъ къ митрополиту оправдывалъ ихъ стариннымъ обычаемъ, по которому каждый князь, пріѣзжавшій къ Св. Софіи, принимался съ честію, указывалъ, что и самъ митрополитъ называетъ Шемяку сыномъ. Іона отвѣчалъ на это: „Прочти хорошенько всѣ мои грамоты, какія только я къ тебѣ писалъ, и вразумись, могъ ли я называть сыномъ того князя, съ которымъ не велю дѣтямъ твоимъ Новгородцамъ ни пить, ни ѣсть, потому что онъ самъ себя отъ христіанства отлучилъ. Ты самъ видѣлъ грамоту, которую онъ написалъ на себя, и послѣ сколько зла надѣлалъ, сколько крови христіанской пролилъ? Послѣ того можно ли князя Димитрія называть сыномъ церкви Божіей и нашего смиренія? Я тебѣ писалъ, и теперь пишу, что я, и вмѣстѣ со мною всѣ владыки и все священство русской земли—считаемъ князя Димитрія неблагословеннымъ и отлученнымъ отъ Божіей церкви. Ты пишешь, что прежде русскіе князья пріѣзжали въ домъ Св. Софіи, въ Великій-Новгородъ, и Новгородцы честь имъ воздавали по силѣ, а прежніе митрополиты такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали: но скажи мнѣ, сынъ, какіе это прежніе князья пріѣзжали къ вамъ, сдѣлавши такое зло надъ своимъ старшимъ братомъ, и, оставя у васъ княгиню свою, дѣтей и весь кошъ, ходили отъ васъ въ великое княженіе

христіанство губить и кровь проливать? Какъ прежде не бывало въ нашей землѣ братоубійства и къ вамъ съ такимъ лихомъ ни одинъ князь не пріѣзжалъ, такъ и прежніе митрополиты въ Великій-Новгородъ такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали" [114].

Новгородцы все не слушались и держали Шемяку до самой его смерти; они должны были ждать мести отъ Москвы, и вотъ, управившись съ княземъ можайскимъ и Татарами, Василій въ 1456 году выступилъ въ походъ противъ Новгорода за его неисправленіе. Въ Волокѣ собрались къ нему всѣ князья и воеводы со множествомъ войска; изъ Новгорода также явился туда посадникъ съ челобитьемъ, чтобы великій князь пожаловалъ — на Новгородъ не шелъ и гнѣвъ свой отложилъ. Но Василій не принялъ челобитья и продолжалъ походъ, отправивши напередъ на Русу двоихъ воеводъ, князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и Ѳедора Басенка, а самъ остановился въ Яжелбицахъ [115]. Стрига и Басенокъ вошли въ Русу и захватили здѣсь много богатства, потому что жители, застигнутые врасплохъ, не успѣли убѣжать и спрятать свое имѣніе. Московскіе воеводы отпустили главную рать свою назадъ съ добычею, а сами съ немногими дѣтьми боярскими поотстали отъ нея, какъ вдругъ показалось пятитысячное новгородское войско. Москвичи, которыхъ не было и двухъ сотъ, сначала испугались, но потомъ начали говорить: „Если не пойдемъ противъ нихъ биться, то погибнемъ отъ своего государя великаго князя; лучше помереть". Схватиться имъ въ рукопашный бой съ Новгородцами было нельзя; мѣшали плетни и свѣжіе сугробы; тогда воеводы придумали средство: видя на Новгородцахъ крѣпкіе доспѣхи, они велѣли стрѣлять по лошадямъ, которые начали отъ ранъ бѣситься и сбивать всадниковъ. Новгородцы, никогда и прежде нелюбившіе и не умѣвшіе биться верхомъ, никакъ не могли сладить съ лошадьми, не умѣли дѣйствовать и длинными копьями и валились подъ коней своихъ точно мертвые. Московскіе воеводы одержали рѣшительную побѣду, много перебили непріятелей, взяли въ плѣнъ посадника Михаила Тучу, но другихъ плѣнниковъ было мало, потому что не кому было брать ихъ. Когда бѣглецы принесли въ Новгородъ вѣсть о своемъ пораженіи, то поднялся сильный плачъ, потомъ зазвонили въ вѣчевой колоколъ; сошелся весь городъ на вѣче, и стали бить челомъ владыкѣ Евфимію, чтобъ ѣхалъ вмѣстѣ съ посадниками, тысяцкими и житыми людьми къ великому князю просить о мирѣ. Владыка

пріѣхалъ въ Яжелбицы, сталъ бить челомъ сперва княгьямъ и боярамъ, а потомъ уже самому великому князю, который принялъ челобитье, далъ миръ, но взялъ за него 10.000 рублей, кромѣ того, что получили князья и бояре. Договоръ, заключонный въ Яжелбицахъ, дошелъ до насъ [115]: здѣсь, кромѣ обычныхъ старинныхъ условій, встрѣчаемъ слѣдующія новыя: 1) вѣчевымъ грамотамъ не быть; 2) печати быть князей великихъ; 3) Великій-Новгородъ не будетъ принимать къ себѣ князя можайскаго и его дѣтей, князя Ивана Димитріевича Шемякина и его дѣтей, его матери и зятьевъ; и послѣ, если какой-нибудь лиходѣй великимъ князьямъ пріѣдетъ въ Новгородъ, то Новгороду не принимать, пріѣдетъ ли онъ прямо изъ московской земли, или побѣжитъ сперва въ Литву или къ Нѣмцамъ, и оттуду пріѣдетъ въ Новгородъ. Что оставалось Новгородцамъ послѣ такихъ условій? Въ суздальской землѣ, какъ они продолжали называть новую Русь, теперь одинъ великій князь, ибо великіе князья—тверской и рязанскій, по своему относительному безсилію, готовы стать его подручниками или отказаться отъ своихъ владѣній; Татары уже не вступаются въ дѣла князей, ихъ ярлыки недѣйствительны; послѣдній походъ показалъ Новгородцамъ ихъ безсиліе предъ полками московскими: теперь эти полки постоянно будутъ готовы устремиться къ Новгороду, ибо не будутъ болѣе заняты усобицами; притомъ же Новгородцы поклялись не вмѣшиваться въ междоусобія княжескія, не принимать къ себѣ враговъ Василія и его сына. Новгородцы понимали всю трудность своего положенія, предчувствовали приближающееся паденіе своего быта, и это произвело въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неукротимую ненависть къ московскому князю, отнявшему у вѣча печать и грамоты. Въ 1460 году Василій съ младшими сыновьями—Юріемъ и Андреемъ—поѣхалъ въ Новгородъ: вѣчники начали сговариваться, какъ бы убить его и съ дѣтьми; намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что архіепископъ Іона представилъ всю его безполезность: съ Василіемъ не было старшаго сына, Іоанна; смерть стараго князя могла только возбудить всеобщую ненависть къ Новгородцамъ, навлечь на нихъ страшную месть сына Василіева; нѣкоторые хотѣли убить лучшаго и вѣрнѣйшаго воеводу великокняжескаго, Ѳедора Басенка, но и этотъ замыселъ не удался [116].

Новгородъ былъ наказанъ за то, что давалъ у себя убѣжище лиходѣямъ великокняжескимъ; но колонія новгородская Вятка

оказывала этимъ лиходѣямъ болѣе дѣятельную помощь, и потому не могла быть забыта московскимъ княземъ, когда онъ восторжествовалъ надъ всѣми своими врагами. Въ 1458 году великій князь отправилъ на Вятчанъ воеводъ своихъ: князя Ивана Васильевича Горбатаго Суздальскаго, князя Семена Ряполовскаго и Григорія Перхушкова; но этотъ походъ не удался, потому что Перхушковъ за подарки благопріятствовалъ Вятчанамъ. Въ слѣдующемъ году были посланы другіе воеводы, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, Иванъ Ивановичъ и князь Димитрій Ряполовскій: они взяли два городка Орловъ и Котельничъ, и долго держали въ осадѣ главный городъ Хлыновъ; наконецъ Вятчане добили челомъ на всей волѣ великаго князя, какъ ему было надобно.

Другимъ не насильственнымъ путемъ утверждалась власть московскаго великаго князя во Псковѣ. Несмотря на то, что внутреннія смуты, происходившія въ первую половину княженія Василіева, не позволяли московскому князю постоянно наблюдать за Псковомъ, жители послѣдняго долго не прерывали связи съ Москвою, прося утвержденія князьямъ своимъ отъ великаго князя московскаго. Такъ въ 1429 году Псковичи прислали къ Василію Васильевичу въ Москву просить себѣ князя, и онъ отпустилъ къ нимъ князя Александра Ѳедоровича Ростовскаго; потомъ съ 1434 года видимъ во Псковѣ княземъ зятя Александрова, Владиміра Даниловича, пріѣхавшаго изъ Литвы; во время его княженія, въ 1436 году, явился изъ Москвы, отъ великаго князя, князь Борисъ; Псковичи приняли его, посадили на княжомъ дворѣ, но отправили стараго своего князя Владиміра въ Москву; великій князь далъ ему опять княженіе, а Борису велѣлъ выѣхать изъ Пскова, потому что послѣдній пролгался ему, по выраженію лѣтописца, т.-е. вѣроятно Борисъ, просясь у Василія на псковскій столъ, представилъ тамошнія дѣла не такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. Мы видѣли, что Псковичи усердно помогли великому князю въ войнѣ съ Новгородомъ. Въ 1443 году сталъ княжить во Псковѣ князь Александръ Васильевичъ Черторыйскій: посолъ московскій поручилъ ему княженіе по великаго князя слову, Псковичи посадили Александра на столъ у Св. Троицы, и онъ цѣловалъ крестъ къ великому князю Василію Васильевичу и ко всему Пскову на всей псковской пошлинѣ. Бѣдствіе великаго князя Василія и борьба его съ Шемякою прервали на время связь Пскова съ Москвою; Псковичи тѣснѣе соединились

съ Новгородцами; отпустивши князя своего Александра въ Новгородъ въ 1447 году, они взяли оттуда князя Василія Васильевича Шуйскаго-Гребенку, правнука Димитрія Константиновича Нижегородскаго, чрезъ сына Семена. Когда въ 1454 году, сынъ Шемяки, Иванъ, убѣгая изъ Новгорода въ Литву, пріѣхалъ во Псковъ, то на встрѣчу къ нему вышло все священство съ крестами, посадники и весь Псковъ приняли его съ великою честію, угощали три недѣли, и при отъѣздѣ подарили ему на вѣчѣ 20 рублей. Когда въ 1456 году великій князь Василій Васильевичъ началъ войну съ Новгородомъ, то оттуда явился гонецъ во Псковъ и сталъ говорить на вѣчѣ: „Братья младшіе, мужи Псковичи! братъ Великій Новгородъ вамъ кланяется; чтò бы вы намъ помогли противъ великаго князя и крестное цѣлованіе исправили?“ Псковичи, говоритъ лѣтописецъ, взирая на Бога и на домъ Св. Троицы, и старыхъ временъ не поминая, что Новгородцы Псковичамъ никогда не помогали ни словомъ, ни дѣломъ, ни на какую землю, послали воеводъ своихъ на помощь Новгороду. Между тѣмъ начались у Новгорода мирные переговоры съ великимъ княземъ, и Псковичамъ оставалось только отправить вмѣстѣ съ новгородскими послами и своихъ—добивать челомъ послѣднему. Но приведеніе Новгорода въ волю московскаго князя необходимо утверждало власть его и во Псковѣ. Здѣсь снова княжилъ теперь Александръ Чярторыйскій, смѣнившій Василія Шуйскаго, уѣхавшаго въ Новгородъ. Когда въ 1460 году великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ, то Псковичи отправили къ нему знатныхъ пословъ съ 50 рублями дару и съ челобитьемъ, чтобъ жаловалъ и печаловался своею отчиною, мужами Псковичами, добровольными людьми: „Обижены мы отъ поганыхъ Нѣмцевъ, водою, землею и головами, церкви Божіи пожжены погаными на миру и на крестномъ цѣлованіи,“—говорили послы, послѣ чего били челомъ великому князю о князѣ своемъ Александрѣ Васильевичѣ, чтобъ быть ему намѣстникомъ великокняжескимъ и во Псковѣ княземъ. Василій отвѣчалъ: „Я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганыхъ, какъ дѣлывали отцы наши и дѣды, князья великіе; а что мнѣ говорите о князѣ Александрѣ Чарторыйскомъ, то и этимъ васъ, свою отчину, жалую: если князь Александръ поцѣлуетъ животворящій крестъ ко мнѣ, великому князю, и къ моимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, что ему зла на насъ не хотѣть, не мыслить, то пусть будетъ вамъ

княземъ, а отъ меня намѣстникомъ." Услыхавши этотъ отвѣтъ, князь Александръ не захотѣлъ цѣловать креста и сказалъ Псковичамъ: „Не слуга я великому князю, и не будь вашего цѣлованія на мнѣ и моего на васъ; когда станутъ Псковичи соколомъ воронъ ловить [117], тогда и меня, Чарторыйскаго, вспомнятъ". Онъ попрощался на вѣчѣ, сказалъ: „Я вамъ не князь".—и уѣхалъ въ Литву съ дворомъ своимъ, 300 человѣкъ боевыхъ людей кованой рати, кромѣ кошевыхъ; Псковичи много били ему челомъ, чтобъ остался, но онъ не послушалъ псковскаго челобитья. Когда великій князь услыхалъ, что Александра нѣтъ больше во Псковѣ, то послалъ туда сына своего, князя Юрія. Посадники и бояре псковскіе встрѣтили его за рубежемъ съ великою честію, духовенство съ крестами встрѣтило его за городомъ, пѣли многолѣтіе и посадили на столѣ отцовскомъ, знаменовавши крестомъ, а посадники и весь Псковъ приняли его честно въ княжій дворъ. Потомъ посадники и весь Псковъ били ему челомъ: „Чтобъ, господинъ, пожаловалъ, далъ бы намъ отъ великаго князя и отъ себя намѣстника во Псковъ, князя Ивана Васильевича" (Оболенскаго-Стригу), и князь Юрій пожаловалъ свою отчину, по приказу отца своего и старшаго брата, далъ Псковичамъ въ намѣстники князя Оболенскаго; Юрій пробылъ во Псковѣ три недѣли и два дня; Псковичи подарили ему 100 рублей и проводили 20 верстъ за рубежъ.

Такимъ образомъ въ концѣ княженія Василіева обозначилось ясно куда должны примкнуть эти спорныя между Москвою и Литвою области—Рязань, Новгородъ, Псковъ: всѣ они находились уже почти въ волѣ великаго князя московскаго. Но какъ же должны были смотрѣть на это князья литовскіе? что заставило ихъ выпустить изъ рукъ добычу безъ борьбы, что помѣшало имъ воспользоваться усобицами князей московскихъ для окончательнаго усиленія себя насчетъ послѣднихъ? Они не имѣли для этого средствъ, ибо если прежде сдерживались они на западѣ борьбою съ Нѣмецкимъ Орденомъ, то теперь сдерживались они еще болѣе союзомъ съ Польшею и потомъ окончательною борьбою съ тѣмъ же Орденомъ. Мы видѣли, что если Поляки сильно хлопотали о вѣчномъ соединеніи своего государства съ Литвою, то въ Литвѣ хлопотали также о независимости своего княжества отъ Польши. На ленчицскомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1426 году, опять толковали о средствахъ, какъ бы помѣшать отдѣленію Литвы отъ Польши, о кото-

ромъ сталъ снова замышлять Витовтъ. Но Витовтъ, замышляя о независимости Литвы отъ Польши, замышлялъ также и о зависимости Польши отъ себя. Мы видѣли, что, въ случаѣ смерти Ягайла бездѣтнымъ, престолъ польскій могъ перейти къ нему; но Ягайло отъ второго брака имѣлъ уже двоихъ сыновей, и королева Софья была беременна третьимъ ребенкомъ; Витовтъ придумалъ средство— ославивъ мать, лишить и сыновей надежды на престолъ: въ 1427 году, на сеймѣ въ Городнѣ, Витовтъ обвинилъ молодую королеву въ невѣрности Ягайлу; пыткою выпудили показанія у нѣкоторыхъ придворныхъ женщинъ, перехватили указанныхъ виновниковъ преступленія; но королева успѣла очистить себя присягою, и Ягайло успокоился [118]. Тогда Витовтъ сталъ думать о другомъ средствѣ достать независимость для Литвы и корону королевскую для себя: для этого онъ обратился къ императору Сигизмунду. Сигизмундъ, находясь въ затруднительномъ положеніи по случаю войны съ Гуситами и Турками, требовалъ и не могъ добиться помощи отъ слабаго Ягайла, который самъ признавался, что не можетъ ничего сдѣлать безъ совѣта съ Витовтомъ; вотъ почему императору очень хотѣлось сблизиться съ Витовтомъ. „Вижу, говорилъ онъ, что король Владиславъ человѣкъ простоватый и во всемъ подчиняется вліянію Витовта, такъ мнѣ нужно привязать къ себѣ, прежде всего, литовскаго князя, чтобъ посредствомъ его владѣть и Ягайломъ" [119]. Начались частыя пересылки между Сигизмундомъ и Витовтомъ, наконецъ положили свидѣться въ Луцкѣ, куда долженъ былъ пріѣхать и Ягайло. Въ 1429 году былъ этотъ знаменитый съѣздъ трехъ коронованныхъ лицъ вмѣстѣ со множествомъ вельможъ польскихъ, литовскихъ и русскихъ. Послѣ празднествъ начались совѣщанія, и на одномъ изъ нихъ императоръ сказалъ слѣдующія слова: „Я понуждаю папу, чтобъ онъ созвалъ соборъ для примиренія съ Гуситами и для преобразованія церкви; отправлюсь туда самъ, если онъ согласится; если же не согласится, созову соборъ собственною моею властію. Не должно пренебрегать также и соединеніемъ съ Греками, потому что они исповѣдуютъ одну съ нами вѣру, отличаясь отъ насъ только бородами да тѣмъ, что священники у нихъ женатые. Но этого однако не должно ставить имъ въ порокъ, потому что греческіе священники довольствуются одною женою, а латинскіе держатъ ихъ по десяти и больше". Эти слова императора скоро были въ устахъ Русскихъ, которые превозносили его похва-

лами, къ великой досадѣ католиковъ и Поляковъ [120]. Но досада послѣднихъ усилилась еще болѣе, когда они узнали о главномъ предметѣ совѣщаній между Сигизмундомъ и Витовтомъ: этотъ предметъ былъ—признаніе Витовта независимымъ королемъ Литвы и Руси. Сигизмундъ легко успѣлъ уговорить Ягайла дать на это свое согласіе; но сильное сопротивленіе, какъ слѣдовало ожидать, оказалось со стороны прелатовъ и вельможъ польскихъ, у которыхъ изъ рукъ вырывалась богатая добыча; Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ краковскій, бывшій вездѣ впереди по своему характеру и талантамъ, въ полномъ собраніи обратился къ Витовту съ рѣзкими словами, говоря, что при избраніи Ягайла они руководствовались только духовнымъ благомъ Литовцевъ, владѣнія которыхъ не могли представить имъ ничего лестнаго, потому что были всѣ почти опустошены и разобраны сосѣдними владѣльцами. Палатинъ Краковскій, Янъ Тарновскій и всѣ другіе шумно выразили свое согласіе съ рѣчью Олесницкаго. Витовтъ, всегда скрытный, тутъ, однако, не могъ удержать своего неудовольствія, которое выразилось въ отрывочныхъ, гнѣвныхъ восклицаніяхъ. „Пусть такъ!" сказалъ онъ, выходя изъ собранія: „а я все-таки найду средства сдѣлать по моему". Поляки тогда обратились съ упреками къ своему королю: „Развѣ ты насъ за тѣмъ сюда позвалъ, чтобы быть свидѣтелями отдѣленія отъ Польши такихъ знатныхъ владѣній?" (Слѣдовательно Литва и Русь не были еще въ конецъ опустошены и разобраны сосѣдними государями!!) Ягайло заливался слезами, благодарилъ ихъ за вѣрность, клялся, что никогда не давалъ согласія Сигизмунду и Витовту на отдѣленіе Литвы, что радъ хоть сейчасъ бѣжать изъ Луцка, куда они сами назначатъ. И точно, прелаты и паны польскіе собрались и уѣхали днемъ, а Ягайло побѣжалъ за ними въ ночь. Витовта сильно раздосадовало это поспѣшное бѣгство Поляковъ и короля ихъ; однако крутыя, рѣшительныя мѣры были не въ характерѣ Витовта; зная польское корыстолюбіе [121], онъ началъ обдаривать пановъ, чтобы какъ можно тише, безъ помощи оружія, достигнуть своей цѣли.

На слѣдующемъ сеймѣ у Поляковъ было положено—кроткими мѣрами отвлекать Витовта отъ его опаснаго намѣренія. Посланъ былъ къ нему въ Литву все тотъ же Збигнѣвъ Олесницкій, который истощилъ передъ нимъ все свое краснорѣчіе: „Знай, говорилъ онъ Витовту, что корона королевская скорѣе уменьшитъ твое

величіе, чѣмъ возвыситъ: между князьями ты первый, а между королями будешь послѣдній; что за честь въ преклонныхъ лѣтахъ окружить голову небольшимъ количествомъ золота и дорогихъ камней, а цѣлые народы окружить ужасами кровопролитныхъ войнъ?" Но въ литовскомъ князѣ Збигнѣвъ встрѣтилъ достойнаго противника. „Никогда, отвѣчалъ ему Витовтъ, у меня и въ головѣ не было намѣренія стать независимымъ королемъ; давно уже императоръ убѣждалъ меня принять королевскій титулъ, но я не соглашался. Теперь же самъ король Владиславъ потребовалъ этого отъ меня; уступая его мольбамъ, повинуясь его приказанію, я далъ публично свое согласіе, послѣ чего постыдно было бы для меня отречься отъ своего слова". Олесницкій возвратился ни съ чѣмъ, а между тѣмъ приближенные Витовта не переставали убѣждать своего князя привести какъ можно скорѣе къ концу начатое предпріятіе. Витовтъ писалъ къ Ягайлу, укоряя его за то, что онъ взялъ назадъ свое согласіе, и за то, что хочетъ сдѣлать народъ литовскій и князя его вассалами Польши; писалъ и къ императору съ тѣми же жалобами [122]. Поляки были къ страшной тревогѣ; послѣ долгихъ совѣщаній положено было опять слать пословъ къ Витовту, и опять отправленъ былъ Збигнѣвъ Олесницкій вмѣстѣ съ Яномъ Тарновскимъ, палатиномъ краковскимъ. Послы удивили Витовта предложеніемъ принять корону польскую, которую уступаетъ ему Ягайло, по старости лѣтъ уже чувствующій себя неспособнымъ къ правленію. Витовтъ отвѣчалъ, что считаетъ гнуснымъ дѣломъ принять польскую корону, отнявши ее у брата, и прибавилъ, что самъ не станетъ болѣе добиваться королевской короны, но если ее пришлютъ ему, то не откажется принять.

Между тѣмъ Поляки дѣйствовали противъ намѣреній Витовта и съ другой стороны: они представили папѣ всю опасность, которою грозитъ католицизму отдѣленіе Литвы и Руси отъ Польши, потому что тогда издревле господствовавшее въ этихъ странахъ православіе опять возьметъ прежнюю силу и подавитъ только-что водворившееся въ Литвѣ латинство. Папа, понявъ справедливость опасенія, немедленно отправилъ къ императору запретъ посылать корону въ Литву, а Витовту запретъ принимать ее. Получивъ папскую грамоту, Витовтъ въ 1430 году написалъ прелатамъ и вельможамъ польскимъ, жалуясь имъ на короля Владислава, который чернитъ его предъ папою и другими владѣтелями католическими.

Въ это время Поляки были встревожены вѣстію, что литовскій князь взялъ съ своихъ бояръ присягу служить ему противъ короля и королевства польскаго, и снова Збигнѣвъ отправился въ Литву успокоить Витовта насчетъ папскаго посланія и укорить въ непріязненныхъ намѣреніяхъ противъ Польши. Витовтъ отвѣчалъ, что онъ взялъ присягу съ своихъ и утвердилъ крѣпости вовсе не съ цѣлію начать наступательныя движенія противъ Польши, но только для предохраненія себя отъ внезапнаго нападенія враговъ, ибо ему достовѣрно извѣстно, что Гусситы безпрестанно добиваются отъ короля Владислава позволенія пройти чрезъ его области на Пруссію и на Литву, и король ему объ этомъ ничего не объявилъ. Збигнѣву нечего было отвѣчать на это. Между тѣмъ днемъ Витовтовой коронаціи назначенъ былъ праздникъ Успенія Богородицы; но такъ какъ посланные отъ Сигизмунда съ короною опоздали къ этому дню, то назначенъ былъ другой праздникъ—Рождества Богородицы, и приглашены были уже къ этому торжеству многіе сосѣдніе владѣльцы, въ томъ числѣ и внукъ Витовта, князь московскій. Поляки знали объ этихъ приготовленіяхъ, и потому разставили сторожевые отряды по границамъ, чтобы не пропускать Сигизмундовыхъ пословъ въ Литву. На границахъ Саксоніи и Пруссіи схвачены были двое пословъ—Чигала и Ротъ, которые ѣхали къ Витовту съ извѣстіемъ, что корона уже отправлена, и съ грамотами, въ силу которыхъ онъ получалъ право на королевскій титулъ; за этими послами слѣдовали другіе, знатнѣйшіе и многочисленнѣйшіе, везшіе корону. Чтобы перехватить ихъ, отправилось трое польскихъ вельможъ съ значительнымъ отрядомъ, поклявшись помѣшать отдѣленію Литвы и Руси, хотя бы для перехваченія короны нужно было ѣхать въ самые отдаленные предѣлы. Послы, узнавъ объ этомъ, испугались и возвратились назадъ къ Сигизмунду [123].

Вѣсть объ этомъ такъ поразила Витовта, что сильно разстроила его здоровье; однако больной старикъ еще не терялъ совершенно надежды какъ бы то ни было успѣть въ своемъ намѣреніи. Зная слабохарактерность Ягайла, онъ послалъ звать его къ себѣ въ Вильну. Ягайлу и самому очень хотѣлось поѣхать въ Литву, не потому, чтобъ онъ питалъ сильную привязанность къ родной странѣ, а потому, что въ ней всего лучше удовлетворялъ онъ своей страсти къ охотѣ. Но польскіе прелаты и вельможи знали, что если Ягайло

разъ свидится съ Витовтомъ, то не будетъ въ состояніи отказать ему ни въ чемъ; знали также, что Сигизмундовы послы убѣждаютъ Витовта употребить при вѣнчаніи корону, сдѣланную въ Вильнѣ, что не помѣшаетъ Сигизмунду признать его королемъ,—и потому боялись отпустить Ягайла одного въ Литву, а приставили къ нему Збигнѣва Олесницкаго, на твердость котораго вполнѣ полагались. Витовтъ принялъ двоюроднаго брата съ большимъ торжествомъ; но самъ со дня на день становился все слабѣе и слабѣе, не переставая требовать отъ Ягайла, чтобы тотъ согласился на его коронацію. Ягайло отвѣчалъ, что онъ самъ по себѣ радъ дать согласіе, да что-жъ ему дѣлать, когда Поляки приставили къ нему Збигнѣва, безъ согласія котораго ничего нельзя сдѣлать; что прежде всего нужно какъ-нибудь размягчить этотъ камень [124]. Витовтъ принялся размягчать и просьбами и дарами, какихъ никто до сихъ поръ не получалъ еще въ Литвѣ; но Збигнѣвъ остался непреклоненъ. Тогда Витовтъ прибѣгнулъ къ угрозамъ, давая знать, что употребитъ всѣ средства, разсыплетъ повсюду то самое золото, раздастъ тѣ самые дары, которые были приготовлены для Збигнѣва, чтобы лишить его краковской епископіи. Но угрозы не испугали, а только ожесточили Збигнѣва, и Витовтъ долженъ былъ оставить всякую надежду преклонить его на свою сторону, а скоро тяжкая болѣзнь заставила его отложить и всѣ другія надежды. Витовтъ умеръ 27 октября 1430 года; главною причиною смерти полагаютъ тяжкую скорбь о несбывшихся намѣреніяхъ.

Не имѣя сыновей, Витовтъ сосредоточилъ всѣ свои желанія на удовлетвореніи личнаго честолюбія, для чего такъ сильно добивался вѣнца королевскаго, и не могъ, повидимому, въ послѣднее пятилѣтіе жизни заботиться о расширеніи своихъ владѣній, которыхъ не кому было оставить. Несмотря на то, еще въ 1425 году, Витовтъ посылалъ къ великому магистру Ордена требовать помощи противъ Пскова; магистръ отказалъ, и Витовтъ почему-то отложилъ походъ; въ 1426 году онъ опять послалъ за тѣмъ же къ магистру; тотъ опять отвѣчалъ, что не можетъ нарушить крестнаго цѣлованія къ Псковичамъ [125]; но на этотъ разъ Витовтъ не сталъ дожидаться союзниковъ, объявилъ войну Псковичамъ, и по прошествіи четырехъ недѣль и четырехъ дней послѣ объявленія, въ августѣ мѣсяцѣ, явился съ полками литовскими, польскими, русскими и татарскими подъ Опочкою, жители которой устроили

мостъ на канатахъ, подъ мостомъ набили кольевъ, а сами спрятались въ крѣпости, чтобы непріятелю она показалась пустою. Татарская конница, не видя никого на стѣнахъ, бросилась на мостъ: тогда граждане подрѣзали канаты, и мостъ вмѣстѣ съ Татарами упалъ на колья, почти всѣ непріятели лишились жизни, а которые попались въ плѣнъ, тѣхъ жестоко и позорно изувѣчили въ городѣ, и въ такомъ видѣ показали осаждающимъ. Витовтъ отошелъ отъ Опочки и осадилъ другой городъ Вороначъ, подъ которымъ стоялъ три недѣли, разбивая пороками стѣны. Вороначескимъ стало очень тяжко, и они послали сказать въ Псковъ: „Господа Псковичи! помогайте намъ, думайте объ насъ, намъ теперь очень тяжко"! Псковичи послали въ литовскій станъ своего посадника бить челомъ Витовту; но тотъ не принялъ псковскаго челобитья. Другой псковской посадникъ съ 400 человѣкъ хотѣлъ пробраться въ Котельну и засѣсть тамъ, но былъ перенятъ на дорогѣ 700 Литовцевъ и Татаръ и успѣлъ убѣжать въ Котельну, потерявши 30 человѣкъ; въ двухъ другихъ стычкахъ съ Татарами жители псковскихъ пригородовъ были счастливѣе. Между тѣмъ въ одну ночь случилось чудо страшное, говоритъ лѣтописецъ, внезапно пошла туча грозная, полился дождь, загремѣлъ громъ, молнія сверкала безпрестанно, и всѣ думали, что или отъ дождя потонутъ, или отъ грома камнями будутъ побиты; громъ былъ такой страшный, что земля тряслась, и Витовтъ, ухватясь за шатерный столпъ, кричалъ въ ужасѣ: Господи помилуй!—Псковскій лѣтописецъ этой грозѣ приписываетъ смиреніе Витовта, который далъ перемиріе Вороначескимъ; но лѣтописецъ московскій приводитъ другое обстоятельство: къ Витовту пріѣхалъ посолъ изъ Москвы, князь Лыковъ, и сказалъ отъ имени великаго князя Василія: „зачѣмъ это ты такъ дѣлаешь вопреки договору? вмѣсто того, чтобы быть тебѣ со мною заодно, ты мою отчину воюешь и пустошишь". Витовтъ, послушавшись внука своего, заключилъ съ Псковичами миръ; вмѣсто трехъ тысячъ рублей взялъ съ нихъ только одну тысячу и плѣнниковъ ихъ отдалъ на поруки, съ условіемъ, чтобъ въ извѣстный срокъ они явились къ нему въ Вильну; псковскій лѣтописецъ не говоритъ ничего о послѣ московскомъ, и жалуется по обычаю на Новгородцевъ, которые не помогли Пскову ничѣмъ, ни словомъ, ни дѣломъ, хотя ихъ посолъ былъ все это время въ станѣ у Витовта, и подъ Опочкою, и подъ Вороначемъ. Когда срокъ ѣхать въ Вильну

съ деньгами и плѣнными сталъ приближаться, Псковичи послали въ Москву просить великаго князя, чтобъ отправилъ къ дѣду своихъ бояръ бить челомъ за Псковичей. Московскій посолъ поѣхалъ въ Вильну вмѣстѣ съ псковскими, повезли деньги 1000 рублей и плѣнниковъ; Витовтъ деньги взялъ, но плѣнниковъ оставилъ у себя, и посолъ московскій не помогъ ничего своимъ посольствомъ, говоритъ псковскій лѣтописецъ: Псковичи принуждены были опять послать посадника въ Вильну и выкупить плѣнныхъ деньгами.

Въ 1428 году пришелъ чередъ и Новгородцамъ: Витовтъ объявилъ имъ войну за то, что они называли его измѣнникомъ и пьяницею; Новгородцы послали просить помощи у Псковичей, но тѣ отвѣчали: „Какъ вы намъ не помогли, такъ и мы вамъ не поможемъ, да еще мы и договоръ заключили съ Витовтомъ, что не помогать вамъ". Великій князь московскій также цѣловалъ крестъ Витовту, что не будетъ помогать ни Новгороду, ни Пскову, а тверской князь отправилъ даже свои полки на помощь Витовту. И вотъ Витовтъ пришелъ сначала къ Вышгороду [126], а потомъ къ Порхову съ пушками: была у него одна огромная пушка, по имени галка, которая надѣлала много вреда и Порхову и Литвѣ, потому что, разорвавшись, убила самого мастера, воеводу полоцкаго и много ратныхъ людей и лошадей. Несмотря на то, Порховъ не могъ долѣе держаться и заплатилъ за себя Витовту 5000 рублей; потомъ пріѣхалъ изъ Новгорода владыка съ боярами и заплатили еще 5000, да тысячу за плѣнныхъ; сбирали это серебро по волостямъ новгородскимъ и за Волокомъ, брали съ 10 человѣкъ по рублю. „Вотъ вамъ за то, что называли меня измѣнникомъ и бражникомъ", сказалъ Витовтъ Новгородцамъ, принимая у нихъ деньги.

Смерть Витовта обрадовала многихъ и въ Польшѣ и въ сѣверо-восточной Руси; ей радовались и въ югозападной Руси тѣ, которымъ дорого было свое и которые видѣли ясно, что Витовтъ, въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ, руководился одними личными корыстными цѣлями [127]. Ихъ надежды давно уже были обращены на брата Ягайлова, Свидригайла Ольгердовича, который оказывалъ явное расположеніе къ православію и явную ненависть къ Польшѣ. Польскіе писатели изображаютъ Свидригайла человѣкомъ, преданнымъ вину и праздности, непостояннымъ, вспыльчивымъ,

безразсуднымъ, склоннымъ на всѣ стороны, куда вѣтеръ подуетъ, и находятъ въ немъ одно только доброе качество—щедрость. Но должно замѣтить, что почти всѣхъ Гедиминовичей можно упрекать въ непостоянствѣ, видя, съ какою легкостію измѣняютъ они одной вѣрѣ и народности въ пользу другой, лишь бы только эта измѣна вела къ скорѣйшему достиженію извѣстной цѣли. Эта фамильная черта Гедиминовичей равно поражаетъ насъ какъ въ Ягайлѣ, Свидригайлѣ и Витовтѣ, такъ и въ послѣднемъ изъ Гедиминовичей, Сигизмундѣ Августѣ, который точно такъ же былъ равнодушенъ, точно такъ же колебался между католицизмомъ и протестантизмомъ, какъ предки его колебались между католицизмомъ и православіемъ. Быть можетъ, причина такому явленію заключалась въ самомъ положеніи литовскаго народа, который, не успѣвъ выработать для себя крѣпкихъ основъ народнаго характера, пришелъ въ столкновеніе съ различными чуждыми и высшими его народностями: къ одной которой-нибудь изъ нихъ онъ долженъ былъ приравняться, не насильственно, однако, а съ правомъ выбора.

По смерти Витовта, Ягайло не могъ противиться всеобщему желанію: русскіе и литовскіе вельможи бросились къ Свидригайлу и провозгласили его великимъ княземъ. Свидригайло ознаменовалъ свое вступленіе на отцовскій столъ тѣмъ, что занялъ литовскіе замки отъ своего имени, съ исключеніемъ Ягайлова, и тѣмъ обнаружилъ намѣреніе отложиться отъ Польши. Кипя гнѣвомъ за прежнія обиды и гоненія, онъ въ рѣзкихъ словахъ укорялъ короля и его польскихъ совѣтниковъ, грозя имъ местію. Ягайло находился въ самомъ затруднительномъ положеніи; эта затруднительность еще болѣе усилилась при извѣстіи, что Поляки, услыхавъ о смерти Витовта, внезапно захватили Подолію, вытѣснивъ оттуда литовскихъ намѣстниковъ. Свидригайло выходилъ изъ себя, грозилъ королю тюрьмою, и даже смертію, если Поляки не возвратятъ Подолію Литвѣ. Тогда совѣтники королевскіе рѣшились умертвить Свидригайла и, запершись въ Вильнѣ, держаться тамъ до прибытія короннаго войска. Но Ягайло никакъ не соглашался на такую мѣру и почелъ за лучшее возвратить брату Подолію. Свидригайло, обрадованный уступчивостію короля, утихъ и началъ ласкаться къ брату; но вельможи польскіе были въ отчаяніи, что Подолія отходитъ отъ нихъ, стали придумывать средства, какъ бы помѣшать королевскому намѣренію, и наконецъ нашли: тайнымъ образомъ дали знать поль-

скому коменданту Каменца, чтобъ онъ не слушался королевскаго повелѣнія, не сдавалъ города Литвѣ и заключилъ бы въ оковы Ягайловыхъ и Свидригайловыхъ посланныхъ; комендантъ исполнилъ ихъ желаніе.

Въ 1431 году Ягайло возвратился въ Польшу; на сендомирскомъ сеймѣ слабый старикъ сталъ жаловаться на обиды отъ Свидригайла; негодованіе Поляковъ было усилено еще вѣстями, что Свидригайло не оставляетъ въ покоѣ ни Подоліи, ни другихъ сосѣднихъ областей; но они боялись дѣйствовать противъ литовскаго князя вооруженною силой, зная сильную приверженность къ нему Русскихъ, заподозривая и короля своего въ тайномъ доброжелательствѣ брату [128], и потому рѣшились попытаться сперва мирнымъ путемъ склонить Свидригайла къ уступкѣ Подоліи и къ признанію своей зависимости отъ Польши. Первое посольство ихъ осталось безъ успѣха; при второмъ, выведенный изъ терпѣнія дерзкими требованіями Яна Лутека Бржескаго, Свидригайло далъ ему пощечину. Въ томъ же году (1431) Бржескій опять пріѣхалъ посломъ отъ Ягайла; опять говорилъ Свидригайлу тѣ же рѣчи, опять получилъ отъ него пощечину, но теперь уже не былъ отпущенъ назадъ, а заключенъ въ тюрьму. Ягайло выступилъ съ войскомъ на Литву, хотя, какъ выражается польскій историкъ [129], горче смерти былъ ему этотъ походъ противъ родной земли и родного брата. Борьба между народностями, изъ которыхъ одна посягала на права другой, велена была, какъ и слѣдовало ожидать, съ большимъ ожесточеніемъ: съ обѣихъ сторонъ не было пощады плѣнникамъ, причемъ Русскіе особенно изливали свою месть на латинское духовенство. Жители Луцка съ удивительнымъ мужествомъ выдерживали осаду отъ королевскаго войска; несмотря на то, по увѣренію польскаго историка, городъ долженъ былъ бы скоро сдаться и война кончилась бы съ выгодою и честію для короля и королевства, еслибъ тому не помѣшалъ самъ Ягайло, благопріятствовавшій Свидригайлу и его подданнымъ, съ которыми поспѣшилъ заключить перемиріе, причемъ положенъ былъ срокъ и мѣсто для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Король снялъ осаду Луцка, и Русскіе торжествовали отступленіе непріятеля тѣмъ, что разрушили всѣ католическія церкви въ луцкой землѣ.

Съѣздъ для заключенія вѣчнаго мира назначенъ былъ въ Парчевѣ; но Свидригайло не явился туда и не прислалъ своихъ упол-

номоченныхъ. Тогда Поляки, не надѣясь справиться съ литовскимъ княземъ открытою силой, рѣшились выставить ему соперника и возбудить междоусобіе въ собственныхъ его владѣніяхъ. Мы видѣли, что Свидригайло держался русскаго народонаселенія. Это возбуждало неудовольствіе собственно литовскихъ вельможъ, особенно тѣхъ, которые приняли католицизмъ. Поляки воспользовались ихъ неудовольствіемъ и послали Лаврентія Зоронбу въ Литву, съ явнымъ порученіемъ отъ Ягайла къ брату его—склонять послѣдняго къ покорности, и съ тайнымъ порученіемъ—уговаривать литовскихъ вельможъ къ сверженію Свидригайла и къ принятію къ себѣ въ князья Витовтова брата, Сигизмунда Кейстутовича, князя стародубскаго. Зоронба успѣлъ какъ нельзя лучше выполнить свое порученіе: составленъ былъ заговоръ, съ помощію котораго Сигизмундъ Стародубскій напалъ нечаянно на Свидригайла и выгналъ его изъ Литвы; но Русь (т.-е. Малороссія), Смоленскъ и Витебскъ остались вѣрными Свидригайлу.

Свѣдавъ объ изгнаніи Свидригайла изъ Литвы, король созвалъ вельможъ и прелатовъ для совѣщанія о дѣлахъ этой страны. Положено было отправить къ Сигизмунду полномочныхъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился Збигнѣвъ Олесницкій. Сигизмундъ съ почестями принялъ посольство и подчинилъ себя и свое княжество коронѣ польской. Такой поступокъ понятенъ: Сигизмундъ собственными средствами не могъ держаться противъ Свидригайла; ему нужна была помощь Польши, авторитетъ ея короля. Но понятно также, что подчиненіе Литвы Польшѣ не могло доставить Сигизмунду расположенія многихъ Литовцевъ, которые не хотѣли этого подчиненія; вотъ почему Сигизмундъ скоро увидѣлъ, что окруженъ людьми, на вѣрность которыхъ не можетъ положиться; и хотя польскій лѣтописецъ видитъ въ этомъ случаѣ только врожденное непостоянство Литовцевъ, но мы имѣемъ право видѣть еще что-нибудь другое, тѣмъ болѣе, что тотъ же самый лѣтописецъ, въ одинъ голосъ съ лѣтописцемъ русскимъ, упрекаетъ Сигизмунда въ страшной жестокости и безнравственности [130]. Открытъ былъ заговоръ на жизнь Сигизмунда и главами заговора были двое знаменитѣйшихъ вельможъ: Янутъ, палатинъ троцкій, и Румбольдъ, гетманъ литовскій. Янутъ и Румбольдъ, вмѣстѣ съ другими соучастниками, погибли подъ топоромъ; но ожесточеніе противъ Сигизмунда не уменьшилось:

онъ не смѣлъ встрѣтиться съ Свидригайломъ въ открытомъ полѣ, боясь измѣны своихъ.

Въ такомъ положеніи находились Литва и югозападная Русь, когда въ 1434 году умеръ король Ягайло. Поляки возвели на престолъ сына его Владислава, не безъ смутъ впрочемъ и сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ вельможъ. Но перемѣна, совершившаяся въ Польшѣ, не измѣнила положенія Литвы и Руси: здѣсь по прежнему шла борьба между Сигизмундомъ и Свидригайломъ, по прежнему послѣдній не хотѣлъ отказываться отъ правъ своихъ на Литву, и по прежнему былъ несчастливъ на войнѣ: войска его потерпѣли сильное пораженіе подъ Вилькомиромъ. Но Сигизмундъ не долго наслаждался своимъ торжествомъ: двое братьевъ, русскихъ князей— Иванъ и Александръ Чарторыйскіе [131] составили новый заговоръ, вслѣдствіе котораго Сигизмундъ лишился жизни.

По убіеніи Сигизмунда, литовскіе вельможи раздѣлились: одни хотѣли видѣть великимъ княземъ Владислава Ягайловича, короля польскаго; другіе, возвеличенные Сигизмундомъ, держались сына его Михаила; третьи, наконецъ, хотѣли Свидригайла. Король Владиславъ былъ въ это время въ большомъ затрудненіи: Венгры выбрали его на свой престолъ и просили поспѣшить пріѣздомъ къ нимъ, а между тѣмъ Литва требовала также его присутствія, и въ противномъ случаѣ грозила отдѣлиться отъ Польши. Послѣ долгихъ совѣщаній съ польскими вельможами рѣшено было, чтобъ самъ Владиславъ поспѣшилъ въ Венгрію для упроченія себѣ тамошняго престола, а въ Литву отправилъ вмѣсто себя родного брата своего, молодого Казимира, не въ качествѣ, однако, великаго князя литовскаго, а въ качествѣ намѣстника польскаго. Литовскіе и нѣкоторые изъ русскихъ вельможъ, вмѣстѣ съ Александромъ или Олелькомъ Владиміровичемъ, княземъ кіевскимъ, внукомъ Ольгердовымъ, приняли Казимира, но никакъ не хотѣли видѣть въ немъ намѣстника Владиславова и требовали возведенія его на великокняжескій престолъ; Поляки, окружавшіе Казимира, никакъ не хотѣли согласиться на это требованіе, и тогда Литовцы, противъ ихъ воли, провозгласили Казимира великимъ княземъ. Видя это, король Владиславъ и его польскіе совѣтники придумали средство обезсилить Литву, отнять у ея князей возможность къ сопротивленію польскому владычеству: это средство было—раздѣленіе литовскихъ областей между Казимиромъ Ягеллоновичемъ, Михаиломъ Сигизмундовичемъ и Болеславомъ

Мазовецкимъ; назначенъ былъ для этого уже и съѣздъ въ Парчевѣ, но сопротивленіе литовскихъ вельможъ помѣшало и этому намѣренію.

Въ 1444 году, Владиславъ, король польскій и венгерскій, палъ въ битвѣ съ Турками при Варнѣ, и это событіе имѣло важное значеніе въ судьбахъ Литвы и Руси; оно снова затягивало связь ихъ съ Польшею, потому что бездѣтному Владиславу долженъ былъ наслѣдовать братъ его, осьмнадцатилѣтній Казимиръ Литовскій. Поляки, по мысли Збигнѣва Олесницкаго, прислали звать Казимира къ себѣ на престолъ; тотъ, по внушеніямъ Литовцевъ, долго не соглашался: на Петроковскомъ сеймѣ, въ 1446 году, послы Казимировы, русскіе князья Василій Красный и Юрій Семеновичъ объявили панамъ прямой отказъ своего князя наслѣдовать брату на престолѣ польскомъ; второе посольство Поляковъ также не имѣло успѣха; наконецъ Казимиръ долженъ былъ уступить ихъ требованіямъ, когда узналъ, что на сеймѣ идетъ рѣчь о выборѣ въ короли Болеслава, князя мазовецкаго, тестя и покровителя соперника его, Михаила Сигизмундовича. Затруднительно было положеніе Казимира между притязаніями Поляковъ на литовскія владѣнія и стремленіями Литовцевъ удержать свою самостоятельность относительно Польши; иногда дѣло доходило до явнаго разрыва, и большихъ усилій стоило Казимиру отвратить кровопролитіе. Но этого мало: Орденъ является опять на сцену, чтобъ отвлечь вниманіе государей польско-литовскихъ отъ востока къ западу. Грюнвальдская битва, нанесшая рѣшительный ударъ Ордену, служила знакомъ ко внутреннимъ безпокойствамъ въ его владѣніяхъ: ослабленные рыцари стали нуждаться теперь въ помощи дворянства и городовъ; послѣдніе воспользовались обстоятельствами и начали требовать участія въ правленіи, начали требовать, чтобъ при великомъ магистрѣ находился совѣтъ, состоящій изъ выборныхъ отъ Ордена, дворянства и главныхъ городовъ, и чтобъ на этомъ совѣтѣ рѣшались всѣ важнѣйшія дѣла. Вслѣдствіе этихъ стремленій начались неудовольствія, кончившіяся тѣмъ, что въ 1454 году послы отъ дворянъ и городовъ прусскихъ явились къ королю Казимиру съ просьбою принять ихъ въ свое подданство. Казимиръ согласился, и слѣдствіемъ этого была война съ Орденомъ, война продолжительная, ведшаяся съ перемѣнными счастіемъ и поглотившая все вниманіе короля и сеймовъ.

Такое затруднительное положеніе великаго князя литовскаго съ одной стороны, и не менѣе затруднительное положеніе великаго князя московскаго съ другой—сдерживали обоихъ, мѣшали значительнымъ столкновеніямъ Руси югозападной съ сѣверовосточною во все описываемое время. Но если не могло быть между Литвою и Москвою войны значительной, богатой рѣшительными послѣдствіями, то самыя усобицы однако, происходившія одновременно и здѣсь, и тамъ, не могли допустить и постояннаго мира между обѣими державами, потому что враждующія стороны на сѣверовостокѣ искали себѣ пособія и убѣжища на югозападѣ, и на оборотъ. Свидригайло былъ побратимъ князю Юрію Димитріевичу, слѣдовательно Василій московскій долженъ былъ находиться въ союзѣ съ врагомъ Свидригайловымъ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ и сыномъ его Михаиломъ, и убійца Сигизмунда, князь Чарторыйскій, жилъ у Шемяки и вмѣстѣ съ нимъ приходилъ воевать на Москву. Василій держалъ сторону Михаила и въ борьбѣ его съ Казимиромъ; мы видѣли, что въ 1444 году, находясь въ войнѣ съ Михаиломъ и Болеславомъ Мазовецкимъ, Казимиръ предлагалъ Новгородцамъ помощь подъ условіемъ подданства. Новгородцы не согласились на это предложеніе, и въ 1445 году великій князь Василій послалъ нечаянно двухъ татарскихъ царевичей на литовскіе города Вязьму, Брянскъ и другіе; Татары много воевали, много народу перебили и въ плѣнъ повели, пожгли литовскую землю почти до самаго Смоленска, и возвратились домой съ большимъ богатствомъ. Казимиръ спѣшилъ отомстить, и отправилъ подъ Калугу 7.000 войска подъ начальствомъ семерыхъ пановъ своихъ. Были они подъ Козельскомъ и подъ Калугою, но не могли здѣсь сдѣлать ничего, и отошли къ Суходорову [132]; тутъ встрѣтили ихъ сто человѣкъ можайцевъ, сто верейцевъ и шестьдесятъ боровцевъ, и сразились: Русскіе потеряли своихъ воеводъ, Литовцы также потеряли двѣсти человѣкъ убитыми, и возвратились домой [133]. Это впрочемъ было единственное ратное дѣло съ Литвою въ княженіе Василія; въ 1448 году былъ въ Москвѣ посолъ литовскій [134], а въ 1449 году заключенъ былъ договоръ между королемъ Казимиромъ и великимъ княземъ Василіемъ и его братьями, Иваномъ Андреевичемъ, Михаиломъ Андреевичемъ и Василіемъ Ярославичемъ [135]: Василій обязался жить съ Казимиромъ въ любви и быть съ нимъ вездѣ за-одно, хотѣть добра ему и его землѣ вездѣ гдѣ бы ни было; тѣ же обязательства взялъ на себя

и Казиміръ. Договаривающіеся клянутся имѣть однихъ враговъ и друзей; Казимиръ обязывается не принимать къ себѣ Димитрія Шемяки, а Василій—Михаила Сигизмундовича. Если пойдутъ Татары на украинскія мѣста, то князьямъ и воеводамъ литовскимъ и московскимъ, переславшись другъ съ другомъ, оборонятъся за-одно. Казимиръ и Василій обѣщаютъ не вступаться во владѣнія другъ друга и, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, другой долженъ заботиться о семействѣ умершаго. Обязываются помогать другъ другу войскомъ въ случаѣ нападенія непріятельскаго; но это обязательство можетъ быть и неисполнено, если союзникъ будетъ занятъ самъ у себя дома войною. Орду великій князь московскій знаетъ по старинѣ, ему самому и посламъ его путь чистъ въ Орду чрезъ литовскія владѣнія.—Съ перваго взгляда послѣднее условіе кажется страннымъ: для чего было московскому князю или посламъ его ѣздить въ Орду чрезъ литовскія владѣнія? Но мы не должны забывать, что при усобицахъ княжескихъ побѣдитель захватывалъ пути въ Орду, чтобы не пропускать туда соперника, и для послѣдняго въ такомъ случаѣ было очень важно проѣхать безпрепятственно окольными путями.—Далѣе договаривающіеся обязываются не трогать служилыхъ князей. Василій Московскій называетъ себя въ договорѣ княземъ новгородскимъ и требуетъ отъ Казимира, чтобы тотъ не вступался въ Новгородъ Великій и во Псковъ и во всѣ новгородскія и псковскія мѣста, и если Новгородцы или Псковичи предложатъ ему принять ихъ въ подданство, то король не долженъ соглашаться на это. Если Новгородцы или Псковичи нагрубятъ королю, то послѣдній долженъ увѣдомить объ этомъ великаго князя московскаго, и потомъ можетъ перевѣдаться съ Новгородцами и Псковичами, и Василій не вступится за нихъ, не будетъ сердиться на Казимира, если только послѣдній не захватитъ ихъ земли и воды. Казимиръ обязывается держать съ Нѣмцами вѣчный миръ, съ Новгородцами особенный миръ, съ Псковичами особенный, и если станутъ они воевать другъ съ другомъ, то король не вмѣшивается въ ихъ дѣло. Если Новгородцы или Псковичи нагрубятъ великому князю московскому и тотъ захочетъ ихъ показнить, то Казимиру за нихъ не вступаться. Великій князь Иванъ Ѳедоровичъ рязанскій въ любви съ великимъ княземъ московскимъ, старшимъ своимъ братомъ, и потому король не долженъ обижать его, и если рязанскій князь нагрубитъ Казимиру, то послѣдній обязанъ дать знать объ этомъ

Василію, и тотъ удержитъ его, заставитъ исправиться; если же рязанскій князь не исправится, то король воленъ его показнить, и московскій князь не будетъ за него заступаться; если же рязанскій князь захочетъ служить королю, то Василій не будетъ за это на него сердиться или мстить ему.

Войны не было послѣ этого между Москвою и Литвою, но и договоръ не былъ соблюдаемъ: Михаилъ Сигизмундовичъ былъ принятъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1452 году, въ одно время съ знаменитымъ Свидригайломъ; съ своей стороны Казиміръ принялъ сына Шемяки, и потомъ Ивана Андреевича можайскаго и Ивана Васильевича серпуховского: Шемячичъ получилъ во владѣніе Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій; Можайскій получилъ сперва Брянскъ, потомъ Стародубъ и Гомей [136]. Видимъ новые переговоры между великими князьями московскимъ и литовскимъ, при чемъ митрополитъ Іона является посредникомъ [137]. Рязанцы опустошили литовскія владѣнія, и входили за промыслами туда, куда имъ издавна входовъ не бывало; Казиміръ жаловался на это великому князю рязанскому Ивану Өедоровичу [138], но получилъ ли удовлетвореніе—неизвѣстно.

Московскіе удѣльные князья бѣжали въ Литву вслѣдствіе стремленій своего старшаго, великаго князя къ единовластію; но, чего они не хотѣли въ Москвѣ, тому самому должны были подвергнуться въ Литвѣ: они не могли быть здѣсь князьями самостоятельными, и, принимая волости отъ внука Ольгердова, клялись быть его подручниками, слугами, данниками [139]. Въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ литовскому великому князю были уже давно всѣ князья Рюриковичи югозападной Руси [140].

Литва не мѣшала московскому князю утверждать единовластіе на сѣверовостокѣ, по смерти Шемякиной; мѣшали тому Татары: въ 1449 году отрядъ ихъ внезапно явился на берегахъ рѣки Похры, и много зла надѣлалъ христіанамъ, сѣкъ и въ полонъ велъ. Великаго князя обвиняли въ томъ, что онъ любитъ Татаръ, кормитъ ихъ, принимаетъ въ службу; въ настоящемъ случаѣ поведеніе Василія получило полное оправданіе, потому что противъ грабителей выступилъ татарскій же царевичъ Касимъ изъ Звенигорода, разбилъ ихъ, отнялъ добычу, прогналъ въ степь; и въ слѣдующемъ году Касимъ оказалъ такую же услугу Москвѣ, разбивши Татаръ вмѣстѣ съ коломенскимъ воеводою Беззубцевымъ, на рѣкѣ Битюгѣ. Но въ 1451 году дѣло было значительнѣе: великому князю

дали вѣсть, что идетъ на него изъ-за Волги царевичъ Мазовша; Василій, не собравшись съ силами, вышелъ было къ Коломнѣ, но услыхавъ [141], что Татары уже подлѣ берега, возвратился въ Москву, а всѣхъ людей своихъ отпустилъ къ Окѣ съ воеводою, княземъ Иваномъ звенигородскимъ, чтобы препятствовать, сколько можно долѣе, переправѣ Татаръ черезъ рѣку; но Звенигородскій испугался и вернулся также назадъ, только другимъ путемъ, а не прямо за великимъ княземъ. Между тѣмъ Василій, пробывъ Петровъ день въ Москвѣ, укрѣпилъ (осадилъ) городъ, оставилъ въ немъ свою мать княгиню Софью Витовтовну, сына князя Юрія, множество бояръ и дѣтей боярскихъ, митрополита Іону, жену съ другими дѣтьми отпустилъ въ Угличъ, а самъ со старшимъ сыномъ Иваномъ отправился къ Волгѣ. Татары подошли къ Окѣ, думая, что на берегу стоитъ русская рать, и не видя никого, послали сторожей на другую сторону рѣки посмотрѣть, не скрылись ли Русскіе гдѣ въ засадѣ. Сторожа обыскали всюду и возвратились къ своимъ съ вѣстію, что нѣтъ нигдѣ никого. Тогда Татары переправились черезъ Оку и безъ остановки устремились къ Москвѣ и подошли къ ней 2-го іюля. Въ одинъ часъ зажжены были всѣ посады, время было сухое, и пламя обняло городъ со всѣхъ сторонъ, церкви загорѣлись, а отъ дыма нельзя было ничего видѣть: несмотря на то, осажденные отбили приступъ у всѣхъ воротъ. Когда посады сгорѣли, то Москвичамъ стало легче отъ огня и дыма, и они начали выходить изъ города и биться съ Татарами; въ сумерки непріятель отступилъ, а граждане стали готовить пушки и всякое оружіе, чтобъ отбивать на другой день приступы; но при солнечномъ восходѣ ни одного Татарина уже не было подъ городомъ: въ ночь всѣ убѣжали, покинувши тяжелые товары, мѣдь, желѣзо. Великая княгиня Софья тотчасъ же послала сказать объ этомъ сыну, который въ то самое время перевозился черезъ Волгу при устьѣ Дубны; Василій немедленно возвратился въ Москву и утѣшалъ народъ, говоря ему: „Эта бѣда на васъ ради моихъ грѣховъ; но вы не унывайте, ставьте хоромы по своимъ мѣстамъ, а я радъ васъ жаловать и льготу давать“. Черезъ три года Татары попытались было опять тѣмъ же путемъ пробраться къ Москвѣ, но были разбиты полками великокняжескими у Коломны. Въ 1459 году новый приходъ Татаръ къ берегамъ Оки: на этотъ разъ отбилъ ихъ старшій сынъ великаго князя, Іоаннъ Васильевичъ. На слѣдующій годъ ханъ

Большой Орды Ахматъ приходилъ со всею силою подъ Переяславль Рязанскій въ августѣ мѣсяцѣ, стоялъ шесть дней подъ городомъ и принужденъ былъ отступить съ урономъ и стыдомъ. Это было послѣднее нападеніе изъ Большой Орды въ княженіе Василія; съ Казанью нарушенъ былъ миръ въ 1461 году; великій князь собрался идти на нее войною, но во Владимірѣ явились къ нему послы казанскіе и заключили миръ.

Новгородцы, или лучше сказать, новгородскіе подданные воевали со Шведами и Норвержцами не на берегахъ Невы и Ладожскаго озера, но въ отдаленномъ Заволочьѣ, на берегахъ Бѣлаго моря: въ 1445 году Кореляне заволоцкіе напали на норвержскія владѣнія, перебили и поплѣнили жителей, и возвратились поздорову домой. Какъ видно, чтобъ отомстить за это нападеніе, въ слѣдующемъ году Шведы и Норвержцы пришли нечаянно въ Двинскую губу, на посадъ Неноксу, повоевали, пожгли, людей перебили и въ плѣнъ повели; услыхавши объ этомъ, Двиняне собрались скоро, напали на непріятеля, убили у него троихъ воеводъ, взяли въ плѣнъ сорокъ человѣкъ и прислали ихъ въ Новгородъ; только немногимъ удалось пометаться въ корабли и уйти въ море. Собственныя волости новгородскія не терпѣли отъ Шведовъ; въ 1443 году шведскій князь изъ Выборга пріѣхалъ ратью на миру и крестномъ цѣлованіи на рѣку Нарову и схватилъ псковскаго сына посадничьяго, Максима Ларіонова, вмѣстѣ съ 27 человѣками, а другихъ перебилъ; только на слѣдующій годъ Псковичи выкупили Максима съ товарищами за 120 рублей, а всѣхъ проторей они потерпѣли 150 рублей. Вреднѣе была для новгородскихъ волостей война съ ливонскими Нѣмцами: въ 1444 году Нѣмцы пожгли посадъ у города Ямы и берегъ повоевали, а въ Новгородъ прислали сказать: „Не мы васъ воюемъ, а воюетъ васъ изъ-за моря князь клевскій, мститъ вамъ за своего проводника и толмача“. Князь клевскій дѣйствительно ѣздилъ черезъ Россію въ Палестину, и претерпѣлъ непріятности, потому что его именемъ Нѣмцы грабили новгородскую землю [142]. Зимою Новгородцы пошли въ нѣмецкую землю за Нарову, пожгли и поплѣнили все около Ругодива (Нарвы), по берегамъ Наровы до Чудскаго озера. За это магистръ Ордена приходилъ со всѣми своими силами подъ городъ Яму, билъ его пушками и стоялъ пять дней, пожегъ и поплѣнилъ по вотской землѣ, по Ижорѣ и по Невѣ, но города взять не могъ и съ урономъ долженъ былъ

возвратиться домой. Новгородцы собрались отмстить ему за это, идти опять за Нарову, но конскій падежъ помѣшалъ походу. Въ 1446 году съѣхались было Новгородцы съ Нѣмцами для заключенія мира, но магистръ захотѣлъ Острова, и потому разъѣхались безъ мира. Между тѣмъ у Псковичей происходили съ Нѣмцами мелкія столкновенія; въ 1427 году Нѣмцы убили шесть человѣкъ Опочанъ бортниковъ, убили на русской землѣ; другіе подошли къ Опочкѣ, посѣкли и пожгли все на миру и на крестномъ цѣлованіи; иные въ то же время косили сѣно на псковской землѣ; Псковичи за это поѣхали на нихъ въ двухъ насадахъ, сѣно пожгли, схватили 7 человѣкъ Чуди и повѣсили ихъ у Выбутска. На слѣдующій годъ впрочемъ заключенъ былъ миръ съ магистромъ, жителями Юрьева и со всею землею нѣмецкою, по старому крестному цѣлованію, только безъ Новгорода, потому что Новгородцы не помогли ничѣмъ, по словамъ псковскаго лѣтописца. Семь лѣтъ продолжался этотъ миръ; но въ 1436 году Псковичи захватили гостей нѣмецкихъ съ товарами, всего 24 человѣка, и посадили ихъ въ тюрьму за то, что Нѣмцы во время мира стали захватывать псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. Въ 1443 году заключенъ былъ миръ на 10 лѣтъ; но тотчасъ же послѣ этого Псковичи съ княземъ Александромъ Чарторыйскимъ поѣхали подъ Новый городокъ нѣмецкій, истребили все жито и повѣсили 7 Чухновъ, схвативши ихъ на своей землѣ. Подъ 1448 годомъ псковскій лѣтописецъ говоритъ о походѣ Новгородцевъ съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Чарторыйскимъ противъ ливонскихъ и тевтонскихъ рыцарей и короля шведскаго: Новгородцы стали на Наровѣ и бились черезъ рѣку съ Нѣмцами; Богъ помогъ Новгородцамъ, они побили много враговъ, иныхъ побили много на морѣ въ судахъ (бусахъ), другіе потонули въ морѣ, 84 человѣка попались въ плѣнъ и съ ними два князя; добычи было взято много Русскими; въ то же время отрядъ нѣмецкій потерпѣлъ пораженіе подъ Ямою отъ Новгородцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Суздальскаго. Эта неудача, какъ видно, заставила Нѣмцевъ быть сговорчивѣе; въ слѣдующемъ году Псковичи отправили своихъ пословъ на съѣздъ, на рѣку Нарову, вмѣстѣ съ послами новгородскими [144], и заключенъ былъ выгодный для Русскихъ миръ на 25 лѣтъ съ магистромъ Ордена и епископомъ юрьевскимъ: Нѣмцы возвратили со стыдомъ и срамомъ, по выраженію лѣтописца, всѣ ста-

рины псковскія, которыя прежде отняты были Юрьевцами. Восемь лѣтъ соблюдали этотъ миръ; но въ 1458 году началась опять ссора за границы: князь Александръ Чарторыйскій съ посадниками псковскими поѣхали на спорную землю [145], сѣно покосили и велѣли своимъ рыболовамъ рыбу ловить по старинѣ, церковь поставили и Чудь перевѣшали. Но въ слѣдующемъ году [146] поганые латины, не вѣруя въ крестное цѣлованіе, напали нечаянно на это спорное мѣсто, сожгли церковь и десять человѣкъ. Псковичи съ княземъ Александромъ немедленно поѣхали въ насадахъ и ладьяхъ въ нѣмецкую землю, и также много людей, мужчинъ и женщинъ, пожгли, мстя за тѣ головы неповинныя. Нѣмцы спѣшили отомстить за своихъ: въѣхали въ шнекахъ и въ ладьяхъ въ Нарову, отняли у псковскихъ рыболововъ насаду съ пушками [147] и со всѣмъ запасомъ ратнымъ, а въ Березской волости выжгли 42 двора, людей же Богъ сохранилъ. Но скоро потомъ пріѣхалъ посолъ изъ Новгорода во Псковъ, посадникъ Карпъ Савиничъ съ дружиною, и объявилъ, что Нѣмцы бьютъ челомъ и назначили срокъ для мирнаго съѣзда. Князь Александръ, вмѣстѣ съ посадникомъ новгородскимъ и псковскимъ и боярами изо всѣхъ концовъ отправились на спорное (обидное) мѣсто, обыскали и нашли, что земля и вода принадлежитъ Св. Троицѣ; Нѣмцы же, зная свою неправду, не явились на спорное мѣсто въ назначенный срокъ. Послѣ этого Псковичи съ своимъ княземъ Александромъ поѣхали въ нѣмецкую землю и много вреда надѣлали, повоевали землю нѣмецкую на 70 верстъ, и три ночи въ ней ночевали: много добра пограбили и погостовъ много пожгли, божницу великую выжгли, сняли съ нея крестъ и четыре колокола; со множествомъ другихъ плѣнниковъ привели во Псковъ и попа нѣмецкаго.

Это былъ послѣдній походъ на Нѣмцевъ въ княженіе Темнаго. Удачный ли походъ Псковичей, или вѣсть о томъ, что могущественный князь московскій принялъ дѣла псковскія въ свое завѣдываніе, заставили Нѣмцевъ желать мира,—только въ 1460 же году пріѣхали во Псковъ нѣмецкіе послы бить челомъ находившемуся тогда здѣсь сыну великокняжескому Юрію Васильевичу о перемиріи; князь Юрій принялъ ихъ челобитье, и въ слѣдующемъ году большіе послы нѣмецкіе пріѣхали въ Новгородъ бить челомъ о перемиріи съ Псковичами на пять лѣтъ. Посолъ великаго князя и Новгорода, спросившись съ Псковичами, послали въ Москву гон-

цевъ доложить великому князю о просьбѣ Нѣмцевъ; гонцы говорили Василію, что Новгородъ и Псковъ полагаютъ на него упованіе. Великій князь согласился на пятилѣтнее перемиріе, и оно было заключено съ тѣмъ условіемъ, относительно спорнаго мѣста, что Псковичи будутъ ловить рыбу на своемъ берегу, а Юрьевцы и епископъ ихъ на своемъ; кромѣ того Нѣмцы возвратили иконы и всѣ вещи, пограбленныя ими въ прежнюю войну. Въ столкновеніяхъ своихъ съ финскими племенами приуральскими Новгородцы не были счастливы въ это время; въ 1446 году двое воеводъ ихъ, Василій Шенкурскій и Михаилъ Яковлевъ, пошли съ трехтысячною заволоцкою ратью на Югру, набрали много добычи и стали вести себя оплошно, чѣмъ воспользовались Югорцы и обманули ихъ, говоря: „Мы хотимъ вамъ дань давать, хотимъ перечислить сколько всѣхъ насъ, указать вамъ станы, острова и урѣчища"; а между тѣмъ собрались и ударили на острогъ Василія Шенкурскаго, гдѣ перебили 80 человѣкъ дѣтей боярскихъ и удалыхъ людей; воевода Василій успѣлъ спастись съ сыномъ и небольшою дружиною, другіе разбѣжались по лѣсу. Товарищъ Шенкурскаго, Михаилъ Яковлевъ, былъ въ это время на другой рѣкѣ; пріѣхавши къ Васильеву острогу и видя, что онъ раззоренъ и люди побиты, сталъ искать бѣглецовъ по рѣкѣ, и когда всѣ они собрались къ нему, то пошли назадъ въ свою землю. А между тѣмъ на дорогѣ Новгородцевъ къ Уралу стоялъ городъ, который не только не признавалъ надъ собою власти Великаго Новгорода, но и не одинъ разъ рѣшался враждовать съ нимъ: то былъ Устюгъ Великій; въ 1425 году Устюжане повоевали землю заволоцкую; Новгородцы пошли за это ратью къ Устюгу и взяли съ него окупъ: 8000 бѣлокъ да шесть сороковъ соболей.

Съ Устюгомъ легко было справиться Новгородцамъ въ 1425 году; то было для нихъ благопріятное время: начало княженія Василія Васильевича, начало смутъ въ Московскомъ княжествѣ; но тяжекъ былъ для Новгорода конецъ княженія Темнаго, когда всѣ смуты прекратились, и великій князь сталъ жаловаться, что Новгородцы чтутъ его не такъ, какъ слѣдуетъ, его, который держалъ въ рукахъ всѣхъ князей русскихъ. Въ Новгородѣ знали о жалобахъ великаго князя,—и вотъ владыка Іона, несмотря на свою старость, отправился въ Москву, гдѣ своими увѣщаніями и успѣлъ на время отклонить отъ Новгорода послѣдній ударъ: Іона убѣдилъ Василія

отказаться отъ похода на Новгородъ и обратить все свое вниманіе на Татаръ [148], враговъ христіанства; но скоро смерть положила конецъ всѣмъ предпріятіямъ великаго князя. Въ 1462 году Василій разболѣлся сухотною болѣстію, и велѣлъ пользовать себя обыкновеннымъ тогда въ этой болѣзни лѣкарствомъ, зажигать на разныхъ частяхъ тѣла трутъ по нѣскольку разъ; но лѣкарство не помогло; раны загнили, и больному стало очень тяжко; онъ захотѣлъ постричься въ монахи, но другіе не согласились на это, и 27 марта, въ субботу на четвертой недѣлѣ великаго поста, Василій скончался.

Желая узаконить новый порядокъ престолонаслѣдія и отнять у враждебныхъ князей всякій предлогъ къ смутѣ, Василій еще при жизни своей назвалъ старшаго сына Іоанна великимъ княземъ, объявилъ его соправителемъ; всѣ грамоты писались отъ имени двухъ великихъ князей.—Димитрій Донской первый рѣшился благословить старшаго своего сына великимъ княженіемъ владимірскимъ, потому что не боялся ему соперниковъ ни изъ Твери, ни изъ Нижняго; Василій Димитріевичъ не рѣшился благословить сына своего утвердительно великимъ княженіемъ, зная о притязаніяхъ брата своего Юрія. Василій Темный не только благословляетъ старшаго сына своею отчиною, великимъ княженіемъ, но считаетъ великое княженіе владимірское неразрывно соединеннымъ съ московскимъ, вслѣдствіе чего Владиміръ и другіе города этого княжества смѣшиваетъ съ городами московскими. До сихъ поръ въ завѣщаніяхъ своихъ князья прежде всего распоряжались отчинными своими московскими волостями, и потомъ уже благословляли старшаго сына великимъ княженіемъ владимірскимъ утвердительно или предположительно; но Василій Темный начинаетъ съ того, что благословляетъ старшаго сына отчиною своею, великимъ княженіемъ, потомъ даетъ ему треть въ Москвѣ, Коломну и за Коломною слѣдуетъ Владиміръ—отдѣльно отъ великаго княженія, за нимъ города, принадлежавшіе прежде къ владимірской области—Переяславль и Кострома; за Костромою слѣдуетъ Галичъ, за Галичемъ Устюгъ, который до сихъ поръ не упоминался въ завѣщаніяхъ княжескихъ, равно какъ Вятка и Суздаль, что все отказывается старшему сыну, великому князю, вмѣстѣ съ Новгородомъ-Нижнимъ, Муромомъ, Юрьевымъ, Великою Солью, Боровскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинымъ—огромныя владѣнія въ сравненіи съ тѣми, которыя были

отказаны самому Василію отцемъ его. Второй сынъ Юрій получилъ Дмитровъ, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ и Хатунь; третій сынъ, Андрей Большой, получилъ Угличъ, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ; четвертый, Борисъ—Ржеву, Волокъ и Рузу, пятый, Андрей Меньшой—Вологду съ Кубеною, Заозерьемъ и нѣкоторыми костромскими волостями. Женѣ своей великій князь отказалъ московскую часть Ростова съ тѣмъ, чтобы по смерти своей она отдала ее второму сыну Юрію. Такимъ образомъ старшій получилъ городовъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, не говоря уже о значеніи городовъ и величинѣ областей; замѣчательно, что всѣ удѣлы младшихъ братьевъ назначены на сѣверѣ и западѣ, отчасти югѣ, тогда какъ весь востокъ сплошь составляетъ участокъ старшаго, великаго князя; замѣчательно также, что въ удѣлы младшимъ отданы тѣ волости, которыя и прежде были удѣлами; область же великаго княженія владимірскаго и примыслы—Нижній, Суздаль и Муромъ безъ раздѣла переходятъ къ старшему брату, которому даны были всѣ матеріальныя средства держать младшихъ подъ своею рукою.

Въ княженіе Темнаго чаще, нежели прежде, встрѣчаются имена служилыхъ князей, бояръ и воеводъ московскихъ. Еще въ княженіе Василія Димитріевича мы видѣли, какъ литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣевичъ оттѣснилъ (заѣхалъ) нѣкоторыхъ бояръ и занялъ первое мѣсто между ними. И въ княженіе Темнаго князь Юрій Патрикѣевичъ водилъ въ походъ полки московскіе, но неудачно: онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Косымъ и Шемякою; но послѣ, подъ 1437 годомъ, мы видимъ его опять въ Новгородѣ, въ качествѣ посла великокняжескаго. Сынъ его Иванъ Юрьевичъ замѣчателенъ тѣмъ, что участвовалъ въ покореніи Вятки [149]. Изъ князей Рюриковичей на службѣ московскаго князя виднѣе другихъ являются князья Ряполовскіе и Палецкій, потомки Ивана Всеволодовича Стародубскаго, и Оболенскіе, потомки св. Михаила Черниговскаго. Мы видѣли, какую важную услугу оказали Ряполовскіе семейству великаго князя: изъ четверыхъ братьевъ—Ивана, Семена, Димитрія и Андрея Лобана Ивановичей, Семенъ извѣстенъ неудачнымъ походомъ подъ Вятку, Димитрій удачнымъ, Андрей Лобанъ убитъ въ сраженіи съ Татарами подъ Бѣлевымъ [150]; двоюродный братъ ихъ, князь Өедоръ Давидовичъ Палецкій-Пестрый извѣстенъ побѣдою надъ Татарами въ 1428 году. Изъ шести сыновей

князя Ивана Константиновича Оболенскаго трое внесли свои имена въ лѣтопись: Василій, Семенъ и Глѣбъ; Василій разбилъ Татаръ подъ Переяславлемъ Рязанскимъ въ 1444 году; Семенъ явился ревностнымъ приверженцемъ Темнаго, по ослѣпленіи котораго бѣжалъ въ Литву вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ; Глѣбъ былъ убитъ Косымъ; сынъ Василія Ивановича Оболенскаго, князь Иванъ Васильевичъ Стрига, подобно отцу, извѣстенъ побѣдами: онъ отбилъ Шемяку отъ Костромы въ 1449 году, потомъ разбилъ Новгородцевъ подъ Русою. Изъ потомковъ св. Михаила Черниговскаго упоминается также князь Ѳедоръ Тарусскій; по родословнымъ это долженъ быть одинъ изъ князей Мезецкихъ; упоминается и нѣсколько другихъ князей сѣвернаго происхожденія. Изъ старыхъ московскихъ знатныхъ фамилій прежнее значеніе удерживаетъ фамилія Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, которой представителями въ княженіе Темнаго являются—Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ, внукъ стараго главнаго совѣтника при Василіи Димитріевичѣ—Ѳедора Кошки, чрезъ второго сына его Ѳедора Голтяя, и другой внукъ того же Ѳедора Кошки черезъ третьяго его сына, Александра Беззубца, Константинъ Александровичъ Беззубцевъ. Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ уговариваетъ князя Ивана Можайскаго не отставать отъ Василія Васильевича при торжествѣ дяди Юрія [151]; въ 1435 году онъ попадается въ плѣнъ къ Косому въ Вологдѣ; въ 1438 ведетъ переговоры съ ханомъ Улу-Махметомъ у Бѣлева; въ 1444 году, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Оболенскимъ, разбиваетъ Татаръ у Переяславля Рязанскаго; Константинъ Александровичъ Беззубцевъ разбиваетъ Татаръ въ 1450 году. Что касается до старшаго ихъ двоюроднаго брата Ивана Ивановича, сына того знаменитаго совѣтника при великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ, на котораго такъ жаловался Эдигей, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, это тотъ самый бояринъ Иванъ Ивановичъ, который подписался подъ завѣщаніемъ Темнаго на второмъ мѣстѣ послѣ князя Юрія Патрикѣевича, и который, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, покорилъ Вятку [152]. Изъ знаменитой фамиліи Акинфовыхъ упоминается Ѳедоръ Михайловичъ Челяднинъ. Вѣрными слугами Темнаго являются члены другой древней фамиліи—Плещеевы: Михаилъ Борисовичъ и двоюродный братъ его Андрей Ѳедоровичъ, правнуки Александра Плещеева, младшаго брата св. Алексія митрополита. Михаилъ былъ отправленъ захватить Москву подъ Шемякою, Андрей—

объявить въ Москвѣ объ освобожденіи великаго князя изъ татарскаго плѣна. Одного рода съ извѣстною намъ прежде фамиліею Бѣлеутовыхъ были двое братьевъ Сорокоумовыхъ—Иванъ Ощера и Димитрій Бобръ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Басенкомъ, отличившіе себя вѣрностію къ Темному; дѣйствовавшій съ ними заодно Семенъ Филимоновъ принадлежалъ къ роду Морозовыхъ, былъ родной племянникъ извѣстнаго Семена Морозова, любимца князя Юрія Димитріевича; Юрій или Юшка Драница, литовскій выходецъ, былъ вторымъ воеводою въ Нижнемъ, потомъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ поименованными лицами въ пользу Василія Темнаго и былъ убитъ подъ Угличемъ: лѣтопись называетъ его храбрымъ человѣкомъ; Василій Ѳедоровичъ Кутузовъ, потомокъ слуги Александра Невскаго, былъ посланъ Темнымъ къ Шемякѣ требовать возвращенія изъ плѣна великой княгини Софьи Витовтовны. Это все приверженцы Темнаго; врагомъ его оказался Иванъ Старковъ, который былъ намѣстникомъ въ Коломнѣ и приставомъ при Шемякѣ, когда послѣдняго отослали въ Коломну подъ стражу; этотъ Старковъ, по родословнымъ, причитается внукомъ татарскаго царевича Серкиза, выѣхавшаго изъ Большой Орды при Димитріи Донскомъ. Изъ Бояръ Шемякиныхъ главными совѣтниками своего князя выставленъ Никита Константиновичъ съ братьями; Михаилъ Ѳедоровичъ Сабуровъ, потомокъ мурзы Чета, перешелъ отъ Шемяки къ Темному. Дьяками у послѣдняго были Ѳедоръ и потомъ Василій Беда.

ГЛАВА III.

Внутреннее состоянiе русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины великаго князя Василiя Васильевича Темнаго.

(1228—1462.)

Общiй ходъ событiй.—Причины усиленiя московскаго княжества.—Московскiя волости.—Ихъ судьба по княжескимъ завѣщанiямъ.—Способы ихъ увеличенiя.—Границы ихъ.—Перемѣны въ отношенiяхъ между старшимъ и младшими князьями.—Положенiе женщины въ родѣ княжескомъ.—Служебные князья.—Титулы княжескiе.—Печати.—Посаженiе на столъ.—Отношенiе къ Татарамъ.—Законодательная власть князя.—Финансы.—Богатство князей.—Жизнь русскаго князя на сѣверѣ и югѣ.—Положенiе дружины.—Войско.—Характеръ войны.—Города.—Сельское народонаселенiе.—Козаки.—Бѣдствiя политическiя и физическiя.—Торговля.—Деньги.—Искусство, ремесла.—Церковь.—Законодательные памятники.—Международное право.—Нравы.—Обычаи.—Литература.—Лѣтописи.—Общiй ходъ Русской исторiи до образованiя московскаго государства.

Мы обозрѣли событiя болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго перiода времени, отъ смерти Мстислава Торопецкаго до смерти Василiя Темнаго. Мы остановились на смерти Удалого, потому что это былъ послѣднiй князь, который связывалъ еще судьбы обѣихъ половинъ Руси, сѣверной и южной, который, будучи представителемъ послѣдней, оказалъ между тѣмъ сильное влiянiе и на судьбы первой, тогда какъ прежде, при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III, наоборотъ, южная Русь подчинялась влiянiю сѣверной, князь послѣдней считался старшимъ, главнымъ княземъ, безъ котораго князья южные

не могли обойтись, по собственному ихъ признанію. Слѣдя за внутреннею связью явленій, наблюдая за переходомъ отъ стараго быта Руси къ новому, отъ родовыхъ княжескихъ отношеній къ единовластію [153], мы замѣтили въ сѣверной Руси внутреннія условія, благопріятствующія этому переходу, замѣтили несостоятельность южной въ этомъ отношеніи. Еще прежде Мстислава, при Романѣ Великомъ, можно замѣтить, что и въ южной Руси главная сцена дѣйствія готова уже оставить Приднѣпровье, славныя горы кіевскія и перенестись въ богатую область Галицкую, издавна служившую посредницею между Русью и міромъ западнымъ; Мстиславъ умираетъ въ Галичѣ, и тамъ же является достойный ему преемникъ въ сынѣ Романовомъ Даніилѣ. Не менѣе Мстислава доблестный, но не странствующій герой, подобный ему, Даніилъ отчинными преданіями привязанъ къ одной извѣстной области; онъ съ ранней молодости не знаетъ покоя, чтобы добыть отцовское наслѣдіе; добывши его, заботится объ немъ, устанавливаетъ нарядъ внутренній, старается защитить отъ Татаръ, Ятвяговъ и Литвы, старается распространить свое вліяніе на сѣверѣ и западѣ. Будущность южной Руси въ рукахъ Даніила и его потомства, въ которомъ историкъ надѣется увидать собирателей Русской земли на югѣ; но надежды эти оказываются обманчивыми. Южная Русь не собирается въ одно самостоятельное цѣлое; бо́льшая часть ея подчиняется князьямъ литовскимъ, меньшая отходитъ къ Польшѣ. Литва и Русь соединяются съ Польшею подъ одною династіею; но соединеніе это оказывается внѣшнимъ, непрочнымъ, сліянія внутренняго государственнаго и народнаго нѣтъ, и причина этого заключается въ томъ, что бо́льшую часть владѣній князей литовскихъ составляютъ русскія области, бо́льшую часть ихъ подданныхъ составляетъ русское православное народонаселеніе, которое, съ самаго начала будучи затронуто въ самомъ существенномъ своемъ интересѣ, должно было вступить въ борьбу съ католическими стремленіями Ягеллоновъ и преемниковъ ихъ. Историкъ долженъ со вниманіемъ слѣдить за этою борьбою по тому великому значенію, какое имѣла она, и особенно исходъ ея, на судьбы Россіи, на судьбы восточной Европы; но, при этомъ вниманіи и участіи, онъ не можетъ дать исторіи югозападной Руси равнаго мѣста, равнаго значенія съ исторіею Руси сѣверовосточной, гдѣ вслѣдствіе внутреннихъ движеній образовалось самостоятельное русское государство,

и важность югозападной Руси, важность исхода борьбы ея съ Польшею для судебъ восточной Европы условливается самостоятельнымъ существованіемъ московскаго государства на сѣверѣ; довольно сказать, что исторія югозападной Руси послѣ Гедимина и Казимира Великаго немыслима одна, сама по себѣ, но только въ связи съ исторіею Литвы и Польши. Итакъ, если несправедливо, въ научномъ отношеніи невѣрно и односторонне упускать изъ виду югозападную Русь послѣ отдѣленія ея отъ сѣверовосточной, поверхностно только касаться событій ея исторіи, ея быта и отношеній къ Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе, что ея бытъ представляетъ постоянно народныя русскія особенности и самая видная сторона ея отношеній къ Литвѣ и Польшѣ есть борьба для поддержанія основъ русской народности,—то съ другой стороны также несправедливо, также невѣрно исторію югозападной Руси ставить наряду съ исторіею сѣверовосточной: значеніе югозападной Руси остается всегда важнымъ, но всегда второстепеннымъ; главное вниманіе историка должно быть постоянно обращено на сѣверъ.

Здѣсь, благодаря Мстиславу Торопецкому и Липецкой побѣдѣ, старшій сынъ Всеволода III, Константинъ, усиливается не въ примѣръ передъ братьями, которые, какъ побѣжденные, должны были удовольствоваться ничтожными волостями, данными изъ милости побѣдителемъ. Но преждевременная смерть Константина помѣшала ему воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и упрочить могущество сыновей своихъ, которые должны были удовольствоваться одною ростовскою волостью. Очередь усиливаться перешла къ Юрію; но этотъ Всеволодовичъ погибъ отъ Татаръ со всѣмъ семействомъ своимъ и двумя племянниками Константиновичами. Оставались еще трое Всеволодовичей и старшимъ между ними былъ Ярославъ. Этотъ князь уже давно изъ всѣхъ сыновей Всеволодовыхъ отличался предпріимчивымъ духомъ, охотою къ примысламъ; будучи еще только княземъ переяславскимъ, онъ не отставалъ отъ Новгорода, все старался привести его въ свою волю, несмотря на урокъ, заданный ему Мстиславомъ на Липицѣ. По отношеніямъ новгородскимъ онъ завелъ ссору съ Черниговомъ, и, не надѣясь получить скоро старшинства на сѣверѣ, бросился на югъ и овладѣлъ Кіевомъ. Татары, истребленіемъ семейства Юріева, очистили Ярославу великое княженіе и обширныя волости для раздачи сыновьямъ своимъ. Онъ отдалъ Суздаль брату Святославу, Стародубъ другому

брату Ивану; свою отчину, Переяславль, передалъ нераздѣльною старшему сыну Александру, остальныхъ же пятерыхъ сыновей подѣлилъ волостями изъ великаго княженія, не давши ничего изъ него потомкамъ Константиновымъ. Неизвѣстно, что онъ далъ второму сыну своему Андрею, вѣроятно Юрьевъ, который уступилъ ему Святославъ Всеволодовичъ за Суздаль; третій сынъ, Константинъ, получилъ Галичъ, четвертый, Ярославъ, Тверь, пятый, Михаилъ, Москву, шестой, Василій, Кострому. Такимъ образомъ вся почти Владимірская область явилась въ рукахъ сыновей Ярославовыхъ: что могли предпринять противъ этихъ шестерыхъ князей дядья ихъ— князь суздальскій и стародубскій? Ясно, что при ослабленіи родовыхъ понятій, по смерти Ярослава, братъ его Святославъ не могъ долго держаться на старшемъ столѣ, былъ изгнанъ Михаиломъ Ярославичемъ московскимъ, а послѣ даже лишился и Суздаля, который перешелъ къ Ярославичамъ же, а Святославъ и его потомство должны были удовольствоваться опять однимъ Юрьевомъ. При этомъ надобно замѣтить, что сыновья Ярославовы и по личному характеру своему были въ уровень своему положенію, могли только распространить и укрѣпить отцовское наслѣдство, а не растратить его: Александръ получилъ названіе Невскаго, въ отвагѣ Андрея нельзя сомнѣваться, когда онъ рѣшился поднять оружіе противъ Татаръ, Михаилъ прозывается Хоробритомъ, Ярославъ идетъ постоянно по слѣдамъ отцовскимъ, постоянно хлопочетъ о примыслахъ, хочетъ привести Новгородъ въ свою волю, но не можетъ этого сдѣлать, потому что Василій Костромской также не хочетъ спокойно смотрѣть на дѣятельность старшихъ братьевъ. Кратковременная вражда между Александромъ Невскимъ и братомъ его Андреемъ не могла принести вреда семьѣ Ярославовой; важное значеніе Невскаго не ограничивается только подвигами его противъ Шведовъ, Нѣмцевъ, Литвы и благоразумнымъ поведеніемъ относительно Татаръ: въ немъ съ перваго же раза виденъ внукъ Всеволода III и дѣдъ Калиты; онъ страшенъ Новгороду не менѣе отца и дѣда; въ великомъ княженіи распоряжается по-отцовски; переяславскую отчину безъ раздѣла отдаетъ старшему сыну Димитрію, остальныхъ сыновей надѣляетъ волостями великокняжескими: Андрею отдаетъ Городецъ съ Нижнимъ, Даніилу Москву, выморочный удѣлъ Михаила Хоробрита. По смерти Невскаго Ярославу тверскому помѣшалъ усилиться Василій костромской, но самъ умеръ скоро и безпотомствен-

но, очиствъ такимъ образомъ старшій столъ для сыновей Невскаго; здѣсь повторяется тоже явленіе: Димитрію переяславскому мѣшаетъ усилиться Андрей городецкій; начинается продолжительная усобица, во время которой старшіе Александровичи истощаютъ свои силы, не могутъ сдѣлать ничего для своего потомства, при томъ же сынъ Димитрія умираетъ бездѣтнымъ; а между тѣмъ, во время этой усобицы князей переяславскаго и городецкаго, въ тиши усиливаются два княжества: Тверское при сынѣ Ярослава Ярославича, Михаилѣ, и Московское при младшемъ сынѣ Невскаго Даніилѣ. Соперничество между ними по этому самому необходимо; но будетъ ли это соперничество послѣднимъ?

До сихъ поръ при стремленіи сѣверныхъ князей къ примысламъ, къ увеличенію своихъ волостей, своихъ матеріальныхъ средствъ, они обыкновенно стараются привести въ свою волю Новгородъ-Великій, утвердиться здѣсь прочнѣе прежнихъ князей; но борьба съ Новгородомъ ни для одного изъ нихъ не увѣнчивается полнымъ успѣхомъ; средства князей еще не такъ велики, средства Новгорода обширны; притомъ же предпріятіе слишкомъ важно, слишкомъ громко, возбуждаетъ вниманіе, опасеніе другихъ князей, которые стараются ему воспрепятствовать. Московскіе князья, при началѣ своего усиленія, поступаютъ благоразумнѣе: вооружаются противъ ближайшихъ сосѣдей, слабыхъ, съ которыми легко сладить, при томъ же примыслы на нихъ счетъ слишкомъ далеки отъ главной сцены дѣйствія, не могутъ возбудить подозрѣнія и сильнаго противодѣйствія. Даніилъ Александровичъ вооружается противъ Рязани, беретъ въ плѣнъ ея князя, упрочиваетъ за своимъ княжествомъ Коломну, важный пунктъ при устьѣ Москвы рѣки въ Оку; сынъ Даніиловъ Юрій обращается на другую сторону, беретъ Можайскъ у смоленскаго княжества, также важный пунктъ при верховьяхъ Москвы рѣки. Гораздо замѣтнѣе, крупнѣе, по тогдашнимъ отношеніямъ, было пріобрѣтеніе Переяславля Залѣсскаго, доставшагося Даніилу по завѣщанію бездѣтнаго племянника Ивана Димитріевича: Андрей городецкій не хотѣлъ уступить Переяславля московскому князю; не хотѣлъ уступить ему его и Михаилъ тверской, когда сталъ великимъ княземъ владимірскимъ, но Москва крѣпко держалась за свой примыслъ, несмотря на то, что и ея князья, до самаго Василія Темнаго, признавали Переяславль волостію великаго княженія. Уже одно держаніе Переяславля могло повести къ усобицѣ между Москвою и Тверью, кромѣ явнаго намѣренія Юрія

спорить съ Михаиломъ и о самомъ Владимірѣ. Борьба сначала рѣшилась было въ пользу Твери, но мы уже видѣли, что всѣ великіе князья стремятся примыслить къ своей отчинѣ Новгородъ: не могъ не послѣдовать отцовскому примѣру и Михаилъ Тверской, ближайшій сосѣдъ Новгорода. Но мы замѣтили также, что предпріятіе противъ богатаго Новгорода было для князя довольно затруднительно; и теперь, стѣсненные Михаиломъ, Новгородцы обращаются къ Юрію московскому, и нѣтъ сомнѣнія, что деньги ихъ всего болѣе помогли послѣднему успѣть въ Ордѣ и сблизиться, породниться съ семействомъ ханскимъ, что и было причиною гибели Михаиловой. Но Тверь не пала вмѣстѣ съ Михаиломъ; Юрій, хлопотавшій такъ много для примысловъ, не разбиравшій средствъ для нихъ, провѣдшій всю жизнь въ безпокойствахъ, странствованіяхъ, не воспользовался плодами своихъ тяжкихъ и непривлекательныхъ трудовъ, погибъ безпотомственно въ Ордѣ отъ руки сына Михаилова. Но ему наслѣдовалъ братъ его Іоаннъ Калита, и если Александръ Михайловичъ тверской получилъ отъ хана великое княженіе владимірское, то Калита перезвалъ къ себѣ въ Москву митрополита, что было важнѣе всякихъ ярлыковъ ханскихъ. Борьба слѣдовательно не окончилась; Калита ждалъ удобнаго случая, и вотъ въ Твери вспыхнуло возстаніе, вырѣзали Татаръ; Калита съ татарскимъ войскомъ опустошилъ, обезсилилъ въ конецъ тверское княжество, и погубилъ потомъ Александра въ Ордѣ. Москва восторжествовала и, не имѣя болѣе соперниковъ, стала собирать Русскую землю.

Изложивши ходъ событій, вслѣдствіе котораго княжество Московское усилилось на счетъ всѣхъ остальныхъ княжествъ и собрало около себя Русскую землю на сѣверѣ, мы должны еще обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, благопріятствовавшія усиленію Москвы. Здѣсь, разумѣется, прежде всего мы должны обратить вниманіе на географическое положеніе Москвы и ея области. Уже прежде, въ своемъ мѣстѣ, было замѣчено [154] о важномъ значеніи Москвы, какъ срединнаго, пограничнаго мѣста между старою южною и новою сѣверною Русью. Когда южная Русь потеряла свое значеніе, княжества обезсилѣли отъ усобицъ, размельченія волостей и особенно отъ погрома татарскаго, послѣ котораго не было здѣсь болѣе безопасности, то необходимо должно было усилиться переселеніе народа съ юга на сѣверъ, въ мѣста болѣе безопасныя, и первымъ пограничнымъ княжествомъ было Московское: бояринъ Ро-

діонъ Несторовичъ пришелъ изъ Кіева въ Москву на службу къ ея князьямъ и привелъ съ собою 1.700 человѣкъ дружины; черниговскій бояринъ Плещеевъ, вслѣдствіе татарскихъ опустошеній, также перешелъ въ Москву [155]. Но если переселялись дружинники, то нѣтъ основанія полагать, что не переселялись люди другихъ сословій. Притомъ же, кромѣ южной Руси въ московское княжество должно было стекаться народонаселеніе и изъ ближайшихъ областей—рязанской. тверской, ростовской, постоянно менѣе безопасныхъ. чѣмъ область московская; пограничная съ степью рязанская волость часто терпѣла отъ татарскихъ нападеній, тогда какъ Москва послѣ 1293 года до самаго Тохтамышева нашествія не слыхала о нихъ. Тверское княжество было страшно опустошено Татарами и Калитою, потомъ здѣсь начинаются усобицы княжескія, заставлявшія жителей, по прямому свидѣтельству лѣтописи, переселяться въ другія области; въ ростовскомъ княжествѣ насилія Москвичей при Калитѣ заставили многихъ жителей изъ городовъ и селъ перейти въ московскія владѣнія [156]. Увеличеніе народонаселенія въ княжествѣ вмѣстѣ съ его продолжительною безопасностію увеличивало доходы княжескіе, и отсюда объясняется, почему уже Калита былъ такъ богатъ, что могъ покупать цѣлыя княжества, какъ Бѣлоозеро, Угличъ и Галичъ; но что же заставило князей бѣлозерскаго и галицкаго продать свои волости Калитѣ? По всѣмъ вѣроятностямъ—невозможность платить выходы ордынскіе. Обиліе въ деньгахъ не только позволяло московскимъ князьямъ увеличивать свои владѣнія внутри и удерживать за собою великокняжеское достоинство, задаривая хана и вельможъ его, оно давало имъ еще новое средство увеличивать народонаселеніе своихъ волостей, скупая плѣнныхъ въ Ордѣ и поселяя ихъ у себя: такъ произошелъ особый классъ народонаселенія—Ордынцы, о которыхъ часто упоминается въ завѣщаніяхъ и договорахъ княжескихъ; не говоримъ уже о томъ, что обиліе въ деньгахъ позволяло московскимъ князьямъ давать переселенцамъ большія льготы, чѣмъ какія они могли получить въ другихъ областяхъ, отъ другихъ менѣе богатыхъ князей. Любопытно, что древніе путешественники, хваля плодородіе владимірской и нижегородской областей, называютъ область собственно московскаго княжества малоплодородною. Мы знаемъ, что относительно плодородія почвы владимірская область не имѣетъ преимущества предъ московскою, и потому извѣстіе путешествен-

никовъ можетъ быть объяснено только болѣе раннимъ истощеніемъ московской почвы вслѣдствіе болѣе ранняго и болѣе густого населенія.

Кромѣ увеличенія доходовъ, зависѣвшаго отъ умноженія народонаселенія, казна московскихъ князей должна была обогащаться также вслѣдствіе выгоднаго торговаго положенія ихъ области, которая не только была посредствующею областію между сѣверомъ и югомъ, но также, благодаря своей рѣкѣ, посредствовала въ торговомъ отношеніи между сѣверозападомъ и юговостокомъ. Въ послѣдствіи мы видимъ большой торговый путь, изъ Азіи въ Европу и обратно, по Волгѣ, Окѣ и Москвѣ рѣкѣ; видимъ указанія путешественниковъ на важность торговаго положенія московской области вслѣдствіе удобства рѣчной системы; нѣтъ сомнѣнія, что этотъ торговый путь существовалъ и въ описываемое время, и прежде: этимъ объясняется, почему торговые Новгородцы утвердили свое владѣніе на Волокѣ Ламскомъ, важномъ торговомъ пунктѣ между рѣкою Москвою, притокомъ Оки, Ламою, притокомъ Волги и озерною ихъ областію. Но кромѣ волжскаго торговаго пути, Москва рѣка имѣла важное торговое значеніе для Новгорода, какъ путь въ Рязанскую область, богатѣйшую естественными произведеніями изъ всѣхъ областей сѣверовосточной Руси, по увѣренію путешественниковъ, и особенно изобилующую медомъ и воскомъ, а этими товарами, какъ извѣстно, Россія чрезъ Новгородъ и Псковъ снабжала всю Европу.

Важно было положеніе Москвы въ срединѣ, на границѣ между сѣверною и южною Русью, въ политическомъ отношеніи; важно было посредничество ея рѣчной области между юго-востокомъ и сѣверозападомъ въ отношеніи торговомъ; думаемъ, что срединность положенія ея между сѣверною и южною Русью имѣла не малое значеніе и въ отношеніи церковномъ. Всероссійскіе митрополиты, пребывавшіе на югѣ, въ Кіевѣ, послѣ того какъ этотъ городъ потерялъ значеніе, перешедшее на сѣверъ, и послѣ погрома татарскаго, должны были обратить особенное вниманіе на Русь сѣверо-восточную, куда видимо перенеслась главная сцена дѣйствія русскаго православнаго міра. Митрополиты начинаютъ часто путешествовать съ юга на сѣверъ, и наконецъ утверждаютъ свое пребываніе во Владимірѣ Клязьменскомъ; но въ то же время, блюдя единство русской церкви, не переставая называться митрополитами К і е в с к и м и и всея Руси, они не могли оставить безъ вниманія и Руси юго-запад-

ной; въ этомъ отношеніи Владиміръ не могъ быть для нихъ удобнымъ мѣстопребываніемъ, находясь слишкомъ далеко на сѣверо-востокѣ, тогда какъ Москва, пограничный городъ между старою и новою Русью, вполнѣ удовлетворяла потребности всероссійскаго митрополита, долженствовавшаго одинаково заботиться и о сѣверѣ, и о югѣ.

Таковы были обстоятельства, содѣйствовавшія усиленію Московскаго княжества: обратимся теперь къ разсмотрѣнію волостей этого княжества и ихъ постепеннаго увеличенія.

Вотъ московскія волости, какъ онѣ, подробно исчисленныя, являются въ первый разъ въ завѣщаніи Іоанна Калиты: „Приказываю сыновьямъ своимъ, пишетъ Калита, отчину свою Москву, а вотъ какъ я раздѣлилъ имъ волости". Изъ этихъ словъ видимъ, что городъ Москва находится въ общемъ владѣніи сыновей завѣщателя; въ такомъ же общемъ владѣніи Москва продолжаетъ находиться у всего потомства Калиты [157]. Общее владѣніе Москвою противополагается частному, отдѣльному владѣнію каждаго князя извѣстными волостями, удѣлу. Эти удѣлы сыновей Калиты были слѣдующіе: удѣлъ старшаго сына Симеона: Можайскъ, Коломна со всѣми коломенскими волостями, Городенка [158], Мѣзыня, Пѣсочна [159], Середокорытна, Похряне, Устьмерска [160], Брошевая, Гвоздна, Ивановы деревни, Маковецъ, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжель, Горѣтова, Горки [161], село Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Константиновское, село Оринанское, село Островское, село Копотенское, селце Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города [162]. Удѣлъ второго сына Іоанна: Звенигородъ, Кремична, Руза, Ѳоминское, Суходолъ, Великая свобода, Замошская свобода, Угожь, Ростовци, Окатьева свободка, Скирмановское, Тростна, Нѣгуча; села: Рюховское, Каменичское, Рузское, Бѣлжинское, Максимовское, Андреевское, Вяземское, Домонтовское, село въ Заможской свободѣ, село Семцинское. Удѣлъ князя Андрея Іоанновича: Лопастна, Сѣверска, Нарунижское, Серпуховъ, Нивна, Темна, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовецъ, Тухачевъ; села: Талежское, Серпуховское, Колбасинское, Нарское, Перемышльское, Битяговское, Труфоновское, Ясиновское, Коломнинское, Ногатинское [163]. Княгинѣ съ меньшими дѣтьми завѣщаны: Сурожикъ, Мушкина гора, Радонѣжское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроньевская, Вохна, Дѣйково, Рамепье, Данилищева свободка, Машевъ,

Селна, Гуслицы, Раменье; села: Михайловское, Луцинское, село у озера, село Радонѣжское, Дѣйгунинское, Тыловское, Ротожь, Протасьевское, Аристовское, Лопастенское, Михайловское на Яузѣ, два села Коломенскихъ. Въ духовной у Калиты означены и прикупы его: село Аваковское въ Новгородѣ, на Улалѣ, Борисовское во Владимірѣ, которыя оба отданы князю Симеону, четыре села на Масѣ, Петровское, Олексинское, Вседобричь и Павловское; половина ихъ была куплена и половина вымѣнена у митрополита; всѣ они отданы князю Ивану. Два села Варварское и Мѣловское у Юрьева—князю Андрею. Новое сельце, купленное на Костромѣ, вмѣстѣ съ покупкою бабки Калитиной, жены Александра Невскаго, селомъ Павловскимъ, завѣщатель отказалъ женѣ своей. Купленное въ Ростовѣ село Богородицкое отдано въ помѣстье Бориску Воркову. Три сельца, одно на Кержачи, другое Леонтьевское, третье Шараповское, отданы св. Александру на поминанье. Но въ духовныхъ Калиты умолчано о важныхъ прикупахъ, о которыхъ говорится въ завѣщаніи Донского—о Галичѣ, Бѣлѣозерѣ и Угличѣ, остававшихся, по всѣмъ вѣроятностямъ, еще за прежними князьями своими на извѣстныхъ условіяхъ; умолчано также и о другомъ прикупѣ—Кистмѣ, въ Бѣжецкомъ Верхѣ, которая впервые упоминается въ завѣщаніи Василія Димитріевича [164].

Въ договорѣ великаго князя Симеона съ братьями встрѣчаемъ уже новыя села: Новое село на Купавнѣ и Вышневское означены во владѣніи великаго князя; села: Михалевское, Микульское на Пруженкѣ, Микифоровское и Парфеньевское во владѣніяхъ младшихъ братьевъ—Ивана и Андрея.

Изъ шестерыхъ сыновей Симеона Гордаго ни одинъ не остался въ живыхъ; Симеонъ завѣщалъ весь свой удѣлъ, все свое движимое и недвижимое имѣніе женѣ, Маріи, не означивъ въ духовной, кому все это имущество должно принадлежать по ея смерти. Но добровольно, или нѣтъ, Марія еще при жизни передала свои волости великому князю Іоанну, оставивъ за собою только два примысла мужа своего; да и тѣ обязалась передать по своей смерти великой княгинѣ Александрѣ, женѣ Іоанновой, при чемъ у великаго князя не было никакого дѣлежа съ племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ. Такимъ образомъ при Іоаннѣ II двѣ части московскаго княжества (коломенско-можайская и звенигородская), какъ онѣ были при Калитѣ, соединились опять въ одинъ участокъ. Въ завѣщаніи

Симеона Гордаго упоминаются слѣдующія новыя волости, ему принадлежавшія: Заячковъ, которымъ благословила его тетка, княгиня Анна, и Гордошевичи; потомъ села: Ивановское, село на Клязьмѣ Хвостовское, Дейгунинское [165], село на Сулешнѣ погостѣ; купли въ Переславлѣ: село Самаровское, Романовское на Кержачѣ, Ортаковское въ Юрьевской волости, село Семеновское во владимірской волости, село на Костромѣ Александровское, село въ Дмитровѣ и Заберегъ [166].

Іоаннъ II, умирая, раздѣлилъ [167] свой участокъ двоимъ сыновьямъ—Димитрію и Іоанну, и такимъ образомъ Московское княжество опять раздѣлилось на три части, какъ по смерти Калиты: коломенско-можайскій удѣлъ Симеоновъ отданъ былъ старшему сыну Димитрію; здѣсь при исчисленіи коломенскихъ волостей, между Каневымъ и Гжелею, встрѣчаемъ Каширу; примысловъ Симеоновыхъ—Заячкова и Заберега нѣтъ, потому что они оставались при вдовѣ Симеоновой, Маріи; но неизвѣстно, почему нѣтъ другихъ примысловъ Симеоновыхъ, равно села Астафьевскаго; за то встрѣчаемъ названія новыхъ волостей: село Малино, село Холмы, Мещерка у Коломны. Младшій сынъ Іоаннъ получилъ прежній отцовскій удѣлъ Звенигородскій; здѣсь вмѣсто Великая свобода встрѣчаемъ названіе Истерва свободка; нѣтъ Угожа, Акатьевской свободки и Скирминовскаго; изъ селъ нѣтъ Рузскаго, Бѣлжинскаго, Вяземскаго, Семцинскаго, вмѣсто которыхъ встрѣчаемъ: Михалевское, село на Рѣпнѣ въ Боровцѣ, Милцинское, Выславское, Кузминское, Каринское и Козловское. Изъ мѣстъ рязанскихъ по сю сторону Оки данъ Владиміру Андреевичу Новый городокъ на устьѣ Поротли, а другія рязанскія мѣста князьямъ Димитрію и Іоанну; Димитрію же село на Рокшѣ Романовское, и Ивану село Афинеевское, да сельцо у Павловскаго села, само же село Павловское св. Александру въ прокъ на память. Женѣ своей Александрѣ Іоаннъ завѣщалъ село Семцинское, котораго потому и недостаетъ между волостями Ивановыми; потомъ изъ удѣловъ обоихъ сыновей выдѣлилъ ей волости въ пожизненное владѣніе, а послѣ смерти ея онѣ отходили къ удѣлу того князя, у котораго были взяты; изъ Коломенскихъ волостей были ей выдѣлены: села Лысцевское вмѣстѣ съ Похрянами, Пѣсочною и Середокорытною; изъ Звенигородскихъ: Угожь, Великая свобода Юрьева, села Кляповское и Бѣлцинское съ Новымъ сельцомъ [168]. Въ завѣщаніи Іоанна II встрѣчаемъ также распоряженіе относительно

волостей мачихи его, жены Калиты, княгини Ульяны: волости ея—Сурожикъ и Лучинское послѣ ея смерти поступаютъ къ ея дочери, остальныя же волости и пошлина въ Москвѣ, называемая осминичимъ, по ея смерти переходили къ князьямъ Димитрію, Ивану и двоюродному брату ихъ Владиміру Андреевичу [169].

Князь Иванъ скоро умеръ, и опять двѣ части Московскаго княжества соединились въ однихъ рукахъ Димитрія, какъ были они въ рукахъ отца его Іоанна; при томъ же Димитрій успѣлъ увеличить свои владѣнія примыслами, которые дѣлали не такъ чувствительнымъ раздробленіе волостей на пять или даже на шесть участковъ по числу сыновей его. Важнѣе всѣхъ примысловъ было то, что старшій сынъ Донского Василій получалъ владимірскую великокняжескую область безспорно, по завѣщанію отцовскому, что утѣшало его въ лишеніи Можайской волости, которая вмѣстѣ съ Коломною доставалась до сихъ поръ постоянно старшему. Относительно Москвы (въ которой Димитрій владѣлъ только двумя частями, а третья принадлежала двоюродному брату его Владиміру Андреевичу), завѣщатель увеличилъ долю старшаго, которому дана половина, а другимъ братьямъ части остальной половины; встрѣчаемъ въ первый разъ выраженіе: старшій путь: „Сына своего князя Василія, говоритъ Донской, благословляю на старшій путь въ городѣ и въ станахъ моего удѣла—двухъ жребіевъ половина, а тремъ сынамъ моимъ половина, и въ пошлинахъ городскихъ половина.“ Кромѣ того на старшій путь великому князю Василію отказано Василцево сто и Добратинская борть съ селомъ Добрятинскимъ. Между коломенскими волостями первое мѣсто занимаетъ Мещерка, встрѣчающаяся въ первый разъ въ завѣщаніи отца Димитріева, потомъ Раменка, которой не встрѣчаемъ прежде, по крайней мѣрѣ въ этой формѣ: изъ прежде извѣстныхъ коломенскихъ волостей нѣтъ Мѣзыни, Середокорытны, Горѣтовой, Горокъ; но за то встрѣчаются новыя волости: Кочема и Комаревъ съ берегомъ. Изъ селъ, принадлежавшихъ прежде къ удѣлу старшаго сына, нѣтъ Астафьевскаго, села на Сѣверьсцѣ, Микульскаго и Напрудскаго; вмѣсто нихъ встрѣчаемъ Митинъ починокъ, Жирошкины деревни, Хвостовское на Клязьмѣ, встрѣчающееся въ первый разъ въ завѣщаніи Симеона Гордаго. Надобно замѣтить также, что изъ коломенскихъ волостей Ливичинъ, Скулневъ и слѣдующія за ними, въ завѣщаніи Донского названы

деревнями. Подлѣ Москвы великому князю Василію отказанъ лугъ великій за рѣкою.

Второму сыну Юрію отданъ удѣлъ Звенигородскій; здѣсь между прежними волостями встрѣчаемъ новыя: Сурожикъ и Бѣли, бывшія за княгинею Ульяною, потомъ Вышегородъ, Плѣснь и Дмитріева слободка. Изъ московскихъ селъ Юрій получилъ только Михалевское и Домантовское съ Ходынскимъ лугомъ [170].

Для третьяго сына, Андрея, уже надобно было выдѣлить изъ прежняго удѣла коломенско-можайскаго Можайскъ съ его волостями, которыя теперь впервые перечисляются: Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, вышнее Глинско, Пневичи съ Загорьемъ, Болонескъ; къ можайскому же удѣлу приданы были волости: Коржань и Моишинъ Холмъ, равно какъ отъѣздныя волости: Верея, Рудь, Дордошевичи (примыслъ Симеона Гордаго), Гремичи, Заберега (примыслъ Симеона Гордаго), Сушовъ, село Репнинское, принадлежавшее прежде къ удѣлу звенигородскому. Изъ московскихъ селъ Напрудское, принадлежавшее прежде къ волостямъ старшаго брата, Луцинское на Яузѣ съ мельницею и Дѣунинское (оба изъ волостей княгини Ульяны), Хвостовское въ Перемышлѣ, лугъ Боровскій и другой противъ Воскресенья; изъ юрьевскихъ селъ село Алексинское на Пѣшкѣ [171].

Такъ были раздѣлены на три удѣла два участка Московскаго княжества, въ буквальномъ смыслѣ отчина и дѣдина Димитріева; но у Димитрія оставались еще другіе сыновья, которымъ также надобно было назначить удѣлы, и для этого послужили примыслы. — Лѣтописи не говорятъ, какимъ образомъ былъ примышленъ Дмитровъ, мы знаемъ только, что этотъ городъ, вмѣстѣ съ Галичемъ, находился во владѣніи потомковъ Константина Ярославича; Галичъ былъ купленъ Калитою, но князь его окончательно изгнанъ изъ своей волости Димитріемъ Донскимъ; вѣроятно въ то же время пріобрѣтенъ былъ и Дмитровъ. Умирая, Донской отдаетъ этотъ примыслъ четвертому сыну Петру; волости дмитровскія означены слѣдующія: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна съ отъѣзцемъ, Инобашъ; но къ этой небольшой волости приданы были еще старыя мѣста московскія, большею частію волости княгини Ульяны: Мушкова гора, Ижва, Раменка, слободка княжа Иванова [172], Вори, Корзенева, Рогожъ или Ротожъ, Загарье, Вохна, Селна, Гуслица, Шерна-Городокъ. Изъ московскихъ селъ Новое и Сулишинъ погостъ

(пріобрѣтеніе Симеона Гордаго). Пятому сыну, князю Ивану, отдѣлена была маленькая волость: Раименице съ бортниками, село Зверковское съ Сохонскимъ починкомъ, что отошло отъ князя Владиміра Андреевича, и Сохна.

Кромѣ Дмитрова были окончательно примышлены при Донскомъ Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ: Галичъ отданъ князю Юрію со всѣми волостями и съ тѣми селами, которыя тянули къ Костромѣ—Никольскимъ и Борисовскимъ. Бѣлоозеро отдано князю Андрею со всѣми волостями, и Вольскимъ съ Шаготью, и съ Миролюбскимъ ѣзомъ, и съ слободками. Угличъ отданъ князю Петру вмѣстѣ съ Тошною и Сямою. Потомъ прикуплены были села: Красное, Елизаровское и Праватово въ Юрьевѣ, Васильевское въ Ростовѣ; всѣ они отданы были старшему сыну Василію. Село Козмодемьянское въ Юрьевѣ съ починкомъ Краснаго села за Везнею, и село Богородицкое въ Ростовѣ отданы были сыну Юрію. Примышлены были волости измѣнника Ивана Вельяминова, и одна изъ нихъ—село въ Гремичахъ отдано было князю Андрею. Вѣроятно при Донскомъ же присоединены были къ Московскому княжеству Калуга и Роща; вытяганы были у Смольнянъ Товъ (?) и Медынь, и все это отдано князю Андрею. Князю Петру былъ отданъ примыслъ: село Богородицкое на Богонѣ въ Юрьевѣ. Великой княгинѣ Евдокіи завѣщаны примыслы: Скирменевская слободка съ Шепшовымъ, Смоляные съ Митяевскимъ починкомъ и съ бортью, съ вышегородскими бортниками, Кропивна съ бортниками кропивенскими, исменскими, гордошевскими, рудскими, Желѣзнова слободка съ бортью и селомъ Ивана Хороброва, Исконская слободка, Кузовская слободка, на Коломнѣ примыслъ—Самойлецовъ починокъ съ деревнями, Савельевскій починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское; изъ Юрьевскихъ покупокъ — Петровское село, Фроловское, Елохъ. Княгиня Ѳедосья (должно быть дочь Калиты отъ второй жены) отдала великому князю Суду на Бѣлѣозерѣ, да Калашку и Слободку, а Великую княгиню благословила Городкомъ и Волочкомъ; этими волостями впрочемъ она пользовалась во все продолженіе жизни своей, послѣ же смерти ея онѣ отходили къ великой княгинѣ. Сама великая княгиня прикупила себѣ Лохно; кромѣ того ей выдѣлено было въ пожизненное владѣніе по нѣскольку волостей изъ удѣла каждаго сына; изъ великокняжеской владимірской области она получила въ Переяславскомъ удѣлѣ Юлку, въ Костромскомъ Пледамъ съ Комелою; изъ Галича—

Соль; изъ Бѣлаозера Вольское съ Шаготью и Милолюбскій ѣзъ; изъ владимірскихъ селъ Андреевское, изъ переяславскихъ Доброе село; изъ коломенскаго удѣла—Каневъ, Песочну, а изъ селъ: Малинское, Лысцево; изъ звенигородскаго удѣла: Юрьеву слободу, Суходолъ съ Истею Истервою, села—Андреевское и Каменское; изъ можайскаго удѣла: Верею, Числовъ, село Лучинское; изъ дмитровскаго удѣла: Ижво да Сяму. Потомъ ей принадлежало село Репенское и московскія села: Семцинское съ Ходынскою мельницею, Остафьевское, Илмовское; наконецъ Холхолъ и Заячковъ [173].

Василій Димитріевичъ примыслилъ къ своимъ владѣніямъ богатыя волости нижегородскія, муромскія и торусскія, и всѣ эти примыслы со всѣми волостями, полученными отъ отца, могъ оставить въ нераздѣльности единственному сыну своему Василію, которому суждено было собрать княжество Московское, какъ оно было при Калитѣ, вмѣстѣ съ примыслами всѣхъ преемниковъ послѣдняго. Но до насъ дошло еще завѣщаніе Василія Димитріевича въ пользу сына Ивана, умершаго до рожденія Василіева: въ этомъ завѣщаніи [174], между коломенскими волостями, мы находимъ новыя названія мѣстъ: Радокинъ съ берегомъ, Крутинки. Изъ волостей, завѣщанныхъ великой княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ, встрѣчаемъ новыя названія: Оглоблино со всѣми деревнями и съ Ольхомъ, Колычевское съ Змѣевскимъ, село въ Лѣвичинѣ, принадлежавшее Ивану Вельяминову, съ землею Чухистова и со всѣми прикупами. Изъ московскихъ селъ, отказанныхъ великому князю Василію Васильевичу, встрѣчаемъ село Григорьевское Фаустова; но изъ селъ самый богатый примыслъ Василія Димитріевича составляли владѣнія знаменитаго боярина Ѳедора Свибла: эти села находились на Устюгѣ, и въ Отводномъ, и на Сямѣ, и въ Ростовѣ, и въ Бѣжецкомъ Верхѣ (Максимовское съ деревнями), въ Переяславлѣ (Весьское съ Радивоновскимъ, на Москвѣ Буйловское съ Алексѣевскою деревнею, да села Тимоѳеевское на Яузѣ, въ Юрьевѣ — Чагино, Савельевское, Иворово, Карабузино, въ Новгородѣ—Непейцино. Кромѣ того великій князь купилъ Ухтюшку и пріобрѣлъ Ѳоминскія села дьяконовы: всѣ эти примыслы отданы были въ пожизненное владѣніе великой княгинѣ, вмѣстѣ съ юрьевскими селами—Фроловскимъ (съ Ольхомъ), Петровскимъ, Богородицкимъ и Алексинскимъ, которыя Василій Димитріевичъ вымѣнилъ у матери своей. Изъ новаго примысла, княжества Нижегородскаго, великая княгиня получила Алачинскія села, Монгачъ,

Курмышъ со всѣми селами и пошлинами и Алгашъ, изъ муромской области сельце. Въ опричнину (владѣніе отдѣльное, которымъ можно было располагать по произволу) даны были ей два села юрьевскія—Богородицкое и Алексинское. Василій Димитріевичъ долженъ былъ также надѣлить и младшаго брата своего Константина: ему даны были Тошна и Устюжна [175].

Во второмъ завѣщаніи, написанномъ въ пользу сына Василія, находимъ нѣкоторыя перемѣны и новизны: сыну великій князь отказываетъ въ городѣ на Москвѣ: дворъ Ѳомы Ивановича у Боровицкихъ воротъ, да другой дворъ, что былъ за Михайломъ за Вяжемъ, да новый дворъ за городомъ у св. Владиміра, да примыселъ въ Юрьевѣ—села Петровское и Алексинское; мы видѣли, что эти села отданы были по прежнему завѣщанію великой княгинѣ, которой теперь изъ коломенскихъ волостей отданы Песочна, Брашева съ сельцемъ и съ Гвоздцею и съ Иваномъ, Устьмерскаго и Гжеля съ путями и селами (изъ коломенскихъ селъ не встрѣчаемъ противъ прежняго Оглоблина, Колычевскаго и Змѣевскаго), село Васильевское въ Ростовѣ (примыслъ Донского), по прежнему всѣ села свибловскія, подмосковныя села—Митинъ починокъ и Семцинское съ Самсоновымъ лугомъ, примыслъ Донского—слободку на Гуси, хотя это названіе и встрѣчается здѣсь въ первый разъ, въ Юрьевѣ примыслы Донского—село Красное съ Праватовымъ и Елизаровскимъ, прежніе примыслы завѣщателя—Фроловское, Елохъ и Богородицкое, Устюшка на Вологдѣ. Изъ великокняжескихъ волостей—изъ Костромы получала—Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Нерехту съ варницами, бортниками, бобровниками и Княгининскимъ селомъ; изъ Переяславля Юлку и Доброе село; изъ Владиміра Андреевское село и Тошну, если великій князь вымѣняетъ ее у дѣтей князя Владиміра Андреевича; изъ Нижняго Соколское село и Киржапецъ; изъ Мурома сельце и Шатуръ. Изъ всѣхъ этихъ волостей Гжеля и Семцинское село были даны въ опричнину.

Изъ новыхъ примысловъ, которыхъ нѣтъ въ прежнемъ завѣщаніи, упоминаются: между коломенскими селами—Окуловское и Захаровское, въ Бѣжецкомъ-Верхѣ Кистма и села Антоновскія, хотя и названныя куплею Калиты, но встрѣчающіяся въ первый разъ, Троицкая слободка на Волгѣ, белеутовскія (боярина Белеута) села на Волокѣ и въ Юрьевѣ слободѣ, подъ Москвою село Крилатское [176],

на Бѣлѣозерѣ слободка [177], на Устюгѣ села Ивана Головина и Тутолмина: всѣ эти примыслы были отказаны великой княгинѣ.

Если два жребія или участка Московскаго княжества, соединенные при Димитріѣ Донскомъ, по смерти его раздѣлились на пять частей, то и третій участокъ князя Владиміра Андреевича раздѣлился также на пять частей по числу его сыновей. Владиміръ Андреевичъ отказалъ вотчину свою Москву, свою треть, сыновьямъ—Ивану, Семену, Ярославу, Андрею, Василію, которые должны вѣдать ее по годамъ. Подобно Донскому, онъ благословилъ старшаго сына Ивана на старѣйшій путь въ Москвѣ и станахъ, далъ ему конюшій путь, бортниковъ, садовниковъ, псарей, бобровниковъ, барашей и дѣлюевъ. Далъ ему Серпуховъ съ волостями: Городецъ, Нарское, Нивна, Темна, Сипилища, Гомонинъ, Ярославля слободка, Мокрая слободка, Дятилева слободка, Львова, Верхъ-Москвицъ слободка, Круглая и Остапкова слободка, изъ московскихъ селъ: Микулинское, Губкино, Нѣмцево, Поповское и Коломенка съ мельницею, Туловское со всѣми деревнями, село Сеспетрово и Струпиково; князю же Ивану: Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и купля Лисину.

Князю Семену: Боровскъ съ волостями: Голчицы, Хопилева слободка, Истья съ слободкою, Мушковы треть, половина Щитова, изъ московскихъ селъ: Выпряжково на Студенцѣ съ деревнями, Колычевское, мельница на Неглинной, въ Юрьевѣ Польскомъ 4 села: Варварское, Богоявленское, Попловское, Өедоровское.

Князю Ярославу: Ярославль съ Хотунью, Вихорну, Поляпку, Ростунову слободку, Мошнинскую слободку, изъ московскихъ селъ: Сарыевское да Кирьясово съ лугами, да на устьѣ Мстица мельница.—Семену и Ярославу вмѣстѣ: Городецъ на Волгѣ, кромѣ мыта и тамги, которыми будетъ пользоваться княгиня, ихъ мать; городъ же и станы князья раздѣлятъ пополамъ со всѣми пошлинами: Семену станы по сю сторону Волги, пониже Городца, да Бѣлогородье; Ярославу станы по ту сторону Волги, повыше Городца, да Юрьевецъ; если же Бѣлогородье окажется больше Юрьевца и Черняковой, то князь Семенъ придастъ князю Ярославу Коряковой; если же Юрьевецъ и Чернякова окажутся больше Бѣлогородья, то оставить по прежнему, а Корякову раздѣлить пополамъ вмѣстѣ съ слободками. Ѣзъ (рыбныя ловли) оба князя устроятъ подъ Городцемъ вмѣстѣ, и дѣлятъ себѣ добычу пополамъ. Но кромѣ этого раздѣла князю Семену одному дана на Городцѣ Порозднa.

Князю Андрею: Радонежъ, Бѣли, Черноголовль съ численными людьми на Кержачѣ, Яковля слободка, Кишкина слободка, Тухачевъ, изъ московскихъ селъ: Михайловское съ мельницею, Калиткиново, на Учи Поповское, да Илья Святый, сельце Дмитрія Воронина, Четрековское и Мосейково на Любосивли, Сакова деревня.

Князю Василію: Перемышль, Ростовецъ, половина Щитова, треть Добрятинская, изъ московскихъ селъ: Ясиновское съ деревнями, да Паншина гарь.—Князьямъ Андрею и Василію вмѣстѣ — городъ Угличъ.

Княгинѣ Еленѣ: Лужу, Козловъ Бродъ, Бадѣеву слободку, слободы и волости лужевскія: Ловышина, Ярцева слободка, Сосновецъ, Турьи горы, Буболь, Вепрѣйка, Якимова слободка, Маковецъ, Сѣтунка, Терехова, Спиркова, Артемова слободка, Скомантова, Гриди, Ярцева, Михалкова Степана Осипова, Дынка Мосолова, Гриди Өедотова Лукина. Изъ московскихъ селъ: Коломенское со всѣми лугами и деревнями, Ногатинское, Танинское съ Корѣевымъ, Косино съ тремя озерами, Обухово, мельница на устьѣ Лузы; Косино, Обухово и мельница даны въ опричнину. Изъ сыновнихъ удѣловъ въ пожизненное владѣніе княгиня получила: изъ удѣла князя Ивана: Всходное съ деревнями, Тетково озеро; изъ удѣла князя Семена: Омутское съ деревнями и лугами; изъ удѣла князя Ярослава: Бобыкино и Долгое озеро на устьѣ Лопастны; изъ удѣла князя Андрея: Вороновское, Ковѣзинское, Радонѣжскихъ бортниковъ съ деревнями и бортью; изъ удѣла князя Василья: Битягово, Домодѣдово; на Угличѣ—село Богородицкое. По смерти княгини Елены Коломенское село должно отойти къ старшему ея сыну князю Ивану, Ногатинское къ Семену, Танинское съ Корѣевымъ къ Василью; Козловъ бродъ пополамъ князю Ивану съ братомъ Ярославомъ, равно какъ и Бадѣева слободка, а Лужу со всѣми волостями должны подѣлить на три части князья Семенъ, Андрей и Василій, кромѣ селъ—Бубольскаго, Бѣнитскаго, Мѣдкина и Дьяковскаго, въ которыхъ княгиня вольна.

Старшему сыну, князю Ивану, завѣщатель отказалъ въ Москвѣ дворы,—Зворыкинъ, Игнатьевъ и Бутовъ садъ; Семену и Ярославу пополамъ дворъ великой княгини Маріи (жены Симеона Гордаго); Семену за Неглинною Тереховъ садъ; княгинѣ съ Андреемъ и Васильемъ большой дворъ московскій пополамъ; Ярославу, Андрею и Василью Чичаковъ садъ на-трое. Соль на Городцѣ князья Се-

менъ и Ярославъ вѣдаютъ за-одно, и добычу дѣлятъ пополамъ, кромѣ Ѳедоровской варницы [178].

Сравнивая волости, исчисленныя къ завѣщаніи Владиміра Андреевича, съ волостями, которыя получилъ отецъ его по завѣщанію Калиты, мы видимъ, что князь Владиміръ успѣлъ значительно увеличить свой удѣлъ. Изъ этого удѣла еще при великомъ князѣ Іоаннѣ II была потеряна Лопастна, отошедшая къ Рязани, но она замѣнена была Новымъ городкомъ на устьѣ Поротли. Потомъ Владиміръ Андреевичъ, вслѣдствіе завѣщанія Калиты, получилъ треть изъ волостей княгини Ульяны; великій князь Димитрій Донской далъ ему Лужу и Боровскъ [179]; племянникъ Василій Димитріевичъ далъ ему Волокъ и Ржеву съ волостями [180], но потомъ произошла у нихъ мѣна: быть можетъ Василію не хотѣлось, чтобъ волости серпуховскаго князя простирались такъ далеко на западъ, по границамъ новгородскимъ и тверскимъ; онъ взялъ назадъ у дяди Волокъ и Ржеву, и вмѣсто перваго уступилъ ему часть своихъ примысловъ на востокѣ, именно Городецъ съ волостями: Бѣлгородьемъ, Юрьевцемъ, Коряковою и Черняковою слободами и Ужнинскою тамгою, а вмѣсто Ржевы—Угличъ съ селомъ Золоторусскимъ [181]; наконецъ на югѣ даны были Владиміру Андреевичу въ удѣлъ и отчину Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ съ куплею Пересвѣтовою. Но умноженіе селъ подмосковныхъ, слободъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ, селъ въ Юрьевѣ, нельзя приписать ничему иному, какъ покупкамъ со стороны Владиміра Андреевича; въ завѣщаніи своемъ онъ упоминаетъ объ одной покупкѣ сына своего, князя Ивана—доказательство, что князья еще при жизни отцевъ своихъ имѣл средства покупать себѣ волости [182].

Въ завѣщаніи Владиміра Андреевича и въ договорахъ его съ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ останавливаетъ насъ еще одно обстоятельство: онъ получаетъ отъ великаго князя Угличъ; но мы видѣли, что этотъ городъ, по завѣщанію Донского, отказанъ былъ не Василію, а Петру Димитріевичу, князю Дмитровскому. Эта мѣна волостей произошла вслѣдствіе составленія удѣла для меньшого брата, Константина Димитріевича. Мы видѣли, что въ первомъ завѣщаніи своемъ Василій Димитріевичъ отказываетъ на долю Константина Тошню и Устюжну, но этого было мало; всѣ князья должны были участвовать въ составленіи удѣла, и вотъ бездѣтный князь Петръ Димитріевичъ уступаетъ младшему брату

Угличъ, въ замѣнъ получаетъ отъ Юрія Шачебалъ и Ликурги, но и эти двѣ волости уступаетъ также Константину [183]; кромѣ того Юрій отдаетъ Константину еще нѣсколько своихъ звенигородскихъ волостей. За это, а можетъ быть и за что-нибудь другое, Юрій получаетъ отъ великаго князя часть его примысла, Вятку, принадлежавшую къ суздальско-нижегородскому княжеству [184]. Но великій князь взялъ у Константина Угличъ и промѣнялъ у Владиміра Андреевича на Ржеву для Константина же, которому придалъ еще великокняжескія владѣнія въ Бѣжецкомъ Верхѣ; Волокъ, вымѣненный на Городецъ, остался за великимъ княземъ. Такое распредѣленіе волостей существовало не долго по смерти князя Владиміра Андреевича, ибо великій князь отобралъ у его дѣтей всѣ свои пожалованія: Угличъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, куплю Пересвѣтову и Лисинъ [185], изъ которыхъ Угличъ отдалъ опять брату Константину, вѣроятно чтобъ заставить его отказаться отъ своихъ притязаній на старшинство. Владиміровичи не имѣли средствъ противиться великому князю и должны были отказаться отъ примысловъ отцовскихъ, и одинъ изъ нихъ, Ярославъ, принужденъ былъ отъѣхать въ Литву. Впрочемъ великій князь далъ имъ нѣкоторое вознагражденіе: отдавая Угличъ Константину, онъ взялъ у него Тошню и отдалъ Владиміровичамъ, наказавши однако сыну своему, въ завѣщаніи, вымѣнить ее у нихъ.

Такъ были распредѣлены волости въ сѣверовосточной Руси, когда малолѣтній Василій Васильевичъ сѣлъ на столѣ отца своего и начались знаменитыя усобицы, поведшія къ собранію почти всѣхъ волостей московскихъ въ одно цѣлое. Прежде всего долженъ былъ возникнуть вопросъ о Дмитровѣ, выморочномъ удѣлѣ князя Петра Димитріевича; сначала онъ былъ, какъ видно, присоединенъ къ волостямъ Василія Васильевича, но потомъ, послѣ суда въ Ордѣ, Дмитровъ былъ отданъ дядѣ Юрію въ вознагражденіе за потерю старшинства. Заключая договоръ съ племянникомъ послѣ смерти Морозова и бѣгства своего изъ Москвы, Юрій уступилъ ему опять Дмитровъ, но за то взялъ Сурожикъ, село Лучинское, Шепкову, Шачебалу, Ликурги [186], костромскія волости: Андому, Корегу, Борку, Березовецъ съ Залѣсьемъ и Шыленгу, наконецъ остальныя великокняжескія владѣнія въ Бѣжецкомъ-Верху, кромѣ волостей, уступленныхъ прежде князю Константину, и кромѣ селъ боярина

Ивана Димитріевича, которыя Василій оставлялъ за собою, ибо „взялъ въ своей винѣ."

Оба брата, и Юрій, и Константинъ, не смотря на разницу въ лѣтахъ, умерли почти въ одно время; выморочный удѣлъ бездѣтнаго Константина взялъ себѣ великій князь Василій; у Юрія оставалось трое сыновей. До насъ дошло его завѣщаніе, но написанное гораздо прежде смерти, когда еще онъ владѣлъ Дмитровомъ, слѣдовательно до перваго завладѣнія Москвою. Въ этомъ завѣщаніи особенно замѣчательно то, что не сдѣлано никакого различія между старшимъ и младшими братьями, участокъ московскій отказанъ всѣмъ тремъ сыновьямъ поровну, старшаго пути нѣтъ; быть можетъ холодность къ старшему сыну Василію Косому и особенная привязанность къ младшему, Димитрію Красному, были тому причиною. Василій Косой получилъ Звенигородъ съ волостями: Угожею, Плѣснью, Дмитріевою слободкою, Тростною, Нѣчучею, Андреевскимъ, изъ московскихъ селъ Домантовское да луга Тамашинскіе въ Перервѣ; Димитрій Шемяка получилъ городъ Рузу съ ея волостями: Юрьевою слободою, Замошьемъ, Кремичною, Скирмановымъ, Бѣлми, Ростовцами, Ѳоминскимъ, селомъ Михайловскимъ и Никифоровскимъ со всѣми деревнями, изъ подмосковныхъ волостей получилъ онъ бортниковъ на той сторонѣ Москвы рѣки да лугъ противъ города; Димитрій Красный получилъ Вышгородъ съ Коситскимъ селомъ, Суходолъ съ Истьею и съ Истервою, Уборичною слободкою, Боровковою, Смоляную, изъ подмосковныхъ волостей село Михалевское, сельце Сущевское у города, Доблинскихъ сокольниковъ, бортниковъ, псарей, да лугъ Ходынскій. Дмитровъ городъ завѣщанъ троимъ сыновьямъ вмѣстѣ, а изъ волостей дмитровскихъ Василію Косому: Селна, Гуслица, Вохна, Загарье, Рогожь, Куней; Шемякѣ: городокъ Шорна, Корзенево, Воря, Вышегородъ, Инобажъ; Красному: Ижво, Мушкова, Раменка, Берендѣево съ слободкою Кузмодемьянскою, Лутосна, Куликова. Вятка отказана всѣмъ сыновьямъ вмѣстѣ; но Галичъ со всѣми волостями и доходами одному Димитрію Красному. Троимъ сыновьямъ вмѣстѣ Юрій отказываетъ дворъ свой, садъ за городомъ на посадѣ и другой садикъ поменьше. Изъ этого завѣщанія видимъ, что кромѣ Вятки и Дмитрова, уступленныхъ братомъ и племянникомъ, Юрій не успѣлъ прикупить ничего къ своему удѣлу, а потерялъ Сурожикъ (отданный,

какъ видно, брату Константину); не упомянуты также въ его завѣщаніи села Юрьевское и Ростовское [187].

Иначе, какъ видно, распорядился Юрій передъ смертію: Вышгородъ и Галичъ, волости Краснаго по прежнему завѣщанію, теперь видимъ у Шемяки; за Краснымъ видимъ волости бѣжецкія и костромскія, недавно пріобрѣтенныя Юріемъ, кромѣ однако Шачебалы, Ликурги и Андомы. Но смерть Юрія и вражда Косого съ Василіемъ Васильевичемъ послужили для послѣдняго первымъ поводомъ къ примышленію на счетъ живыхъ князей: онъ отобралъ у Косого его звенигородскую волость; Шемяка, заключая договоръ съ великимъ княземъ, отказался и отъ Звенигорода, и отъ Вятки, а взялъ удѣлъ дяди Константина—Ржеву и Угличъ, да подмосковныя волости: Зарыдалье, Сохну, Раменейцо, Осташевскія деревни, Щукинское, Сурожикъ, Шопкову, Лучинское. Послѣ встрѣчи при Костромѣ Косому отданъ былъ Дмитровъ вмѣсто Звенигорода, но, какъ мы видѣли, не надолго [189].

Такимъ образомъ удѣлъ Петра Димитріевича и половина удѣла Юрія Димитріевича были присоединены къ коломенскому великокняжескому удѣлу. Но удѣлы серпуховской и можайскій оставались еще нетронутыми: первый, вслѣдствіе безпотомственной смерти четырехъ сыновей Владиміра Андреевича, сосредоточился въ рукахъ единственнаго внука его, Василія Ярославича; удѣлъ можайскій, по смерти Андрея Димитріевича, раздѣлился на два удѣла: можайскій, доставшійся старшему сыну Андрееву Ивану, и верейскій—младшему, Михаилу. Шуринъ великаго князя, Василій Ярославичъ, отказался отъ всѣхъ пожалованій, полученныхъ дѣдомъ его отъ отца Василіева; но часть этихъ пожалованій, именно Козельскъ съ волостями—Серенскомъ, Людимскомъ, Коронками, Вырною, Пересвѣтовою куплею, Алексинымъ, Лисинымъ и Свибловымъ, въ Москвѣ сочли нужнымъ отдать Ивану Андреевичу можайскому. Союзъ Ивана Андреевича съ Шемякою, имѣвшій слѣдствіемъ взятіе и ослѣпленіе великаго князя, имѣлъ также слѣдствіемъ и присоединеніе можайскаго удѣла къ волостямъ Василіевымъ: въ то время, когда Шемяка принужденъ былъ отказаться отъ Углича, Ржевы и Бѣжецка, можайскій князь долженъ былъ уступить Козельскъ, Алексинъ и Лисинъ [190]. Потомъ, отказавшись отъ союза съ Шемякою, Иванъ Андреевичъ получилъ было за это снова Лисинъ, и кромѣ того владѣнія въ Бѣжецкомъ Верхѣ, какъ они были за Димитріемъ Крас-

нымъ (умершимъ въ 1440 году и передавшимъ свои волости Шемякѣ) и половину Заозерья—волости кубенскихъ князей; но скоро послѣ, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, Иванъ Андреевичъ лишился не только этихъ новыхъ примысловъ, но и своего удѣла можайскаго. Всѣ волости Шемяки еще прежде были присоединены къ владѣніямъ великокняжескимъ.

Оставались удѣлы серпуховской и верейскій. Послѣ услугъ, оказанныхъ Василіемъ Ярославичемъ великому князю, послѣдній вспомнилъ, что серпуховскому князю не додана была его дѣдина—Угличъ, Городецъ, Козельскъ, и въ вознагражденіе за это отдалъ ему Дмитровъ, кромѣ того, изъ отобранныхъ у Шемяки волостей, Суходолъ съ Краснымъ селомъ [191]. По изгнаніи Ивана Андреевича можайскаго между шуриномъ и зятемъ произошла мѣна волостями: Василій Ярославичъ отдалъ Дмитровъ назадъ великому князю и за то получилъ Звенигородъ съ тѣми волостями, которыя были за Косымъ, кромѣ Плѣсни и села Ершовскаго, потомъ Бѣжецкій Верхъ со всѣмъ, и съ селами тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ, которые пошли въ изгнаніе съ княземъ Иваномъ можайскимъ, кромѣ селъ, проданныхъ уже московскимъ боярамъ—Толстикова и Башарова, и вотчинныхъ деревень дѣтей Сопрычиныхъ [192]. Но Василій Ярославичъ не долго пользовался этими волостями: сначала былъ принужденъ отдать назадъ Звенигородъ и Бѣжецкій Верхъ [193], а потомъ лишился и всѣхъ волостей своихъ.

Уцѣлѣлъ одинъ удѣлъ верейскій; князь Михаилъ Андреевичъ не только сохранилъ свою отчину, но еще успѣлъ пріобрѣсть нѣкоторые примыслы: сначала верейскій князь получилъ отъ Василія Васильевича въ отчину и удѣлъ половину Заозерья, отчины заозерскихъ князей; кромѣ того къ этой половинѣ прибавлено было еще 100 деревень изъ половины великокняжеской, да за половину Кубены Михаилъ Андреевичъ получилъ изъ великокняжескихъ заозерскихъ волостей по-пригожу, на той сторонѣ, которая приходилась къ его отчинѣ, Бѣлуозеру [194]. Потомъ изъ Шемякиныхъ волостей великій князь далъ Михаилу Андреевичу Вышгородъ съ волостями, путями и селами, да изъ звенигородскихъ волостей Плѣснь, кромѣ Плѣсенскаго села; кромѣ того Смоляные, Сохну, Зарыдалье, Зеремъ и Тарусицкихъ бортниковъ. Цѣнность пожалованія была увеличена еще тѣмъ, что Вышгородъ освобождался отъ выхода на

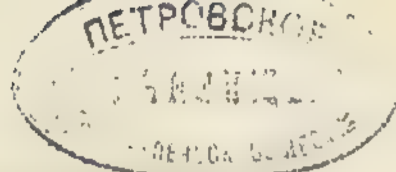
пять лѣтъ, и вся верейская волость три года платила только полвыхода.

Относительно распредѣленія волостей въ княженіе Василія Васильевича любопытны духовныя завѣщанія двухъ княгинь: Елены, жены Владиміра Андреевича, и великой княгини Софьи Витовтовны, матери Василія Темнаго. Елена сочла нужнымъ благословить своего господина великаго князя Василія Васильевича селомъ Коломенскимъ; внука своего, Василія Ярославича, она благословила селами: Омутскимъ, Всходскимъ, въ Лужѣ селами Юрьевскимъ, Деготскимъ, Осеневскимъ, Аврамовскимъ, Михалковымъ, Миседскимъ, Сосновскимъ, въ стану московскомъ селомъ Туловскимъ; сноху свою, жену князя Семена, Василису, благословила селомъ Ногатинскимъ съ лугами и городскими Ногатинцами, въ Лужѣ селомъ Бубольскимъ и Бѣнитскимъ; другую сноху, жену князя Василія, Ульяну, благословила селами Битяговымъ и Домодѣдовымъ, а въ стану (московскомъ) селомъ Тапинскимъ да селомъ Богородскимъ; внука, князя Василія Ярославича, благословила также селомъ Ковѣзинскимъ въ Радонежѣ; внуку, княгиню Марью Ивановну, селомъ Вороновскимъ въ Дмитровѣ, въ городѣ (Москвѣ) мѣстомъ подъ дворомъ старымъ на Подолѣ, гдѣ были владычни хоромы, а по смерти княгини Марьи село и мѣсто князю Василію Ярославичу [195].—Въ этомъ завѣщаніи мы видимъ не всѣ волости, которыя получила Елена по духовной мужа своего, и между прочимъ не видимъ тѣхъ волостей, которыя были даны ей въ опричнину, какъ Обухово, Косино. Съ другой стороны мы знаемъ, что княгини имѣли право располагать только тѣми волостями, которыя были назначены имъ въ опричнину, или своими собственными примыслами; какимъ же образомъ княгиня Елена располагаетъ всѣми своими волостями? Это явленіе можно объяснить только тѣмъ, что Елена пережила всѣхъ своихъ сыновей, которымъ должны были достаться ея волости, взятыя изъ ихъ удѣловъ, а правила, по которому единственный внукъ ея, Василій Ярославичъ, долженъ былъ считаться необходимымъ наслѣдникомъ всѣхъ своихъ бездѣтныхъ дядей, — не было.

Духовное завѣщаніе великой княгини Софьи Витовтовны замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ по большему количеству прикуповъ, что̀ показываетъ большія средства, которыми обладала завѣщательница; во вторыхъ замѣчательно тѣмъ, что бо̀льшая часть

этихъ прикуповъ отказана одному любимому внуку, князю Юрію Васильевичу. Княгини, по завѣщанію мужей своихъ, получали большія и богатыя волости,—нѣкоторыя изъ нихъ въ опричнину, большую часть въ пожизненное владѣніе; но доходы со всѣхъ этихъ волостей, равно какъ нѣкоторые другіе доходы, оставляемые умирающими князьями въ пользу женъ своихъ, давали послѣднимъ средства прикупать волости, которыми уже онѣ могли располагать по произволу, и, смотря по привязанности, увеличивать ими удѣлъ того или другого внука. Въ завѣщаніи княгини Софьи встрѣчаемъ изъ 52 волостей не болѣе шести, которыя не были ея прикупами: именно села: Бабышевское, Лысцево, Ослебятевское, прикупы Димитрія Донского, завѣщанные имъ женѣ своей Евдокіи и, неизвѣстно по какому случаю, перешедшіе въ полную собственность княгини Софьи, и потомъ опричнина послѣдней—сельце Семчинское съ Самсоновымъ лугомъ и Гжеля. Первыя три села она отказала снохѣ своей, великой княгинѣ Маріи Ярославовнѣ, а послѣднія любимому внуку Юрію. Теперь слѣдуютъ прикупы: коломенскія села: Колычевское, Никольцево, Липятинское, Чухистово, Окуловское и Рѣпинское; юрьевскія: Курчевское, Елецкое, Варварское; за Волгою на Шекснѣ волость Устьугла, станъ Веретейка со всѣми деревнями отказаны сыну, великому князю Василію. Коломенскіе прикупы: на Сѣверьсцѣ село Григорья Наумова, да у Малина село Ивана Бункова—отказаны великой княгинѣ Маріи. Владимірскій прикупъ—села Толба, Вижекша и Головино—внуку Іоанну. Московскій прикупъ—село Поповское Воробьево съ Семеновскимъ и деревнями; на Похрѣ село Мячково съ Фаустовскимъ, Ладыгинскимъ, Левонтьевскимъ, Тяжинымъ и рыболовлими деревнями; коломенскія села: Вилино, Кривцово, Бронниче, Чевырево, Марчуково, Рожокъ, починокъ у Щелина озера; юрьевскіе прикупы—Турабьевскія села, потомъ: Кучка, Деревенька, Шадрино; костромскіе прикупы: Качаловское, Ушаковское, Святое; вологодскія: Масленскія села, Янгасарскія, Говоровскія — отказаны внуку Юрію, кромѣ трехъ селъ Юрьевскихъ, Турабьевскихъ-Березниковъ, Ратькова и Алексина: Алексино княгинѣ Евфросиніи, Березники и Ратьково великой княгинѣ Маріи, но по смерти ихъ князю же Юрію. Село Вышелѣсъ внуку Андрею; прикупъ на Волокѣ—Белеутовскія села и Окораковскія—внуку Борису [196].

Наконецъ всѣ удѣлы Московскаго княжества (кромѣ одного верейскаго), вмѣстѣ со всѣми примыслами въ другихъ областяхъ, со-



браны были Василіемъ Темнымъ, который, смѣшавъ всѣ ихъ вмѣстѣ съ великокняжескою областью владимірскою, раздѣлилъ между пятью сыновьями: старшаго, Іоанна Васильевича, благословилъ великимъ княженьемъ, третью въ Москвѣ, чѣмъ его самого благословилъ отецъ, Коломною, Владиміромъ, Переяславлемъ, Костромою, Галичемъ, Устюгомъ, Вяткою, Суздалемъ, Новгородомъ-Нижнимъ, Муромомъ, Юрьевомъ съ Великою Солью, Боровскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинымъ; изъ московскихъ селъ: Островскимъ, Орининскимъ, Константиновскимъ, Малаховскимъ, Краснымъ надъ великимъ прудомъ и лугомъ большимъ у города по рѣкѣ Москвѣ. Второго сына, Юрія, благословилъ въ Москвѣ третью, которая была за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; но Юрій долженъ былъ раздѣлить эту треть съ братомъ Андреемъ Большимъ и держать ее по годамъ. Кромѣ половины московской трети Юрій получилъ въ Москвѣ же годъ князя Константина Димитріевича, потомъ волости: Дмитровъ, Юлку, Серебожь, Бускутово, Рожественое, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ, Хотунь, всѣ волости, завѣщанныя ему бабкою Софьею Витовною, съ придачею Шипиловскаго села къ Турабьевскимъ.—Мы замѣчаемъ желаніе князей округлить свои удѣлы, не имѣть въ нихъ волостей, принадлежащихъ другимъ князьямъ; такъ, напримѣръ, князь Владиміръ Андреевичъ требовалъ отъ своего сына, Ивана, чтобъ тотъ отказался отъ прикупа своего, приходившагося въ удѣлѣ другаго сына, Ярослава [197]; теперь, по завѣщанію Софьи Витовтовны, села князя Юрія приходились въ Коломенскомъ удѣлѣ великаго князя Іоанна, вслѣдствіе чего Василій Темный даетъ последнему право вымѣнить ихъ у младшаго брата безъ обиды.— Третій сынъ, князь Андрей Большой, получилъ Угличъ, Устюжну, Рожалово, Кистму, Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ, у Москвы село Сущевское. Четвертый сынъ, князь Борисъ, получилъ въ Москвѣ годъ князя Ивана Андреевича можайскаго, Ржеву, Волокъ, Рузу. Если князь Юрій Васильевичъ, благодаря особенной любви бабки своей съ отцовой стороны, получилъ большую часть ея многочисленныхъ прикуповъ, то князь Борисъ былъ любимцемъ другой бабки— съ материнской стороны, княгини Марьи Ѳедоровны Голтяевой, и получилъ отъ нея также много волостей, безъ сомнѣнія доставшихся ей послѣ отца, боярина Ѳедора Ѳедоровича Голтяя Кошкина, и бездѣтныхъ братьевъ; эти волости были: у Коломны села Проскурниковскія да Введенскія, на Городнѣ деревня, на Москвѣ за

Похрою Разсудовскія села—Звѣревское и Бирановское, во Владимірѣ Симизинскія села, Лазарское, Котлзино, у Владиміра Евнутьевское село, на Костромѣ, на Волгѣ Нижняя слобода, Базѣевское, Мануиловское, на Вологдѣ Турандаевское, Попизовпое, Ковылинскія села, Горка, на Шомѣ деревни, да у Москвы село Шарапово, Лошаково, лугъ на Москвѣ рѣкѣ подъ Крутицею, въ Берендѣевѣ село Ростовцовское, въ Кинелѣ Суровцово, Тимофеевское, Микульское, дворъ внутри города Москвы и дворы на посадѣ [198]. Пятый сынъ, Андрей Меньшой, получилъ въ Москвѣ годъ князя Петра Димитріевича, у Москвы село Танинское, Ясеневское, Раменейце, потомъ Вологду съ Кубеною и Заозерьемъ, Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Авнегу, Шилепгу, Пельшму, Бохтюгу, Ухтюшку, Сяму, Отводное съ Перхушковскими селами, Тошну, Янгосаръ.—Великая княгиня Марія получила въ пожизненное владѣніе: Ростовъ, т.-е. ту часть города, которая была за Василіемъ Темнымъ, въ остальной же части еще владѣли князья ростовскіе; по смерти великой княгини, ея часть Ростова переходила къ князю Юрію. Потомъ утверждались за нею купля ея Романовъ [199] и устье Шексны; далѣе великая княгиня получала волости по Волгѣ и Шекснѣ, которыя были за княземъ Иваномъ можайскимъ, вмѣстѣ съ селами, отобранными у измѣнившаго боярина Петра Константиновича; Усть Углы, Нерехту, у Москвы село Напрудское, мельницу Ходынскую съ лугомъ Ходынскимъ, Ногатинское, Новинки, Озерецкія села, Михалевское, Олешню, Лужскія села, Павшинское, деревни боярина Петра Константиновича на Истрѣ. Изъ удѣловъ: изъ коломенскаго городокъ Брашову, съ сельцемъ, съ Гвоздною и съ Иваномъ, Устьмерску, Песочну, Малинскія села, село Серкизовское съ Мѣзынкою, Высокое, Шкинь, сельце Ѳедора Степанова, Свербѣевское, Лысцевское, Бабышево у Коломны, Чухистово; въ Переяславлѣ: Рюминское, Маринину слободу, село Доброе; въ Юрьевѣ село Фроловское съ Елохомъ, Красное, Курчево, Елцы, Варварино, Кузьмодемьянское, Голенищево, Добрыньское, Волстиново, Сорогожино, села Петра Константиновича: Матвѣищово и Ворогово; въ Суздалѣ: Шокшовъ, Давыдовское; на Костромѣ села Михайла Данилова, села Колдомскія, данныя ей Михаиломъ Сабуровымъ; на Устюгѣ, въ придачу къ ея куплѣ Леонтьевскому, Пятницкому и Вондокурью, село Мошемское и Дымкову сторону; изъ удѣла Андрея Большого: Елду, Кадку, Василькова; изъ удѣла князя Бориса: Издѣтемлю, Іудину

слободу, Ядрово, село Андреевское во Ржевѣ; изъ удѣла Андрея Меньшого Иледамъ съ Комелою и Обнорою; изъ Нижняго-Новгорода села, которыя были за великою княгинею Софьею Витовтовною съ Сокольскимъ сельцемъ и Керженцомъ, изъ Мурома—сельце Муромское и Шатуръ.—Послѣ составлена была еще приписная духовная грамота, по которой великой княгинѣ отказаны: село Коломенское, Дьяковское, Хвостовское, лугъ князя Юрія Димитріевича противъ великокняжескаго двора, Юрьевскій лугъ Казначеевъ, два стана къ Марининѣ слободѣ; въ Переяславлѣ Городище съ деревнями Волнинскими, да Бармазово съ деревнями; въ Муромѣ Почапъ, Заколпье, Черсово, на Коломнѣ село Оксинское съ деревнями, также Мячково, купленное у Настасьи, жены Өедора Андреевича, села на рѣкѣ Москвѣ, купленныя у ея дочери. Въ Можайскѣ село Чертаковское, Бѣлевицы, Исмейское село, мельницу подъ городомъ; села Муромскія и села въ Вотскомъ Стародубѣ, данныя Анною, женою Василія Ивановича; села Долмата Юрьева въ Хотунскомъ Растуновѣ и Перемышлѣ — въ опричнину.—Дворъ князя Ивана можайскаго въ Москвѣ отданъ старшему сыну Ивану; дворъ серпуховскихъ князей за Архангельскимъ соборомъ — сыну Юрію, а дворъ, данный ему бабкою у церкви Іоанна Предтечи, отданъ великой княгинѣ; дворъ Шемяки—Андрею Большому; опальные же дворы бояръ Константиновичей—Петра, Ивана и Никиты, также за городомъ дворы отдаются въ распоряженіе великой княгинѣ — кому изъ сыновей что дастъ. Села Окуловское и Рѣпинское, которыя великая княгиня дала Өедору Басенку, а въ духовной своей отдала въ распоряженіе великому князю,—эти села будутъ находиться у Басенка въ пожизненномъ владѣніи, а послѣ смерти его отходятъ къ великой княгинѣ Маріи [200].

Изъ этого обзора постепеннаго распространенія, раздѣленія и собиранія московскихъ волостей, мы видимъ, что въ распространеніи Московскаго княжества завоеванія играютъ весьма малую роль; первоначальное распространеніе на счетъ сосѣднихъ княжествъ—Смоленскаго и Рязанскаго, присоединеніе Можайска и Коломны съ Верею, Боровскомъ, Лужею, произошло силою оружія; но со временъ Калиты распространеніе происходило преимущественно прикупами и примыслами особаго рода, въ которыхъ оружіе не участвовало. Московскій князь скупаетъ (отсюда названіе окупныхъ князьковъ) отдаленныя сѣверозападныя и сѣверовосточныя княже-

ства, волости, какъ видно, пустынныя, бѣдныя, которыхъ князья не были въ состояніи удовлетворять ордынскимъ требованіямъ, а съ другой стороны не были въ состояніи противиться ближайшимъ сосѣдямъ, князьямъ болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ московскіе князья распространяютъ свои владѣнія на счетъ слабыхъ, раздробленныхъ владѣній потомковъ Константина, Ивана Всеволодовичей, Константина Ярославича; Калитою куплены были Бѣлоозеро, Галичъ, Угличъ; лѣтописцы не говорятъ, какъ пріобрѣтенъ Дмитровъ; они говорятъ объ изгнаніи изъ волостей князей галицкаго и стародубскаго при Донскомъ; но волости стародубскихъ князей не упоминаются среди волостей Донского и наслѣдниковъ его; слѣдовательно они оставались за князьями отчичами, вошедшими въ служебныя отношенія къ московскимъ князьямъ. Княжество Нижегородско-Суздальское и Муромское были заняты не силою оружія; только послѣ нужно было, въ продолженіе извѣстнаго времени, защищать этотъ примыслъ отъ притязаній прежнихъ его князей; на югѣ московскіе князья распространяютъ свои владѣнія на счетъ слабыхъ, раздробленныхъ областей черниговско-сѣверскихъ, на юго-востокѣ на счетъ князей мещерскихъ. Но въ то время, когда волости присоединяются путемъ мирнымъ, куплею, или хотя насильственнымъ, но безъ походовъ и завоеваній, продолжительныя войны московскихъ князей съ сосѣдними княжествами, хотя и оканчивавшіяся благополучно, не имѣли слѣдствіемъ земельныхъ пріобрѣтеній: такъ ничего не было пріобрѣтено отъ Твери послѣ счастливыхъ войнъ съ нею при Донскомъ, ничего не было пріобрѣтено отъ Рязани, послѣ опредѣленія границъ при Іоаннѣ II; попытка пріобрѣсть волости новгородскія за Двиною при Василіи Димитріевичѣ не удалась. — Кромѣ пріобрѣтенія цѣлыхъ княжествъ московскіе князья обогатились пріобрѣтеніемъ многихъ селъ и мѣстъ. Мы знаемъ, что князья постоянно вносили въ свои договоры условіе — не пріобрѣтать волостей въ чужихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе чего московскіе князья, несмотря на свои денежныя средства, не могли купить волостей ни въ тверской, ни въ рязанской области; но имъ открыта была для прикуповъ великокняжеская область владимірская, которою они постоянно владѣли, и мы видѣли изъ ихъ завѣщаній, какъ они воспользовались этимъ, какъ преимущественно наполнили своими куплями уѣздъ Юрьева Польскаго; вотъ также одна изъ причинъ усиленія московскихъ князей. Двоякимъ путемъ

князья московскіе пріобрѣтали села, куплею и отобраніемъ у опальныхъ бояръ; такъ пріобрѣтены были села Вельяминовскія, Свибловскія, Всеволожскія (Ивана Димитріевича), братьевъ Константиновичей. Границы Московскаго княжества при кончинѣ Іоанна Калиты не совпадали даже съ границами нынѣшней Московской губерніи, ибо для этого не доставало ему Дмитрова, Клина, Волока-Ламскаго; потомъ захватывали нѣкоторую часть Тульской и Калужской губерній; но при кончинѣ праправнука Калитина, Василія Темнаго, московскія владѣнія послѣдняго не только обнимаютъ всю нынѣшнюю Московскую губернію (кромѣ Клина), но простираются по губерніямъ: Калужской, Тульской, Владимірской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Тверской.

Границы собственно Московскаго княжества на юговостокѣ, съ рязанскою областію, опредѣлены въ договорахъ рязанскихъ князей съ московскими: граница шла по рѣкѣ Окѣ и Цнѣ; прежнія мѣста рязанскія отъ Коломны вверхъ по Окѣ, на сторонѣ московской: Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ и всѣ другія мѣста на лѣвой сторонѣ рѣки принадлежатъ Москвѣ, а внизъ по Окѣ отъ Коломны по рѣку Цну и отъ устья Цны вверхъ всѣ мѣста на рязанской сторонѣ къ Рязани, а на московской къ Москвѣ. Вслѣдствіе этого раздѣла Окою старыя рязанскія мѣста на правомъ берегу, бывшія до временъ Іоанна II за Москвою, отошли къ Рязани, именно: Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничь съ мѣстами. Мѣста: Талица, Выползовъ, Такасовъ отошли къ Москвѣ, равно какъ Мещера, купля Донского. Иначе, думаемъ, нельзя понимать этого мѣста: „А межи насъ роздѣлъ земли по рѣку по Оку, отъ Коломны въ верхъ по Оцѣ, на московской сторонѣ почепъ, Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ, и иная мѣста рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по реку по Тцну отъ усть Тцны, въ верхъ по Тцнѣ, что на московской сторонѣ Тцны, то къ Москвѣ; а что на рязанской сторонѣ за Окою, что доселѣ потягло къ Москвѣ, почепъ, Лопастна и проч., та мѣста къ Рязани.“ Но спрашивается: какимъ образомъ Лопастна могла быть на рязанской сторонѣ за Окою? Относительно Тулы новая трудность: „А что мѣсто князя великаго Димитрія Ивановича на рязанской сторонѣ, Тула, какъ было при царицѣ при Тайдулѣ, и коли еѣ баскаци вѣдали; въ то ся князю великому Олгу не вступатся, и князю великому Димитрію“ [201].

Тула называется мѣстомъ великаго князя Димитрія на рязанской сторонѣ, онъ отъ нея отступается,—это понятно, но въ то же время отступается отъ нея и великій князь Олегъ. Въ чью же пользу? Можно было бы предположить ошибку въ договорѣ Донского, и, основываясь на позднѣйшихъ договорахъ рязанскихъ князей съ Василіемъ и Юріемъ Димитріевичами, принимать, что великіе князья московскіе отступились отъ Тулы въ пользу князей рязанскихъ, ибо въ этихъ позднѣйшихъ договорахъ московскіе князья обязываются не вступаться въ Тулу; но здѣсь опять затрудняетъ дѣло договоръ рязанскаго князя Ивана Өедоровича съ Витовтомъ, гдѣ встрѣчаемъ слѣдующее условіе: „Великому князю Витовту въ вотчину мою не вступатися Ивана Өедоровича, въ землю ни въ воду, поколѣ рубежъ Рязанскіе земли Переяславскые моее вотчины, вынемши Тулу, Берестей, Ретань съ Паши, Дорожепъ, Заколотепъ Гордѣевской“ [202].

Любопытно, что въ договорахъ московскихъ князей съ рязанскими не только Лопастна, но также Верея и Боровскъ называются старыми мѣстами рязанскими, тогда какъ, по свидѣтельству лѣтописца подъ 1176 годомъ, Лопастна была волостію черниговскою; но уже изъ этого самого свидѣтельства можно замѣтить, что рязанскіе князья начинаютъ захватывать ближайшія къ нимъ волости черниговскія, какъ напримѣръ упоминаемый тутъ же Свирѣльскъ. По всемъ вѣроятностямъ Рязанцы захватили и Лопастну, и Верею, и Боровскъ, и Лужу вскорѣ послѣ Батыева нашествія, когда черниговско-сѣверское княжество опустѣло, раздробилось и обезсилѣло.

Изъ новгородскихъ договорныхъ грамотъ мы знаемъ, что Волокъ, Вологда и Бѣжецкій Верхъ считаются до послѣдняго времени владѣніями новгородскими; но въ то же самое время въ договорахъ и духовныхъ грамотахъ великокняжескихъ мы видимъ, какъ великіе князья распоряжаются и Волокомъ, и Бѣжецкимъ Верхомъ, и Вологдою—знакъ, что здѣсь волости новгородскія находились въ смѣсномъ владѣніи съ великокняжескими; и дѣйствительно великій князь Василій Васильевичъ, утверждая Бѣжецкій Верхъ за Шемякою и братомъ его, Димитріемъ Краснымъ, ставитъ условіемъ договора, чтобъ они держали эту волость по старинѣ съ Новымъ-городомъ [203]. Мы видѣли, что Новгородцы хотѣли здѣсь размежеваться съ великимъ княземъ, но Василій Васильевичъ Темный почему-то не хотѣлъ этого размежеванія. На основаніи извѣстія подъ 1220 годомъ,

что великій князь Юрій Всеволодовичъ велѣлъ племяннику Васильку Константиновичу ростовскому выслать противъ Болгаръ полки изъ Ростова и изъ Устюга, мы заключили, что Устюгъ зависѣлъ отъ ростовскихъ князей. Не знаемъ, удержали ли они Устюгъ во время своей слабости и зависимости отъ великихъ князей, или Устюгъ отошелъ къ владимірской области; знаемъ только, что Устюгъ является, какъ городъ, принадлежащій князьямъ московскимъ, впервые только въ завѣщаніи Василія Темнаго, когда въ первый разъ города Владимірскаго княжества были смѣшаны съ московскими и когда въ первый же разъ Ростовъ былъ отказанъ великимъ княземъ женѣ. Что касается общихъ русскихъ границъ на юговостокѣ, то съ большою вѣроятностію можно предположить, что онѣ совпадали съ границами епархій Рязанской и Сарайской, ибо послѣдняя находилась уже въ собственныхъ владѣніяхъ татарскихъ. Этою границею въ митрополичьихъ грамотахъ опредѣляется рѣка Великая Ворона [204]; изъ тѣхъ же грамотъ узнаемъ, что христіане находились въ предѣлѣ Червленаго Яру (рѣки) и по карауламъ возлѣ Хопра до Дону. На восточномъ берегу Дона, тамъ, гдѣ эта рѣка имѣетъ ширину одинакую съ шириною Сены въ Парижѣ, Рубруквисъ нашелъ русскую слободу, построенную Батыемъ и Сартакомъ; жители ея обязаны были перевозить черезъ рѣку купцовъ и пословъ. Относительно этихъ границъ важно для насъ извѣстіе о путешествіи Пимена митрополита въ Константинополь. Митрополитъ отправился изъ Рязани сухимъ путемъ, взявши три струга и насадъ на колесахъ. Достигши Дона, путешественники спустили суда на рѣку и поплыли внизъ. Вотъ какъ описывается плаваніе по Дону: „Путешествіе это было печально и уныло, потому что по обѣимъ сторонамъ рѣки пустыни: не видно ни города, ни села, виднѣются одни только мѣста прежде бывшихъ здѣсь городовъ, красивыхъ и обширныхъ; нигдѣ не видно человѣка, но звѣрей множество: козъ, лосей, волковъ, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ, множество и птицъ—орловъ, гусей, лебедей, журавлей и разныхъ другихъ.“ Миновавши рѣки: Медвѣдицу, Высокія Горы и Бѣлый Яръ, также мѣсто древняго козарскаго Саркела, путешественники начали встрѣчать татарскія кочевья. Видно, что на Донской системѣ въ концѣ XIV вѣка крайнимъ русскимъ княжествомъ было Елецкое; кочевья же татарскія начинались въ нынѣшней Землѣ войска Донскаго, около

тѣхъ мѣстъ, гдѣ Донъ находится въ самомъ ближайшемъ разстояніи отъ Волги.

Касательно югозападныхъ границъ съ литовскими владѣніями мы знаемъ, что при Василіи Димитріевичѣ московскомъ и Витовтѣ литовскомъ границею была назначена рѣка Угра; но это опредѣленіе одностороннее. Мы видѣли также, какъ рязанскій князь опредѣлилъ свои границы съ Литвою, но изъ этого опредѣленія ничего понять нельзя. Изъ княжескихъ договоровъ и завѣщаній мы знаемъ, что Перемышль, Лихвинъ (Лисинъ), Козельскъ, Тросна считались въ числѣ московскихъ волостей. Что же касается земель присяжныхъ князей: Одоевскихъ, Бѣлевскихъ, Воротынскихъ, то здѣсь границъ опредѣлить нельзя, потому что, по собственнымъ словамъ Іоанна III, эти князья служили и его предкамъ, и предкамъ Казимира литовскаго, на обѣ стороны, съ-обща; мы знаемъ также, что городъ Одоевъ, напримѣръ, раздѣлялся на двѣ половины: одна принадлежала линіи князей, зависѣвшихъ отъ Москвы, а другая—линіи князей, зависѣвшихъ отъ Литвы. Изъ переговоровъ между московскими боярами съ литовскими послами при Іоаннѣ III мы знаемъ также, что договоры, заключенные съ Литвою при Василіи Димитріевичѣ и сынѣ его Василіи Темномъ, были невыгодны для Москвы, которая должна была тутъ уступить волости, принадлежавшія ей по прежнимъ договорамъ, заключеннымъ при Симеонѣ Гордомъ и братѣ его Іоаннѣ II; при Ольгердѣ половина Серенска принадлежала Москвѣ, а другая половина—Литвѣ; въ договорѣ Василія Темнаго съ Казимиромъ Козельскъ былъ написанъ на о б ы с к ъ, т.-е. по заключеніи договора должно было обыскать, кому этотъ городъ принадлежалъ прежде; но обыска не было, и Козельскъ остался за Москвою. Со стороны смоленской или верхнеднѣпровской области границею между московскими и литовскими владѣніями была сначала Угра, потомъ далѣе на сѣверѣ границъ Москвы и Твери съ Литвою должно искать по водораздѣлу между рѣчными областями Днѣпра и Волги.

Границы между Литвою и новгородскими (съ псковскими) владѣніями должны были оставаться тѣ же самыя, какія были между Смоленскимъ и Полоцкимъ княжествами и Новгородомъ. Какъ на востокѣ были волости, находившіяся въ смѣсномъ владѣніи у Новгородцевъ и великихъ князей владимірскихъ, напр. Торжекъ, Волокъ, Бѣжичи, такъ и на югѣ были такія же смѣсныя владѣнія у Новгородцевъ и великихъ князей литовскихъ; таковы были Великія

Луки, Ржева (новгородская) и еще волостей десять, менѣе значительныхъ: всѣ эти земли принадлежали къ новгородскимъ владѣніямъ, но дань и нѣкоторые другіе доходы шли съ нихъ великому князю литовскому; какъ въ Торжкѣ были два тіуна—новгородскій и московскій, такъ и на Лукахъ сидѣли два же тіуна—новгородскій и литовскій, и судъ у нихъ былъ пополамъ. Безъ сомнѣнія такія отношенія къ Лукамъ, Ржевѣ и другимъ мѣстамъ литовскіе князья наслѣдовали отъ князей смоленскихъ, которыхъ княжествомъ они овладѣли. Такое явленіе, что волость принадлежала одному государству, а дань съ нея шла другому, мы видимъ не въ однѣхъ новгородскихъ областяхъ; въ договорахъ великихъ князей тверскихъ съ литовскими читаемъ: „Порубежныя мѣста, которыя тянутъ къ Литвѣ или къ Смоленску, а подать даютъ къ Твери, должны и теперь тянуть по старому, равно какъ тѣ мѣста, которыя тянули къ Твери, а подать давали къ Литвѣ или къ Смоленску, тѣмъ и нынче тянуть по прежнему и подать давать по прежнему же".

Западныя границы, границы псковскихъ волостей съ Ливонскимъ Орденомъ, совпадали съ нынѣшними границами Псковской губерніи съ Остзейскимъ краемъ. Что касается границъ новгородской области со стороны шведскихъ владѣній въ Финляндіи, то мы не имѣемъ возможности опредѣлить ихъ до 1323 года, къ которому относится дошедшій до насъ договоръ великаго князя Юрія Даниловича съ шведскимъ королемъ Магнусомъ. Въ этомъ договорѣ сказано, что Юрій съ Новгородцами уступили Шведамъ три корельскихъ округа: Саволаскъ, Ескисъ и Егрепя, вслѣдствіе чего и сдѣлалось возможнымъ опредѣлить границу.

Дошла до насъ перечень и новгородскихъ двинскихъ волостей: Орлецъ, Матигоры, Колмогоры, Куръ-островъ, Чухчелема, Ухтьостровъ, Кургія, Княжъ-островъ, Лисичь-островъ, Конечные дворы, Ненокса, Упа, Кривой, Ракула, Наволокъ, Челмахта, Емецъ, Калея, Кирія горы, Нижняя Тойма. Потомъ изъ сѣверныхъ мѣстностей упоминаются: Вельскъ, Кубена, Сухона, Кемь, Андома, Чухлома, Каргополь, Кокшенга и Вага. Изъ вятскихъ городовъ упоминаются Орловъ и Котельничъ. — На востокѣ опредѣлить границу трудно: знаемъ только, что на Сурѣ былъ уже русскій нижегородскій городъ Курмышъ [205].

Мы обозрѣли исторически распространеніе Московскаго княжества, усиленіе владѣльцевъ его волостями на счетъ другихъ князей; но рядомъ съ этимъ усиленіемъ московскихъ и великихъ князей, разумѣется, должно было идти измѣненіе въ отношеніяхъ между старшимъ и младшими князьями. Разсмотримъ также и это измѣненіе исторически; сперва обратимъ вниманіе на отношенія князя московскаго и вмѣстѣ великаго князя владимірскаго къ ближайшимъ родичамъ своимъ, удѣльнымъ князьямъ, а потомъ на отношенія его къ дальнимъ родичамъ, которые благодаря ослабленію родовой связи назвались, каждый въ своей волости, великими князьями и пользовались одинакими правами съ великимъ княземъ владимірскимъ, хотя послѣдній при удобномъ случаѣ и старался приравнять ихъ къ своимъ удѣльнымъ; таковы были князья тверской, рязанскій, нижегородскій.

Въ завѣщаніяхъ своихъ великіе князья опредѣляютъ отношенія между старшимъ и младшими сыновьями по старинѣ: Калита говоритъ: „Приказываю тебѣ, сыну своему Семену, братьевъ твоихъ младшихъ и княгиню свою съ меньшими дѣтьми: по Богѣ ты имъ будешь печальникъ“ [206]. Донской завѣщаетъ дѣтямъ: „Дѣти мои, младшіе братья князя Василія, чтите и слушайте своего брата старшаго, князя Василія, вмѣсто меня, своего отца; а сынъ мой князь Василій держитъ своего брата князя Юрія и своихъ братьевъ младшихъ въ братствѣ безъ обиды [207].“ Противъ духовной Калиты въ завѣщаніи Донского встрѣчаемъ ту новость, что онъ придаетъ волостей старшему сыну на старшій путь. Одинакое наставленіе дѣтямъ на счетъ отношеній младшихъ къ старшему повторилъ и великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ завѣщаніи [208]. Но описываемое время было переходнымъ между родовыми и государственными отношеніями: первыя ослабѣли, вторыя еще не утвердились; вотъ почему неудивительно встрѣтить намъ такія завѣщанія княжескія, гдѣ завѣщатель вовсе не упоминаетъ объ отношеніяхъ младшихъ сыновей своихъ къ старшему: таковы завѣщанія Владиміра Андреевича и Юрія Димитріевича [209]. Можно было бы подумать, что такъ какъ эти завѣщанія писаны младшими, удѣльными князьями, то они и не упомянули объ отношеніяхъ между сыновьями, которые всѣ были одинаково младшіе братья относительно великаго князя; но въ такомъ случаѣ они упомянули бы объ обязанностяхъ своихъ сыновей къ этому великому князю, чего мы не находимъ;

притомъ, напримѣръ, Владимiръ Андреевичъ дѣлаетъ же различiе между старшимъ своимъ сыномъ и младшими, назначаетъ первому особыя волости на старшiй путь, наконецъ опредѣляетъ обязанности сыновей къ ихъ матери, своей женѣ, говоритъ, чтобъ они чтили ее и слушались, говоритъ, чтобъ они жили согласно, заодно, и однако не прибавляетъ старой обычной формы—чтобъ они чтили и слушались старшаго брата какъ отца.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣлялись обязанности удѣльныхъ князей къ великому въ ихъ договорахъ другъ съ другомъ. Въ договорѣ сыновей Калиты младшiе братья называютъ старшаго господиномъ княземъ великимъ; клянутся быть заодно до смерти; брата старшаго имѣть и чтить вмѣсто отца. Кто будетъ, говорятъ они, брату нашему старшему недругъ, тотъ и намъ недругъ, а кто будетъ ему другъ, тотъ и намъ другъ. Ни старшiй безъ младшихъ, ни младшiе безъ старшаго не заключаютъ ни съ кѣмъ договора. Если кто станетъ ихъ ссорить, то они должны изслѣдовать дѣло (исправу учинить), виноватаго казнить послѣ этого изслѣдованiя, а вражды не имѣть другъ къ другу. Старшiй обязанъ не отнимать у младшихъ волостей, полученныхъ ими отъ отца: „Того подъ ними блюсти, а не обидѣти". Когда кто-нибудь изъ младшихъ умретъ, то старшiй обязанъ заботиться (печаловаться) объ оставшемся послѣ умершаго семействѣ, не обижать его, не отнимать волостей, полученныхъ въ наслѣдство отъ отца; не отнимать также примысловъ и прикуповъ. Если старшiй сядетъ на коня (выступитъ въ походъ), то и младшiе обязаны также садиться на коней; если старшiй самъ не сядетъ на коня, а пошлетъ въ походъ однихъ младшихъ, то они должны идти безъ ослушанья. Если случится какая-нибудь оплошность (простороужа) отъ великаго князя, или отъ младшихъ князей, или отъ тысяцкаго, или отъ намѣстниковъ ихъ, то князья должны изслѣдовать дѣло, а не сердиться другъ на друга [21]".

Въ договорѣ Димитрiя Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владимiромъ Андреевичемъ встрѣчаемъ уже важныя дополненiя: младшiй братъ обязывается держать подъ старшимъ княженье великое честно и грозно, добра хотѣть ему во всемъ; великiй князь обязывается держать удѣльнаго въ братствѣ, безъ обиды: „Тебѣ знать свою отчину, а мнѣ знать свою". Заслышавши отъ христiанина или отъ поганина что-нибудь доброе или дурное о великомъ князѣ, о его отчинѣ, или о всѣхъ христiанахъ, младшiй обязанъ

объявить ему въ правду, безъ примышленія, по крестному цѣлованію, равно какъ и старшій младшему. Оба князя обязываются не покупать селъ въ удѣлахъ другъ у друга, не позволять этого и своимъ боярамъ, не держать закладней и оброчниковъ, не давать жалованныхъ грамотъ; если случится искъ одному князю на подданныхъ другого, давать исправу. Младшій обязанъ посылать своихъ воеводъ съ воеводами великокняжескими вмѣстѣ, безъ ослушанья; если кто-нибудь изъ воеводъ ослушается, то великій князь имѣетъ право его казнить вмѣстѣ съ удѣльнымъ. Если во время похода удѣльный князь захочетъ оставить кого-нибудь изъ своихъ бояръ у себя, то онъ обязанъ доложить объ этомъ великому князю, и оба распорядятся вмѣстѣ, по обоюдному согласію (по згадцѣ): кому будетъ прилично остаться, тотъ останется, кому ѣхать, тотъ поѣдетъ. Младшій долженъ служить старшему безъ ослушанья, по згадцѣ, какъ будетъ прилично тому и другому, а великій князь обязанъ кормить удѣльнаго князя, смотря по его службѣ. Когда оба сядутъ на коня, то бояре и слуги удѣльнаго князя, кто гдѣ ни живетъ, должны быть подъ его знаменемъ [211]. Если случится какое-нибудь дѣло между обоими князьями, то они отсылаютъ для рѣшенія спора (для учиненія исправы) своихъ бояръ; если же бояре будутъ не въ состояніи покончить дѣла, то ѣдутъ къ митрополиту, а не будетъ митрополита въ Русской землѣ, то ѣдутъ къ кому-нибудь на третейскій судъ (на третей), кого сами себѣ выберутъ: и если который князь проиграетъ свое дѣло, то бояре его не виноваты въ томъ [212].

Владиміръ Андреевичъ отказался отъ старшинства въ пользу племянника, обязался признавать послѣдняго старшимъ братомъ; но все же онъ былъ дядею Василію Димитріевичу, и потому договоръ, заключенный между ними, написанъ въ болѣе легкихъ для серпуховского князя выраженіяхъ. Послѣдній обязывается держать своего племянника, брата старѣйшаго честно, а слова: грозно нѣтъ; великій князь обязывается держать дядю и вмѣстѣ брата младшаго въ братствѣ и въ чести безъ обиды [213]. Во второмъ договорѣ старикъ-дядя выговариваетъ даже себѣ право не садиться на коня, когда племянникъ самъ не сядетъ; этотъ второй договоръ замѣчателенъ тѣмъ, что договаривающіеся уже хотятъ продлить и упрочить свои отношенія: здѣсь въ первый разъ князья клянутся исполнять условія договора за себя и за дѣтей

своихъ [214]. Въ завѣщаніи своемъ Владиміръ Андреевичъ приказываетъ жену, дѣтей и бояръ своихъ брату старшему, великому князю; если между дѣтьми его случится какой-нибудь споръ, то они для его рѣшенія посылаютъ своихъ бояръ; если и эти не согласятся между собою, то идутъ передъ старую княгиню—вдову; котораго сына княгиня обвинитъ, на томъ великій князь долженъ доправить, такъ однако, чтобъ вотчинѣ ихъ и удѣламъ было безъ убытка. Относительно пользованія удѣлами, Владиміръ Андреевичъ опредѣляетъ, чтобъ сыновья его не въѣзжали въ удѣлы другъ къ другу на свою у т ѣ х у, т.-е. на охоту, равно и въ удѣлъ матери своей, развѣ получатъ позволеніе; не должны присылать въ удѣлъ другъ другу приставовъ и судить судовъ [215].

Димитрій Донской имѣлъ всю возможность привесть въ свою волю двоюроднаго брата, который не имѣлъ средствъ бороться съ владѣльцемъ двухъ частей Московскаго княжества и цѣлаго Владимірскаго; притомъ же серпуховской князь не имѣлъ права на старшинство ни въ Москвѣ, ни во Владимірѣ. Въ другихъ отношеніяхъ находился Василій Димитріевичъ къ роднымъ братьямъ, которыхъ надобно было щадить, ласкать, чтобы заставить рѣшиться сдѣлать первый тяжкій шагъ—отказаться отъ старшинства въ пользу племянника. Отсюда понятно, почему въ договорахъ Василія Димитріевича съ братьями мы не находимъ тѣхъ рѣзкихъ выраженій, тѣхъ прямыхъ указаній на служебныя отношенія удѣльнаго князя къ великому, какія встрѣчаемъ въ договорахъ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ. Младшіе братья обязываются держать Василія только вмѣсто отца [216]; Юрій Димитріевичъ, въ отдѣльномъ договорѣ своемъ съ старшимъ братомъ [217], обязывается держать его въ старшинствѣ—и только; нѣтъ выраженія: ч е с т н о и г р о з н о, нѣтъ обязательства с л у ж и т ь старшему брату.

Василію Димитріевичу не удалось склонить брата Юрія къ уступкѣ старшинства племяннику; отсюда усобица въ княженіе Василія Васильевича. Эта усобица кончилась торжествомъ новаго порядка вещей, собраніемъ удѣловъ; но въ продолженіе ея великій князь иногда находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и потому не могъ слишкомъ круто поступать съ удѣльными. Дядя Юрій Димитріевичъ, принуждаемый отказаться отъ старшинства, хотя и называетъ племянника старшимъ братомъ, однако заключаетъ съ нимъ договоры какъ союзникъ равноправный, безо всякаго опре-

дѣленія, какъ онъ долженъ держать старшаго брата; Юрій освобождаетъ себя отъ обязанности садиться на коня даже и тогда, когда самъ великій князь выступитъ въ походъ; относительно этого обстоятельства въ первомъ договорѣ [218] встрѣчаемъ слѣдующее условіе: если Василій Васильевичъ сядетъ на коня, то Юрій посылаетъ съ нимъ своихъ дѣтей, бояръ и слугъ; если великій князь пошлетъ въ походъ младшихъ дядей своихъ или дѣтей Юрія, то послѣдній обязанъ выслать дѣтей съ боярами и слугами; если же великій князь посылаетъ своихъ воеводъ, то и Юрій обязанъ выслать только своего воеводу съ своими людьми. Во второмъ договорѣ: когда Василій самъ сядетъ на коня, или пошлетъ въ походъ дядю Константина, то Юрій высылаетъ сына; если же великій князь пошлетъ двоюродныхъ братьевъ или воеводъ, то Юрій высылаетъ только воеводъ своихъ, если же великій князь пошлетъ одного сына Юріева на службу, то послѣдній долженъ идти безъ ослушанья [219]. Выраженія честно и грозно въ началѣ княженія Василія Васильевича не находимъ въ договорныхъ грамотахъ этого великаго князя даже и съ двоюродными братьями Андреевичами, встрѣчаемъ только въ договорѣ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ, внукомъ Владиміра Андреевича [220]; нѣтъ этого выраженія и въ договорѣ Андреевичей съ Юріемъ [221]; но послѣ смерти Юрія оно является постоянно въ договорахъ Василія Васильевича съ удѣльными князьями.

Договоры великихъ князей московскихъ съ великими же князьями тверскими и рязанскими сходны съ упомянутымъ выше договоромъ великаго князя Василія Васильевича съ дядею Юріемъ, съ тою только разницею, что Юрій, какъ удѣльный князь, не можетъ самъ собою, непосредственно, сноситься съ Ордою, посылаетъ дань чрезъ великаго князя, тогда какъ великіе князья тверской и рязанскій сохраняютъ относительно Татаръ вполнѣ независимое отъ московскаго князя положеніе, сами знаютъ Орду, по тогдашнему выраженію. Если тверской князь и обязывается иногда считать московскаго старшимъ братомъ, то это опредѣленіе отношеній остается безъ дальнѣйшаго объясненія. Относительно выступленія въ походъ въ договорахъ между великими князьями—московскимъ, тверскимъ и рязанскимъ встрѣчаемъ обыкновенно условіе, что если великій князь московскій сядетъ на коня, то и другой договаривающійся великій князь обязанъ садиться на коня; если московскій пошлетъ воеводъ,

то и другой обязанъ сдѣлать то же; только въ договорахъ Димитрія Донского и сына его Василія съ Михаиломъ тверскимъ встрѣчаемъ особенности: въ первомъ тверской великій князь обязанъ садиться на коня и въ томъ случаѣ, когда выйдетъ на рать двоюродный братъ московскаго князя, Владиміръ Андреевичъ [222]. Въ договорѣ Василія Димитріевича читаемъ [223]: „Пойдетъ на насъ царь (ханъ) ратію, или рать татарская, и сяду я на коня самъ съ своею братьею, то и тебѣ, братъ, послать ко мнѣ на помощь двухъ своихъ сыновей, да двухъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же пойдутъ на насъ или Литва, или Ляхи, или Нѣмцы, то тебѣ послать дѣтей своихъ и племянниковъ на помощь; кормъ они возьмутъ, по инымъ ничѣмъ корыстоваться не должны. Также, если пойдутъ на васъ Татары, Литва, или Нѣмцы, то мнѣ идти самому къ вамъ на помощь съ братьями, а нужно будетъ мнѣ котораго брата оставить у себя на сторожу, и я оставлю. А къ Ордѣ, тебѣ, и къ царю, путь чистъ, и твоимъ дѣтямъ, и твоимъ внучатамъ, и всякимъ людямъ“. Этотъ договоръ заключенъ совершенно на равныхъ правахъ, даже у тверского князя болѣе правъ, чѣмъ у московскаго, безъ сомнѣнія вслѣдствіе возраста Михаила Александровича: такъ послѣдній ни въ какомъ случаѣ не обязывается самъ выступать въ походъ.

Что касается формы договорныхъ грамотъ, то до временъ великаго князя Василія Димитріевича онѣ обыкновенно начинались словами: „По благословенію отца нашего митрополита“; первая дошедшая до насъ договорная грамота, начинающаяся словами: „Божіею милостію и Пречистыя Богоматери“, есть договорная грамота Василія Димитріевича съ тверскимъ княземъ Михаиломъ; постоянно же эта форма начинаетъ встрѣчаться въ договорныхъ грамотахъ со временъ Василія Васильевича Темнаго, именно начиная съ договора его съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ серпуховскимъ. Послѣ этихъ словъ слѣдуютъ слова: „На семъ, на всемъ (имярекъ), цѣлуй ко мнѣ крестъ (имярекъ). Оканчиваются грамоты такими же словами: „А на семъ на всемъ цѣлуй ко мнѣ крестъ по любви въ правду, безъ хитрости“. Когда, вслѣдствіе извѣстныхъ стремленій, вражда между родичами, между великимъ княземъ и удѣльными, дошла до крайности, когда мирились только по нуждѣ, съ враждою въ сердцѣ, съ намѣреніемъ нарушить миръ при первомъ удобномъ случаѣ, то начали употреблять болѣе сильныя нравственныя сред-

ства, для того, чтобы побудить къ сохраненію договора: явились такъ называемыя проклятыя грамоты.—Но эти проклятыя грамоты, это усиленіе нравственныхъ принужденій, не достигало цѣли, и служитъ для насъ только признакомъ крайняго усиленія борьбы, при которой враждующіе дѣйствовали по инстинкту самосохраненія, не разбирая средствъ, не сдерживаясь никакими нравственными препятствіями.—Что касается формы духовныхъ завѣщаній княжескихъ, то они начинались слѣдующими словами: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Се азъ грѣшный худый рабъ Божій (имярекъ) пишу душевную грамоту, ни кѣмъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи".

При обзорѣ распредѣленія волостей княжескихъ мы видѣли, какую важную долю изъ нихъ князья давали обыкновенно своимъ женамъ. Этому богатому надѣленію соотвѣтствовало и сильное нравственное и политическое вліяніе, какое уступалось имъ по духовнымъ завѣщаніямъ мужей. Калита въ своемъ завѣщаніи приказываетъ княгиню свою съ меньшими дѣтьми старшему сыну Семену, который долженъ быть по Богѣ ея печальникомъ. Здѣсь завѣщатель не предписываетъ сыновьямъ, кромѣ попеченія, никакихъ обязанностей относительно жены своей, потому что эта жена, княгиня Ульяна, была имъ мачиха. До какой степени мачиха и ея дѣти были чужды тогда дѣтямъ отъ первой жены, доказательствомъ служитъ то, что сынъ Калиты, Іоаннъ II, не иначе называетъ свою мачиху, какъ княгинею Ульяною только, дочь ея не называетъ сестрою [224]; это объясняетъ намъ старинныя отношенія сыновей и внуковъ Мстислава Великаго къ сыну его отъ другой жены, Владиміру Мстиславичу, мачешичу.—Иначе опредѣляются отношенія сыновей къ роднымъ матерямъ по духовнымъ завѣщаніямъ княжескимъ: Донской приказываетъ дѣтей своихъ княгинѣ: „а вы, дѣти мои, говоритъ онъ, живите заодно, а матери своей слушайтесь во всемъ; если кто изъ сыновей моихъ умретъ, то княгиня моя подѣлитъ его удѣломъ остальныхъ сыновей моихъ: кому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ея воли не выйдутъ. Дастъ мнѣ Богъ сына, и княгиня моя подѣлитъ его, взявши по части у большихъ его братьевъ. Если у кого-нибудь изъ сыновей моихъ убудетъ отчины, чѣмъ я его благословилъ, то княгиня моя подѣлитъ сыновей моихъ изъ ихъ удѣловъ: а вы, дѣти мои, матери слушайтесь. Если отниметъ Богъ сына моего, князя Василья, то удѣлъ его идетъ

тому сыну моему, который будетъ подъ нимъ, а удѣломъ послѣдняго княгиня моя подѣлитъ сыновей моихъ: а вы, дѣти мои, слушайтесь своей матери: что кому дастъ, то того и есть. А приказалъ я своихъ дѣтей своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, слушайтесь своей матери во всемъ, изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ. А который сынъ мой не станетъ слушаться своей матери, на томъ не будетъ моего благословенія".

Договоръ великаго князя Василія Димитріевича съ братьями начинается такъ: „По слову и благословенію матери нашей Авдоты. Въ договоръ свой съ братомъ Юріемъ Василій вноситъ слѣдующее условіе: „А матерь свою намъ держать въ матерствѣ и въ чести". Сыну своему Василій Димитріевичъ наказываетъ держать свою мать въ чести и матерствѣ: какъ Богъ реклъ; въ другомъ завѣщаніи обязываетъ сына почитать мать точно такъ же, какъ почиталъ отца. Князь Владиміръ Андреевичъ серпуховской даетъ своей женѣ право судить окончательно споры между сыновьями, приказываетъ послѣднимъ чтить и слушаться матери. То же самое приказываетъ сыновьямъ и Василій Темный.—Относительно княгинь вдовъ и дочерей ихъ въ завѣщаніи Владиміра Андреевича находимъ слѣдующее распоряженіе: „Если Богъ отниметъ котораго нибудь изъ моихъ сыновей, и останется у него жена, которая не пойдетъ за мужъ, то пусть она съ своими дѣтьми сидитъ въ удѣлѣ мужа своего, когда же умретъ, то удѣлъ идетъ сыну ея, моему внуку; если же останется дочь, то дѣти мои всѣ брата своего дочь выдадутъ за мужъ, и брата своего удѣломъ подѣлятся всѣ поровну. Если же не будетъ у нея вовсе дѣтей, то и тогда пусть сноха моя сидитъ въ удѣлѣ мужа своего до смерти и поминаетъ нашу душу, а дѣти мои до ея смерти въ брата своего удѣлъ не вступаются никакимъ образомъ".

Мы видѣли, что волости, оставляемыя княгинямъ, раздѣлялись на такія, которыми онѣ не имѣли права располагать въ своихъ завѣщаніяхъ, и на такія, которыми могли распорядиться произвольно: послѣднія назывались о п р и ч н и н а м и. Но кромѣ того въ московскомъ княжествѣ были такія волости, которыя постоянно находились во владѣніи княгинь, назначались на ихъ содержаніе; эти волости назывались к н я г и н и н с к и м и п о ш л ы м и. Относительно ихъ великій князь Василій Димитріевичъ въ завѣщаніи своемъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе: „Что касается селъ кня-

гининскихъ пошлыхъ, то они принадлежатъ ей; вѣдаетъ она ихъ до тѣхъ поръ, пока женится сынъ мой, послѣ чего она должна отдать ихъ княгинѣ сына моего, своей снохѣ, тѣ села, которыя были издавна за княгинями".

Во всѣхъ этихъ волостяхъ княгиня была полною владѣтельницею. Димитрій Донской на этотъ счетъ распоряжается такъ: „До какихъ мѣстъ свободскіе волостели судили тѣ свободы при мнѣ, до тѣхъ же мѣстъ судятъ и волостели княгини моей. Если въ тѣхъ волостяхъ, слободахъ и селахъ, которыя я взялъ изъ удѣловъ сыновей моихъ и далъ княгинѣ моей, кому-нибудь изъ сиротъ (крестьянъ) случится пожаловаться на волостелей, то дѣло разберетъ княгиня моя (учинитъ исправу), а дѣти мои въ то не вступаются".— Владиміръ Андреевичъ распорядился такъ: „На мытниковъ и таможниковъ городецкихъ дѣти мои приставовъ своихъ не даютъ и не судятъ ихъ: судитъ ихъ, своихъ мытниковъ и таможниковъ, княгиня моя".

Духовенство, во имя религіи, поддерживало всѣ эти отношенія сыновей къ матерямъ, какъ они опредѣлялись въ духовныхъ завѣщаніяхъ княжескихъ. Митрополитъ Іона писалъ князьямъ, которые отнимали у матери своей волости, принадлежащія ей по завѣщанію отца [225]: „Дѣти! Била мнѣ челомъ на васъ мать ваша, а моя дочь, жалуется на васъ, что вы поотнимали у нея волости, которыя отецъ вашъ далъ ей въ опричнину, чтобы было ей чѣмъ прожить, а вамъ далъ особые удѣлы. И это вы, дѣти, дѣлаете богопротивное дѣло, на свою душевную погибель и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ.... Благословляю васъ, чтобы вы своей матери челомъ добили, прощеніе у ней выпросили, честь бы ей обычную воздавали, слушались бы ея во всемъ, а не обижали, пусть она вѣдаетъ свое, а вы свое, по благословенію отцовскому. Отпишите къ намъ, какъ вы съ своею матерью управитесь: и мы за васъ будемъ Бога молить, по своему святительскому долгу, и по вашему чистому покаянію. Если же станете опять гнѣвить и оскорблять свою мать, то дѣлать нечего, самъ боясь Бога и по своему святительскому долгу, пошлю за своимъ сыномъ, за вашимъ владыкою и за другими многими священниками, да взглянувши вмѣстѣ съ ними въ божественныя правила, поговоривъ и разсудивъ, возложимъ на васъ духовную тягость церковную, свое и прочихъ священниковъ неблагословеніе."

Таковы были междукняжескія отношенія въ сѣверовосточной Руси. Мы видимъ, что переходъ родовыхъ отношеній въ государственныя, переходъ удѣльныхъ князей изъ родичей въ служебниковъ, по скольку онъ выражается въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ, совершается очень медленно, благодаря именно долгому господству родовыхъ княжескихъ отношеній и вслѣдствіе того, что великій князь долженъ здѣсь усиливать свою власть на счетъ ближайшихъ родственниковъ, выгоды которыхъ требуютъ поддержанія старыхъ родовыхъ формъ при опредѣленіи отношеній въ договорахъ, хотя, разумѣется, при перемѣнѣ отношеній на дѣлѣ, при новыхъ стремленіяхъ и понятіяхъ, и самыя родовыя формы измѣняются и показываютъ ясно разрушеніе старыхъ отношеній: такъ, напримѣръ, выраженія, встрѣчающіяся въ договорахъ описываемаго времени: держать дядею, держать племянникомъ, держать братомъ ровнымъ— не имѣютъ смысла при родовыхъ отношеніяхъ, гдѣ существуютъ только отношенія отца къ дѣтямъ, гдѣ дядя есть отецъ, старшій братъ—отецъ, племянникъ, младшій братъ—сыновья. Обязательство удѣльнаго князя—служить великому, и обязательство послѣдняго кормить удѣльнаго, смотря по службѣ, являются разъ въ договорѣ Димитрія Донского съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, и потомъ исчезаютъ вслѣдствіе того, что Василій Димитріевичъ и Василій Васильевичъ находятся въ менѣе выгодномъ положеніи относительно родичей. Даже довольно неопредѣленное выраженіе: „Держать великое княженіе честно и грозно"—утверждается не вдругъ въ договорныхъ грамотахъ. Договоровъ служебныхъ князей съ тѣми князьями, къ которымъ они вступали въ службу съ отчинами, изъ сѣверовосточной Руси до насъ не дошло; но мы имѣемъ довольное число такихъ договоровъ изъ Руси югозападной. Въ 1448 году князь Ѳедоръ Львовичъ Воротынскій, взявши городъ Козельскъ въ намѣстничество изъ руки Казимира, короля польскаго и великаго князя литовскаго, записался своему государю безъ лести и безъ хитрости [226]. Король Казимиръ въ 1455 году пишетъ: что далъ вотчину князю Воротынскому, узрѣвши вѣрную его службу [227]. Договорная грамота князей Новосильскихъ и Одоевскихъ съ Казимиромъ начинается тѣмъ, что означенные князья били челомъ господарю великому князю, чтобы принялъ ихъ въ службу. Тотъ пожаловалъ, принялъ ихъ въ службу и они обязываются служить ему вѣрно во всемъ, безъ всякой хитрости, и

быть во всемъ послушными, давать ему ежегодную дань (полѣтное), быть въ его волѣ, имѣть однихъ друзей и враговъ. Казимиръ, съ своей стороны, обязывается держать ихъ въ чести и въ жалованьѣ, оборонять отъ всякаго; обязывается и за наслѣдниковъ своихъ не нарушать договора, не вступаться въ ихъ отчину; въ противномъ случаѣ крестное цѣлованіе съ нихъ долой и они становятся вольными; обязывается судъ и исправу давать имъ во всякихъ дѣлахъ чистыя, безъ перевода: судьи королевскіе съѣзжаются съ ихъ судьями и судятъ, поцѣловавши крестъ безъ всякой хитрости: если возникнетъ у судей споръ, то дѣло переносится на рѣшеніе великаго князя; споры самихъ князей между собою отдаются также на рѣшеніе Казимира [224]. Любопытно сравнить дошедшую до насъ духовную грамоту Ольгердова внука, князя Андрея Владиміровича, съ духовными грамотами московскихъ князей; и въ этихъ письменныхъ памятникахъ, какъ во всякихъ другихъ, высказывается различіе въ характерѣ странъ, гдѣ они писаны. И московскія и южно-русское завѣщанія начинаются словами: „Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа,“ послѣ чего въ московскихъ, какъ мы видѣли, означается, что завѣщатель находился въ добромъ здоровьѣ, душевномъ и тѣлесномъ,—замѣчаніе, необходимое для того, чтобы духовная имѣла полную силу,—и потомъ, безъ всякихъ околичностей, излагаются распоряженія завѣщателя. Въ духовной же Гедиминовича нѣтъ замѣчанія о душевномъ и тѣлесномъ здравіи: вмѣсто того завѣщатель распространяется, какъ онъ съ женою и дѣтьми пріѣхалъ въ Кіевъ Богу молиться, поклонился всѣмъ святынямъ, благословился у архимандрита Николая, поклонился гробамъ родственниковъ и всѣхъ святыхъ старцевъ, и сталъ размышлять въ своемъ сердцѣ: сколько тутъ гробовъ, а вѣдь всѣ эти мертвецы жили на семъ свѣтѣ и пошли всѣ къ Богу; пораздумавъ, что скоро и ему туда придется идти, гдѣ отцы и братья, князь почелъ приличнымъ написать духовное завѣщаніе [225].

Мы видѣли, что прежде к н я з ь было общимъ, неотъемлемымъ названіемъ для всѣхъ членовъ Рюрикова рода, а старшій въ этомъ родѣ князь назывался великимъ, при чемъ мы видѣли, что названіе в е л и к і й к н я з ь придавалось иногда и младшему въ родѣ просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю. Въ описываемое время на сѣверѣ, при ослабленіи родовой связи, родового единства, при стремленіи князей къ особности, независимости, мы должны ожидать, что явится много князей, которые въ

одно и то же время будутъ величать себя названіемъ великихъ, и не обманываемся въ своихъ ожиданіяхъ: князья московскіе носятъ это названіе по праву, обладая постоянно старшимъ столомъ владимірскимъ, но въ то же самое время называютъ себя великими князья тверскіе и рязанскіе, въ родѣ князей рязанскихъ—князья пронскіе, стремясь постоянно къ независимости, называютъ себя также великими; наконецъ видимъ, что по прежнему, и тѣ младшіе, удѣльные князья, которые въ офиціальныхъ памятникахъ никогда не смѣютъ называть себя великими, въ памятникахъ неофиціальныхъ, изъ учтивости величаются этимъ названіемъ: такъ св. Кириллъ Бѣлозерскій въ духовной своей называетъ великимъ княземъ удѣльнаго можайскаго, Андрея Димитріевича [230]. Прежде, когда все вниманіе обращалось на родовыя отношенія князей, а не на владѣнія, старшему великому князю противополагались младшіе, но теперь, когда родовыя отношенія стали рушиться, отношенія же по владѣніямъ и зависимости начали выдвигаться на первый планъ, въ противоположность великому князю для младшихъ являются названія удѣльныхъ и помѣстныхъ князей [231]. Мы видѣли, что и прежде нѣкоторые князья назывались великими князьями всея Руси, какъ, напримѣръ, Мономахъ, Юрій Долгорукій; въ описываемое время, изъ офиціальныхъ памятниковъ видимъ, что уже Іоаннъ Калита называется великимъ княземъ всея Руси [232] и потомъ всѣ его преемники. Изъ прежнихъ названій княжескихъ встрѣчаемъ Господинъ; вновь являются Господарь и Государь. Что касается происхожденія перваго слова, то оно одинаково съ происхожденіемъ слова князь: оспода означаетъ семью, осподарь—начальника семьи, отца семейства [233]; должно замѣтить также, что первое названіе употребительнѣе на югѣ, второе на сѣверѣ. Господинъ и господарь встрѣчаются въ соединеніи, напр. „занеже, господине князь великій, намъ твоимъ нищимъ нѣчимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею, и твоимъ, господине, жалованіемъ нашего господина и господаря" [234]. Что значеніе слова господарь или государь было гораздо важнѣе значенія прежняго господинъ, свидѣтельствуетъ упорное сопротивленіе Новгородцевъ ввести его въ употребленіе вмѣсто господинъ. Господарь противополагается служащимъ: „Кто кому служитъ, тотъ съ своимъ господаремъ и ѣдетъ [235]." Для великихъ князей встрѣчаемъ названія: Великаго Го-

сударя Земскаго [236], Великаго Государя Русскаго [237], Великаго Господаря, Самодержца [238]. Самый полный титулъ великаго князя московскаго для внѣшнихъ сношеній встрѣчаемъ въ договорной грамотѣ его съ Казимиромъ, королемъ польскимъ: „По Божьей воли и по нашей любви, Божьею милостью, се язъ князь великій Василій Васильевичъ, Московскій, и Новгородскій, и Ростовскій, и Пермьскій и иныхъ [239]." — Попрежнему подданные, все остальное народонаселеніе, противополагаются князьямъ подъ названіемъ черныхъ людей [240].

При подлинныхъ грамотахъ княжескихъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, находятся печати князей съ различными изображеніями и надписями. На печати Іоанна Даниловича Калиты съ одной стороны находится изображеніе Іисуса Христа, на другой св. Іоанна; вокругъ надпись: „печать великаго князя Ивана". У Симеона Гордаго на одной сторонѣ печати изображеніе святаго Симеона, на другой надпись: „печать князя великаго Семенова всея Руси". У брата его Іоанна II на одной сторонѣ печати изображеніе святого Іоанна съ надписью: „Агіосъ Іоаннъ", на другой надпись: „печать князя великаго Ивана Ивановича". У Димитрія Донского на одной сторонѣ печати изображеніе св. Димитрія, на другой надпись: „печать князя великаго Димитрія;" но на другой печати того же князя встрѣчаемъ надпись съ прибавленіемъ всея Руссіи. У Василія Димитріевича нѣсколько печатей; на одной изображеніе св. Василія Кесарійскаго и надпись: „печать князя великаго Васильева Димитріевича всея Руси;" на другой изображеніе всадника съ копьемъ, обращеннымъ остріемъ книзу; третья печать имѣетъ изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ, и разныя другія. На печати Василія Темнаго виденъ всадникъ съ копьемъ, находящимся въ покойномъ положеніи, остріемъ вверхъ. На печати тверского князя Бориса Александровича встрѣчаемъ также изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ.

И въ описываемое время вступленіе князя на столъ сопровождалось обрядомъ посаженія. Вотъ какъ описывается посаженіе Александра Невскаго во Владимірѣ: преосвященный Кириллъ митрополитъ встрѣтилъ его со крестами, со священнымъ соборомъ и со множествомъ людей, и посадилъ его на великомъ княженіи во Владимірѣ на столъ отца его, съ пожалованіемъ царевымъ (ханскимъ) [241]. Великій князь Василій Димитріевичъ былъ

посаженъ на столъ посломъ Тохтамышевымъ [242], Василія Васильевича посадилъ на столъ посолъ ханскій у Пречистыя, у Золотыхъ дверей [243]. Такимъ образомъ въ этомъ самомъ обрядѣ обозначалась ясно зависимость русскихъ князей отъ хановъ татарскихъ; теперь, слѣдовательно, для удовлетворительнѣйшаго рѣшенія вопроса о значеніи князя на Руси въ описываемое время мы должны постараться опредѣлить степень зависимости его отъ хана; зависимость эта выражалась ли только въ необходимости требовать ханскаго утвержденія, ханскаго ярлыка и въ обязанности платить дань, или она имѣла вліяніе на внутреннюю дѣятельность князя, стѣсняла его? Здѣсь, разумѣется, прежде всего должно рѣшить вопросъ о томъ, какъ ханъ могъ наблюдать за дѣятельностію князя, имѣлъ ли онъ при немъ постояннаго представителя своего, намѣстника? Въ извѣстномъ разсказѣ объ Ахматѣ, баскакѣ курскомъ, лѣтописецъ говоритъ, что Ахматъ держалъ баскачество курскаго княженія, другіе же Татары держали баскачество по инымъ городамъ, во всей Русской землѣ, и были велики [244]. Въ повѣсти о мученіи св. Михаила Черниговскаго сказано, что Батый поставилъ намѣстниковъ и властелей своихъ по всѣмъ городамъ русскимъ [245]. Въ извѣстіи о перечисленіи говорится, что численники поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, и, урядивши все, возвратились въ Орду [246]. Подъ 1262 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что по всѣмъ городамъ русскимъ былъ совѣтъ на Татаръ, которыхъ Батый и потомъ сынъ его Сартакъ посажали властелями по всѣмъ городамъ русскимъ. Князья, согласившись между собою, выгнали Татаръ, потому что было отъ нихъ насиліе: богатые люди откупали у Татаръ дани и корыстовались при этомъ сами, а многіе бѣдные работали въ ростахъ. Тогда же при изгнаніи и убіеніи Татаръ, въ Ярославлѣ убили отступника Зосиму или Изосима, который, съ позволенія п о с л а ханскаго, дѣлалъ много зла христіанамъ [247]. Въ 1269 году великій князь Ярославъ Ярославичъ, сбираясь идти на Нѣмцевъ, пришелъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ Амраганомъ, великимъ баскакомъ владимірскимъ [248]. Потомъ великій князь Василій Ярославичъ съ тѣмъ же самымъ Амраганомъ воевалъ волости новгородскія [249]. Подъ 1275 годомъ упоминается о второмъ перечисленіи [250]; подъ 1290 о возстаніи жителей ростовскихъ на Татаръ, которые были ограблены [251]. Послѣ извѣстія объ Амраганѣ мы не встрѣчаемъ на сѣверѣ извѣстій о баскакахъ,

встрѣчаемъ баскака только разъ на югѣ, въ Курской области, подъ 1284 годомъ—ясный знакъ, что на сѣверѣ баскаковъ больше не было, иначе лѣтописи не могли бы умолчать о нихъ въ разсказѣ о событіяхъ, въ которыхъ Татары принимали важное участіе, какъ напримѣръ въ борьбѣ между сыновьями Невскаго; упоминаются только одни послы, временно являвшіеся въ русскихъ городахъ. Послѣ 1275 года не упоминается болѣе о перечисленіи—ясный знакъ, что ханы, по разнымъ причинамъ, начали оказывать полную довѣренность князьямъ и что послѣдніе взяли на себя доставку дани въ Орду; но еще подъ 1266 годомъ лѣтописецъ говоритъ объ ослабѣ отъ насилія татарскаго по смерти хана Берге. Уже князь Андрей Александровичъ Городецкій взводилъ въ Ордѣ обвиненіе на старшаго брата Димитрія переяславскаго, будто тотъ не хочетъ платить дани хану: конечно, еслибы въ это время находился въ Россіи баскакъ, или главный сборщикъ податей, д о р о г а, то не родному брату пришлось бы доносить на Димитрія, и ханъ не сталъ бы основываться на однихъ Андреевыхъ доносахъ; если же въ этихъ дѣлахъ были замѣшаны и баскаки, и дороги, то какимъ образомъ лѣтописецъ умолчалъ о нихъ? не умолчалъ же онъ о Кавгадыѣ. Такимъ образомъ чрезъ удаленіе баскаковъ, численниковъ и сборщиковъ дани князья освобождались совершенно отъ татарскаго вліянія на свои внутреннія распоряженія; но и во время присутствія баскаковъ мы не имѣемъ основанія предполагать большаго вліянія ихъ на внутреннее управленіе, ибо не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого вліянія.

На югозападѣ самое подробное описаніе вступленія княжескаго на столъ читаемъ въ разсказѣ волынскаго лѣтописца о вступленіи Мстислава Даниловича на столъ владимірскій, оставленный ему по распоряженію двоюроднаго брата Владиміра Васильковича: Мстиславъ пріѣхалъ въ соборную церковь, созвалъ бояръ и гражданъ, Русскихъ и Нѣмцевъ, которымъ прочли Владимірово завѣщаніе, и слышали всѣ отъ мала до велика, послѣ чего епископъ благословилъ Мстислава крестомъ воздвизальнымъ на княженіе. Здѣсь, на югѣ, жители Бреста не хотѣли признавать Мстислава своимъ княземъ, не хотѣли исполнять завѣщанія Владимірова; на сѣверѣ не видимъ ничего подобнаго, не встрѣчаемъ также извѣстій о рядахъ или уговорахъ гражданъ съ князьями; не встрѣчаемъ извѣстій о томъ, чтобы князья созывали вѣча и объявляли народу о походѣ.

Князья, попрежнему, чаще сами предводительствуютъ войскомъ, чѣмъ посылаютъ воеводъ; но ни въ одномъ изъ нихъ не замѣчаемъ такой охоты къ бою, какую видѣли въ князьяхъ старой, южной Руси.

Законодательная дѣятельность князей выразилась въ описываемое время на сѣверѣ въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Димитріевича на Двину [252], въ судной грамотѣ великаго князя Александра Михайловича, данной Пскову, и въ уставной грамотѣ князя Константина Димитріевича, данной тому же городу [253]. Въ 1395 году митрополитъ Кипріанъ писалъ Псковичамъ: „Слышалъ я, что суздальскій владыка Діонисій, будучи во Псковѣ, составилъ грамоту и присоединилъ ее къ грамотѣ великаго князя Александра—по чему ходить, какъ судить, кого какъ казнить, да написалъ и проклятіе на того, кто начнетъ поступать иначе. Діонисій владыка сдѣлалъ это не свое дѣло, не по закону и не по правиламъ. Если великій князь Александръ написалъ грамоту, по чему ходить: *то воленъ въ томъ всякій царь, въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженьи—всякія дѣла рѣшить и грамоты записывать*; такъ и великій князь Александръ воленъ былъ написать грамоту, по чему ходить, на христіанское добро, а *Діонисій владыка вплелся не въ свое дѣло*, написалъ грамоту негодную, и я эту грамоту рушаю. Вы же, дѣти мои Псковичи, какъ прежде ходили по грамотѣ князя великаго Александра, какъ была это у васъ старина: такъ и теперь по той старинѣ ходите; а грамоту Діонисіеву пришлите ко мнѣ, я самъ ее раздеру; то грамота не въ грамоту, а что написалъ онъ тамъ проклятіе и неблагословеніе патріаршее, и я это проклятіе снимаю и благословляю васъ. Ходите, дѣти, по своему обычаю (по своей пошлинѣ) и по старинѣ суды судите: кого виноватаго пожалуете, вольны, показните ли за какую вину, также вольны; дѣлайте по старинѣ, чисто и безъ грѣха, какъ и всякіе христіане дѣлаютъ". О дѣятельности князя относительно суда и расправы такъ читаемъ въ договорѣ Димитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ: великій князь говоритъ двоюродному брату: „Судовъ тебѣ московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судить, а стану я судить московскіе суды, то я буду этимъ съ тобою дѣлиться. Если случится мнѣ не быть въ Москвѣ, и ударитъ мнѣ челомъ Москвитинъ на Москвитина, то я дамъ пристава и пошлю къ своимъ на-

мѣстникамъ, чтобъ они рѣшили дѣло, вмѣстѣ съ твоими намѣстниками. Если же ударитъ мнѣ челомъ кто изъ великаго княженія на Москвитина, на твоего боярина, то я пошлю за нимъ пристава, а ты пошлешь за своимъ своего боярина. Если же ударитъ мнѣ челомъ мой на твоего, кто живетъ въ твоемъ удѣлѣ, то я пошлю къ тебѣ, а ты рѣшишь дѣло; а ударитъ тебѣ челомъ твой на моего, кто живетъ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженіи, то ты пошлешь ко мнѣ, и я рѣшу дѣло, а послать намъ за ними своихъ бояръ [254].

Мы видимъ, что по прошествіи извѣстнаго времени Россія освободилась отъ татарскихъ численниковъ, и сами князья стали собирать дань съ своихъ волостей и доставлять въ Орду. О томъ, какъ собиралась дань въ волостяхъ, составлявшихъ общее владѣніе Калитина потомства, можно найти извѣстія въ условіяхъ договора между Димитріемъ Донскимъ и Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ: „Если мнѣ, говоритъ великій князь, придется послать своихъ данщиковъ въ городъ и на перевозы и въ волости княгини Ульяны, то тебѣ своихъ данщиковъ слать съ моими данщиками вмѣстѣ, а въ твой удѣлъ мнѣ своихъ данщиковъ не всылать"; слѣдовательно, каждый удѣльный князь собиралъ въ своемъ удѣлѣ дань независимо, и потомъ отдавалъ ее великому князю для доставленія въ Орду. Въ другомъ договорѣ тѣхъ же князей говорится: „Что наши данщики сберутъ въ городѣ (Москвѣ), въ станахъ и въ варяхъ, тому идти въ мою (в. князя) казну, а мнѣ давать въ выходъ". Послѣ того, какъ поголовное перечисленіе не возобновлялось болѣе, то количество выхода, разумѣется, стало зависѣть отъ соглашеній великихъ князей съ ханами. Безъ сомнѣнія съ самаго начала великіе князья предложили ханамъ большую сумму денегъ, чѣмъ та, которую доставляли татарскіе численники и откупщики; потомъ эта сумма должна была измѣняться вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ; такъ напр. мы видѣли, что иногда князья, соперничествуя изъ ярлыка, надбавляли количество выхода [255]. Мамай требовалъ отъ Димитрія Донского дани, какую предки послѣдняго платили ханамъ Узбеку и Чанибеку, а Димитрій соглашался только на такую дань, какая въ послѣднее время была условлена между нимъ самимъ и Мамаемъ; нашествіе Тохтамыша и задержаніе въ Ордѣ сына великокняжескаго Василія заставили потомъ Донского заплатить огромный выходъ: была дань великая по всему княженію Мо-

сковскому, говоритъ лѣтописецъ, брали по полтинѣ съ деревни, давали и золотомъ въ Орду. Въ завѣщаніи своемъ Димитрій Донской упоминаетъ о выходѣ въ 1.000 рублей со всѣхъ волостей, принадлежавшихъ его сыновьямъ; здѣсь доля каждаго изъ пяти удѣловъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: коломенскаго—342 рубля, звенигородскаго—272, можайскаго съ отъѣздными мѣстами—235, дмитровскаго — 111 рублей, удѣла князя Ивана 10 рублей. Доля выхода, падавшая на княжество Серпуховское, удѣлъ Владиміра Андреевича, не могла быть здѣсь означена, и такимъ образомъ мы лишены средства сравнить серпуховской удѣлъ съ другими удѣлами Московскаго княжества относительно количества выхода, и слѣдовательно относительно матеріальныхъ средствъ. Доля серпуховского удѣла опредѣлена въ договорѣ великаго князя Василія Димитріевича съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ и въ завѣщаніи послѣдняго: эта доля состояла изъ 320 рублей; но количество всего выхода въ обоихъ случаяхъ означено другое, именно 5.000 рублей; наконецъ во второмъ договорѣ Василія Димитріевича съ княземъ серпуховскимъ встрѣчаемъ извѣстіе о выходѣ въ 7.000 рублей; изъ тѣхъ же источниковъ узнаемъ, что Нижегородское княжество платило выходу 1.500 рублей. Извѣстна также доля каждаго изъ пяти удѣловъ, на которые раздробилось Серпуховское княжество по смерти Владиміра Андреевича: княгиня съ своего участка платила 88 рублей, князь серпуховской 48 рублей съ половиною, князь боровскій 33 рубля, князь ярославльскій 76, князь радонежскій 42; князь перемышльскій 41; съ Городца князья Семенъ и Ярославъ платили 160 рублей въ нижегородскій выходъ (1.500 рублей); съ Углича 105 рублей. Здѣсь останавливаетъ насъ малость доли князя Семена боровскаго—33 рубля; любопытно также, что средства одного Городца превышали средства двухъ удѣловъ князей Семена и Ярослава, Боровска и Ярославля. Въ эти у р о к и, въ эту опредѣленную сумму, которую долженъ былъ вносить каждый удѣлъ для выхода, не входила чрезвычайная дань, которую князья брали съ своихъ бояръ большихъ и путныхъ, по кормленію и путямъ [56]. Это выраженіе: брать дань по кормленію и путямъ, также: брать дань на московскихъ станахъ и на городѣ на Москвѣ, съ противоположеніемъ дани, взятой на численныхъ людяхъ; выраженіе положить дань на волости по л ю д е м ъ п о с и л ѣ: наконецъ выраженіе: потянуть данью по землѣ и по водѣ—всѣ эти выраженія уже по-

казываютъ, что дань бралась не поголовно. Великій князь Василій Васильевичъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: „Какъ начнутъ дѣти мои жить по своимъ удѣламъ, то княгиня моя и дѣти пошлютъ писцовъ, которые опишутъ ихъ удѣлы по крестному цѣлованію, обложатъ данью по сохамъ и по людямъ, и по этому окладу княгиня и дѣти мои станутъ давать въ выходъ сыну моему Ивану". Едигей въ письмѣ къ великому князю Василію Димитріевичу говоритъ, что послѣдній во всѣхъ своихъ владѣніяхъ бралъ дань по рублю съ двухъ сохъ, но серебра этого не присылалъ въ Орду. Измѣнчивость выхода выражается обычнымъ въ княжескихъ договорахъ условіемъ: „А прибудетъ дани больше или меньше, взять ее по тому же разсчету" и т. п. Со временъ Донского обычною статьею въ договорахъ и завѣщаніяхъ княжескихъ является то условіе, что если Богъ освободитъ отъ Орды, то удѣльные князья берутъ дань, собранную съ ихъ удѣловъ, себѣ, и ничего изъ нея не даютъ великому князю: такъ продолжаютъ сохранять они родовое равенство въ противоположность подданству, всего рѣзче обозначенному данью, которую князья западной Руси уже платятъ великому князю литовскому.

Кромѣ выхода или дани были еще другого рода издержки на Татаръ, ордынскія тягости и проторы. Таковъ былъ ямъ—обязанность доставлять подводы татарскимъ чиновникамъ [257], содержаніе посла татарскаго и его многочисленной хищной свиты [258]; наконецъ поѣздки князей въ Орду, гдѣ должно было дарить хана, женъ его, вельможъ и всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ людей; не удивительно, что у князей иногда не доставало денегъ и они должны были занимать ихъ въ Ордѣ у тамошнихъ бесерменскихъ купцовъ, а чтобы заплатить потомъ послѣднимъ, занимать у своихъ русскихъ купцовъ; отсюда долги княжескіе раздѣляются въ ихъ договорахъ на долгъ бесерменскій и русскій: князь звенигородскій Юрій Димитріевичъ въ договорѣ съ племянникомъ Василіемъ Васильевичемъ говоритъ: „что я занялъ у гостей и у суконниковъ 600 рублей, и заплатилъ твой ордынской долгъ Резепъ-Хозѣ и Абину въ кабалы, и на кабалахъ подписалъ это серебро, то ты сними съ меня этотъ долгъ 600 рублей, а съ тѣми гостями вѣдайся самъ безъ меня: я только назову тебѣ тѣхъ людей, у которыхъ я занялъ деньги". Какъ средства великаго князя превосходили средства удѣльныхъ, видно изъ того, что онъ не рѣдко имѣлъ

возможность жаловать послѣднихъ, позволяя имъ извѣстное время не платить выхода съ цѣлаго удѣла или съ части его.

Дань шла въ казну княжескую тогда только, когда не было запросовъ изъ Орды, то-есть, когда считали возможнымъ не удовлетворять этимъ запросамъ; постоянные же доходы княжескіе состояли по прежнему въ пошлинахъ торговыхъ, судныхъ и доходовъ съ земельной частной собственности. Торговыя пошлины въ княжескихъ договорахъ опредѣляются такимъ образомъ: князья требуютъ обыкновенно другъ отъ друга, чтобы новыхъ мытовъ не замышлять, старые же, обычные мыты, состоятъ въ слѣдующихъ сборахъ: съ воза пошлины деньга, съ человѣка костокъ деньга, если кто поѣдетъ безъ воза, верхомъ на лошади, но для торговли, платитъ деньгу же; кто утаится отъ мытника, промытится, то платитъ съ воза промыты 6 алтынъ, да заповѣди столько же, сколько бы возовъ ни было; промыта состоитъ въ томъ, когда кто объѣдетъ мытъ; если же кто проѣдетъ мытъ, а мытника у заставы (завора) не будетъ, то промыты нѣтъ; если мытникъ догонитъ купца, то пусть возьметъ свой мытъ, но промыты и заповѣди здѣсь нѣтъ. Съ лодьи пошлина: съ доски два алтына, со струга алтынъ. Тамги и осмничаго берется отъ рубля алтынъ; но тамга и осмничее берется только тогда, когда кто начнетъ торговать; если же поѣдетъ только мимо, то знаетъ свой мытъ да костки, а другихъ пошлинъ нѣтъ; если же кто поѣдетъ безъ торгу, то съ того ни мыта нѣтъ [259], ни пошлинъ.

Кромѣ означенныхъ пошлинъ въ источникахъ упоминаются еще: гостинное, вѣсчее, пудовое, пошлина съ серебрянаго литья [260], рѣзанка, шестьдесятъ, побережное [261], пятно (пошлина съ положенія клейма на лошадей) [262], пошлины съ соляныхъ варницъ (противень, плошки [263]), сторожевое медовое [264], ѣзовое (пошлина съ рыбныхъ промысловъ) [265], закось или закосная пошлина [266], повatажное [267], портное [268].

Изъ судныхъ пошлинъ упоминаются: вина, поличное [269], безадщина [270], татинъ рубль [271], пересудъ [272] и проч. Наконецъ упоминается пошлина съ браковъ, или такъ называемая новоженная куница [273]. Въ описываемое время не встрѣчаемъ упоминовенія о двухъ отрасляхъ княжескихъ доходовъ, которые подъ именемъ полюдья и погородья упоминаются въ извѣстной грамотѣ князя Ростислава смоленскаго. Обычай князей ѣздить на полюдье, т.-е.

объѣзжать свою волость, вершить дѣла судныя и брать дары, упоминается еще въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго, потомъ встрѣчаемъ упоминовеніе о немъ въ лѣтописи въ концѣ XII вѣка, но потомъ это названіе исчезаетъ; но исчезъ ли обычай, и когда именно исчезъ? этихъ вопросовъ рѣшить не можемъ.

Мы видѣли, какою богатою земельною собственностію владѣли князья; произведенія этихъ земель не только служили для продовольствія двора, но шли также въ торговлю; на послѣднее указываетъ условіе въ договорѣ съ рязанскимъ княземъ, чтобъ съ торговыхъ людей великокняжескихъ не брали мыта [274]. Въ описываемое время встрѣчаются извѣстія объ о б р о к ѣ, который должны были платить поселенные на земляхъ люди два раза въ годъ, весною и осенью [275], на весенній и осенній Юрьевъ день [276]. Одною изъ важнѣйшихъ статей дохода было пчеловодство и варка меду; объ этой статьѣ князья постоянно упоминаютъ въ своихъ договорахъ и завѣщаніяхъ [277]. Потомъ упоминаются княжескія соляныя варницы: въ области галицкой такъ называемая Соль [278], въ Нерехтѣ; подлѣ Юрьева упоминается Великая Соль [279], въ ростовѣ ростовская соль; на Городцѣ волжскомъ князья имѣли также соляныя варницы [280]. О важности рыбной ловли для князей свидѣтельствуетъ завѣщаніе серпуховского князя Владиміра Андреевича о рыбной ловлѣ подъ Городцемъ: онъ приказываетъ двоимъ сыновьямъ, чтобъ они устроили себѣ общій ѣзъ и дѣлили добычу поровну. Одною изъ важнѣйшихъ отраслей звѣроловства была ловля бобровъ, для которыхъ у князей былъ особый разрядъ служителей (бобровники); что бобры водились тогда по близости Москвы даже, свидѣтельствуетъ завѣщаніе князя Владиміра Андреевича, который отказываетъ старшему сыну бобровниковъ въ станахъ московскихъ. Выгоды отъ звѣроловства и страсть къ охотѣ придавали въ глазахъ князей большую важность ловчему и сокольничему пути, т.-е. праву промышлять надъ звѣремъ и птицею; Симеонъ Гордый потребовалъ отъ братьевъ, чтобъ они уступили ему н а с т а р ѣ й ш и н с т в о оба эти пути въ станахъ московскихъ, которые должны были находиться въ общемъ владѣніи; по завѣщанію Владиміра Андреевича ни одинъ изъ его сыновей не смѣлъ охотиться въ удѣлѣ другого безъ позволенія послѣдняго. Что охота была псовая, свидѣтельствуетъ названіе ловчихъ—псарями; для ловли птицъ употреблялись также и перевѣсы [281]. Князья посылали толпы своихъ промышленниковъ,

ватаги къ Бѣлому морю и сѣверному Океану, въ страну Терскую и Печерскую за рыбою, звѣремъ и птицею: изъ грамоты великаго князя Андрея Александровича узнаемъ, что уже тогда три ватаги великокняжескія ходили на море, со своимъ ватамманомъ (ватагаманомъ, атаманомъ); Калита даетъ жалованную грамоту печерскимъ сокольникамъ [282]. Въ завѣщаніяхъ и договорахъ княжескихъ упоминается о конюшемъ пути, о правѣ ставить и кормить своихъ коней; Іоаннъ Калита завѣщалъ одно свое стадце сыну Семену, другое Ивану, а остальнымъ приказалъ подѣлиться сыновьямъ и женѣ поровну. Симеонъ Гордый завѣщалъ своей женѣ 50 коней ѣздовыхъ и два стада. Іоаннъ II отказалъ двоимъ сыновьямъ пополамъ стада свои коневыя, жеребцовъ и кобылицъ; Донской раздѣлилъ стада между сыновьями и женою. Владимиръ Андреевичъ Серпуховской отказалъ свое стадо сѣдельное—коней, лошаковъ и жеребцовъ, также кобылье стадо—женѣ своей. Наконецъ доходной статьею для князей являются сады, къ которымъ причислено было извѣстное число садовниковъ.

Мы видѣли, что князья пользовались остатками своихъ доходовъ для пріобрѣтенія имуществъ недвижимыхъ; о движимости ихъ можно имѣть довольно полное понятіе изъ духовныхъ завѣщаній. Іоаннъ Калита оставилъ послѣ себя двѣнадцать цѣпей золотыхъ, три пояса золотыхъ, поясъ большой съ жемчугомъ и съ каменьемъ, поясъ золотой съ капторгами, поясъ сердоничный окованъ золотомъ, поясъ фряжскій съ жемчугомъ и каменьемъ, поясъ золотой съ крюкомъ на червчатомъ шелку, поясъ золотой царевскій; двѣ чаши золотыя съ жемчугомъ, два овкача золотыхъ, двѣ чашки круглыя золотыя, двѣ чары золотыя, блюдце золотое съ жемчугомъ и каменьемъ, десять блюдъ серебряныхъ, два чума золотыхъ большихъ, два чумка золотыхъ поменьше, коробочку золотую; послѣ первой жены его, княгини Елены, остались вещи: четырнадцать обручей, ожерелье, монисто кованное, чело, гривна. Кромѣ того Калита упоминаетъ еще о золотѣ, которое онъ придобылъ, и о серебряныхъ сосудахъ. Изъ дорогого платья Калита оставилъ дѣтямъ: кожухъ червленный жемчужный, кожухъ желтый объяринный съ жемчугомъ, два кожуха съ аламами и съ жемчугомъ, коцъ великую съ бармами, бугай соболій съ наплечками, съ жемчугомъ и каменьемъ, скорлатное портище саженое съ бармами, шапку золотую.

Все это движимое имущество раздѣлено было между тремя сыновьями и женою; вещи первой жены пошли ея дочери. Доля князя Андрея Ивановича Серпуховского досталась сыну его Владиміру; Симеонъ Гордый завѣщалъ все женѣ своей, отъ которой только нѣкоторыя вещи перешли къ великому князю Іоанну II; послѣдній оставилъ послѣ себя три иконы [283], пять цѣпей золотыхъ, изъ которыхъ три съ крестами [284], одну шапку золотую, однѣ бармы, четыре пояса, изъ которыхъ два съ жемчугомъ и каменьемъ [285], двѣ сабли золотыя, двѣ обязи золотыя, двѣ серьги съ жемчугомъ, два чекака золотыхъ съ каменьемъ и жемчугами, три овкача золотыхъ, два ковша большихъ золотыхъ, одну коробку сердоничную, золотомъ окованную, одну бадью серебряную съ наливкою серебряною, одинъ опашень скорлатный саженый, аламъ жемчужный, наплечки золотыя съ кругами, съ каменьемъ и жемчугами, аламъ малый съ жемчугами, чашку золотую и стаканъ цареградскій кованый золотомъ [286], блюдо серебряное съ кольцами. Будущимъ зятьямъ своимъ великій князь оставилъ по цѣпи золотой и поясу золотому.

Димитрій Донской оставилъ послѣ себя одну икону, одну цѣпь, восемь поясовъ, бармы, шапку золотую, вотову саженую, снасть золотую, наплечки, аламъ, два ковша золотыхъ [288].

Василій Димитріевичъ оставилъ своему сыну: страсти большія, крестъ патріарха Филоѳея, икону Парамшина дѣла, цѣпь кресчатую, шапку золотую, бармы, три пояса, коробку сердоничную, ковшъ золотой князя Симеона Гордаго, сосудъ окованный золотомъ, каменный сосудъ, присланный въ подарокъ отъ Витовта, кубокъ хрустальный, присланный въ подарокъ отъ польскаго короля. Удѣльный князь Юрій Димитріевичъ Звенигородскій оставилъ послѣ себя три иконы, окованныя золотомъ, три пояса и блюдо большое двуколечное.

Великая княгиня Софья Витовтовна оставила: ящикъ съ мощами, икону окованную на мусіи, икону Пречистыя Богородицы съ пеленою, большую икону Богородицы стѣнную съ пеленою и съ убрусцами, икону Св. Козьмы и Даміана, икону Св. Ѳедора Стратилата, выбитую на серебрѣ. Кромѣ того оставила два дубовыхъ ларчика, большой и малый, большой ящикъ и коробью съ крестами, иконами и мощами.

Великій князь Василій Васильевичъ Темный оставилъ пять крестовъ золотыхъ: одинъ изъ нихъ Петра Чудотворца, другой Парамшинскій, третій патріарха Филоѳея; икону золотую и на изумрудѣ, шапку, бармы, сердоликовую коробку и два пояса. Изъ этого перечисленія мы видимъ, что движимое имущество великихъ князей московскихъ вовсе не увеличивается послѣ Калиты, напротивъ уменьшается; бѣдность завѣщанныхъ вещей особенно поражаетъ насъ въ духовной Димитрія Донского, сына и внука его. Такое оскудѣніе мы должны приписать во первыхъ раздѣленію между сыновьями и передачѣ вещей дочерямъ, потомъ желанію князей увеличивать болѣе недвижимую собственность, чѣмъ движимую, Тохтамышеву нашествію и большимъ издержкамъ въ Ордѣ послѣ этого нашествія, большимъ издержкамъ въ Ордѣ при Василіи Димитріевичѣ для пріобрѣтенія ярлыковъ на Нижній-Новгородъ и Муромъ, наконецъ смутному княженію Василія Васильевича и тому, что Василій Косой и Шемяка грабили въ Москвѣ казну великокняжескую. Золотая шапка завѣщается постоянно старшему сыну, начиная съ завѣщанія Калиты; бармъ Калита не отказываетъ старшему сыну Семену, отказываетъ одежды съ бармами младшимъ сыновьямъ; но съ завѣщанія Іоанна II мы видимъ бармы постоянно въ числѣ вещей, завѣщаемыхъ старшему сыну; также, начиная съ завѣщанія Іоанна II, къ старшему сыну постоянно переходитъ коробка сердоничная или сердоликовая, золотомъ окованная; впрочемъ и Калита упоминаетъ о золотой коробочкѣ, которую онъ завѣщалъ княгинѣ съ дочерьми. Благословеніе иконами встрѣчаемъ впервые въ завѣщаніи Іоанна II; замѣчательно, что оружіе, именно двѣ золотыхъ сабли, встрѣчаемъ только между вещами этого князя, равно какъ двѣ серьги, завѣщанныя сыновьямъ. Въ духовной Димитрія Донского встрѣчаемъ очень мало платья; въ духовныхъ Василія Димитріевича и Василія Темнаго вовсе не встрѣчаемъ его. Движимое богатство князей югозападной Руси состояло, какъ видно, въ тѣхъ же самыхъ вещахъ, какъ и на сѣверовостокѣ; такъ мы видѣли, что князь Владиміръ Васильевичъ Волынскій предъ смертію роздалъ бѣднымъ все свое имѣніе: золото, серебро, дорогіе камни, золотые и серебряные пояса, отцовскіе и свои, серебряныя блюда большія и кубки золотые и серебряные побилъ и полилъ въ гривны, также поступилъ съ золотыми монистами бабки и матери своей [288].

Жизнь русскаго князя на сѣверѣ и югѣ, въ описываемое время, мало чѣмъ разнилась отъ жизни прежнихъ русскихъ князей. Замѣчаемъ, что княжія имена выходятъ изъ употребленія: князья обыкновенно называются именами, взятыми изъ греческихъ святцевъ; изъ старыхъ славянскихъ именъ употребляются такія, которыя принадлежали святымъ прославленнымъ князьямъ, каковы: Владиміръ, Борисъ, Глѣбъ, Всеволодъ. Въ потомствѣ Константина Всеволодовича встрѣчаемъ только одного Мстислава; въ потомствѣ Ярослава Всеволодовича находимъ одного Ярослава и одного Святослава; чаще встрѣчаемъ княжія имена въ областяхъ, принадлежавшихъ къ старой Руси, Смоленской, Рязанской, Черниговской. Но если вышло изъ обычая давать князьямъ славянскія языческія имена, то сохранялся обычай давать по два имени, хотя оба были взяты изъ греческихъ святцевъ; такъ извѣстно, что сынъ Василія Темнаго имѣлъ два имени—Іоаннъ и Тимоѳей, изъ которыхъ употреблялось только одно первое. Воспріемниками при крещеніи князей встрѣчаемъ духовныя лица: такъ владыка новгородскій Василій ѣздилъ во Псковъ крестить сына (Михаила) у князя Александра Михаиловича тверского; митрополитъ Алексій крестилъ князя Ивана Борисовича нижегородскаго; у Димитрія Донского сына Юрія крестилъ Св. Сергій Радонежскій [289]; у князя Василія Михаиловича кашинскаго крестилъ сына Димитрія троицкій игуменъ Никонъ, преемникъ Св. Сергія, вмѣстѣ съ бабкою новорожденнаго, великою княгинею Евдокіею [290]; у Василія Васильевича Темнаго крестилъ сына (Іоанна) троицкій же игуменъ Зиновій [291]. На княжескія крестины бывали большіе съѣзды, пріѣзжали князья родственники съ женами, братьями, дѣтьми и боярами [292]. Обрядъ пострига сохранялся [293]. Касательно воспитанія князей встрѣчаемъ одно извѣстіе, что князь Михаилъ Александровичъ Тверской ѣздилъ въ Новгородъ къ крестному отцу своему, владыкѣ Василію, учиться у него грамотѣ [294]; молодому князю было тогда семь лѣтъ. Между боярами княжескими упоминаются дядьки [295]. Женились князья въ первый разъ отъ четырнадцатилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста [296]; какъ и прежде, свадьбы сопровождались богатыми пирами; какъ видно, вѣнчались князья въ томъ городѣ, гдѣ княжилъ отецъ невѣсты, у котораго былъ первый пиръ, а потомъ всѣ родные и гости пировали у женихова отца; такъ Глѣбъ Васильевичъ, князь ростовскій, женилъ сына Михаила на дочери ярославскаго

князя Θедора Ростиславича, и вѣнчаніе происходило у послѣдняго въ Ярославлѣ, куда пріѣхалъ отецъ жениховъ и много другихъ князей и бояръ; потомъ жениховъ отецъ задалъ большой пиръ въ Ярославлѣ же, почтилъ свата своего, князя Θедора Ростиславича и всѣхъ гостей—князей, бояръ и слугъ [297]; брачные пиры назывались кашею [298]. Отъ обычая жениться въ городѣ отца невѣстина происходитъ выраженіе, что такой-то князь женился у такого-то князя. Но понятно, что подобный обычай могъ соблюдаться только тогда, какъ женихъ былъ еще князь молодой, ниже или равный по достоинству съ отцемъ невѣсты, и когда послѣдній былъ живъ; но если женился князь не молодой уже, или даже если молодой, но важнѣе тестя, или бралъ сироту, то женихъ не ѣздилъ самъ въ городъ невѣстинъ, а посылалъ за нею бояръ своихъ: такъ Симеонъ Гордый, великій князь московскій, послалъ двоихъ бояръ привезти себѣ невѣсту изъ Твери, сироту, дочь князя Александра Михаиловича. Димитрій Донской женился на дочери нижегородскаго князя Димитрія Константиновича, но свадьба была не въ Москвѣ и не въ Нижнемъ, а въ Коломнѣ, на половинѣ дороги, ибо изъ Москвы въ Нижній путь шелъ Москвою рѣкою и Окою мимо Коломны; выборъ Коломны здѣсь объясняется тѣмъ, что оба великіе князья не хотѣли нарушить своего достоинства. Московскій не хотѣлъ ѣхать жениться въ Нижній, а нижегородскій не хотѣлъ ѣхать на свадьбу къ дочери въ Москву къ шестнадцатилѣтнему зятю. Такъ и Александръ Невскій, взявши дочь у полоцкаго князя, вѣнчался съ нею въ Торопцѣ, гдѣ былъ первый пиръ, и потомъ въ Новгородѣ другой [299]. Вѣнчали князей епископы; если въ городѣ, гдѣ женился князь, не было епископскаго стола, то приглашался для вѣнчанія тотъ епископъ, къ епархіи котораго принадлежало княжество; такъ вѣнчать князя Василія Ярославича въ Кострому пріѣзжалъ епископъ изъ Ростова [300]. Изъ завѣщанія великаго князя Іоанна II мы видимъ, что было въ обычаѣ тестю дарить зятьевъ; такъ великій князь назначаетъ будущимъ зятьямъ въ завѣщаніи по золотой цѣпи и по золотому поясу. Мы видѣли, что обычай давать приданое былъ уже и прежде [301]; но теперь встрѣчаемъ въ источникахъ и самое это слово; такъ Димитрій Шемяка, въ договорѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, упоминаетъ о своемъ придаnомъ, которое было означено въ духовной грамотѣ его тестя и которое захватилъ братъ его Василій Косой [302].

Женились князья и въ описываемое время, какъ мы уже могли усмотрѣть, въ своемъ родѣ, потомъ часто женились на княжнахъ литовскихъ и выдавали дочерей своихъ замужъ въ Литву; иногда женились въ Ордѣ на княжнахъ татарскихъ; великій князь Василій Димитріевичъ отдалъ дочь свою Анну за греческаго царевича Іоанна, сына Мануилова [303]; наконецъ князья женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали дочерей своихъ за бояръ: дочь великаго князя нижегородскаго Димитрія Константиновича была замужемъ за московскимъ бояриномъ Николаемъ Васильевичемъ, сыномъ тысяцкаго Вельяминова; дочери московскаго боярина Ивана Димитріевича были—одна за сыномъ Владиміра Андреевича Серпуховского, Андреемъ, другая за однимъ изъ князей тверскихъ [304]; сынъ Донского, князь Петръ дмитровскій, женился на дочери московскаго боярина Поліевкта Васильевича [305]; одинъ изъ сыновей тверского великаго князя Михаила Александровича женатъ былъ на дочери московскаго боярина Ѳедора Андреевича Кошки [306], а внука последняго была за княземъ Ярославомъ, сыномъ Владиміра Андреевича серпуховского [307]. Изъ примѣра Симеона Гордаго видимъ, что князья вступали въ бракъ иногда до трехъ разъ; тотъ же великій князь Симеонъ развелся со второю женою своею Евпраксіею и отослалъ ее къ отцу, одному изъ князей смоленскихъ [308]; князь Всеволодъ Александровичъ Холмской также отослалъ княгиню свою къ роднымъ въ Рязань [309].

О занятіяхъ княжескихъ въ описываемое время, по характеру источниковъ, мы имѣемъ меньше извѣстій, чѣмъ въ періодъ предшествовавшій. Противъ прежняго для князей прибавилась теперь новая, важная и тяжкая обязанность—это поѣздки въ Орду; Іоаннъ Калита ѣздилъ туда девять разъ; сынъ его Симеонъ Гордый въ кратковременное княженіе свое былъ тамъ пять разъ. Иногда князья отправлялись въ Орду и съ женами [310] и съ дѣтьми [311], иногда собиралось по нѣскольку князей и ѣхали туда вмѣстѣ [312]; о князѣ Глѣбѣ Васильевичѣ ростовскомъ говорится, что онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ ихъ обидъ [313]; иногда князья должны были отправляться съ ханомъ въ походъ [314].

Волынскій лѣтописецъ говоритъ, что князь Даніилъ галицкій, поѣхавши однажды провожать свое войско, убилъ на дорогѣ самъ рогатиною три вепря, да отрокъ его трехъ же [315]. О племянникѣ

Даниловомъ, князѣ Владимірѣ Васильевичѣ Волынскомъ, говорится, что онъ былъ ловецъ добрый и храбрый, завидитъ вепря или медвѣдя, не станетъ дожидаться слугъ, но самъ сейчасъ убьетъ всякаго звѣря [316]. Не знаемъ, въ такой ли степени сѣверные князья раздѣляли эту страсть къ охотѣ съ своими южными соплеменниками; мы видѣли, что князь Владиміръ Андреевичъ серпуховской запретилъ сыновьямъ въ духовномъ завѣщаніи охотиться безъ позволенія въ чужихъ удѣлахъ; видѣли, что у князей были ловчіе, псари и сокольники, которыми они дорожили; но съ другой стороны мы знаемъ, что для князей охота составляла также промыселъ, что они посылали безъ себя своихъ ловчихъ добывать звѣря и птицу. Такъ въ сказаніи о Лукѣ Колоцкомъ говорится, что когда сокольники удѣльнаго князя можайскаго Андрея Димитріевича выѣзжали по княжескому приказу съ ястребами и соколами на ловлю, то Лука билъ и грабилъ сокольниковъ, ястребовъ и соколовъ себѣ бралъ, и случалось это много разъ. Князь Андрей Димитріевичъ терпѣлъ, иногда и посылалъ къ Лукѣ, но тотъ приказывалъ отвѣчать ему жестоко и сурово, и самъ не переставалъ бить и грабить не только сокольниковъ, но и ловчихъ княжескихъ, отнимая у нихъ медвѣдей [317]. Одинъ изъ ловчихъ рѣшился отомстить Лукѣ и нашелъ удобный случай: поймавши однажды медвѣдя лютаго, онъ приказалъ вести его мимо Лукина двора; Лука, увидавши медвѣдя, вышелъ самъ къ нему съ служкою и приказалъ княжескому ловчему пустить звѣря на дворѣ; тотъ воспользовался случаемъ и выпустилъ медвѣдя прежде, чѣмъ Лука успѣлъ уйти въ комнаты: звѣрь бросился на него и истерзалъ такъ, что слуги отняли его едва живого [318]. Изъ этого разсказа видно, что ловили большихъ медвѣдей живыми и употребляли ихъ потомъ на утѣху.

Какъ сѣверные князья проводили свой день, видно отчасти изъ одного извѣстія, именно изъ извѣстія о Суздальской битвѣ: здѣсь сказано, что великій князь Василій Васильевичъ ужиналъ у себя со всѣми князьями и боярами, и пиръ продолжался до глубокой ночи. На другой день, по восшествіи солнца (7 іюля) великій князь приказалъ служить заутреню, послѣ которой пошелъ опять уснуть. Видимъ, что по утрамъ къ князю являлись сыновья его, бояре и другіе люди съ разными дѣлами по управленію. Смерти княжеской предшествовало обыкновенно постриженіе въ иноки и схиму; о кончинѣ князя Димитрія Святославича юрьевскаго разсказывается, что

когда ростовскій епископъ постригъ его въ иноки и схиму, то онъ внезапно лишился употребленія языка, потомъ опять сталъ говорить, и, взглянувши на епископа радостными глазами, сказалъ ему: „Господинъ отецъ, владыка Игнатій! исполни Господь Богъ твой трудъ, что приготовилъ меня на долгій путь, на вѣчное лѣто, снарядилъ меня воиномъ истинному Царю Христу, Богу нашему“ [320]. Вотъ подробное описаніе кончины великаго князя тверского Михаила Александровича: уже два года прошло, какъ Михаилъ отправилъ въ Царьградъ пословъ съ милостынею къ соборной церкви Св. Софіи и къ патріарху, по своему обычаю; императоръ и патріархъ приняли и отпустили пословъ тверскихъ съ большою честію, и патріархъ отправилъ къ Михаилу своего посла съ иконою страшнаго суда, съ мощами святыхъ, съ честнымъ мvромъ. Когда великій князь узналъ, что послы приближаются къ Твери, то велѣлъ имъ войти въ городъ къ вечеру: пришла ему мысль—встрѣтивъ икону отъ святого мѣста и принявъ благословеніе отъ патріарха, не возвращаться болѣе домой. На другой день утромъ, когда сыновья, другіе князья, бояре и разные люди ждали его съ дѣлами по обычному городскому управленію, Михаилъ не велѣлъ уже никому входить къ себѣ, а позвалъ одного епископа Арсенія, которому объявилъ о намѣреніи своемъ постричься, прося его, чтобъ онъ не говорилъ объ этомъ никому другому. Несмотря на то, уже по всему городу разнесся слухъ, что Михаилъ хочетъ оставить княженіе и постричься въ монахи. Народъ изумился, иные не вѣрили, но всѣ собирались, какъ на дивное чудо; бояре и отроки его, склоняясь другъ къ другу, проливали слезы, плакала княгиня, молодые князья, но въ присутствіи Михаила никто не смѣлъ сказать ни слова, потому что всѣ боялись его: былъ онъ человѣкъ страшный, и сердце у него точно львиное. Между тѣмъ послы изъ Царяграда вошли въ городъ, неся священные подарки; епископъ, все духовенство и множество народа вышли къ нимъ на встрѣчу со свѣчами и кадилами, вышелъ и самъ великій князь, съ трудомъ вставши съ постели, и встрѣтилъ пословъ на своемъ дворѣ у церкви святого Михаила. Поклонившись иконѣ, Михаилъ приказалъ отнести ее въ соборную церковь св. Спаса, самъ ее проводилъ туда, и когда икону поставили на приготовленное для нея мѣсто, вышелъ изъ церкви къ народу, сталъ на высокую ступень и, поклонясь на всѣ стороны, сказалъ: „Простите меня, братія и дружина, добрые сыны

тверскіе! оставляю вамъ любимаго и старшаго сына Ивана, пусть будетъ вамъ княземъ вмѣсто меня, любите его, какъ и меня любили, а онъ пусть соблюдаетъ васъ, какъ я соблюдалъ". Народъ отвѣчалъ горькими слезами и похвалами своему старому князю, который смиренно всѣмъ опять поклонился и пошелъ на постриженіе въ Аѳанасьевскій монастырь, гдѣ, за извѣстную плату, выпросился жить у одного монаха, именемъ Григорія. На четвертый день онъ принялъ постриженіе подъ именемъ Матвѣя, и черезъ восемь дней послѣ этого обряда умеръ [321].—Въ разсказѣ о кончинѣ князя Димитрія Юрьевича Краснаго говорится, что его не хоронили семь дней, до тѣхъ поръ пока пріѣхалъ братъ его Димитрій Шемяка; тогда отпѣли, положили въ колоду, засмолили ее и повезли въ Москву для погребенія въ церкви Архангела Михаила, общемъ мѣстѣ погребенія всѣхъ потомковъ Калиты, какъ великихъ князей, такъ и удѣльныхъ [322]. Великій князь Василій Васильевичъ Темный, по словамъ лѣтописца, хотѣлъ предъ смертію постричься въ монахи, но ему не дали воли; умеръ онъ въ субботу, въ третьемъ часу ночи, а на другой день, въ воскресенье, схоронили его,—слѣдовательно, безъ особенныхъ обстоятельствъ, хоронили на другой день [323]. На югозападѣ погребеніе волынскаго князя Владиміра описывается такъ: княгиня съ слугами дворными омыли тѣло, обвили его аксамитомъ съ кружевомъ, положили на сани и повезли во Владиміръ, гдѣ поставили въ Богородичной церкви на сѣняхъ, потому что было уже поздно; на другой день совершено было погребеніе съ обычными причитаніями [324]. Похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца мало рознится отъ прежней; но въ ней не встрѣчаемъ извѣстныхъ словъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ; о великомъ князѣ Василіи Ярославичѣ Костромскомъ говорится, что онъ былъ очень добродѣтеленъ, любилъ Бога отъ всего сердца безъ лукавства, былъ милостивъ, ко святымъ церквамъ прилеженъ, чтилъ много епископовъ, какъ начальниковъ и пастырей, любилъ и чтилъ и весь священническій и монашескій чинъ; былъ незлобивъ и легко прощалъ согрѣшающихъ предъ нимъ [325]. О князѣ Глѣбѣ Васильевичѣ ростовскомъ говорится, что онъ пищи и питья не щадилъ и подавалъ требующимъ, много церквей построилъ и украсилъ иконами и книгами, священническій и монашескій чинъ очень почиталъ, ко всѣмъ былъ любовенъ и милостивъ, гордости ненавидѣлъ и отвращался

отъ нея какъ отъ змія; когда умеръ, то не малую жалость и плачъ оставилъ по себѣ всѣмъ знающимъ его [326].

Объ одеждѣ княжеской мы уже могли составить понятіе при исчисленіи вещей, остававшихся послѣ князей московскихъ; въ лѣтописи при описаніи бѣгства князя Василія Михайловича кашинскаго сказано, что онъ убѣжалъ въ одномъ терликѣ и безъ ковера [327]. При описаніи наружности волынскаго князя Владиміра Васильевича говорится, что онъ стригъ бороду [328].

Измѣненія, происшедшія въ междукняжескихъ отношеніяхъ, должны были непремѣнно отразиться и на положеніи дружины. Осѣдлость князей въ однихъ извѣстныхъ княжествахъ должна была повести и къ осѣдлости дружины, которая могла теперь пріобрѣсть важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наслѣдственно правительственными должностями. Потомки Даніила Александровича не трогаются изъ Москвы; начиная съ Іоанна Калиты всѣ московскіе князья постоянно удерживаютъ за собою великокняжескую владимірскую область; князья не позволяютъ чужимъ боярамъ покупать села въ своихъ волостяхъ; одни только московскіе бояре имѣютъ постоянную возможность покупать села въ области владимірской, какъ принадлежащей постоянно ихъ князьямъ, и мы видимъ, что они пользуются этимъ правомъ. Имъ выгодно, слѣдовательно, удерживать владимірскую область и вмѣстѣ главное, первенствующее значеніе за своими князьями, и мы видимъ, какъ они усердно объ этомъ стараются. Какъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ могущества князей московскихъ, усиливалось значеніе бояръ ихъ видно изъ того, что великіе князья нижегородскій, тверской ищутъ родственныхъ союзовъ съ ними. Несмотря на скудость источниковъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, въ нихъ можно встрѣтить довольно ясныя указанія на усилившееся значеніе бояръ [329]. Уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, какъ переселеніе бояръ съ юга въ Московское княжество помогло усиленію послѣдняго, а это самое усиленіе въ свою очередь должно было привлекать къ московскимъ князьямъ отовсюду богатыхъ, знатныхъ и даровитыхъ бояръ; мы видѣли, какую службу отслужилъ Москвѣ пришлецъ съ юга—бояринъ волынскій Боброкъ, Димитрій Алибуртовичъ; но онъ не вдругъ перешелъ съ юга въ Москву, а сначала былъ тысяцкимъ у нижегородскаго князя Димитрія Константиновича.

здѣсь мы видимъ, какъ извѣстное положеніе дружины на Руси способствовало усиленію одного княжества насчетъ другихъ, собранію земли русской: вслѣдствіе единства рода княжескаго въ древней Руси, земля сохраняла свое единство; дружинникъ, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣнялъ чрезъ это нисколько ни русской землѣ, ни роду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Это право свободнаго перехода дружинники удержали и на сѣверѣ: отсюда, какъ скоро они замѣчали невыгоду службы у слабаго князя и выгоду у сильнаго, то свободно переходили къ послѣднему, ибо здѣсь не было измѣны прежнему князю, а только пользованіе своимъ правомъ, признаннымъ всѣми князьями; такъ мы видѣли, что великій князь Василій Димитріевичъ, склонивши на свою сторону дружину нижегородскаго князя, овладѣлъ безпрепятственно его княжествомъ.

По родословнымъ книгамъ, еще съ княземъ Даніиломъ Александровичемъ пріѣхалъ въ Москву вельможа Протасій, предокъ знаменитыхъ Вельяминовыхъ; вѣрнѣе извѣстіе, что Протасій былъ тысяцкимъ при Калитѣ [330], послѣ чего мы видимъ этотъ санъ наслѣдственнымъ и для потомковъ Протасія. При одинаковой осѣдлости князей и бояръ ихъ въ другихъ княжествахъ, подобныя явленія найдемъ не въ одной Москвѣ: такъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Ѳедоровичъ, прозвищемъ Половой, и былъ въ Твери бояриномъ; сынъ его также здѣсь бояриномъ, внукъ, правнукъ и праправнукъ были тысяцкими [331]. Кромѣ Вельяминовыхъ мы видѣли цѣлый рядъ знатныхъ фамилій, который продолжается отъ Калиты до праправнука его. Но подлѣ этихъ, такъ сказать, коренныхъ московскихъ бояръ мы видимъ постоянно приплывъ пришельцевъ: пріѣзжаютъ служить московскимъ князьямъ не только знатные люди изъ югозападной Руси и изъ странъ чуждыхъ, но вступаютъ къ нимъ въ службу князья Рюриковичи съ юга и сѣвера, Гедиминовичи изъ Литвы. Мы видѣли, къ какимъ явленіямъ иногда подавалъ поводъ пріѣздъ новаго знатнаго выходца, который хотѣлъ вступить въ службу къ князю только при условіи высокаго мѣста; но чтобы дать ему это мѣсто, нужно было взять его у другаго стариннаго боярина, понизить послѣдняго и вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ бояръ, занимавшихъ мѣста подъ нимъ: это называлось на тогдашнемъ языкѣ заѣздомъ, новый выходецъ заѣзжалъ старыхъ бояръ, которые обязаны были подвинуться, чтобы дать

ему высшее мѣсто. Такъ, при Калитѣ, выходецъ съ юга Родіонъ Несторовичъ заѣхалъ боярина Акинѳа съ товарищами. Тогда Москва не взяла еще явнаго перевѣса надъ другими княжествами, Акинѳу можно было пренебречь ею, и, раздосадованный заѣздомъ, онъ отъѣхалъ въ Тверь; но послѣ, когда Москва усилилась окончательно и боярскіе роды обжились въ ней, тогда имъ невыгодно стало отъѣзжать отсюда; они, въ случаѣ заѣзда, скорѣе соглашались уступать высшее мѣсто пришельцу. Такъ, въ княженіе Донского, выходецъ волынскій Боброкъ заѣхалъ Тимоѳея Васильевича Вельяминова съ товарищами, и тотъ уступилъ ему первое мѣсто; при Василіи Димитріевичѣ литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣевичъ, заѣхалъ также нѣкоторыхъ бояръ, именно: Константина Шею, Ивана Димитріевича, Володимера Даниловича, Димитрія Васильевича, Ѳедора Кошкина Голтяя. Относительно этого заѣзда дошло до насъ любопытное извѣстіе: князю Юрію Патрикѣевичу князь великій мѣсто упросилъ, когда за него далъ сестру свою великую княжну Анну (по лѣтописямъ дочь Марью). А братъ былъ большой у князя Юрія Патрикѣевича Хованскій; и Ѳедоръ Сабуръ на свадьбѣ князя Юрія Патрикѣевича брата большаго посѣлъ Хованскаго (занялъ высшее мѣсто). И Хованскій молвилъ Сабуру: „Посядь брата моего меньшаго, князя Юрія Патрикѣевича.“ И Ѳедоръ Сабуръ молвилъ Хованскому: „У того Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ,“ да сѣлъ Хованскаго выше. „У того Богъ въ кикѣ“ значитъ: у того счастье, судьба въ кичкѣ; кичка вмѣсто женщина, жена; князь Юрій получилъ высшее мѣсто по женѣ. До насъ дошла также любопытная м ѣ с т н а я грамота нижегородскаго великаго князя Димитрія Константиновича: „Князь великій Дмитрій Константиновичъ Нижняго-Новгорода и городецкой и курмышской. Пожаловалъ есми бояръ своихъ и князей, далъ имъ мѣстную грамоту по ихъ челобитью и по печалованію архимандрита нижегородскаго печерскаго отца своего духовнаго Іоны и по благословенію владычню Серапіона нижегородскаго и городецкаго и сарскаго и курмышскаго: кому съ кѣмъ сидѣть и кому подъ кѣмъ сидѣть. Велѣлъ садитись отъ своего мѣста тысяцкому своему Дмитрію Алибуртовичу князю волынскому, а подъ Дмитріемъ садиться князю Ивану Васильевичу городецкому, да противъ его въ скамьѣ садиться Дмитрію Ивановичу Лобанову, да въ лавкѣ же подъ княземъ Иваномъ князю Ѳедору польскому Андреевичу; да садитись боярину его Василью

Петровичу Новосильцеву, да противъ въ скамьѣ садитись казначею боярину Тарасію Петровичу Новосильцеву. А пожаловалъ его боярствомъ за то, что онъ окупилъ изъ полону государя своего дважды великаго князя Дмитрія Константиновича, а въ третіе окупилъ великую княгиню Маѳу. Да садитись боярину князю Петру Ивановичу Березопольскому, да садитись въ лавкѣ князю Дмитрію Ѳедоровичу Курмышскому. А къ мѣстной грамотѣ князь великій велѣлъ боярамъ своимъ и дьяку руки прикладывать, а мѣстную грамоту писалъ великаго князя дьякъ Петръ Давыдовъ сынъ Русинъ“ [332]. Изъ этой грамоты мы видимъ, какъ въ каждомъ княжествѣ сильнѣйшіе князья примышляли себѣ волости, сводя ихъ князей на степень слугъ своихъ; здѣсь эти князья должны садиться ниже простыхъ бояръ, и въ началѣ грамоты бояре вообще поставлены выше князей.

Кромѣ завѣщанія Димитрія Донского, и изъ другихъ извѣстій мы знаемъ, что бояре по прежнему были думцами князя, князь думалъ, совѣтовался съ ними о дѣлахъ [333]. Начиная съ Симеона Гордаго, бояре являются свидѣтелями въ княжескихъ духовныхъ грамотахъ. Рязанскій великій князь Олегъ Ивановичъ въ одной своей жалованной грамотѣ говоритъ: „Посовѣтовавшись (сгадавъ) съ отцемъ своимъ, владыкою Василіемъ и съ своими боярами (слѣдуютъ имена ихъ), далъ [334] я“ и проч.; но мы должны замѣтить, что въ грамотахъ московскихъ князей мы этого выраженія не находимъ. Видимъ бояръ, которые пользуются особенною довѣренностію нѣкоторыхъ князей, и чрезъ это обнаруживаютъ большое вліяніе на дѣла: таковъ былъ Семенъ Тонпліевичъ при князѣ Андреѣ Александровичѣ, бояре Ѳедоръ Андреевичъ и сынъ его Иванъ Ѳедоровичъ Кошка при Василіи Димитріевичѣ, Морозовъ при князѣ Юріи Димитріевичѣ; мы видѣли, какъ вліяніе, переданное старикомъ Кошкою молодому (относительно) сыну своему, возбудило негодованіе старшихъ, отразившееся и въ лѣтописи.

Раздѣленіе дружины на старшую и младшую сохраняется и въ описываемое время, только съ перемѣною нѣкоторыхъ названій. Старшая дружина по прежнему носитъ названіе бояръ или боляръ. Право бояръ на свободный отъѣздъ отъ одного князя къ другому, отъ великаго къ удѣльному, и на оборотъ, также отъ великаго къ великому же, отъ московскаго напримѣръ къ тверскому или рязанскому, и наоборотъ, подтверждается во всѣхъ договорахъ княжескихъ.

Князья обязывались въ договорахъ своихъ не сердиться на отъѣхавшихъ отъ нихъ бояръ, не захватывать ихъ селъ и домовъ, оставшихся во владѣніяхъ прежняго князя. Вслѣдствіе этого права бояръ сохранять свои недвижимыя имущества послѣ отъѣзда, въ княжескихъ удѣлахъ постоянно могли находиться волости чужихъ бояръ, несмотря на то, что князья не позволяли чужимъ боярамъ покупать селъ въ своихъ удѣлахъ; волости чужихъ бояръ могли находиться въ княжескихъ удѣлахъ еще и потому, что извѣстное княжество, напримѣръ Серпуховское, принадлежало сначала одному князю, Владиміру Андреевичу, и бояре его могли свободно покупать села по всему княжеству, но по смерти Владиміра Андреевича его владѣнія раздѣлились между сыновьями его на нѣсколько особыхъ удѣловъ, бояре его также разошлись по сыновьямъ, при чемъ легко могло случиться, что бояринъ остался служить старшему брату, серпуховскому князю, а село его, по новому раздѣлу, очутилось въ удѣлѣ князя боровскаго. Это обстоятельство заставило князей вносить въ свои договоры условіе, что бояре относительно суда и дани подвѣдомственны тому князю, во владѣніяхъ котораго живутъ, гдѣ у нихъ недвижимая собственность: князья обязываются вѣдать такихъ бояръ судомъ и данью какъ своихъ [335]; но въ военное время бояре должны были идти въ походъ съ тѣмъ княземъ, которому служили; въ случаѣ же осады города, въ которомъ или близь котораго они жили, они должны были оставаться и защищать этотъ городъ [336]. Въ случаѣ спорнаго дѣла между однимъ княземъ и бояриномъ другого, оба князя отсылали отъ себя по боярину для рѣшенія этого дѣла; если же посланные бояре не могли между собою согласиться, то избирали третьяго судью; но всякое дѣло боярина съ своимъ княземъ судитъ послѣдній [337]. За службу свою бояре получали отъ князей извѣстныя волости и села въ кормленіе: Іоаннъ Калита въ завѣщаніи своемъ упоминаетъ о селѣ Богородицкомъ, которое онъ купилъ и отдалъ Борису Воркову: „Если этотъ Ворковъ, говоритъ великій князь, будетъ служить которому нибудь изъ моихъ сыновей, то село останется за нимъ; если же перестанетъ служить дѣтямъ моимъ, то село отнимутъ.“ Касательно пользованія доходами съ кормленій Симеонъ Гордый распоряжается такъ въ своемъ завѣщаніи: „Если кто-нибудь изъ бояръ моихъ станетъ служить моей княгинѣ, и будетъ вѣдать волости, то обязанъ отдавать княгинѣ моей половину дохода (прибытка).“

Димитрій Донской съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ уговорились такъ относительно боярскихъ кормленій: „Если бояринъ поѣдетъ съ кормленья, отъ тебя ли ко мнѣ, отъ меня ли къ тебѣ, не отслуживъ службы, то дать ему кормленье по исправѣ, т.-е. за то только время, какое онъ находился въ службѣ, или онъ обязанъ отслужить службу." До насъ дошли ввозныя или послушныя грамоты, дававшіяся при пожалованіи кормленіемъ: въ нихъ приказывалось жителямъ отдаваемой въ кормленіе волости чтить и слушаться посланнаго къ нимъ на кормленіе; послѣдній вѣдаетъ ихъ и судитъ, и тіунамъ своимъ ходить у нихъ велитъ, а доходъ долженъ брать по наказному списку; волости жаловались въ кормленіе съ мытами, перевозами, со всѣми намѣстничьими доходами и съ пошлиною [338].

Между самыми старшими членами дружины, между боярами, встрѣчаемъ различіе: встрѣчаемъ названіе большихъ бояръ. Лѣтописецъ говоритъ, что послѣ убійства тысяцкаго Алексѣя Петровича Хвоста большіе московскіе бояре отъѣхали въ Рязань [339]. Димитрій Донской требуетъ отъ двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича, что въ случаѣ, если онъ, великій князь, возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ, и отдать ее великому князю [340]. Великій князь Василій Васильевичъ договаривается съ Шемякою, что если общіе судьи ихъ не согласятся, то берутъ себѣ третьяго судью, для чего берутъ сперва изъ бояръ великокняжескихъ двоихъ, да изъ бояръ Шемяки одного большого [341]. Кромѣ упомянутаго условія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ мы не встрѣчаемъ больше названія большихъ бояръ вмѣстѣ съ путными; но вмѣстѣ съ путными боярами или путниками встрѣчаемъ, на первомъ мѣстѣ, бояръ введенныхъ. Относительно этихъ введенныхъ и путныхъ бояръ мы постоянно встрѣчаемъ условіе, что когда, въ случаѣ городовой осады, бояре обязаны садиться въ осаду или защищать тотъ городъ, въ которомъ живутъ, бояре введенные и путники избавляются отъ этой обязанности [342]. Кромѣ того, о путныхъ боярахъ въ договорѣ великаго князя Василія Димитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ встрѣчаемъ условіе: „Если намъ взять (дань) на своихъ боярахъ на путныхъ, то тебѣ взять на своихъ боярахъ на десяти." Въ жалованной грамотѣ

великаго князя Василія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю, въ 1453 году, читаемъ: „Если кто станетъ чего искать на игуменскомъ приказчикѣ, то сужу его я, князь великій, или мой бояринъ введенный“ [343]. Въ родословной Кикиныхъ говорится, что Логгинъ Михайловичъ Кикинъ былъ у великаго князя Димитрія Іоанновича бояринъ введенный и горододержавецъ, держалъ города Волокъ и Торжокъ безъ отнимки; сынъ Логгина, Тимоѳей, называется также бояриномъ введеннымъ [344].

Объяснить значеніе этихъ названій: бояринъ введенный и путный, мы можемъ только по соображенію съ другими подобными же названіями. Мы видѣли, что въ одной грамотѣ на мѣстѣ бояръ введенныхъ находятся большіе, изъ чего имѣемъ основаніе заключать, что оба эти названія были равнозначущи. Послѣ встрѣчаемъ названіе дьяковъ введенныхъ. Что же касается различія между боярами введенными или большими и путными, то его можно усмотрѣть въ приведенномъ мѣстѣ изъ договора Димитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ: „Если великій князь возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ“. Значитъ большой бояринъ или введенный былъ именно горододержавецъ, получавшій города, волости въ кормленіе; путный же бояринъ получалъ содержаніе съ извѣстныхъ доходныхъ статей княжескихъ, или такъ называемыхъ путей. Бояринъ путный долженъ былъ имѣть поэтому какую-нибудь придворную должность: конюшій бояринъ напримѣръ пользовался доходами съ волостей, опредѣленныхъ на конюшій путь. Старинное слово путь и настоящее наше доходъ (отъ доходитъ) выражаютъ одно и то же представленіе [345].

Встрѣчаемъ въ описываемое время и названіе окольничаго: такъ оно находится въ грамотѣ смоленскаго князя Ѳедора Ростиславича 1284 года, въ договорной грамотѣ Симеона Гордаго съ братьями. Серпуховской князь Владиміръ Андреевичъ сдѣлалъ намѣстникомъ въ Серпуховѣ окольничаго своего, Якова Юрьевича Новосильца [346]; въ разсказѣ о битвѣ съ Бегичемъ упоминается московскій окольничій Тимоѳей (Вельяминовъ). Въ жалованной грамотѣ рязанскаго князя Олега Ивановича Ольгову монастырю, въ числѣ бояръ, съ которыми совѣтовался при этомъ князь, упоминается Юрій окольничій. Этотъ Юрій занимаетъ здѣсь шестое мѣсто,

изъ чего можемъ заключить, что окольничіе и въ описываемое время, какъ послѣ, хотя и причислялись къ старшей дружинѣ, составляли вмѣстѣ съ большими боярами (послѣ просто съ боярами) думу княжескую, однако занимали второстепенное мѣсто. Въ числѣ бояръ въ означенной Ольговой грамотѣ упоминается Манасія дядька, занимающій мѣсто выше окольничаго, и Юрій чашникъ, слѣдующій за окольничимъ. Въ другой рязанской грамотѣ выше чашника встрѣчаемъ названіе стольника, которое встрѣчается и въ московскихъ грамотахъ [347]. Эти оба званія опредѣляются легко изъ самыхъ словъ, указывающихъ прямо на должность; но что была за должность окольничаго? На нее мы встрѣчаемъ указаніе въ позднѣйшихъ источникахъ, изъ которыхъ видимъ, что окольничій употреблялся въ походахъ царскихъ, ѣздилъ передъ государемъ по станамъ, и при этомъ случаѣ иногда въ окольничіе назначались дворяне—ясный знакъ, что здѣсь окольничій представлялъ уже не чинъ только, а должность [348]. Если мы сравнимъ это извѣстіе о значеніи окольничихъ съ извѣстіями о значеніи бояръ путныхъ, то будемъ имѣть основаніе принять ихъ за тождественныя, тѣмъ болѣе, что въ какомъ отношеніи прежде находятся путники къ боярамъ большимъ или введеннымъ, въ такомъ же отношеніи послѣ находимъ окольничихъ къ боярамъ. Младшая дружина, въ противоположность старшей, боярамъ, носитъ общее названіе слугъ и дворянъ; но въ бо́льшей части памятниковъ выдѣляются составныя части младшей дружины, и первое мѣсто здѣсь, второе послѣ бояръ, занимаютъ дѣти боярскіе,—названіе, показывающее ясно, изъ кого составлялся этотъ высшій отдѣлъ младшей дружины. Дѣти боярскіе имѣютъ одинакое положеніе съ боярами относительно права отъѣзда и волостей, не имѣя только права участвовать въ думѣ княжеской

Второй отдѣлъ младшей дружины составляютъ собственно такъ называемые слуги, слуги вольные, люди дворные [349], которые, по тогдашнему выраженію, бывали въ кормленьи и въ доводѣ, и которые, относительно свободнаго отъѣзда, имѣли одинакое право съ боярами и дѣтьми боярскими [350], отличаясь отъ послѣднихъ происхожденіемъ. Отъ этихъ слугъ вольныхъ отличались слуги другого рода, промышленники и ремесленники, какъ-то: бортники, садовники, псари, бобровники, бараши, дѣлюи, которые пользовались княжескими землями. Московскіе князья обязываются не принимать

ихъ въ службу, блюсти за одно, земель ихъ не покупать. Если кто изъ этихъ слугъ не захочетъ жить на своей землѣ, то самъ можетъ уйти прочь, но земли лишается, она отходитъ къ князю. Такого рода слуги обыкновенно называются въ грамотахъ слуги подъ дворскимъ, ибо находились подъ вѣдомствомъ дворскаго; этимъ названіемъ отличаются они отъ вольныхъ слугъ перваго разряда, которые бывали въ кормленіи и въ доводѣ [351]. Наконецъ, у князей встрѣчаемъ невольныхъ слугъ, холопей, которые могли употребляться въ тѣ же самыя должности, въ какихъ находились и слуги подъ дворскимъ [352], равно и въ высшія должности, по домовому и волостному управленію, напр. въ тіуны, посельскіе, ключники, старосты, казначеи, дьяки; всѣ эти должностныя лица назывались большими людьми въ отличіе отъ простыхъ холопей, меньшихъ людей. Названіе гриди, гридьба, исчезаетъ, но встрѣчается еще иногда названіе мужа [353].

На юго-западѣ встрѣчаемъ также бояръ, слугъ и слугъ дворныхъ; между боярами встрѣчаемъ лучшихъ бояръ; между слугами дворныхъ дѣтей боярскихъ [354]. Со времени литовскаго владычества названіе бояръ для старшихъ членовъ дружины остается въ областяхъ русскихъ, но при дворѣ великокняжескомъ оно исчезаетъ, замѣняется названіемъ паны, паны рада. До насъ дошли жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ, вступавшимъ къ нимъ въ службу русскимъ дружинникамъ. Если кто-нибудь изъ вельможъ литовскихъ свидѣтельствовалъ предъ великимъ княземъ о знатности выходца, то послѣдняго принимали и при дворѣ литовскомъ соотвѣтственно его прежнему значенію, какъ человѣка родовитаго и рыцарскаго, равняли его въ правахъ съ князьями, панами и шляхтою хоругвенною. Новый слуга обязывался быть вѣрнымъ великому князю: съ кѣмъ послѣдній будетъ миренъ, съ тѣмъ и онъ долженъ быть миренъ, и наоборотъ, и отправлять военную службу вмѣстѣ съ прочею шляхтою князьями, панами и земянами. Изъ этого мы видимъ, какъ раздѣлялись и назывались служилые люди (шляхта) при дворѣ великихъ князей литовскихъ. Дошли до насъ присяжныя грамоты и тѣхъ вельможъ, которымъ великіе князья литовскіе давали держать города: новый державецъ обязывался держать городъ вѣрно, не передавать его никакому другому государству, кромѣ великаго княжества литовскаго; въ случаѣ смерти великаго князя городъ

сдать его преемнику [355]. О богатствѣ южно-русскихъ, именно галицкихъ, бояръ можно имѣть понятіе изъ извѣстія о взятіи двора боярина Судислава, гдѣ найдено было много вина, овощей, корма, копій, стрѣлъ [356]. Что бояре на югѣ получали отъ князей волости, объ этомъ источники описываемаго времени говорятъ ясно; Даніилъ Романовичъ не велитъ принимать черниговскихъ бояръ, а раздавать волости галицкимъ только; и вслѣдъ за тѣмъ встрѣчаемъ извѣстіе, что доходы съ коломыйской соли шли на раздачу оружникамъ [357]. Больному волынскому князю Владиміру донесли, что братъ его Мстиславъ, еще не вступивъ въ управленіе княжествомъ, уже раздаетъ боярамъ города и села [358]. Отъ временъ литовскихъ дошли до насъ извѣстія о жалованіи слугъ землями въ вѣчное владѣніе [359]; при этихъ пожалованіяхъ опредѣляется обязанность пожалованнаго являться на службу съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ [360]. Имѣнія даются въ вѣчное владѣніе съ правомъ передать ихъ по смерти дѣтямъ и ближнимъ, съ правомъ продать, подарить, распорядиться ими, какъ сочтутъ для себя полезнѣе; впрочемъ Ольгердовъ внукъ, князь Андрей Владиміровичъ, пишетъ въ своей духовной, что бояре, которымъ онъ далъ имѣнія, должны съ этихъ имѣній служить женѣ его [361]. Боярскія вотчины въ юго-западной Руси издавна были свободны отъ дани, не были таглыми; въ Смоленскѣ дань (посощина) шла только съ тѣхъ имѣній боярскихъ, которыя были пожалованы великимъ княземъ Витовтомъ и его преемниками.

По привилегіи Казимира Ягелловича, данной литовскимъ землямъ въ 1457 году, князья, паны и бояре могли выѣзжать въ чужія земли, кромѣ земель непріятельскихъ, для приращенія своего состоянія и для подвиговъ воинскихъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ въ ихъ отсутствіе служба великокняжеская съ ихъ имѣній нисколько не страдала. Имуществами отчинными или пожалованными отъ Витовта они имѣютъ право владѣть такъ, какъ князья, паны и бояре польскіе владѣютъ своими имуществами, имѣютъ право ихъ продать, промѣнять, отчудить, подарить и всячески на свою пользу употребить. Подданные ихъ освобождаются отъ всякихъ податей, платежей, поборовъ и серебщизны, отъ мѣръ, которыя называются дяклями, отъ подводъ, отъ обязанности возить камень, бревна, дрова для обжиганія кирпичей или извести, отъ кошенія сѣна и проч., исключая работъ, необходимыхъ для построенія новыхъ крѣпостей

и поправки старыхъ; остаются также въ силѣ старыя повинности: постои, поборы, постройки новыхъ мостовъ, поправки старыхъ, исправленіе дорогъ. Ихъ люди зависимые и невольные не могутъ быть принимаемы ни великимъ княземъ, ни его чиновниками. Если будетъ жалоба на кого-нибудь изъ людей ихъ, то великій князь не посылаетъ своего дѣцкаго, но прежде будетъ потребована управа у господина, которому виноватый принадлежитъ, и только въ томъ случаѣ, когда въ назначенный срокъ управа не будетъ учинена. дѣцкій посылается, но виноватый платитъ за вину только своему господину, а не кому-либо другому [362].

Мы видѣли на сѣверѣ, въ числѣ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, чашниковъ. Встрѣчаемъ также должность конюшаго, дворскаго. Въ современныхъ источникахъ указана только одна обязанность дворскаго: вѣдать слугъ княжескихъ—мастеровыхъ и промышленныхъ, но конечно дѣятельность его этимъ не ограничивалась. Встрѣчаемъ казначеевъ, ключниковъ, тіуновъ: всѣ эти должностныя лица могли быть изъ свободныхъ и изъ холопей. Относительно ключниковъ свободныхъ въ завѣщаніи князя Владиміра Андреевича серпуховского находимъ слѣдующее распоряженіе: „Что мои ключники некупленные, а покупили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтямъ моимъ ненадобны, а деревни къ дѣтямъ моимъ". Въ разсказѣ о Мамаевомъ побоищѣ встрѣчаемъ рынду, который тутъ имѣетъ обязанность возить великокняжеское знамя [363]. Изъ лицъ правительственныхъ находимъ древній санъ тысяцкаго и видимъ его уничтоженіе въ Москвѣ при Димитріи Донскомъ. Не встрѣчаемъ болѣе посадниковъ, вмѣсто нихъ находимъ намѣстниковъ, волостелей, становщиковъ и околичниковъ, которые различались другъ отъ друга обширностію и важностію управляемыхъ участковъ. Въ жалованныхъ грамотахъ обыкновенно говорится, что намѣстники и волостели не въѣзжаютъ въ извѣстныя волости, не судятъ тамошнихъ людей и не посылаютъ къ нимъ ни за чѣмъ. Великій князь Василій Димитріевичъ требуетъ отъ дяди своего Владиміра Андреевича, чтобы тотъ не судилъ судовъ московскихъ безъ великокняжескихъ намѣстниковъ; если въ отсутствіе великаго князя изъ Москвы, подастъ ему просьбу Москвичъ на Москвича, то онъ даетъ пристава и посылаетъ къ своимъ намѣстникамъ, которые должны разобрать дѣло вмѣстѣ съ намѣстниками удѣльнаго князя. Тіуны являются съ прежнимъ значеніемъ. При

разбирательствѣ дѣлъ употреблялись чиновники: приставы, доводчики; селами управляли посельскіе, о которыхъ намъ прямо извѣстно, что они могли быть изъ несвободныхъ слугъ княжескихъ; для письменныхъ дѣлъ употреблялись дьяки и подъячіе [364]; дьяки употреблялись также и для дѣлъ посольскихъ: такъ Шемяка послалъ въ Казань дьяка своего Ѳедора Дубенскаго стараться о томъ, чтобъ великаго князя Василія Васильевича не выпускали изъ плѣна. Описи земель производились писцами. Для сбора разнаго рода податей существовалъ рядъ чиновниковъ подъ названіемъ данщиковъ, боровщиковъ (отъ бора), бѣльщиковъ (отъ бѣлки), ямщиковъ (отъ яма). бобровниковъ, закосниковъ, бортниковъ [365].

На югозападѣ до литовскаго владычества встрѣчаемъ званія: дворскаго, который имѣетъ здѣсь важное значеніе и въ мирѣ, и на войнѣ; дворскій Григорій въ Галичѣ вмѣстѣ съ епископомъ Артеміемъ является на первомъ планѣ: оба противятся князю Даніилу Романовичу, и потомъ оба являются къ нему съ предложеніемъ принять городъ [366]. Знаменитый Андрей, дворскій Даніила, является на первомъ планѣ въ походахъ; по всему видно, что вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ государствъ, Польскаго и Венгерскаго, дворскій въ Галичѣ имѣлъ важное значеніе палатина. Важнымъ сановникомъ является на югѣ печатникъ (канцлеръ): печатникъ Кириллъ посланъ былъ князьями Даніиломъ и Василькомъ въ Бакоту исписать грабительства бояръ и утишить землю; печатника встрѣчаемъ и въ Смоленскѣ въ концѣ XIII вѣка [367]. Видимъ и въ Москвѣ печатника, которымъ при Димитріи Донскомъ былъ знаменитый священникъ Митяй. Встрѣчаемъ и на югѣ стольниковъ [368]. Встрѣчаемъ седельничаго, но въ другомъ, высшемъ значеніи, чѣмъ прежде [369]; находимъ новое названіе слузниковъ, подлѣ бояръ [370]; писецъ на югѣ употребляется въ томъ же значеніи, въ какомъ дьякъ на сѣверѣ [371].

Таковъ былъ составъ дружины и собственно двора княжескаго на сѣверѣ и югѣ. Но кромѣ означенныхъ званій и раздѣленій, и здѣсь, и тамъ, въ описываемое время входятъ въ число княжескихъ слугъ князья же племени Рюрикова и Гедиминова, лишенные своихъ владѣній, или, по крайней мѣрѣ, лишенные правъ независимыхъ владѣльцевъ. Въ началѣ, въ описываемое время, эти князья не входятъ еще въ общій служебный распорядокъ, составляютъ особый отдѣлъ дружины, причемъ, хотя не вездѣ, становятся выше

бояръ. Князья условливаются другъ съ другомъ, что въ случаѣ отъѣзда князья служебные лишаются своихъ вотчинъ [372]. Что же касается происхожденія остальныхъ членовъ дружины, то на сѣверѣ она наполнялась выходцами изъ южной Руси, изъ Литвы, изъ Орды и даже изъ Германіи. На югѣ, во Владимірѣ Волынскомъ видимъ нѣмца Маркольта съ важнымъ значеніемъ [373]; тамъ же въ службѣ князя Владиміра Васильковича видимъ Кафилата, выходца изъ Силезіи [374], потомъ Прусса [375]. Въ смутное время въ Галичѣ важнаго значенія достигъ бояринъ Григорій, внукъ священника; вмѣстѣ съ нимъ упоминаются Лазарь Доможиричъ и Иворъ Молибожичъ, люди низкаго происхожденія (племени смердья); но было ли это явленіе слѣдствіемъ смутнаго времени, или могло случиться и при обыкновенномъ порядкѣ вещей—этого рѣшить нельзя [376]. Мы видимъ, что люди знатнаго происхожденія, но не достигшіе еще званія члена старшей дружины, образуютъ особый отдѣлъ въ младшей дружинѣ подъ именемъ дѣтей боярскихъ.

Кромѣ дружины, войско по прежнему составлялось и изъ городовыхъ полковъ; полки, составленные изъ московскихъ жителей, упоминаются въ княжескихъ договорахъ обыкновенно подъ именемъ московской рати; Василій Васильевичъ Темный вывелъ противъ дяди Юрія московскихъ гостей и другихъ жителей. Въ жалованной грамотѣ Василія Темнаго Троицкому Сергіеву монастырю говорится о сельчанахъ, обязанныхъ береговою службою [377]. На югѣ Ростиславъ Михайловичъ черниговскій собралъ въ Перемышль многихъ смердовъ для войны съ Даніиломъ галицкимъ [378], причемъ лѣтописецъ говоритъ, что эти смерды составляли пѣхоту, которая дала побѣду Ростиславу; но въ знаменитомъ ярославскомъ сраженіи тотъ же Ростиславъ вступилъ въ битву съ одною конницею, оставилъ пѣхоту у города и былъ побѣжденъ Даніиломъ, у котораго была и конница и пѣхота. На сѣверѣ, заслышавъ о приближеніи непріятеля, князья разсылали грамоты по всѣмъ волостямъ своимъ для сбора войска; но мы видѣли, какъ эти сборы были медленны, когда надобно было имѣть дѣло съ непріятелемъ, подобнымъ Ольгерду или Тохтамышу. Когда непріятель былъ уже близко, то изъ первыхъ собравшихся ратниковъ составляли сторожевой полкъ и отправляли въ з а с т а в у, чтобы задержать по возможности врага [379]. Выступивъ въ походъ, посылали напередъ с т о р о ж и развѣдать о движеніяхъ непріятеля, добыть плѣнниковъ, отъ которыхъ можно было

бы узнать все подробно; добыть плѣнника значило, по тогдашнему выраженію, добыть языка. Въ походѣ войско кормилось на счетъ областей, чрезъ которыя проходило: такъ говорится, что великій князь Василій Васильевичъ, заключивъ перемиріе съ Василіемъ Косымъ, распустилъ свои полки, которые разъѣхались всѣ для собранія кормовъ. Предъ вступленіемъ въ битву войско располагалось по прежнему: въ срединѣ становился великій полкъ, по обѣ стороны его двѣ руки—правая и лѣвая; напереди передовой полкъ. Видимъ употребленіе съ большою пользою засадъ, или западныхъ полковъ: засада рѣшила Куликовскую битву въ пользу Русскихъ; благодаря засадѣ, начальникъ ушкуйниковъ Прокопій съ двумя тысячами войска разбилъ пять тысячъ Костромичей. По прежнему предъ началомъ битвы князья говорили рѣчи. По прежнему, видя бѣгство непріятеля, ратники бросались обдирать мертвыхъ, иногда преждевременно, какъ напримѣръ на суздальскомъ бою; на югѣ и на сѣверѣ видимъ старый обычай браниться съ непріятелемъ [380]. Въ южной лѣтописи упоминается о русскомъ боѣ [381], какъ отличавшемся своими особенностями. Сѣверный лѣтописецъ, по случаю битвы Василія Васильевича Темнаго съ Василіемъ Косымъ, говоритъ, что литовскій выходецъ, князь Иванъ Баба Друцкой изрядилъ свой полкъ съ копьями по-литовски, и этотъ литовскій обычай противополагаетъ русскому. Выраженіе: съ копьями—не можетъ намъ дать понятія объ особенностяхъ литовскаго боя, ибо и Русскіе одинаково употребляли это оружіе; такъ напримѣръ при описаніи Куликовской битвы говорится, что задній рядъ закладывалъ копья на плеча переднимъ, причемъ у переднихъ копья были короче, а у заднихъ длиннѣе. Венгерскій полководецъ отзывался о южнорусскихъ ратникахъ, что они охочи до бою, стремительны на первый ударъ, но долго не выдерживаютъ; южно-русскіе полки любили биться въ чистомъ полѣ, на открытыхъ мѣстахъ; Даніилъ Галицкій, во время похода на Ятвяговъ, говоритъ своему войску: „развѣ не знаете, что христіанамъ пространство есть крѣпость, а поганымъ тѣснота“ [382]. Въ сѣверномъ лѣтописцѣ находимъ извѣстіе, что когда великій князь Василій Васильевичъ послалъ полки свои противъ Татаръ къ Окѣ подъ начальствомъ князя звенигородскаго, то этотъ воевода испугался и возвратился назадъ; иначе поступили другіе воеводы, князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій-Стрига и Ѳедоръ Басенокъ, въ войнѣ новгородской; встрѣтившись,

въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, съ непріятелемъ, у котораго было 5,000 человѣкъ, они сказали: „если не вступимъ въ бой, то погибнемъ отъ своего государя великаго князя“, сразились и одержали побѣду. На югѣ сохранялся обычай, по которому князь долженъ былъ ѣхать впереди войска, потому что онъ былъ искуснѣе всѣхъ въ ратномъ дѣлѣ и его болѣе всѣхъ слушались; такъ князья русскіе и польскіе говорили Даніилу Романовичу: „Ты король голова всѣмъ полкамъ; если пошлешь кого-нибудь изъ насъ напередъ, то войско не будетъ слушаться; ты знаешь воинскій чинъ, ратное дѣло тебѣ за обычай, и всякій тебя постыдится и побоится; ступай самъ напереди“. И Даніилъ, урядивши полки, самъ поѣхалъ напереди съ однимъ дворскимъ и небольшимъ числомъ отроковъ. На сѣверѣ, по свидѣтельству сказаній о мамаевомъ побоищѣ, великій князь Димитрій, поѣздивъ немного впереди въ сторожевыхъ полкахъ, возвратился въ великій полкъ.

Вооруженіе на сѣверѣ состояло изъ щитовъ, шлемовъ, рогатинъ, сулицъ, копій [383], сабель [384], ослоповъ, топоровъ. Южный лѣтописецъ такъ описываетъ вооруженіе полковъ Даніила галицкаго: „Щиты ихъ были какъ заря, шлемы какъ солнце восходящее, копья дрожали въ рукахъ ихъ какъ трости многія, стрѣльцы шли по обѣ стороны и держали въ рукахъ рожанцы свои, наложивши на нихъ стрѣлы.“ Въ другой разъ, вышедши на помощь къ королю венгерскому, Даніилъ вооружилъ свое войско по-татарски: лошади были въ личинахъ и к о я р а х ъ кожаныхъ, а люди въ я р ы к а х ъ; самъ же Даніилъ одѣтъ былъ по обычаю русскому; сѣдло на конѣ было изъ жженаго золота, стрѣлы и сабли украшены золотомъ и разными хитростями, кожухъ изъ греческаго оловира, обшитъ кружевами золотыми плоскими, сапоги изъ зеленаго сафьяна (хза) шиты золотомъ; когда король попросился у него въ станъ, то Даніилъ ввелъ его въ свою п о л а т у [385] (полатку). И на югѣ между оружіемъ попадается названіе р о г т и ч и или рогатицы, также мечи и сулицы. Въ духовной волынскаго князя Владиміра упоминается [386] броня дощатая [387]. Изъ отнятыхъ у непріятелей коней и оружія составляли с а й г а т ъ [388]. Попрежнему на югѣ употребляются стяги или хоругви, на сѣверѣ они уже начинаютъ называться знаменами: такъ въ сказаніяхъ о мамаевомъ побоищѣ упоминается черное знамя, которое возили надъ великимъ княземъ. Для созванія войска на бой употреблялись трубы, Василій Васильевичъ

Темный самъ началъ трубить войску, заслышавъ о приближеніи Косого.

Относительно характера войнъ должно замѣтить, что на сѣверѣ (включая сюда область сѣверскую, рязанскую и смоленскую), изъ девяноста извѣстій о войнахъ внутреннихъ или междоусобныхъ, мы встрѣчаемъ не болѣе двадцати извѣстій о битвахъ, слѣдовательно семьдесять походовъ совершено было безъ битвъ. Раздѣливъ описываемый періодъ времени въ 234 года на двѣ равныя половины, увидимъ, что въ первую половину, до 1345 года, который придется въ началѣ княженія Симеона Гордаго, было только пять битвъ, остальныя же пятнадцать относятся ко второй половинѣ, и изъ этихъ пятнадцати почти половина, именно семь битвъ приходятся на усобицу, происходившую въ княженіе Василія Темнаго между этимъ княземъ и его дядей и двоюродными братьями—доказательство усиленнаго ожесточенія къ концу борьбы. На югѣ же въ продолженіе семнадцати лѣтъ, отъ 1228 года до ярославской битвы, встрѣчаемъ двѣнадцать извѣстій о походахъ, и между ними четыре извѣстія о битвахъ, между которыми двѣ были лютыя—звенигородская и ярославская. О внѣшнихъ войнахъ въ описываемое время на сѣверѣ встрѣчаемъ около 160 извѣстій, и въ томъ числѣ около пятидесяти только извѣстій о битвахъ; изъ этого числа битвъ болѣе тринадцати было выиграно Русскими. Изъ общаго числа извѣстій о войнахъ сорокъ пять относятся къ войнамъ съ Татарами, сорокъ одно къ войнѣ съ литовцами, тридцать съ Нѣмцами ливонскими; остальныя относятся къ войнѣ со Шведами, Болгарами и проч. На югѣ до литовскаго владычества встрѣчаемъ сорокъ съ чѣмъ-нибудь извѣстій о войнахъ внѣшнихъ, въ томъ числѣ одиннадцать извѣстій о битвахъ, изъ которыхъ восемь были выиграны Русскими. Во время междоусобныхъ войнъ на сѣверѣ встрѣчаемъ разъ тридцать пять извѣстія о взятіи городовъ, при чемъ разъ пять попадаются осады неудачныя; во внѣшнихъ войнахъ разъ пятнадцать упоминается о взятіи городовъ Русскими, разъ семь неудачныя осады; разъ семнадцать Русскіе отбили осаждающихъ отъ своихъ городовъ, разъ около семидесяти упоминается о взятіи русскихъ городовъ, преимущественно Татарами, во время нашествій Батыева, Тохтамышева Едигеева. На югѣ во внѣшнихъ войнахъ разъ семь упоминается о взятіи городовъ Русскими, раза три избавленіе русскихъ городовъ

отъ осады, разъ неудачная осада Русскими, разъ одиннадцать взятіе городовъ русскихъ непріятелемъ.

Касательно осадъ городовъ, въ самомъ началѣ описываемаго періода мы уже встрѣчаемъ извѣстія о стѣнобитныхъ орудіяхъ, порокахъ, таранахъ, турахъ. Во время осады Чернигова Даніиломъ Романовичемъ галицкимъ и Владиміромъ Рюриковичемъ кіевскимъ, осаждающіе поставили таранъ, который металъ камнемъ на полтора перестрѣла, а камень былъ въ подъемъ четыремъ мужчинамъ сильнымъ. Ростиславъ Мстиславичъ черниговскій, во время осады Ярославля Галицкаго, употреблялъ пороки или праки. Вотъ какъ описывается взятіе приступомъ города Гостинаго Волынскаго войсками, отправленными на помощь къ польскому князю Кондрату: „Когда полки пришли къ городу и стали около него, то начали пристроиваться на взятіе города; князь Кондратъ ѣздилъ и говорилъ Русскимъ: „Братья моя милая Русь! потяните за одно сердце!“ и ратники полѣзли подъ забрала, а другіе полки стояли неподвижно, сторожа, чтобъ Поляки не подкрались внезапно. Когда ратники прилѣзли подъ забрала, то Поляки стали пускать на нихъ камни, точно градъ сильный, но стрѣлы осаждающихъ не давали осажденнымъ выникнуть изъ забралъ; потомъ начали колоться копьями; много было раненыхъ въ городѣ отъ копій и стрѣлъ, и начали мертвые падать изъ забралъ какъ снопы; такимъ образомъ взятъ былъ городъ и сожженъ, жители перебиты и поведены въ плѣнъ [380].“ На сѣверѣ Новгородцы, сбираясь въ походъ подъ Раковоръ, пріискали мастеровъ, которые стали чинить пороки на владычнемъ дворѣ. Во время осады Твери Димитріемъ Донскимъ осаждающіе окружили городъ острогомъ, приставили туры и приметали приметъ около всего города; эта осада продолжалась четыре недѣли, городъ не былъ взятъ, потому что тверской князь поспѣшилъ заключить миръ съ московскимъ. Первымъ дѣломъ осаждающихъ было пожечь посадъ и всѣ строенія около осажденной крѣпости или города; но иногда это дѣлали и сами осажденные, приготовляясь къ осадѣ. Въ разсказѣ объ осадѣ Москвы Тахтамышемъ въ первый разъ упоминаются пушки и тюфяки, употребленные осажденными; тутъ же упоминаются и самострѣлы; осажденные, кромѣ того, что бросали камни и стрѣлы, лили на осаждающихъ также горячую воду. Московскій кремль ни разу не былъ взятъ силою, ибо Тохтамышъ овладѣлъ имъ хитростію; Смоленскъ оба раза былъ взятъ Витовтомъ также

хитростію; Тверь послѣ татарскаго нашествія съ Калитою ни разу не была взята; Новгородъ не былъ взятъ никогда; Псковъ выдержалъ шесть осадъ отъ Нѣмцевъ.

Относительно числа войскъ въ описываемое время у насъ еще менѣе точныхъ извѣстій, чѣмъ даже въ періодъ предшествовавшій. Правда, мы имѣемъ извѣстіе о числѣ русскаго войска, сражавшагося на Куликовомъ полѣ, но это извѣстіе почерпнуто изъ украшенныхъ сказаній и есть еще другія причины сомнѣваться въ его вѣрности. Когда великій князь Димитрій перевезся черезъ Оку и сосчиталъ своихъ ратниковъ, то нашелъ, что ихъ болѣе двухъ сотъ тысячъ, причемъ великій князь жалѣлъ, что у него мало пѣхоты, и оставилъ у Лопасны великаго воеводу своего Тимоѳея Васильевича, чтобъ онъ провожалъ по рязанской землѣ тѣ пѣшіе и конные отряды, которые будутъ приходить послѣ. И дѣйствительно потомъ сказано, что пришло къ нему много пѣхоты, много житейскихъ людей и купцовъ изо всѣхъ земель и городовъ, такъ что послѣ ихъ прихода насчиталось уже болѣе 400.000 войска. Но если мы примемъ въ соображеніе, что Димитрій долженъ былъ ограничиться силами одного московскаго и великаго княжества съ подручными князьями и отрядомъ двоихъ Ольгердовичей, что извѣстіе о приходѣ Новгородцевъ болѣе чѣмъ сомнительно, что на извѣстіе о тверской помощи также нельзя много настаивать, что о полкахъ нижегородскихъ и суздальскихъ нѣтъ и помину, то извѣстіе о 400.000 войска не можетъ не показаться преувеличеннымъ. Въ суздальскомъ бою съ Василіемъ Темнымъ было только полторы тысячи войска, хотя съ нимъ были тутъ князья можайскій, верейскій и серпуховской, недоставало одного Шемяки, чтобъ всѣ силы Московскаго княжества были въ сборѣ. Новгородцы выставили противъ Василія Темнаго 5.000 войска, и эту рать лѣтописецъ называетъ великою вельми. Разумѣется, мы не можемъ сравнивать похода Василія Темнаго на казанскаго хана съ походомъ дѣда его Димитрія на Мамая: самыя жалобы лѣтописца на чрезмѣрное истощеніе областей московскихъ послѣ Куликовской битвы показываютъ напряженіе чрезвычайное.

Таково является, по источникамъ, состояніе дружины и войска вообще. Что касается до остальнаго народонаселенія городского и сельскаго, то города сѣверовосточной Руси въ описываемое время представляются намъ съ другимъ значеніемъ, чѣмъ какое видѣли

мы у городовъ древней, югозападной Руси. Усобицы между князьями продолжаются попрежнему, но города не принимаютъ въ нихъ участія какъ прежде, ихъ голоса не слышно; ни одинъ князь не собираетъ вѣча для объявленія городовому народонаселенію о походѣ или о какомъ-нибудь другомъ важномъ дѣлѣ, ни одинъ князь не уряживается ни о чемъ съ горожанами. За Владиміръ и его область борются князья переяславскій и городецкій, московскій и тверской, но расположеніе Владимірцевъ къ тому или другому сопернику никогда не кладется на вѣсы для рѣшенія спора, какъ нѣкогда расположеніе Кіевлянъ; цѣня важность Владиміра и его области, борясь за нихъ, князья однако перестаютъ жить въ стольномъ городѣ отцевъ, остаются въ своихъ опричнинахъ; это обстоятельство должно было бы дать Владимірцамъ большую независимость при обнаруженіи своего расположенія въ пользу того или другого соперника, но ничего подобнаго не видимъ. Начинается усобица въ Московскомъ княжествѣ между дядею и племянникомъ; одинъ изгоняетъ другого изъ Москвы, какъ нѣкогда изъ Кіева, но о голосѣ Москвичей ни слова, ни слова о томъ, чтобъ князья соперники прислушивались къ этому голосу, спрашивали его; говорится о заговорѣ многихъ Москвичей, бояръ, гостей и чернецевъ въ пользу Шемяки противъ Василія Темнаго, но ни слова о вѣчѣ, о гласномъ выраженіи народнаго мнѣнія, о распрѣ сторонъ между гражданами, какъ это мы видѣли въ старину на югѣ; два раза Москва, лишенная князей, предоставляется себѣ самой: во время Тохтамышева нашествія и послѣ суздальскаго боя, и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ ни слова о вѣчѣ; лѣтописецъ говоритъ только о волненіи, которое въ первомъ случаѣ было утишено прибытіемъ князя Остея. Три раза упоминаются вѣча или возстанія: два раза вѣча простыхъ людей на бояръ — въ Костромѣ, Нижнемъ, Торжкѣ, одинъ разъ вѣче въ Ростовѣ на Татаръ; упоминаются и прежде совѣты на Татаръ въ городахъ, — при чемъ видимъ и участіе князей [390]; но въ старыхъ городахъ — Смоленскѣ, Муромѣ, Брянскѣ жители вмѣшиваются въ княжескія усобицы: Смольяне не хотѣли имѣть своимъ княземъ Святослава Мстиславича и послѣдній долженъ былъ силою сѣсть у нихъ на столѣ; Брянцы сходятся вѣчемъ на князя своего Глѣба Святославича; въ Муромѣ обнаруживаются двѣ стороны, изъ которыхъ одна стоитъ за князя Ѳедора Глѣбовича, а другая за Юрія Ярославича.

Но и въ описываемое время существовалъ на сѣверѣ городъ, который, несмотря на усилія Андрея Боголюбскаго, Всеволода III, сына его Ярослава, внука Ярослава, правнука Михаила, сохранилъ прежнее значеніе старшихъ городовъ въ областяхъ, значеніе власти, сохранилъ прежній обычай, какъ на думу, на вѣче сходиться: то былъ Новгородъ Великій. Мы видѣли, какъ вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній и усобицъ, явились ряды, какъ великіе князья рядились съ Кіевлянами, какъ послѣ Всеволода Ольговича тіунъ въ Кіевѣ становился выборнымъ отъ города; мы видѣли, что вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ, но еще болѣе усиленныхъ, явились ряды и въ Новгородѣ, и здѣсь посадники и тысяцкіе стали выборными. Мы видѣли, что начало рядовъ новгородскихъ должно отнести ко временамъ Всеволода Мстиславича; но дошедшая до насъ самая древняя изъ договорныхъ грамотъ новгородскихъ съ великими князьями относится ко временамъ Ярослава Ярославича; послѣ этого князя мы имѣемъ цѣлый рядъ подобныхъ грамотъ съ малыми измѣненіями одна противъ другой, ибо Новгородцы держались старины: новыя отношенія, явившіяся на сѣверѣ, не могли дать имъ новыхъ льготъ; все стараніе ихъ долженствовало быть направлено къ тому только, чтобъ удержать прежнее.

Такъ въ началѣ грамотъ Новгородцы обыкновенно говорятъ, чтобъ князь цѣловалъ крестъ на томъ, на чемъ цѣловали дѣды и отцы, держать Новгородъ въ старинѣ, по пошлинѣ, безъ обиды; послѣ исчисленія всѣхъ условій говорится, что такъ пошло отъ дѣдовъ и отцевъ. Въ грамотахъ Ярослава Ярославича говорится только о крестоцѣлованіи княжескомъ; но въ грамотахъ сына его Михаила является уже и клятва Новгородцевъ—держать княженіе честно, по пошлинѣ, безъ обиды; наконецъ съ того времени, какъ младшіе, удѣльные князья московскіе начали присягать—держать княженіе старшихъ честно и г р о з н о, Новгородцы также должны были внести въ свои грамоты: г р о з н о. Договоръ заключается отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго, соцкихъ, отъ всѣхъ старѣйшихъ, отъ всѣхъ меньшихъ, отъ всего Новгорода. Владыка посылалъ князю благословеніе, остальные сановники и жители поклонъ.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ правителя, князь держалъ всѣ почти волости новгородскія не своими мужами, но мужами новгородскими. Мы не должны забывать, что подъ именемъ волостей разумѣлось тогда не только то, что мы теперь разумѣемъ

подъ этимъ названіемъ, но также должности, доходы. Князь безъ посадника не раздавалъ волостей, не давалъ грамотъ. Князь рядилъ Новгородъ и раздавалъ волости, находясь въ Новгородѣ, но не могъ дѣлать этого, находясь въ суздальской землѣ; безъ вины не лишалъ никого волости. На нѣмецкомъ дворѣ князь торговалъ посредствомъ купцовъ новгородскихъ, не могъ затворять двора, приставлять къ нему приставовъ, нарушать договоровъ, заключенныхъ съ городами нѣмецкими, долженъ былъ, по выраженію грамотъ, блюсти новгородскую душу, т.-е. не дѣлать Новгородцевъ клятвопреступниками предъ Нѣмцами.—Изъ этихъ условій видимъ, что давать грамоты, скрѣплять ими извѣстныя права, принадлежало князю, только при участіи посадника; но потомъ Новгородъ, въ этомъ отношеніи, забылъ старину, и грамоты стали даваться на вѣчѣ безъ участія князя; такъ дана была жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю въ слѣдующей формѣ: „По благословенію господина преосвященнаго архіепископа богоспасаемаго Великаго Новгорода владыки Еуѳимія, по старой грамотѣ жалованной, пожаловали посадникъ Великаго Новгорода Димитрій Васильевичъ и всѣ старые посадники, тысяцкій Михайла Андреевичъ и всѣ старые тысяцкіе, и бояре, и житые люди, и купцы, и весь господинъ Великій Новгородъ на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ [351]". Великій князь Василій Васильевичъ уничтожилъ эту новизну; въ его договорѣ съ Новгородцами читаемъ условіе: „вѣчнымъ грамотамъ не быть", вмѣстѣ съ другимъ условіемъ: „А печати быть князей великихъ". Понятно, что, присвоивши себѣ право давать грамоты отъ вѣча, безъ князя, Новгородцы привѣшивали къ этимъ грамотамъ и свою городовую печать.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ судьи, князь не судилъ суда безъ посадника; Новгородцы обязываются не отнимать суда у великокняжескихъ намѣстниковъ, исключая двухъ случаевъ: вопервыхъ, когда придетъ вѣсть о вторженіи непріятеля, вовторыхъ, когда жители будутъ заняты укрѣпленіемъ города, и обвиненные или тяжущіеся не будутъ имѣть времени отвѣчать передъ судомъ. Соцкіе и рядовичи безъ великокняжескаго намѣстника и безъ посадника не судятъ нигдѣ. Зовъ къ суду по волости производится посредствомъ позовниковъ великокняжескихъ и новгородскихъ, въ городѣ посредствомъ подвойскаго великокняжескаго и новгородскаго. Если князю донесутъ на кого бы то ни было, то онъ не даетъ вѣры доносу, прежде нежели изслѣ-

дуется дѣло; князь не посуживаетъ грамотъ, т.-е. не перемѣняетъ грамотъ, данныхъ прежними князьями; не посужаетъ ряду вольнаго, т.-е. когда соперники полюбовно уладятъ дѣло между собою; не замышляетъ самъ суда; не даетъ вѣры навѣтамъ холопа или рабы на господина; не судитъ ни холопа, ни рабы, ни половника безъ господаря ихъ; дворяне княжескіе изъ новгородской волости за рубежъ суда не выводятъ и не судятъ, вязчей пошлины не берутъ. Если случится судъ великокняжескому человѣку съ новгородцемъ, то судятъ отъ великаго князя бояринъ, и отъ Великаго Новгорода бояринъ, судятъ право, по крестному цѣлованію. Если же заспорятъ, не смогутъ рѣшить дѣла, то когда великій князь или его братъ, или сынъ пріѣдутъ въ Новгородъ, тогда рѣшатъ это дѣло. Судей своихъ по волости князь шлетъ на Петровъ день.

По условіямъ, опредѣлявшимъ доходы княжескіе, князь получалъ даръ отъ всѣхъ новгородскихъ волостей; въ Торжкѣ и Волокѣ держалъ тіуна въ той части этихъ городовъ, которая ему принадлежала, а въ Вологдѣ тіуна не держалъ; на двухъ погостахъ, Имоволожскомъ и Важанскомъ бралъ куны; когда князь ѣхалъ въ Новгородъ, то бралъ даръ по станціямъ (постояніямъ), а когда ѣхалъ изъ Новгорода, тогда дара не бралъ. Судныхъ пошлинъ Новгородцы обязываются не утаивать, равно какъ всякихъ доходовъ и оброковъ княжескихъ. Пошлины великимъ князьямъ и митрополиту отъ владыки брать по старинѣ. Крюкъ великимъ князьямъ по старинѣ на третій годъ. Князь пользовался въ назначенныхъ мѣстахъ правомъ косить сѣно, ловить звѣрей, рыбу, варить медъ [392]. Князь собиралъ дань въ Заволоцкихъ владѣніяхъ Новгорода; но онъ или продавалъ (отдавалъ на откупъ) эту дань Новгороду, или могъ посылать и своего мужа, но только изъ Новгорода, въ двухъ насадахъ, и никакъ не съ Низу, и потомъ посланный долженъ былъ возвращаться опять въ Новгородъ, а не прямо къ великому князю; раздавать даней на Низу князь не могъ. Въ Вотскую землю князь посылалъ ежегодовъ. Дворяне княжескіе и тіуны его имѣютъ право брать прогоны [393]; но дворяне не имѣютъ права по селамъ брать подводы у купцовъ, развѣ только въ томъ случаѣ, когда надобно дать вѣсть о приближеніи непріятеля. Ни князь, ни княгиня, ни бояре, ни дворяне ихъ не могли въ новгородской волости держать селъ, покупать ихъ, принимать въ даръ, также ставить слободъ и мытовъ.

Изъ всѣхъ этихъ условій видно, что Новгородъ не платилъ великому князю дани, исключая даней заволоцкихъ, о которыхъ упоминается еще подъ 1133 годомъ. Но мы видѣли, что въ 1259 году наложена была на Новгородъ дань татарская, число; лѣтописецъ говоритъ, что Татары переписали домы христіанскіе, и что богатымъ было легко, а бѣднымъ тяжело [394]; изъ послѣднихъ словъ можно видѣть, что количество платимой суммы было одинаковое для всѣхъ жителей, дань была наложена безъ соображенія съ средствами плательщика. Но мы видѣли также, что Татары скоро перестаютъ сами сбирать дань и поручаютъ это князьямъ, которые такимъ образомъ получаютъ возможность распорядиться сборомъ дани посвоему; то же самое дѣлаютъ и Новгородцы: они платятъ великому князю такъ называемый черный боръ для хана, и вносятъ въ свои договоры условіе: „Если приведется князьямъ великимъ взять черный боръ, и намъ черный боръ дать по старинѣ". Такъ, когда Димитрій Донской, послѣ Тохтамышева нашествія, долженъ былъ дать въ Орду большой выходъ, то послалъ и въ Новгородъ брать черный боръ [395]. Какъ брался этотъ черный боръ, мы знаемъ изъ данной новгородской грамоты великому князю Василію Васильевичу на черный боръ по новоторжскимъ волостямъ [396]. „Брать князя великаго черноборцамъ на новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, куда пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ новой, да писцу княжому мортка съ сохи; а въ соху два коня да третье припряжь, да тшанъ кожевничій за соху (идетъ), неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшци за соху, ладья за двѣ сохи, црѣнъ за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взять за полсохи; гдѣ Новгородецъ заѣхалъ лодьею, или торгуетъ лавкою, или староста, на томъ не взять; и кто будетъ одерноватый, беретъ мѣсячину, на томъ также не брать. Кто, покинувъ свой дворъ, вбѣжитъ во дворъ боярскій, или кто утаитъ соху и будетъ изобличенъ, тотъ платитъ за вину свою вдвое за соху". Такимъ образомъ мы видимъ, что дань платилась съ промысловъ и опредѣлялась величиною средствъ промышленника, причемъ всѣ промыслы приравнивались къ сохѣ, которая выражала опредѣленную величину средствъ, употребляемыхъ при обработкѣ земли.

Мы видѣли, что опредѣленіе одинхъ только финансовыхъ отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ можно отнести ко време-

намъ Ярослава I, что опредѣленіе остальныхъ отношеній, какъ мы встрѣчаемъ его въ договорныхъ грамотахъ, должно быть отнесено ко временамъ позднѣйшимъ, началось не ранѣе княженія Ярополка Владиміровича въ Кіевѣ. Начавшіяся съ этихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами и между разными линіями Мономахова потомства, частыя перемѣны великихъ князей отразились въ Новгородѣ, который постоянно признавалъ свою зависимость отъ великаго князя, бралъ себѣ князя изъ его руки: и здѣсь начались волненія и усобицы, смѣны, изгнаніе князей, образовались партіи, приверженные то къ тому, то къ другому изъ нихъ; если сначала князья смѣнялись вслѣдствіе смѣнъ въ Кіевѣ, то потомъ начали смѣняться вслѣдствіе торжества той или другой стороны въ самомъ Новгородѣ; чиновники княжескіе, посадники, тысяцкіе стали выборными, начали смѣняться вслѣдствіе торжества той или другой стороны, вслѣдствіе смѣны князей, съ которыми стали заключаться договоры, ряды. Князья южные, занятые своими родовыми счетами и усобицами, смотрѣли равнодушно на утвержденіе такого порядка вещей въ Новгородѣ; если Ольговичи уступали Кіевлянамъ выборъ тіуна, то нѣтъ ничего удивительнаго, что другіе южные князья легко соглашались и на новгородскія условія; Изяславъ Мстиславичъ одинаково ведетъ себя какъ на кіевскомъ, такъ и на новгородскомъ вѣчѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ приняли первенствующее положеніе князья сѣверные, мы видимъ постоянное враждебное столкновеніе ихъ съ бытомъ Новгорода, развившимся, по всѣмъ вѣроятностямъ, полнѣе и опредѣлившимся точнѣе, нежели въ другихъ старыхъ городахъ. Всеволодъ III привелъ было уже Новгородъ совершенно въ свою волю, сынъ его Ярославъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, хотѣлъ управлять Новгородомъ изъ пригорода Торжка: обоимъ помѣшалъ южный князь Мстиславъ; Александръ Невскій шелъ по слѣдамъ предковъ; братъ его Ярославъ хотѣлъ привести Новгородъ въ свою волю съ помощію татарскою, но былъ остановленъ братомъ Василіемъ; Димитрій Александровичъ былъ остановленъ въ подобныхъ же намѣреніяхъ братомъ Андреемъ, Михаилъ тверской Юріемъ московскимъ. Но московскіе князья, получивши первенство, измѣняютъ поведеніе предшествовавшихъ князей относительно Новгорода: они оставляютъ въ покоѣ его бытъ, не допускаютъ только дальнѣйшаго распространенія новгородскихъ правъ, напримѣръ освобожденія отъ митрополичьяго суда, и все вниманіе обращаютъ только на

то, чтобъ получить съ Новгорода какъ можно больше денегъ, овладѣть его главными доходами, получаемыми съ Заволочья. Калита сталкивается враждебно съ Новгородомъ и всякій разъ за деньги, за то, что хочетъ взять съ него больше положеннаго; онъ дѣлаетъ также первую попытку овладѣть Заволочьемъ; сынъ его Симеонъ Гордый начинаетъ княженіе походомъ на Новгородъ изъ-за денегъ, изъ-за того, что Новгородцы не хотятъ позволить ему собирать дань на торжокскихъ волостяхъ. Димитрій Донской идетъ на Новгородъ, когда вслѣдствіе Тохтамышева нашествія онъ чувствуетъ большую надобность въ деньгахъ; Василій Димитріевичъ возобновляетъ попытку Калиты, хочетъ овладѣть Заволочьемъ; Темный беретъ съ Новгорода богатые окупы; но Темный уже сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ освободился отъ родичей, собралъ ихъ удѣлы, у него нѣтъ соперниковъ ни въ Твери, ни въ Нижнемъ, онъ не боится ни Литвы, ни Орды — и потому можетъ думать уже о послѣднемъ ударѣ Новгороду, объ уничтоженіи его стараго быта; онъ дѣйствительно думаетъ объ этомъ, но смерть мѣшаетъ исполненію думы.

Уже давно, по всѣмъ вѣроятностямъ во второй четверти XII вѣка, посадникъ въ Новгородѣ сталъ выборнымъ и занялъ мѣсто подлѣ князя при судѣ и раздачѣ волостей, хотя при этомъ князь не потерялъ вліянія при избраніи посадника и не лишился права требовать его смѣны, объявивши только вину его: такъ мы видимъ, что въ 1171 году князь Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города; князь Святославъ Мстиславичъ не могъ сдѣлать того же съ посадникомъ Твердиславомъ, потому что, вопреки условію, хотѣлъ лишить его должности безъ вины; въ описываемое время Александръ Невскій настоялъ на то, чтобъ посадникъ Ананія лишенъ былъ должности; братъ Невскаго Ярославъ требовалъ, чтобъ трое бояръ были лишены должности; Новгородцы упросили его простить этимъ людямъ и удовольствоваться тѣмъ, что должность тысяцкаго отдана была, по его волѣ, человѣку, ему преданному. Отъ начала XV вѣка дошло до насъ иностранное извѣстіе (Ланноа), что посадники и тысяцкіе мѣнялись ежегодно. Мы видимъ, что великіе князья посылаютъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ; какое же было значеніе этихъ лицъ? Подъ 1342 годомъ лѣтописецъ указываетъ намъ намѣстника великокняжескаго Бориса, который, вмѣстѣ съ владыкою Василіемъ, при-

мирилъ враждующія стороны; подъ 1375 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстіе о намѣстникѣ: Новгородцы, желая упросить владыку Алексѣя, чтобъ онъ не оставлялъ епископіи, стали вѣчемъ на дворѣ Ярослава и послали съ челобитьемъ къ владыкѣ съ вѣча намѣстника великокняжескаго Ивана Прокшинича, посадника, тысяцкаго и другихъ многихъ бояръ и добрыхъ мужей; здѣсь, какъ и слѣдуетъ ожидать, намѣстникъ занимаетъ мѣсто выше городскихъ сановниковъ. Въ описываемое время, когда попадаются извѣстія о довольно значительныхъ войнахъ Новгородцевъ со Шведами, ливонскими Нѣмцами, Литвою, войнахъ, которыя объявлялись формально и оканчивались мирными договорами, можно усмотрѣть степень участія князя или намѣстника его во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ рѣшеніяхъ относительно войны и мира. Подъ 1242 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что послѣ ледового побоища Нѣмцы прислали въ Новгородъ за миромъ съ поклономъ, безъ князя (Александра), и миръ былъ заключенъ. Подъ 1256 годомъ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе, что Александръ Невскій выступилъ въ походъ съ своими полками и новгородскими, при чемъ Новгородцы не знали, куда, на какой народъ князь идетъ—знакъ, что Александръ не объявлялъ на вѣчѣ о походѣ, не спрашивалъ согласія гражданъ на него. Орѣховскій договоръ со Шведами, заключенный въ 1323 году, начинается такъ: „Я, князь великій Юрій, съ посадникомъ Варѳоломеемъ, тысяцкимъ Аврамомъ и со всѣмъ Новгородомъ, докончалъ съ братомъ моимъ, свейскимъ королемъ [397]. Во времена московскихъ князей, предоставившихъ Новгородъ самому себѣ, дававшихъ литовскимъ князьямъ право показнить Новгородцевъ, если они сгрубятъ имъ, въ это время, разумѣется, вѣче получило большую свободу въ опредѣленіи своихъ внѣшнихъ отношеній; такъ видимъ, что когда шведскій король Магнусъ прислалъ въ Новгородъ съ требованіемъ принять католицизмъ, грозя въ противномъ случаѣ войною, то въ совѣщаніи по этому случаю видимъ владыку, посадника, тысяцкаго и всѣхъ Новгородцевъ,—о намѣстникѣ великокняжескомъ не упомянуто; а при заключеніи договора съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ Новгородцы вносятъ условіе, чтобы великій князь безъ новгородскаго слова не замышлялъ войны. Но при этомъ князь не терялъ своего участія во внѣшнихъ сношеніяхъ: въ 1420 году Орденъ прислалъ пословъ въ Новгородъ съ предложеніемъ назначить съѣздъ для мирныхъ перегово-

ровъ. Въ это время въ Новгородѣ жилъ князь Константинъ Димитріевичъ, разсорившійся съ братомъ, великимъ княземъ Василіемъ; Новгородцы приняли его въ честь, дали ему пригороды, бывшіе прежде за литовскими князьями, и кромѣ того по всей волости новгородской сборъ пошлины, называемой коробейщиною; но въ то же время въ Новгородѣ находился и намѣстникъ великаго князя Василія, князь Ѳедоръ Патрикѣевичъ, и вотъ, по словамъ лѣтописца, нѣмецкіе послы условились съ княземъ Константиномъ и со всѣмъ великимъ Новгородомъ, что быть на съѣздъ самому магистру, а князю Константину и Новгородцамъ послать своихъ бояръ; вслѣдствіе чего были посланы на съѣздъ намѣстникъ великокняжескій, князь Ѳедоръ Патрикѣевичъ, бояринъ князя Константина Андрей Константиновичъ, двое посадниковъ и трое бояръ новгородскихъ [398]. Наконецъ изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ Новгородцевъ съ Любекомъ и Готскимъ берегомъ—одна, относящаяся къ концу XIII или началу XIV вѣка, написана отъ имени великаго князя Андрея, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода; въ ней сказано, что гости будутъ на Божіихъ рукахъ. княжескихъ и всего Новгорода; другая грамота, относящаяся ко второй половинѣ XIV вѣка, половинѣ московской или намѣстнической, написана отъ имени архіепископа, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода.

Изъ двѣнадцати смутъ въ Новгородѣ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, въ періодъ отъ 1054 до 1228 года только двѣ не были въ связи съ княжескими перемѣнами: возстаніе концевъ вслѣдствіе бѣгства Матея Душильчевича въ 1218 году, и возстаніе на владыку Арсенія въ 1228 году. Въ періодъ времени отъ 1228 до 1462 года лѣтописецъ упоминаетъ 21 разъ о смутахъ, изъ которыхъ только четыре были въ связи съ княжескими отношеніями. Большею частію Новгородцы возстаютъ на своихъ сановниковъ, причемъ нельзя не усмотрѣть борьбы двухъ сторонъ, стороны лучшихъ и стороны меньшихъ людей. Мы видѣли, что и въ періодъ отъ 1054 до 1228 года посадники избирались обыкновенно изъ одного извѣстнаго круга знатныхъ фамилій; если при избраніи въ другія должности слѣдовали тому же обычаю, то легко понять, какое значеніе должны были получить знатныя фамиліи, какія общія цѣли должны были онѣ преслѣдовать и какія волненія въ городѣ должна была производить вражда нѣкоторыхъ изъ нихъ другъ съ

другомъ. Мы видѣли, къ какимъ явленіямъ повела распря Степана Твердиславича съ Водовикомъ въ 1230 году; въ 1255 г. лучшіе люди составляютъ совѣтъ—побить меньшихъ и ввести князя на своей волѣ; на раздѣленіе интересовъ обѣихъ сторонъ лѣтописецъ указываетъ также въ извѣстіи о наложеніи дани татарской; тоже самое видимъ и въ смутѣ 1418 года. Но здѣсь раждается вопросъ о происхожденіи бояръ новгородскихъ: было ли это званіе наслѣдственнымъ въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, или нѣтъ? Извѣстно, что въ нашей древней исторіи никогда и нигдѣ боярское званіе не было наслѣдственнымъ; боярами назывались старшіе члены дружины, думцы, совѣтники князя, который возводилъ въ это званіе, давалъ это значеніе или сыновьямъ своихъ старыхъ бояръ и дружинниковъ вообще, смотря по мѣрѣ ихъ достоинства, или людямъ, вновь вступающимъ въ дружину, смотря опять по достоинству и по разнымъ другимъ условіямъ; разумѣется происхожденіе отъ знаменитаго и любимаго княземъ боярина давало его сыну большее право и легкость къ достиженію того же званія; но въ случаѣ нужды и дѣтскіе могли стать боярами, какъ обѣщалъ сдѣлать князь Владиміръ Мстиславичъ при извѣстномъ случаѣ [393]. Но мы должны строго различать въ источникахъ названіе боярина въ значеніи старшаго члена дружины, названіе, употребляющееся въ противуположность съ названіями другихъ младшихъ членовъ дружины, и то же самое названіе, употребленное въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ знатныхъ, большихъ людей, въ смыслѣ дружины вообще, съ противоположеніемъ ей всего остальнаго народонаселенія, людей простыхъ, черныхъ. Такъ и въ новгородской лѣтописи названіе бояръ употребляется въ общемъ смыслѣ знатныхъ людей, в я ч ш и х ъ, въ противоположность м е н ь ш и м ъ, простымъ. Подъ именемъ бояръ или большихъ, вячшихъ людей въ Новгородѣ разумѣются всѣ правительственныя лица, какъ отправляющія свою должность, такъ и старыя, члены всѣхъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которыя успѣли сосредоточить въ своемъ кругу правительственныя должности. Сынъ посадника имѣлъ важное значеніе, какъ сынъ посадника, какъ сынъ при этомъ знаменитаго, могущественнаго по своему вліянію человѣка, и вслѣдствіе этого принадлежалъ къ числу большихъ, знатныхъ людей, бояръ; назывался бояриномъ въ отличіе отъ обыкновеннаго, простаго человѣка, а не потому онъ назывался такъ, что имѣлъ особый санъ боярина, или принадлежалъ къ сословію бояръ. Татары,

14*

боясь волненія народнаго въ Новгородѣ, просятъ князя Александра, чтобъ онъ приставилъ къ нимъ сторожей, и князь велитъ стеречь ихъ сыну посадничьему и всѣмъ дѣтямъ боярскимъ; потомъ, по смерти Александра Невскаго, Новгородцы послали за братомъ его Ярославомъ сына посадничьяго и лучшихъ бояръ.

Слово б о я р е въ общемъ значеніи лучшихъ, знатныхъ людей, противополагаемыхъ простымъ людямъ, употребляется не въ одной новгородской, но и во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ; понятно, что въ другихъ княжествахъ подъ именемъ бояръ обыкновенно члены дружины противополагаются всему остальному народонаселенію. Такъ подъ 1315 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Аѳанасій Даниловичъ пошелъ изъ Новгорода въ Торжокъ съ новгородскими боярами безъ черныхъ людей [400]; при описаніи усобицъ въ Твери, говорится, что тяжко было боярамъ и слугамъ, тяжко было и чернымъ людямъ [401]. О Димитріи Донскомъ сказано, что онъ, желая предупредить Михаила Тверского, привелъ по всѣмъ городамъ къ присягѣ бояръ и черныхъ людей [402]. При описаніи Раковорской битвы новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что много пало добрыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людей безъ числа [403]. Встрѣчается и старинное названіе л ю д и въ значеніи простыхъ, черныхъ людей и въ противоположность знатнымъ, боярамъ, дружинѣ вообще; такъ говорится, что тверской князь Михаилъ Александровичъ, пожегши дмитровскіе посады, волости и села, бояръ и людей привелъ плѣнными въ Тверь [404]; а въ волынской лѣтописи встрѣчаемъ названіе п р о с т ы х ъ людей въ противоположность боярамъ [405]. Наконецъ, въ противоположность дружинѣ все остальное народонаселеніе носитъ названіе з е м с к и х ъ л ю д е й [406]. Такимъ образомъ, въ противоположность князьямъ всѣ не князья были смерды, черные люди; въ противоположность боярамъ и дружинѣ вообще все остальное народонаселеніе также носило названіе простыхъ, черныхъ людей; изъ этого народонаселенія будутъ выдѣляться новые высшіе разряды или сословія, и всѣ остальные низшіе въ отношеніи къ этимъ новымъ разрядамъ будутъ называться также черными людьми. Такъ въ Новгородѣ, при подробномъ перечисленіи слоевъ городового народонаселенія, послѣ бояръ встрѣчаемъ ж и т ы х ъ л ю д е й, значительныхъ по своему богатству, людей, которые, не принадлежа къ городовой аристократіи, къ лицамъ и фамиліямъ правительственнымъ, не принадлежали также и къ купцамъ, ибо не

занимались торговлею. За житыми людьми или мужами [407] слѣдуютъ купцы и накопецъ черные люди; подъ 1398 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что ко владыкѣ новгородскому пришли бить челомъ посадники, бояре, дѣти боярскіе, житые люди и купеческія дѣти; иногда житые люди помѣщаются послѣ купцовъ [408]. Тѣ же самыя части городового населенія, кромѣ житыхъ людей, видимъ и во всѣхъ другихъ городахъ сѣверовосточной Руси: когда князь Юрій Ярославичъ обновилъ запустѣлый Муромъ и поставилъ въ немъ свой дворъ, то ему подражали въ этомъ бояре, вельможи, купцы и черные люди [409]. Въ Москвѣ купцы уже раздѣляются на гостей и суконниковъ; московскіе князья въ договорахъ своихъ условливаются обыкновенно—гостей, суконниковъ и городскихъ людей блюсти вмѣстѣ и въ службу ихъ не принимать. Послѣднее условіе объясняется тѣмъ, что гости, суконники и вообще городскіе люди были люди данные или тяглые, и позволеніе переходить имъ въ дружину лишало бы князей главнаго источника доходовъ, лишало бы ихъ средствъ платить выходъ въ Орду. Послѣ, въ XVII вѣкѣ, мы увидимъ, какой страшный ущербъ въ московскихъ финансахъ былъ произведенъ стремленіемъ тяглыхъ городскихъ людей выйти изъ податного состоянія вступленіемъ въ службу или зависимость отъ духовенства, бояръ и служилыхъ людей, и какія сильныя мѣры употребляло правительство для воспрепятствованія этому выходу. То же самое побужденіе заставляло князей и въ описываемое время условливаться не принимать въ службу данныхъ людей [410], ни купцовъ, ни черныхъ людей, ни численныхъ или числяковъ, и земель ихъ не покупать; если же кто купилъ подобныя земли, то прежніе владѣльцы должны выкупить ихъ, если могутъ, если же не будутъ въ состояніи выкупить, то покупщики должны потянуть къ черным людямъ; если же не захотятъ тянуть, то лишаются своихъ земель, которыя даромъ переходятъ къ черпымъ людямъ—распоряженіе, тождественное съ позднѣйшими распоряженіями, по которымъ бѣломѣстцамъ, людямъ нетяглымъ, запрещалось покупать земли тяглыхъ людей. То же самое побужденіе заставляло московскихъ князей условливаться не держать въ Москвѣ закладней и не покупать человѣка съ дворомъ; князья обязываются также не покупать земель ордынцевъ и дѣлюевъ, которые должны знать свою службу, какъ было прежде, при отцахъ. Подъ именемъ дѣлюевъ разумѣются всякаго рода ремесленные и промышленные люди,

поселенные на княжихъ земляхъ; ордынцами же называются плѣнники, выкупленные князьями въ Ордѣ и поселенные также на княжихъ земляхъ [411].

Городское тяглое населеніе попрежнему раздѣлялось на сотни: Новгородцы говорятъ въ своихъ грамотахъ, что купецъ долженъ тянуть въ свое сто, а смердъ въ свой погостъ; здѣсь подъ смердомъ разумѣется сельскій житель. Московскіе князья въ своихъ договорахъ говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ сотникамъ; иногда же говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ становщику; и здѣсь надобно, думаемъ, понимать такъ, что въ первомъ случаѣ говорится о городскихъ людяхъ, а во второмъ о сельскихъ. Сотникъ или соцкій удерживаетъ прежнее значительное положеніе свое въ Новгородѣ; въ началѣ договорныхъ грамотъ съ князьями говорится, что шлется князю благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника, тысяцкаго и всѣхъ соцкихъ. Но если купцы и вообще горожане тянули къ своимъ соцкимъ, то соцкіе должны были тянуть къ тысяцкому; великій князь, въ договорахъ съ удѣльными, выговариваетъ, чтобъ московская рать попрежнему выступала въ походъ подъ его воеводою, и чтобъ князья не принимали къ себѣ никого изъ этой рати; послѣднее условіе показываетъ намъ, что эта рать состояла изъ горожанъ; мы знаемъ также, что имя воеводы давалось преимущественно тысяцкому. Кромѣ собственныхъ горожанъ, тянувшихъ въ городскія сотни, могли жить въ городѣ на своихъ дворахъ холопи и сельчане княжескіе: такъ Димитрій Донской условливается съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ послать въ городъ (Москву) своихъ намѣстниковъ, которые должны очистить холопей ихъ и сельчанъ; отъ этого происходило, что въ Москвѣ находились дворы, которые тянули къ селамъ [412].

На вятское устройство могутъ указать намъ только первыя строки посланія митрополита Іоны, который обращается къ троимъ воеводамъ земскимъ, ко всѣмъ ватаманамъ, подвойскимъ, боярамъ, купцамъ, житымъ людямъ и ко всему христіанству [413].

Въ городовомъ быту югозападной Руси до литовскаго владычества самымъ замѣчательнымъ явленіемъ былъ приплывъ чуждаго народонаселенія — Нѣмцевъ, Жидовъ, Армянъ. Подъ 1259 годомъ волынскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ любопытное извѣстіе о построеніи и населеніи города Холма: однажды князь Даніилъ Рома-

новичъ, охотясь, увидалъ красивое и лѣсное мѣсто на горѣ, окруженной равниною (полемъ): мѣсто ему полюбилось, и онъ построилъ сперва на немъ маленькую крѣпость, а потомъ другую, большую, и началъ призывать отовсюду Нѣмцевъ и Русскихъ, иноязычниковъ и Поляковъ, и набѣжало много всякихъ ремесленниковъ отъ Татаръ: сѣдельники, лучники, тулники, кузнецы, мѣдники, серебряники, закипѣла жизнь, и наполнились дворами окрестности города (крѣпости), поле и села. Князь Мстиславъ Даниловичъ, для выслушанія завѣщанія брата своего Владиміра Васильевича, созываетъ во Владимірѣ Волынскомъ горожанъ (мѣстичей)—Русскихъ и Нѣмцевъ; на похоронахъ Владиміровыхъ плакали Нѣмцы, Сурожцы и Жиды. Во время литовскаго владычества Жиды получили большія льготы; по грамотѣ Витовтовой, данной въ 1388 году [414], за убійство, нанесеніе раны, побоевъ Жиду, виноватый отвѣчаетъ также, какъ за убійство, раны, побои, нанесенныя шляхтичу; если христіанинъ разгонитъ жидовское собраніе, то наказывается по обычаю земскому, и все его имущество отбирается въ казну; за оскорбленіе, нанесенное школѣ жидовской, виноватый платитъ великокняжескому старостѣ два фунта перцу. Жида можно заставить присягнуть на десяти заповѣдяхъ только при важномъ искѣ, гдѣ дѣло идетъ не меньше какъ о 50 гривнахъ литаго серебра; въ другихъ же случаяхъ Жидъ присягаетъ передъ школою, у дверей. Жида заимодавца нельзя заставить выдать закладъ въ субботу. Если христіанинъ обвинитъ Жида въ убійствѣ христіанскаго младенца, то преступленіе должно быть засвидѣтельствовано тремя христіанами и тремя Жидами добрыми; если же свидѣтели объявятъ его невиннымъ, то обвинитель долженъ потерпѣть то же наказаніе, какое предстояло обвиненному.—Во время литовскаго владычества города русскіе стали получать право нѣмецкое, магдебургское. Ставши королемъ польскимъ, Ягайло немедленно, въ 1387 году, далъ Вильнѣ магдебургское право; великій князь Сигизмундъ Кейстутовичъ въ 1432 году подтвердилъ это пожалованіе грамотою на русскомъ языкѣ: вслѣдствіе этого жители Вильны, какъ римской, такъ и русской вѣры, высвобождались изъ-подъ вѣдомства воеводъ, судей и всякихъ чиновниковъ великокняжескихъ. и во всѣхъ дѣлахъ расправлялись передъ своимъ войтомъ. Отъ того же Сигизмунда жители Вильны, какъ Ляхи, такъ и Русь, получили право безмытной торговли по всему княжеству Литовскому, вѣсчую и другія пошлины

въ своемъ городѣ, а великій князь Казиміръ Ягайловичъ освободилъ ихъ отъ обязанности доставлять подводы. Въ привиллегіи короля Казиміра, данной литовскимъ землямъ въ 1457 году, городскіе жители сравнены въ правахъ съ князьями, панами и боярами, кромѣ права выѣзжать за границу и кромѣ управы надъ подвластными людьми. Старый Полоцкъ, имѣвшій одинакій бытъ съ Новгородомъ-Великимъ, сохраняетъ этотъ бытъ, или, по крайней мѣрѣ, очень замѣтные слѣды его, и при князьяхъ литовскихъ. Такъ видимъ, что онъ заключаетъ договоры съ Ригою, съ магистромъ ливонскимъ, и привѣшиваетъ къ этимъ договорамъ свою печать. Король Казиміръ въ своей уставной грамотѣ Полоцку, говоритъ: „Приказываемъ, чтобы бояре, мѣщане, дворяне городскіе и все посольство жили въ согласіи, и дѣла бы наши городскія дѣлали всѣ вмѣстѣ согласно, по старинѣ; а сходились бы всѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде издавна сходились, и безъ бояръ мѣщанамъ, дворянамъ и черни сеймовъ не собирать". Для сбора денегъ на короля устроенъ былъ въ Полоцкѣ ящикъ за четырьмя ключами: ключъ боярскій, ключъ мѣщанскій, ключъ дворянскій и ключъ поспольскій; для храненія ключей избирались изъ всѣхъ этихъ сословій по два человѣка добрыхъ, годныхъ и вѣрныхъ, которые одинъ безъ другого ящика не отпирали.—Кто были эти дворяне? безъ сомнѣнія служня прежнихъ полоцкихъ князей [415].

Внѣшній видъ русскаго города не разнился отъ внѣшняго вида его въ прежде описанное время. Въ Москвѣ явилась каменная крѣпость (кремль) только въ княженіе Димитрія Донского; мы видѣли, какъ во время Тохтамышева нашествія Москвичи хвалились, что у нихъ городъ каменный, твердый и ворота железныя. Въ 1394 году задумали въ Москвѣ копать ровъ отъ Кучкова поля въ Москву рѣку; много было людямъ убытка, говоритъ лѣтописецъ, много хоромъ разметали, много трудились,—и ничего не сдѣлали. Черезъ пять лѣтъ послѣ заложенія московскаго кремля заложенъ былъ и каменный кремль нижегородскій. Заложеніе обширной крѣпости въ Твери лѣтописецъ приписываетъ еще св. Михаилу Ярославичу; но подъ 1368 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Твери срубили деревянную крѣпость и глиною помазали; потомъ князь Михаилъ Александровичъ велѣлъ около крѣпостного вала выкопать ровъ и валъ засыпать отъ Волги до Тмаки, а въ 1394 году тотъ же князь велѣлъ рушить обветшалую стѣну и тутъ же рубить брусьевъ [416].

Какъ видно кремль Донского былъ единственною каменною крѣпостью во всемъ Московскомъ княжествѣ; въ Серпуховѣ князь Владиміръ Андреевичъ построилъ крѣпость дубовую [417]. Гораздо болѣе извѣстій о городскихъ постройкахъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ новгородскихъ и псковскихъ: въ 1302 году заложена была въ Новгородѣ каменная крѣпость; въ 1331 владыка Василій заложилъ городъ каменный отъ Владимірской церкви до Богородицкой, и отъ Богородицкой до Борисоглѣбской, и въ два года строеніе было окончено; а юрьевскій архимандритъ Лаврентій поставилъ стѣны около своего монастыря, въ сорокъ саженъ, съ заборалами; въ 1334 году владыка покрылъ свой каменный городъ, а въ слѣдующемъ году заложилъ острогъ каменный отъ Ильинской церкви къ Павловской. Въ 1372 году выкопали ровъ около Людина конца, Загородья и Неревскаго конца; въ 1383 выкопали ровъ около Софійской стороны, къ старому валу; въ 1387 сдѣлали валъ около Торговой стороны. Въ 1400 владыка Іоаннъ заложилъ каменный дѣтинецъ. Иностранному путешественнику Ланноа (въ началѣ XV вѣка) Новгородъ показался удивительно огромнымъ, но дурно укрѣпленнымъ; Псковъ, по его отзыву, укрѣпленъ былъ гораздо лучше [418]. Дѣйствительно мы часто встрѣчаемъ извѣстія о городовыхъ постройкахъ во Псковѣ: въ 1309 г. здѣсь заложена была стѣна плитяная отъ Петропавловской церкви къ Великой рѣкѣ, въ 1374 году Псковичи заложили четвертую стѣну плитяную, отъ рѣки Псковы до Великой, подлѣ старой стѣнки, которая была съ дубомъ немного выше человѣческаго роста, и черезъ годъ поставили два костра каменныхъ на торгу; въ 1387 году поставили три каменныхъ костра у новой стѣны на приступѣ; въ 1394 выстроили перши или перси; въ 1397 четыре костра каменныхъ; въ 1399 заложена новая стѣна съ тремя кострами; въ слѣдующемъ году поставлены два новыхъ костра, а въ 1401 году пристроили новую стѣну къ старой подлѣ рѣки Великой; въ 1404 заложили новую стѣну каменную подлѣ рѣки Псковы и старой стѣны, толще и выше последней, и покрыли ее; въ 1407 выстроили стѣну противъ персей отъ гребли до сторожевой избы толще и выше; въ 1417 наняли мастеровъ, выстроили стѣну и поставили костеръ; въ Петровъ постъ кончили строеніе, а въ Успенскій оно упало; въ 1420 поставили новый костеръ, и выстроены были новыя перши: строили ихъ 200 человѣкъ, которые взяли у Пскова за работу 1.000 рублей,

да тѣмъ, которые плиту обжигали, дали 200 рублей; но черезъ три года строеніе распалось. Въ 1452 году урядили новую стѣну у першей и въ ней 5 погребовъ; въ 1458 наддѣлали надъ старою стѣною новую и дали за это мастерамъ полтораста рублей.—Кромѣ самихъ Новгорода и Пскова, въ ихъ волости видимъ и нѣсколько другихъ каменныхъ городовъ: Копорье, Орѣшекъ, Ямскій городъ, Порховъ, Изборскъ, Гдовъ; какъ легко и скоро строились деревянныя крѣпости, видно изъ извѣстія подъ 1414 годомъ, что Псковичи поставили городъ Коложе въ двѣ недѣли; деревянную московскую крѣпость Калиты начали рубить (строить) въ ноябрѣ и кончили въ началѣ весны слѣдующаго 1338 года.

Въ Новгородѣ отъ 1228 до 1462 года было выстроено не менѣе 150 церквей, включая монастырскія и исключая поставленныя на мѣстѣ старыхъ, обветшалыхъ; изъ этого числа не менѣе 100 каменныхъ; въ періодъ предшествовавшій, какъ мы видѣли, было построено около 70 церквей, и такъ какъ число церквей, построенныхъ при св. Владимірѣ и Ярославѣ I, нельзя простирать далеко за 20, то число всѣхъ церквей новгородскихъ въ половинѣ XV вѣка можно полагать около 230; любопытно, что въ продолженіе первыхъ 42 лѣтъ—отъ 1228 до 1270 года—лѣтописецъ упоминаетъ о построеніи только двухъ церквей въ Новгородѣ. Во Псковѣ, въ описываемое время, построено было 35 церквей, изъ нихъ 23 каменныхъ, двѣ деревянныхъ и о десяти неизвѣстно. Въ Москвѣ лѣтопись упоминаетъ о построеніи только пятнадцати каменныхъ церквей; изъ этого видно, какъ отсталъ главный городъ сѣверовосточной Руси отъ Новгорода и даже отъ Пскова; о количествѣ церквей московскихъ въ половинѣ XIV вѣка можно судить по извѣстію о пожарѣ 1342 года: сказано, что погорѣлъ городъ Москва весь и церквей сгорѣло 18. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ концѣ XIV вѣка было 32 церкви [419].—Упоминаются мостовыя въ Псковѣ; напримѣръ въ 1308 году посадникъ Борисъ замыслилъ помостить торговище, и помостили, и было всѣмъ людямъ хорошо, заключаетъ лѣтописецъ; въ 1397 году снова помостили торговище; но мы видимъ, что отъ Пскова или Новгорода никакъ нельзя заключать къ другимъ городамъ, да и во Псковѣ мостили только торговую площадь, гдѣ было безпрерывное стеченіе народа, для котораго, разумѣется, было хорошо, когда онъ не былъ принужденъ стоять по колѣна въ грязи. Эта мостовая была, разумѣется, дере-

вянная, ибо каменной не было здѣсь и въ XVII вѣкѣ. Въ новгородской и псковской лѣтописяхъ находимъ извѣстіе о построеніи мостовъ съ нѣкоторыми подробностями; напримѣръ въ 1435 году наняли Псковичи наймитовъ сорокъ человѣкъ строить новый мостъ на рѣкѣ Псковѣ; балки должны были доставить наймиты сами, а рязяни, городни и дубья были псковскія; наймитамъ заплачено было 70 рублей; въ 1456 году намостили мостъ большой черезъ рѣку Пскову и дали мастерамъ [420] 60 рублей, да потомъ еще прибавили 20. Изъ городскихъ частей упоминаются въ Новгородѣ концы, улицы, полу-улицы, улки [421].

Что касается внѣшняго вида югозападныхъ русскихъ городовъ, то мы знаемъ отзывъ венгерскаго короля о Владимірѣ Волынскомъ, что такого города не находилъ онъ и въ нѣмецкихъ земляхъ; городскія стѣны и на югѣ, какъ на сѣверѣ, утверждались пороками и самострѣлами. Въ Холмѣ, при Даніилѣ Романовичѣ, среди города построена была башня высокая, съ которой можно было стрѣлять по окрестностямъ, основаніе ея было каменное, вышиною въ 15 локтей, а сама была построена изъ тесанаго дерева и выбѣлена какъ сыръ, свѣтилась на всѣ стороны; подлѣ нея находился колодезь глубиною въ 35 саженъ. Въ поприщѣ отъ города находился столбъ каменный, а на немъ орелъ каменный изваянъ, высота камню 10 локтей, съ головами же и подножками 12. О князѣ Владимірѣ Васильковичѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ много городовъ срубилъ; между прочимъ въ Каменцѣ поставилъ столбъ каменный вышиною въ 17 саженъ, такъ что всѣ удивлялись, смотря на него. Столица великаго князя литовскаго, Вильна, въ началѣ XV вѣка состояла изъ дурныхъ деревянныхъ домовъ, имѣла деревянную крѣпость и нѣсколько кирпичныхъ церквей [422].

Такъ какъ и въ описываемое время, кромѣ стѣнъ и церквей, остальное строеніе въ русскихъ городахъ было почти исключительно деревянное, то и теперь пожары должны были свирѣпствовать по прежнему. О московскихъ пожарахъ лѣтопись упоминаетъ въ первый разъ подъ 1330 годомъ; въ 1335 году Москва погорѣла вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами; въ 1337 былъ новый большой пожаръ, причемъ сгорѣло 18 церквей; послѣ пожара пошелъ сильный дождь, и что было вынесено въ погреба и на площади, то все потонуло. Въ 1342 году подобный же пожаръ; въ 1357 Москва сгорѣла вся съ 13 церквами; въ 1364 году загорѣлась Москва во

время сильной засухи и зноя, поднялась буря и разметала огонь повсюду: этотъ пожаръ, начавшійся отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, слылъ большимъ; въ 1388 сгорѣла почти вся Москва; въ 1389 сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько тысячъ дворовъ; подобный же пожаръ въ 1395 году; потомъ упоминается о пожарѣ въ Москвѣ въ 1413, 1414, 1415, въ 1422, 1441; въ 1445 знаменитый пожаръ послѣ суздальскаго бою; въ 1453 выгорѣлъ весь Кремль; въ 1458 сгорѣло около трети города. Такимъ образомъ во 130 лѣтъ 17 большихъ пожаровъ, по одному на 7 лѣтъ.—Въ Новгородѣ въ 1231 году сгорѣлъ весь Славенскій конецъ; пожаръ былъ такъ лютъ, говоритъ лѣтописецъ, что огонь ходилъ по водѣ черезъ Волховъ; въ 1252 году опять погорѣло Славно; въ 1261 сгорѣло 80 дворовъ; въ 1267 сгорѣлъ конецъ Неревскій, причемъ много товара погорѣло на Волховѣ въ ладьяхъ, все сгорѣло въ одинъ часъ, и многіе отъ того разбогатѣли, а другіе многіе обнищали; въ 1275 погорѣлъ торгъ съ семью деревянными церквами, четыре каменныхъ огорѣло, да пятая нѣмецкая; въ 1299 году ночью загорѣлось на Варяжской улицѣ, поднялась буря, изъ нѣмецкаго двора перекинуло на Неревскій конецъ, занялся большой мостъ и была великая пагуба: на торговой сторонѣ сгорѣло 12 церквей, въ Неревскомъ концѣ 10. Въ 1311 году было три сильныхъ пожара: сгорѣло 9 церквей деревянныхъ, 46 обгорѣло; потомъ упоминается сильный пожаръ подъ 1326 годомъ; такой же подъ 1329, 1339; въ 1340 году упоминается объ одномъ изъ самыхъ лютыхъ пожаровъ; между прочимъ погорѣлъ владычный домъ и церковь Св. Софіи, изъ которой не успѣли вынести всѣхъ иконъ; большой мостъ сгорѣлъ весь по самую воду; всѣхъ церквей сгорѣло 43, по другимъ извѣстіямъ 50, а людей погибло 70 человѣкъ; по инымъ извѣстіямъ сгорѣло 48 церквей деревянныхъ и упало три каменныхъ. Въ 1342 году, во время большого пожара, сгорѣло три церкви и много зла случилось: люди не смѣли жить въ городѣ, перебрались на поле, а иные жили по берегу въ судахъ, весь городъ былъ въ движеніи, бѣгали больше недѣли, наконецъ владыка съ духовенствомъ замыслили постъ и ходили со крестами по монастырямъ и церквамъ. Въ 1347 году погорѣло шесть улицъ; въ 1348 два пожара: во второй горѣло на пяти улицахъ, сгорѣло 4 деревянныхъ церкви; въ 1360 погорѣлъ Подолъ съ Гончарскимъ концомъ, при чемъ сгорѣло семь деревянныхъ церквей; въ 1368 году былъ

пожаръ злой, по выраженію лѣтописца: погорѣлъ весь Дѣтинецъ, Владычный дворъ, церковь Св. Софіи огорѣла, часть Неревскаго конца и Плотницкій конецъ весь, а въ слѣдующемъ году погорѣлъ конецъ Славенскій; черезъ годъ новый пожаръ: погорѣлъ весь Подолъ и нѣкоторыя другія части города; въ 1377 году сгорѣло семь церквей деревянныхъ и огорѣло три каменныхъ; въ 1379 сгорѣло 8 улицъ и 12 церквей; въ 1384 былъ пожаръ въ Неревскомъ концѣ, сгорѣло двѣ церкви; въ слѣдующемъ году сгорѣли два конца— Плотницкій и Славенскій, весь торгъ; каменныхъ церквей сгорѣло 26, деревянныхъ 6; начался пожаръ въ середу утромъ, горѣло весь день и ночь и въ четвергъ все утро, людей сгорѣло 70 человѣкъ. Въ 1386 году сгорѣлъ конецъ Никитской улицы; въ 1388 году погорѣла Торговая сторона: сгорѣло 24 церкви и погибло 75 человѣкъ. Въ 1391 сгорѣло 8 деревянныхъ церквей, по другимъ извѣстіямъ 15, огорѣло 3 каменныхъ, по другимъ извѣстіямъ семь, людей погибло 14 человѣкъ; въ томъ же мѣсяцѣ погорѣлъ весь Людинъ конецъ съ семью деревянными церквами и четырьмя каменными; въ 1394 году погорѣлъ Владычный дворъ съ околоткомъ, сгорѣло 2 церкви деревянныхъ и 8 каменныхъ огорѣло; въ 1397 погорѣлъ берегъ; въ 1399 былъ пожаръ въ Плотницкомъ концѣ, Славенскій сгорѣлъ весь, огорѣло 22 каменныхъ церкви, сгорѣла одна деревянная; въ 1403 году опять погорѣла часть Плотницкаго конца, а Славенскій сгорѣлъ весь, причемъ сгорѣло 15 каменныхъ церквей; по другимъ извѣстіямъ, каменныхъ 7, а деревянныхъ двѣ: въ 1405 году два пожара: на Яневой улицѣ сгорѣло 15 дворовъ, потомъ погорѣлъ Людинъ конецъ, часть Прусской улицы, часть Дѣтинца, сгорѣло 5 деревянныхъ церквей и одна каменная, огорѣло каменныхъ 12, причемъ погибло 30 человѣкъ; въ 1406 погорѣлъ княжой дворъ, а въ слѣдующемъ году погорѣлъ Неревскій конецъ, огорѣло 12 церквей каменныхъ, и въ томъ числѣ Св. Софія, сгорѣло 6 деревянныхъ; въ 1414 погорѣлъ Неревскій конецъ, пять деревянныхъ церквей сгорѣло, 8 каменныхъ огорѣло; въ 1419 погорѣло два конца—Славенскій и Плотницкій съ 24 церквами: въ 1424 погорѣла Торговая сторона и Людинъ конецъ весь; въ 1434 погорѣло два конца; въ 1442 было три сильныхъ пожара въ одномъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ въ Новгородѣ, въ описываемое время, приходилось по одному сильному пожару на 5 лѣтъ. Подъ 1391 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе о средствѣ, которое

придумали Новгородцы для предупрежденія пожаровъ: послѣ большого пожара, бывшаго въ этомъ году, они взяли у Св. Софіи съ полатей десять тысячъ серебра, скопленныхъ владыкою Алексѣемъ, и раздѣлили по 1.000 рублей на каждый конецъ: на эти деньги поставили костры каменные по обѣ стороны острога у всякой улицы. Во Псковѣ упоминаются десять большихъ пожаровъ, въ Твери семь, два въ Смоленскѣ, два въ Торжкѣ и по одному въ Нижнемъ, Старицѣ, Ростовѣ, Коломнѣ, Муромѣ, Корѣльскомъ городкѣ, Орѣшкѣ, Молвотицахъ. Что касается народонаселенія городовъ, то подъ 1230 годомъ говорится, что въ Смоленскѣ погибло отъ мору 32.000 человѣкъ; въ Новгородѣ въ 1390 году, по одному иностранному извѣстію (Кранца), погибло отъ мору 80.000 человѣкъ; въ Москвѣ, во время Тохтамышева взятія, по однимъ извѣстіямъ погибло 24.000 человѣкъ, по другимъ—вдвое меньше.

Земельные участки, принадлежащіе къ городу, назывались его волостями, а совокупность всѣхъ этихъ участковъ называлась *уѣздомъ*; названіе *уѣзда* происходитъ отъ способа или обряда размежеванія, который назывался *разъѣздомъ*, межевщикъ *разъѣзжикомъ*, или *заѣздникомъ*, межевать — *разъѣзжать*, слѣдовательно, все что было приписано, примежевано къ извѣстному мѣсту, было къ нему *у-ѣхано*, или *заѣхано*, составляло его *уѣздъ*; что было отписано, не принадлежало къ нему, было *отъѣхано*, составляло волости отъѣздныя. Но *уѣздомъ* называлась не одна совокупность мѣстъ, волостей, принадлежавшихъ городу; такое же названіе могла носить и совокупность мѣстъ или земель, принадлежавшихъ къ извѣстному селу, и дѣйствительно мы встрѣчаемъ село съ уѣздомъ [423]. Въ правительственномъ отношеніи уѣздъ раздѣлялся на волости, волости на станы, станы на околицы; населенныя мѣста въ уѣздѣ носили различныя названія: встрѣчаемъ городки, слободы, слободки; села, сельца, деревни, починки села, новоселки, встрѣчаемъ села, принадлежащія къ слободкамъ, села въ слободахъ, деревни, принадлежащія къ селамъ, къ починкамъ. Извѣстно, какъ обширна была волость Новгорода-Великаго; по давно утвердившемуся въ нашей наукѣ мнѣнію, новгородскія волости изстари дѣлились на пять большихъ частей или пятинъ, которыя соотвѣтствовали раздѣленію Новгорода на пять концовъ, такъ что жители каждой пятины вѣдались у старосты того городского конца, къ которому ихъ пятина

принадлежала. Объ этомъ прямо и ясно говоритъ Герберштейнъ; изъ русскихъ источниковъ, въ житіи Св. Саввы Вишерскаго читаемъ, что преподобный, имѣя нужду въ землѣ для построенія монастыря, посылалъ для испрошенія этой земли въ Славенскій конецъ. Сохранились даже въ спискахъ и грамоты, данныя правленіемъ конца Вишерскому монастырю на земли, концу принадлежавшія. Здѣсь могутъ возразить, что въ означенныхъ грамотахъ дѣло идетъ не о пятинныхъ отношеніяхъ къ концу, а просто о земляхъ, находившихся недалеко отъ Новгорода (въ 7 верстахъ) и принадлежавшихъ Славенскому концу. Но извѣстно, что области пятинъ, какъ, напримѣръ, Обонѣжской (въ которой находились вишерскія земли), начинались непосредственно отъ Новгорода, что въ Обонѣжской пятинѣ были погосты, находившіеся еще ближе къ Новгороду, чѣмъ вишерскія земли, напр. Деревяницкій, Волотовскій [124]. И въ описываемое время видимъ, что князья и вообще землевладѣльцы стараются увеличивать народонаселеніе льготами, которыя они даютъ пришлымъ людямъ: въ княженіе Димитрія Донского какой-то Евсейка вздумалъ переселиться изъ Торжка въ великокняжескую вотчину, на Кострому, и великій князь освободилъ его отъ всѣхъ податей, кромѣ оброка по 5 куницъ на годъ; кромѣ того приказалъ его блюсти дядѣ своему, Василію Тысяцкому [125]. При уступкѣ земельнаго участка монастырю или какому-нибудь частному лицу князья обыкновенно помѣщаютъ въ своихъ жалованныхъ грамотахъ то условіе, что если землевладѣлецъ населитъ данный участокъ, то населеніе освобождается на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей или тягостей, причемъ различаются два случая: если землевладѣлецъ перезоветъ на свой участокъ прежде жившихъ на немъ людей, старожилцевъ, или перезоветъ выходцевъ изъ другихъ княжествъ, инокняженцевъ; для послѣднихъ льготъ было больше, давалась имъ свобода отъ всѣхъ податей на двойное количество лѣтъ въ сравненіи съ первыми, обыкновенно на десять лѣтъ вмѣсто пяти; въ случаѣ успѣшнаго заселенія даннаго участка, землевладѣлецъ получалъ новыя льготы, новыя награды; такъ, напримѣръ, монахи Кириллова монастыря за то, что полученную ими пустошь распахали, людей собрали, селце и деревни нарядили, получили отъ великаго князя Василія Васильевича льготу: никому изъ чиновниковъ не велѣно было ѣздить на это селце и деревни и останавливаться въ нихъ, брать кормы,

проводниковъ, подводы [426]. Условія, на которыхъ пришлые люди поселялись на пустыхъ участкахъ, разумѣется, зависѣли отъ взаимнаго соглашенія ихъ съ землевладѣльцами: они могли обрабатывать землю за извѣстную плату отъ владѣльца, по найму и назывались наймитами; могли пользоваться землею, уплачивая владѣльцу ея половину собираемыхъ произведеній, и потому назывались половниками, треть произведеній—почему назывались третниками; крестьянинъ, занявшій при поселеніи деньги у землевладѣльца, назывался серебряникомъ; наконецъ встрѣчаемъ названіе рядовыхъ людей, отъ какого-нибудь, намъ неизвѣстнаго, ряда или договора. Мы видимъ изъ княжескихъ грамотъ, что эти люди переходили съ одной земли на другую, изъ одного княжества въ другое, перезывались; понятно, что самыя льготы, которыя они получали при заселеніи пустыхъ участковъ, побуждали ихъ къ переходамъ, ибо, живя на одномъ мѣстѣ, по истеченіи извѣстнаго срока, напримѣръ десяти лѣтъ, они лишались льготъ, и имъ выгодно было перейти на другое мѣсто, заселивъ которое они получали опять льготы. Впрочемъ видимъ уже ограниченіе произвольнаго перехода сиротъ или хрестьянъ (такъ называлось тогда сельское народонаселеніе) опредѣленіемъ срока для него: сирота могъ оставлять землю, отказываться, только осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, именно за двѣ недѣли до Юрьева дня и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня осенняго, причемъ серебряники должны были заплатить свое серебро [427]. Потомъ видимъ запрещеніе перехода или перезыва крестьянъ въ видѣ льготы для извѣстнаго землевладѣльца: такъ напримѣръ великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ игумена Троицкаго Сергіева монастыря и братію, запретивъ переходъ крестьянамъ-старожилцамъ изъ монастырскаго села Присѣкъ и деревень, къ нему принадлежащихъ [428]. Дальнѣйшимъ ограниченіемъ было запрещеніе землевладѣльцамъ, которыхъ земли были освобождены отъ общаго княжескаго суда и пошлинъ, принимать къ себѣ тяглыхъ волостныхъ людей, тянувшихъ судомъ и пошлинами къ князю; они должны были довольствоваться только перезывомъ инокняженцевъ: такъ Іоаннъ Калита запретилъ юрьевскому архимандриту принимать на свои земли тяглыхъ волоцкихъ людей и выходцевъ изъ Московскаго княжества; такъ великій князь Василій Димитріевичъ постановилъ это условіе при позволеніи митрополиту Фотію купить деревню въ

волости Талшѣ [429]. Наконецъ иногда князь не только позволялъ извѣстному землевладѣльцу не отпускать отъ себя крестьянъ, но давалъ право возвращать и тѣхъ, которые прежде вышли: такъ великій князь Василій Васильевичъ далъ это право игумену Троицкаго Сергіева монастыря относительно людей, вышедшихъ изъ монастырскихъ селъ въ Углицкомъ уѣздѣ [430]. Что же касается отношеній переходнаго сельскаго народонаселенія къ землевладѣльцамъ, то мы знаемъ, что нѣкоторымъ изъ послѣднихъ князья жаловали право суда надъ поселенными на ихъ земляхъ людьми, кромѣ душегубства и суда смѣснаго: въ послѣднемъ случаѣ землевладѣльцы эти судили вмѣстѣ съ намѣстниками и волостелями княжескими или ихъ тіунами; иногда жаловалось право суда, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ [431].

Но подлѣ этого переходнаго сельскаго народонаселенія мы видимъ народонаселеніе несвободное, принадлежащее землевладѣльцамъ; такъ въ жалованныхъ грамотахъ землевладѣльцамъ отличаются люди, купленные ими, отъ тѣхъ, кого они перезовутъ, или старожилцы и пришлые люди отличаются отъ окупленныхъ [432]; князья въ своихъ договорахъ отличаютъ холопей своихъ отъ сельчанъ [433], говорятъ о своихъ бортникахъ и оброчникахъ купленныхъ, о людяхъ купленныхъ, о людяхъ дѣловыхъ, которыхъ они прикупили или за вину взяли себѣ, о людяхъ полныхъ (рожденныхъ въ холопствѣ), купленныхъ грамотныхъ (отдавшихся добровольно въ холопство по кабальнымъ грамотамъ). Изъ зависимыхъ людей упоминаются также закладни или закладники, которые, на извѣстныхъ условіяхъ, з а л о ж и л и с ь за другого; такъ какъ главнымъ побужденіемъ къ закладничеству было желаніе освободиться отъ повинностей, лежавшихъ на свободномъ и самостоятельномъ человѣкѣ, то князья и условливаются не держать закладней въ городѣ (Москвѣ). Такимъ образомъ мы должны отличать, въ описываемое время, людей свободныхъ и самостоятельныхъ, людей несамостоятельныхъ (каковы были закладни), и наконецъ людей несвободныхъ, которые могли быть вѣчно или временно несвободны, смотря по тому, родились ли они въ несвободномъ состояніи, были куплены, попались въ плѣнъ, или отдались добровольно въ холопство на ограниченное число лѣтъ. Для первыхъ встрѣчаемъ названіе л ю д е й п о л н ы х ъ, ч е л я д и д е р н о в а т о й; выраженіе: п о с л а т ь н а о т х о ж у ю, значило освободить подобныхъ людей. Замѣчательно,

что вмѣсто человѣкъ вольный говорилось: „человѣкъ великаго князя“ [434] Что касается положенія холопа, то Новгородцы въ своихъ договорахъ требуютъ, чтобы доносъ холопа или раба на господина не имѣлъ силы и чтобы судьи не судили холопа и половника безъ господаря. Говоря о разныхъ слояхъ народонаселенія въ древней Руси, мы не можемъ обойти вопросъ о томъ: кто и какъ могъ владѣть земельною собственностію? Кромѣ людей служилыхъ и духовенства, въ числѣ землевладѣльцевъ видимъ и гостей: подъ 1371 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ, который выкупилъ изъ плѣна своею казной множество всякихъ чиновъ людей и купилъ себѣ вотчины у великаго князя, шесть селъ за рѣкою Кудьмою. По значеніе гостя въ лѣтописи не опредѣлено: иногда гости употребляются вообще въ смыслѣ торговыхъ людей, купцовъ, иногда въ значеніи лучшихъ, богатѣйшихъ купцовъ; въ новгородскихъ памятникахъ гости не составляютъ особаго разряда, вездѣ видимъ только купцовъ. Но естественно, что только богатѣйшіе купцы, гости, могли пріобрѣтать земельную собственность, ибо они одни только, по своимъ средствамъ, могли, не оставляя торговли, заниматься и сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ купцы незначительные не были въ состояніи въ одно время и торговать въ лавкѣ, и жить въ селѣ. Кромѣ того, столкновеніе государственныхъ интересовъ должно было уже въ описываемое время вести къ тому, что купцамъ нельзя было владѣть земельною собственностію, ибо всякій землевладѣлецъ долженъ былъ служить государству, а купецъ былъ человѣкъ данный, платившій въ казну деньги съ своего промысла; если купецъ становился землевладѣльцемъ, то онъ, относительно государственныхъ требованій, долженъ былъ совмѣщать въ себѣ два характера: человѣка служилаго и человѣка даннаго; но понятно, что онъ не могъ удовлетворить вмѣстѣ этимъ двумъ требованіямъ; мало того, мы видѣли, что по финансовымъ требованіямъ онъ не могъ бросить торга и перейти въ служилые люди, ибо князья клялись другъ другу не принимать къ себѣ въ службу торговыхъ людей. Всѣ землевладѣльцы необходимо должны были перейти въ служилые люди, ибо государство не хотѣло между служилыми и промышленными людьми признавать никакого другого разряда; такъ послѣ, по уложенію, дѣти неслужилыхъ отцовъ, купившіе вотчины, должны были записаться въ царскую службу; въ

противномъ случаѣ вотчины отбирались у нихъ въ казну. Класса землевладѣльцевъ, живущихъ на своихъ земляхъ, не могло образоваться въ описываемое время, ибо и теперь, какъ прежде, продолжалась постоянная колонизація сѣверовосточныхъ пространствъ, постоянное переселеніе, броженіе; земледѣльцу невыгодно было оставаться долго на одномъ мѣстѣ по самому качеству почвы на сѣверовостокѣ, которая нигдѣ не обѣщала продолжительнаго плодородія; чрезъ нѣсколько времени послѣ перваго занятія, послѣ выжиги лѣса, требовала уже большихъ трудовъ, и земледѣльцу выгодно было оставлять ее и переходить на новую почву. Кромѣ того, во все продолженіе древней русской исторіи, мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладываться за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особенными правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность. Стремленіе это мы видимъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка; оно естественно въ новорожденныхъ обществахъ, при отсутствіи безопасности, когда правительство, законы еще не такъ сильны, чтобъ дать покровительство, безопасность всѣмъ членамъ общества. Такимъ образомъ выгодно было земледѣльцамъ переходить на земли богатыхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ, архіереевъ, монастырей, вельможъ, ибо, кромѣ вышеупомянутыхъ льготъ при первомъ поселеніи, поселенцы пользовались еще льготами, заключавшимися въ разныхъ правахъ, которыя имѣли тѣ или другіе землевладѣльцы, а главное — пользовались покровительствомъ сильныхъ людей. При обращеніи вниманія на отличительную черту нашей древней исторіи, на колонизацію страны, легко рѣшается вопросъ о томъ, какъ произошла поземельная собственность и различные ея виды. Какъ только сѣверовосточная Русь выступаетъ на историческую сцену, такъ мы видимъ въ ней сильную колонизацію, происходящую подъ покровительствомъ князей; еслибы мы даже не имѣли опредѣлительныхъ извѣстій объ этой колонизаціи, то мы необходимо должны были бы предположить ее, ибо исторія застаетъ сѣверовосточную Русь финскою страной, а потомъ видимъ ее славянскою; слѣдовательно, допустивъ даже, что финское народонаселеніе не исчезало, но ославянивалось, мы должны допустить сильную славянскую колонизацію. Но эта колонизація происходила не въ доисторическія времена, когда „живяху кождо съ родомъ

своимъ на своихъ мѣстѣхъ"; она происходила на памяти исторіи, когда сѣверовосточная Русь составляла уже опредѣленную область, княжество, гдѣ владѣла извѣстная линія княжеская; слѣд. колонизація не могла происходить безъ вѣдома и вліянія извѣстнаго правительства. Ростовъ Великій существовалъ до призванія князей; ему принадлежала обширная, малонаселенная, но опредѣленная область. Для потомковъ первыхъ насельниковъ, городскихъ и сельскихъ, земля находится въ общемъ владѣніи; на это указываетъ обычный способъ владѣнія землями, принадлежавшими общинамъ городскимъ и сельскимъ. Но остаются обширныя ненаселенныя пространства, никому не принадлежащія, т.-е. принадлежащія городу Ростову, а въ Ростовѣ находится высшее правительственное лице, князь, который управляетъ всею областью посредствомъ своихъ чиновниковъ, волостелей, слѣд. никакая дальнѣйшая перемѣна, никакія новыя права и отношенія не могутъ произойти безъ вѣдома, безъ распоряженія княжескаго; положимъ, что сначала князь распоряжается въ области не безъ вѣдома и участія старшаго города, но конечно мы не имѣемъ никакого права думать, чтобы послѣ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III князья распоряжались чѣмъ бы то ни было съ вѣдома и согласія Ростовцевъ. Прежде всего князья могли распоряжаться землею, принадлежащею ихъ волости, отдавая ее въ полное владѣніе членамъ своей дружины, съ правомъ населять ее всякаго рода людьми, вольными и невольными; могли распоряжаться землею, отдавая ее духовенству; наконецъ могли продавать ее богатымъ купцамъ или гостямъ, подобнымъ вышеупомянутому Тарасу Петрову, которые имѣли возможность населить купленную землю: вотъ разные виды происхожденія частной земельной собственности, вотчинъ. Но, съ одной стороны, мы видѣли, что для жителей городовъ и селъ существовала искони привычка смотрѣть на земли, принадлежавшія ихъ городамъ и селамъ, какъ на общее достояніе; земля принадлежала общинѣ, а не отдѣльнымъ членамъ ея; когда же община потеряла свое самостоятельное значеніе передъ княземъ, то земля естественно стала государевою; съ другой стороны, земли оставалось все еще много; какъ частные люди, землевладѣльцы старались населить принадлежавшіе имъ участки, перезывая къ себѣ отовсюду земледѣльцевъ, такъ точно старалось и правительство о населеніи остававшихся у него пустыхъ земель. Являлись насельники, земледѣльцы, и принимались

съ радостію; но какимъ же образомъ они селились? Они не покупали земель у правительства, ибо, вопервыхъ, имъ не было никакой выгоды покупать, когда они могли пользоваться землею безъ покупки, и потомъ, найдя землю неудобною, переселяться на новыя мѣста. Если подобные поселенцы оставались долго на занятыхъ ими участкахъ, то, разумѣется, эти участки переходили къ ихъ дѣтямъ, безо всякихъ новыхъ формъ и сдѣлокъ; но ясно, что какъ у правительства, такъ и у насельниковъ сохранялось вполнѣ сознаніе, что занятыя послѣдними земли не составляютъ ихъ полной собственности, не суть ихъ вотчины, не пожалованы имъ за службу, не куплены ими, но уступлены только въ пользованіе, хотя правительству и выгодно, чтобъ это пользованіе продолжалось какъ можно долѣе, переходило изъ рода въ родъ. Вотъ происхожденіе такъ называемыхъ черныхъ или государственныхъ земель. Что сказано о селахъ, то должно быть примѣнено и къ городамъ, ибо города населялись точно такъ же, какъ села. Извѣстный промышленникъ селился въ городѣ, на отведенной ему отъ правительства землѣ, ставилъ дворъ, оставлялъ эту землю и дворъ въ наслѣдство дѣтямъ, передавалъ ихъ за деньги, продавалъ другому подобному себѣ лицу—правительство не вступалось, лишь бы только эта черная земля не сдѣлалась бѣлою, не перешла бы къ комунибудь въ видѣ полной частной собственности; отсюда всѣ извѣстныя распоряженія о непокупкѣ земель черныхъ людей, т.-е. о непереводѣ собственности государственной въ частную.

Кромѣ повинностей, означенныхъ выше въ статьѣ о доходахъ княжескихъ, въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстія о другихъ обязанностяхъ сельскаго народонаселенія, напримѣръ обязанностяхъ—городъ дѣлать, дворъ княжой и волостелинъ ставить, коня княжаго кормить, сѣно косить, на охоту ходить по приказанію ловчихъ княжескихъ (на медвѣдя и на лося), давать кормъ, подводы и проводниковъ князю, воеводамъ, намѣстникамъ, волостелямъ, тіунамъ и всякаго рода чиновникамъ и посланцамъ княжескимъ.

Кромѣ означенныхъ слоевъ народонаселенія, въ первый разъ, въ описываемое время, именно въ концѣ первой половины XV вѣка, встрѣчаемъ названіе козаковъ рязанскихъ, которые пришли на помощь къ Рязанцамъ и Москвичамъ противъ татарскаго царевича Мустафы; они пришли вооруженные сулицами, рогатинами и саблями [435].

Мы видѣли стараніе князей умножать народонаселеніе въ своихъ княжествахъ; теперь обратимъ вниманіе на обстоятельства, препятствовавшія этому умноженію, на бѣдствія политическія (войны междоусобныя и внѣшнія) и физическія (голодъ, моръ и другія). Мы видѣли на сѣверѣ въ описываемое время 90 усобицъ, въ продолженіе которыхъ владимірская область (съ Переяславлемъ, Костромою и Галичемъ) терпѣла 16 разъ, новгородская 15, московская 14, тверская 13, смоленская, рязанская и двинская по 9 разъ, сѣверская и суздальско-нижегородская по 4, ярославско-ростовская 3, вятская 2, псковская 1; такимъ образомъ владимірская область, болѣе другихъ терпѣвшая отъ усобицъ, подвергалась опустошеніямъ по одному разу почти въ 15 лѣтъ, относительно же всей сѣверной Россіи придется по одной войнѣ слишкомъ на два года. Опустошеніямъ отъ внѣшнихъ враговъ новгородская область подвергалась 29 разъ, псковская 24, рязанская 17, московская 14, владимірская и нижегородская по 11, сѣверская 8, смоленская и тверская по семи, ярославско-ростовская 4, вятская 1; слѣдовательно новгородская область, болѣе другихъ повидимому терпѣвшая отъ внѣшнихъ войнъ, подвергалась непріятельскимъ нашествіямъ по одному разу на 8 лѣтъ. Круглое число непріятельскихъ нашествій будетъ 133; изъ этого числа на долю татарскихъ опустошеній приходится 48, считая всѣ извѣстія о тиранствахъ баскаковъ въ разныхъ городахъ; приложивъ къ числу опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ число опустошеній отъ усобицъ, получимъ 232, слѣдовательно придется по опустошенію почти на каждый годъ. Но понятно, что на этихъ однѣхъ цифрахъ нельзя основать никакихъ выводовъ; такъ, напримѣръ, новгородская и псковская области терпѣли больше всѣхъ другихъ отъ нашествій внѣшнихъ враговъ, и несмотря на то, Новгородъ и Псковъ оставались самыми богатыми городами во всей сѣверной Россіи, ибо Псковъ во все это время былъ только разъ во власти враговъ, которые, впрочемъ, какъ видно, не причинили ему большого вреда; Новгородъ же ни разу не доставался въ руки непріятелю; большая часть нашествій нѣмецкихъ, шведскихъ и литовскихъ, отъ которыхъ терпѣли Новгородъ и Псковъ, ограничивались пограничными волостями ихъ и нисколько не могутъ идти въ сравненіе съ нашествіемъ Батыя, съ двукратнымъ татарскимъ опустошеніемъ во время усобицъ между сыновьями Невскаго, съ опустошеніемъ тверской области Татарами и

Калитою, съ нашествіемъ Тохтамыша, Едигея. Такъ же обманчивы приведенныя цифры и относительно восточныхъ областей; такъ, напримѣръ, цифры показываютъ, что Московское княжество подвергалось большимъ опустошеніямъ, чѣмъ княжество Тверское; но разсмотрѣніе другихъ обстоятельствъ, и именно—когда и какого рода опостошеніямъ подвергались оба соперничествующія княжества, совершенно измѣняетъ дѣло: Тверское княжество подверглось страшному опустошенію въ конецъ отъ Татаръ и Калиты при князѣ Александрѣ Михайловичѣ; потомъ, не успѣло оно оправиться отъ этого бѣдствія, начинаются усобицы княжескія, заставляющія народъ выселяться изъ родныхъ предѣловъ въ другія княжества, тогда какъ Москва не терпитъ опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ отъ Калиты до Донского, а усобицы начинаются въ ней только въ княженіе Василія Васильевича, когда она уже воспользовалась временемъ отдыха и взяла окончательно верхъ надъ всѣми другими княжествами. Цифры показываютъ, что болѣе частымъ нападеніямъ внѣшнихъ враговъ подвергались пограничныя области на юговостокѣ и сѣверозападѣ—рязанская, новгородская и псковская; рязанская отъ Татаръ, новгородская и псковская отъ Шведовъ, Нѣмцевъ и Литвы,—и числовое большинство остается на сторонѣ сѣверозападныхъ границъ. Но мы замѣтили, что нашествій шведскихъ и нѣмецкихъ нельзя сравнивать съ татарскими; съ другой стороны, не должно преувеличивать и вреда, который Россія претерпѣвала отъ Татаръ; не должно забывать, что иго тяготѣло особенно только въ продолженіе первыхъ 25 лѣтъ, что уже въ 1266 году лѣтописецъ извѣщаетъ объ его ослабленіи, что уже въ концѣ XIII вѣка исчезаютъ баскаки, и князья сами распоряжаются относительно выхода, что послѣ татарскихъ опустошеній, которыя были слѣдствіемъ усобицы между сыновьями Невскаго, до опустошенія тверской области Татарами съ Калитою, и послѣ этого вплоть до Тохтамышева нашествія, въ продолженіе, слѣдовательно, слишкомъ 50 лѣтъ, за исключеніемъ пограничныхъ княжествъ Рязанскаго и Нижегородскаго, сѣверовосточная Россія не слыхала о татарскихъ нашествіяхъ, а потомъ, кромѣ Тохтамышева, Едигеева и Улу-Махметова нашествія, набѣги касались только границъ, и по прежнему терпѣло отъ нихъ преимущественно княжество Рязанское. Вообще съ цифрами въ исторіи надобно обходиться очень осторожно.

Обратимся къ физическимъ бѣдствіямъ. Подъ 1230 годомъ лѣтописецъ говоритъ о голодѣ, свирѣпствовавшемъ во всей Россіи кромѣ Кіева: въ половинѣ сентября морозъ побилъ весь хлѣбъ въ новгородской области, и отсюда началось горе большое, говоритъ лѣтописецъ, начали покупать хлѣбъ по 8 кунъ, кадь ржи по 20 гривенъ, пшеницы по 40 гривенъ, пшена по 50, овса по 13; разошелся весь городъ нашъ и вся волость, и наполнились чужіе города и страны братьями нашими и сестрами; оставшіеся начали мереть; трупы лежали по улицамъ, младенцевъ грызли псы; ѣли мохъ, сосну, кору липовую, листъ разный; нѣкоторые изъ черни рѣзали живыхъ людей и ѣли, другіе обрѣзывали мясо съ труповъ, иные ѣли лошадей, собакъ, кошекъ; преступниковъ казнили, вѣшали, жгли, но встало другое зло: начали зажигать домы людей добрыхъ, у которыхъ чуяли рожь, и грабили имѣніе ихъ; между родными не было жалости, сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ отломить куска хлѣба; отцы и матери отдавали дѣтей своихъ изъ хлѣба въ рабство купцамъ иноземнымъ; по улицамъ скорбь при видѣ труповъ, лежащихъ безъ погребенія, дома тоска при видѣ дѣтей, плачущихъ по хлѣбѣ, или умирающихъ съ голоду; цѣны возвысились наконецъ до того, что четвертую часть кади ржи начали покупать по гривнѣ серебра. Архіепископъ Спиридонъ поставилъ скудельницу и приставилъ человѣка добраго и смиреннаго, именемъ Станила, возить въ нее мертвецовъ на лошади со всего города; Станилъ возилъ цѣлый день безпрестанно, и навозилъ 3030 труповъ; скудельница наполнилась; поставили еще другую, и наклали 3500 труповъ. Псковской лѣтописецъ разсказываетъ объ этомъ голодѣ у себя въ тѣхъ же чертахъ; его особенно поразило то, что въ Великій постъ люди ѣли конину; „написалъ бы еще кой о чемъ похуже, да и такъ уже горько“, оканчиваетъ онъ свой разсказъ. Въ Смоленскѣ выстроено было четыре скудельницы, въ которыхъ было положено 32.000 труповъ. Въ 1251 году пошли дожди въ новгородской области, подмочили хлѣбъ и сѣно, осенью морозъ побилъ хлѣбъ; въ 1291 году то же самое; въ 1303 году тамъ же зима была теплая, не было снѣгу черезъ всю зиму, и люди хлѣба не добыли. Въ 1309 году былъ голодъ сильный по всей русской землѣ, потому что мышь поѣла всякій хлѣбъ. Въ 1331 году была большая дороговизна въ русской землѣ: это голодное время слыло подъ названіемъ р о с л о й р ж и. Въ 1364 году съ половины лѣта стояла

мгла, зной былъ страшный, лѣса, болота и земля горѣли, рѣки высохли; въ слѣдующемъ году то же самое, и отсюда сильный голодъ. Осенью 1370 года было снѣгу много, и хлѣбъ пошелъ подъ снѣгъ; но зима была теплая, весь снѣгъ сошелъ въ самомъ началѣ Великаго поста, и хлѣбъ былъ сжатъ въ Великій постъ; лѣтомъ въ солнцѣ показались мѣста черныя, какъ гвозди, мгла была такая, что на сажени нельзя было ничего передъ собою видѣть, люди сталкивались лбами, птицы падали съ воздуху людямъ на головы, звѣри смѣшивались съ людьми, медвѣди и волки бродили по селамъ, рѣки, болота, озера высохли, лѣса горѣли, голодъ былъ сильный по всей землѣ. Въ 1373 году при сильномъ зноѣ не было ни капли дождя во все лѣто. Лѣтомъ 1407 года было сумрачно и дождливо, крылатый червь летѣлъ отъ востока на западъ, поѣлъ деревья и засушилъ ихъ; въ 1409 году множество людей померло отъ голоду, въ 1412 дороговизна въ Нижнемъ-Новгородѣ; въ 1418 году снѣгъ выпалъ 15 сентября, шелъ трое сутокъ и покрылъ всю землю на 4 пяди, пошли морозы; но потомъ стало тепло, снѣгъ сошелъ, но хлѣба сжали мало послѣ снѣга, и начался голодъ по всей русской землѣ. Въ 1421 году свирѣпствовалъ голодъ въ Новгородѣ и по всей русской землѣ, много людей померло съ голоду, другіе ушли въ Литву, иные померзли на дорогѣ, потому что зима была очень холодна; въ Москвѣ оковъ ржи покупали по полтора рубля, въ Костромѣ по два рубля, въ Нижнемъ по шести; во Псковѣ тогда клѣти были полны хлѣба отъ прежнихъ лѣтъ, и вотъ пошли ко Пскову Новгородцы, Корела, Чудь, Вожане, Тверичи, Москвичи, просто сказать, пошелъ народъ со всей русской земли, и напло его множество, стали покупать рожь во Псковѣ, по волостямъ и пригородамъ, и возить за рубежъ, цѣны поднялись, зобница ржи начала продаваться по 70 ногатъ, жита по 50, овса по 30, вслѣдствіе чего Псковичи запретили вывозить хлѣбъ за рубежъ, а нахожихъ людей стали выгонять изъ Пскова и изо всѣхъ волостей; иные разошлись, а которые остались во Псковѣ, тѣхъ множество перемерло, и наклали ихъ въ одномъ Псковѣ четыре скудельницы, а сколько погибло по пригородамъ и волостямъ, тѣмъ и числа нѣтъ. Осенью 1429 года земля и лѣса горѣли, дымъ стлался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирала рыба и птица, рыба послѣ того пахла дымомъ два года; слѣдствіемъ такой погоды былъ голодъ

сильный по всей землѣ русской; въ 1436 году морозъ побилъ хлѣбъ въ жатвенную пору, и была большая дороговизна; зимою 1442 года лютые морозы много причинили зла людямъ и животнымъ; въ 1444 году опять лютая зима и дороговизна сѣна; подъ 1446 годомъ новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что въ его области хлѣбъ былъ дорогъ не только этого году, но въ продолженіе 10 лѣтъ, двѣ коробьи по полтинѣ, иногда больше, иногда меньше, а иногда и вовсе негдѣ купить; была скорбь сильная: только и слышно было, что плачъ да рыданіе по улицамъ и по торгу; многіе отъ голоду падали мертвые, дѣти передъ родителями, отцы и матери передъ дѣтьми; многіе разошлись въ Литву, къ Нѣмцамъ, бусурманамъ и Жидамъ, изъ хлѣба отдавались въ рабство купцамъ.

О морѣ долго не встрѣчаемъ извѣстій; подъ 1284 годомъ южный лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ на животныхъ въ Руси, Польшѣ и у Татаръ: лошади, рогатый скотъ, овцы померли безъ остатка; сѣверный лѣтописецъ упоминаетъ о морѣ на скотъ подъ 1298 годомъ; потомъ подъ 1308 о морѣ на людей; подъ 1318 о морѣ въ Твери; подъ 1341 о морѣ на рогатый скотъ въ Новгородѣ; во Псковѣ же въ этомъ году былъ моръ сильный на людей: негдѣ стало погребать, гдѣ выкопаютъ могилу мужу или женѣ, тамъ же положатъ и дѣтей малыхъ, головъ семь или восемь въ одномъ гробѣ. Но это бѣдствіе было только предвѣстникомъ ужаснѣйшихъ; наступила страшная вторая половина XIV вѣка. Еще подъ 1348 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о морѣ въ Полоцкѣ; въ 1350 году заслышали о морѣ въ дальнихъ странахъ; въ 1351 году начался моръ во Псковѣ съ такимъ признакомъ: харкнетъ человѣкъ кровью, и на четвертый день умираетъ; предвидя скорую смерть, мужчины и женщины шли въ монастыри и тамъ умирали, постригшись; другіе приготовлялись къ смерти въ домахъ заботами о душахъ своихъ, отдавая имѣніе свое церквамъ и монастырямъ, духовнымъ отцамъ и нищимъ; священники не успѣвали ходить за каждымъ мертвецомъ на домъ, но приказывали свозить всѣхъ на церковный дворъ, и за ночь къ утру набиралось труповъ по тридцати и больше у каждой церкви, и всѣмъ было одно отпѣваніе, только молитву разрѣшительную читали каждому порознь, и клали по три или по пяти головъ въ одинъ гробъ; такъ было по всѣмъ церквамъ, и скоро стало негдѣ погребать, начали погребать подальше отъ церквей, наконецъ отведены были подъ кладбище пустыя мѣста

совершенно вдалекѣ отъ церквей. Многіе думали, что никто уже не останется въ живыхъ, потому что если моръ войдетъ въ какой одинъ либо родъ или семью, то рѣдко кто оставался въ живыхъ; если умиравшіе отдавали кому дѣтей своихъ, или имѣніе, то и принимавшіе скоро заболѣвали и умирали, вслѣдствіе чего стали бояться принимать что-либо отъ умирающихъ и родные начали бѣгать родныхъ; за то нѣкоторые великодушные, отбросивши всякій страхъ, и чужихъ мертвецовъ погребали, для спасенія душъ своихъ. Псковичи послали въ Новгородъ звать владыку Василія, чтобы пріѣхалъ благословить ихъ; владыка пріѣхалъ, обошелъ весь городъ съ духовенствомъ со крестами, мощами святыхъ, весь народъ провожалъ кресты взывая: „Господи помилуй!“ Пробывъ немного дней во Псковѣ, владыка поѣхалъ назадъ здоровымъ, но на дорогѣ, на рѣкѣ Узѣ [436], занемогъ и умеръ. Вслѣдъ за владыкою моръ шелъ изо Пскова въ Новгородъ; во Псковѣ свирѣпствовалъ онъ съ весны до зимы, въ Новгородѣ отъ Успеньева дня до весны слѣдующаго года; единовременно съ Новгородомъ моръ свирѣпствовалъ въ Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздалѣ; въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного человѣка; мы видѣли, что въ 1353 году моръ свирѣпствовалъ въ Москвѣ. Въ 1360 году свирѣпствовалъ второй моръ во Псковѣ съ новымъ признакомъ: у кого выложатся желѣза, тотъ скоро умиралъ; опять Псковичи послали въ Новгородъ звать къ себѣ владыку Алексѣя; тотъ пріѣхалъ, благословилъ всѣхъ отъ великаго до убогаго, обошелъ весь городъ со крестами, отслужилъ три литургіи, и моръ началъ переставать. Въ 1363 году явился моръ съ низовьевъ Волги, началъ свирѣпствовать въ Нижнемъ-Новгородѣ, потомъ въ Рязани, Коломнѣ, Переяславлѣ, Москвѣ, Твери, Владимірѣ, Суздалѣ, Дмитровѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Бѣлоозерѣ; предъ началомъ болѣзни человѣка какъ рогатиною ударитъ въ лопатку, или подъ груди противъ сердца, или между крыльцами, потомъ больной начинаетъ харкать кровью, почувствуетъ сильный жаръ, за жаромъ слѣдуетъ обильный потъ, за потомъ дрожь—и это послѣднее, болѣзнь продолжалась день, два, рѣдко три; показывались и желѣза не одинаково: у иного на шеѣ, у другого на стегнѣ подъ пазухою, подъ скулою, за лопаткою; умирало въ день человѣкъ по пятидесяти, по сту и больше; бѣдствіе продолжалось не одинъ годъ, обходя разные города. Подъ 1373 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ

на людей и скотскомъ падежѣ вслѣдствіе жаровъ и бездождія. Въ 1375 упоминается о морѣ въ Кіевѣ; въ 1387 былъ сильный моръ въ смоленской области: изъ самаго Смоленска вышли только пять человѣкъ живыхъ и затворили городъ; 1389 годомъ упоминается сильный моръ во Псковѣ, подъ слѣдующимъ годомъ въ Новгородѣ. Подъ 1402 годомъ упоминается моръ въ Смоленскѣ, подъ 1403 во Псковѣ—желѣзою, моръ пришелъ изъ Дерпта; въ 1406 году это бѣдствіе возобновилось во Псковѣ; въ 1409 году моръ съ кровяною харкотою свирѣпствовалъ въ волостяхъ ржевскихъ, можайскихъ, дмитровскихъ, звенигородскихъ, переяславскихъ, владимірскихъ, юрьевскихъ, рязанскихъ и тарусскихъ, показывался въ нѣкоторыхъ московскихъ волостяхъ; первый признакъ—у больного руки и ноги прикорчитъ, шею скривитъ, зубы скрежещутъ, кости хрустятъ, всѣ составы трещатъ, кричитъ, вопитъ; у иныхъ и мысль измѣнится, умъ отнимется; иные одинъ день поболѣвши умирали, другіе полтора дня, нѣкоторые два дня, а иные, поболѣвши три или четыре дня, выздоравливали; въ 1414 была болѣзнь тяжкая по всей Русской землѣ—костоломъ; въ 1417 моръ съ кровохарканіемъ и желѣзою опустошилъ Новгородъ, Ладогу, Русу, Порховъ, Псковъ, Торжокъ, Дмитровъ и Тверь; въ Новгородѣ владыка Симеонъ, съ духовенствомъ всѣхъ семи соборовъ и всѣми жителями, обошелъ крестнымъ ходомъ около всего города, послѣ чего Новгородцы, одни на лошадяхъ, другіе пѣшкомъ, отправились въ лѣсъ, привезли бревенъ и поставили церковь св. Анастасіи, которую въ тотъ же день освятили и отслужили въ ней литургію, а изъ остального лѣсу поставили церковь св. Иліи; въ Торжкѣ также въ одно утро построили церковь св. Аѳанасія; подъ 1419 годомъ упоминается моръ въ Кіевѣ и другихъ югозападныхъ странахъ; въ слѣдующемъ году моръ началъ опустошать сѣверовосточную полосу—Кострому, Ярославль, Юрьевъ, Владиміръ, Суздаль, Переяславль, Галичъ, Плесо, Ростовъ; хлѣбъ стоялъ на нивахъ, жать было не кому; потомъ моръ, вмѣстѣ съ голодомъ, опустошилъ Новгородъ и Псковъ; въ 1423 году моръ съ желѣзою и кровохарканіемъ въ Новгородѣ, Корелѣ и по всей Русской землѣ; въ 1425 моръ былъ въ Галичѣ, а съ Троицына дня въ Москвѣ и по другимъ областямъ продолжался въ слѣдующихъ годахъ; явился новый признакъ — прыщъ: если будетъ прыщъ синій, то человѣкъ на третій день умираетъ, если же красный, то выгнивалъ, и больной

выздоравливалъ; въ декабрѣ 1441 года начался сильный моръ желѣзою во Псковѣ и продолжался все лѣто 1442 года, и по пригородамъ и волостямъ до января 1443 г. Послѣднее извѣстіе о морѣ подъ 1448 годомъ: былъ моръ на лошадей и на всякій скотъ, былъ и на людей, но не сильный.—Такимъ образомъ, въ продолженіе всего описываемаго времени, встрѣчаемъ не менѣе 23 извѣстій о морѣ въ разныхъ мѣстахъ; но если мы обратимъ вниманіе, что до второй половины XIV вѣка о морѣ упоминается не болѣе трехъ или четырехъ разъ, и всѣ остальныя извѣстія относятся къ этой несчастной половинѣ вѣка, то здѣсь придется по извѣстію на каждыя пять лѣтъ. Нельзя не замѣтить, что послѣ успокоенія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, которымъ наслаждалось княжество Московское, Владимірское и Нижегородское во времена Калиты и Симеона Гордаго, съ первыхъ же годовъ второй половины XIV вѣка начинаетъ свирѣпствовать моровая язва и скоро потомъ опять начинаются сильныя внутреннія и внѣшнія войны, возобновляется борьба Москвы съ Тверью, Рязанью, Новгородомъ, видимъ опустошительныя нашествія татарскія и литовскія. Несмотря однако на это, Димитрій Донской нашелъ средства вывести на Куликово поле войско, достаточное для побѣды надъ мамаевыми толпами; при этомъ нельзя забывать того явленія, что послѣ физическихъ бѣдствій, пагубныхъ для народонаселенія, послѣднее стремится къ увеличенію съ большею силою; такимъ образомъ на Куликовскую битву явилось молодое поколѣніе, которое родилось уже послѣ страшной язвы, опустошившей Русь въ концѣ княженія Симеона Гордаго. Изъ другихъ разрушительныхъ явленій природы лѣтописи упоминаютъ о землетрясеніи подъ 1230 годомъ, и потомъ не ранѣе, какъ подъ 1446 годомъ; о первомъ упоминаютъ лѣтописцы суздальскій и новгородскій, о второмъ московскій; суздальскому разсказывали самовидцы, какъ въ Кіевѣ, во время землетрясенія 1230 года, разступилась въ Печерскомъ монастырѣ Богородичная каменная церковь на четыре части, въ трапезницѣ снесло со столовъ все кушанье и питье; въ Переяславлѣ русскомъ церковь св. Михаила расѣлась на двое; земля тряслась вездѣ въ одинъ день и часъ 3 мая, во время литургіи. Того же мѣсяца 10 числа солнце при своемъ восхожденіи было на три угла, какъ коврига, по выраженію лѣтописца, потомъ сдѣлалось мало, какъ звѣзда, и погибло; 14 числа солнце опять начало погибать и три дня являлось въ видѣ мѣсяца;

того же 14 числа, какъ солнце стояло мѣсяцемъ, по обѣ его стороны явились столпы красные, зеленые, синіе, и сошелъ огонь съ небеси, какъ облако большое, надъ ручьемъ Лыбедью; всѣмъ людямъ показалось, что уже пришелъ послѣдній часъ, начали цѣловаться другъ съ другомъ, прощаться, горько плакали, но страшный огонь прошелъ чрезъ весь городъ безъ вреда, палъ въ Днѣпръ и тутъ погибъ. Въ новгородской лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія о сильныхъ наводненіяхъ, напримѣръ въ 1421 году, въ маѣ мѣсяцѣ, вода въ Волховѣ поднялась, снесла великій мостъ и два другихъ, въ одномъ мѣстѣ снесла церковь, во многихъ церквахъ могли служить только на хорахъ (полатяхъ), потому что внизу была вода. Подъ 1399 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о необыкновенно ранней веснѣ, о страшныхъ грозахъ, отъ которыхъ погибло много людей; такія же грозы были и въ 1406 году; между прочимъ подъ этимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе: послѣ Петрова дня въ нижегородской области была такая буря, что вѣтеръ поднялъ на воздухъ человѣка вмѣстѣ съ телѣгою и лошадью; на другой день телѣгу нашли висящею на верху высокаго дерева, и то на другой сторонѣ Волги, лошадь мертвую на землѣ, а человѣка нигдѣ не нашли; о лютыхъ морозахъ зимою, о страшныхъ грозахъ и буряхъ лѣтомъ упоминается еще подъ 1442 годомъ; въ іюнѣ 1560 года, въ Москвѣ, съ запада явилась туча страшная и темная, и поднялась такая буря, что отъ пыли никому нельзя было смотрѣть, люди были въ отчаяніи; на этотъ разъ мракъ и вѣтеръ скоро прекратились, но на другой день къ вечеру взошла туча съ юга, поднялась опять страшная гроза и буря, многія и каменныя церкви поколебались, забрала на кремлевскихъ стѣнахъ были сорваны и разнесены, крыши съ церквей и верхи сметаны, по селамъ многія церкви изъ основанія вырваны и отнесены далеко въ сторону, лѣса старые, боры и дубы съ корнемъ вырваны.

Изъ явленій, вредно дѣйствовавшихъ на народное здоровье, видимъ обычай хоронить мертвыхъ внутри городовъ, около церквей; не знаемъ, какія, наоборотъ, принимались мѣры предосторожности во время моровыхъ язвъ; что же касается вообще до врачебныхъ средствъ, то объ нихъ не имѣемъ почти никакихъ извѣстій; узнаемъ только, что великій князь Василій Васильевичъ, какъ средство отъ сухотной болѣзни, приказывалъ зажигать у себя на тѣлѣ

трутъ, во многихъ мѣстахъ и часто; раны разгнились и болѣзнь кончилась смертію.

Мы видѣли обстоятельства, долженствовавшія содѣйствовать умноженію народонаселенія въ нѣкоторыхъ областяхъ преимущественно передъ другими, напримѣръ въ княжествѣ Московскомъ. Изъ областей, и прежде имѣвшихъ относительно густѣйшее народонаселеніе, вслѣдствіе выгодъ положенія, благопріятнаго для торговли, области новгородская и псковская сохраняли эти выгоды. Торговое значеніе Новгорода для восточной Европы, въ описываемое время, не могло нисколько уменьшиться,—по прежнему онъ былъ посредникомъ торговыхъ сношеній между Азіею, восточною и сѣверною Европою; отсюда понятно накопленіе богатствъ въ Новгородѣ, увеличеніе его народонаселенія, расширеніе, украшеніе самого города, который, послѣ упадка Кіева, безспорно оставался самымъ богатымъ, самымъ значительнымъ городомъ во всей Россіи. Новгородскихъ купцовъ видимъ на отдаленномъ югозападѣ, во Владимірѣ Волынскомъ [437]; вездѣ Великій Новгородъ выговариваетъ путь чистый безъ рубежа и новыхъ мытовъ для купцовъ своихъ, торжокскихъ и пригородныхъ, для чего куплена была въ Ордѣ и ханская грамота [438]; выговариваетъ, чтобъ князья не нарушили договоровъ, заключенныхъ имъ съ городами нѣмецкими, не затворяли двора нѣмецкаго, не приставляли къ нему приставовъ и торговали на этомъ дворѣ только посредствомъ Новгородцевъ. Какъ Нѣмцы дорожили Новгородомъ, видно изъ того, что когда въ 1231 году свирѣпствовалъ здѣсь голодъ, нѣмецкіе купцы пріѣхали съ хлѣбомъ изъ-за моря, и сдѣлали много добра, по словамъ лѣтописца, значитъ продали товаръ свой дешевою цѣною. Съ 1383 до 1391 года не было крѣпкаго мира у Новгорода съ Нѣмцами, и вотъ въ 1391 году съѣхались въ Изборскѣ новгородскіе послы съ нѣмецкими; въ числѣ послѣднихъ были не только послы изъ Риги, Юрьева и Ревеля, но также заморскіе, изъ Любека и Готскаго берега. Встрѣчаемъ въ лѣтописи особый отдѣлъ новгородскихъ купцовъ, производившихъ торгъ солью (прасоловъ) [439]; встрѣчаемъ упоминовеніе о торговыхъ дворахъ готскомъ, псковскомъ [440]. Наконецъ отъ описываемаго времени до насъ дошли три договора Новгородцевъ съ Любекомъ, Готскимъ берегомъ и Ригою: первый относится къ 1270 году и немногимъ отличается отъ приведеннаго прежде договора; второй относится къ концу XIII или началу XIV вѣка, ко

времени княженія Андрея Александровича; въ немъ Новгородцы даютъ купцамъ латинскаго (нѣмецкаго) языка три сухихъ (горныхъ) пути по своей волости, и четвертый водяный (въ рѣчкахъ), съ условіемъ, что если путь сдѣлается нечистъ (опасенъ), то князь подастъ объ этомъ вѣсть иностраннымъ купцамъ и велитъ своимъ мужамъ проводить ихъ. Въ другой грамотѣ, относящейся ко второй половинѣ XIV вѣка, Новгородцы обязываются не помнить впередъ вреда, причиненнаго ихъ купцамъ нѣмецкими разбойниками передъ Невою; изъ этого договора узнаемъ, что Новгородцы ѣздили торговать въ Любекъ, на Готскій берегъ и въ Стокгольмъ [441]. Любопытны нѣкоторыя подробности о нѣмецкой торговлѣ въ Новгородѣ, заключающіяся въ постановленіяхъ, или такъ называемыхъ с к р а х ъ: напр. запрещалось брать у Русскихъ товаръ въ кредитъ, вступать съ ними въ торговую компанію и перевозить ихъ товары; запрещалось вывозить поддѣльный воскъ, ввозить поддѣльныя сукна; запрещалось продавать товары по мелочамъ; розничная продажа, съ ограниченіями, дозволялась только такъ называемымъ Kindern. Никому не позволялось ввозить товаровъ на сумму, превышавшую 1.000 марокъ серебра. Право избирать олдермановъ было впослѣдствіи предоставлено только депутатамъ Любека и Висби, и притомъ изъ ихъ же гражданъ; то же самое соблюдалось и при выборѣ священниковъ. Запрещалось испрашивать привилегіи для личныхъ выгодъ или дѣлать новыя постановленія безъ согласія Любека и Висби. Запрещалось привозить купцовъ иностранныхъ, не принадлежавшихъ къ нѣмецкому обществу, преимущественно ломбардскихъ. Главный путь иностранныхъ купцовъ шелъ, по прежнему, Невою, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ черезъ старую Ладогу, къ Волховскимъ порогамъ, по которымъ, за извѣстную плату, проводили ихъ суда особенные лоцмана, далѣе къ Taberna piscatorum (Рыбацкая слобода на 33 верстѣ отъ Ладож. озера), потомъ къ Gestevelt (Гостинопольская пристань на 34 верстѣ отъ Ладож. озера), гдѣ платили пошлину, наконецъ пріѣзжали въ новгородскую пристань.

Смоленскъ продолжаетъ торговыя связи съ Ригою, которыя были такъ выгодны, что правительства обоихъ городовъ условились, въ 1284 году, не препятствовать взаимной торговлѣ, хотя бы между смоленскимъ княземъ и епископомъ, или магистромъ, и произошли какія-нибудь непріятности [442]; кромѣ пословъ отъ магистра и го-

рожанъ рижскихъ, заключили этотъ договоръ двое купцовъ—одинъ изъ Браупшвейга, другой изъ Мюнстера. Отъ половины XIV вѣка до насъ дошелъ также договоръ между Смоленскомъ и Ригою, заключенный по докончанію дѣдовскому и по старымъ грамотамъ [443]; смоленскій князь называетъ магистра братомъ, обѣщается блюсти Нѣмцевъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ и своихъ Смольнянъ, а правительство рижское обязывается поступать точно также у себя съ Смольнянами. Полоцкъ продолжаетъ свои торговыя связи съ Ригою и подъ литовскою зависимостію: въ 1407 году Полочане заключили договоръ съ Рижанами о свободной торговлѣ между обоими городами; постановлено, чтобъ Полочане въ Ригѣ, а Рижане въ Полоцкѣ не торговали малою торговлею, что р о з н и ц е ю зовутъ; Полочане могутъ мимо Риги ѣздить въ какую угодно землю сухимъ путемъ и водою, то же право имѣютъ и Рижане относительно Полоцка; если Полочанинъ совершитъ какое-нибудь преступленіе въ Ригѣ, то его отсылать для суда въ Полоцкъ, и наоборотъ; соль въ Полоцкѣ должно вѣсить тѣмъ же вѣсомъ, какимъ вѣсятъ воскъ, тѣми же к о л о к о л а м и: вѣсъ полоцкій будетъ больше рижскаго полупудомъ; сперва Рижане посылаютъ свои колокола и скалвы въ Полоцкъ на свой счетъ, а потомъ, когда эти колокола сотрутся, или изломаются, или пропадутъ, то уже Полочане на свой счетъ посылаютъ въ Ригу для исправленія этихъ колоколовъ; серебряные вѣсы держать въ Ригѣ полузолотникомъ больше одного рубля; вѣсовщикамъ цѣловать крестъ, что будутъ вѣсить справедливо; какъ одному, такъ и другому вѣсовщику при взвѣшиваніи отойти прочь отъ скалвъ, и рукою не принимать, а вѣсчую пошлину брать въ Ригѣ на Полочанахъ такую же, какую берутъ въ Полоцкѣ на Рижанахъ. Если случится тяжба между Полочаниномъ и Рижаниномъ, то истцу знать истца, а другому никому въ ихъ дѣло не вмѣшиваться, и за это препятствій торговлѣ не дѣлать; купцамъ будетъ путь свободный и во время усобицы между магистромъ Ордена (мештеремъ Задвинскимъ) и земскими людьми. Привозимые нѣмецкими купцами товары были: хлѣбъ, соль, сельди, копченое мясо, сукно, полотно, пряжа, рукавицы, жемчугъ, сердоликъ, золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, сѣра, иголки, четки, пергаментъ, вино, пиво. Вывозимые: мѣха, кожи, волосъ, щетина, сало, воскъ, лѣсъ, скотъ и произведенія востока: жемчугъ, шелкъ, драгоцѣнныя одежды, оружіе.—Во Псковъ изъ нѣмецкой земли приходили вино, хлѣбъ, овощи.

Изъ вещей, носившихъ названіе русскихъ, встрѣчаемъ: русскія перчатки, русскія постели, русскія чашки. Мы видѣли возвышеніе цѣнъ на съѣстные припасы; о цѣнахъ же обыкновенныхъ, на сѣверѣ, можно имѣть понятіе изъ одной жалованной грамоты великаго князя Василія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю: „Волостелю даютъ съ двухъ плуговъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ, а нелюбъ полоть, то два алтына, а не любъ овесъ—алтынъ, не любъ возъ сѣна—алтынъ, не любы хлѣбы—за ковригу по деньгѣ [444].

Если Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, старинныя русскія торжища, богатѣли по прежнему торговлею, благодаря выгодному положенію своему, то древнее средоточіе южной, греческой торговли на Руси, Кіевъ, опустошенный усобицами и Татарами, переставшій быть главнымъ городомъ Руси, презрѣнный сильнѣйшими князьями, суздальскими, галицкими, литовскими, представлялъ во второй половинѣ XIII вѣка жалкое зрѣлище: Плано-Карпини насчитываетъ въ немъ не болѣе 200 домовъ. Но природныя выгоды оставались прежнія, и купцы изъ разныхъ странъ, по старой привычкѣ, продолжали пріѣзжать въ Кіевъ; такъ вмѣстѣ съ Плано-Карпини пріѣхали туда купцы изъ Бреславля; потомъ приходило туда много купцовъ изъ Польши, Австріи, Константинополя; послѣдніе были Итальянцы: Генуезцы, Венеціане, Пизане. Купцы изъ Торна пріѣзжали на Волынь и въ Галичь: въ 1320 году здѣшній князь Андрей Юрьевичъ, который называетъ себя Dux Ladimiriae et dominus Russiae, далъ торнскимъ купцамъ грамоту, въ силу которой никто изъ его мытниковъ или служителей не смѣлъ требовать отъ нихъ суконъ или другихъ товаровъ, уступаетъ имъ всѣ права, которыми они пользовались при отцѣ его, обѣщаетъ, что если кто-нибудь изъ нихъ потерпитъ обиду, то за каждый денарій, неправедно отнятый, получитъ вдвое. Послѣ Гедиминовичи, княжившіе на Волыни, не хотѣли пропускать купцовъ изъ Польши и Германіи черезъ свою землю на востокъ (Heidenland), дабы утвердить складку товаровъ во Владимірѣ, Луцкѣ и Львовѣ, какъ бывало изстари. О торговлѣ Галичанъ и Подольцевъ въ Молдавіи, Бессарабіи, Венгріи, получаемъ извѣстіе изъ уставной грамоты, данной львовскимъ и подольскимъ купцамъ господаремъ молдавскимъ въ 1407 году [445]; русскіе купцы покупали въ молдавскихъ владѣніяхъ татарскій товаръ: шелкъ, перецъ, камки, тебенки, ладанъ,

греческій квасъ, потомъ покупали скотъ: свиней, овецъ, лошадей, мѣха бѣличьи и лисьи, овчины, кожи, рыбу, воскъ; продавали сукно, которое складывалось въ Сочавѣ, шапки, ногавицы, пояса, мечи, серебро жженое венгерское, куницъ венгерскихъ. Черноморская торговля производилась черезъ городъ Солдайю или Судакъ, въ Тавридѣ. Сюда приставали всѣ купцы, идущіе изъ Россіи и странъ сѣверныхъ въ Турцію; первые привозили ткани бумажныя, шелковыя и пряные коренья, послѣдніе преимущественно дорогіе мѣха; что подъ этими мѣховыми торговцами должно разумѣть именно русскихъ купцовъ, доказываетъ разсказъ Рубруквиса о крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, въ которыхъ русскіе купцы возятъ свои мѣха; по словамъ того же Рубруквиса, купцы изо всей Россіи пріѣзжали въ Крымъ за солью, и съ каждой нагруженной телѣги давали Татарамъ двѣ бумажныхъ ткани пошлины. Знаемъ также изъ другихъ источниковъ, что въ XIV вѣкѣ русскихъ купцовъ можно было найти въ Каѳѣ, Оцѣ, Греціи [446].

Встрѣчаемъ извѣстія и о торговлѣ приволжской съ Татарами: такъ лѣтописецъ говоритъ, что татарскій царевичъ Арапша перебилъ много русскихъ купцовъ и богатство ихъ пограбилъ [447]; Тохтамышъ послалъ слугъ своихъ въ Болгарію захватить русскихъ купцовъ съ судами ихъ и товарами [448]. Нижній-Новгородъ, благодаря положенію своему, уже и въ описываемое время производилъ значительную торговлю: такъ говорится, что новгородскіе ушкуйники пограбили въ Нижнемъ множество купцовъ, Татаръ и Армянъ, равно какъ и нижегородскихъ; пограбили товару ихъ множество, а суда ихъ разсѣкли; здѣсь перечисляются и разныя названія этихъ судовъ: паузки, карбасы, лодьи, учаны, мишаны, бафты и струги. Восточные купцы торговали въ городахъ русскихъ подъ покровительствомъ Татаръ: Тверичи, во время возстанія своего на Татаръ, истребили и купцовъ ордынскихъ, старыхъ и пришедшихъ вновь съ Шевкаломъ; подъ 1355 годомъ упоминается о приходѣ въ Москву татарскаго посла и съ нимъ гостей Сурожанъ; подъ 1389 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ Авраамѣ Армянинѣ, жившемъ въ Москвѣ; наконецъ видимъ, что въ Москву приходили и купцы съ запада, именно изъ Литвы [449].

Мы видѣли заботы Новгородцевъ о томъ, чтобы купцамъ ихъ былъ путь чистъ по русскимъ княжествамъ; великіе князья сѣверовосточной Руси въ договорахъ между собою и въ договорахъ

съ великимъ княземъ литовскимъ выговариваютъ то же самое. Видимъ, что монастыри получаютъ право безпошлинной торговли. Новгородцы, въ половинѣ XV вѣка, дали на вѣчѣ Троицкому Сергіеву монастырю грамоту, въ которой запрещалось двинскимъ посадникамъ, холмогорскимъ и вологодскимъ, ихъ приказчикамъ и пошлинникамъ брать пошлины и судить людей Троицкаго монастыря, старцевъ или мірянъ, которые будутъ посланы монастыремъ на Двину, зимою на возахъ, а лѣтомъ на одиннадцати лодьяхъ: „А кто эту грамоту новгородскую нарушитъ, обидитъ купчину Сергіева монастыря, или его кормниковъ (кормчихъ) или осначевъ (оснастчиковъ), тотъ дастъ посаднику и тысяцкому и всему господину Великому Новгороду пятьдесятъ рублей въ стѣну [450]. А вы, бояре двинскіе, и житые люди и купцы! обороняйте купчину Сергіева монастыря, даже и тогда, когда Новгородъ Великій будетъ немиренъ съ нѣкоторыми сторонами [451]; блюдите монастырскаго купчину и людей его какъ своихъ, потому что весь господинъ Великій Новгородъ жаловалъ Сергіевъ монастырь, держитъ его своимъ, и вы, посадники, бояре, приказчики ихъ и пошлинники, сей грамоты новгородской не ослушайтесь". Митрополитъ изъ Москвы посылалъ своихъ слугъ въ Казань съ рухлядью для торговли [452]. Великіе князья литовскіе, для поднятія своего главнаго города Вильны, даютъ ея купцамъ право безпошлинной и безпрепятственной торговли во всѣхъ литовскихъ и русскихъ областяхъ [453]. Въ Вильнѣ видимъ ярмарки два раза въ годъ [454]; въ городахъ восточной Россіи видимъ торги по воскресеньямъ [455].

Относительно монеты должно замѣтить, что въ первой половинѣ XIV вѣка счетъ гривнами замѣняется счетомъ рублями, при чемъ не трудно усмотрѣть, что старая гривна серебра и новый рубль одно и то же [456]; слово: куны, въ значеніи денегъ вообще, начинаетъ смѣняться теперь употребительнымъ татарскимъ словомъ деньги. Такъ какъ отъ описываемаго времени дошли до насъ прямыя извѣстія о кожаныхъ деньгахъ, то мы обязаны здѣсь подробнѣе разсмотрѣть этотъ давній, важный и запутанный вопросъ въ нашей исторической литературѣ. Здѣсь должно отличать два вопроса: вопросъ о мѣхахъ, обращавшихся вмѣсто денегъ и имѣющихъ цѣнность сами по себѣ, и вопросъ собственно о кожаныхъ деньгахъ, о частицахъ шкуры извѣстнаго животнаго, не имѣющихъ никакой цѣнности сами по себѣ, и обращающихся въ видѣ денегъ условно.

Относительно обоихъ вопросовъ мы встрѣчаемъ у изслѣдователей крайнія мнѣнія: одни не хотятъ допускать въ древней Россіи металлической монеты и заставляютъ ограничиваться одними мѣхами [457]; другіе, наоборотъ, подлѣ металлической монеты не допускаютъ вовсе мѣховъ [458]. Противъ перваго мнѣнія мы уже указали неопровержимыя свидѣтельства источниковъ [459]; противъ второго существуютъ свидѣтельства также неопровержимыя, напр. въ уставной грамотѣ князя Ростислава смоленскаго: „А се погородіе отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы, а се отъ Крупля гривна урока, а пять ногатъ за лисицу". Или: „Се заложилъ Власей св. Николѣ полсела въ 10 рублѣхъ да въ трехъ сорокѣхъ бѣлки". Здѣсь мы ясно видимъ, что подлѣ, вмѣстѣ съ гривнами и рублями, принимались въ уплату мѣха, и это самое показываетъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, было время, когда употребленіе мѣховъ для уплатъ всякаго рода, употребленіе ихъ вмѣсто денегъ было господствующимъ; смоленскій князь или его пошлинникъ, вмѣстѣ съ рублемъ бралъ три лисицы; частное лице, какой-то Власій, вмѣстѣ съ 10 рублями занялъ и три сорока бѣлки, и обязался уплатить то же самое; также точно первые князья брали дань съ подчиненныхъ племенъ одними черными куницами и бѣлками, потому что серебра этимъ племенамъ было взять негдѣ; такъ точно въ это время и частные люди совершали свои уплаты одними мѣхами. Явилась металлическая монета, но она не вытѣснила еще мѣховъ; выраженіе: „а пять ногатъ за лисицу"—показываетъ намъ переходъ отъ уплаты мѣхами къ уплатѣ деньгами. Если и князья, и простые люди принимали въ уплату мѣха вмѣсто денегъ, то нѣтъ намъ нужды разсуждать о томъ, что цѣнность пушного товара не могла оставаться всегда одинаковою, по различію лицъ, имѣющихъ или неимѣющихъ въ немъ нужду, по различію мѣстъ, болѣе или менѣе богатыхъ этимъ товаромъ, что шкуры звѣрей — товаръ, подверженный порчѣ, что онъ теряетъ достоинство даже отъ частаго перехода изъ рукъ въ руки: ни пошлинникъ смоленскаго князя не взялъ бы въ казну трехъ истертыхъ лисьихъ мѣховъ, ни упомянутый Власій не занялъ бы трехъ сороковъ истертыхъ бѣлокъ, и ясно также, что если въ смоленской области лисица стоитъ пять ногатъ, то въ черниговской могла стоить больше или меньше. Труднѣе объясненіе другого явленія, именно собственно кожаныхъ денегъ, имѣющихъ условную цѣнность; но въ исторіи много такихъ

явленій, которыхъ мы объяснить теперь не можемъ, и которыхъ однако отвергать не имѣемъ права, если объ нихъ существуютъ ясныя, не подлежащія сомнѣнію извѣстія. Но таковы именно свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ—Рубруквиса и Гильберта де-Ланноа [460]. Названія единицъ нашей древней монетной системы могли, положимъ, ввести въ заблужденіе новѣйшихъ изслѣдователей, могли, положимъ, ввести въ заблужденіе Герберштейна, за сто лѣтъ до котораго, по его собственному свидѣтельству, перестали уже употреблять вмѣсто денегъ мордки и ушки бѣлокъ и другихъ звѣрей; но какъ же отвергать свидѣтельства Рубруквиса и Ланноа—очевидцевъ? Одинъ старый изслѣдователь, отвергавшій кожаныя деньги, смѣялся надъ свидѣтельствомъ, что въ Ливоніи ходили бѣличьи ушки съ серебряными гвоздиками и назывались ногатами; другой, позднѣйшій изслѣдователь, находитъ это извѣстіе замѣчательнымъ; по его мнѣнію, оно можетъ указывать на обычай нашихъ предковъ мелкую серебряную монету для сохранности укрѣплять въ лоскутки звѣриныхъ шкуръ, откуда легко могло образоваться у иностранцевъ мнѣніе, что въ Россіи ходили бѣличьи и куньи мордки или ушки, части шкуры, негодныя для мѣха, но надежныя для храненія монетъ. Изслѣдователи могутъ успокоиться на счетъ кожаныхъ лоскутковъ съ гвоздиками, ибо такова была именно форма древнѣйшихъ ассигнацій въ Европѣ: въ 1241 году императоръ Фридрихъ II пустилъ въ обращеніе кожаныя деньги въ Италіи; онѣ состояли изъ кожанаго лоскута, на одной сторонѣ котораго находился небольшой серебряный гвоздикъ, а на другой изображеніе государя; каждый лоскутъ имѣлъ цѣнность золотого августала. Знаемъ, что такого же рода монеты ходили во Франціи въ XIV вѣкѣ. Неужели же мы должны предположить, что Ланноа въ Новгородѣ, Рубруквисъ въ степяхъ при-волжскихъ, итальянскіе, французскіе историки на западѣ Европы—всѣ согласились выдумать кожаныя деньги и дать имъ обращеніе въ своихъ извѣстіяхъ только! Наконецъ, знаемъ, что у Татаръ, въ описываемое время, были бумажныя и кожаныя деньги по образцу китайскому [461].

О перемѣнахъ монеты въ Новгородѣ встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: подъ 1410 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Новгородцы начали употреблять во внутренней торговлѣ лобки и гроши литовскіе и артуги нѣмецкіе, а куны отложили; подъ 1420 годомъ говорится, что Новгородцы стали торговать деньгами серебраными,

артуги же, которыми торговали 9 лѣтъ, продали Нѣмцамъ. Псковскій лѣтописецъ, въ соотвѣтствіе новгородскому извѣстію подъ 1410, говоритъ подъ 1409, что во Псковѣ отложили купы и стали торговать пенязями, а подъ 1422 годомъ говоритъ, что Псковичи стали торговать чистымъ серебромъ; новгородскій же лѣтописецъ говоритъ, что въ это время во Псковѣ деньги сковали, и начали торговать деньгами во всей русской землѣ [162]. Но эти перемѣны не могли обойтись безъ смутъ въ Новгородѣ: подъ 1447 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что начали Новгородцы хулить деньги серебряныя, встали мятежи и ссоры большія; между прочимъ посадникъ Сокира или Сѣкира, напоивши ливца и вѣсца серебрянаго, Ѳедора Жеребца, вывелъ его на вѣче и сталъ допытываться, на кого онъ лилъ рубли? Жеребецъ оговорилъ 18 человѣкъ, и, по его рѣчамъ, народъ скинулъ съ моста нѣкоторыхъ изъ оговоренныхъ, у другихъ домы разграбили, и даже вытащили имѣніе ихъ изъ церквей, чего прежде не бывало, замѣчаетъ лѣтописецъ. Несправедливые бояре научали того же Ѳедора говорить на многихъ людей, грозя ему смертію; но когда Жеребецъ протрезвился, то сталъ говорить: „Я лилъ на всѣхъ, на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею, съ ливцами.“ Тогда весь городъ былъ въ большой печали, одни только голодники, ябедники и посульники радовались; Жеребца казнили смертію, имѣніе его вынули изъ церкви и разграбили. Чтобъ помочь злу, посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ установили пять денежниковъ и начали переливать старыя деньги, а новыя ковать въ ту же мѣру, платя за работу отъ гривны по полуденьгѣ; и была христіанамъ скорбь великая и убытокъ въ городѣ и по волостямъ.

Главные торговые города древней Руси—Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ обязаны были своею торговлею и своимъ богатствомъ природному положенію, удобству водныхъ путей сообщенія. Въ описываемое время города сѣверовосточной Руси—Москва, Нижній, Вологда были обязаны своимъ относительнымъ процвѣтаніемъ тому же самому. И долго послѣ сухимъ путемъ по Россіи можно было только ѣздить зимою; лѣтомъ же оставался одинъ водный путь, который потому имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи; морозъ и снѣга зимою и рѣки лѣтомъ нельзя не включить въ число важнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи русской цивилизаціи. Князья ѣздили въ Орду водою: такъ извѣстно, что сынъ

Димитрія Донского, Василій, отправился къ Тохтамышу въ судахъ изъ Владиміра Клязьмою въ Оку, а изъ Оки внизъ по Волгѣ; Юрій Даниловичъ московскій поѣхалъ въ послѣдній разъ въ Орду изъ Заволочья по Камѣ и Волгѣ. Изъ Москвы въ города при-окскіе и при-волжскіе отправлялись водою: такъ отправился изъ Москвы въ Муромъ на судахъ нареченный митрополитъ Іона для переговоровъ съ князьями ряполовскими на счетъ дѣтей великаго князя Василія Темнаго. Епифаній, въ житіи св. Стефана Пермскаго, говоритъ: „Всякому хотящему шествовати въ Пермскую землю, удобственъ путь есть отъ града Устьвыма рѣкою Вычегдою вверхъ, дондеже внидетъ въ самую Пермь."

При удобствѣ путей сообщенія водою, лѣтомъ, и саннымъ путемъ, зимою, перечисленныя прежде благопріятныя обстоятельства для торговли [463] имѣли силу и теперь. Касательно же препятствій для торговли мы прежде всего должны упомянуть, разумѣется, о татарскихъ опустошеніяхъ, послѣ которыхъ Кіевъ, напримѣръ, не могъ уже болѣе оправиться. Но здѣсь мы опять должны замѣтить, что Кіевъ упалъ не въ слѣдствіе одного татарскаго разгрома: упадокъ его начался гораздо прежде Татаръ въ слѣдствіе отлива жизненныхъ силъ, съ одной стороны, на сѣверовостокъ, съ другой—на западъ. Другихъ главныхъ рынковъ—Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка не коснулись татарскія опустошенія. Послѣ утвержденія татарскаго господства, ханы и баскаки ихъ для собственной выгоды должны были благопріятствовать торговлѣ русской; въ Ордѣ можно было все купить, и у Новгородцевъ была ханская грамота, обезпечивавшая ихъ торговлю; притомъ же, по прошествіи перваго двадцатипятилѣтія тяжесть ига начинаетъ уменьшаться, и послѣ видимъ значительное развитіе восточной торговли и волжскаго судоходства; даже съ достовѣрностію можно положить, что утвержденіе татарскаго владычества въ Средней Азіи, также въ низовьяхъ Волги и Дона, и вступленіе Россіи въ число зависящихъ отъ Орды владѣній, очень много способствовало развитію восточной торговли; время отъ Калиты до Димитрія Донского должно считать самымъ благопріятнымъ для восточной торговли, ибо непосредственной тяжести ига болѣе не чувствовалось, и между тѣмъ Татары, успокоиваемые покорностію князей, ихъ данью и дарами, не пустошили русскихъ владѣній, не загораживали путей. Послѣ попытокъ порвать татарскую зависимость, послѣ Куликовской битвы, или

нѣсколько ранѣе, обстоятельства становятся не такъ благопріятны для восточной торговли: опять начинаются опустошительныя нашествія, отъ которыхъ особенно страдаютъ области рязанская и нижегородская, нижегородская—преимущественно жившая восточною, волжскою торговлею; теперь ханы, вооружаясь противъ Россіи, прежде всего бросаются на русскихъ купцовъ, которыхъ только могутъ достать своею рукою. Подъ 1371 годомъ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе, изъ котораго, съ одной стороны, можно видѣть богатство купцовъ нижегородскихъ, а съ другой стороны гибельное вліяніе татарскихъ опустошеній на пограничныя русскія области: былъ, говорится, въ Нижнемъ гость Тарасъ Петровъ, первый богачъ во всемъ городѣ; откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ людей своею казною, и купилъ онъ себѣ вотчину у князя, шесть селъ за Кудьмою рѣкою; а какъ запустѣлъ отъ Татаръ этотъ уѣздъ, тогда и гость переѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Но не всегда же Россія послѣ Мамая находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Ордѣ, и давно протоптанный путь не могъ быть вдругъ покинутъ.

Въ договорѣ Димитрія Донского съ Ольгердомъ видимъ условіе о взаимной свободной торговлѣ; но этимъ договоромъ не кончилась борьба между Москвою и Литвою, не могла не страдать отъ нея и торговля. Впрочемъ открытая вражда между московскими и литовскими князьями не была постоянною, притомъ же, во время ссоръ съ Москвою, Литва находилась въ мирѣ съ Рязанью, Тверью, Новгородомъ и Псковомъ. Псковъ часто враждовалъ съ Нѣмцами, и несмотря на то, торговля заграничная дѣлала его однимъ изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ городовъ русскихъ—знакъ, что частая вражда съ Нѣмцами не могла много вредить этой торговлѣ. И Новгородъ не всегда былъ въ мирѣ съ Нѣмцами; мы видѣли, что съ 1383 до 1391 года не было между ними крѣпкаго мира, и когда въ послѣднемъ году миръ былъ заключенъ, то нѣмецкіе послы пріѣхали въ Новгородъ, товары свои взяли, крестъ цѣловали, и начали дворъ свой ставить снова: значитъ, при началѣ ссоры товары были захвачены Новгородцами и дворъ нѣмецкій разоренъ. Изъ приведенной выше грамоты узнаемъ, что новгородскіе купцы терпѣли иногда отъ нѣмецкихъ разбойниковъ передъ самою Невою; Шведы неблагопріятно смотрѣли на торговлю Новгородцевъ съ Нѣмцами; король Биргеръ писалъ въ 1295 году Любчанамъ,

что Шведы не будутъ тревожить нѣмецкихъ купцовъ, идущихъ въ Новгородъ съ товарами, только въ угожденіе императору, ибо для него, Биргера, эта торговля невыгодна, потому что усиливаетъ враговъ его (Новгородцевъ). Онъ даетъ купцамъ свободу отправляться въ Новгородъ, но подъ условіемъ, чтобъ они не возили туда оружія, желѣза, стали и проч. Много, какъ видно, терпѣла волжская торговля отъ новгородскихъ ушкуйниковъ; но и это бѣдствіе не было продолжительно. Относительно ушкуйничества должно замѣтить, что это явленіе служитъ также доказательствомъ развитія волжской торговли въ XIV вѣкѣ: значитъ было что грабить, когда образовались такія многочисленныя разбойничьи шайки.

Торговля должна была содѣйствовать распространенію ремеслъ, искусствъ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ она наиболѣе процвѣтала: самые богатые торговые города Новгородъ, Псковъ, отличаются прочностію своихъ укрѣпленій, многочисленностію своихъ церквей. Церкви и каменныя, по прежнему, строились скоро: церковь Архангела Михаила въ Москвѣ была заложена, окончена и освящена въ одинъ годъ [464]; то же говорится и о монастырской церкви Чуда Архангела Михаила [465]; нѣкоторыя деревянныя церкви, такъ называемыя обыденныя, начинали строить, оканчивали и освящали въ одинъ день; но соборная церковь Св. Троицы во Псковѣ строилась три года: сперва Псковичи дали наймитамъ 200 рублей, чтобы разрушить стѣны старой церкви; старый матеріалъ былъ свалепъ въ рѣку Великую, ибо считалось неприличнымъ употребить его на какое-нибудь другое дѣло; на другой годъ заложили новую церковь, дали мастерамъ 400 рублей и много ихъ потчивали [466]. Въ Твери, во время стройки соборной церкви Св. Спаса, поставили внутри ея маленькую деревянную церковь и служили въ ней, пока мастера оканчивали большую [467]. И въ описываемое время иногда складывали церкви очень неискусно: въ Коломнѣ только что окончили каменную церковь, какъ она упала [468]; въ Новгородѣ едва успѣли мастера, окончивши работы, сойти съ церкви св. Іоанна Златоуста, какъ она упала [469]. Лѣтописцы употребляютъ въ извѣстіяхъ о построеніи церквей иностранное слово: мастера, но нигдѣ не видно, чтобы призываемы были иностранцы для этихъ построекъ. Въ княженіе Василія Димитріевича въ Новгородѣ извѣстны были, какъ искусные строители, три мастера: Иванъ [470], Климентъ и Алексѣй. Кромѣ церквей и колоколенъ,

подъ 1409 годомъ упоминается о построеніи въ Новгородѣ владыкою Іоанномъ теремца каменнаго, гдѣ святили воду каждый мѣсяцъ. Упоминается по прежнему о покрытіи церквей оловомъ; въ 1420 году Псковичи наняли мастеровъ Ѳедора и дружину его обивать церковь св. Троицы свинцомъ; но не могли отыскать ни во Псковѣ, ни въ Новгородѣ такого мастера, который бы могъ лить свинчатыя доски; посылали и къ Нѣмцамъ въ Юрьевъ, но поганые, какъ выражается лѣтописецъ, не дали мастера; наконецъ пріѣхалъ мастеръ изъ Москвы, отъ Фотія митрополита, и научилъ Ѳедора, какъ лить доски; мастера получили 44 рубля. Новгородскій владыка Евѳимій покрылъ чешуею церковь св. Георгія въ Ладогѣ. Упоминается по прежнему о золоченіи главъ или маковицъ [471]; упоминается о позлащеніи гроба князя Владиміра Ярославича и матери его Анны въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ [472]. Говорится, что тверской епископъ Ѳедоръ сдѣлалъ у церкви св. Спаса двери мѣдныя [473]; въ нижегородской церкви св. Спаса были двери дивныя, устроенныя мѣдью золоченою [474]. Ростовскій епископъ Игнатій помостилъ краснымъ мраморомъ дно (полъ) Богородичной церкви [475]; тоже сдѣлалъ тверской владыка Ѳедоръ у себя въ церкви св. Спаса [476]. Встрѣчаемъ извѣстія объ украшеніи церквей живописью: въ 1343 году греческіе мастера п о д п и с а л и (росписали) соборную церковь Успенія Богородицы въ Москвѣ; подъ слѣдующимъ годомъ говорится о росписаніи монастырской церкви св. Спаса въ Москвѣ; мастера были родомъ русскіе, ученики Грековъ [477]—Гойтанъ, Семенъ и Иванъ, съ учениками своими и дружиною. Подъ 1395 годомъ упоминается о росписаніи церкви Рождества Богородицы и придѣла св. Лазаря въ Кремлѣ: мастера были—Ѳеофанъ Грекъ и Семенъ Черный; тотъ же Ѳеофанъ Грекъ росписалъ церковь св. Архистратига Михаила въ 1399 году; въ 1405 году росписывали церковь Благовѣщенія на княжомъ дворѣ Ѳеофанъ иконникъ Грекъ, Прохоръ старецъ изъ Городца, да чернецъ Андрей Рублевъ. Подъ 1409 годомъ говорится о росписаніи церкви Богородицы Владимірской мастерами: Даниломъ иконникомъ и Андреемъ Рублемъ. Они же росписали церковь Троицкую надъ гробомъ св. Сергія, церковь въ московскомъ Андрониковомъ монастырѣ. Въ Новгородѣ церковною живописью занимались также Греки: подъ 1338 годомъ упоминается Исаія Гречинъ. Упомянутый мастеръ, Грекъ Ѳеофанъ, росписалъ въ 1378 году въ Новгородѣ

церковь Христа Спасителя на Ильинѣ улицѣ; подъ 1385 годомъ, при описаніи большого пожара въ Новгородѣ, говорится, что вмѣстѣ съ другими сгорѣлъ въ Павловѣ монастырѣ Ивашъ, церковный р о с п и с н и к ъ, какъ видно, Русскій. Подъ 1345 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Москвѣ слиты были три колокола большихъ и два меньшихъ, и лилъ ихъ мастеръ Борисъ Римлянинъ; но еще прежде, въ 1342 году, какъ видно, этотъ же самый Борисъ вызванъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ и слилъ тамъ большой колоколъ къ св. Софіи. Въ 1403 году слитъ былъ колоколъ въ Твери къ соборной церкви Преображенія, но не сказано, какимъ мастеромъ. Изъ построекъ не церковныхъ упоминается подъ 1409 годомъ о построеніи въ Новгородѣ владыкою Іоанномъ пекленицы (поварни?) каменной; подъ 1433 годомъ о построеніи новгородскимъ владыкою Евѳиміемъ у себя на дворѣ палаты каменной съ 30 дверями: строили мастера нѣмецкіе изъ за моря (т.-е. не ливонскіе) вмѣстѣ съ новгородскими; въ 1439 году тотъ же владыка поставилъ ключницу хлѣбную каменную [478]: въ слѣдующемъ году поставилъ комнату каменную меньшую; въ 1441 году большая палата владыкина и сѣни прежнія были расписаны; въ 1442 году тотъ же владыка поставилъ на своемъ дворѣ поварни каменныя и комнату каменную, а въ 1444 духовницу и сторожню каменныя. Въ Москвѣ только въ 1450 году митрополитъ Іона заложилъ на своемъ дворѣ палату каменную.—Наконецъ находимъ извѣстія объ устройствѣ часовъ; подъ 1404 годомъ говорится, что поставлены были часы въ Москвѣ, на дворѣ великаго князя, за церковію Благовѣщенія, устроилъ ихъ монахъ Лазарь, пришедшій изъ Сербіи. Вотъ какъ описываются эти часы: „Сій же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ размѣряя и расчитая часы нощныя и дневныя; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено“. Въ Новгородѣ въ 1436 году владыка Евѳимій устроилъ у себя надъ полатою часы звонящіе, а подъ 1449 годомъ говорится, что тотъ же владыка поставилъ часозвоню.

О построеніи и украшеніи церквей въ югозападной Руси можемъ имѣть понятіе изъ разсказа волынскаго лѣтописца о построеніи церквей въ Холмѣ Даніиломъ Романовичемъ, подъ 1259 годомъ: построена была церковь св. Іоанна, красивая и великолѣпная;

построена она была такъ: четверо комаръ, съ каждаго угла переводъ, а стояли они на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваянныхъ нѣкоторымъ хитрецомъ; три окна украшены были стеклами римскими; при входѣ въ алтарь стояли два столпа изъ цѣльнаго камня, и на нихъ комара; потолокъ былъ украшенъ звѣздами золотыми на лазури; внутренній помостъ былъ слитъ изъ мѣди и олова чистаго, и блестѣлъ какъ зеркало; двое дверей украшены камнемъ галицкимъ, бѣлымъ и зеленымъ холмскимъ, тесанымъ, сработаны [479] нѣкоторымъ хитрецомъ Авдѣемъ, прилѣпы отъ всѣхъ шаровъ изъ золота, напереди ихъ изваянъ св. Спасъ, а на полунощныхъ св. Іоаннъ, на удивленіе всѣмъ смотрящимъ; иконы, принесенныя изъ Кіева, украшены были драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и золотомъ [480]; колокола привезены были также изъ Кіева, а другіе слиты на мѣстѣ. Другая церковь была построена въ честь св. Безмездниковъ Кузьмы и Даміана: верхъ ея поддерживали четыре столпа изъ цѣльнаго камня истесанаго. Построена была и церковь св. Богородицы, величиною и красотою не хуже первыхъ, и украшена пречудными иконами; князь Даніилъ принесъ изъ Венгріи чашу мраморную багряную, изваянную чудесно, съ змѣиными головами вокругъ, и поставилъ ее передъ дверями церковными, называемыми царскими: въ этой чашѣ святили воду на Богоявленье [481]. Князь Владиміръ Васильковичъ построилъ въ Каменцѣ церковь Благовѣщенія, украсилъ ее иконами золотыми, сковалъ сосуды служебные серебряные, евангеліе далъ также окованое серебромъ, положилъ и крестъ воздвизальный. Во Владимірѣ росписалъ всю церковь св. Димитрія, сосуды служебные серебряные сковалъ, икону св. Богородицы оковалъ серебромъ и дорогими камнями, завѣсы у иконы были золотомъ шитыя, а другія аксамитныя съ дробницею; въ каѳедральномъ соборѣ св. Богородицы образъ Спасителя оковалъ серебромъ, евангеліе также оковалъ серебромъ, сосуды служебные устроилъ изъ жженаго золота съ дорогими камнями и образъ Спасовъ оковалъ золотомъ съ дорогими камнями и поставилъ па память себѣ. Въ Перемышльскій соборъ далъ евангеліе, окованное серебромъ съ жемчугомъ; въ Черниговскій соборъ послалъ евангеліе. золотомъ писанное, окованное серебромъ и жемчугомъ, и среди его Спасъ съ финифтью; въ Луцкій соборъ далъ крестъ большой, серебряный позолоченый, съ честнымъ древомъ. Въ Любомлѣ поставилъ церковь каменную св. Георгія, украсилъ ее иконами

коваными, сосудами серебряными, платцы далъ аксамитные, шитые золотомъ съ жемчугомъ, херувимъ и серафимъ, индитью золотомъ шитую всю, а другую изъ бѣлчатой паволоки, а въ малыхъ алтаряхъ обѣ индитьи изъ бѣлчатой паволоки, евангеліе окованое все золотомъ съ дорогими камнями и жемчугомъ, деисусъ на немъ скованъ изъ золота, цаты большія съ финифтью, другое евангеліе волочено оловиромъ; два кадила—одно серебряное, другое мѣдное; икона мѣстная св. Георгія была написана на золотѣ; на эту икону князь положилъ гривну золотую съ жемчугомъ; другая икона Богородицы была также написана на золотѣ, и на ней было монисто золотое съ дорогими камнями; двери въ церкви были мѣдныя; князь началъ расписывать эту церковь, и расписалъ уже всѣ три алтаря, начали было расписывать и шею, но не окончили по причинѣ княжеской болѣзни; колокола были слиты такіе удивительные на слухъ, что подобныхъ не было во всей землѣ.

Что касается ремеслъ вообще, то изъ разсказа лѣтописцева о населеніи Холма Галицкаго мы видимъ, какія были главныя, самыя нужныя изъ нихъ—это мастерство оружейное и металлическое: начали, сказано, собираться въ Холмъ сѣдельники, лучники, тульники и кузнецы желѣза, мѣди и серебра; въ Новгородѣ встрѣчаемъ щитника и серебряника [482]; ибо что касается другихъ ремеслъ, напримѣръ сапожнаго, портнаго, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, они отправлялись въ домахъ слугами. О мебели, удобствахъ домашней жизни, расположеніи и украшеніи жилищъ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій, и должны заключить, что домашній бытъ отличался попрежнему простотою. Богатый волынскій князь Владиміръ Васильковичъ, который построилъ столько городовъ, церквей, такъ ихъ богато украсилъ, лежалъ во время болѣзни своей на соломѣ. О богатствѣ московскихъ князей можемъ имѣть понятіе по ихъ завѣщаніямъ, гдѣ упоминается объ иконахъ, дорогихъ платьяхъ, цѣпяхъ, рѣдко о дорогомъ оружіи, о нѣсколькихъ сосудахъ столовыхъ, и все это въ такомъ небольшомъ количествѣ, что не могло занимать много мѣста, легко могло быть спрятано, собрано, увезено. Но если такъ было у князей, то чего же мы должны искать у простыхъ людей? У послѣднихъ, кромѣ самой простой и необходимой рухляди, нельзя было ничего сыскать, ибо все, что получше и подороже, хранилось въ церквахъ, какъ мѣстахъ, наименѣе подвергавшихся пожарамъ и разграбленіямъ. Жилища располагались,

какъ видно, попрежнему; вотъ описаніе пожара, бывшаго въ домѣ тверского великаго князя Михаила Ярославича: загорѣлись сѣни и сгорѣлъ дворъ княжой весь, но Божіею милостію проснулся самъ князь Михаилъ и выбросился въ окно съ княгинею, а сѣни полны были княжатъ и боярченковъ, которые тутъ спали, и сторожей было много, но никто не слыхалъ [483]. О княжескихъ одеждахъ упомянуто было выше; относительно платья простыхъ людей встрѣчаемъ названія: охабни, опашни, шубы, вотолы [484], сарафаны, чупруны, котыги; изъ украшеній: перстни, колтки, цѣпочки (золотыя враныя) [485]. О пищѣ нѣтъ подробностей; узнаемъ только, что бѣдные употребляли въ пищу овсяные хлѣбы [486].—Обратимся къ состоянію нравственному.

Начавши описывать состояніе религіи и церкви въ предшествующій періодъ, мы должны были упомянуть о противодѣйствіи, которое христіанство встрѣтило на финскомъ сѣверѣ отъ язычества, отъ волхвовъ; въ описываемое время мы не видимъ болѣе подобныхъ явленій; замѣчаемъ, напротивъ, успѣшное распространеніе христіанства въ финскихъ предѣлахъ. Еще подъ 1227 годомъ лѣтописецъ говоритъ о крещеніи Корелъ; но земля послѣднихъ скоро стала спорною между Новгородцами и Шведами; этотъ споръ давалъ Корелѣ возможность мѣнять зависимость отъ одного народа на зависимость отъ другого, причемъ мѣнялась и вѣра. Безъ соперничества распространялось православіе на сѣверовостокѣ: здѣсь апостоломъ Зырянъ или Пермяковъ явился св. Стефанъ, сынъ устюжскаго причетника и постриженникъ ростовскій; вѣроятно знакомый еще въ Устюгѣ съ языкомъ зырянскимъ, Стефанъ приготовился къ своему апостольскому подвигу тѣмъ, что изобрѣлъ азбуку и перевелъ нужнѣйшія богослужебныя книги на языкъ зырянскій. Несмотря на всѣ препятствія со стороны ревнителей язычества, дѣло Стафана увѣнчалось успѣхомъ: на мѣстѣ разрушенныхъ требищъ языческихъ онъ основалъ церкви, при церквахъ училища для дѣтей. Стефанъ былъ поставленъ епископомъ въ Пермь; о характерѣ его дѣятельности въ этомъ званіи можно заключить изъ слѣдующихъ словъ „Плача земли пермской на смерть Стефана,“ помѣщеннаго въ житіи его: „Теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ, а князю доносилъ наши жалобы, хлопоталъ о нашихъ льготахъ, о нашей пользѣ; предъ боярами и всякими властями былъ нашимъ теплымъ

заступникомъ, часто избавлялъ насъ отъ насилій, работы и тіунской продажи, облегчалъ отъ тяжкой дани. Самые Новгородцы, ушкуйники, разбойники, словъ его слушались, и не воевали насъ." Преемниками св. Стефана были епископы Исаакъ и Питиримъ; последній былъ взятъ Вогулами въ плѣнъ и умерщвленъ [487]. Если вслѣдствіе татарскаго ига мы видѣли одинъ примѣръ отступничества въ Зосимѣ или Изосимѣ, то за то встрѣчаемъ извѣстія о крещеніи Татаръ; такъ, напримѣръ, подъ 1390 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что били челомъ великому князю Василію Димитріевичу въ службу три Татарина, ханскіе постельники, желая принять христіанство; митрополитъ Кипріанъ самъ крестилъ ихъ, нарекши именами: Ананія, Азарія, Мисаилъ.

Во главѣ русской церкви попрежнему находятся митрополиты; но дѣятельность ихъ въ описываемое время гораздо замѣтнѣе, чѣмъ прежде; тому двѣ главнѣйшія причины: періодъ предшествовавшій характеризуется господствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній и происходившихъ отсюда усобицъ; духовенство могло противодѣйствовать этимъ усобицамъ, утишать ихъ, но не могло дѣйствовать открыто и съ успѣхомъ противъ причины усобицъ, противъ господствующаго обычая; мы видимъ, какъ лѣтописецъ, лицо безспорно духовное, принимаетъ сторону дядей противъ племянниковъ; таковы были господствующія представленія о правѣ княжескаго старшинства въ цѣломъ русскомъ народѣ, въ цѣломъ р у с к о м ъ духовенствѣ; еслибы митрополиты, приходившіе изъ Византіи, и враждебно смотрѣли на такое представленіе, то ихъ мнѣніе, какъ чужеземцевъ, не могло имѣть большого авторитета, и здѣсь, именно въ этой чуженародности митрополитовъ, заключалась вторая главная причина ихъ не очень замѣтной дѣятельности. Другого рода явленіями характеризуется описываемое время; оно характеризуется борьбою между старымъ и новымъ порядкомъ вещей, борьбою, которая должна была окончиться единовластіемъ; при этой борьбѣ духовенство не могло оставаться равнодушнымъ, оно должно было объявить себя въ пользу того изъ нихъ, который обѣщалъ землѣ успокоеніе отъ усобицъ, установленіе мира и порядка. Но, кромѣ этой знаменитой борьбы, вниманіе духовенства, митрополитовъ должны были обратить на себя другія, новыя, важныя отношенія, именно отношенія татарскія, литовскія и отношенія къ изнемогающей Византіи, которыя должны были принять новый характеръ. Такимъ

образомъ важность событій описываемаго времени, смѣнившихъ однообразіе и односторонность явленій періода предшествовавшаго, событій, имѣвшихъ тѣсную связь съ интересами церкви, должна была вызвать духовенство къ сильной дѣятельности, и сюда же присоединилось теперь то важное обстоятельство, что митрополиты начинаютъ являться русскіе родомъ; дѣйствительно нельзя не замѣтить, что самая значительная дѣятельность въ описываемое время принадлежитъ троимъ митрополитамъ изъ русскихъ: Петру, Алексію, Іонѣ.

Мы видѣли, что въ Константинополѣ не согласились на раздѣленіе русской митрополіи, на поставленіе особаго митрополита для сѣверной Руси во Владиміръ Клязьменскій; но важное значеніе, съ какимъ явилась сѣверная Русь при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III, заставило кіевскихъ митрополитовъ обратить на нее особенное вниманіе и отправляться во Владиміръ для умиренія тамошнихъ князей съ князьями южными, для поддержанія согласія между двумя половинами Руси, согласія необходимаго для поддержанія единства и въ церковномъ управленіи. Послѣ 1228 года и послѣ татарскаго разгрома, когда значеніе Кіева и южной при-днѣпровской Руси пало окончательно, митрополиты кіевскіе и всея Руси должны были обратить еще большее вниманіе на сѣверную Русь, и вотъ подъ 1250 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о путешествіи митрополита Кирилла II (родомъ Русскаго) изъ Кіева въ Черниговъ, Рязань, землю Суздальскую и наконецъ въ Новгородъ Великій. Но потомъ опять мы видимъ Кирилла во Владимірѣ въ 1255 году и при похоронахъ Александра Невскаго въ 1263 году; послѣ этого онъ ѣздилъ въ Кіевъ; о возвращеніи его оттуда лѣтописецъ говоритъ подъ 1274 годомъ; въ томъ же году Кириллъ созывалъ соборъ во Владимірѣ для исправленія церковнаго; наконецъ передъ кончиною Кириллъ является опять изъ Кіева въ Суздальской землѣ и умираетъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ 1280 году, въ княженіе Димитрія Александровича, но погребенъ въ Кіевѣ. Если мы, на основаніи этихъ извѣстій, и не имѣемъ еще права сказать, что Кириллъ перенесъ каѳедру изъ Кіева во Владиміръ [488], то по крайней мѣрѣ видимъ, что онъ нѣсколько разъ является на сѣверѣ, и очень вѣроятно, что онъ жилъ здѣсь если не долѣе, то столько же, сколько и на югѣ; и если Кириллъ II не сдѣлалъ того, что обыкновенно приписывается митрополиту Максиму, не перенесъ пребываніе съ

юга на сѣверъ, то, по крайней мѣрѣ, приготовилъ явленіе, необходимое по всѣмъ обстоятельствамъ. Любопытно также извѣстіе о кончинѣ Кирилла въ Переяславлѣ Залѣсскомъ; здѣсь мы можемъ видѣть также необходимый, по обстоятельствамъ, шагъ со стороны митрополита всея Руси, можемъ видѣть предпочтеніе города, въ которомъ живетъ сильнѣйшій князь, городу, главному только по имени.

Кириллъ не дожилъ до важнаго для сѣверной Руси событія, открытія борьбы между сыновьями Невскаго—старшимъ Димитріемъ и младшимъ Андреемъ; но онъ оказалъ участіе въ одномъ, также значительномъ событіи, именно—въ борьбѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ Новгородомъ; вслѣдствіе его посредничества Новгородцы помирились съ княземъ. Съ другой стороны, при Кириллѣ опредѣлились отношенія ордынскія: всѣ Русскіе были обложены данью, исключая духовенства; другимъ слѣдствіемъ терпимости Татаръ было то, что въ самомъ Сараѣ, столицѣ хановъ, учреждается православная епископская каѳедра въ зависимости отъ русскаго митрополита; въ 1261 году Кириллъ поставилъ въ Сарай епископа Митрофана; подъ 1279 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что сарайскій епископъ Ѳеогностъ въ третій разъ возвратился изъ Царяграда, куда посылалъ его митрополитъ Кириллъ и ханъ Менгутемиръ къ патріарху и императору съ письмами и дарами, извѣстіе любопытное, показывающее значеніе русскаго сарайскаго епископа для христіанскаго востока.

Преемникомъ Кирилла былъ Максимъ, родомъ Грекъ; нѣтъ извѣстій, чтобъ Кириллъ ѣздилъ въ Орду, но Максимъ отправился туда немедленно по пріѣздѣ въ Кіевъ изъ Константинополя. Сначала Максимъ показалъ, что столицею митрополіи русской долженъ остаться Кіевъ: сюда въ 1284 году должны были явиться къ нему всѣ епископы русскіе. Въ слѣдующемъ году видимъ его на сѣверѣ, даже въ Новгородѣ и Псковѣ; но во время знаменитой усобицы на сѣверѣ между Александровичами мы не слышимъ о митрополитѣ: онъ остается въ Кіевѣ; быть можетъ, эта усобица и удерживала его на югѣ, потому что, какъ скоро она пріутихла, Максимъ переселился совершенно изъ Кіева во Владиміръ, пришелъ съ клиросомъ и со всѣмъ житьемъ своимъ, по выраженію лѣтописца; послѣдній приводитъ и причину переселенія: митрополитъ не хотѣлъ терпѣть насилія отъ Татаръ въ Кіевѣ; но трудно пред-

положить, чтобы насилія татарскія въ это время именно усилились противъ прежняго. Такимъ образомъ Максимъ сдѣлалъ рѣшительный, окончательный шагъ, которымъ ясно засвидѣтельствовалъ, что жизненныя силы совершенно отлили съ юга на сѣверъ, и дѣйствительно до сихъ поръ, если Кіевъ потерялъ прежнее значеніе и благосостояніе, то значеніе и благосостояніе поддерживалось еще на югозападѣ, въ Галиціи, на Волыни; но по смерти Даніила, Василька и Владиміра Васильковича и здѣсь оставалось мало надежды на что-нибудь сильное и прочное.

Максимъ не долго прожилъ на сѣверѣ; не оказавши нравственнаго вліянія, посредничества въ усобицѣ между сыновьями Невскаго, онъ хотѣлъ воспрепятствовать усобицѣ между князьями московскимъ и тверскимъ, но старанія его остались тщетны; онъ умеръ въ 1305 году и преемникомъ ему поставленъ былъ Петръ, родомъ Русскій, изъ Волыни. Послѣ поставленія своего Петръ только проѣздомъ остановился въ Кіевѣ и спѣшилъ на сѣверъ; но и здѣсь пробылъ не долго, отправился опять на югъ. Въ Брянскѣ онъ уговаривалъ князя Святослава, чтобы тотъ подѣлился волостями съ племянникомъ, или даже оставилъ бы ему все, бѣжалъ бы изъ города, а не бился. Неизвѣстно, шелъ ли Петръ далѣе Брянска на югъ и было ли прекращеніе брянской усобицы главною цѣлію его поѣздки туда; всего вѣроятнѣе, что святитель возвратился изъ Брянска на сѣверъ, во Владиміръ, ибо подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что онъ не пустилъ тверского княжича Димитрія Михайловича идти войною на Новгородъ-Нижній; впрочемъ за правильность порядка годовъ въ лѣтописныхъ сборникахъ ручаться нельзя: очень можетъ быть, что митрополитъ былъ въ Брянскѣ и уговаривалъ тамошняго князя, когда ѣхалъ въ первый разъ изъ Кіева во Владиміръ; послѣ мы не встрѣчаемъ извѣстій о поѣздкахъ св. Петра на югъ. Митрополитъ Кириллъ колебался между сѣверомъ и югомъ; Максимъ переѣхалъ съ клиросомъ и со всѣмъ житьемъ своимъ на сѣверъ; Петръ сдѣлалъ новый шагъ. Владиміръ, гдѣ поселился Максимъ, былъ столицею старшаго князя только по имени; каждый князь, получавшій старшинство и великое княженіе Владимірское, оставался жить въ своемъ прежнемъ наслѣдственномъ городѣ, и шла борьба за то, которому изъ этихъ городовъ усилиться окончательно, собрать русскую землю, и вотъ Петръ назнаменуетъ это

окончательное торжество Москвы, оставаясь здѣсь долѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, и выбравши Москву мѣстомъ успокоенія своего на старости и мѣстомъ погребенія своего. Любопытно видѣть, какъ во все это время митрополиты, тогдашніе представители духовнаго единства Руси, не имѣютъ постояннаго пребыванія, странствуютъ то съ юга на сѣверъ, то съ сѣвера на югъ, и на сѣверѣ не пребываютъ постоянно во Владимірѣ: св. Петръ, по словамъ автора житія его, проходилъ мѣста и города, и, полюбивши московскаго князя Іоанна Даниловича, сталъ жить въ Москвѣ долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Это движеніе митрополитовъ всего лучше выражаетъ то броженіе, то переходное состояніе, въ которомъ находилась тогда Русь, состояніе, прекратившееся съ тѣхъ поръ, какъ средоточіе государственной жизни утвердилось въ Москвѣ, чему, какъ мы видѣли, много содѣйствовало расположеніе св. Петра къ этому городу или его князю. Во сколько этому расположенію къ Москвѣ способствовали непріязненныя отношенія Твери и ея епископа Андрея къ св. Петру, мы опредѣлить не можемъ; но мы не должны упускать этого обстоятельства изъ вниманія.

Подобно Максиму, и Петръ долженъ былъ отправиться въ Орду: это случилось по смерти хана Тохты, когда, со вступленіемъ на престолъ Узбека, все обновилось, по выраженію лѣтописца, когда всѣ приходили въ Орду и брали новые ярлыки—и князья и епископы. Петръ былъ принятъ въ Ордѣ съ большою честію и скоро отпущенъ на Русь. Еще въ самомъ началѣ, когда опредѣлились татарскія отношенія, наложена была дань на всѣхъ, за исключеніемъ духовенства: послѣднему данъ былъ ярлыкъ, свидѣтельствующій объ этомъ освобожденіи. Въ дошедшемъ до насъ ярлыкѣ Менгу-Тимура [489] именно говорится о жалованныхъ грамотахъ духовенству первыхъ хановъ, которыхъ грамотъ Менгу-Тимуръ не хочетъ измѣнять; слѣдовательно ярлыкъ Менгу-Тимуровъ мы имѣемъ полное право считать одинаковымъ со всѣми прежними ярлыками; въ немъ ханъ обращается къ баскакамъ, князьямъ, даньщикамъ и всякаго рода чиновникамъ татарскимъ съ объявленіемъ, что онъ далъ жалованныя грамоты русскимъ митрополитамъ и всему духовенству, бѣлому и черному, чтобъ они правымъ сердцемъ, безъ печали, молили Бога за него и за все его племя и благословляли ихъ: не надобна съ нихъ ни дань, ни тамга, ни поплужное, ни

ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ; не надобна съ нихъ никакая пошлина, ни ханская, ни ханшина, ни князей, ни рядцевъ, ни дороги (сборщика податей), ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ никакіе доходы; никто не смѣетъ занимать церковныхъ земель, водъ, огородовъ, виноградниковъ, мельницъ, зимовищъ и лѣтовищъ; никто не смѣетъ брать на работу или на сторожу церковныхъ людей: мастеровъ, сокольниковъ, пардусниковъ; никто не смѣетъ взять, изодрать, испортить иконъ, книгъ и никакихъ другихъ богослужебныхъ вещей, чтобы духовные не проклинали хана, но въ покоѣ за него молились; кто вѣру ихъ похулитъ, наругается надъ нею, тотъ безъ всякаго извиненія умретъ злою смертію. Братья и сыновья священниковъ, живущіе съ ними вмѣстѣ, на одномъ хлѣбѣ, освобождаются также отъ всякихъ даней и пошлинъ; но если отдѣлятся, изъ дому выйдутъ, то даютъ пошлины и дани. А кто изъ баскаковъ или другихъ чиновниковъ возьметъ какую-либо дань или пошлину съ духовенства, тотъ безъ всякаго извиненія будетъ казненъ смертію.—Но съ воцареніемъ Узбека, какъ было упомянуто, надобно было брать новые ярлыки, т.-е. снова платить за нихъ, и митрополиту Петру данъ былъ новый ярлыкъ на его имя [490]. Этотъ ярлыкъ одинаковъ съ Менгу-Тимуровымъ, только многословнѣе; прибавлено то, что митрополитъ Петръ управляетъ своими людьми и судитъ ихъ во всякихъ дѣлахъ, не исключая и уголовныхъ, что всѣ церковные люди должны повиноваться ему.

Преемникъ Петра, Грекъ Ѳеогностъ, пріѣхалъ на сѣверъ, когда уже борьба между Москвою и Тверью кончилась, когда тверская область была страшно опустошена, князь ея въ изгнаніи, и московскій князь первенствовалъ безъ соперника. Новому митрополиту не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать примѣру своего святого предшественника, и Ѳеогностъ, по словамъ лѣтописца, сѣлъ на мѣстѣ св. Петра, сталъ жить на его дворѣ въ Москвѣ, что другимъ князьямъ было не очень сладостно. Мы видѣли какого важнаго союзника имѣлъ Калита въ Ѳеогностѣ, который страхомъ отлученія заставилъ Псковичей отказаться отъ покровительства Александру Тверскому. По покончивши дѣла на сѣверѣ, Ѳеогностъ долженъ былъ спѣшить на югъ, гдѣ въ послѣднее время произошла важная перемѣна; вмѣсто многихъ отдѣльныхъ, мелкихъ, слабыхъ князей, потомковъ Рюрика, здѣсь господствовалъ теперь сильный

князь литовскій Гедиминъ, язычникъ, но не гонитель христіанства. Вслѣдствіе этого событія отношенія всероссійскаго митрополита къ югозападной Руси должны были принять новый характеръ: прежде можно было оставить югъ для сѣвера, пренебрегая неудовольствіемъ многихъ, слабыхъ, раздѣленныхъ князей, еслибы они и рѣшились выразить неудовольствіе на отсутствіе митрополита; но теперь могущественными князьями литовскими пренебрегать было нельзя, и Өеогностъ долго живетъ на Волыни, потомъ встрѣчаемъ извѣстіе о поѣздкѣ его туда же въ другой разъ [191], и это извѣстіе нельзя не привести въ связь съ другимъ одновременнымъ извѣстіемъ о насиліяхъ Поляковъ на Волыни, о гоненіяхъ на православіе; при томъ удаленіе кіевскаго митрополита на сѣверъ уже заставляло думать на югѣ объ избраніи особаго митрополита, который, по извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, долженъ былъ имѣть пребываніе въ Галицкой Руси, а не Днѣпровской. До насъ дошли письма константинопольскаго императора къ митрополиту Өеогносту, къ великому князю Симеону московскому, волынскому князю Любарту, объ уничтоженіи галицкой митрополіи, установленной прежнимъ патріархомъ [192]. Въ Орду Өеогностъ долженъ былъ ѣздить два раза; во второй разъ его ждали тамъ большія непріятности: какіе-то русскіе люди насказали хану Чанибеку, что митрополитъ русскій получаетъ огромный доходъ, что у него множество золота, серебра и всякаго богатства, и что ему ничего не стоитъ платить ежегодную дань въ Орду. Ханъ потребовалъ этой дани отъ Өеогноста, но тотъ вытерпѣлъ тѣсное заключеніе, раздарилъ хану, ханшѣ и князьямъ много денегъ и остался при прежнихъ льготахъ.

Мы видѣли, что, начиная съ Кирилла II до сихъ поръ, митрополиты изъ Русскихъ и изъ Грековъ такъ-сказать чередуются: послѣ Русскаго Кирилла видимъ Грека Максима, потомъ опять Русскаго Петра, и потомъ опять Грека Өеогноста. Какъ избирались всѣ эти митрополиты, Русскіе и Греки, по предложенію или по согласію какихъ русскихъ князей ставились они—мы знаемъ мало. Но мы знаемъ подробности о выборѣ преемника Өеогностова. При князѣ Юріи Даниловичѣ выѣхалъ изъ Чернигова въ Москву бояринъ Өедоръ Плещеевъ; сынъ его, Елевоерій-Симеонъ, крестникъ Іоанна Калиты, съ двѣнадцатилѣтняго возраста началъ вести себя монахомъ, и на двадцатомъ году постригся въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ подъ именемъ Алексія. Прославившись духовною

жизнію, Алексій былъ взятъ митрополитомъ Θеогностомъ въ намѣстники, должность котораго состояла въ судѣ надъ церковными людьми; послѣ двѣнадцатилѣтняго исправленія этой должности Θеогностъ поставилъ Алексія епископомъ во Владиміръ, и еще при жизни своей благословилъ его себѣ въ преемники на столѣ митрополичьемъ, и отправлены уже были отъ великаго князя и митрополита послы въ Царьградъ къ патріарху, чтобы тотъ имѣлъ въ виду Алексія и не ставилъ никого другого въ митрополиты русскіе. Когда Θеогностъ умеръ, Алексій отправился въ Царьградъ на поставленіе; но тамъ, не дожидаясь извѣстія изъ Москвы, уже поставили въ митрополиты Романа, и, не рѣшаясь отказать московскому князю, поставили потомъ и Алексія, и обоихъ отпустили въ Русь: сотворился мятежъ во святительствѣ, чего прежде никогда не бывало на Руси, говоритъ лѣтописецъ; отъ обоихъ митрополитовъ начали являться послы къ областнымъ владыкамъ, и была вездѣ тяжесть большая священническому чину. Такимъ образомъ теперь въ самомъ Константинополѣ указано было на то, что прежде здѣсь же было отвергнуто, именно раздѣленіе русской митрополіи: надобно было испомѣстить двухъ митрополитовъ, и когда Алексій пришелъ въ Москву, Романъ отправился на литовскую и волынскую землю. Но Алексій, посвященный въ митрополиты кіевскіе и всея Руси, не могъ отказаться отъ Кіева; онъ поѣхалъ туда въ 1358 году, но когда черезъ годъ возвратился въ Москву, Романъ явился въ Твери; здѣшній владыка Θеодоръ не захотѣлъ съ нимъ видѣться и не оказалъ ему никакого почета, но князья, бояре и нѣкоторые другіе, по словамъ лѣтописца, давали ему потребное; особенно большую честь оказалъ и богатые дары далъ ему князь Всеволодъ Александровичъ Холмскій. Такое поведеніе Всеволода объясняется легко: Всеволодъ враждовалъ съ дядею Васильемъ Михайловичемъ, на сторонѣ котораго былъ московскій князь и митрополитъ Алексій; Всеволодъ же нашелъ помощь въ Литвѣ у зятя своего Ольгерда, посредничеству котораго, безъ сомнѣнія, Всеволодъ былъ обязанъ тѣмъ, что дядя уступилъ ему треть отчины. Всеволодъ возвратился изъ Литвы въ Тверь въ то самое время, когда пріѣзжалъ туда и митрополитъ Романъ: очень вѣроятно слѣдовательно, что послѣдній пріѣзжалъ съ Ольгердовымъ порученіемъ примирить князей и добыть Всеволоду волость; но еслибы и не такъ было, то понятно, что Всеволодъ, родственникъ и союзникъ

Ольгерда, долженъ былъ оказывать всякое расположеніе митрополиту, признаваемому въ землѣ литовской.

Намъ не нужно повторять здѣсь сказаннаго выше о могущественномъ содѣйствіи св. Алексія московскимъ князьямъ въ утвержденіи ихъ власти надъ другими князьями. Не даромъ великій князь Симеонъ завѣщалъ своимъ братьямъ не слушаться лихихъ людей, но слушаться владыки Алексія да старыхъ бояръ, которые отцу ихъ и имъ добра хотѣли: и Тверь и Нижній испытали какъ св. Алексій хотѣлъ добра сыновьямъ и внукамъ своего крестнаго отца, Іоанна Калиты. Не будучи Грекомъ, Алексій умѣлъ поддержать постоянное расположеніе къ себѣ и къ Москвѣ двора и патріарха константинопольскаго. Патріархъ писалъ къ Донскому объ особенномъ расположеніи своемъ къ нему и брату его Владиміру, о гнѣвѣ своемъ на другихъ князей русскихъ, имъ непріязненныхъ. Въ другой грамотѣ патріархъ писалъ, что онъ не сниметъ проклятія, наложеннаго митрополитомъ Алексіемъ на нѣкоторыхъ князей русскихъ, до тѣхъ поръ, пока они не исполнятъ всѣхъ условій и пока митрополитъ не напишетъ, что они раскаялись, ибо эти князья дали великому князю страшную клятву выступить вмѣстѣ противъ враговъ вѣры. Смоленскій князь Святославъ жаловался, что митрополитъ предалъ его проклятію; патріархъ отвѣчалъ, что поступокъ митрополита справедливъ, ибо Святославъ помогалъ Ольгерду противъ Москвы. Князь тверской жаловался также на митрополита и требовалъ суда съ нимъ; патріархъ отвѣчалъ, что считаетъ неприличнымъ князю судиться съ митрополитомъ предъ посломъ патріаршимъ.—Слава благочестивой жизни русскаго митрополита достигла и Орды: жена хана Чанибека, Тайдула, заболѣвши глазами, прислала въ Москву просить Алексія, чтобъ посѣтилъ ее; св. Алексій поѣхалъ въ Орду, и ханша получила исцѣленіе.

Алексій хотѣлъ видѣть и преемникомъ своимъ мужа, славнаго своею святостію, Сергія, игумена-основателя Троицкаго монастыря, но смиренный инокъ отказался отъ власти; а между тѣмъ въ Константинополѣ не хотѣли дожидаться московскаго избранника; туда съ разныхъ сторонъ приходили жалобы на то, что митрополитъ покинулъ югъ для сѣвера; польскій король Казимиръ, владѣя Галицкою Русью, требовалъ для нея особаго митрополита, грозя въ противномъ случаѣ обращать Русскихъ въ латинскую вѣру. Угроза подѣйствовала, и въ Константинополѣ поставили особаго митропо-

лита для Галича, подчинивъ ему епархіи—Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимірскую на Волыни. Съ другой стороны Ольгердъ литовскій писалъ жалобы къ патріарху, что Москва обидѣла шурина его, Михаила тверскаго, зятя, Бориса нижегородскаго, другого зятя, Ивана новосильскаго, побрала много городовъ; жаловался, что митрополитъ благословляетъ московскаго князя на такіе поступки по благословенію патріаршему, не пріѣзжалъ ни въ Литву, ни въ Кіевъ, снимаетъ крестное цѣлованіе съ перебѣжчиковъ изъ Литвы въ Москву; Ольгердъ требовалъ другого митрополита кіевскаго на Смоленскъ, на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ. И вотъ, по просьбамъ югозападныхъ русскихъ князей, въ Константинополѣ поставили имъ митрополита Кипріана, родомъ Серба, съ условіемъ, чтобъ по смерти митрополита Алексія онъ былъ митрополитомъ всея Россіи. Но понятно, что если въ Литвѣ хотѣли своего митрополита, то въ Москвѣ хотѣли также своего. Ни въ Москвѣ, ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ не признавали Кипріана, и онъ принужденъ былъ отправиться на житье въ Кіевъ: опять повторилось, слѣдовательно, прежнее явленіе, опять указывалась возможность раздѣленія русской митрополіи, ибо въ Москвѣ не хотѣли принимать Кипріана и по смерти Алексія; здѣсь былъ свой избранникъ. Былъ въ городѣ Коломнѣ священникъ Михаилъ Митяй, человѣкъ необыкновенно видный, красивой наружности, грамотный, съ рѣчью легкою и чистою, голосомъ громкимъ и пріятнымъ, превосходилъ всѣхъ умѣньемъ толковать силу книжную; память имѣлъ необыкновенную, зналъ всѣ старинныя повѣсти, книги и притчи; во всякихъ дѣлахъ и судахъ разсуждалъ краснорѣчиво и умно. Такія достоинства обратили на него вниманіе великаго князя Димитрія, который и взялъ Митяя къ себѣ въ духовники и печатники. Митяй годъ отъ году пріобрѣталъ все болѣе славы и значенія: никто, по словамъ лѣтописца, не былъ въ такой чести и славѣ, какъ Митяй; отъ великаго князя не было ему ни въ чемъ отказу, всѣ почитали его какъ царя какого, и, что еще важнѣе, любили его всѣ.

Въ Спасскомъ монастырѣ (внутри Кремля) очистилось архимандричье мѣсто; великому князю и боярамъ непремѣнно хотѣлось, чтобъ на этомъ мѣстѣ былъ Митяй, но самъ Митяй не хотѣлъ; великій князь сталъ его уговаривать: „Видишь: Алексій митрополитъ уже старъ, и ты будешь послѣ него митрополитомъ всея Руси;

постригись только теперь въ монахи, и будешь архимандритомъ въ Спасскомъ монастырѣ и моимъ отцемъ духовнымъ, попрежнему.“ Митяй согласился; до обѣда постригли его въ монахи, послѣ обѣда назначили архимандритомъ. Теперь надобно было уговорить митрополита, чтобъ благословилъ Митяя себѣ въ преемники; но св. Алексій не соглашался на это. „Митяй еще недавно въ монахахъ, говорилъ онъ: надобно ему еще поискуситься, облечься благими дѣлами и нравами.“ Великій князь долго его упрашивалъ, то самъ приходилъ къ нему, то посылалъ брата двоюроднаго, Владиміра Андреевича, то бояръ—все напрасно. „Кому дастъ Господь Богъ, Пречистая Богородица, патріархъ и вселенскій соборъ, того и я благословлю,“ былъ отъ него отвѣтъ. Несмотря на то, когда св. Алексій преставился въ 1377 г., Митяй вошелъ на митрополичій дворъ, сталъ ходить въ митрополичьемъ одѣяніи и началъ обращаться съ духовенствомъ и властвовать какъ митрополитъ. Сперва онъ сбирался ѣхать въ Константинополь на поставленіе къ патріарху, но потомъ раздумалъ и началъ говорить великому князю: „въ правилахъ написано, что два или три епископа поставляютъ епископа; такъ пусть и теперь сойдутся епископы русскіе, пять или шесть, и посвятятъ меня въ митрополиты.“ Великій князь и бояре согласились, и епископы уже собрались. Но что случилось въ XII вѣкѣ при поставленіи митрополита Клима однимъ соборомъ русскихъ епископовъ, то же самое случилось и теперь: какъ тогда Нифонтъ новгородскій возсталъ противъ неправильнаго, по его мнѣнію, поставленія Климова, такъ теперь противъ поставленія Митяева вооружился Діонисій, епископъ суздальскій. Сопротивленіе Діонисія заставило Митяя опять думать о путешествіи въ Царьградъ: туда же началъ сбираться и Діонисій, желая самъ получить митрополію. Узнавши объ этомъ, Митяй сталъ совѣтовать великому князю удержать Діонисія, который можетъ помѣшать ему въ Константинополѣ, и великій князь велѣлъ держать суздальскаго епископа подъ крѣпкою стражею. Діонисій, чтобъ избавиться изъ заключенія, далъ великому князю обѣщаніе не ѣздить въ Царьградъ безъ его позволенія, и поставилъ поручителемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, но не сдержалъ слова: изъ Суздаля поѣхалъ въ Нижній, отсюда Волгою въ Сарай, а изъ Сарая въ Константинополь. Митяй и прежде не соглашался на освобожденіе Діонисія; ему казалось, что св. Алексій не хотѣлъ благословить его,

Митяя, по совѣту преподобнаго Сергія, который и теперь дѣйствуетъ противъ него заодно съ Діонисіемъ; когда же онъ узналъ о бѣгствѣ Діонисія въ Константинополь, то негодованіе его достигло высшей степени, и св. Сергій говорилъ: „Молю Господа Бога сокрушеннымъ сердцемъ, да не попуститъ Митяю исполнить свою угрозу— разорить мѣсто это святое и изгнать насъ безъ вины.“ Съ другой стороны явился новый соперникъ Митяю: Кипріанъ изъ Кіева ѣхалъ въ Москву, и былъ уже въ Любутскѣ, откуда далъ знать св. Сергію, что идетъ къ сыну своему, великому князю, съ миромъ и благословеніемъ. Но великій князь, узнавъ о прибытіи незваннаго гостя, разослалъ всюду заставы, чтобъ не пропускать его въ Москву; Кипріана схватили и съ безчестіемъ отправили назадъ [493].

Движенія Діонисія и Кипріана должны были ускорить поѣздку Митяя въ Константинополь, и онъ отправился наконецъ съ полномочіемъ отъ великаго князя дѣйствовать какъ заблагоразсудитъ, смотря по обстоятельствамъ, для чего взялъ съ собою про запасъ бѣлыя хартіи съ привѣшенною къ нимъ великокняжескою печатію, чтобъ, въ случаѣ надобности, можно было написать на нихъ кабалу или вексель: Димитрій позволилъ ему занять тысячу рублей серебра и даже больше на великокняжеское имя. Митяй отправился въ сопровожденіи трехъ архимандритовъ и многихъ другихъ духовныхъ лицъ, также большаго боярина великокняжескаго, Юрія Кочевина, и митрополичьихъ бояръ. Въ степи Митяй былъ захваченъ Мамаемъ, но не надолго задержанъ; переплыто было уже благополучно и Черное море, какъ вдругъ, въ виду Константинополя, Митяй разболѣлся и умеръ. Между провожавшими его духовными и боярами встало тогда сильное смятеніе: одни хотѣли поставить въ митрополиты Іоанна, архимандрита петровскаго, изъ Москвы, а другіе Пимена, архимандрита горицкаго, изъ Переяславля; наконецъ бояре, хотѣвшіе Пимена, пересилили и едва не умертвили Іоанна, который не соглашался съ ними. На одной изъ бѣлыхъ хартій написали отъ имени великаго князя грамоту къ императору и патріарху съ просьбою о поставленіи Пимена въ митрополиты. Сперва дѣло пошло было дурно: императоръ и патріархъ отвѣчали, что уже давно посвященъ и отправленъ въ Россію митрополитъ Кипріанъ, и другого не слѣдуетъ ставить; тогда русскіе заняли у итальянскихъ и восточныхъ купцовъ денегъ въ ростъ, написавши кабалу на другой бѣлой хартіи, роздали повсюду богатые подарки и достигли своей цѣли

въ Константинополѣ, но не достигли ея въ Москвѣ. Когда сюда пришла вѣсть, что Митяй умеръ на морѣ и вмѣсто его поставленъ Пименъ, и когда въ то же время, какъ обыкновенно бываетъ, стали носиться слухи, что Митяй умеръ не своею смертію, то сильно опечаленный великій князь сказалъ: „Я не посылалъ Пимена въ митрополиты, послалъ я его какъ слугу при Митяѣ; что̀ сдѣлалось съ Митяемъ, я не знаю, одинъ Богъ знаетъ, одинъ Богъ и судитъ, только Пимена я не приму и видѣть его не хочу." Еще Пименъ медлилъ въ Константинополѣ, какъ великій князь отправилъ духовника своего въ Кіевъ, звать на митрополичій столъ Кипріана, и тотъ пріѣхалъ въ Москву; когда же узнали о приходѣ Пимена, то остановили его въ Коломнѣ, сняли бѣлый клобукъ и отправили въ заточеніе.

Но Кипріанъ не долго на этотъ разъ пробылъ въ Москвѣ, и Пименъ не долго дожидался своей очереди; какъ прежде присутствіе нѣсколькихъ князей, предъявляющихъ права свои на старшинство, давало возможность выбора между ними, такъ теперь присутствіе двухъ митрополитовъ, уже поставленныхъ въ Константинополѣ, дѣлало возможнымъ выборъ и между ними. Мы видѣли, что во время Тохтамышева нашествія митрополитъ Кипріанъ уѣхалъ изъ Москвы въ Тверь; отъѣздъ ли Кипріана изъ Москвы, или отъѣздъ именно въ Тверь, которой князь немедленно послѣ Тохтамышева отступленія отправился въ Орду искать ярлыка, или наконецъ какое-нибудь другое обстоятельство было причиною нерасположенія великаго князя Димитрія къ Кипріану,—только встрѣчаемъ извѣстіе, что Димитрій не захотѣлъ видѣть Кипріана въ Москвѣ, и тотъ отправился въ Кіевъ, гдѣ сѣлъ на свое митрополичье мѣсто, принятъ былъ отъ всѣхъ съ честію и радостію, и сталъ жить здѣсь, управляя, по обычаю, дѣлами церковными, а въ Москву былъ вызванъ изъ заточенія Пименъ, который былъ также встрѣченъ здѣсь съ честію и вступилъ въ церковное управленіе. Такимъ образомъ опять для юга и сѣвера, для Кіева и Москвы, явились два отдѣльныхъ митрополита; этого мало: въ Кіевъ явился изъ Византіи еще третій митрополитъ, извѣстный уже намъ епископъ суздальскій Діонисій; но кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ велѣлъ схватить Діонисія и посадить въ заключеніе, гдѣ этотъ соперникъ Митяевъ и умеръ черезъ годъ; нѣсколько лѣтъ спустя умеръ и Пименъ въ Халкидонѣ, на дорогѣ въ Константинополь. Смерть Пимена соеди-

няла снова русскую церковь подъ однимъ митрополитомъ—Кипріаномъ, для котораго не было болѣе препятствій и въ Москвѣ: здѣсь Донской умеръ, и сынъ его Василій встрѣтилъ съ честію Кипріана.

Согласіе московскаго князя съ митрополитомъ не прерывалось послѣ этого ни разу: мы видѣли, какъ оба они дружно дѣйствовали въ дѣлахъ новгородскихъ. Союзъ Василія Димитріевича съ тестемъ Витовтомъ Литовскимъ удерживалъ и церковную связь между Русью литовскою и московскою; такъ, когда московскій князь ѣздилъ въ Смоленскъ на свиданіе съ тестемъ, то въ то же время ѣздилъ туда и митрополитъ Кипріанъ, который изъ Смоленска поѣхалъ въ Кіевъ, и жилъ тамъ полтора года; потомъ подъ 1404 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о новой поѣздкѣ Кипріана въ Литву къ Витовту и въ Кіевъ; отъ Витовта и отъ Ягайла получилъ онъ большую честь и много даровъ, большую честь видѣлъ отъ всѣхъ князей, пановъ и отъ всей земли; въ Кіевѣ онъ велѣлъ схватить намѣстника своего, архимандрита Тимоѳея, и слугъ своихъ тамошнихъ, и отвезти ихъ въ Москву; въ это же путешествіе Кипріанъ долженъ былъ снять санъ и отослать въ Москву, въ Симоновъ монастырь, Антонія, епископа туровскаго, по настоянію Витовта, предъ которымъ Антоній былъ оклеветанъ въ сношеніяхъ съ Татарами; главною же причиною ненависти литовскихъ властей къ Антонію полагаютъ ревность этого епископа къ православію.

Но вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ разрывъ между князьями московскимъ и литовскимъ, долженствовавшій повлечь за собою и раздѣленіе митрополіи. Кипріанъ не дожилъ до этого событія. Когда по его смерти московскій великій князь, не имѣя своего избранника, послалъ въ Константинополь съ просьбою выслать оттуда митрополита на Русь, Витовтъ отправилъ туда же полоцкаго епископа Ѳеодосія. Литовскій князь просилъ императора и патріарха: „Поставьте Ѳеодосія намъ въ митрополиты, чтобы сидѣлъ на столѣ кіевской митрополіи по старинѣ, строилъ бы церковь Божію попрежнему, какъ нашъ, потому что, по волѣ Божіей, мы обладаемъ тѣмъ городомъ, Кіевомъ“ [494]. Но въ Константинополѣ не исполнили желаніе Витовта, а прислали на всероссійскую митрополію Фотія, родомъ Грека, изъ Мореи. Нѣтъ основанія думать, чтобы Витовтъ, желая поставленія Ѳеодосія полоцкаго въ митрополиты, имѣлъ въ виду именно раздѣленіе митрополіи, чтобъ онъ хотѣлъ поставленія особаго митрополита въ Литву [495]; онъ хотѣлъ только, чтобъ

митрополитъ всероссійскій жилъ, по старинѣ, въ Кіевѣ, въ областяхъ литовскихъ и былъ бы такимъ образомъ его митрополитомъ, хотѣлъ перезвать митрополита изъ враждебной Москвы, о чемъ, безъ сомнѣнія, онъ уговорился со своимъ избранникомъ Θеодосіемъ; положеніе Витовта было совершенно иное, чѣмъ положеніе Ольгерда: послѣдній, жалуясь патріарху на митрополита Алексія, поборавшаго за Москву, не смѣлъ думать, чтобы патріархъ, по этой жалобѣ, снялъ санъ съ Алексія и чтобы въ Москвѣ согласились на это, а потому и просилъ для Литвы особаго митрополита; тогда какъ теперь положеніе дѣлъ было иное: общаго для юга и сѣвера митрополита не стало, и Витовтъ спѣшилъ предложить въ этотъ санъ своего избранника, которой бы, по старинѣ, остался жить въ Кіевѣ. Почему въ Константинополѣ не посвятили Θеодосія—неизвѣстно; очень вѣроятно, что не хотѣли, въ угоду князю иновѣрному, сдѣлать непріятность государю московскому, который не-задолго передъ тѣмъ, въ 1398 году, отправилъ къ императору Мануилу богатое денежное вспоможеніе; о тогдашнихъ дружескихъ отношеніяхъ между московскимъ и константинопольскимъ дворами можно судить по тому, что въ 1414 году Мануилъ женилъ сына своего Іоанна на дочери Василія Димитріевича, Аннѣ; если московскій князь оказывалъ такую учтивость, предоставляя императору и патріарху, по старинѣ, выборъ митрополита, то странно было бы на эту учтивость отвѣтить поставленіемъ человѣка, присланнаго княземъ, враждебнымъ Москвѣ; наконецъ очень можетъ быть, что Фотій былъ посвященъ прежде пріѣзда Θеодосіева [426]. Какъ бы то ни было, когда Фотій пріѣхалъ въ Кіевъ, то Витовтъ сначала не хотѣлъ принимать его, но потомъ принялъ, взявши съ него обѣщаніе жить въ Кіевѣ. Но Фотій, пробывши въ Кіевѣ около семи мѣсяцевъ, отправился въ Москву и занялся здѣсь устройствомъ хозяйственныхъ дѣлъ митрополіи. „Послѣ Татаръ, говоритъ лѣтописецъ [427], и послѣ частыхъ моровыхъ повѣтрій, начало умножаться народонаселеніе въ Русской землѣ, послѣ чего и Фотій митрополитъ сталъ обновлять владѣнія и доходы церковные, отыскивать, что̀ гдѣ пропало, что̀ забрано князьями, боярами или другимъ кѣмъ нибудь—доходы, пошлины, земли, воды, села, волости: иное что и прикупилъ“ [428]. Эти отыскиванія захваченнаго у церкви вооружили противъ Фотія сильныхъ людей, которые стали наговаривать на него великому князю Василію Димитріевичу и успѣли поссорить послѣдняго съ митрополитомъ. Фотій

писалъ сначала великому князю, прося утвердить грамотою принесенное въ даръ церкви и устроить всѣ ея пошлины; потомъ, въ другомъ посланіи, просилъ великаго князя не уничижать церкви, обратиться къ ней съ раскаяніемъ, возстановить ея права, возвратить данное и утвержденное прародителями [299].

Чѣмъ кончились непріятности Фотія съ московскимъ княземъ неизвѣстно; лѣтописецъ говоритъ только, что клеветники, бывшіе въ числѣ людей близкихъ къ митрополиту, принуждены были бѣжать отъ него изъ Москвы къ черниговскому владыкѣ и оттуда въ Литву къ Витовту; это извѣстіе можетъ показывать намъ, что Василій Димитріевичъ взялъ наконецъ сторону митрополита, почему клеветники и принуждены были бѣжать изъ Москвы [300]. Но они бѣжали къ Витовту, сердитому уже на Фотія за предпочтеніе Москвы Кіеву; теперь враги Фотія стали внушать литовскому князю, что митрополитъ переноситъ изъ Кіева въ Москву все узорочье церковное и сосуды, пустошитъ Кіевъ и весь югъ тяжкими пошлинами и данями. Эти обвиненія были для Витовта желаннымъ предлогомъ покончить дѣло съ митрополитомъ, жившимъ въ Москвѣ, и поставить своего въ Кіевъ; онъ собралъ подручныхъ себѣ князей русскихъ и рѣшилъ съ ними свергнуть Фотія со стола кіевской митрополіи, послѣ чего послали въ Константинополь съ жалобою на Фотія и съ просьбою поставить на Кіевъ особаго митрополита, Григорія Цамблака, родомъ Булгара. Но тѣ же самыя причины, препятствовавшія прежде исполнить желаніе Витовтово, существовали и теперь въ Константинополѣ: попрежнему здѣсь существовала тѣсная связь съ единовѣрнымъ дворомъ московскимъ, уже скрѣпленная родственнымъ союзомъ: попрежнему здѣсь не любили чужихъ избранниковъ и, при бѣдственномъ состояніи имперіи, надѣялись получить большую помощь отъ своего Фотія, чѣмъ отъ Витовтова Григорія, Болгарина. Просьба литовскаго князя была отвергнута. Тогда Витовтъ, приписывая этотъ отвѣтъ корыстолюбію константинопольскаго двора и патріарха, которые хотятъ ставить своего митрополита, по накупу, кто имъ больше дастъ и будетъ въ ихъ волѣ, будетъ отсылать къ нимъ русскія деньги,—созвалъ владыкъ и архимандритовъ и объявилъ имъ о необходимости поставить своего митрополита: „Жаль мнѣ смотрѣть на все это, говорилъ Витовтъ; чужіе люди станутъ толковать: „Вотъ государь не въ той вѣрѣ, такъ и церковь оскудѣла“; такъ чтобъ этихъ толковъ

не было, а дѣло явное, что все нестроеніе и запущеніе отъ митрополита, а не отъ меня." Епископы отвѣчали: „Мы и сами не въ первый разъ слышимъ и видимъ, что церковь скудѣетъ, а императоръ и патріархъ строителя добраго къ нашей церкви не даютъ." Но по другимъ [501] извѣстіямъ, епископы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, только по принужденію рѣшились разорвать связь съ Фотіемъ, и потомъ изъ самой Витовтовой грамоты видно, что, разрывая съ Фотіемъ, они не хотѣли разрывать съ Константинополемъ и, подумавъ, отвѣчали своему князю: „Пошлемъ еще разъ въ Царьградъ къ императору и патріарху". Витовтъ отправилъ пословъ въ Константинополь въ мартѣ мѣсяцѣ 1415 года съ угрозою, что если тамъ не исполнятъ его желаніе, то въ Кіевѣ будетъ поставленъ митрополитъ своими русскими епископами; срокъ посламъ назначенъ былъ Ильинъ день, послѣдній срокъ—Успеніе; но потомъ императорскій и патріаршій послы, возвращавшіеся изъ Москвы чрезъ литовскія владѣнія, упросили отложить до Филиппова дня. Но когда и этотъ срокъ прошелъ, то Григорій и былъ посвященъ соборомъ русскихъ епископовъ. Фотій, узнавши о замыслахъ Витовтовыхъ, поспѣшилъ отправиться въ Кіевъ, чтобъ тамъ помириться съ литовскимъ княземъ; если же это не удастся, ѣхать въ Царьградъ и тамъ препятствовать исполненію намѣренія Витовтова; но на границахъ литовскихъ владѣній митрополитъ былъ схваченъ, ограбленъ и принужденъ возвратиться въ Москву.

Чтобы оправдать свой поступокъ, южно-русскіе епископы отправили къ Фотію посланіе, въ которомъ вообще упрекаютъ его въ какихъ-то неправильныхъ поступкахъ, замѣченныхъ ими въ самомъ началѣ его управленія, потомъ упоминаютъ о какой-то важной винѣ, признать которую предоставляютъ собственной совѣсти Фотія, сами же объявить ее не хотятъ, не желая опозорить его [502]. Въ соборной грамотѣ объ избраніи и посвященіи Григорія, написанной отъ имени 8 епископовъ [503], говорится, что епископы, видя церковь кіевскую въ пренебреженіи отъ митрополита, который, сбирая доходы съ нея, относитъ ихъ въ другое мѣсто, гдѣ живетъ,—по совѣту великаго князя, всѣхъ другихъ князей, бояръ, вельможъ, архимандритовъ, игуменовъ, иноковъ и священниковъ, поставили въ митрополиты Григорія, руководствуясь уставомъ апостольскимъ, прежнимъ примѣромъ русскихъ епископовъ, которые, при великомъ князѣ Изяславѣ, сами поставили митрополита Клима; потомъ при-

мѣромъ единоплеменныхъ Болгаръ и Сербовъ. „Этимъ поступкомъ, говорятъ епископы, мы не отдѣляемся отъ восточной церкви, продолжаемъ почитать патріарховъ восточныхъ, митрополитовъ и епископовъ отцами и братіями, согласно съ ними держимъ исповѣданіе вѣры, хотимъ избѣжать только насилій и вмѣшательства мірского человѣка, симоніи и всѣхъ безпорядковъ, которые происходили недавно, когда Кипріанъ, Пименъ и Діонисій спорили о митрополіи.“— Епископы хотятъ избѣжать симоніи, въ которой упрекаютъ константинопольскій дворъ; но въ 1398 году луцкій епископъ Іоаннъ обязался дать королю Ягайлу двѣсти гривенъ и тридцать коней, если тотъ поможетъ ему получить галицкую митрополію [504]. Витовтъ, съ своей стороны, выдалъ окружную грамоту о поставленіи Григорія [505], въ которой выставляетъ тѣ же самыя причины событія, и описавши подробно ходъ дѣла, заключаетъ: „Пишемъ вамъ, чтобъ вы знали и вѣдали, какъ дѣло было. Кто хочетъ по старинѣ держаться подъ властію митрополита кіевскаго—хорошо, а кто не хочетъ, то какъ хочетъ, знайте одно: мы не вашей вѣры, и еслибъ мы хотѣли, чтобъ въ нашихъ владѣніяхъ вѣра ваша истреблялась и церковь ваша стояла безъ устройства, то мы бы ни о комъ и не хлопотали; но когда митрополита нѣтъ, или епископъ который умретъ, то мы бы намѣстника своего держали, а доходъ церковный, митрополичій и епископскій себѣ бы брали. Но мы, желая, чтобы ваша вѣра не истреблялась и церквамъ вашимъ было бы строеніе, поставили соборомъ митрополита на кіевскую митрополію, чтобъ русская честь вся стояла на своей землѣ.“

Фотій, съ своей стороны, издалъ также окружное посланіе къ православному южно-русскому народонаселенію [506]. Не упоминая о Витовтѣ, митрополитъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ поступокъ Григорія Цамблака и епископовъ, его поставившихъ. Изъ посланія узнаемъ, что Григорій ѣздилъ сперва въ Константинополь на поставленіе, но былъ тамъ лишенъ священническаго сана патріархомъ Евфиміемъ и едва спасся бѣгствомъ отъ казни. Этотъ случай Фотій приводитъ въ доказательство безкорыстія константинопольскаго двора, ибо какъ самъ Григорій, такъ и прежде его Ѳеодосій Полоцкій обѣщали много золота и серебра за свое поставленіе, но не получили желаемаго. Фотій требуетъ отъ православныхъ, чтобъ они не сообщались съ епископами, замыслившими раздѣленіе митрополіи.

Цамблакъ, славившійся между современниками краснорѣчіемъ, остался вѣренъ правилу, выраженному въ посланіи поставившихъ его епископовъ, т. е. остался вѣренъ православію. Въ нашихъ лѣтописяхъ [507] сохранилось извѣстіе, будто бы онъ задалъ вопросъ Витовту: зачѣмъ тотъ не въ православіи? и будто бы Витовтъ отвѣчалъ, что если Григорій поѣдетъ въ Римъ и оспоритъ тамъ папу и всѣхъ мудрецовъ его, то онъ со всѣми своими подданными обратится въ православіе. Это извѣстіе можетъ указывать только на побужденія, которыя заставили Григорія отправиться вмѣстѣ съ посольствомъ Витовтовымъ на Констанцкій соборъ. Литовское посольство прибыло въ Констанцъ уже къ концу засѣданій собора, на который оно явилось 18 февраля 1418 года вмѣстѣ съ послами греческаго императора Мануила, имѣвшими порученіе начать переговоры съ папою о соединеніи церквей. Посольство греческое и литовское были приняты торжественно, получили право отправлять богослуженіе по своему обряду, но уѣхали ни съ чѣмъ, потому что соборъ разошелся, не начавши совѣщанія о соединеніи церквей [508]. Григорій жилъ недолго по возвращеніи изъ Констанца: онъ умеръ въ 1419 году. Въ это время вражда къ Москвѣ остыла въ Витовтѣ и все вниманіе его было поглощено отношеніями польскими; вотъ почему, по смерти Цамблака, онъ не старался объ избраніи особаго митрополита для Кіева, и Фотій снова получилъ въ управленіе церковь южно-русскую. Извѣщая объ этомъ событіи православныхъ, онъ пишетъ: „Христосъ, устрояющій всю вселенную, снова древнимъ благолѣпіемъ и миромъ Свою церковь украсилъ, и смиреніе мое въ церковь свою ввелъ, совѣтованіемъ благороднаго, славнаго, великаго князя Александра (Витовта)“ [509]. Въ 1421 году мы видимъ Фотія на югозападѣ, во Львовѣ, Владимірѣ, Вильнѣ; а въ 1430 году онъ былъ въ Трокахъ и въ Вильнѣ у Витовта вмѣстѣ съ московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, причемъ литовскій князь оказалъ большую честь митрополиту; такую же честь оказалъ ему и преемникъ Витовта Свидригайло.

Мы видѣли, какимъ важнымъ шагомъ ознаменовалъ свою политическую дѣятельность Фотій на сѣверѣ, въ Москвѣ, объявивши себя торжественно на сторонѣ племянника противъ дяди; при жизни Фотія открытой вражды не было, и Юрій признавалъ старшинство племянника, но тотчасъ по смерти митрополита князья снова

заспорили и стали собираться въ Орду [510]. Усобицы между Василіемъ и Юріемъ происходили, когда митрополита не было въ Москвѣ, и мы съ увѣренностію можемъ сказать, что присутствіе митрополита дало бы иной характеръ событіямъ, ибо мы видѣли, какъ митрополитъ Іона сильно дѣйствовалъ въ пользу Василія Темнаго; мы видѣли, какъ побѣжденные князья требуютъ у побѣдителя, чтобъ онъ не призывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока тамъ будетъ митрополитъ, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности.

Московскія смуты долго мѣшали назначенію новаго митрополита; наконецъ былъ избранъ рязанскій епископъ Іона, первый митрополитъ не только Русскій, но рожденіемъ и происхожденіемъ изъ сѣверной Руси, именно изъ солигалицкой области [511]. Но когда медлили въ Москвѣ, спѣшили въ Литвѣ, и, прежде чѣмъ Іона успѣлъ собраться ѣхать въ Константинополь, оттуда уже явился митрополитомъ смоленскій епископъ Герасимъ, который остановился въ Смоленскѣ, пережидая здѣсь, пока въ Москвѣ прекратятся усобицы. Усобицы прекратились, но Москва не видала Герасима: поссорившись съ литовскимъ княземъ Свидригайломъ, митрополитъ былъ схваченъ имъ и сожженъ [512]. На этотъ разъ Іона отправился въ Константинополь, но опять былъ предупрежденъ: здѣсь уже поставили Исидора, послѣдняго русскаго митрополита изъ Грековъ и поставленнаго въ Греціи, потому что Флорентійскій соборъ, смуты и паденіе Византіи должны были повести необходимо къ независимости русской митрополіи отъ константинопольскаго патріарха.

Исидоръ, пріѣхавши въ Москву, сталъ собираться на соборъ, созванный въ Италіи для соединенія церквей. Самое уже мѣсто собора, въ странѣ неправославной, должно было возбуждать подозрѣніе въ Москвѣ. Великому князю не хотѣлось, чтобъ Исидоръ ѣхалъ въ Италію; когда же онъ не могъ отклонить митрополита отъ этого путешествія, то сказалъ ему: „Смотри же, приноси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ прародителя нашего Владиміра, а новаго, чужого не приноси; если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примемъ.“ Исидоръ обѣщался крѣпко стоять въ православіи, но уже на дорогѣ православные спутники стали замѣчать въ немъ наклонность къ латинству: такъ въ Юрьевѣ Ливонскомъ (Дерптѣ), когда русское народонаселеніе города вышло къ нему на встрѣчу съ священниками и крестами, и въ

то же время вышли на встрѣчу Нѣмцы со своими крестами, то онъ подошелъ сначала къ послѣднимъ. На соборѣ Исидоръ принялъ соединеніе: между другими побужденіями Исидоръ могъ имѣть въ виду и большія средства къ поддержанію единства митрополіи, большія удобства въ положеніи русскаго митрополита, когда князья московскій и литовскій не будутъ разниться въ вѣрѣ. Но въ Москвѣ не хотѣли имѣть въ виду ничего, кромѣ поддержанія древняго благочестія, и когда Исидоръ, возвратясь въ Москву, принесъ новое и чужое, когда началъ называться легатомъ папинымъ и велѣлъ носить предъ собою крыжъ латинскій и три палицы серебряныя, когда на литургіи велѣлъ поминать папу вмѣсто патріарховъ вселенскихъ, а послѣ литургіи велѣлъ на амвонѣ читать грамоту о соединеніи церквей, когда услыхали, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, что хлѣбъ безквасный и квасный можетъ одинаково претворяться въ Тѣло Христово, и прочія новизны, —то великій князь назвалъ Исидора латинскимъ ересньмъ прелестникомъ, волкомъ, велѣлъ свести его съ митрополичьяго двора и посадить въ Чудовѣ монастырѣ подъ стражу, а самъ созвалъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, и велѣлъ имъ разсмотрѣть дѣло. Тѣ нашли, что все это папино дѣло, несогласное съ божественными правилами и преданіями; а между тѣмъ Исидоръ успѣлъ бѣжать изъ заключенія. Великій князь не велѣлъ догонять его.

Флорентійскій соборъ заставилъ наконецъ рѣшиться на то, что хотѣлъ сдѣлать Митяй на сѣверѣ, что сдѣлали потомъ на югѣ епископы, поставившіе Цамблака. Великій князь отправилъ въ Константинополь грамоту къ патріарху [513]: „Прошло уже слишкомъ 450 лѣтъ, пишетъ Василій, какъ Россія держитъ древнее благочестіе, принятое отъ Византіи при св. Владимірѣ. По смерти митрополита Фотія, мы понудили идти къ вамъ епископа рязанскаго Іону, мужа духовнаго, отъ младенчества живущаго въ добродѣтельномъ житіи; но не знаемъ, почему вы нашего прошенія не приняли, грамотамъ и послу нашему не вняли, и вмѣсто Іоны прислали Исидора, за которымъ мы не посылали, котораго не просили и не требовали; мольба императорскаго посла, благословеніе патріарха, сокрушеніе, покореніе, челобитье самого Исидора, едва едва могли заставить насъ принять его. Намъ тогда и въ мысль не приходило, что со временемъ отъ него станется! Онъ принесъ намъ папскія новизны, пріѣхалъ легатомъ, съ латински-изваяннымъ распятіемъ,

и злочестиво двоеженствовалъ, называя себя учителемъ и настоятелемъ двухъ церквей, православной и латинской. Мы собрали наше православное духовенство, и всѣмъ Исидорово поведеніе показалось чуждымъ, страннымъ и противузаконнымъ. Вслѣдствіе всего этого просимъ твое святѣйшее владычество, пошли къ намъ честнѣйшую твою грамоту, чтобъ наши епископы могли избирать и поставлять митрополита въ Русь, потому что и прежде, по нуждѣ, такъ бывало; а теперь у насъ нашествіе безбожныхъ Агарянъ, въ окрестныхъ странахъ неустройство и мятежи; притомъ же намъ надобно сноситься съ митрополитомъ о важныхъ дѣлахъ, и когда митрополитъ Грекъ, то мы должны разговаривать съ нимъ через переводчиковъ, людей незначительныхъ, которые такимъ образомъ прежде другихъ будутъ знать важныя тайны."

Эта грамота не достигла Константинополя: въ Москву пришла вѣсть, будто императоръ греческій принялъ латинство и переселился въ Римъ; тогда великій князь велѣлъ возвратить пословъ съ дороги [514]. Скоро послѣ того въ Москвѣ начались новыя бѣдствія и смуты: плѣнъ великаго князя Василія, сперва у Татаръ, а потомъ у Шемяки, не далъ возможности думать о поставленіи митрополита, и здѣсь мы должны также замѣтить, что это обстоятельство—отсутствіе митрополита—имѣло важное вліяніе на ходъ событій: едва ли Шемяка и Можайскій могли бы привести въ исполненіе свой замыселъ при митрополитѣ. Когда Василій утвердился опять на столѣ великокняжескомъ, то поспѣшили поставленіемъ митрополита: поставленъ былъ своими епископами давно нареченный на митрополію Іона рязанскій, уже успѣвшій оказать важныя услуги великому князю и его семейству.

Услуги, оказанныя Іоною московскому правительству послѣ поставленія его въ митрополиты, мы видѣли прежде въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же должны обратить вниманіе на отношенія къ Византіи и литовской Руси. Послѣ Іонина поставленія великій князь отправилъ къ императору Константину Палеологу грамоту [515], въ которой писалъ: „Послѣ кончины Фотія митрополита, мы, посовѣтовавшись съ своею матерью, великою княгинею, и съ нашею братьею русскими князьями, великими и помѣстными, также и съ государемъ литовской земли, съ святителями и со всѣмъ духовенствомъ, съ боярами и со всею землею русскою, со всѣмъ православнымъ христіанствомъ, избрали и отправили съ нашимъ посломъ рязан-

скаго епископа Іону къ вамъ въ Константинополь для поставленія; но прежде его прихода туда императоръ и патріархъ поставили на Кіевъ, на всю Русь, митрополитомъ Исидора, Іонѣ же сказали: „ступай на свой столъ—рязанскую епископію; если же Исидоръ умретъ или что-нибудь другое съ нимъ случится, то ты будь готовъ благословенъ на митрополичій престолъ всея Руси.“ Такъ какъ въ вашихъ благословенныхъ державахъ произошло разногласіе въ церкви Божіей, путешественники въ Константинополь претерпѣваютъ на дорогѣ всякаго рода затрудненія, въ нашихъ странахъ неустройство всякое, нашествіе безбожныхъ Агарянъ, междоусобныя войны, мы сами не отъ чужихъ, но отъ братьевъ своихъ претерпѣли страшное бѣдствіе,—то при такой великой нуждѣ, собравши своихъ русскихъ святителей, согласно съ правилами, поставили мы вышеупомянутаго Іону на митрополію русскую, на Кіевъ и на всю Русь. Мы поступили такъ по великой нуждѣ, а не по гордости или дерзости; до скончанія вѣка пребудемъ мы въ преданномъ намъ православіи; наша церковь всегда будетъ искать благословенія церкви цареградской и во всемъ по древнему благочестію ей повиноваться; и отецъ нашъ, Іона митрополитъ, также проситъ благословенія и соединенія, кромѣ нынѣшнихъ новыхъ разногласій, и молимъ твое святое царство, будь благосклоненъ къ отцу нашему Іонѣ митрополиту. Мы хотѣли обо всѣхъ этихъ дѣлахъ церковныхъ писать и къ святѣйшему патріарху православному, требовать его благословенія и молитвы: но не знаемъ, есть ли въ вашемъ царствующемъ градѣ патріархъ, или нѣтъ? Если же, Богъ дастъ, будетъ у васъ патріархъ по древнему благочестію, то мы будемъ извѣщать его о всѣхъ нашихъ положеніяхъ и просить благословенія.“ Въ 1453 году Константинополь былъ взятъ Турками; въ Москвѣ узнали объ этомъ событіи отъ бѣжавшаго изъ плѣна Грека Димитрія; митрополитъ Іона окружнымъ посланіемъ увѣдомилъ православныхъ о паденіи Константинограда, о страшныхъ бѣдствіяхъ греческаго народа, и просилъ помочь означенному Димитрію выкупить семейство изъ турецкаго плѣна [516]. Къ патріарху Геннадію Іона писалъ, что проситъ его благословенія и посылаетъ дары, какіе нашлись у него. „Не погнѣвайся, пишетъ Іона, за наши малые поминки (подарки), потому что и наша земля отъ поганства и междоусобныхъ войнъ очень истощилась. Да покажи къ намъ, господинъ, духовную любовь, пришли къ моему сыну, великому князю, честную свою

грамоту къ душевной пользѣ великому нашему православію; сколько у насъ ни было грамотъ отъ прежнихъ патріарховъ, мы всѣ ихъ держали за земскую честь, къ своей душевной пользѣ; но всѣ эти грамоты погибли отъ пожаровъ во время земскихъ нестроеній [517]." Быть можетъ, грамота отъ патріарха нужна была въ Москвѣ, какъ доказательство, что поставленіе русскаго митрополита, независимо отъ Константинополя, не уничтожило единенія съ послѣднимъ, что тамъ не сердятся за эту перемѣну отношеній.

Если московскій князь и митрополитъ обязывались оставаться въ единеніи съ Византіею только подъ условіемъ, чтобъ тамъ сохранялось древнее благочестіе, если новизны Флорентійскаго собора, принесенныя Исидоромъ, нашли себѣ такой сильный отпоръ въ Москвѣ, и прежде всего со стороны самого правительства, то понятно, что иначе встрѣчена была эта новизна отъ католическихъ правителей Руси литовской: въ 1443 году польскій король Владиславъ Ягелловичъ далъ жалованную грамоту русскому духовенству, въ которой объявлялъ, что церковь восточная—греческая и русская—приведены въ давно жданное соединеніе съ римскою, вслѣдствіе чего русское духовенство, терпѣвшее до сихъ поръ нѣкоторое утѣсненіе, какъ выражается король, жалуется всѣми тѣми правами и вольностями, которыми пользуется духовенство католическое [518]. Но Исидоръ, принужденный бѣжать изъ Москвы, не остался нигдѣ на Руси; король Владиславъ въ слѣдующемъ же 1444 году палъ подъ Варною; преемникъ его Казимиръ находился въ затруднительномъ положеніи между требованіями Польши и Литвы, что заставило его прекратить непріязнь съ Москвою, а миръ могъ быть всего скорѣе заключенъ подъ вліяніемъ митрополита Іоны: литовскій князь, желая мира съ Москвою, долженъ былъ для этого пріобрѣсть расположеніе Іоны подчиненіемъ ему церкви литовско-русской; Іона, съ своей стороны, долженъ былъ всѣми силами стараться о мирѣ между Казимиромъ и Василіемъ, потому что только подъ условіемъ этого мира могло сохраниться единство церковное. Такъ мы видимъ, что когда, по заключеніи мира, встрѣтились вновь какія-то недоразумѣнія, то Казимиръ, отправляя своего посла въ Москву, приказалъ ему попросить митрополита постараться, чтобъ миръ не былъ нарушенъ. Іона, называя себя общимъ богомольцемъ, отвѣчалъ Казимиру, что онъ говорилъ великому князю Василію о мирѣ съ благословеніемъ и мольбою и что Василій хочетъ съ королемъ брат-

ства и любви. „Благодарю твое господство, пишетъ Іона, за доброе расположеніе, и благословляю тебя на любовь съ братомъ твоимъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, который желаетъ того же; я же, вашъ общій богомолецъ, по своему святительскому долгу, радъ Бога молить и стараться о мирѣ между вами; за великое ваше жалованье и поминки благодарю и благословляю [519]." Мы знаемъ, въ чемъ состояло это великое жалованье, за которое Іона благодаритъ Казимира: послѣдній обѣщалъ возстановить единство русской церкви по старинѣ и прислать Іонѣ рѣшительный отвѣтъ по возвращеніи своемъ изъ Польши въ Литву [520]. Король сдержалъ слово и подчинилъ югозападную русскую церковь Іонѣ [521], котораго видимъ въ Литвѣ въ 1451 году [522].

Но опасныя слѣдствія Флорентійскаго собора не могли ограничиться для югозападной Руси одною попыткою Исидора: папы не любили отказываться отъ того, что разъ какимъ бы то ни было образомъ попадало въ ихъ руки, а литовскій князь, католикъ, не могъ препятствовать намѣреніямъ главы католицизма. Въ 1458 году отъѣхавшій въ Римъ константинопольскій патріархъ, Григорій Мамма, поставилъ Григорія, ученика Исидора, въ митрополиты на Русь. Въ Москву дали знать объ этомъ немедленно, и еще до прихода Григорія въ Литву великій князь Василій послалъ сказать королю Казимиру, чтобъ тотъ не принималъ митрополита изъ Рима, на общаго отца, Іону, не вводилъ новизны, не нарушалъ старины. „Старина же наша (писалъ Василій), которая ведется со временъ прародителя нашего Владиміра, крестившаго русскую землю, состоитъ въ томъ, что выборъ митрополита принадлежалъ всегда нашимъ прародителямъ, великимъ князьямъ русскимъ, и теперь принадлежитъ намъ, а не великимъ князьямъ литовскимъ; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не бывать, такой мнѣ не надобенъ; и ты, братъ, ни подъ какимъ видомъ не принимай его, если же примешь, то ты церковь Божію раздѣлишь, а не мы [523]." Іона, не могшій самъ отправиться въ Литву по причинѣ старости и болѣзней, отправилъ туда двоихъ архимандритовъ съ посланіемъ къ православнымъ епископамъ, князьямъ, панамъ и боярамъ, чтобъ стояли за православную вѣру твердо, помня древнее законоположеніе, установленное на седми соборахъ [524]. Въ Москвѣ созванъ былъ соборъ изъ владыкъ сѣверной Руси, рукоположенныхъ митрополитомъ Іоною: вла-

дыки дали здѣсь обѣщаніе—отъ святой церкви соборной московской и отъ господина и отца своего Іоны митрополита всея Руси быть неотступными и повиноваться во всемъ ему и преемнику его, кто будетъ поставленъ по избранію Св. Духа, по правиламъ Апостоловъ и св. отцевъ, по повелѣнію господина великаго князя Василія Васильевича, русскаго самодержца, въ соборной церкви св. Богородицы, на Москвѣ у гроба св. Петра митрополита, русскаго Чудотворца; къ самозванцу же Григорію, ученику Исидорову, отъ котораго произошло раздѣленіе московской соборной церкви съ кіевскою церковію, не приступать, грамотъ отъ него никакихъ не принимать, и совѣта съ нимъ ни о чемъ не имѣть.[525]. Это обѣщаніе, обнародованное въ соборной грамотѣ, важно для насъ въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые указано на Москву, какъ на престольный городъ русской митрополіи: владыки клянутся не отступать отъ московской соборной церкви св. Богородицы; до сихъ поръ митрополитъ назывался кіевскимъ и всея Руси, въ этой же грамотѣ онъ называется просто митрополитомъ всея Руси или русскимъ; потомъ въ этой грамотѣ опредѣленъ и на будущее время образъ поставленія митрополита русскаго: законный митрополитъ русскій отъ нынѣ есть тотъ, который будетъ поставленъ, безъ всякаго отношенія къ Византіи, въ Москвѣ, по повелѣнію московскаго князя. Владыки сѣверные, бывшіе на соборѣ—ростовскій, суздальскій, коломенскій, сарайскій, пермскій, отправили также грамоту къ литовскимъ—черниговскому, полоцкому, смоленскому, туровскому и луцкому,—съ увѣщаніемъ не принимать митрополита отъ латинъ[526]; Іона послалъ отъ своего имени окружное посланіе литовскимъ епископамъ въ томъ же смыслѣ, писалъ и отдѣльно епископамъ черниговскому и смоленскому[527], увѣщевая не принимать Григорія, въ случаѣ принужденія приглашалъ ихъ въ Москву какъ въ безопасное убѣжище отъ латинскихъ насилій; въ противномъ случаѣ грозилъ великою тягостію церковною; наконецъ писалъ и всему остальному православному народонаселенію литовско-русскихъ областей; обѣщался посѣтить свою литовскую паству, какъ только получитъ облегченіе отъ болѣзни, увѣщевалъ не принимать Григорія, не слушать его ученія, которое подобно Македоніеву, страдать за православіе даже и до смерти, потому что такимъ страдальцамъ готовъ вѣнецъ мученическій[528]. Но всѣ эти мѣры остались тщетными: Казимиръ не могъ не принять митрополита изъ Рима;

онъ даже присылалъ уговаривать и великаго князя Василія признать Григорія общимъ митрополитомъ по той причинѣ, что Іона уже устарѣлъ [529]. Московскій князь, разумѣется, не согласился, и митрополія русская раздѣлилась окончательно. Іона не долго пережилъ это печальное для него событіе: онъ умеръ въ 1361 году, назначивъ себѣ преемникомъ Ѳеодосія, архіепископа ростовскаго, который и былъ поставленъ, по новому обычаю, въ Москвѣ, соборомъ сѣверныхъ русскихъ владыкъ [530].

Таковы были главныя явленія исторіи русской церковной іерархіи въ описываемое время. Мысль, естественно явившаяся впервые тогда, когда Андрей Боголюбскій задумалъ дать сѣверной Руси отдѣльное, самостоятельное существованіе и даже господство надъ южною Русью,—эта мысль осуществилась, когда обѣ половины Руси раздѣлились подъ двѣ равно могущественныя и враждебныя одна другой династіи; вслѣдствіе этого раздѣленія раздѣлилась и митрополія, причемъ посредствующими явленіями, опять вслѣдствіе явленій политическихъ, было образованіе отдѣльной галицкой митрополіи и перенесеніе кіевскаго митрополичьяго стола на сѣверъ. Это перенесеніе, бѣдствія Византіи, смуты, Флорентійскій соборъ, наконецъ, паденіе имперіи высвободили московскую митрополію изъ непосредственной зависимости отъ константинопольскаго патріархата. Флорентійскій соборъ и поведеніе Исидора имѣютъ важное значеніе въ нашей исторіи потому, что заставили сѣверовосточную Русь окончательно и рѣзко высказаться на счетъ соединенія съ Римомъ; понятно, что рѣшительность московскаго правительства держаться отеческаго преданія, древняго благочестія, и не допускать никакихъ новизнъ въ церкви,—принадлежитъ къ числу явленій, опредѣлившихъ будущія судьбы восточной Европы. Въ поведеніи русскихъ митрополитовъ при всѣхъ этихъ важныхъ и рѣшительныхъ обстоятельствахъ, дѣйствовавшихъ въ продолженіе описаннаго періода, всего лучше можно замѣтить великое вліяніе византійскихъ отношеній, характера восточной церкви. Митрополиты русскіе не стараются получить самостоятельное, независимое отъ свѣтской власти существованіе. Пребываніе въ Кіевѣ, среди князей слабыхъ, въ отдаленіи отъ сильнѣйшихъ, отъ главныхъ сценъ политическаго дѣйствія, всего лучше могло бы дать имъ такое существованіе; но Кіевъ не становится русскимъ Римомъ: митрополиты покидаютъ его и стремятся на сѣверъ, подъ покровъ могу-

щества гражданскаго; и на сѣверѣ не долго остаются во Владимірѣ, который, будучи покинутъ сильнѣйшими князьями, могъ бы имѣть для митрополитовъ значеніе Кіева, но переселяются въ стольный городъ одного изъ сильнѣйшихъ князей, и всѣми силами стараются помочь этому князю одолѣть противниковъ, утвердить единовластіе. Борьбами, сопровождавшими это утвержденіе, значеніемъ, которое получаютъ здѣсь митрополиты, значеніемъ, которое придаютъ имъ сами князья, митрополиты вовсе не пользуются для утвержденія своего вліянія, своего господства надъ князьями, за свою помощь не выговариваютъ себѣ особыхъ правъ, и для упроченія этихъ правъ не стараются раздорами уменьшить силу князей, не стараются для князя сильнѣйшаго, опаснѣйшаго для ихъ правъ, возбуждать соперниковъ и усиливать ихъ своимъ вліяніемъ, какъ то дѣлывалось на западѣ; напротивъ стараются какъ можно скорѣе усилить одного князя на счетъ всѣхъ другихъ, вслѣдствіе чего власть церковная и гражданская должны были стать въ тѣ же отношенія, въ какихъ онѣ были въ Византіи: все, слѣдовательно, показываетъ, откуда идетъ преданіе и примѣръ.

Относительно опредѣленія отношеній власти митрополичьей ко власти великокняжеской, мы получаемъ извѣстія изъ грамоты, составленной по взаимному согласію великаго князя Василія Димитріевича и митрополита Кипріана; изъ этой грамоты видимъ, что всѣ лица, принадлежащія къ церкви, подчиняются суду митрополичьему; если человѣкъ великокняжескій ударитъ великому князю челомъ на игумена, священника и чернеца, то судъ общій, т.-е. судитъ великій князь вмѣстѣ съ митрополитомъ; если же митрополитъ будетъ въ отлучкѣ, то судитъ одинъ великій князь, а прибыткомъ дѣлится пополамъ съ митрополитомъ; если кто ударитъ челомъ великому князю на митрополичья намѣстника, десятинника или волостеля, то великій князь судитъ самъ. Въ случаѣ войны, когда самъ великій князь сядетъ на коня, тогда и митрополичьи бояре и слуги выступаютъ въ походъ подъ митрополичьимъ воеводою, но подъ стягомъ великокняжескимъ; которые изъ бояръ и слугъ не служили Алексію митрополиту, вступили въ митрополичью службу недавно (приказались ново), тѣ пойдутъ съ воеводою великокняжескимъ, смотря по мѣсту, гдѣ кто живетъ. Слугъ великокняжескихъ и людей тяглыхъ, платящихъ дань въ великокняжескую казну (данныхъ людей), митрополитъ не имѣлъ права ставить въ священники или

дьяконы, ибо этимъ наносился ущербъ службѣ и казнѣ великокняжеской. Здѣсь причина, почему въ духовное званіе поступали только люди изъ того же званія. Но сынъ священника, хотя записанный въ службу великокняжескую, если захочетъ, можетъ быть поставленъ въ священники или въ дьяконы. Сынъ священника, который живетъ у отца, ѣстъ хлѣбъ отцовскій, принадлежитъ къ вѣдомству митрополичьему, а который отдѣленъ, живетъ не вмѣстѣ съ отцемъ, хлѣбъ ѣстъ свой, тотъ принадлежитъ великому князю [531]. Изъ этой грамоты мы уже видимъ, что у митрополита былъ свой дворъ, свои бояре и слуги, домъ его называется дворцомъ. Встрѣчаемъ и въ лѣтописи извѣстія о митрополичьихъ боярахъ [532], отрокахъ [533]: о Митяѣ говорится, что бояре митрополичьи служили ему, отроки предстояли, куда двинется, и тѣ и другіе шли передъ нимъ. Митрополитъ имѣлъ своихъ стольниковъ: такъ митрополитъ Кипріанъ посылалъ своего стольника Ѳедора Тимоѳеева звать новгородскаго владыку въ Москву [534]; имѣлъ своего печатника [535], своего конюшаго [536]. Изъ этихъ придворныхъ слугъ своихъ митрополитъ посылалъ для управленія волостями (въ волостели), для суда церковнаго (въ десятинники) и проч. Мы видѣли, какое важное значеніе имѣлъ митрополитъ въ отношеніяхъ княжескихъ, и потому встрѣчаемъ подписи митрополичьи и печати на грамотахъ княжескихъ, на договорахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ. Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, договорная Димитрія Донского съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ—первая, въ началѣ которой встрѣчаемъ слова: „по благословенію отца нашего Олексѣя митрополита всея Руси". Въ концѣ духовнаго завѣщанія Димитрія Донского читаемъ: „А сю грамоту писалѣ есмь себѣ душевную, и явилъ есмь отцю своему Олексѣю митрополиту всея Руси, и отецъ мой Олексѣй митрополитъ всея Руси и печать свою привѣсилъ къ сей грамотѣ". Печать митрополичья имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе Богородицы съ младенцемъ Іисусомъ, а на другой надпись: „Божіею милостію печать (имя) митрополита всея Руси". На духовномъ завѣщаніи Василія Димитріевича встрѣчаемъ подпись митрополита Фотія по-гречески; ту же подпись видимъ и на договорной грамотѣ Василія Васильевича съ дядею Юріемъ. Въ 1450 году грамоты пишутся по благословенію митрополита Іоны и утверждаются его подписью: „Смиренный Іона, архіепископъ кіевскій и всея Руси". Такова же подпись и преемника Іонина, Ѳеодосія.

Въ настольныхъ грамотахъ патріаршихъ новопоставленному митрополиту говорилось, что великій князь долженъ воздавать ему честь, показывать духовную любовь съ благоговѣніемъ и послушаніемъ и благимъ повиновеніемъ, равно какъ всѣ другіе русскіе князья, сановники, духовенство и весь христоименитый народъ, и что митрополитъ долженъ во всемъ предѣлѣ своемъ ставить архіепископовъ, священниковъ, монаховъ, дьяконовъ, поддьяконовъ и чтецовъ, освящать церкви и управлять всѣми церковными дѣлами [537]. Избраніе епископовъ, какъ видно, производилось такъ же, какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ: такъ подъ 1289 годомъ читаемъ въ лѣтописи, что великій князь Михаилъ Ярославичъ Тверской, вмѣстѣ съ матерью своею послалъ игумена Андрея въ Кіевъ, къ митрополиту Максиму, и тотъ поставилъ его епископомъ въ Тверь; этотъ Андрей былъ сынъ литовскаго князя. Впрочемъ отъ конца описываемаго времени дошелъ до насъ уставъ, какъ должно избирать епископа [538]; здѣсь говорится, что по случаю избранія митрополитъ созываетъ всѣхъ епископовъ, ему подчиненныхъ; который изъ нихъ не могъ пріѣхать, присылалъ грамоту, что будетъ согласенъ на рѣшеніе остальныхъ; собравшіеся епископы избираютъ три лица, имена которыхъ въ запечатанномъ свиткѣ отсылаютъ митрополиту, и тотъ изъ троихъ выбираетъ уже одного. Такой порядокъ дѣйствительно могъ быть введенъ въ концѣ описываемаго времени, когда значеніе областныхъ князей поникло. Избранный предъ посвященіемъ давалъ обѣтъ исповѣдывать православіе, повиноваться митрополиту, не препятствовать въ своей епархіи сбору митрополичьихъ пошлинъ, не исполнять обязанностей своего званія въ чужихъ епархіяхъ, пріѣзжать къ митрополиту безпрекословно по первому зову, не позволять въ своей епархіи православнымъ вступать въ браки, кумиться и брататься съ Армянами и Латинами; тутъ же новопоставляемый объявлялъ, что не далъ ничего за поставленіе, не обѣщался дать и не дастъ; запись эту онъ писалъ собственною рукою и подписывалъ [539]. Настольныя грамоты митрополичьи епископамъ писались по приведенному образцу настольной патріаршей митрополиту [540]. Архіепископы и епископы не могли называть митрополита братомъ, но только отцемъ; въ противномъ случаѣ подвергались выговору [541].

Митрополитъ имѣлъ право отлучать епископовъ отъ службы. Въ 1280 году митрополитъ Кириллъ, обозрѣвая подвѣдомственныя ему

епархіи, пріѣхалъ въ Ростовъ и узналъ, что здѣшній епископъ Игнатій велѣлъ въ полночь выкинуть изъ соборной церкви тѣло князя Глѣба Васильковича и за-просто закопать его въ монастырѣ. Митрополитъ немедленно отлучилъ за это епископа отъ службы, и простилъ его только по усерднымъ просьбамъ князя Димитрія Борисовича, при чемъ далъ такое наставленіе Игнатію: „Не возносись, и не думай, что ты безъ грѣха, больше освобождай и прощай, чѣмъ запрещай и отлучай. Плачь и кайся до самой смерти въ этой дерзости, потому что осудилъ ты прежде суда Божія уже мертваго человѣка, а живого боялся, дары отъ него принималъ, ѣлъ съ нимъ, пилъ и веселился, и когда было можно исправить его, не исправлялъ, а теперь уже мертваго хочешь исправить такимъ жестокимъ отлученіемъ. Если хочешь помочь ему па томъ свѣтѣ, то помогай милостынями и молитвами“ [542]. Митрополитъ Петръ снялъ санъ съ епископа сарайскаго Измаила [543]; митрополитъ Ѳеогностъ отлучилъ и потомъ простилъ суздальскаго епископа Даніила [544]. Князь, недовольный своимъ епископомъ, ѣздилъ жаловаться па него митрополиту [545]. Тверской епископъ Евѳимій возбудилъ на себя сильное негодованіе своего князя Михаила Александровича, который въ 1390 году послалъ звать въ Тверь митрополита Кипріана. Тотъ отправился съ двумя владыками греческими и нѣсколькими русскими. За 30 верстъ отъ Твери его встрѣтилъ внукъ великаго князя, за 20—старшій сынъ, за 5—самъ великій князь. Встрѣченный передъ городскими воротами духовенствомъ со крестами, Кипріанъ отслужилъ обѣдню въ соборной церкви, послѣ чего обѣдалъ у великаго князя; получилъ дары и честь большую. Три дня князь Михаилъ угощалъ такимъ образомъ митрополита; на четвертый собралось па великокняжескомъ дворѣ духовенство и бояре, и когда пріѣхалъ туда Кипріанъ, то всѣ начали жаловаться ему па епископа Евѳимія; митрополитъ, вмѣстѣ съ другими владыками, сталъ судить: по однимъ извѣстіямъ обвиняемый не могъ оправдаться, не обрѣлась правда въ устахъ его [546]; по другимъ [547], обвиненія были клеветами. Но какъ бы то ни было, извѣстія согласны въ одномъ, что неудовольствіе на Евѳимія было страшное, и митрополитъ, не успѣвши помирить князя съ епископомъ, отослалъ послѣдняго въ Москву, а на его мѣсто поставилъ въ Тверь протодьякона своего Арсенія, который едва согласился быть здѣсь епископомъ, видя такія вражды и

смуты. Въ началѣ описываемаго времени, именно подъ 1229 годомъ, находимъ любопытное извѣстіе о судѣ мѣстнаго князя надъ епископомъ, какъ владѣльцемъ частной собственности. „Пришло, говоритъ лѣтописецъ, искушеніе на ростовскаго епископа Кирилла: въ одинъ день все богатство отнялось отъ него вслѣдствіе проигрыша тяжбы, и рѣшилъ дѣло въ пользу соперниковъ Кирилловыхъ князь Ярославъ; Кириллъ былъ очень богатъ, деньгами и селами, всякимъ товаромъ и книгами, однимъ словомъ, такого богатаго епископа еще не бывало въ суздальской землѣ".

Встрѣчаемъ извѣстіе о жалобѣ епископа на митрополита константинопольскому патріарху. Такъ жаловался на митрополита Петра упомянутый уже прежде тверской епископъ Андрей, родомъ Литвинъ. Патріархъ для разобранія дѣла отправилъ въ Россію своего посланнаго, который когда пріѣхалъ, то созванъ былъ соборъ въ Переяславлѣ: явился обвиненный, явился и обвинитель, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхали изъ Твери двое князей—Димитрій и Александръ Михайловичи, другіе князья, много вельможъ и духовныхъ. Обвинитель былъ уличенъ во лжи; но Петръ простилъ его и, поучивъ присутствующихъ, распустилъ соборъ. Если по приведенному выше уставу долженъ былъ созываться соборъ для избранія епископа, то встрѣчаемъ извѣстіе о созваніи собора для отрѣшенія его: такъ въ 1401 году митрополитъ Кипріанъ созвалъ въ Москвѣ соборъ, на которомъ отписались отъ своихъ епископій Іоаннъ новгородскій и Савва луцкій. Митрополитъ Кириллъ въ 1274 году воспользовался соборомъ, созваннымъ для поставленія владимірскаго епископа Серапіона, чтобы предложить правило для установленія церковнаго и народнаго благочинія: „Самъ видѣлъ я и отъ другихъ слышалъ о сильномъ церковномъ неустройствѣ, говоритъ Кириллъ въ своемъ правилѣ [548]: въ одномъ мѣстѣ держатся такого обычая, въ другомъ иного, много несогласій и грубости... Какую пользу получили мы отъ того, что оставили правила божественныя? не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? не взяты ли наши города? не пали ли сильные князья наши отъ острія меча? не отведены ли были въ плѣнъ дѣти наши? не запустѣли ли святыя Божіи церкви? не томятъ ли насъ каждый день безбожные и нечестивые поганы?" Прежде всего митрополитъ вооружается противъ поставленія въ духовный санъ на мздъ, и преподаетъ правила относительно этого поставленія [549]. Въ народѣ

по прежнему продолжалась страсть къ кулачнымъ и дрекольнымъ боямъ, которые мы видѣли въ такой силѣ въ предыдущемъ періодѣ. Кириллъ пишетъ: „Узналъ я, что еще держатся бѣсовскаго обычая треклятыхъ Еллинъ: въ божественные праздники со свистомъ, кличемъ и воплемъ скаредные пьяницы сзываютъ другъ друга, бьются дрекoліемъ до смерти и берутъ платье убитыхъ; на укоризну совершается это Божіимъ праздникамъ и на досажденіе Божіимъ церквамъ". Кириллъ вооружается также противъ пьянства, препятствующаго совершать божественную службу отъ Вербной недѣли до дня Всѣхъ Святыхъ.—На соборахъ рѣшались иногда и другія дѣла, какъ напримѣръ споры относительно границъ епархій: митрополитъ Алексій въ грамотѣ къ краснoярскимъ жителямъ пишетъ, что предѣлъ рязанской и сарайской епархій указанъ на Костромскомъ соборѣ [550]; на соборѣ ростовскій архіепископъ Θеодосій былъ убѣжденъ въ неправильности своего мнѣнія относительно рода пищи, какую должно употреблять въ Богоявленское навечеріе, если оно придется въ день воскресный [551]; на соборѣ было опредѣлено о неправильности поступка Исидорова; на соборѣ владыки сѣверовосточной Руси рѣшили держаться московскаго митрополита Іоны и не сообщаться съ кіевскимъ Григоріемъ [552]. Кромѣ общихъ соборовъ, созывавшихся митрополитомъ всея Руси изъ подвѣдомственныхъ ему владыкъ, могли быть еще частные, созывавшіеся владыкою какой-нибудь области изъ подвѣдомственнаго ему духовенства: такъ въ 1458 году ростовскій архіепископъ Θеодосій созвалъ соборъ въ Бѣлозерскѣ для отвращенія нѣкоторыхъ злоупотребленій, напр. позволенія вступать въ четвертый бракъ [553].

Кромѣ соборовъ, митрополиты старались уничтожить нравственные безпорядки посланіями къ духовенству и мірянамъ; таково поученіе Фотія митрополита священникамъ и монахамъ о важности ихъ сана, „каковымъ подобаетъ имъ быти, ходатаемъ, посылаемымъ къ царю царствующихъ о душахъ человѣческихъ" [554]; митрополитъ обращаетъ особое вниманіе священниковъ на то, чтобъ они блюли за чистотою браковъ у своихъ прихожанъ, не позволяли бы имъ бросать законныхъ женъ и жить съ незаконными, какъ то дѣлывалось, также, чтобы не позволяли отнюдь четвертаго брака. Сохранился и прежній обычай, по которому духовныя лица обращались къ митрополиту съ разными вопросами, которыхъ сами рѣшить были не въ состояніи: такъ дошли до насъ отвѣты

митрополита Кипріана на вопросы игумена Аѳанасія [555], отвѣты того же митрополита на вопросы неизвѣстныхъ духовныхъ лицъ [556].

Особенныя отношенія Новгорода, Пскова, Вятки, требовали особенной дѣятельности митрополитовъ относительно этихъ городовъ. Что касается избранія владыки новгородскаго въ описываемое время, то обыкновенно на вѣчѣ избирались три лица, имена которыхъ или жребіи клались на престолъ въ церкви св. Софіи, послѣ чего духовенство соборомъ служило обѣдню, а народъ стоялъ вѣчемъ у церкви; по окончаніи же службы протопопъ софійскій выносилъ народу по порядку жребіи, и владыкою провозглашался тотъ, чей жребій выносился послѣдній. Если и вездѣ владыки имѣли важное значеніе, то оно еще болѣе усиливалось въ Новгородѣ, при извѣстныхъ отношеніяхъ его жителей къ князю, при частыхъ распряхъ съ послѣднимъ, при частомъ между-княжіи и внутреннихъ смутахъ. Архіепископъ въ Новгородѣ безъ князя былъ первымъ правительственнымъ лицомъ; его имя читается прежде всѣхъ другихъ въ грамотахъ; онъ былъ посредникомъ города въ распряхъ его съ великими князьями, укротителемъ внутреннихъ волненій; безъ его благословенія не предпринималось ничего важнаго. Но владыка Новгородскій принималъ посвященіе отъ митрополита, зависѣлъ отъ него, отъ суда владычняго былъ переносъ дѣла на судъ митрополита, и когда послѣдній, утвердивъ свое пребываніе въ Москвѣ, началъ стараться всѣми зависящими отъ него средствами содѣйствовать московскому великому князю въ пріобрѣтеніи могущества, въ утвержденіи единовластія,—причемъ и Новгородъ долженъ былъ отказаться отъ своего особнаго и особеннаго быта,—то положеніе новгородскаго владыки стало очень затруднительно: владыка Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ воевать съ великимъ княземъ для возвращенія двинской области, и заплатилъ за это трехлѣтнимъ заключеніемъ въ Москвѣ. Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ о непріятной перепискѣ митрополита Іоны съ новгородскимъ владыкою по поводу Шемяки. Митрополитъ Іона счелъ также своею обязанностью дать наставленіе новгородскому владыкѣ и его паствѣ на счетъ воздержанія отъ вѣчевыхъ буйствъ. „Я слышалъ, дѣти, пишетъ митрополитъ, что по навѣтамъ дьявольскимъ творится богоненавистное дѣло у васъ, въ отчинѣ сына моего, великаго князя, въ Великомъ Новгородѣ, не только между простыми людьми, но между честными, великими, за всякое важное и пустое дѣло,

начинается гнѣвъ, отъ гнѣва ярость, свары, прекословія, съ обѣихъ враждующихъ сторонъ является многонародное собраніе, нанимаютъ сбродней, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ людей, замышляютъ бой и души христіанскія губятъ" [557]. Предшественникъ Іоны, митрополитъ Фотій, также посылалъ поученіе новгородскому владыкѣ и его паствѣ [558]: митрополитъ увѣщеваетъ Новгородцевъ удерживаться отъ привычки сквернословить (за которую лѣтописецъ осуждаетъ еще до-рюриковскія славянскія племена); Фотій говоритъ, что такой привычки нѣтъ нигдѣ между христіанами. Далѣе митрополитъ увѣщеваетъ Новгородцевъ басней не слушать, лихихъ бабъ не принимать, узловъ, примолвленья, зелья, ворожбы и ничего подобнаго не употреблять; при крещеніи приказываетъ погружать въ сосудѣ, а не обливать водою, по обычаю латинскому; запрещаетъ вѣнчать дѣвочекъ ранѣе тринадцатаго года, запрещаетъ духовенству бѣлому и черному торговать или давать деньги въ ростъ; если кто предъ выходомъ на поле (судебный поединокъ) придетъ къ священнику за св. причастіемъ, тому причастія нѣтъ, который изъ соперниковъ убьетъ другого, тотъ отлучается отъ церкви на 18 лѣтъ, а убитаго не хоронить.

Политическія и находившіяся въ тѣсной связи съ ними церковныя отношенія Новгорода ко Пскову также требовали вниманія митрополита. Мы видѣли, что Псковъ, разбогатѣвшій отъ торговли, давно уже началъ стремиться къ независимости отъ Новгорода, вслѣдствіе чего послѣдній сталъ обнаруживать нерасположеніе ко Пскову, высказывавшееся иногда открытою войной. Понятно, какъ затруднительно было при такихъ отношеніяхъ положеніе Пскова, зависѣвшаго въ церковныхъ дѣлахъ отъ владыки новгородскаго; отсюда—естественное желаніе Псковитянъ избавиться отъ этой зависимости, получить особаго владыку. Но мы видѣли, какъ ихъ стараніе объ этомъ осталось тщетнымъ, ибо митрополитъ Ѳеогностъ не согласился поставить имъ особаго епископа. Дѣйствительно, Псковичи выбрали дурное время: митрополитъ Ѳеогностъ, подобно своему предшественнику, утвердилъ пребываніе въ Москвѣ, и Псковъ болѣе другихъ городовъ испыталъ на себѣ слѣдствія этого утвержденія; еще недавно Ѳеогностъ грозилъ ему проклятіемъ, въ случаѣ, если онъ не откажется отъ союза съ Александромъ тверскимъ; теперь же этотъ самый Александръ опять княжилъ у нихъ, и подъ покровительствомъ литовскимъ, тогда какъ Новгородъ еще не

ссорился съ Москвою. О прямой враждѣ Псковичей съ новгородскимъ владыкою не разъ упоминаетъ лѣтописецъ; такъ онъ говоритъ о ссорѣ ихъ съ владыкою Ѳеоктистомъ въ 1307 году; въ 1337 году владыка Василій поѣхалъ во Псковъ на подъѣздъ, но Псковичи не дали ему суда, и владыка выѣхалъ изъ города, проклявши жителей; когда въ 1411 году владыка Іоаннъ прислалъ протопопа во Псковъ просить подъѣзда на тамошнемъ духовенствѣ, то Псковичи не велѣли давать и отослали протопопа съ такимъ отвѣтомъ: „Если, Богъ дастъ, будетъ самъ владыка во Псковѣ, тогда и подъѣздъ его честь, какъ пошло изъ начала по старинѣ.“ Въ 1435 году пріѣхалъ во Псковъ владыка Евѳимій, не въ свой подъѣздъ, не въ свою череду, Псковичи однако приняли его и били ему челомъ о соборованьѣ [559]; но онъ созвать соборъ не обѣщался, а сталъ просить суда, да на священникахъ своего подъѣзда. Псковичи ему этого не посулили, но стали за соборованіе и за свою старину, стали говорить владыкѣ, зачѣмъ онъ сажаетъ намѣстника и печатника изъ своей руки — Новгородцевъ, а не Псковичей; владыка за это разсердился и уѣхалъ, побывши только одну недѣлю во Псковѣ. Князь Владиміръ, посадники и бояре поѣхали за нимъ, нагнали и упросили возвратиться: Псковичи дали ему судъ на мѣсяцъ, подъѣздъ на священникахъ; о соборѣ же владыка сказалъ, что онъ отлагаетъ его до митрополита. Но владычній намѣстникъ началъ судить не по псковской пошлинѣ, началъ уничтожать разныя уговорныя грамоты (посужать рукописанья и рядницы), сталъ сажать дьяконовъ въ гридницу, все по новому, покинувши старину. Псковичи были правы, говоритъ ихъ лѣтописецъ, священники за подъѣздъ и оброкъ не стояли, но, по грѣхамъ и дьявольскому навожденью, случился бой между Псковичами и владычными служилыми людьми (Софьянами). Тогда владыка опять разсердился и уѣхалъ, не взявши псковскаго подарка, а игуменамъ и священникамъ надѣлалъ много убытка, небывало такъ прежде никогда, съ тѣхъ поръ какъ началъ Псковъ стоять.—Послѣ того какъ Псковичи, вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ, опустошили новгородскія владѣнія и заключили миръ, оба города жили дружно, и дружба эта отразилась на отношеніяхъ церковныхъ: въ 1449 году владыка Евѳимій пріѣхалъ во Псковъ; духовенство съ крестами, князь, посадники, бояре вышли къ нему на встрѣчу и приняли съ великою честью. Въ самый день пріѣзда владыка служилъ обѣдню у св. Троицы, а на третій день

соборовалъ въ той же церкви, и читали синодикъ: прокляли злыхъ, которые хотятъ зла Великому Новгороду и Пскову, а благовѣрнымъ князьямъ, лежащимъ въ дому св. Софіи и св. Троицы пѣли вѣчную память, также и другимъ добрымъ людямъ, которые сложили головы и кровь пролили за домы Божіи и за православное христіанство, живымъ же Новгородцамъ и Псковичамъ пѣли многая лѣта. Князь, посадники и во всѣхъ концахъ господина владыку много чтили и дарили, и проводили его изъ своей земли до границы съ великою честію. Съ такою же честію былъ принятъ и провоженъ владыка и въ 1453 году, потому что онъ дѣлалъ все точно также, какъ и прежніе братья его—архіепископы.

Непріязненныя отношенія Пскова къ Новгороду и его владыкѣ были причиною церковнаго неустройства и заставляли Псковичей обращаться прямо къ митрополиту за управленіемъ и наставленіемъ, а непріязненныя отношенія Новгорода къ митрополиту благопріятствовали этимъ непосредственнымъ сообщеніямъ. Такъ Псковичи послали въ Москву къ митрополиту Кипріану нѣсколько священниковъ для поставленія и для извѣщенія о своихъ нуждахъ, что нѣтъ у нихъ церковнаго правила настоящаго [560]. Митрополитъ посвятилъ священниковъ и послалъ съ ними уставъ службы и синодикъ правый, какой читаютъ въ Константинополѣ у св. Софіи, приложилъ къ этому правило, какъ поминать православныхъ царей и князей великихъ, какъ совершать крещеніе и бракъ: велѣлъ вывести прежній обычай—держать дѣтей при крещеніи на рукахъ и сверху поливать водою; послалъ также 60 антиминсовъ съ запрещеніемъ рѣзать ихъ, по примѣру новгородскаго епископа [561].—Разрывы Псковичей со владыкою новгородскимъ и проистекавшее отъ того церковное безначаліе вело къ тому, что вѣче псковское присвоило себѣ право судить и наказывать священниковъ; митрополитъ Кипріанъ въ 1395 году писалъ Псковичамъ, что это противно христіанскому закону, что священника судитъ и наказываетъ святитель, который его поставилъ; при этомъ митрополитъ запрещаетъ также Псковичамъ вступаться въ земли и села церковныя [562]. Близость Пскова къ литовскимъ границамъ, частыя и давнія сношенія его съ Литвою и князьями ея заставляли митрополитовъ безпокоиться о Псковѣ при раздѣленіи митрополіи: такъ митрополитъ Фотій въ 1416 году писалъ Псковичамъ, чтобъ они удалялись отъ неправедныхъ предѣловъ, отметающихся Божія закона и святыхъ правилъ, также, чтобы съ

радушіемъ принимали православныхъ, которые, вслѣдствіе религіознаго гоненія, будутъ искать убѣжища въ ихъ городѣ [563]. Въ другой разъ писалъ Фотій къ псковскому духовенству съ приказаніемъ не употреблять при крещеніи мура латинскаго, но только цареградское, и не обливать младенцевъ, но погружать; митрополитъ требуетъ, чтобъ Псковичи прислали къ нему одного изъ своихъ священниковъ, человѣка искуснаго, и онъ научитъ его всѣмъ церковнымъ правиламъ и муро святое съ нимъ пришлетъ. Въ другомъ посланіи Фотій пишетъ, чтобъ Псковичи не позволяли людямъ, играющимъ клятвою, быть церковными старостами и вообще занимать правительственныя и судебныя должности; также чтобъ не позволяли старостить въ церквахъ людямъ, которые, разведясь съ законными женами, вступили въ новые браки [564]. Митрополитъ Іона, стараясь вездѣ утверждать власть великаго князя московскаго, писалъ и во Псковъ, называя его отчиною великаго государя русскаго, который дѣдичъ и отчичъ во Псковѣ, по родству, по изначальству прежнихъ великихъ господарей, великихъ князей русскихъ, его праотцевъ. Митрополитъ увѣщеваетъ Псковичей жить по своему христіанству, по той доброй старинѣ, которая пошла отъ великаго князя Александра; увѣщеваетъ ихъ стоять въ томъ, что обѣщали великому князю [565]. Увѣщаніе Іоны не могло остаться безъ вліянія во Псковѣ, ибо мы знаемъ, какое важное значеніе имѣлъ здѣсь митрополитъ: такъ, будучи недовольны новою уставною грамотою, которую далъ имъ князь Константинъ Димитріевичъ и которую они поклялись соблюдать, Псковичи обратились къ митрополиту Фотію съ просьбою разрѣшить ихъ отъ этой клятвы и благословить жить по старинѣ; митрополитъ исполнилъ ихъ просьбу [566]. Наконецъ, до насъ дошли два посланія митрополита Фотія къ Псковичамъ, замѣчательныя по отношенію къ особенностямъ ихъ положенія: въ одномъ посланіи, написанномъ по случаю мороваго повѣтрія, митрополитъ обращается къ нарочитымъ гражданамъ и увѣщеваетъ ихъ, чтобъ они были довольны своими уроками, и въ купляхъ и въ мѣрилахъ праведныхъ Божію правду соблюдали [567]; въ другой разъ Псковичи обратились къ митрополиту за разрѣшеніемъ недоумѣнія ихъ — пользоваться ли имъ хлѣбомъ, виномъ и овощами, приходящими изъ нѣмецкой земли? Митрополитъ разрѣшилъ пользоваться, очиствивъ молитвою іерейскою [568].

Но кромѣ означенныхъ отношеній, еще одно явленіе заставило обратить вниманіе не только митрополитовъ русскихъ, но и патріарховъ константинопольскихъ на Псковъ и Новгородъ, преимущественно на первый. Враждебныя отношенія Пскова къ Новгороду отзывались въ отношеніяхъ Пскова ко владыкѣ новгородскому и вмѣстѣ псковскому; не разъ поведеніе владыки возбуждало сильное негодованіе Псковичей; раздраженіе, вслѣдствіе не сбывшагося желанія независимости отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи, возбудило въ нѣкоторыхъ желаніе освободиться совершенно отъ всякой іерархіи; споры о подъѣздахъ, судахъ, жалобы на убытки дали поводъ — и вотъ явилась ересь стригольниковъ въ семидесятыхъ годахъ XIV вѣка [569]. Начальниками ереси лѣтописи называютъ дьякона Никиту и Карпа простого человѣка; но въ такъ-называемомъ посланіи Антонія патріарха [570] и въ „Просвѣтителѣ“ Іосифа Волоцкаго начало ереси приписывается одному Карпу, при чемъ въ первомъ источникѣ Карпъ называется дьякономъ, отлученнымъ отъ службы, стригольникомъ; во второмъ говорится, что онъ былъ художествомъ стригольникъ. Разнорѣчія эти можно согласить тѣмъ, что Карпъ, дѣйствительно бывшій прежде дьякономъ, какъ отлученный отъ службы, могъ называться и простымъ уже человѣкомъ; отъ этого отлученія, разстриженія, могло произойти и названіе стригольника, которое, будучи послѣ не понято, превратилось въ названіе художества. Ученіе, какъ излагаютъ его источники, состояло въ томъ, что духовные недостойны своего сана, потому что поставляются на мздѣ; стараются пріобрѣтать имѣніе и неприлично ведутъ себя; что не должно принимать отъ нихъ таинствъ; что миряне могутъ учить народъ вѣрѣ; что должно каяться, обращаясь къ землѣ; что не должно ни отпѣвать умершихъ, ни поминать ихъ, ни служить заупокойныхъ обѣденъ, ни приносовъ приносить, ни пировъ учреждать, ни милостыни раздавать по душѣ умершаго; ходили даже слухи, что стригольники отвергали будущую жизнь. Ересь началась и распространилась во Псковѣ; неизвѣстно, волею или неволею ересіархи явились въ Новгородѣ; извѣстно только то, что здѣсь въ 1375 году Карпа, Никиту и еще третьяго какого-то ихъ товарища сбросили съ моста въ Волховъ. Но гибель ересіарховъ не искоренила ереси; стригольники прельщали народъ своимъ безкорыстіемъ, своею примѣрною нравственностію, умѣньемъ говорить отъ Писанія; указывая на нихъ, говорили: „вотъ эти не

грабятъ, имѣнія не собираютъ". Въ обличительныхъ посланіяхъ читаемъ объ нихъ: „таковы были и всѣ еретики: постники, богомольцы, книжники, лицемѣры, передъ людьми люди чистые; еслибы видѣли, что они неблагочестиво живутъ, то никто бы имъ и не повѣрилъ; и еслибъ они говорили не отъ Писанія, то никто бы ихъ и слушать не сталъ." Изъ XIV вѣка ересь перешла въ XV; до насъ дошли три посланія митрополита Фотія къ Псковичамъ относительно стригольниковъ [571]. Митрополитъ запрещаетъ духовенству псковскому принимать приношенія отъ стригольниковъ, мірскимъ людямъ сообщаться съ ними въ ѣдѣ или питьѣ. Псковичи отвѣчали, что исполняя приказаніе митрополита, они обыскали и показнили еретиковъ, что нѣкоторые изъ нихъ убѣжали, но что другіе упорствуютъ въ своихъ мнѣніяхъ и, устремляя глаза на небо, говорятъ, что тамъ ихъ Отецъ. Митрополитъ писалъ на это, чтобы Псковичи продолжали удаляться отъ еретиковъ, могутъ и наказывать ихъ только не смертію, а тѣлесными наказаніями и заточеніемъ. Послѣ 1427 года, когда написано послѣднее посланіе Фотія, мы не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о стригольникахъ.

Относительно матеріальнаго благосостоянія церкви, источниками для содержанія митрополита и епископовъ служили, вопервыхъ, сборы съ церквей; эти сборы въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Димитріевича и митрополита Кипріана опредѣлены такъ: „Сборнаго митрополиту брать съ церкви шесть алтынъ; а заѣзда три деньги; десятиннику, на десятину наѣдши, брать за въѣздное, и за рождественское, и за петровское, пошлины шесть алтынъ; сборное брать о Рождествѣ Христовѣ, а десятиннику брать свои пошлины о Петровѣ дни; которыя же соборныя церкви по городамъ не давали сборнаго при прежнихъ митрополитахъ, тѣмъ и нынче не давать." Архіепископъ ростовскій Ѳеодосій, освобождая двѣ церкви Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, пишетъ въ своей грамотѣ: „Кто у тѣхъ церквей будутъ священники или игумены, не надобно давать имъ моей дани, ни данничьихъ пошлинъ, ни десятинничьей пошлины, ни доводчичьей, ни другой какой-либо, десятинники мои ихъ не судятъ, и пристава на нихъ не даютъ." О Митяѣ говорится, что онъ, вступивъ во всѣ права митрополита, началъ со всѣхъ церквей въ митрополіи дань сбирать, сборы петровскіе и рождественскіе, доходы, уроки и оброки митрополичьи. По прежнему источниками дохода для митрополита и епископовъ служили пошлины ставленныя и судныя; для суда церковнаго посылался

архіеремъ особый чиновникъ, называвшійся десятинникомъ; вмѣсто того, чтобы сказать: такой-то городъ былъ подвластенъ такому-то владыкѣ, говорилось: такой-то городъ былъ его десятиною [572]. Одинъ изъ десятинниковъ митрополита Іоны, Юрій конюшій, пріѣхавши въ Вышгородъ, волость князя Михаила Андреевича верейскаго, остановился на подворьѣ у священника, который вмѣстѣ съ горожанами началъ бить десятинника и дворянъ митрополичьихъ, прибили, въ у л о г ъ, и двоихъ, троихъ изувѣчили. Митрополитъ, извѣщая объ этомъ происшествіи князя Михаила, пишетъ: „Ты самъ, сынъ, великій господарь: такъ посмотри и старыхъ своихъ бояръ спроси, бывала ли при твоихъ прародителяхъ и родителяхъ такая нечесть церкви Божіей и святителямъ? Тебѣ извѣстно, что князь великій Витовтъ былъ не нашей вѣры, да и теперешній король тоже, и всѣ ихъ княжата и паны; но спроси, какъ они оберегаютъ церковь и какую честь ей воздаютъ? а эти, будучи православными христіанами, ругаются и безчестятъ церковь Божію и насъ. Я за священниками своего пристава послалъ; а тебя благословляю и молю, чтобы ты, какъ истинный великій православный господарь, церковь Божію и меня, своего отца и пастыря, отъ своихъ горожанъ оборонилъ, чтобы впередъ не было ничего подобнаго; а не оборонишь меня, то поберегись воздаянья отъ Бога, а я буду отъ нихъ обороняться закономъ Божіимъ. Если же мой десятинникъ сдѣлалъ что-нибудь дурное, то ты бы, сынъ, обыскалъ дѣло чисто, да ко мнѣ отписалъ; и я бы тебѣ безъ суда выдалъ его головою, какъ и прежде сдѣлалъ“ [573]. Мы видѣли, что новгородскій архіепископъ получалъ п о д ъ ѣ з д ъ со псковскаго духовенства. Какъ псковское духовенство давало содержаніе новгородскому владыкѣ и дары, когда онъ пріѣзжалъ во Псковъ, такъ точно и митрополитъ получалъ содержаніе и дары, когда пріѣзжалъ въ Новгородъ или какую-нибудь другую область: подъ 1341 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что митрополитъ Ѳеогностъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ сопровожденіи большого числа людей, и отъ того было тяжко владыкѣ и монастырямъ, обязаннымъ давать кормъ и дары. Подъ 1352 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что новгородскій архіепископъ Моисей отправлялъ пословъ къ византійскому патріарху съ жалобою на обиды людей, приходившихъ въ Новгородъ отъ митрополита. Наконецъ важный доходъ доставляли недвижимыя имущества. Подъ 1286 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Литовцы

воевали церковную волость тверского владыки; городъ Алексинъ называется городомъ Петра митрополита [574]; въ новгородской области упоминается городокъ Молвотичи, принадлежавшій владыкѣ [575]; князья завѣщевали села свои митрополитамъ [576]; встрѣчаемъ извѣстіе о мѣнѣ селъ между княземъ и митрополитомъ [577]. Касательно этихъ волостей отношенія великаго князя и митрополита были опредѣлены такъ: даньщику и бѣльщику великокняжескому на митрополичьихъ селахъ не быть, дань брать съ нихъ въ выходъ по оброку, по оброчной грамотѣ великокняжеской; ямъ по старинѣ шестой день, и даютъ его митрополичьи села тогда, когда даютъ великокняжескія; на людяхъ митрополичьихъ, которые живутъ въ городѣ, а тянутъ ко дворцу, положенъ оброкъ, какъ на дворянахъ великокняжескихъ. Митрополичьи церковные люди тамги не даютъ при продажѣ своихъ домашнихъ произведеній, но даютъ тамгу, когда станутъ торговать прикупомъ; оброкъ даютъ церковные люди тогда только, когда придется платить дань Татарамъ [578]. Касательно содержанія низшаго духовенства мы видимъ, что князья въ завѣщаніяхъ своихъ назначаютъ доходы въ пользу духовенства нѣкоторыхъ церквей, въ р у г у: такъ великій князь Іоаннъ II отказалъ четвертую часть коломенской тамги въ церковь Св. Богородицы на Крутицахъ, костки московскія въ Успенскій и Архангельскій соборы, въ память по отцѣ, братьяхъ и себѣ: т о и м ъ р у г а, говоритъ завѣщатель [579]. Княгини: Елена, жена Владиміра Андреевича, и Софья, жена Василія Димитріевича, отказали села московскому Архангельскому собору [580]; видимъ, что князья въ своихъ завѣщаніяхъ приказываютъ раздавать пояса свои и платья по священникамъ, деньги по церквамъ [581]. Должно замѣтить, что во Псковѣ, въ описываемое время, священники распредѣлялись не по приходамъ, а по соборамъ, и вѣдались поповскими старостами [582]. Объ употребленіи митрополитами своихъ доходовъ лѣтописецъ говоритъ, что митрополитъ Фотій закрѣплялъ за собою доходы, пошлины, земли, воды, села и волости на прокормленіе убогихъ и нищихъ, потому что церковное богатство—нищихъ богатство [583]; въ житіи Іоны митрополита находимъ извѣстіе, какъ одна вдова приходила на митрополичій погребъ пить медъ для облегченія въ болѣзни [584].

Касательно южной Россіи до насъ дошла запись о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, получавшихся съ кіевской софійской митропо-

личьей отчины [585]; видимъ село у епископа перемышльскаго [586]; видимъ, что князья даютъ села церквамъ [587].

И въ новой сѣверовосточной Руси монастырь не теряетъ своего прежняго важнаго значенія; чѣмъ былъ Печерскій монастырь Антонія и Ѳеодосія для древняго средоточія русской жизни—Кіева, тѣмъ былъ Троицкій монастырь Сергіевъ для новаго ея средоточія—Москвы. Мы видѣли, какъ сюда, въ это новое средоточіе, стекались выходцы изъ разныхъ странъ—бояре и простые люди, отыскивая убѣжище отъ смутъ внутреннихъ, отъ непокоевъ татарскихъ и наконецъ отъ насилій самой Москвы, и принося на службу послѣдней, на службу новому порядку вещей, ею представляемому, и силы матеріяльныя, и силы духовныя. Въ одно почти время явились въ московскую область два выходца съ концевъ противоположныхъ: изъ южной Руси, изъ Чернигова, бояринъ Ѳедоръ Плещеевъ, убѣгая отъ разореній татарскихъ; съ сѣвера, изъ самаго древняго и знаменитаго здѣсь города, Ростова, бояринъ Кириллъ, разорившійся и принужденный оставить свой родной городъ вслѣдствіе насилій московскихъ. Сыновья этихъ пришельцевъ, одинъ—въ санѣ митрополита всея Руси, другой—въ званіи смиреннаго инока, но отвергнувшаго санъ митрополичій, заключили тѣсный союзъ для того, чтобы соединенными нравственными силами содѣйствовать возвеличенію своего новаго отечества. Ростовскій выходецъ Кириллъ поселился въ Радонежѣ; средній сынъ его, Варѳоломей, съ малолѣтства обнаружилъ стремленіе къ иночеству, и какъ только похоронилъ своихъ родителей, такъ немедленно удалился въ пустыню—лѣсъ великій, и долго жилъ здѣсь одинъ, не видя лица человѣческаго; одинъ медвѣдь приходилъ къ пустыннику дѣлить съ нимъ его скудную пищу. Но какъ встарину Антоній не могъ скрыть своихъ подвиговъ въ пещерѣ, такъ теперь Варѳоломей, принявшій при постриженіи имя Сергія, не могъ утаиться въ дремучемъ лѣсу; иноки стали собираться къ нему, несмотря на суровый привѣтъ, которымъ встрѣчалъ ихъ пустынникъ: „Знайте прежде всего, что мѣсто это трудно, голодно и бѣдно; готовьтесь не къ пищѣ сытной, не къ питью, не къ покою и веселію, но къ трудамъ, поту, печалямъ, напастямъ“. Явилось нѣсколько бѣдныхъ келлій, огороженныхъ тыномъ; самъ Сергій своими руками построилъ три или четыре кельи, самъ носилъ дрова изъ лѣсу и кололъ ихъ, носилъ воду изъ колодезя и ставилъ ведра у каждой кельи,

самъ готовилъ кушанье на всю братію, шилъ платье и сапоги, однимъ словомъ, служилъ всѣмъ какъ рабъ купленный. И это-то смиренное служеніе прославило Сергія по всѣмъ областямъ русскимъ и дало ему ту великую нравственную силу, то значеніе, съ какимъ мы уже встрѣчали его въ политическихъ событіяхъ княженія Димитрія Донского; здѣсь мы видѣли Сергія грознымъ посломъ для Нижняго-Новгорода, не повинующагося волѣ московскаго князя, тихимъ примирителемъ послѣдняго съ озлобленнымъ Олегомъ рязанскимъ, твердымъ увѣщателемъ къ битвѣ съ полками Мамаевыми. Изъ монастыря Сергіева, прославленнаго святостію своего основателя, выведено было много колоній, много другихъ монастырей въ разныя стороны, сподвижниками, учениками и учениками учениковъ Сергіевыхъ [588]. Изъ этихъ монастырей болѣе другихъ значенія въ гражданской исторіи нашей имѣетъ монастырь Бѣлозерскій, основанный св. Кирилломъ, постриженникомъ симоновскаго архимандрита Ѳеодора, ученика и племянника св. Сергія. Мы видѣли, что въ свидѣтели клятвъ княжескихъ въ послѣднія усобицы, вмѣстѣ съ св. Сергіемъ, призывался и св. Кириллъ, какъ одинъ изъ покровителей сѣверовосточной Руси. Отъ Сергія осталась намъ память о дѣлахъ, память о тихихъ и кроткихъ рѣчахъ, которыми онъ исправлялъ братію и умилялъ озлобленныхъ князей; отъ Кирилла дошли до насъ посланія къ князьямъ; такъ дошло его посланіе къ великому князю Василію Димитріевичу [589]. „Чѣмъ болѣе святые приближаются къ Богу любовію, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными, пишетъ Кириллъ, ты, господинъ, пріобрѣтаешь себѣ великое спасеніе и пользу душевную этимъ смиреніемъ своимъ, что посылаешь ко мнѣ грѣшному, нищему, страстному и недостойному съ просьбою о молитвахъ... Я, грѣшный, съ братіею своею радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашемъ господинѣ; ты же самъ, Бога ради, будь внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію твоему. Если въ кораблѣ гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ плавающимъ; если же ошибется кормчій, то всему кораблю причиняетъ пагубу: такъ если кто отъ бояръ согрѣшитъ, повредитъ этимъ одному себѣ; если же самъ князь, то причиняетъ вредъ всѣмъ людямъ. Возненавидь, господинъ, все, что влечетъ тебя на грѣхъ, бойся Бога, истиннаго Царя, и будешь блаженъ. Слышалъ я, господинъ князь великій, что большая смута между тобою и сродниками твоими, князьями суздальскими

Ты, господинъ, свою правду сказываешь, а они свою, а христіанамъ чрезъ это кровопролитіе великое происходитъ. Такъ посмотри, господинъ, повнимательнѣе, въ чемъ будетъ ихъ правда передъ тобою, и по своему смиренію уступи имъ, въ чемъ же будетъ твоя правда передъ ними, такъ ты за себя стой по правдѣ. Если же они станутъ тебѣ бить челомъ, то, Бога ради, пожалуй ихъ, по ихъ мѣрѣ, ибо слышалъ я, что они до сихъ поръ были у тебя въ нуждѣ, и отъ того начали враждовать. Такъ, Бога ради, господинъ, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли, скитаясь, въ татарскихъ странахъ“ [590]. Кириллъ переписывался и съ братьями великокняжескими—Андреемъ, въ удѣлѣ котораго находился его монастырь, и Юріемъ. Къ Андрею св. Кириллъ писалъ: „Ты властелинъ въ отчинѣ своей, отъ Бога поставленный унимать людей своихъ отъ лихого обычая: пусть судятъ судъ праведный, поклеповъ, подметовъ бы не было, судьи посуловъ бы не брали, были бы довольны уроками своими; чтобы корчмы въ твоей отчинѣ не было, ибо это великая пагуба душамъ: христіане пропиваются, а души гибнутъ; чтобы мытовъ не было, ибо это деньги неправедныя, а гдѣ перевозъ, тамъ надобно дать за трудъ; чтобы разбоя и воровства въ твоей вотчинѣ не было, и если не уймутся отъ злаго дѣла, то вели наказывать; также, господинъ, унимай отъ скверныхъ словъ и брани“ [591]. Къ Юрію Димитріевичу св. Кириллъ писалъ посланіе утѣшительное, по случаю болѣзни жены его [592]; здѣсь любопытны слѣдующія слова: „А что, господинъ князь Юрій, писалъ ты, что давно желаешь видѣться со мною, то, ради Бога, не пріѣзжай ко мнѣ: если поѣдешь ко мнѣ, то на меня придетъ искушеніе, и покинувъ монастырь, уйду, куда Богъ укажетъ. Вы думаете, что я здѣсь добръ и святъ, а на дѣлѣ выходитъ, что я всѣхъ людей окаяннѣе и грѣшнѣе. Ты, господинъ князь Юрій, не осердись на меня за это: слышу, что божественное писаніе самъ въ конецъ разумѣешь, читаешь и знаешь, какой намъ вредъ приходитъ отъ похвалы человѣческой, особенно намъ страстнымъ. Да и то, господинъ, разсуди: твоей вотчины въ нашей сторонѣ нѣтъ, и если ты поѣдешь сюда, то всѣ станутъ говорить: „Только для Кирилла поѣхалъ“. Былъ здѣсь братъ твой князь Андрей, но здѣсь его вотчина, и намъ нельзя было ему, нашему господину, челомъ не ударить“.

Князь Юрій Димитріевичъ и сынъ его Димитрій Шемяка нашли болѣе строгаго увѣщателя въ другомъ святомъ игуменѣ Григоріи Вологодскомъ (на Пелшмѣ). Когда Юрій, вытѣснивъ племянника Василія, утвердился въ Москвѣ, Григорій явился къ нему сюда съ увѣщаніями удалиться съ неправедно пріобрѣтеннаго стола; потомъ, когда Шемяка овладѣлъ Вологдою и надѣлалъ много зла жителямъ, Григорій немедленно явился и къ нему съ обличеніями, угрожая гибелью за злодѣйства надъ христіанами. Шемяка, не терпя обличеній, велѣлъ сринуть съ помосту святого старца, такъ что тотъ едва живой возвратился въ монастырь свой [593].

Монастыри имѣютъ еще другое значеніе въ исторіи русской гражданственности: по разнымъ направленіямъ въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ сѣвера пробирались пустынники, ища уединенія и безмолвія, но между тѣмъ приносили съ собою начала новой жизни. Сперва поселится пустынникъ въ дуплѣ большого дерева [594], но потомъ скоро собирается братія и являются отъ нея послы въ Москву къ великому князю съ просьбою, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ богомолье свое, монастырь, строить, на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу, братію собирать и пашню пахать. Св. Димитрій Прилуцкій поставилъ обитель свою на многихъ путяхъ, которыми шли отъ Вологды до Сѣвернаго океана, всѣхъ странниковъ принимали въ монастырь и кормили; однажды пришелъ къ преподобному обнищавшій купецъ просить благословенія идти торговать съ погаными народами, которые слывутъ Югрою и Печорою; въ другой разъ какой-то богатый человѣкъ принесъ преподобному въ подарокъ съѣстные припасы, но святой велѣлъ ему отнести эти припасы назадъ домой и роздать ихъ рабамъ и рабынямъ, которые у него голодали. Клопскій монастырь кормилъ странниковъ и людей, стекавшихся въ него за пищею во время голода. Кромѣ препятствій со стороны дикой природы, иноки основатели монастырей терпѣли много и отъ язвъ юнаго, неустроеннаго общества, много терпѣли отъ разбойниковъ и отъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, которые не боялись самоуправствовать. Обычай отдавать ближайшія земли новопостроеннымъ монастырямъ велъ иногда къ тому, что окрестные жители старались разорить новую обитель изъ страха, чтобы монахи не овладѣли ихъ землями [595].

Преподобный Сергій, говорится въ житіи его, принималъ всякаго къ себѣ въ монастырь, и старыхъ, и молодыхъ, и богатыхъ, и бѣд-

ныхъ, и всѣхъ постригалъ съ радостію; племянника своего Іоанна (Ѳеодора) преподобный постригъ, когда тому было 12 лѣтъ. Сначала въ монастыряхъ каждый инокъ имѣлъ свое особое хозяйство; но съ конца XIV вѣка замѣчаемъ старанія ввести общее житіе; такъ оно было введено въ Троицкій Сергіевъ монастырь еще при жизни самого основателя; распредѣлили братію по службамъ: одного назначили келаремъ, другого подкеларникомъ, иного казначеемъ, уставщикомъ, нѣкоторыхъ назначили трапезниками, поварами, хлѣбниками, больничными служителями; все богатство и имущество монастырское сдѣлали общимъ, запретили инокамъ имѣть отдѣльную собственность; нѣкоторымъ не понравилась эта перемѣна, и они ушли тайно изъ монастыря Сергіева [596]. Основателемъ общаго житія въ собственно московскихъ монастыряхъ называется Іоаннъ, архимандритъ петровскій, сопровождавшій Митяя въ Константинополь [597]; въ женскихъ монастыряхъ—игуменья Алексѣевскаго монастыря Ульяна [598]; въ уставѣ общаго житія, данномъ Снѣтогорскому монастырю, читаемъ: ни игуменъ, ни братія не должны имѣть ничего своего; не могутъ ни ѣсть, ни пить у себя по кельямъ, ѣсть и пить должны въ трапезѣ всѣ вмѣстѣ; одежду необходимую должны брать у игумена изъ обыкновенныхъ, а не изъ нѣмецкихъ суконъ, шубы бараньи носить безъ пуху, обувь, даже онучи брать у игумена, и лишняго платья не держать [599]. Изъ посланій митрополита Фотія въ Кіевопечерскій монастырь видна забота его о приведеніи въ лучшій порядокъ монастырской жизни [600]. Тотъ же митрополитъ писалъ въ Новгородъ, чтобъ игумены, священники и чернецы не торговали и не давали денегъ въ ростъ, чтобъ въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ не жили монахи и монахини вмѣстѣ, чтобы при женскихъ монастыряхъ были священники бѣлые, не вдовые [601]. Эти же заботы наслѣдовалъ отъ Фотія и митрополитъ Іона [602]. Объ избраніи игуменовъ до насъ дошли слѣдующія извѣстія: въ 1433 году братія нижегородскаго Печерскаго монастыря прислали къ великому князю Василію Васильевичу и матери его съ просьбою о назначеніи къ нимъ въ архимандриты избраннаго ими старца. Великій князь и княгиня исполнили просьбу, велѣли митрополиту поставить избраннаго иноками старца въ архимандриты [603]; въ 1448 году иноки Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, выбравши себѣ въ игумены старца Кассіана, послали просить о поставленіи его къ ростовскому архіепископу, и тотъ, для ихъ про-

шенія и моленія, благословилъ Кассіана, съ тѣмъ однако, чтобы послѣдній пріѣхалъ къ нему для духовной бесѣды [604].—Новгородскій архіепископъ Симеонъ писалъ въ Снѣтогорскій монастырь: „Велѣлъ я игумену и всѣмъ старцамъ крѣпость монастырскую держать: чернецамъ быть у игумена и у старцевъ въ послушаніи и духовнаго отца держать, а кто будетъ противиться, такихъ изъ обители отстроивать, при чемъ вклада ихъ не возвращать имъ. Если чернецъ умретъ, то все оставшееся послѣ него имущество составляетъ собственность обители и братскую, а мірскіе люди къ нему не должны прикасаться. Если чернецъ, вышедши изъ монастыря, станетъ поднимать на игумена и на старцевъ мірскихъ людей или судей, такой будетъ подъ тягостію церковною, равно какъ и тѣ міряне, которые вступятся въ монастырскія дѣла. Если же произойдетъ ссора между братіями, то судитъ ихъ игуменъ съ старцами, причетниками и старостами св. Богородицы, а міряне не вступаются“ [605]. Но мы знаемъ, что монастыри, основанные иждивеніемъ князей или другихъ лицъ, находились въ завѣдываніи этихъ лицъ и наслѣдниковъ ихъ: такъ волынскій князь Владиміръ Васильковичъ завѣщалъ основанный имъ монастырь Апостольскій женѣ своей [606]; московскій князь Петръ Константиновичъ далъ митрополиту Іонѣ монастырь св. Саввы въ Москвѣ; этимъ объясняется, почему братія Печерскаго нижегородскаго монастыря присылали въ Москву къ великому князю испрашивать утвержденія избранному ими игумену.

Монастыри владѣютъ большою недвижимою собственностію: князья продаютъ имъ свои села, покупаютъ села у игуменовъ, позволяютъ покупать земли у частныхъ лицъ, дарятъ, завѣщеваютъ по душѣ, монастыри берутъ села въ закладъ, частныя лица даютъ монастырямъ села по душѣ. Отъ описываемаго времени дошло до насъ множество грамотъ княжескихъ монастырямъ съ пожалованіемъ разныхъ льготъ монастырскимъ людямъ и крестьянамъ: давались селища монастырю, и люди, которыхъ игуменъ перезоветъ сюда, освобождались отъ всѣхъ повинностей на извѣстное число лѣтъ; давались населенныя земли съ освобожденіемъ старожилцевъ и новопризываемыхъ крестьянъ отъ всякихъ даней, пошлинъ и повинностей на вѣчныя времена, съ тѣмъ однако, что когда придетъ татарская дань, то игуменъ за монастырскихъ людей платитъ по силѣ; крестьяне освобождались отъ даней, пошлинъ и повинностей,

но если придетъ изъ Орды посолъ сильный, и нельзя будетъ его о п р о в а д и т ь, то архимандритъ съ крестьянъ своихъ помогаетъ въ ту тягость, однако и тутъ князь не посылаетъ къ монастырскимъ людямъ ни за чѣмъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлинъ, съ условіемъ платежа денежнаго оброка въ казну княжескую одинъ разъ въ годъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлинъ съ тѣмъ, чтобы давали сотнику оброкъ на Юрьевъ день вешній и осенній по три четверти; наконецъ освобождались отъ всякихъ даней, пошлинъ и повинностей на вѣчныя времена безо всякихъ условій; иногда игуменъ получалъ право держать въ монастырѣ свое пятно: монастырскій крестьянинъ, купившій или вымѣнявшій лошадь, пятналъ ее въ монастырѣ, за что платилъ игумену извѣстную пошлину; монастырскій крестьянинъ, продавшій что-нибудь на торгу или на селѣ, платилъ тамгу также игумену въ монастырѣ; если онъ пропятнится или протамжится (утаитъ пятно или тамгу), то за вину платилъ опять въ монастырь; намѣстничьимъ, боярскимъ и всякимъ другимъ людямъ запрещалось ѣздить незванымъ на пиры къ монастырскимъ людямъ; послѣдніе освобождались отъ обязанности ставить у себя ѣздоковъ, или гонцовъ, посылаемыхъ для правительственныхъ нуждъ, давать имъ кормы, подводы и проводниковъ, кромѣ того случая, когда гонцы ѣхали съ военнымъ извѣстіемъ; монастырскіе люди освобождались отъ мыта даже и въ чужихъ областяхъ князьями послѣднихъ; торговой монастырской лодьѣ позволялась ходить со всякими товарами во всякое время, будетъ ли тишина въ землѣ, или нѣтъ; дозволялось возить монастырское сѣно по рѣкѣ, когда другимъ заповѣдано было ѣздить по ней; монастырскіе люди, посланные на ватагу или какую-нибудь другую службу, освобождались отъ поватажной и отъ всякихъ другихъ пошлинъ; монастыри освобождались отъ военнаго постоя: посланнымъ княжескимъ запрещалось даже ставиться подъ извѣстнымъ монастыремъ, дѣлать себѣ тутъ перевозъ и брать себѣ на перевозъ людей и суда монастырскіе. Крестьяне монастырскіе освобождались отъ суда намѣстниковъ, волостелей княжескихъ и тіуновъ ихъ: игуменъ вѣдалъ самъ своихъ людей во всѣхъ дѣлахъ и судилъ ихъ самъ или тотъ, кому приказывалъ; иногда право суда давалось вполнѣ, во всѣхъ дѣлахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, иногда съ ограниченіями; иногда исключалось душегубство; иногда вмѣстѣ съ душегубствомъ и разбой, иногда, вмѣстѣ съ душегуб-

ствомъ и разбоемъ, татьба съ поличнымъ; въ нѣкоторыхъ грамотахъ крестьяне монастырскіе освобождались отъ княжескаго суда съ тѣмъ условіемъ, чтобы давали волостелю два корма на годъ: на Рождество Христово и на Петровъ день; кормы эти опредѣляются такъ: на Рождество Христово съ двухъ плуговъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ; не любъ полоть, такъ вмѣсто его два алтына, не любъ мѣхъ овса—вмѣсто его алтынъ, не любъ возъ сѣна—алтынъ, не любы хлѣбы—за ковригу по деньгѣ; на Петровъ день съ двухъ плуговъ барана и 10 хлѣбовъ, не любъ баранъ—десять денегъ. Когда игуменъ имѣлъ право суда, то въ случаѣ суда смѣснаго, т.-е. при тяжбѣ монастырскихъ людей съ городскими и волостными, намѣстникъ или тіунъ его судилъ вмѣстѣ съ игуменомъ или его приказчикомъ. Иногда игумену давалось право назначать срокъ для смѣсныхъ судовъ; когда игуменъ не имѣетъ права уголовнаго суда, то встрѣчаемъ въ грамотахъ распоряженіе, что намѣстникъ или тіунъ долженъ отдать душегубца на поруку и за тою порукою поставить передъ княземъ: встрѣчается также распоряженіе, что намѣстникъ и тіунъ не беретъ съ монастырскихъ крестьянъ за мертвое тѣло, если человѣкъ съ дерева убьется или на водѣ утонетъ; слуги монастырскіе освобождаются отъ обязанности цѣловать крестъ: сироты ихъ стоятъ у креста. Въ случаѣ иска на игуменовѣ приказчикѣ, судитъ его самъ князь или бояринъ введенный; если пріѣдетъ приставъ княжескій по людей монастырскихъ, то даетъ имъ извѣстное число сроковъ для явки къ суду— два, три; иногда позволяется монастырскимъ людямъ самимъ метать между собою сроки вольные. Встрѣчаемъ грамоты, которыми даются монастырямъ села со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ, кромѣ людей страдныхъ и кромѣ суда. Иногда дается монастырю село съ условіемъ, чтобъ его не продавать и не мѣнять; крестьяне освобождаются отъ даней и пошлинъ съ условіемъ, чтобы не принимать на монастырскія земли тяглыхъ людей княжескихъ. Встрѣчаемъ извѣстія, что у монастырей во владѣніи находились соляныя варницы, относительно которыхъ давались также особенныя льготы; князья приказывали посельскимъ или управителямъ своимъ давать въ извѣстные монастыри на храмовые праздники рожь, сыры, масло, рыбу; встрѣчаемъ жалованныя грамоты монастырямъ на рыбныя ловли и бобровые гоны; Соловецкій монастырь, по новгородской вѣчевой грамотѣ, получалъ десятину отъ

всѣхъ промысловъ, производимыхъ на принадлежащихъ ему островахъ; нѣкоторые монастыри получали десятину съ извѣстныхъ селъ.—Что касается женскихъ монастырей, то имъ давались такія же льготы, какъ и мужескимъ; иногда игуменья получала право не только гражданскаго, но и уголовнаго суда надъ крестьянами своего монастыря; встрѣчаемъ впрочемъ распоряженія, по которымъ управленіе селами поручалось священникамъ, доходы же дѣлились пополамъ между священниками и игуменьею съ черницами. Частныя лица давали села въ монастырь съ условіемъ, чтобъ игуменъ держалъ общее житіе, чтобы черецовъ держалъ какъ его силы позволятъ, и держалъ такихъ, которые ему любы; чтобъ игуменъ и чернецы собинъ (отдѣльной собственности) не имѣли; если игуменъ пойдетъ прочь изъ монастыря, то пусть дастъ отчетъ (уцетъ) чернецамъ; выговаривалось условіе, чтобъ игуменъ не принималъ на монастырскія земли половниковъ и отхожихъ людей съ земель отчинника, давшаго села въ монастырь.

Что монастырскіе крестьяне обязаны были давать монастырю и дѣлать для него въ описываемое время, объ этомъ можемъ получить свѣдѣнія изъ уставной грамоты митрополита Кипріана Константиновскому монастырю: большіе люди изъ монастырскихъ селъ, т.-е. имѣвшіе лошадей, церковь наряжали, монастырь и дворъ обводили тыномъ (тынили), хоромы ставили, игуменскую часть пашни орали взгономъ, сѣяли, жали и свозили, сѣно косили десятинами и во дворъ ввозили, ѣзъ били вешній и зимній, сады оплетали, на неводъ ходили, пруды прудили, на бобровъ осенью ходили, истоки забивали; на Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумену съ припасами (приходили что у кого въ рукахъ); пѣшеходцы (не имѣвшіе лошадей) изъ селъ къ празднику рожь молотили, хлѣбъ пекли, солодъ молотили, пиво варили, на сѣмя рожь молотили, ленъ дастъ игуменъ въ село—и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводныя наряжаютъ; на праздникъ даютъ всѣ люди яловицу; а въ которое село пріѣдетъ игуменъ на братчину, даютъ овесъ конямъ его [607].

Несмотря однако на богатое надѣленіе монастырей недвижимымъ имуществомъ, въ описываемое время существовало сомнѣніе, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами? Митрополитъ Кипріанъ писалъ къ игумену Аѳанасію: „Святыми отцами не предано, чтобъ инокамъ держать села и людей. Какъ можно человѣку, разъ отрек-

шемуся отъ міра и всего мірского, обязываться опять дѣлами мірскими и снова созидать разоренное? Древніе отцы селъ не пріобрѣтали и богатства не копили. Ты спрашиваешь меня о селѣ, которое тебѣ князь въ монастырь далъ, что съ нимъ дѣлать? Вотъ мой отвѣтъ: если уповаешь съ братіею на Бога, что до сихъ поръ пропиталъ васъ безъ села и впередъ пропитаетъ, то за чѣмъ обязываться мірскими попеченіями, и вмѣсто того, чтобы памятовать о Богѣ и Ему единому служить, памятовать о селахъ и мірскихъ заботахъ? Подумай и о томъ, что когда чернецъ не заботится ни о чемъ мірскомъ, то отъ всѣхъ людей любимъ и почитаемъ; когда же начнетъ хлопотать о селахъ, тогда нужно ему и къ князьямъ ходить, и къ властелямъ, суда искать, защищать обиженныхъ, ссориться, мириться, поднимать большой трудъ и оставлять свое правило. Если чернецъ станетъ селами владѣть, мужчинъ и женщинъ судить, часто ходить къ нимъ и объ нихъ заботиться, то чѣмъ онъ отличится отъ мірянина? а съ женщинами сообщаться и разговаривать съ ними — чернецу хуже всего. Еслибы можно было такъ сдѣлать: пусть село будетъ подъ монастыремъ, но чтобы чернецъ никогда не бывалъ въ немъ, а поручить его какому-нибудь мірянину богобоязненному, который бы хлопоталъ объ немъ, а въ монастырь привозилъ готовое житомъ и другими припасами: потому что пагуба чернецамъ селами владѣть и туда часто ходить“ [608].

Въ Руси югозападной продолжался также обычай надѣлять монастыри недвижимыми имуществами и селами: князь волынскій Владиміръ Васильковичъ купилъ село и далъ его въ Апостольскій монастырь [609]. Тому же обычаю слѣдовали и православные потомки Гедиминовы [610]. Здѣсь, на югозападѣ, встрѣчаемъ жалованныя грамоты княжескія монастырямъ, по которымъ люди послѣднихъ освобождались отъ суда намѣстничьяго и тіунскаго и отъ всѣхъ даней и повинностей: если митрополитъ поѣдетъ мимо монастыря, то архимандрита не судитъ, и подводъ у монастырскихъ людей не беретъ, равно какъ и мѣстный епископъ: судитъ архимандрита самъ князь; если же владыкѣ будетъ до архимандрита дѣло духовное, то судитъ князь съ владыкою; владычніе десятинники и городскіе людей монастырскихъ также не судятъ [611].

Таково было состояніе церкви. Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько законодательныхъ памятниковъ, изъ которыхъ также можно получить понятіе о нравственномъ состояніи общества

Такъ дошла до насъ уставная двинская грамота великаго князя Василія Димитріевича, данная во время непродолжительнаго присоединенія двинской области къ Москвѣ. Эта уставная грамота раздѣляется на двѣ половины: въ первой заключаются правила, какъ должны поступать намѣстники великокняжескіе относительно суда, во второй торговыя льготы Двинянамъ. Въ первой, судной половинѣ грамоты излагаются правила, какъ поступать въ случаѣ душегубства и нанесенія ранъ, побоевъ и брани боярину и слугѣ, драки на пиру, переоранія или перекошенія межи, въ случаѣ воровства, самосуда, неявленія обвиненнаго къ суду, убійства холопа господиномъ. Если случится душегубство, то преступника должны отыскать жители того мѣста, гдѣ совершено было преступленіе; если же не найдутъ, то должны заплатить извѣстную сумму денегъ намѣстникамъ. Если кто выбранитъ или прибьетъ боярина или слугу, то намѣстники присуждаютъ плату за безчестье, смотря по отечеству обезчещеннаго; но, къ сожалѣнію, мы не знаемъ здѣсь самаго любопытнаго, именно—чѣмъ руководились намѣстники при опредѣленіи этого отечества. Впрочемъ очень важно уже, что въ двинской грамотѣ полагаются взысканія за обиды словесныя, тогда какъ въ „Русской Правдѣ" о нихъ не упоминается. Случится драка на пиру, и поссорившіеся помирятся, не выходя съ пиру, то намѣстники и дворяне не берутъ за это съ нихъ ничего; если же помирятся, вышедши съ пиру, то должны дать намѣстникамъ по куницѣ. При переораніи или перекошеніи межи различается, нарушена ли межа на одномъ полѣ, или между селами, или наконецъ нарушена будетъ межа княжая. Если кто у кого узнаетъ покраденную вещь, то владѣлецъ ея сводитъ съ себя обвиненіе до десяти изводовъ; съ уличеннаго вора въ первый разъ берется столько же, сколько стоитъ украденная вещь; во второй разъ берутъ съ него безъ милости, въ третій вѣшаютъ; но всякій разъ его пятнаютъ. За самосудъ платится четыре рубля; самосудомъ называется тотъ случай, когда кто-нибудь, поймавъ вора съ поличнымъ, отпуститъ его, а себѣ посулъ возьметъ. Обвиненнаго куютъ только тогда, когда нѣтъ поруки. Обвиненный, не явившійся къ суду, тѣмъ самымъ проигрываетъ свое дѣло: намѣстники даютъ на него грамоту правую безсудную. Если господинъ, ударивши холопа или рабу, ненарокомъ причинитъ смерть (огрѣшится—а случится смерть), то намѣстники не судятъ, и за вину ничего не берутъ [612].

Уже выше упомянуто было о судныхъ грамотахъ, данныхъ Пскову князьями Александромъ Михайловичемъ тверскимъ и Константиномъ Димитріевичемъ московскимъ; до насъ дошелъ сборникъ судныхъ правилъ, составленный изъ этихъ двухъ грамотъ, равно какъ изъ приписковъ къ нимъ всѣхъ другихъ псковскихъ судныхъ обычаевъ (пошлинъ) [613]. Здѣсь относительно убійства встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: гдѣ учинится головщина и уличатъ головника, то князь на головникахъ возьметъ рубль продажи; убьетъ сынъ отца или братъ брата, то князю продажа. Относительно воровства встрѣчаемъ постановленіе, сходное съ постановленіемъ, заключающимся въ двинской грамотѣ: дважды воръ отпускается, берется съ него только денежная пеня, равная цѣнѣ украденнаго, но въ третій разъ онъ казнится смертію; это правило имѣетъ силу впрочемъ тогда только, когда покража произойдетъ на посадѣ; воръ же, покравшій въ кромномъ городѣ, также воръ коневый, вмѣстѣ съ перевѣтникомъ и зажигальщикомъ, подвергаются смертной казни за первое преступленіе [614]. Касательно споровъ о землевладѣніи четырехъ или пятилѣтняя давность рѣшаетъ дѣло. Довольно подробно говорится о займахъ, о дачѣ денегъ или вещей на сохраненіе; заемныя записи, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ назывались д о с к а м и; чтобъ эти доски имѣли силу, нужно, чтобы копіи съ нихъ хранились въ л а р ѣ, находившемся въ соборной церкви Св. Троицы; позволялось давать взаймы безъ заклада и безъ записи только до рубля; ручаться позволялось также въ суммѣ не болѣе рубля. Касательно семейныхъ отношеній встрѣчаемъ постановленіе, что если сынъ откажется кормить отца или мать до смерти, и пойдетъ изъ дому, то онъ лишается своей части въ наслѣдствѣ. Относительно наслѣдства говорится, что если умретъ жена безъ завѣщанія (рукописанія), оставивъ отчину, то мужъ ея владѣетъ этою отчиною до своей смерти, если только не женится въ другой разъ; то же самое и относительно жены; встрѣчаемъ указаніе на случай, когда старшій братъ съ младшимъ живутъ на одномъ хлѣбѣ. Довольно подробно говорится о спорахъ между домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ (государями) и ихъ наймитами, между мастерами и учениками: эти подробности впрочемъ касаются преимущественно случаевъ неисполненія обязательствъ и назначенія срока, когда одинъ могъ отказывать, а другой отказываться. Срокъ этотъ былъ—Филиппово заговѣнье, т.-е. 14 ноября; при поселеніи посельникъ

получалъ отъ хозяина покруту, т.-е. подмогу или ссуду на обзаведеніе хозяйствомъ; она могла состоять изъ денегъ, изъ разныхъ орудій домашнихъ, земледѣльческихъ, рыболовныхъ, изъ хлѣба озимаго и ярового. Судебныя доказательства: свидѣтельство или послушничество, клятва и поле, или судебный поединокъ; въ случаѣ, если одно изъ тяжущихся лицъ будетъ женщина, ребенокъ, старикъ больной, увѣчный или монахъ, то ему дозволялось нанимать вмѣсто себя бойца для поля, и тогда соперникъ его могъ или самъ выходить противъ наемника, или также выставить своего наемника; но если будутъ тягаться двѣ женщины, то онѣ должны выходить сами на поединокъ, а не могутъ выставить наймитовъ. Мѣстомъ суда назначены сѣни княжескія, и именно сказано, чтобъ князь и посадникъ на вѣчѣ суда не судили. Когда на кого дойдетъ жалоба, то позовникъ отправлялся на мѣсто жительства позываемаго и требовалъ, чтобъ тотъ шелъ къ церкви слушать позывную грамоту (позывницу); если же онъ не пойдетъ, то позовникъ читалъ грамоту на погостѣ предъ священникомъ, и если тогда, не прося отсрочки, позываемый не являлся на судъ, то сопернику его давалась грамота, по которой онъ могъ схватить его, при чемъ тотъ, кто имѣлъ такую грамоту (ограмочій), схвативши противника, не могъ ни бить его, ни мучить, но только поставить предъ судей; а тотъ, на кого дана была грамота (ограмочный) не могъ ни биться, ни колоться противъ своего противника. Тяжущіеся (сутяжники) могли входить въ судную комнату (судебницу) только вдвоемъ, а не могли брать помощниковъ; помощникъ допускался только тогда, когда одно изъ тяжущихся лицъ была женщина, ребенокъ, монахъ, монахиня, старикъ или глухой; если же въ обыкновенномъ случаѣ кто вздумаетъ помогать тяжущимся, или силою взойдетъ въ судебницу, или ударитъ придверника (подверника), то посадить его въ дыбу и взять пеню въ пользу князя и подверниковъ, которыхъ было двое: одинъ отъ князя, а другой отъ Пскова. Посадникъ и всякое другое правительственное лицо (властель) не могъ тягаться за друга, могъ тягаться только по своему собственному дѣлу или за церковь, когда былъ церковнымъ старостою. Въ случаѣ тяжбы за церковную землю на судъ ходили одни старосты, сосѣди не могли идти на помощь.

Какъ въ двинской, такъ и во псковской грамотѣ назначается прямо смертная казнь за извѣстныя преступленія, напримѣръ, за троекратное воровство, зажигательство и проч.; но въ обѣихъ

грамотахъ умалчивается о душегубствѣ; казнили ли въ описываемое время за смертоубійство смертію, или слѣдовали уставу сыновей Ярославовыхъ?—этого вопроса мы не можемъ рѣшить; въ жалованной грамотѣ Кириллову монастырю князь Михаилъ Андреевичъ верейскій говоритъ, что въ случаѣ душегубства въ селахъ монастырскихъ должно отдавать душегубца на поруку, и за тою порукою поставить его передъ нимъ, княземъ, а онъ самъ исправу учинитъ: если же убійцы не будетъ налицо, то брать виры за голову рубль новгородскій; но какъ чинилъ исправу князь, мы не знаемъ [615]; знаемъ только, что попрежнему люди, уличенные въ извѣстныхъ преступленіяхъ, становились собственностію князя: мы видѣли, что князья упоминаютъ о людяхъ, которые имъ въ винѣ достались. Что князья предавали смерти лицъ себѣ противныхъ и въ описываемое время, и прежде, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; если Мономахъ и совѣтуетъ своимъ дѣтямъ не убивать ни праваго, ни виноватаго, то это уже самое показываетъ, что убіеніе случалось; притомъ же число князей не ограничивалось дѣтьми Мономаха. Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича. Всеволодъ III предалъ смерти враждебнаго ему новгородскаго боярина; говорятъ, что казнь Ивана Вельяминова, по приказанію Димитрія Донского совершенная, была первою публичною смертною казнію; но мы не знаемъ, какъ преданъ былъ смерти Кучковичъ при Андреѣ Боголюбскомъ; форма здѣсь не главное.

Въ Новгородѣ Великомъ въ 1385 году установлено было слѣдующее: посадникъ и тысяцкій судятъ свои суды по русскому обычаю, по цѣлованью крестному, при чемъ обѣ тяжущіяся стороны берутъ на судъ по два боярина и по два мужа житейскихъ. Судъ иногда отдавался на откупъ: такъ въ первой, дошедшей до насъ, договорной грамотѣ Новгородцевъ съ княземъ Ярославомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Димитрій съ Новгородцами отдалъ судъ бѣжичанамъ и обонѣжанамъ на три года; въ 1434 году великокняжескій намѣстникъ въ Новгородѣ продалъ обонѣжскій судъ двумъ лицамъ—Якиму Гурѣеву и Матвѣю Петрову.—Мы видѣли, что во псковской судной грамотѣ при спорахъ о землевладѣніи четырехъ или пятилѣтняя давность рѣшала дѣло; но въ одной грамотѣ Іоанна III, 1483 года, есть указаніе на законъ великаго князя Василія Димитріевича, которымъ давность опредѣлена въ 15 лѣтъ [616].

Вотъ картина гражданскаго суда, какъ онъ производился въ описываемое время: предъ судью являются двое тяжущихся — одинъ монахъ, Игнатій, митрополичій посельскій, другой міряиинъ, землевладѣлецъ, Семенъ Терпиловъ. Игнатій началъ: „Жалоба мнѣ, господинъ, на этого Сеньку Терпилова: косилъ онъ у насъ силою другой годъ лугъ митрополичій, а на лугу ставится 200 копенъ сѣна, и лугъ тотъ митрополичій изстарины, Спасскаго села". Судья сказалъ Сенькѣ Терпилову: „Отвѣчай!" Сенька началъ говорить: „Тотъ лугъ, господинъ, на рѣкѣ на Шекснѣ—земля великаго князя, а тянетъ изстари къ моей деревнѣ Дороѳеевской, а кошу тотъ лугъ я и сѣно вожу". Судья спросилъ старца Игнатія: „Почему ты называешь этотъ лугъ митрополичьимъ изстари, Спасскаго села?" Игнатій отвѣчалъ: „Лугъ митрополичій изстари: однажды перекосилъ его у насъ Леонтій Васильевъ, и нашъ посельскій съ нимъ судился и вышелъ правъ; и грамота правая у насъ на тотъ лугъ есть, а вотъ, господинъ, съ нея списокъ передъ тобою, подлинная же въ казнѣ митрополичьей, и я положу ее предъ великимъ княземъ". Судья велѣлъ читать списокъ съ правой грамоты, и читали слѣдующее: судилъ судъ судья великой княгини Марфы, Василій Ушаковъ, по грамотѣ своей государыни, великой княгини. Ставши на землѣ, на лугу на рѣкѣ Шекснѣ, передъ Василіемъ Ушаковымъ, митрополичій посельскій Данило такъ сказалъ: „Жалоба мнѣ, господинъ, на Леонтія Васильева сына; перекосилъ онъ пожню митрополичью, ту, на которой стоимъ". Судья сказалъ Леонтію: „Отвѣчай!" Леонтій началъ: „Я, господинъ, эту пожню косилъ, а межи не вѣдаю; эту пожню заложилъ мнѣ въ деньгахъ Сысой Савеловъ, а вотъ, господинъ, тотъ Сысой передъ тобою". Сысой сталъ говорить: „Эта пожня, господинъ, моя; заложилъ ее Леонтію я, и указалъ я ему косить по тѣ мѣста, которыя Данило называетъ своими; до сихъ поръ моей пожнѣ была межа по эти мѣста. А теперь, господинъ, вели Даниловымъ знахарямъ указать межу; какъ укажутъ, такъ и будетъ; душа ихъ подниметъ, а у меня этой пожнѣ разводныхъ знахарей нѣтъ". Судья спросилъ митрополичьяго посельскаго Данила: „Кто у тебя знахари на эту пожню, на разводныя межи?" Данило отвѣчалъ: „Есть у меня, господинъ, старожильцы, люди добрые, Уваръ да Гавшукъ, да Игнатъ; а вотъ, господинъ, эти знахари стоятъ передъ тобою". Судья обратился къ Увару, да къ Гавшуку да къ Игнату: „Скажите, братцы, по правдѣ, знаете

ли, гдѣ митрополичьей пожнѣ съ Сысоевою межа? поведите насъ по межѣ!“ Уваръ, Гавшукъ и Игнатъ отвѣчали: „Знаемъ, господинъ; ступай за нами, мы тебя по межѣ поведемъ“. И повели они изъ подлѣсья отъ березы да насередь пожни къ тремъ дубкамъ, да на берегъ по ветлу по виловатую, по самыя разсохи, и тутъ сказали: „По сихъ поръ знаемъ: эта межа митрополичьей пожнѣ съ Сысоевою.“ Судья спросилъ Сысоя: „А у тебя есть ли знахари?“ Сысой отвѣчалъ: „Знахарей у меня нѣтъ: ихъ душа подниметъ.“ Тогда обоимъ истцамъ назначенъ былъ срокъ стать передъ великою княгинею у доклада; посельскій Данило сталъ на срокъ, но Сысой не явился, вслѣдствіе чего Данилку оправили и пожню присудили къ митрополичьей землѣ; а на судѣ были мужи: староста Арбужевскій Костя, Іевъ Софроновъ, Костя Савинъ Дарьина, Лева Якимовъ, Сенька Терпиловъ.

Когда прочли правую грамоту, судья спросилъ у Сеньки Терпилова: „Ты написанъ въ этой грамотѣ суднымъ мужемъ; былъ ли такой судъ Леонтію Васильеву съ митрополичьимъ посельскимъ Данилкою объ этомъ лугу, и ты былъ ли на судѣ?“ Сенька отвѣчалъ: „Былъ такой судъ и я былъ на немъ въ мужахъ, а все же изстари этотъ лугъ—земля великаго князя моей деревни Дороѳеевской“. Судья спросилъ у старца Игнатія: „Кромѣ вашей правой грамоты есть ли у тебя на этотъ лугъ иной доводъ? Кто знаетъ, что этотъ лугъ митрополичій изстарины, и Сенька Терпиловъ косилъ его два года?“ Игнатій отвѣчалъ: „Вѣдомо это людямъ добрымъ, старожильцамъ: Ивану Харламову, да Олферу Уварову, да Малашу Ѳрапику, да Лукѣ Давыдову, а вотъ эти старожильцы, господинъ, передъ тобою“. На вопросъ судьи, старожильцы подтвердили показаніе Игнатія, и сказали: „Поѣзжай, господинъ судья, за нами, и мы отведемъ межу этому лугу съ великокняжеской землею“. И повели Игнатьевы старожильцы съ верхняго конца, съ ивоваго куста изъ подлѣсья на голенастый дубъ, на вислый сукъ, къ рѣкѣ Шекснѣ на берегъ, и сказали: „Съ правой стороны земля великокняжеская, а съ лѣвой лугъ митрополичій“. Тогда судья спросилъ у Сеньки Терпилова: „А ты почему зовешь этотъ лугъ великокняжескимъ, кому это у тебя вѣдомо?“ Сенька отвѣчалъ: „Вѣдомо добрымъ людямъ, старожильцамъ трехъ волостей, и вотъ, господинъ, эти старожильцы передъ тобою“. На вопросъ судьи, старожильцы подтвердили показаніе Сеньки, и повели судью также показывать

настоящія межи. Но Игнатьевы старожильцы сказали судьѣ: „Эти Сенькины старожильцы свидѣтельствуютъ лживо, и отводятъ лугъ митрополичій безмежно. Дай намъ, господинъ, съ ними цѣлованье: мы цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ изстари митрополичій". Сеньки старожильцы также сказали: „Цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ великокняжескій изстари". Тогда судья сказалъ, что доложитъ государю, великому князю всея Русіи, передъ которымъ велѣлъ старцу Игнатію положить свою правую грамоту [617].

Отъ описываемаго же времени дошли до насъ разнаго рода юридическіе акты: записи купчія, мѣновыя, данныя, отводныя, возныя, заемныя и закладныя, раздѣльныя, духовныя. Въ купчихъ означается прежде всего лице покупающее и лице продающее: „Се купи" такой-то у такого-то. Иногда покупка производится цѣлымъ племенемъ, нѣсколькими братьями, у цѣлаго же племени, которое владѣетъ землею нераздѣльно; такіе братья совладѣльцы называются братениками, сябрами. Иногда покупали землю двое, какъ видно, чужихъ другъ другу людей, и вносили въ купчую условіе, что если одинъ изъ покупателей или дѣти его захотятъ отказаться отъ своей покупки, то не должны продавать своего участка никому мимо другого покупателя и дѣтей его. Между покупателями видимъ лица духовныя, священниковъ, монаховъ; игумены покупаютъ земли для монастыря и собственно для себя. Между продавцами встрѣчаемъ женщинъ замужнихъ, которыя продаютъ землю, полученную ими въ приданое, но къ ихъ имени присоединяется и мужнее имя: „Се купи такой-то у такой-то и у ея мужа". Иногда мужъ покупалъ землю у своей жены, у ея зятя и у его жены. Послѣ именъ покупателя и продающаго подробно означается предметъ купли и цѣна, за него заплаченная, причемъ обыкновенно къ суммѣ денегъ прибавляется пополнокъ, большею частію какое-нибудь животное, напримѣръ: „И далъ за ту землю три рубля, а свинью пополнка." Далѣе означается, произведена ли купля на извѣстное число лѣтъ, или на вѣки; послѣднее условіе выражается словомъ: одерень: „А купи собѣ одерень и своей братьи", или: „И своимъ дѣтемъ." Означается, что земля продана вмѣстѣ съ грамотами на нее, или означается, у кого эти грамоты находятся. Если покупаютъ нѣсколько братьевъ, то означается, какому брату владѣть сколькими частями купленной земли. При покупкѣ земли

означаются ея межи, или говорится просто: „По старымъ межамъ". Вносится условіе, что если кто-нибудь станетъ предъявлять свои права на купленую землю, то очищать ее обязанъ продавецъ и его дѣти: въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаемъ условіе, чтобъ покупатель не продавалъ земли никому кромѣ земца. На каждой грамотѣ видимъ имена нѣсколькихъ свидѣтелей или послуховъ, которые иногда называются просто людьми, бывшими на заводи, т.-е. при опредѣленіи границъ продаваемой земли. Говорится обыкновенно, что у печати стоялъ и землю завелъ самъ продавецъ; но иногда встрѣчаются и другія лица при обоихъ дѣйствіяхъ. Означается также имя писавшаго грамоту—священника, дьякона, дьяка, церковнаго дьяка [618]. Въ началѣ купчей Кирилла Бѣлозерскаго сказано, что она совершена съ вѣдома тіуна княжескаго [619]. — Въ приданныхъ записяхъ означались имена обоихъ родителей, равно какъ имена зятя и дочери; въ концѣ грамоты писались также имена послуховъ и прикладывалась печать, при которой стоялъ отецъ [620]. Въ раздѣльныхъ грамотахъ дѣлившіеся родственники, напримѣръ дядя съ племянникомъ, уговаривались, что если у одного изъ нихъ не будетъ дѣтей (отрода), или захочетъ онъ свой участокъ промѣнять, продать, приказать кому-нибудь, то онъ не долженъ этого дѣлать мимо другого отдѣлившагося родственника. При раздѣлѣ свидѣтелями съ обѣихъ сторонъ были люди добрые; за нарушеніе условій нарушитель въ Новгородѣ обязанъ былъ дать князю и владыкѣ извѣстную сумму денегъ [621]. Въ духовныхъ грамотахъ завѣщатели, имѣя жену, приказываютъ имущество матери своей и сыновьямъ, отчину и дѣдину, землю и воду, по отцовской грамотѣ и по владѣнью; распоряжаются челядью дерноватою; въ другихъ завѣщаніяхъ имѣніе приказывается женѣ и сыновьямъ; жена, если оставшись вдовою, станетъ сидѣть въ имѣніи мужа, то будетъ господарынею въ этомъ имѣніи; если же выйдетъ замужъ, то беретъ въ надѣлокъ извѣстную сумму денегъ; также беретъ назадъ все свое приданое; въ нѣкоторыхъ же завѣщаніяхъ говорится, что въ такомъ случаѣ нѣтъ ей участка ни въ чемъ. Если по смерти завѣщателя родится у него сынъ, то ему равная доля съ старшими братьями, если дочь, то братья выдаютъ ее за мужъ по силѣ; при распоряженіи имуществомъ, иныя земли завѣщатель дѣлитъ между сыновьями, другія оставляетъ имъ въ общее владѣніе. Если завѣщатель оставляетъ малолѣтныхъ сыновей, то до ихъ возраста родствен-

никъ, например братъ, ѣздитъ по селамъ и владѣетъ людьми, а хлѣбъ, деньги и дары идутъ матери и сыновьямъ. Въ случаѣ смерти сыновей, завѣщатель отдаетъ половину своего имѣнія брату, а другую половину велитъ продать и вырученное роздать по церквамъ на поминовеніе, челядь дерноватую отпустить на волю. Въ заключеніе завѣщатель поручаетъ оставляемую семью извѣстнымъ лицамъ, иногда цѣлой улицѣ въ Новгородѣ [622]. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ относительно наслѣдства обращались ко власти церковной; такъ одна вдова обратилась къ митрополиту Кипріану съ вопросомъ: что ей дѣлать? мужъ ея умеръ насильственною смертію, завѣщанія не оставилъ, дѣтей нѣтъ, но есть пріемышъ (прімачекъ). Митрополитъ рѣшилъ, что она имѣетъ право владѣть землею, людьми и всѣмъ имуществомъ мужа своего, поминать душу послѣдняго, дитя свое пріемное кормить, и распорядиться мужнимъ имѣніемъ въ завѣщаніи какъ хочетъ [623]. Наконецъ отъ описываемаго времени дошли до насъ записи мировыя [624].

Изъ приведенныхъ памятниковъ мы видимъ, что имущество жены было отдѣльно отъ имущества мужа; жена не могла продать своего приданаго безъ согласія мужа, продавали они его вмѣстѣ, причемъ имя жены стоитъ прежде имени мужа. Видимъ, что жена продаетъ свое имѣніе мужу. Мы видѣли, что по „Русской Правдѣ“ за извѣстныя преступленія преступниковъ выдавали князю на п о т о к ъ со всѣмъ семействомъ; безъ сомнѣнія это правило имѣло силу и въ описываемое время. Но отвѣчала ли жена за долги мужа, за нарушеніе имъ частныхъ правъ? Въ первомъ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами положено было, что должникъ неплательщикъ отдается заимодавцу въ рабство со всѣмъ семействомъ; во второмъ договорѣ эта статья измѣнена такъ: если жена поручалась за мужа, то въ случаѣ неплатежа отдавалась въ рабство; если же не поручалась, то оставалась свободною. Но изъ этой статьи договора съ Нѣмцами слѣдуетъ ли заключить, что подобное же правило соблюдалось и внутри Россіи? Не имѣя другихъ доказательствъ, мы считаемъ себя въ правѣ сомнѣваться, ибо въ договорѣ съ Нѣмцами затрогивались особаго рода интересы: важно было ограничить выводъ людей изъ новгородской области въ чужую сторону, православныхъ къ иновѣрцамъ. Въ „Русской Правдѣ“ наприм. было положено, что жена и дѣти холопа не выдаются за преступленіе мужа и отца, если они не участвовали въ этомъ преступленіи; но

здѣсь дѣло не въ томъ, что они не отвѣчаютъ за преступленіе, ибо въ переходѣ отъ одного господина къ другому для нихъ нѣтъ еще наказанія; здѣсь дѣло въ томъ, что господинъ за преступленіе одного изъ своихъ холопей не долженъ лишаться нѣсколькихъ, слѣд. здѣсь правило устанавливается вслѣдствіе вліянія особаго интереса.

Что касается юридическихъ понятій въ югозападной, литовской Руси, то земскою привилегіею великаго князя Казимира Ягайловича 1457 года постановлено, что никто изъ князей, пановъ и мѣщанъ не казнится смертію и не наказывается по чьему-либо доносу, явному или тайному, или по подозрѣнію, прежде нежели будетъ уличенъ на явномъ судѣ, въ присутствіи обвинителя и обвиненнаго. За чужое преступленіе никто другой кромѣ преступника не наказывается, ни жена за преступленіе мужа, ни отецъ за преступленіе сына, и наоборотъ, также никакой другой родственникъ, ни слуга. Иностранцы не могутъ получать должностей и земель въ Литвѣ.—Относительно положенія жены по смерти мужа находимъ такое же распоряженіе, какое мы видѣли въ псковской судной грамотѣ и въ новгородскихъ духовныхъ: вдова остается въ имѣніи мужа, пока не выйдетъ замужъ; въ этомъ случаѣ имѣніе переходитъ къ дѣтямъ или родственникамъ покойнаго; если же послѣдній назначилъ женѣ изъ своего имѣнія какое-нибудь вѣно, то оно остается при ней и въ томъ случаѣ, когда она вступитъ во второй бракъ [625].

Изъ правыхъ грамотъ видимъ, что и на югозападѣ споры о границахъ владѣній рѣшались такъ же, какъ и на сѣверовостокѣ: свидѣтельство с т а р ц е в ъ общихъ въ литовской Руси имѣетъ такое же значеніе, какъ свидѣтельство знахарей, старожильцевъ въ Руси Московской [626]. Галицкая купчая 1351 года по формѣ сходна съ купчими въ сѣверовосточной Руси [627].

Относительно народнаго права мы видимъ, что война ведется съ такимъ же характеромъ, какъ и прежде, если еще не съ большею жестокостію. Нижегородцы, взявши плѣнныхъ у Мордвы затравили ихъ собаками [628]. Смольяне, во время похода своего на Литву, младенцевъ сажали на копья, другихъ вѣшали стремглавъ на жердяхъ, взрослыхъ давили между бревнами и проч. [629]; ругательства Псковичей надъ плѣнными ратниками Витовтовыми мы отказываемся сообщить нашимъ читателямъ [630]; во время похода московскихъ

войскъ на Улу-Махмета, ратники по дорогѣ грабили и мучили своихъ [634] русскихъ; митрополитъ Іона говоритъ о Вятчанахъ, что они, во время походовъ своихъ съ Шемякою, много православныхъ перемучили, переморили, иныхъ въ воду пометали, другихъ въ избахъ пожгли, инымъ глаза выжигали, младенцевъ на колъ сажали [635], взяли плѣнниковъ болѣе полуторы тысячи и продавали Татарамъ. Военныя жестокости слѣдовательно могли доходить до ужасныхъ крайностей; но всегда ли доходили—это вопросъ; можно думать, что приведенные случаи были исключеніями, которыя условливались особенными обстоятельствами, особеннымъ ожесточеніемъ и потому заслужили быть упомянутыми въ источникахъ, хотя, съ другой стороны, не имѣемъ права предполагать вообще мягкости въ поступкахъ ратныхъ людей въ землѣ непріятельской.

При заключеніи мира князья сѣверовосточной Руси договариваются возвратить всѣхъ плѣнныхъ и все пограбленное во время войны, съ поручителей свести поруку, съ давшихъ присягу свести крестное цѣлованіе, все пограбленное отдается по исправѣ, если же не будетъ исправы, то требующіе возьмутъ по крестному цѣлованью; не возвращается съѣстное и то, что взято у непріятеля во время боя. Если, въ продолженіе войны, въ отнятой у непріятеля землѣ отнявшій князь сажалъ своихъ волостелей, то по заключеніи мира обязывался изслѣдовать ихъ поведеніе—и что взято право, то взять, а что взято криво, то по исправѣ отдать. Иногда встрѣчаемъ условіе, что князья обязываются отыскать, выкупить и возвратить даже тѣхъ плѣнныхъ, которые были запроданы за границу; иногда князья уговариваются не требовать другъ съ друга ничего взятого во время войны, кромѣ людей; и тѣхъ безъ взятого у нихъ имущества: „Что взято въ наше размирье, тому всему погребъ,“ или: „Тому всему дерть на обѣ стороны.“ Въ случаяхъ столкновенія между подданными двухъ княжествъ былъ общій судъ: „Между нами судить судъ общій людямъ старѣйшимъ“; если общіе судьи не смогутъ рѣшить дѣла, то должны передать его на рѣшеніе третьяго: на кого третій помолвитъ, виноватый передъ правымъ поклонится и взятое отдастъ; чьи же судьи на третій не поѣдутъ, или обвиненный третьимъ не захочетъ исполнить приговора, то правый можетъ силою отнять свое, и это не должно считаться нарушеніемъ мира; объ общемъ и третейскомъ судѣ обычное выраженіе: „Обидному судъ безъ перевода, а судьямъ нашимъ третій вольный; въ судъ общій намъ (князьямъ) не

вступаться; судьямъ садиться судить, поцѣловавши крестъ, что имъ судить въ правду, по присягѣ." Иногда впрочемъ третій обозначается именно на лицѣ; иногда условливаются: „Кто хочетъ, тотъ назоветъ три князя христіанскихъ, и изъ этихъ трехъ одного выбираетъ тотъ, на комъ ищутъ"; или: „Если судьи наши не смогутъ рѣшить дѣла, то зовутся на третій; берутъ себѣ третьяго изъ моихъ бояръ великокняжескихъ, двухъ бояръ, и изъ троихъ большаго боярина одного; третьяго назоветъ тотъ, кто ищетъ, а тотъ беретъ, на комъ ищутъ; если же не выберутъ себѣ третьяго изъ этихъ троихъ бояръ, то я имъ третій, князь великій: пусть придутъ передъ меня, я имъ велю выбирать изъ тѣхъ же троихъ бояръ, и если не захочетъ тотъ, на комъ ищутъ, то я его обвиню." Относительно суда встрѣчаемъ еще слѣдующій уговоръ: „Если случится разбой, или наѣздъ, или воровство изъ твоей отчины на моихъ людей великокняжескихъ, то суда общаго не ждать, отослать намъ своихъ судей и велѣть дать управу безъ перевода; если же ты не дашь мнѣ управы, или судьи твои судомъ переведутъ, то я свое отниму, и это не будетъ считаться нарушеніемъ мира." Понятно, что условія измѣнялись вслѣдствіе обстоятельствъ, при которыхъ заключался договоръ, вслѣдствіе того, между какими князьями онъ заключался.

Князья условливались вывода и рубежа не замышлять, а кто замыслитъ рубежъ, то рубежника выдавать по изслѣдованіи дѣла; выдавать также по изслѣдованіи дѣла холопа, рабу, поручника, должника, вора, разбойника, душегубца; кто пріѣдетъ изъ одного княжества въ другое за холопомъ или должникомъ, поймаетъ его самъ безъ пристава, но поставитъ передъ княземъ, намѣстникомъ или волостелемъ, тотъ не виноватъ; но если выведетъ изъ волости и передъ волостелемъ не поставитъ, будетъ виноватъ; если холопъ станетъ съ кѣмъ тягаться, но поруки по себѣ не представитъ, то холопа обвинить и выдать господарю, причемъ обыкновенно опредѣляется, сколько платить пошлины за одного холопа и за цѣлую семью; опредѣляются также и всѣ другія судныя издержки, которыя обязанъ платить истецъ; если же холопъ или раба не станутъ тягаться, то пошлинъ нѣтъ. Если по должникѣ не будетъ поруки, то его обвинить. Вора, разбойника, грабежника, душегубца судить тамъ, гдѣ поймаютъ; если же станетъ проситься на изводъ, то пускать. Новгородцы договорились съ Тверью, что если

изъ новгородскихъ волостей явится обвиненіе на тверского вора или разбойника, и Тверичи скажутъ, что такого у нихъ нѣтъ, то пусть его не будетъ и послѣ въ тверскихъ волостяхъ; если же явится въ нихъ, то выдать его безъ суда[633].

На сѣверовостокѣ мы разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ убіеніи посла, отправленнаго отъ одного князя къ другому[634]. Встрѣчаемъ извѣстіе объ убійствѣ татарскихъ пословъ въ Нижнемъ; въ 1414 году Нѣмцы убили псковскаго посла въ Нейгаузенѣ, Псковичи убили дерптскаго. Мы видѣли, что въ войнахъ Псковичей съ Литовцами былъ обычай отдавать плѣнныхъ на поруки.

На югозападѣ, подъ 1229 годомъ встрѣчаемъ замѣчательное извѣстіе объ условіи, заключенномъ между Кондратомъ мазовецкимъ и Даніиломъ галицкимъ: если когда-нибудь начнется между ними война, то Полякамъ не воевать русской челяди, а Русскимъ польской. Потомъ и здѣсь встрѣчаемъ также извѣстіе о возвращеніи плѣнныхъ послѣ войны[635]. Въ договорѣ Василія Темнаго съ королемъ Казиміромъ находимъ условіе: „А которые люди съ которыхъ мѣстъ вышли добровольно, ино тымъ людемъ вольнымъ воля, гдѣ хотятъ, тутъ живутъ.“ Въ договорахъ великихъ князей литовскихъ съ Новгородомъ и Псковомъ встрѣчаемъ условіе: если великій князь захочетъ начать войну съ Новгородомъ или Псковомъ, то обязанъ прислать разметныя грамоты, и можетъ начать войну только спустя мѣсяцъ послѣ этой присылки. Витовтъ, котораго по справедливости русскій лѣтописецъ называетъ невѣрникомъ правдѣ, чтобъ напасть врасплохъ на Псковичей, послалъ въ 1406 году разметную грамоту не во Псковъ, а въ Новгородъ, подъ предлогомъ старой зависимости перваго отъ послѣдняго, а самъ вступилъ въ Псковскую область. Для предотвращенія впредь подобнаго коварства, Псковичи, заключая договоръ съ Казиміромъ, обязали его, въ случаѣ разрыва, отсылать разметную грамоту не въ Москву и не въ Новгородъ, но положить ее во Псковѣ. Новгородцы, заключая договоръ съ тѣмъ же Казиміромъ, условились, чтобы литовскіе послы по новгородской волости подводъ не брали, а новгородскіе по литовской[636]. Но, какъ видно, между Москвою и Литвою не было условій относительно подданныхъ одного государства, находившихся въ областяхъ другого во время разрыва между ними, ибо подъ 1406 годомъ находимъ извѣстіе, что при разрывѣ Витовта съ Василіемъ Димитріевичемъ въ Литвѣ перебили Москвичей.

Что касается нравственнаго состоянія вообще на Руси въ описываемое время, то мы уже замѣтили и въ предыдущемъ періодѣ, что чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ нравы становятся жестче. Понятно, что удаленіе славянскихъ переселенцевъ въ пустыни сѣверо-восточной Европы, удаленіе отъ другихъ народовъ христіанскихъ, стоявшихъ съ ними на одинакой степени гражданственности, и вступленіе въ постоянное сообщество только съ народами, стоявшими на низшей степени, не могли дѣйствовать благопріятно на нравы этихъ переселенцевъ; понятно, если послѣдніе не только остановились въ этомъ отношеніи, но даже пошли назадъ; не забудемъ здѣсь и вліянія самой природы, о которомъ была уже рѣчь прежде. Но кромѣ этихъ, собственно географическихъ причинъ, были еще другія, историческія, которыя не могли способствовать смягченію нравовъ. Одна географическая отдаленность главной сцены дѣйствія не могла надолго отнять у русскихъ людей возможность сообщенія съ другими христіанскими народами: мы видимъ, что когда сѣверо-восточная Русь образовалась въ одно сильное государство, то, начиная со второй половины XV вѣка, уже является стремленіе къ сообщенію съ другими христіанскими державами; въ продолженіе XVI и XVII вѣка, несмотря на всѣ препятствія, это стремленіе становится все сильнѣе и сильнѣе и наконецъ въ XVIII вѣкѣ видимъ вступленіе Россіи въ систему европейскихъ государствъ. Слѣдовательно полное уединеніе Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ условливалось не географическимъ только отдаленіемъ, но преимущественно тѣмъ, что все вниманіе ея было поглощено внутреннимъ, тяжкимъ, болѣзненнымъ переходомъ отъ одного порядка вещей къ другому. Этотъ-то болѣзненный переходъ и дѣйствовалъ неблагопріятно на нравы. На югѣ мы видѣли сильныя усобицы, но усобицы эти шли вслѣдствіе споровъ за родовыя права: тотъ или другой князь становился старшимъ, занималъ Кіевъ вслѣдствіе своего торжества,—отношенія къ нему младшихъ оставались прежнія; но и тутъ мы замѣчаемъ большую жесткость, большую неразборчивость средствъ у тѣхъ князей, которые, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, были доводимы до крайности, лишались волостей, и принуждены были потомъ пріобрѣтать ихъ и сохранять мечемъ. На сѣверѣ же, какъ мы видѣли, измѣнилась цѣль усобицъ, долженъ былъ измѣниться и характеръ ихъ: князья показали ясно, что они борются не за старшинство, какъ прежде, но за силу;

хотятъ увеличить свои волости, пріобрѣсть могущество, и, вслѣдствіе этого могущества, подчинить себѣ всѣхъ остальныхъ князей, лишить ихъ владѣній. При такомъ характерѣ борьбы нѣтъ рѣчи о правахъ и обязанностяхъ, каждый дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія, а гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ только по инстинкту самосохраненія, тамъ не можетъ быть выбора средствъ: сильный пользуется первымъ удобнымъ случаемъ употребить свою силу; слабый прибѣгаетъ къ хитрости, коварству, взаимное довѣріе рушится, сильные начинаютъ прибѣгать къ страшнымъ нравственнымъ обязательнымъ средствамъ въ отношеніи къ слабымъ, но и эти средства оказываются недѣйствительными, страшныя проклятыя грамоты нарушаются также легко, какъ и обыкновенные договоры; хитрость, двоедушіе слабаго получаетъ похвалу, какъ дѣло мудрости: лѣтописецъ хвалитъ князя тверского, который, будучи слабымъ среди борьбы двухъ сильныхъ, умѣлъ извернуться, не прогнѣвалъ ни князя московскаго, ни Эдигея. Борьба, доведенная до крайности, условливала и средства крайнія: сперва губили соперниковъ въ Ордѣ; но здѣсь могли видѣть еще только слѣдствія судебнаго приговора, произнесеннаго высшею властію; когда же князья стали управляться другъ съ другомъ независимо отъ всякаго чуждаго вліянія и когда борьба, приходя къ концу, достигла крайняго ожесточенія, является сперва ослѣпленіе, а потомъ и смерть насильственная. Обычай, по которому дружинники свободно переходили отъ одного князя къ другому, обычай, много облегчившій объединеніе сѣверовосточной Руси, съ другой стороны, вредилъ нравственности; поступокъ Румянца и товарищей его въ Нижнемъ-Новгородѣ конечно не можетъ быть причисленъ къ поступкамъ нравственнымъ. Насилія со стороны сильныхъ, хитрость, коварство, со стороны слабыхъ, недовѣрчивость, ослабленіе общественныхъ узъ среди всѣхъ—вотъ необходимыя слѣдствія такого порядка вещей. Нравы грубѣли, привычка руководствоваться инстинктомъ самосохраненія вела къ господству всякаго рода матеріальныхъ побужденій надъ нравственными; грубость нравовъ должна была отражаться на дѣлѣ, на словѣ, на всѣхъ движеніяхъ человѣка. Въ это время имущества гражданъ прятались въ церквахъ и монастыряхъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хотя не всегда, безопасныхъ; сокровища нравственныя имѣли нужду также въ безопасныхъ убѣжищахъ—въ пустыняхъ, монастыряхъ, теремахъ; женщина спѣшила удалиться, или

ее спѣшили удалить отъ общества мужчинъ, чтобъ волею или неволею удержать въ чистотѣ нравственность, чистоту семейную; не вслѣдствіе византійскаго, или татарскаго, или какого-нибудь другого вліянія явилось затворничество женщинъ въ высшихъ сословіяхъ, но вслѣдствіе извѣстной нравственной экономіи въ народномъ тѣлѣ; подтвержденіе здѣсь сказанному нами найдемъ мы послѣ въ прямыхъ извѣстіяхъ современниковъ очевидцевъ. Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: чтобы сталось съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема? Но понятно, что удаленіе женщинъ, бывшее слѣдствіемъ огрубѣнія нравовъ, само. въ свою очередь, могло производить еще большее огрубѣніе.

Но хотя это большое огрубѣніе въ нравахъ очень замѣтно въ описываемое время, однако историкъ не имѣетъ права дѣлать уже слишкомъ рѣзкаго различія между нравами описываемаго времени и нравами предшествовавшей эпохи въ пользу послѣдней. Мы уже имѣли случай замѣтить, что увѣщаніе Мономаха дѣтямъ—не убивать ни праваго, ни виноватаго, нисколько не служитъ доказательствомъ, чтобъ подобныхъ убійствъ не было въ его время; мы сомнѣваемся, чтобъ торжественная смертная казнь была установлена Димитріемъ Донскимъ, ибо не знаемъ, какъ Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича. Говорятъ, что отъ временъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство: сила казалась правомъ: кто могъ, грабилъ, не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути. ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности. Въ доказательство этихъ словъ приводятъ одно извѣстіе лѣтописи, что Іоаннъ Калита прославился уменьшеніемъ разбойниковъ и воровъ. Хотя въ источникахъ можно отыскать и болѣе указаній относительно разбоевъ, однако, съ одной стороны, мы не скажемъ, чтобъ въ приведенной картинѣ краски не были слишкомъ ярки. а съ другой стороны, нѣтъ основанія предполагать, чтобъ прежде было много лучше и чтобъ въ другихъ сосѣднихъ христіанскихъ странахъ въ описываемое время было также много лучше: въ послѣднемъ усомнится всякій, кто напримѣръ сравнитъ извѣстія о разбояхъ въ польскихъ владѣніяхъ во время Казимира Ягайловича. Говорятъ: легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV вѣкѣ воровъ клеймили и вѣшали, при чемъ спрашиваютъ: былъ ли дѣйствителенъ стыдъ граж-

данскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? Но мы, въ свою очередь, спросимъ: былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ воръ, отдѣлавшись легкою пенею, безъ клейма оставался въ обществѣ? Къ описываемому же времени относятъ появленіе тѣлесныхъ наказаній; но мы уже въ „Русской Правдѣ" встрѣтили извѣстіе о мукахъ или тѣлесныхъ истязаніяхъ, которымъ виновный подвергался по приказанію княжескому; тѣлесныя наказанія существовали вездѣ въ средніе вѣка, но были ограничены извѣстными отношеніями сословными: у насъ же, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, такія сословныя отношенія не выработались, откуда и произошло безразличие касательно тѣлесныхъ наказаній. Но если мы не можемъ допустить излишней яркости нѣкоторыхъ красокъ въ картинѣ нравовъ и рѣзкости въ противоположеніи нравовъ описываемаго времени нравамъ предшествовавшей эпохи, то, съ другой стороны, мы видѣли въ описываемое время причины, которыя должны были вредно дѣйствовать на нравственность народную, измѣнять ее не къ лучшему.

Въ примѣрахъ жестокости наказаній нѣтъ недостатка въ источникахъ; совѣтники молодого князя Василія Александровича подверглись жестокимъ наказаніямъ: у однихъ носъ и уши обрѣзали, у другихъ глаза выкололи, руки отсѣкли [637]. Подъ 1442 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ, что какихъ-то Колударова и Рѣжскаго кнутомъ били; это извѣстіе вставлено въ разсказъ о войнѣ великаго князя Василія съ Шемякою, и потому можно думать, что преступленіе этихъ людей состояло въ доброжелательствѣ послѣднему. Подъ 1444 годомъ говорится, что князь Иванъ Андреевичъ можайскій схватилъ Андрея Димитріевича Мамона и вмѣстѣ съ женою сжегъ въ Можайскѣ; послѣ мы узнаемъ, что эти люди были обвинены въ еретичествѣ. Старое суевѣріе, привычка обвинять вѣдьмъ въ общественныхъ бѣдствіяхъ сохранялась: Псковичи во время язвы сожгли 12 вѣдьмъ. Когда, въ 1462 году, схвачены были дружинники серпуховского князя Василія Ярославича, задумавшіе было освободить своего господаря, то Василій Темный велѣлъ ихъ казнить— бить кнутомъ, отсѣкать руки, рѣзать носы, а нѣкоторымъ отсѣчь головы.—Относительно нравовъ служебныхъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Вятка не была взята по винѣ воеводы Перфушкова, который благопріятствовалъ Вятчанамъ за посулы [638]. Соблазнительная исторія о поясѣ, который былъ подмѣненъ на княжеской свадьбѣ пер-

вымъ вельможею, не можетъ дать выгоднаго понятія о тогдашней нравственности.—Вспомнимъ о страшномъ поступкѣ послѣдняго смоленскаго князя Юрія. Лишенный волости, онъ жилъ въ Торжкѣ въ качествѣ намѣстника великокняжескаго. Здѣсь же нашелъ пріютъ изгнанный съ нимъ вмѣстѣ князь Семенъ Мстиславичъ Вяземскій. Юрій влюбился въ жену Вяземскаго, Ульяну, и, не находя въ ней взаимности, убилъ ея мужа, чтобъ воспользоваться беззащитнымъ состояніемъ жены; но Ульяна схватила ножъ, не попавши въ горло насильнику, ранила его въ руку и бросилась бѣжать, но Юрій догналъ ее на дворѣ, изрубилъ мечемъ и велѣлъ бросить въ рѣку. Но къ чести тогдашняго общества мы должны привести слова лѣтописца: „И бысть ему въ грѣхъ и въ студъ великъ, и съ того побѣже къ Ордѣ, не терпя горькаго своего безвременья, срама и безчестія“. Юрій умеръ въ рязанской землѣ, гдѣ жилъ у пустынника Петра, плачась о грѣхахъ своихъ.—Мы видѣли, что митрополиты обратили вниманіе на нравственную порчу въ Новгородѣ и Псковѣ, вооружились противъ буйства, сквернословія, разводовъ, суевѣрій, клятвопреступленій. Лѣтописецъ новгородскій особенно упрекаетъ своихъ согражданъ за грабежи на пожарахъ: отъ лютаго пожара, бывшаго въ 1267 году, многіе разбогатѣли; описывая пожаръ 1293 года, лѣтописецъ говоритъ: „злые люди пали на грабежъ; что было въ церквахъ, все разграбили, у св. Іоанна сторожа убили надъ имѣніемъ“; подобное же извѣстіе встрѣчаемъ подъ 1311 годомъ, потомъ подъ 1340 и 1342. Лѣтописецъ сильно жалуется также на дурное состояніе правосудія въ Новгородѣ подъ 1446 годомъ. Въ то время, говоритъ онъ, не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, встали ябедники, изнарядили ч е т ы, обѣты и крестныя цѣлованія на неправду, начали грабить по селамъ, волостямъ и по городу, и были мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ, сущимъ окрестъ нашъ; были по волости изъѣзды великіе и боры частые, крикъ, рыданіе, вопль и клятва отъ всѣхъ людей на старѣйшинъ нашихъ и на городъ нашъ, потому что не было въ насъ милости и суда праваго.“

Страсть къ вину въ сильной степени выказывается въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстіи объ осадѣ Москвы Тохтамышемъ; въ описаніи похода Василія Темнаго противъ дяди Юрія сказано, что великій князь взялъ съ собою изъ Москвы купцовъ и другихъ людей, которые были пьяны и везли съ собою медъ,

чтобъ еще пить. Ссоры, драки, убійства и всякаго рода преступленія, попрежнему, всего чаще происходили на пьяныхъ пирахъ; въ 1453 году великій князь Василій Васильевичъ писалъ своимъ посельскимъ и приказникамъ: „Говорилъ мнѣ отецъ мой Іона митрополитъ, что ваши люди ѣздятъ въ митрополичьи села по праздникамъ, по пирамъ и по братчинамъ, незваные, и на этихъ пирахъ происходятъ душегубства, воровства и другихъ лихихъ дѣлъ много. И я, князь великій, далъ митрополиту грамоту, что въ его села по праздникамъ, пирамъ и братчинамъ никому незванымъ не ѣздить.“ Чѣмъ далѣе къ сѣверовостоку, тѣмъ нравы были грубѣе. Изъ посланія митрополита Іоны къ вятскому духовенству узнаемъ, что въ Вяткѣ нѣкоторые брали по пяти, шести, семи и даже до десяти женъ, а священники ихъ благословляли и приношенія отъ нихъ принимали въ церковь; нѣкоторые жили съ женами вовсе безъ вѣнчанія, иные, постригшись въ монахи, растригались и женились [639].

Мы видѣли, что митрополитъ уговаривалъ Новгородцевъ воздерживаться отъ суевѣрій; въ 1357 году они утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ, чтобъ игранія бѣсовскаго не любить, и бочекъ не бить. Но борьбы, кончавшіяся иногда убійствомъ, продолжались повсюду: такъ въ 1390 году въ Коломнѣ на игрушкѣ убитъ былъ Осей, сынъ кормильца или дядьки великаго князя Василія Дмитріевича.

Невыгодное мнѣніе о безопасности общественной мы получаемъ изъ лѣтописныхъ извѣстій объ ушкуйничествѣ; извѣстій о разбояхъ, производимыхъ не въ столь обширныхъ размѣрахъ, мы не находимъ въ лѣтописяхъ, но находимъ въ житіяхъ святыхъ. Относительно состоянія общества любопытны приведенныя нами выше извѣстія о судьбѣ митрополичьяго десятинника, погибшаго въ Вышгородѣ, и о Лукѣ Можайскомъ, который, разбогатѣвъ, не сдерживался уже ничѣмъ при удовлетвореніи своихъ желаній.

Грубость нравовъ и приведенныя причины этой грубости должны были задержать также и литературное развитіе. Мы не встрѣчаемъ нигдѣ извѣстій объ образованности князей и вельможъ; о Димитріи Донскомъ прямо говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василіи Темномъ говорится, что онъ былъ ни книженъ, ни грамотенъ [640]; учились попрежнему у лицъ духовнаго званія: такъ въ житіи св. Іоны новгородскаго говорится, что его учили у дьякона со множествомъ другихъ дѣтей. Хотя Исидоръ и отзывался

о русскихъ епископахъ, что они некнижны, однако мы должны принимать этотъ отзывъ относительно: грамотность сохранялась въ сословіи духовномъ; книги не могли утратить своего значенія, какъ вмѣстилища религіозныхъ сокровищъ; ученіе книжное не могло не оставаться желанною цѣлію для лучшихъ людей, какъ сообщавшее имъ познаніе вещей божественныхъ, дававшее средства къ религіозному совершенствованію. Книга слѣдовательно продолжала считаться сокровищемъ; во время Тохтамышевой осады, въ Москву со всѣхъ сторонъ снесено было множество книгъ; книги усердно переписывались иноками, переводились съ греческаго, составлялись сборники; вмѣстѣ съ книгами духовнаго содержанія переписывались и лѣтописи. Не одно врожденное человѣку любопытство и уваженіе къ дѣламъ предковъ давали значеніе лѣтописямъ; они употреблялись какъ доказательства въ княжескихъ спорахъ: мы видѣли, что князь Юрій Димитріевичъ доказывалъ права свои на старшинство лѣтописями. Обычай записывать современныя событія также не прекратился; извѣстія о событіяхъ важныхъ, возбуждавшихъ особенное вниманіе и сочувствіе, записывались съ разными прибавками молвы стоустой, украшались по мѣрѣ силъ и знаній.

Епископы продолжали говорить поученія народу въ церкви: о Кириллѣ, епископѣ ростовскомъ, говорится, что народъ изъ окрестныхъ городовъ стекался слушать его ученіе отъ св. книгъ, и авторъ этого извѣстія говоритъ о себѣ, что, онъ стоя въ церкви въ нѣкоторомъ узкомъ и уединенномъ мѣстѣ, записывалъ слова проповѣдника. О владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ и тверскомъ Симеонѣ говорится, что они были учительны и сильны въ книгахъ божественнаго писанія [641]. Подъ 1382 годомъ лѣтописецъ говоритъ о кончинѣ нижегородскаго инока Павла Высокаго, который былъ очень книженъ и большой философъ; слово его было солью божественною растворено. До насъ дошло нѣсколько словъ и поученій отъ описываемаго времени. Дошло слово на соборъ Архистратига Михаила, приписываемое митрополиту Кириллу: проповѣдникъ говоритъ о сотвореніи небесныхъ силъ, ихъ занятіи, о паденіи сатаны, о сущности души человѣческой, о паденіи перваго человѣка, излагается кратко исторія Ветхаго и Новаго Завѣта; послѣ чего проповѣдникъ обращается опять къ ангеламъ, описываетъ служеніе ангеловъ-хранителей, говоритъ о томъ, что ожидаетъ душу человѣка по разлученіи съ тѣломъ, описываются такъ называемыя

мытарства, въ числѣ которыхъ помѣщены: срамословіе и иныя безстыдныя слова, пляски на пирахъ, свадьбахъ, вечеряхъ, игрищахъ на улицахъ, б а с н и, всякія позорныя игры, плесканіе ручное, сканіе ногами, вѣра во встрѣчу, чохъ, полазъ и птичій грай, ворожбу. Затѣмъ слѣдуетъ наставленіе духовенству: „Если вы сохраните всѣ эти завѣщанія, говоритъ проповѣдникъ, то Бога возвеселите, ангеловъ удивите, молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, земля наша облегчится отъ иновѣрнаго ига бесерменскаго, милость Божія на всѣ страны русской земли умножится, пагубы и порчи плодамъ и скотамъ перестанутъ, гнѣвъ Божій утолится, народы всей русской земли въ тишинѣ и безмолвіи поживутъ, и милость Божію получатъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, особенно же въ будущемъ.“ Въ концѣ поученія замѣчательны для насъ слѣдующія слова: „Уже видимо кончина міра приблизилась, и урокъ житію нашему присиѣлъ, и лѣта сокращаются, сбылось уже все сказанное Господомъ: возстанетъ бо языкъ на языкъ... Говорятъ, что по прошествіи семи тысячъ лѣтъ пришествіе Христово будетъ.[642]“.

Современникомъ Кирилла былъ Серапіонъ, епископъ владимірскій, отзывъ о которомъ мы привели уже выше. Серапіонъ былъ поставленъ въ епископы митрополитомъ Кирилломъ изъ архимандритовъ кіевскаго Печерскаго монастыря, слѣдовательно происходилъ изъ южной Руси. Серапіонъ въ своихъ словахъ также призываетъ къ покаянію, указывая на страшныя бѣдствія, тяготѣющія надъ Русью и возвѣщающія послѣднее время. Особенно замѣчательно изъ словъ его то, гдѣ онъ вооружается противъ упомянутой выше привычки приписывать общественныя бѣдствія вѣдьмамъ и губить ихъ за это: „Я было короткое время порадовался, дѣти, видя вашу любовь и послушаніе къ нашей худости; я сталъ было думать, что вы уже утвердились и съ радостію принимаете божественное писаніе. Но вы все еще держитесь поганскаго обычая, волхвованію вѣруете и сожигаете невинныхъ людей. Если кто изъ васъ и самъ не билъ ихъ, но былъ въ сонмѣ съ другими въ одной мысли, и тотъ такой же убійца: ибо если кто могъ помочь, да не помогъ, все равно, что самъ велѣлъ убивать. Въ какихъ книгахъ, въ какихъ писаніяхъ вы слышали, что голода бываютъ на землѣ отъ волхвованія, и на оборотъ, волхвованіемъ же хлѣбъ умножается? Если вы этому вѣрите, то зачѣмъ же вы пожигаете волхвовъ? Умоляйте, почитайте ихъ, дары имъ приносите, чтобъ устроивали миръ, дождь

ниспускали, тепло приводили, землѣ велѣли быть плодоносною. Теперь вотъ уже три года хлѣбъ не родится, не только на Руси, но и въ латинскихъ земляхъ; что жъ? все эти волхвы надѣлали! Чародѣи и чародѣйки дѣйствуютъ силою бѣсовскою надъ тѣми, кто ихъ боится, а кто вѣру твердую держитъ къ Богу, надъ тѣмъ они не имѣютъ власти. Скорблю о вашемъ безуміи; умоляю васъ, отступите отъ дѣлъ поганскихъ. Если хотите очистить городъ отъ беззаконныхъ людей, то очищайте, какъ царь Давидъ очищалъ Іерусалимъ: онъ страхомъ Божіимъ судилъ, Духомъ Святымъ прозрѣвалъ. А вы какъ осуждаете на смерть, будучи сами исполнены страстей?—одинъ губитъ по враждѣ, другой хочетъ прибытка, а иному безумному хочется только побить да пограбить, а за что бьетъ и грабитъ, того самъ не знаетъ. Правила божественныя повелѣваютъ осуждать человѣка на смерть по выслушаніи многихъ свидѣтелей; а вы въ свидѣтели поставили воду, говорите: если начнетъ тонуть, невинна, если же поплыветъ, то вѣдьма. Но развѣ дьяволъ, видя ваше маловѣріе, не можетъ поддержать ее, чтобы не тонула, и тѣмъ ввести васъ въ душегубство? Свидѣтельство человѣка отвергаете, а идете къ бездушному естеству, къ водѣ за свидѣтельствомъ"! [643].

Дошли до насъ поученія митрополитовъ: Петра, Алексія, Фотія[644]. Литовско-русскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, изученый, по словамъ лѣтописей, книжной мудрости, оставилъ много проповѣдей. Мы должны обратить вниманіе на поученіе новгородскаго владыки Симеона Псковичамъ, ибо въ немъ высказываются отношенія новгородскихъ владыкъ къ ихъ паствѣ. „Благородные и христолюбивые честные мужи Псковичи! сами знаете, что кто честь воздаетъ своему святителю, то честь эта самому Христу приходитъ и воздающій принимаетъ отъ Него мзду сторицею. И вы, дѣти, честь воздавайте своему святителю и отцамъ своимъ духовнымъ со всякимъ покореніемъ и любовію, не пытая отъ нихъ ничего и не говоря вопреки ничего; но смотрите сами на себя, укоряйте и судите сами себя, плачьтесь о грѣхахъ своихъ, не похищайте чужого, не радуйтесь бѣдамъ братіи своей, не мудрствуйте о себѣ и не гордитесь, но со смиреніемъ повинуйтесь отцамъ своимъ духовнымъ. Церковь Божію не обижайте, въ дѣла церковныя не вступайтесь, не вступайтесь въ земли и воды, въ суды и печать, и во всѣ пошлины церковныя, потому что всякому надобно гнѣва Божія бояться, милость Его призывать, о грѣхахъ своихъ

плакаться и чужого не брать“ [645]. Къ описываемому времени можно отнести окончательное составленіе краткаго домостроя, который въ нѣкоторыхъ сборникахъ называется: „Поученіе владыки Матфея сарайскаго къ дѣтямъ своимъ.“ Это сочиненіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ три раза преподается наставленіе хорошо обращаться съ прислугою. Сначала говорится: „Не морите ихъ голодомъ и наче того, ибо это домашніе нищіе: нищій выпроситъ себѣ въ другомъ мѣстѣ, а прислуга въ одни твои руки смотритъ.“ Потомъ снова наставленіе: „Челядь свою милуйте и учите, старыхъ на свободу отпускайте, молодыхъ на добро учите.“ Въ заключеніи опять наставленіе: „Челядь свою кормите. Холопа или рабу твою убьютъ на воровствѣ—тебѣ отвѣчать за ихъ кровь.“ Тутъ же совѣтуется не щадить жезла на непослушныхъ рабовъ, но не давать однако болѣе 30 ранъ [646].

Отъ митрополитовъ Кипріана и Фотія дошли до насъ прощальныя грамоты. За четыре дня до преставленія своего митрополитъ Кипріанъ написалъ грамоту, по выраженію лѣтописца, незнаему и страннолѣпну, въ которой всѣхъ прощалъ и благословлялъ, и самъ требовалъ отъ всѣхъ прощенія и благословенія, съ приказаніемъ—прочесть эту грамоту во всеуслышаніе, когда тѣло его будутъ класть во гробъ, что и было исполнено. Фотіева грамота подобна Кипріановой, только болѣе распространена въ началѣ тамъ, гдѣ митрополитъ говоритъ о своихъ трудахъ и печаляхъ, и въ концѣ, гдѣ говорится о церковныхъ имуществахъ [647].

Митрополитъ Кипріанъ написалъ житіе предшественника своего, св. Петра [648]. Вотъ образецъ слога Кипріанова: „Праведницы во вѣки живутъ, и отъ Господа мзда ихъ, и строеніе ихъ отъ Вышняго, и праведникъ аще постигнетъ скончатися, въ покоѣ будетъ, и похваляему праведнику возвеселятся людіе, занеже праведнымъ подобаетъ похвала. Отъ сихъ убо единъ есть, иже и нынѣ нами похваляемый священноначальникъ, и аще убо никтоже доволенъ нынѣ есть похвалити достойно его по достоинству, но паки неправедно разсудихъ, таковаго святителя вѣнецъ не украшенъ нѣкако оставити, аще и прежде насъ бывшіи самохотіемъ преминуша, смотрѣніе и се нѣкое Божіе мню и святаго дарованія, яко да и мы малу мзду пріимемъ, яко же вдовица она, принесшая двѣ мѣдницы, тако и азъ убо многими деньми томимъ и привлачимъ любовію къ истинному пастуху, и хотящу ми убо малое нѣкое похваленіе святителю

принести, но свою немощь смотряющу недостижну ко онаго величествiю и удерживахся, паки же до конца оставити и облѣнитись тяжчайше вмѣнихъ". Митрополитъ Өеодосiй описалъ чудо, бывшее у гроба св. Алексiя; онъ начинаетъ свой трудъ такъ: „Свѣтло намъ днесь позорище и чюдно торжество, и просвѣщено и собрано, днесь радостенъ праздникъ и чудеси исполненъ, праздникъ душевному спасенiю потреба есть, иже всякаго ума и слова превосходитъ.... Како ли кто можетъ по достоянiю доблести твоя похвалити и многа чюдеса, ими же тя Богъ прославилъ? слышана же бысть чюдесъ твоихъ пучина, отвсюду къ тебѣ различныхъ родовъ человѣци вѣрою влекоми течаху, якоже елени на источники водныя во время распаленiя, насладитися твоихъ дарованiй; ты бо душевная и тѣлесная чувства свѣтло просвѣщаеши, имѣютъ бо въ душахъ своихъ слово, отъ сущiя къ тебѣ благодати даемое любезнѣ. Азъ смиренный, видя таковая, велми удивихся, надѣющу же ми ся помощи святаго, и еже ми къ нему вѣры и любви боязни, дерзнухъ простерти смиреного ми тѣлесе руку и омочихъ мою трость въ свѣтящееся смиренiе, и дерзнулъ положити начало, еже написати великое и преславное чюдо". Встрѣчается слово похвальное св. верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу—творенiе Өеодосiя архiепископа всея Руси [619]

Изъ другихъ писателей житiй святыхъ извѣстенъ троицкiй монахъ Епифанiй Премудрый, написавшiй службу, житiе и чудеса св. Сергiя и Никона Радонежскихъ, также житiе Стефана Пермскаго. Былъ ли Епифанiй на Аөонѣ и въ другихъ православныхъ центрахъ просвѣщенiя или нѣтъ, но онъ былъ хорошо знакомъ съ современной ему русской книжностью и въ совершенствѣ усвоилъ прiемы образцовыхъ произведенiй церковнаго витiйства на славянскомъ языкѣ, переводныхъ или оригинальныхъ, которыя стали размножаться въ русской письменности съ его времени. По житiю Стефана можно составить значительный лексиконъ тѣхъ искусственныхъ, чуждыхъ русскому языку по своему грамматическому образованiю, словъ, которыя вносила въ книжный языкъ древней Руси южно-славянская письменность. Реторическiя фигуры и всевозможныя амплификацiи разсѣяны въ житiи съ утомительнымъ изобилiемъ; авторъ не любитъ разсказывать и размышлять просто, но облекаетъ часто одну и ту же мысль въ нѣсколько тавтологическихъ оборотовъ; для характеристики святаго онъ набираетъ въ одномъ мѣстѣ 20, въ другомъ 25 эпитетовъ, и почти всѣ они разные... Вообще Епифанiй въ

своемъ твореніи больше проповѣдникъ, чѣмъ біографъ, и въ смѣшеніи житія съ церковнымъ панегирикомъ идетъ гораздо дальше Кипріана. Историческій разсказъ о Стефанѣ въ потокѣ авторскаго витійства является скудными отрывками [650]. —Чтобъ объяснить себѣ такой характеръ житій, надобно вникнуть въ ихъ происхожденіе, въ побужденія, которыя заставляли писать ихъ. Религіозное чувство требовало отнестись къ святому съ молитвою и прославленіемъ, что выражалось въ службѣ святому; изъ жизни святаго выбирались именно такія черты, которыя особенно возбуждали умиленіе, религіозное чувство, служили къ прославленію угодника Божія. Церковная пѣснь, канонъ, похвальное слово, вотъ первоначальная, естественная и необходимая форма извѣстій о жизни святаго, и позднѣйшія житія должны были слагаться подъ вліяніемъ этой формы, тѣмъ болѣе, что и въ ихъ составителяхъ дѣйствовало то же побужденіе, то же желаніе прославить святаго, принести ему „малое. нѣкое похваленіе". По этому въ житіяхъ святыхъ мы и не можемъ найти много чертъ быта и важныхъ теперь для насъ указаній историческихъ. Тѣмъ менѣе можемъ мы искать этого въ сочиненіяхъ писателя пришлаго, для котораго обстановка тогдашней русской жизни была чуждою, въ сочиненіяхъ знаменитаго книжника, Пахомія Логоѳета, родомъ Серба, который, живя то въ Троицкомъ монастырѣ, то въ Новгородѣ, писалъ житія святыхъ, похвальныя слова и каноны, по порученію начальства. Искусствомъ въ книжномъ сложеніи славился также митрополичій дьякъ Родіонъ Кожухъ, изъ сочиненій котораго дошло до насъ сказаніе о чудѣ св. Варлаама и сказаніе о трусѣ, бывшемъ въ 1460 году. Вотъ образецъ Родіонова искусства: „Прежде взыде подъ небесы туча на облацѣхъ и всѣмъ зрѣти, яко обычнѣ шествоваше воздухѣ носимо, и тако поиде отъ юга совокупляяся облакы по аеру воздуха парящаго, по пророческому словеси: сбирая яко въ мѣхъ воды морскія и полагая во скровищахъ бездны: и тако поиде къ востоку солнечному на облацѣхъ, и яко уже совокупивъ свое величество, исполнены водоточнаго естества, и такъ распространися надо многими мѣсты, и бысть видѣніемъ туча грозна и велика велми" [651].

И въ описываемое время сохранялся обычай странствовать ко св. мѣстамъ цареградскимъ, аѳонскимъ, палестинскимъ. Такъ дошло до насъ описаніе Цареграда, сочиненное Стефаномъ новгородцемъ въ половинѣ XIV вѣка [652]. Вотъ цѣль путешествія Стефанова,

какъ онъ самъ ее опредѣляетъ въ началѣ своего описанія: „Азъ грѣшный Стефанъ изъ Великаго Новгорода съ своими други осмью пріидохомъ въ Царьградъ поклонитися святымъ мѣстамъ, и цѣловати тѣлеса святыхъ, и помиловани быхомъ отъ св. Софіи премудрости Божіей". Любопытно видѣть, какъ чудеса искусства и прочность камня поражали русскихъ людей, привыкшихъ къ своимъ бѣднымъ и непрочнымъ зданіямъ: статуя Юстиніанова показалась нашему новгородцу вельми чудна, „аки живъ, грозно видѣти его... Суть же много и иніихъ столповъ по граду стоятъ, отъ камени мрамора, много же на нихъ писанія отъ верха и до долу, писано рытіею великою. Много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметъ?" Видимъ, что русскіе путешественники пользовались въ Константинополѣ особеннымъ вниманіемъ со стороны правительства, гражданскаго и церковнаго: такъ царевъ бояринъ, видя, что Новгородцы стиснуты въ толпѣ и не могутъ пробраться къ страстямъ Господнимъ, очистилъ имъ дорогу; патріархъ, увидѣвши русскихъ странниковъ, подозвалъ ихъ къ себѣ, благословилъ и разговаривалъ съ ними, „понеже бо вельми любитъ Русь. О великое чудо! Колико смиреніе бысть ему, ижъ бесѣдова съ страники ны грѣшніи; не нашъ бо обычай иметъ". Описывая монастырь Студійскій, Стефанъ говоритъ, что изъ этого монастыря въ Русь посылали много книгъ: уставы, тріоди. Обходя другіе монастыри, Стефанъ встрѣтилъ двоихъ своихъ новгородцевъ, Ивана и Добрилу, которые жили въ Константинополѣ, занимаясь списываніемъ церковныхъ книгъ въ Студійскомъ монастырѣ.

Троицкій монахъ Зосима, странствовавшій по святымъ мѣстамъ въ 1420 году, такъ говоритъ о побужденіяхъ, заставившихъ его описать свое хожденіе: „Понеже глаголетъ писаніе: тайну бо цареву хранити добро есть, а дѣла Божія проповѣдати преславно есть: да еже бо не хранити царевы тайны неправедно и блазнено есть, а еже бо молчати дѣла Божія, ино бѣду наносить душѣ своей. Убо и азъ боюся дѣла Божія таити, воспоминая муку раба онаго, иже пріимше талантъ Господень и въ землѣ скрывый.... Буди же се написаніе всѣмъ намъ причащающимся благословеніе отъ Бога и святаго гроба, и отъ святыхъ мѣстъ сихъ; мзду бо многу равну пріимутъ съ ходящими до св. града Іерусалима и видѣвшими святыя сіи мѣста. Блажени бо видѣвше и вѣровавше; треблажениі бо не видѣвше и не вѣровавше... Но Бога ради, братіе и отцы и господіе

мои, сынове Русіи! Не зазрите моему худоумію и грубости моей; да не будетъ ми въ похуленіе написаніе се. Не меня для, грѣшнаго человѣка, но святыхъ для мѣстъ прочитайте съ любовію и вѣрою, да мзду пріимете отъ Бога нашего Іисуса Христа".

Стефанъ новгородецъ говоритъ, что войдешь въ Царьградъ какъ въ дубраву какую, и безъ добраго провожатаго ходить нельзя. Наши странники записывали безъ разбора все, что имъ говорили эти провожатые, записывали и о жабѣ, которая, по улицамъ ходя, смертію людей пожирала, а метлы сами мели: встанутъ люди рано— улицы чисты, и многое тому подобное.

Одинъ изъ спутниковъ митрополита Исидора описалъ путешествіе во Флоренцію. И здѣсь любопытны впечатлѣнія, произведенныя на русскаго человѣка западными городами и западною природою: „Городъ Юрьевъ (Дерптъ) великъ, каменный, такихъ нѣтъ у насъ; палаты въ немъ чудныя, мы такихъ не видывали и дивились. Городъ Любекъ очень дивенъ, поля, горы вокругъ великія, сады прекрасные, палаты чудныя съ позолоченными верхами; товара въ немъ много всякаго; воды проведены въ него, текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столповъ, студены и сладки". Въ монастырѣ любскомъ путешественники видѣли мудрость недоуменную и несказанную: какъ живая стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на рукахъ; зазвенитъ колокольчикъ — слетаетъ ангелъ сверху и сноситъ вѣнецъ, кладетъ его на Пречистую; потомъ пойдетъ звѣзда какъ по небу, и, глядя на нее, идутъ три волхва, передъ ними человѣкъ съ мечомъ, за ними другой съ дарами.—Въ Любекѣ же нашъ путешественникъ видѣлъ колесо на рѣкѣ, воду беретъ изъ рѣки и пускаетъ во всѣ стороны, другое колесо тутъ же, небольшое, мелетъ и сукна тчетъ. Въ Люнебургѣ поразилъ его фонтанъ: среди города столпы устроены изъ мѣди позолоченой, чудесные! У каждаго столпа люди приряжены тоже мѣдные, текутъ изъ нихъ всѣхъ воды сладкія и холодныя—у инаго изо рта, у другаго изъ уха, у третьяго изъ глаза, текутъ шибко, точно изъ бочекъ; люди эти поятъ водою весь городъ и скотъ, проведенье водъ этихъ очень хитро и стеканіе несказанное. Въ Брауншвейгѣ удивили его крыши домовъ: крыты домы досками, изъ камня мудренаго, который много лѣтъ не рушится. Нюренбергъ показался хитрѣе всѣхъ прежде видѣнныхъ городовъ: сказать нельзя и недомысленно. Но Флоренція лучше еще Нюренберга: въ ней

дѣлаютъ камки и аксамиты съ золотомъ, сукна скарлатныя, товару всякаго множество и садовъ масличныхъ, гдѣ дѣлаютъ деревянное масло; о колокольницѣ Флорентійской недоумѣваетъ умъ. Въ Венеціи по всѣмъ улицамъ воды и ѣздятъ на баркахъ; церковь св. Марка каменная, столпы въ ней чудные, Гречинъ писалъ мусіею. О Хорватахъ путешественникъ замѣтилъ, что языкъ у нихъ съ Руси, а вѣра латинская. Другой спутникъ Исидора, инокъ Симеонъ Суздалецъ, составилъ описаніе Флорентійскаго собора: „Повѣсть инока Симеона іерея Суздальца, како Римскій папа Евгеній составлялъ осьмой соборъ съ своими единомысленники". Симеонъ не былъ доволенъ поведеніемъ Исидора во Флоренціи; вотъ что онъ говоритъ о своемъ сопротивленіи митрополиту и гоненіяхъ, которыя онъ за то потерпѣлъ отъ послѣдняго: „Исидоръ митрополитъ остался въ Венеціи и пересылался съ папою, да ходя по божницамъ, прикляк алъ (присѣдалъ) по-фряжски, и намъ приказывалъ то же дѣлать; но я много разъ съ нимъ за это спорилъ, и онъ меня держалъ въ большой крѣпости. Тогда я, видя такую неправду и великую ересь, побѣжалъ въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Смоленскъ".—Смоленскій князь выдалъ Симеона Исидору, который посадилъ его въ темницу, въ желѣза, и сидѣлъ онъ всю зиму въ одной свиткѣ, на босу ногу, потомъ повезли его изъ Смоленска въ Москву [653].

Продолжали переводить съ греческаго: митрополитъ Кипріанъ перевелъ „Лѣствицу" св. Іоанна и толкованіе на нее; переводили Андрея Критскаго, Златоуста, преп. Нила, св. Исаака Сирина, преп. Максима. Впрочемъ бо́льшая часть переводовъ совершена была не въ Россіи, а на Аѳонѣ, въ русскомъ Пантелеймоновомъ и сербскомъ Хиландарскомъ монастыряхъ, переводились и сочиненія позднѣйшія, иногда ничтожныя по содержанію [654]. Подъ 1384 годомъ читаемъ въ лѣтописи: того же года передано было слово святаго и премудраго Георгія Писида—Похвала Богу о сотвореніи всякой твари. Это поэма „Міротвореніе" Георгія Писида, митрополита никомидійскаго, писателя VII вѣка: переводчикомъ былъ Димитрій Зоографъ [655]. Отъ XIV вѣка дошелъ до насъ списокъ Пчелы, сборника или антологіи, составленной по извѣстнымъ греческимъ антологіямъ Максима Исповѣдника и Антонія Мелиссы (Пчелы); антологіи эти обыкновенно начинаются выписками изъ Евангелія, Апостола, Твореній св. отцевъ, и вслѣдъ за ними идутъ выдержки изъ

писателей языческихъ—Исократа, Демокрита, Ксенофонта, Платона и др. [656]. Изъ Болгаріи и Сербіи перешли въ Русь и сочиненія апокрифическія, разнаго рода повѣсти, особенно привлекательныя для людей, стоящихъ на той степени образованія, на какой стояли русскіе люди въ описываемое время [657]. Разсказы новгородскихъ путешественниковъ подали поводъ и къ русскому оригинальному сочиненію подобнаго рода; многіе Новгородцы разсказывали, что видѣли на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, слышали скрежетъ зубный, видѣли рѣку молненную Моргъ, видѣли, какъ вода входитъ въ преисподнюю и опять выходитъ трижды въ день. Судно новгородца Моислава прибило бурею къ высокимъ горамъ, и вотъ путешественники увидали на горѣ деисусъ, написанъ лазоремъ чуднымъ, и свѣтъ былъ на томъ мѣстѣ самосіянный, такой, что человѣку и разсказать нельзя, солнца не видать, а между тѣмъ свѣтло, свѣтлѣе солнца, на горахъ слышались ликованія, веселые голоса; одинъ новгородецъ взбѣжалъ на гору, всплеснулъ руками, засмѣялся и скрылся отъ товарищей, то же сдѣлалъ и другой; третьему привязали веревку къ ногѣ, и когда стащили его насильно съ горы, то онъ оказался мертвъ. Эти разсказы, вмѣстѣ съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ, также мутныхъ источниковъ, заставили новгородскаго архіепископа Василія писать къ тверскому епископу Ѳеодору посланіе о раѣ [658].

Сказанія о Китоврасѣ и т. п. переписывались, а въ богослужебныхъ книгахъ ощущался недостатокъ; въ житіи св. Димитрія Прилуцкаго говорится, что братія жаловалась ему на недостатокъ книгъ; во Псковѣ не было настоящаго церковнаго правила, митрополитъ Кипріанъ посылалъ туда уставъ службы Златоустаго и Василія, чинъ крещенія и вѣнчанія; въ списки вкрадывались разности, искаженія: тотъ же митрополитъ Кипріанъ писалъ, что въ толстыхъ сельскихъ сборникахъ много ложнаго, посѣяннаго еретиками на соблазнъ невѣждамъ, наприм. молитвы о трясавицахъ [659].

Что касается литературы свѣтской, то до насъ дошли отъ описываемаго времени историческія пѣсни, сказанія и лѣтописи. Изъ первыхъ дошла пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, замѣчательная по взгляду на Татаръ и на поведеніе ханскихъ баскаковъ въ Руси. Ханъ Узбекъ, творящій судъ и расправу, изображается такъ: „Сидитъ тутъ Азвякъ—суды разсуживаетъ и ряды разряживаетъ, костылемъ размахиваетъ по бритымъ тѣмъ усамъ, по татарскимъ

тѣмъ головамъ". Узбекъ жалуетъ своихъ родственниковъ русскими городами, не жалуетъ одного Щелкана, потому что тотъ находится въ отсутствіи, въ землѣ литовской, гдѣ „бралъ онъ дани, невыходы, царскіе невыплаты, съ князей бралъ по сту рублевъ, съ бояръ по пятидесяти, съ крестьянъ по пяти рублевъ, — у котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьметъ, у котораго дитя нѣтъ, у того жену возьметъ, у котораго жены-то нѣтъ, того самого головой возьметъ". Возвратившись въ Орду, Щелканъ проситъ Узбека пожаловать его Тверью старою, Тверью богатою; Узбекъ соглашается, но съ условіемъ, чтобъ Щелканъ прежде закололъ любимаго своего сына, нацѣдилъ чашу горячей крови и выпилъ бы ее. Щелканъ исполняетъ условіе и пріѣзжаетъ въ Тверь судьею. „А немного онъ судьею сидѣлъ: и вдовы то безчестити, красны дѣвицы позорити, надо всѣми наругатися, надъ домами насмѣхатися". Тверичи принесли жалобу своимъ князьямъ, которые называются братьями Борисовичами, и потомъ пошли съ поклономъ и подарками къ Щелкану, тотъ загордился, повздорилъ съ Тверичами, которые и растерзали его [660].

Содержаніе украшенныхъ сказаній составляютъ подвиги самыхъ знаменитыхъ князей, самыя важныя событія въ жизни народной, счастливыя или бѣдственныя, наконецъ событія, особенно поразившія воображеніе современниковъ какими-нибудь чудесными обстоятельствами. Если прежде содержаніемъ историческихъ пѣсенъ и словъ служили подвиги князей и богатырей противъ Печенѣговъ и Половцевъ, то мы должны ожидать, что въ описываемое время это содержаніе будетъ заимствовано изъ борьбы съ Татарами, смѣнившими Половцевъ; на западѣ, для Новгорода и Пскова шла также опасная борьба со Шведами, ливонскими Нѣмцами и Литвою; въ этой борьбѣ прославились два князя—Александръ Новгородскій и Довмонтъ Псковской, и вотъ мы видимъ, что подвиги ихъ служатъ предметомъ особенныхъ украшенныхъ сказаній.

Сочинитель сказанія о великомъ князѣ Александрѣ былъ современникъ и приближенный человѣкъ къ своему герою: самъ Александръ разсказывалъ ему о подробностяхъ Невской битвы. Мы уже воспользовались прежде этими подробностями; теперь же приведемъ начало сказанія въ образецъ слога: „О велицѣмъ князѣ нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смысленомъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Македоньскаго, подобникѣ царю Алевхысу (Ахиллесу) крѣпкому и храброму, сице бысть

повѣсть о немъ. О Господѣ Бозѣ нашемъ, азъ худый и грѣшный и малосмысленный покушаюся написати житіе святаго и великаго князя Александра Ярославича, внука великаго князя Всеволода. Понеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь възраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко же Приточникъ рече: въ злохитру душю не внидеть мудрость... Аще грубъ есмь умомъ, но молитвою св. Богородице и поспѣшеніемъ св. великаго князя Александра начатокъ положю. Сей бѣ князь Великый Александръ Богомъ роженъ отъ отца боголюбива и мужелюбца, паче и кротка, великаго князя Ярослава Всеволодовича и отъ матери святыя великія княгини Ѳеодосіи. Яко же рече Исаія пророкъ: тако глаголеть Господь: князи азъ учиняю, священи бо суть, азъ вожу я въ истину; безъ Божія повелѣнія не бѣ княженіе его. И възрастъ его паче инѣхъ человѣкъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ яко Іосифа Прекраснаго, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсоня; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломоню, храбрость же яко царя римскаго Еуспасьяна“.—Сказаніе о благовѣрномъ князѣ Домонтѣ и о храбрости его отличается большею простотою.

Къ борьбѣ Новгорода со Шведами относится также любопытный литературный памятникъ—рукописаніе Магнуша, короля свѣйскаго. Мы видѣли, что шведскій король, Магнусъ Ерихсонъ, предпринималъ крестовый походъ противъ Новгорода; походъ этотъ, грозившій сначала большою опасностію Новгородцамъ, не удался; въ отечествѣ Магнуса ждали бѣдствія; сначала онъ долженъ былъ вести войну съ родными сыновьями, потомъ былъ свергнутъ съ престола вельможами, которые провозгласили королемъ племянника его отъ сестры, Албрехта Мекленбургскаго; Магнусъ былъ взятъ въ плѣнъ, освободился только черезъ пять лѣтъ и кончилъ жизнь въ Норвегіи, въ 1374 году. Эти извѣстія о плачевной судьбѣ короля, который грозилъ такою опасностію православію, были причиною появленія въ Новгородѣ „Магнушева рукописанія“, которое начинается обычною формою русскихъ завѣщаній: „Я, Магнусъ, король шведскій, нареченный во св. крещеніи Григорій, отходя отъ свѣта сего, пишу рукописанье при своемъ животѣ и приказываю своимъ дѣтямъ, своей братьѣ и всей землѣ шведской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, потому что намъ не удается“. Слѣдуетъ исчисленіе неудачныхъ шведскихъ походовъ на Русь, отъ

Биргерова до Магнусова. „Послѣ похода моего, продолжаетъ Магнусъ, нашла на нашу землю шведскую погибель, потопъ, моръ, голодъ и междоусобная брань. У меня самого отнялъ Богъ умъ, и сидѣлъ я цѣлый годъ задѣланъ въ полатѣ, прикованъ на цѣпи; потомъ пріѣхалъ сынъ мой изъ мурманской (норвежской) земли, вынулъ меня изъ полаты и повезъ въ свою землю мурманскую. Но на дорогѣ опять поднялась буря, потопила корабли и людей моихъ, самого меня вѣтеръ носилъ три дня и три ночи, наконецъ принесъ подъ монастырь св. Спаса въ Полную рѣку; здѣсь монахи сняли меня съ доски, внесли въ монастырь, постригли въ чернецы и схиму, послѣ чего живу я три дня и три ночи: а все это меня Богъ казнилъ за мое высокоуміе, что наступалъ на Русь вопреки крестному цѣлованію. Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ, и огонь, и вода, которыми я былъ казненъ; а все это сотворилъ мнѣ Богъ къ моему спасенію“ [661].

Сказанія, относящіяся къ борьбѣ съ Татарами, начинаются рязанскимъ сказаніемъ о Батыевѣ нашествіи. Заслышавъ приходъ безбожнаго царя Батыя, великій князь рязанскій Юрій Игоревичъ послалъ за своими родственниками, за княземъ Олегомъ Игоревичемъ Краснымъ, Давыдомъ Игоревичемъ Муромскимъ, за сыномъ своимъ, княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ, за пронскимъ княземъ Всеволодомъ и за прочими князьями мѣстными, боярами и воеводами. Князья рѣшили на совѣтѣ послать князя Ѳеодора Юрьевича съ дарами къ Батыю, чтобы не воевалъ рязанской земли. Князь Ѳедоръ отправился и былъ принятъ ласково Батыемъ, но тутъ одинъ вельможа рязанскій шепнулъ хану, что у Ѳедора жена красавица; Татаринъ сталъ добиваться, чтобъ Ѳедоръ показалъ ему жену свою, но тотъ отвѣчалъ: „Когда насъ одолѣешь, то и женами нашими владѣть будешь“. Батый велѣлъ убить Ѳедора; жена его Евпраксія стояла вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ на превысокихъ хоромахъ, когда одинъ изъ дядекъ Ѳедоровыхъ явился къ ней съ вѣстію о гибели мужа; услыхавъ эту вѣсть, княгиня вмѣстѣ съ сыномъ бросились съ хоромъ на землю и убились до смерти. Тогда князь Юрій выступилъ съ братьею противъ Татаръ, и произошла сѣча злая и ужасная: одинъ бился съ тысячами, двое со тьмами. Первый палъ князь Давидъ Игоревичъ; тогда князь Юрій вскричалъ въ горести души своей: „Братія моя милая, дружина ласковая, узорочье и воспитаніе

рязанское! мужайтесь и крѣпитесь"! Удальцы и рѣзвецы рязанскіе бились крѣпко и нещадно, такъ что земля стопала, наконецъ сильные полки татарскіе одолѣли, князья были всѣ перебиты, кромѣ одного Олега Игоревича, который попался въ плѣнъ, бранью отвѣчалъ на убѣжденія Батыя отатариться и былъ разсѣченъ на части; Рязань взята, вся земля рязанская опустошена. Тогда является вельможа рязанскій, Ипатій Коловратъ, бывшій все это время въ Черниговѣ, гдѣ бралъ дань на великаго князя рязанскаго (?). Ипатій собралъ 1700 человѣкъ дружины и нечаянно ударилъ на Татаръ, которыхъ началъ сѣчь безъ милости. Батый испугался; когда привели къ нему пятерыхъ плѣнныхъ, то онъ спросилъ ихъ: „Какой вы вѣры, изъ какой земли? зачѣмъ мнѣ такъ много зла надѣлали?" Плѣнники отвѣчали: „Мы вѣры христіанской, рабы великаго князя Георгія Игоревича, изъ полку Ипатія Коловрата, посланы отъ князя Игоря Игоревича Рязанскаго тебя, сильнаго царя, почтить и честно проводить; не сердись, государь, что не успѣваемъ чашъ наливать на великую силу татарскую". Батый подивился отвѣту ихъ мудрому и послалъ шурина своего Таврула на Ипатія съ полками сильными. Таврулъ похвалился, что приведетъ Ипатія живаго, но вмѣсто того самъ былъ разсѣченъ по поламъ Ипатіемъ. Тогда Татары навели на этого крѣпкаго исполина множество саней съ нарядомъ (?), и тутъ едва одолѣли. Когда трупъ Ипатія принесли къ Батыю, то ханъ сказалъ: „Ну, братъ Ипатій! гораздо ты меня потчивалъ, съ малой дружиною многихъ богатырей побилъ; еслибы ты у меня такую службу служилъ, то держалъ бы я тебя противъ своего сердца". Князь Игорь Игоревичъ былъ въ это время въ Черниговѣ, у тамошняго князя Михаила Всеволодовича. Возвратясь въ родную землю, онъ началъ хоронить трупы, и такъ плакалъ надъ побитою братьею: „Возопи горькимъ гласомъ, вельми ревыи, слезы отъ очію испущающи яко струю сильну, утробою располающи, въ перси рукама біющи и гласомъ же яко труба рати повѣдающимъ, яко органъ сладко вѣщающе. И рече сице: почто не промолвите ко мнѣ цвѣте мои, и прекрасніи винограды мои многоплодніи уже не подасте сладость души моея; кому приказываете мя, солнце мое драгое рано заходящіа, мѣсяцъ мой красной скоропогибшіи, звѣзды восточны почто рано зашли есте" и проч. [662].

Составилось сказаніе и о смерти Батыя. Батый вошелъ въ Венгрію, и осадилъ городъ Варадинъ, стоящій среди земли венгерской;

около этого города мало простыхъ деревьевъ, но все деревья виноградныя. Среди города стоялъ столпъ высокій каменный, на столпѣ укрывался король Вклаславъ или Владиславъ, король Венграмъ, Чехамъ и Нѣмцамъ и всему поморью. Были Венгры прежде въ православіи, потому что приняли крещеніе отъ Грековъ; но не успѣли на своемъ языкѣ грамоты сложить, и сосѣдніе Римляне присоединили ихъ къ своей ереси. И король Владиславъ повиновался римской церкви до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нему св. Савва, архіепископъ сербскій, который обратилъ его къ греческому закону; но Владиславъ исповѣдывалъ этотъ законъ тайно, боясь возстанія отъ Венгровъ. И вотъ когда Батый осадилъ Варадинъ, Владиславъ не пилъ, не ѣлъ, все молилъ Христа Бога, да преложитъ гнѣвъ на милость. Однажды онъ увидѣлъ со столпа, что сестра его бѣжала къ нему въ городъ, но была перехвачена Татарами и отведена къ Батыю. Съ тѣхъ поръ Владиславъ началъ еще усерднѣе молиться: слезы текли изъ глазъ его какъ быстрины рѣчныя, и гдѣ падали на мраморъ, проходили насквозь, такъ что и теперь видны скважины на мраморахъ. И вотъ является къ нему какой-то человѣкъ, свѣтлый и страшный, и говоритъ ему: „ради слезъ твоихъ даетъ тебѣ Богъ побѣду надъ Батыемъ; ступай сейчасъ же на него." Вѣстникъ исчезъ, но у башни стоялъ конь осѣдланный, ни кѣмъ не держимый, и на конѣ сѣкира. Владиславъ немедленно сѣлъ на коня, взялъ сѣкиру въ руки, и повелъ дружину свою на станъ Батыевъ, а у Батыя тогда было мало войска, потому что всѣ Татары его разошлись въ загоны. Находившіеся въ станѣ Татары побѣжали предъ Владиславомъ; побѣжалъ и самъ Батый съ сестрою королевскою, но былъ настигнутъ Владиславомъ, который самъ сразился съ нимъ. Королевна стала помогать Батыю; тогда Владиславъ возопилъ къ Богу о помощи, одолѣлъ Батыя, и убилъ его вмѣстѣ съ сестрою своею. Венгры расположились въ станѣ Батыевомъ и хватали Татаръ, возвращавшихся изъ загоновъ: добычу отнимали, самихъ предавали смерти, но кто хотѣлъ креститься, тѣхъ оставляли въ живыхъ. И на память послѣднему роду воздвигнуто было на городовомъ столпѣ изваяніе: сидитъ король Владиславъ на конѣ, въ рукѣ держитъ сѣкиру, которою убилъ Батыя и сестру свою [663]. Въ основѣ сказанія лежитъ истинное происшествіе—пораженіе Татаръ при осадѣ Ольмюца чешскимъ воеводою Ярославомъ Штернбергскимъ; и по чешскому поэтическому преданію

отъ руки Ярослава погибъ въ битвѣ сынъ хана Кублая. Нѣтъ сомнѣнія, что сказаніе это составилось на югѣ и принесено къ намъ на сѣверъ извѣстнымъ Сербомъ, Пахоміемъ Логоѳетомъ [664].

Великое событіе, которымъ началось освобожденіе сѣверовосточной Руси отъ Татаръ,—Куликовская битва не могла остаться безъ особеннаго описанія. И дѣйствительно составилось первоначальное сказаніе, вполнѣ сходное по характеру своему съ сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ, проникнутое религіознымъ чувствомъ, вслѣдствіе чего приводятся въ полнотѣ молитвы, которыя произноситъ главное дѣйствующее лицо, помѣщены благочестивыя разсужденія и восклицанія самого писателя; при описаніи самаго дѣла нѣтъ подозрительныхъ подробностей. Въ такомъ видѣ первоначальное сказаніе внесено въ нѣкоторыя лѣтописи [665]; оно начинается такъ: „Пріиде ордынскій князь Мамай съ единомышленники своими, и съ всѣми прочими князьми ордынскими, и съ всею силою татарьскою и половецкою, и еще къ тому рати понаимовавъ, Бесермены, и Армены, и Фрязи, Черкасы, и Ясы, и Буртасы; также съ Мамаемъ вкупѣ въ единомысліи въ единой думѣ и литовьскій Ягайло со всею силою литовьскою и лятскою, съ нимъ же въ одиначествѣ Олегъ Ивановичъ, князь рязанскій, со всѣми своими съвѣтники поиде на великаго князя Дмитрея Ивановича и на брата его Володимера Андреевича. Но хотя человѣколюбивый Богъ спасти и свободити родъ крестьянскій, молитвами Пречистыя Его Матере, отъ работы измаилтескія, отъ поганаго Мамая, и отъ сонма нечестиваго Ягайла, и отъ велерѣчиваго и худаго Олга Рязаньскаго, не снабдѣвшаго своего крестьянства; и пріидетъ ему день великый Господень въ судъ аду. Окаянный же Мамай разгордѣвся мнѣвъ себе аки царя, начатъ злый съвѣтъ творити, темныя своя князи поганыя звати; и рече имъ: поидемъ на русскаго князя и на всю силу русскую, якоже при Батыи было, крестьянство потеряемъ, и церкви Божіи попалимъ, и кровь ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ, сего ради нечестивый лютѣ гнѣвашеся о своихъ друзѣхъ и любовницѣхъ о князѣхъ избьеныхъ на рѣцѣ на Вожѣ". Вотъ описаніе самой битвы: „Съступишася обои силы великыя на долгъ часъ вмѣстѣ, и покрыша поле полкы, яко на десяти верстъ отъ множества вой: и бысть сѣча велика и брань крѣпка, и трусъ великъ зѣло, яко отъ начала міру не бывала сѣча такова великымъ княземъ русьскымъ. Біющимъ же ся имъ отъ шестаго часа до девятаго, и

пролiяся кровь акы дождевая туча обоихъ, и крестьянъ и Татаръ, и множество много безчислено падоша трупiя мертвыхъ обоихъ.... И рече къ себѣ Мамай: власи наши растерзаются, очи наши не могутъ огненныхъ слезъ испущати, языци наши связуются, гортани пересыхаютъ, сердце раставаетъ, и чресла ми протерзаются" и проч.

Но событiе было такъ велико, такъ сильно всѣхъ занимало, что однимъ сказанiемъ не могли ограничиться. О подобныхъ событiяхъ обыкновенно обращается въ народѣ много разныхъ подробностей, вѣрныхъ и невѣрныхъ; подробности вѣрныя, съ теченiемъ времени, переходя изъ устъ въ уста, искажаются, перемѣшиваются имена лицъ, порядокъ событiй; но такъ какъ важность событiя не уменьшается, то является потребность собрать всѣ эти подробности и составить изъ нихъ новое украшенное сказанiе; при переписыванiи его вносятся новыя подробности. Это второго рода сказанiе отличается отъ перваго преимущественно большими подробностями, вѣроятными, подозрительными, явно невѣрными. Но до насъ дошелъ еще третiй родъ сказанiя о Куликовской битвѣ, слово о великомъ князѣ Дмитреѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимерѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая [666], написанное явно по подражанiю древнему южно-русскому произведенiю, слову о Полку Игоревѣ [667]. Авторъ этого „Слова о Димитрiи" говоритъ, что онъ написалъ *жалость и похвалу* великому князю Димитрiю Iоанновичу и брату его, чѣмъ выражаетъ взглядъ современниковъ на Куликовскую битву, представлявшуюся имъ съ одной стороны событiемъ славнымъ, съ другой—бѣдственнымъ, вслѣдствiе страшнаго урона убитыми съ русской стороны. Въ краткомъ сказанiи вовсе не говорится о пораженiи русскихъ полковъ въ началѣ; по его словамъ, битва происходила съ одинакимъ успѣхомъ для той и другой стороны: „Много Руси бiено отъ Татаръ, и отъ Руси Татаръ, и паде трупъ на трупѣ, а индѣ видѣти Русинъ за Татариномъ гонится, а Татаринъ Русина състигаше. Мнози же небывальцы Москвичи устрашишася и живота отчаяшася, а иные сыны Агарины на побѣгъ возвратишася отъ клича великаго и зря злаго убiйства". Послѣ этого авторъ извѣщаетъ о пораженiи Татаръ, не приводя никакой земной причины, склонившей побѣду на сторону Русскихъ, указывая только на одну небесную помощь: „По сихъ же въ 9 часъ дни, призрѣ Господь милостивыма очима на великаго князя Димитрiя Ивановича и на всѣ князи Русьскыя, и на крѣпкiя

воеводы и на всѣ христіяны, и не устрашишася христіане, дерзнуша яко велицiи ратници. Видѣша вѣрніи, яко въ 9 часъ біющеся, ангели помогающе христіяномъ, и свв. мученикъ полки, и воина великаго Христова Георгія, и славнаго Димитрія, и великыхъ князей тезоименитыхъ Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ воевода свершеннаго полка небесныхъ силъ великый Архистратигъ Михаилъ: видѣша поганіи полци двои воеводы, тресолнечныя полкы и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идуть на нихъ; безбожніи же Татарове отъ страха Божія и отъ оружія христіаньскаго падаху. Взнесе Богъ десницею великаго князя Димитрія Ивановича на побѣду иноплеменникъ. Безбожный же Мамай со страхомъ встрепетавъ“ и проч. Въ пространномъ сказаніи говорится, что Татары вездѣ одолѣли; но что тутъ внезапный ударъ изъ засады свѣжихъ силъ, подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и воеводы Волынскаго, рѣшилъ дѣло въ пользу Русскихъ. Наконецъ въ третьемъ, по преимуществу поэтическомъ словѣ, говорится также о пораженіи русскихъ въ началѣ, почему и первая часть сочиненія является какъ ж а л о с т ь: „На томъ полѣ сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молньи и загремѣли громы велицыи; то ти ступишася русскіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи русскіе мечьми булатными о шеломы хиновскіе. А билися изъ утра до полудни въ суботу на Рожество св. Богородицы. Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликовѣ, и не тури побѣждени у Дунаю великаго; но посѣчени князя рускіе и бояры и воеводы великаго князя Димитрея Ивановича, побѣждены князи Бѣлозерстіи отъ поганыхъ Татаръ, Өедоръ Семеновичъ, да Семенъ Михайловичъ, да Тимоөей Валуевичъ, да Андрей Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ и иная многая дружина Пересвѣта черица, брянскаго боярина, на суженое мѣсто привели. Восплакашася всѣ княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избіенныхъ“... Послѣ этого плача женъ авторъ переходитъ къ п о х в а л ѣ, къ побѣдѣ, и здѣсь, согласно съ пространнымъ сказаніемъ, выставляетъ князя Владиміра Андреевича, который увѣщеваетъ брата, великаго князя, наступить на Татаръ; тотъ двигается и побѣда одержана: „Того же дни въ суботу на Рожество св. Богородицы иссѣкша христіана поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Нáпрядѣ; и пюкнувъ князь великій Владимеръ Андреевичъ гораздо, и скакаше въ полцѣхъ пога-

ныхъ въ татарскихъ, а злаченнымъ тымъ шеломомъ посвѣчиваетъ, а скакаше со всѣмъ своимъ войскимъ, и загремѣли мечьми булатными о шеломы хиповскіе. И восхвалитъ брата своего великаго князя Димитрея Ивановича: свои полки понужай... уже бо поганые Татары поля поступаютъ, а храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупи человѣчьи борзи кони не могутъ скочити, а въ крови по колѣна бродятъ, а уже бо, брате, жалостно видѣти кровь крестьянская. И кн. вел. Димитрей Ивановичъ рече своимъ боярамъ: братія бояра и воеводы и дѣти боярскіе, то ти ваши московскіе сладкіе меды и великіе мѣста [668], туто добудете себѣ мѣста и своимъ женамъ, туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть. И рече кн. вел. Димитрей Ивановичъ: Господи Боже мой! на Тя уповахъ да не постыжуся въ вѣкъ, ни да посмѣютмися враги моя; и помолися Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его, и прослезися горько, и утеръ слезы. И тогда аки соколы борзо полетѣли. И поскакиваетъ князь вел. Дмитрей Ивановичъ" и пр.

Таковы источники, которыми долженъ пользоваться историкъ при описаніи Куликовской битвы. Въ какое время составились эти сказанія, мы не знаемъ; на одномъ спискѣ пространнаго сказанія означено, что оно составлено Рязанцемъ іереемъ Софроніемъ [669]; въ одной лѣтописи [670] онъ названъ Софоніемъ Рязанцемъ, брянскимъ бояриномъ; авторъ поэтическаго слова поминаетъ Рязанца Софонія, какъ своего предшественника въ сочиненіи похвалъ великаго князя Димитрія.

Нашествіе Тохтамыша на Москву послужило также предметомъ особаго сказанія: „О Московскомъ взятіи отъ царя Тактамыша и о плѣненіи земля русьскыя" [671]. Это сказаніе носитъ такой же характеръ, какъ и краткое сказаніе о Куликовской битвѣ, но отличается отъ него большею простотою и обстоятельностію разсказа. Извѣстія о Тамерлановомъ нашествіи вошли въ „Повѣсть преславнаго чудеси отъ иконы Пречистыя Богородицы, еже нарицается Владимірская" [672]. Здѣсь говорится о Тамерланѣ, что онъ родился между заяицкими Татарами, въ Самаркандской странѣ, былъ простой, бѣдный человѣкъ, ремесломъ кузнецъ, нравомъ хищникъ, ябедникъ и воръ. Въ молодости укралъ онъ овцу, хозяинъ которой переломилъ ему за это ногу и бедру; но Тамерланъ оковалъ себѣ ногу желѣзомъ, отъ чего и былъ прозванъ желѣзнымъ хромцемъ, Темиръ-Аксакомъ. Къ выходу изъ русскихъ владѣній побудилъ его сонъ,

въ которомъ явилась ему на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ, воспрещавшая ему идти далѣе на русскую землю. Особое сказаніе о битвѣ Русскихъ подъ Рязанью съ Татарами внесено въ лѣтопись подъ заглавіемъ Повѣсти о Мустафѣ царевичѣ [673]. Битва на Ворсклѣ послужила предметомъ также особаго сказанія [674].

Если столкновенія съ Татарами вообще, и битва Куликовская въ особенности, возбуждали сильное вниманіе народа, вслѣдствіе чего являлись разнаго рода сказанія объ нихъ, то не удивительно, что жизнь того князя, который впервые вывелъ русскіе полки противъ Татаръ и побѣдилъ, стала предметомъ украшеннаго сказанія. Въ этомъ сказаніи: О житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Ивановича Царя русьскаго [675], мы не должны искать подробныхъ извѣстій о подвигахъ Донского; сказаніе это есть не иное что, какъ похвальное слово, касающееся почти исключительно нравственной стороны. Авторъ начинаетъ съ происхожденія своего героя, потомъ говоритъ о его душевныхъ качествахъ, которыми онъ отличался въ молодости, когда принялъ правленіе: „Еще же младъ сый возрастомъ, и о духовныхъ прилежа дѣлесѣхъ, и пустошныхъ бесѣдъ не творяше, и срамныхъ глаголъ не любляше, злонравныхъ человѣкъ отвращашеся, а съ благыми всегда бесѣдоваше, божественныхъ писаній всегда со умиленіемъ послушаше, о церквахъ Божіихъ велми печашеся, а стражбу земли русьскыя мужествомъ своимъ держаше, злобою отроча обрѣташеся, а умомъ свершенъ всегда бываше, и многы враги, встающая на ны, побѣди, и славный градъ свой Москву стѣнами чюдными огради, и во всемъ мірѣ славенъ бысть, яко кедръ въ Ливанѣ умножися и яко финикъ въ древесѣхъ процвѣте“.—Далѣе говорится о женитьбѣ Димитрія, послѣ чего слѣдуютъ извѣстія о двухъ побѣдахъ надъ Татарами, при Вожѣ и на Куликовѣ полѣ. Походъ Мамая авторъ приписываетъ зависти людей, окрестъ живущихъ, къ Димитрію; говоритъ, что лукавые совѣтники, которые христіанскую вѣру держатъ, а поганскія дѣла творятъ, начали внушать Мамаю: „Великій князь Димитрій московскій называетъ себя царемъ Русской земли, онъ честнѣе тебя славою, и противится твоему царству“. Мамай объявилъ своимъ вельможамъ, что идетъ на Русь съ тѣмъ, чтобъ ввести туда магометанскую вѣру вмѣсто христіанской. Куликовская битва описывается кратко въ общихъ выраженіяхъ. Упомянувши о побѣдахъ вожской и куликовской,

авторъ обращается опять къ нравственнымъ достоинствамъ Димитрія, которыя выставляетъ съ тою цѣлію, чтобъ цари и князья научились подражать ему. Описавши цѣломудріе, воздержаніе, благочестіе Димитрія, авторъ переходитъ къ описанію его кончины, говоритъ объ увѣщаніяхъ его сыновьямъ, боярамъ, о распредѣленіи волостей между сыновьями. Описывается плачъ великой княгини Евдокіи, которая такъ причитала: „Почто не промолвиши ко мнѣ, цвѣте мой прекрасный? что рано увядаеши? винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости души моей; солнце мое, рано заходиши; мѣсяцъ мой прекрасный, рано погыбаеши; звѣздо восточная, почто къ западу грядеши“? и проч. Описавши погребеніе великаго князя, авторъ продолжаетъ: „О страшно чюдо, братіе, и дива исполнено; о трепетное видѣніе и ужасъ обдержаше! Слыши небо и внуши земле! Како въспишу или како възглаголю о преставленіи сего великаго князя? отъ горести души языкъ связается, уста загражаются, гортань премолкаетъ, смыслъ измѣняется, зракъ опуснѣваетъ, крѣпость изнѣмогаетъ; аще ли премолчю нудить мя языкъ яснѣе рещи.“ Слово оканчивается обычнымъ прославленіемъ героя, въ видѣ уподобленія его другимъ знаменитымъ лицамъ священной и гражданской исторіи; это прославленіе оканчивается также извѣстнымъ образомъ: „Похваляеть бо царя Константина греческая земля, Володимера кіевская со окрестными грады; тебѣ же, великый князь Димитрій Ивановичъ, вся руськая земля.“—Надобно замѣтить, что это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведеніе, какое только дошло до насъ отъ описываемаго времени.

По образцу похвальнаго слова Димитрію Донскому составлена повѣсть о житіи соперника его, Михаила Александровича Тверского; только написана эта повѣсть гораздо проще. Въ одной лѣтописи сказано, что она составлена по приказанію князя Бориса тверкого [676].

Уже выше было сказано о характерѣ лѣтописи сѣверной, и собственно сѣверовосточной, о различіи ея отъ лѣтописи южной. Тяжекъ становится для историка его трудъ въ XIII и XIV вѣкѣ, когда онъ остается съ одною сѣверною лѣтописью; появленіе грамотъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, даетъ ему новый, богатый матеріалъ, но все не восполняетъ того, о чемъ молчатъ лѣтописи, а лѣтописи молчатъ о самомъ главномъ, о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. Нѣтъ болѣе живой, драм-

матической формы разсказа, къ какой историкъ привыкъ въ южной лѣтописи; въ сѣверной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча; воюютъ, мирятся, но ни сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что они воюютъ, вслѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно, все тихо; всѣ сидятъ запершись и думаютъ думу про себя; отворяются двери ,выходятъ люди на сцену, дѣлаютъ что-нибудь, но дѣлаютъ молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями: лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчей, которыхъ онъ не слыхалъ; но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что самъ лѣтописецъ не разговорчивъ, ибо въ его характерѣ отражается также характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія; какъ современникъ, онъ зналъ подробности любопытнаго явленія, и однако записалъ только, что „много нѣчто нестроеніе бысть.“

До сихъ поръ, называя сѣверную лѣтопись общимъ именемъ суздальской, мы разсматривали ее въ противоположности съ южною лѣтописью вообще. Но разсматривая южную лѣтопись, мы замѣтили, что въ позднѣйшихъ сборникахъ она слагается изъ разныхъ мѣстныхъ лѣтописей—кіевской, волынской, черниговской или сѣверской. Теперь, приступая къ подробнѣйшему разсмотрѣнію сѣверной лѣтописи, мы должны рѣшить вопросъ: не повторяется ли и здѣсь то же самое явленіе? Взглянемъ на извѣстія о сѣверныхъ событіяхъ по Лаврентьевскому списку лѣтописи. Мы уже видѣли, что въ разсказѣ о убіеніи Андрея Боголюбскаго находится ясное свидѣтельство, что разсказъ этотъ написанъ при Всеволодѣ III и въ его владѣніяхъ; въ разсказѣ о событіяхъ по смерти Боголюбскаго, въ словахъ: „Не хотящихъ намъ добра, завистью граду сему,“ обозначается лѣтописецъ именно владимірскій; подъ 1180 и 1185 годами находимъ тѣ же признаки. Потомъ мы замѣчаемъ особенную привязанность лѣтописца къ старшему сыну Всеволода Ш, Константину; эта особенная привязанность видна изъ разсказа о томъ, какъ этотъ князь отправился въ Новгородъ, о томъ, какъ онъ возвратился изъ Новгорода, о встрѣчѣ его съ отцемъ въ Москвѣ; видна изъ умолчанія о поведеніи Константина передъ смертію отцовскою. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ изумляетъ сперва умолчаніе о подробностяхъ вражды между Всеволодовичами, о липецкой битвѣ; но если предположить, что лѣтопись составлена приверженцемъ Константина,

но послѣ его смерти, когда вслѣдствіе новыхъ отношеній, въ интересахъ самихъ дѣтей Константиновыхъ, не нужно было напоминать дядѣ ихъ Юрію о липецкой битвѣ, то мы поймемъ смыслъ этого краткаго извѣстія о враждѣ Всеволодовичей, этого старанія указать преимущественно на великую любовь, которая послѣ того начала господствовать между братьями. Подробности о предсмертныхъ распоряженіяхъ Константина, пространная похвала ему, упоминовеніе, что въ 1221 году погорѣлъ городъ Ярославль, но дворъ княжій остался цѣлъ молитвою добраго Константина—утверждаютъ насъ именно въ томъ предположеніи, что лѣтопись продолжала писаться и по смерти Константина его приверженцемъ, который поселился теперь въ Ростовѣ, у старшаго сына Константинова; самое выраженіе, подъ 1227 годомъ, въ разсказѣ о посвященіи епископа владимірскаго Митрофана, „приключися мнѣ грѣшному ту быти"—это выраженіе, указывающее на случайное въ то время пребываніе лѣтописца во Владимірѣ, заставляетъ насъ также думать, что постоянно онъ жилъ въ Ростовѣ. Описаніе посвященія ростовскаго епископа Кирилла, встрѣчи ему въ Ростовѣ, похвала ему, наконецъ свидѣтельство, что авторъ разсказа самъ записывалъ проповѣди Кирилловы, убѣждаютъ насъ окончательно въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ ростовскимъ лѣтописцемъ, т.-е. живущимъ въ Ростовѣ. Въ извѣстіи о нашествіи Батыя ростовскаго же лѣтописца обличаютъ подробности о кончинѣ ростовскаго князя Василька Константиновича, похвала этому князю, особенно же слова, что бояре, служившіе доброму Васильку, не могли уже послѣ служить никакому другому князю: такъ онъ былъ добръ до своихъ слугъ. Признакъ ростовскаго лѣтописца можно видѣть и подъ 1260 годомъ, въ извѣстіи о пріѣздѣ Александра Невскаго въ Ростовъ; также подъ 1261 годомъ въ извѣстіи объ епископѣ Кириллѣ и объ архимандритѣ Игнатіи. Какъ извѣстія этого лѣтописца относятся къ указаннымъ прежде извѣстіямъ владимірскаго лѣтописца, опредѣлить съ точностію нельзя; очень быть можетъ, что одинъ и тотъ же лѣтописецъ, который жилъ сперва во Владимірѣ при Всеволодѣ III, былъ въ числѣ приближенныхъ людей къ старшему сыну его Константину, и переселился вмѣстѣ съ нимъ въ Ростовъ.

Но въ то же самое время, какъ мы замѣчаемъ слѣды этого ростовскаго, или владимірско-ростовскаго лѣтописца, приверженца

Константинова, въ лѣтописномъ сборникѣ, носящемъ названіе Лаврентьевской лѣтописи,—въ другомъ сборникѣ, при описаніи тѣхъ же самыхъ событій, замѣчаемъ явственные слѣды переяславскаго лѣтописца [676]. Въ сказаніи о смерти Андрея Боголюбскаго, тамъ, гдѣ упомянутый выше лѣтописецъ проситъ Андрея, чтобы тотъ молился за брата своего Всеволода, лѣтописецъ переяславскій говоритъ: „Молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же присного и благороднаго сыновца и дай же ему на противные (побѣду), и многа лѣта съ княгинею, и прижитіе дѣтій благородныхъ.“ Послѣднія слова о дѣтяхъ повели къ правильному заключенію, что они написаны въ то время, когда Ярославъ Всеволодовичъ былъ еще молодъ и княжилъ въ Переяславлѣ. Потомъ при описаніи событій, послѣдовавшихъ на сѣверѣ за смертію Андрея, вездѣ тамъ, гдѣ владимірскій лѣтописецъ говоритъ объ однихъ Владимірцахъ, переяславскій прибавляетъ Переяславцевъ. Важное значеніе получаютъ для насъ извѣстія переяславскаго лѣтописца съ 1213 года, когда онъ начинаетъ излагать подробности борьбы между Константиномъ ростовскимъ и его младшими братьями, подробности, намѣренно умолчанныя лѣтописцемъ владимірско-ростовскимъ. Къ сожалѣнію, мы не долго пользуемся этими подробными извѣстіями, ибо они прекращаются на 1214 году. Такимъ образомъ мы лишены описанія липецкой битвы, которое было бы составлено приверженцемъ Ярослава Всеволодовича, и, слѣдовательно, союзника его Юрія; мы видѣли, что приверженецъ Константина намѣренно смолчалъ о ней; то же описаніе липецкой битвы, которое находимъ въ извѣстныхъ лѣтописяхъ, отзывается новгородскимъ составленіемъ.

Мы видѣли важнѣйшія прибавки, которыя находятся у переяславскаго лѣтописца противъ владимірско-ростовскаго въ Лаврентьевскомъ сборникѣ. Большая часть извѣстій буквально сходны; но есть разности и даже противорѣчія. Рѣзкое противорѣчіе находится въ разсказѣ о борьбѣ Всеволода III съ Рязанью подъ 1208 годомъ: въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ говорится, что Всеволодъ, взявши Пронскъ, посадилъ здѣсь княземъ Олега Владиміровича, одного изъ рязанскихъ князей; а у переяславскаго лѣтописца говорится, что Всеволодъ посадилъ въ Пронскѣ Давида, муромскаго князя, и что въ слѣдующемъ году Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ Владиміровичи, и князь Михаилъ Всеволодовичъ, рязанскіе, приходили къ Пронску

на Давида, говоря: „Развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?“ Давидъ послалъ имъ сказать: „Братья! я бы самъ не набился на Пронскъ, посадилъ меня въ немъ Всеволодъ, а теперь городъ вашъ, я иду въ свою волость.“ Въ Пронскѣ сѣлъ Киръ Михаилъ, Олегъ же Владиміровичъ умеръ въ Бѣлгородѣ въ томъ же году. Изъ двухъ противорѣчивыхъ извѣстій въ нашемъ разсказѣ [677] помѣщено то, которое находится въ большемъ числѣ списковъ; но не знаемъ, едвали не справедливѣе будетъ предпочесть извѣстіе переяславскаго лѣтописца, ибо трудно предположить, чтобъ извѣстіе о приходѣ рязанскихъ князей къ Пронску на Давида было выдумано. Подъ тѣмъ же 1208 годомъ у переяславскаго лѣтописца находится новое любопытное извѣстіе, что Всеволодъ III посылалъ воеводу своего Степана Здиловича къ Серенску, и городъ былъ пожженъ. Посылка эта очень вѣроятна, какъ месть Всеволода черниговскимъ князьямъ за изгнаніе сына его Ярослава изъ Переяславля южнаго.

Мы сказали, что въ большей части извѣстій лѣтописцы владимірско-ростовскій и переяславскій буквально сходны. Но трудно предположить, чтобъ они не были современниками, чтобъ не составляли своихъ лѣтописей одновременно, и потому трудно предположить, чтобъ одинъ списывалъ у другого, прибавляя кой-что свое. Гораздо легче предположить, что такъ-называемая переяславская лѣтопись, по самому составу своему, есть позднѣйшій сборникъ, составитель котораго, относительно событій конца XII и начала XIII вѣка, пользовался обѣими лѣтописями, и переяславскою, и владимірско-ростовскою, написанными первоначально безо всякаго отношенія другъ къ другу. Можно даже найти слѣдъ, какъ позднѣйшій составитель, черпая извѣстія изъ двухъ различныхъ лѣтописей, сбивался иногда ихъ показаніями: такъ послѣ описанія торжества князя Михаила Юрьевича и Владимірцевъ надъ Ростиславичами и Ростовцами, лѣтописецъ владимірскій говоритъ: „И бысть радость велика въ Володимерѣ градѣ, видяще у себе великаго князя всея ростовьскыя земли.“ Въ лѣтописи переяславской безъ сомнѣнія въ томъ же самомъ мѣстѣ говорилось о посаженіи Михаилова брата Всеволода въ Переяславлѣ и о радости Переяславцевъ по этому случаю, и вотъ позднѣйшій составитель, смѣшавшись въ этихъ двухъ извѣстіяхъ, захотѣлъ къ извѣстію владимірскаго лѣтописца прибавить собственное имя князя, находившееся въ переяславской лѣтописи, и написалъ: „Бысть радость велика въ градѣ Володимири,

видяше у себе великаго Всеволода всея ростовскыя земля." И такъ мы думаемъ, что въ „лѣтописцѣ русскихъ царей," который въ печати названъ „лѣтописцемъ Переяславля суздальскаго," находятся извѣстія, взятыя изъ переяславской лѣтописи XIII вѣка; но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ весь этотъ сборникъ, въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ, былъ составленъ переяславскимъ лѣтописцемъ, жившимъ въ XIII вѣкѣ.

Съ 1285 года, по Лаврентьевскому списку, нельзя не замѣтить слѣдовъ тверского лѣтописца: тверскія событія на первомъ планѣ, о тверскомъ князѣ Михаилѣ разсказывается въ подробности. 1305 годомъ оканчивается Лаврентьевскій списокъ, такъ важный для насъ по своей относительной древности; любопытенъ онъ и по точному указанію—когда, кѣмъ и для кого онъ написанъ. Указанія эти находятся въ слѣдующей приписи: „Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормьчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ. Началъ есмъ писати книги сія, глаголемый лѣтописецъ, мѣсяца генваря въ 14, на память святыхъ отецъ нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раифѣ избьеныхъ, князю великому Димитрію Константиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Діонисья, и кончалъ есмь мѣсяца марта въ 20, на память святыхъ отецъ нашихъ, иже въ монастыри святаго Савы избьеныхъ отъ Срацынъ, въ лѣто 6885 (1377), при благовѣрнемъ и христолюбивѣмъ князѣ великомъ Димитріи Константиновичи, и при епископѣ нашемъ христолюбивомъ священномъ Діонисьѣ суждальскомъ и новгородьскомъ и городьскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашъ, Сынъ Бога живаго, Емуже слава и держава и честь и поклоненье со Отцемъ и со Пресвятымъ Духомъ и нынѣ и присно въ вѣкы, аминь". Такимъ образомъ Лаврентій, составляя лѣтопись свою въ 1377 году, долженъ былъ окончить ее 1305 годомъ; значитъ при всѣхъ средствахъ своихъ, пиша для князя, не нашелъ описанія любопытныхъ событій отъ начала борьбы между Москвою и Тверью.

Въ Никоновскомъ сборникѣ и во второй половинѣ XIII вѣка видны слѣды ростовскаго лѣтописца, который подробнѣе всего разсказываетъ о князьяхъ ростовскихъ, ихъ поѣздкахъ въ Орду, женитьбахъ, характерахъ, усобицахъ. Съ девяностыхъ годовъ XIII вѣка замѣтны и здѣсь слѣды тверского лѣтописца. Въ извѣстіяхъ о первой борьбѣ между Москвою и Тверью трудно распознать, какому мѣстному лѣтописцу принадлежатъ они; но съ 1345 года подлѣ московскаго лѣтописца мы видимъ опять явственные слѣды тверского въ подробностяхъ усобицъ между потомками Михаила Ярославича, и эти подробности продолжаются до двадцатыхъ годовъ XV вѣка. Но когда подробныя извѣстія о тверскихъ событіяхъ прекращаются въ Никоновскомъ сборникѣ, любопытныя извѣстія объ отношеніяхъ тверскихъ князей къ московскимъ, въ княженіе Ивана Михайловича, находимъ въ такъ называемой тверской лѣтописи, хранящейся теперь въ Императорской публичной библіотекѣ. Этотъ чрезвычайно любопытный лѣтописный сборникъ, составленный какимъ-то Ростовцемъ во второй четверти XVI вѣка [678], конечно не можетъ быть названъ тверскою лѣтописью потому только, что его составитель для нѣкотораго времени пользовался тверскою лѣтописью. Относительно тверскихъ событій сборникъ этотъ важенъ для насъ не только по извѣстіямъ позднѣйшимъ, начиная съ княженія Ивана Михайловича, но особенно по извѣстію о возстаніи на Шевкала въ Твери. Давно уже мы выразили сильное сомнѣніе относительно справедливости извѣстія, будто бы Шевкалъ хотѣлъ обращать Русскихъ въ магометанскую вѣру [679], и вотъ въ упомянутомъ сборникѣ Шевкалово дѣло разсказано подробнѣе, естественнѣе, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ, и безъ упоминовенія о намѣреніи Шевкала относительно вѣры. Шевкалъ, по обычаю всѣхъ пословъ татарскихъ, сильно притѣснялъ Тверичей, согналъ князя Александра съ двора его и самъ сталъ жить на немъ; Тверичи просили князя Александра объ оборонѣ, но князь приказывалъ имъ терпѣть. Не смотря на то, ожесточеніе Тверичей дошло до такой степени, что они ждали только перваго случая возстать противъ притѣснителей; этотъ случай представился 15 августа; дьяконъ Дюдко повелъ кобылу молодую и тучную на пойло; Татары стали ее у него отнимать, дьяконъ началъ вопить о помощи, и сбѣжавшіеся Тверичи напали на Татаръ [680].

Что существовало нѣсколько лѣтописей, въ которыхъ описывались событія конца первой половины XV вѣка, видно ясно изъ Никоновскаго сборника подъ 1445 годомъ: приведши краткое извѣстіе о приходѣ Литовцевъ на Калугу, составитель вслѣдъ за этимъ помѣщаетъ два другихъ пространнѣйшихъ извѣстія о томъ же самомъ событіи, прямо говоря: „Отъ инаго лѣтописца о томъ же."

Что касается до современныхъ понятій религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и научныхъ, высказываемыхъ въ лѣтописи, то въ описываемое время въ сѣверовосточной лѣтописи голосъ лѣтописца слышится гораздо рѣже, чѣмъ прежде. Описавши мученическую кончину князя Романа Рязанскаго въ Ордѣ, лѣтописецъ обращается къ князьямъ съ такимъ наставленіемъ: „Возлюбленные князья русскіе! не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою свѣта сего, которая хуже паутины, какъ тѣнь проходитъ, какъ дымъ изчезаетъ; не принесли вы на этотъ свѣтъ съ собою ничего, ничего и не отнесете; не обижайте другъ друга, не лукавствуйте между собою, не похищайте чужаго, не обижайте меньшихъ родственниковъ своихъ." Тверской лѣтописецъ, сказавши о примиреніи своихъ князей, прибавляетъ: „И радовахусь бояре ихъ, и вси вельможи ихъ, тако же гости и купцы и вси работники, людіе роды и племена Адамова; вси бо сіи единъ родъ и племя Адамова, и цари, и князи, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремественницы, и работніи людіе, единъ родъ и племя Адамово; и забывшеся другъ на друга враждуютъ, и ненавидятъ, и грызутъ, и кусаютъ, отстоящи отъ заповѣдей Божиихъ, еже любити искренняго своего яко самъ себе [581]." Особенно сильно раздается голосъ московскаго лѣтописца при описаніи Едигеева нашествія, бѣдствіе котораго онъ приписываетъ неблагоразумной политикѣ молодыхъ бояръ. „Подобаетъ намъ разумѣть, говоритъ онъ, вслѣдствіе чего Агаряне такъ возстали на насъ; не явно ли, что за наши грѣхи наводитъ ихъ Господь Богъ, да обратимся и покаемся?... Быть можетъ, нѣкоторымъ покажется непріятно написанное нами; быть можетъ, найдутъ неприличнымъ, что мы разсказали событія, не очень для насъ лестныя; но все сказанное нами клонится къ тому, чтобъ удержать отъ зла, направить къ добру. Мы написали это не въ досаду, не въ поношеніе чье-либо, не изъ зависти къ чести честныхъ; мы пишемъ по примѣру начальнаго лѣтословца кіевскаго,

который всѣ событія земскія не обинуясь показываетъ; да и первые наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвали описывать все, что ни случится добраго или недобраго въ землѣ; хочешь, прочти прилежно того великаго Сильвестра Выдубицкаго, безъ украшеній писавшаго при Владимірѣ Мономахѣ. Блага временныя и вѣчныя пріобрѣтаются не гнѣвомъ и гордостію, но простотою, умиленіемъ и смиреніемъ. Отцы наши безгнѣвіемъ, простотою и смиреніемъ обрѣли блага настоящаго и будущаго вѣка и намъ предали; мы же, поучась ихъ примѣромъ, не преминули описать все приключившееся во дни наши, да властодержцы наши прилежно внимають, избирая лучшее; юноши да почитаютъ старцевъ, и сами одни безъ опытнѣйшихъ старцевъ да не самочинствуютъ въ земскомъ правленіи". Сѣверный, теперь, какъ видно, московскій лѣтописецъ продолжаетъ непріязненно смотрѣть на Новгородъ и его бытъ, очень неблагосклонно отзывается о Новгородцахъ, называя ихъ людьми суровыми, непокорными, упрямыми и вмѣстѣ непостоянными, вѣчниками, крамольниками [682]. Изъ научныхъ понятій лѣтописца можемъ привести только слѣдующее объясненіе случаевъ, когда молнія убиваетъ, и когда нѣтъ: „Если молнія происходитъ только отъ столкновенія облаковъ, то не вредитъ, проходитъ мимо и угасаетъ; если же при столкновеніи облаковъ, къ нимъ сойдетъ небесный свѣтъ огненный, пламевидный, и соединится съ молніею, то послѣдняя спускается внизъ къ землѣ и сожигаетъ все, къ чему приразится" [683].

Новгородская лѣтопись отличается тѣмъ же самымъ характеромъ, какой показанъ былъ и прежде. Примѣту лѣтописца находимъ въ ней подъ 1230 годомъ: сказавши о смерти юрьевскаго игумена Саввы, лѣтописецъ прибавляетъ: „А дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю"; въ другихъ же спискахъ вмѣсто этого имени читаемъ: „И мнѣ грѣшному Іоанну попови". Подъ 1399 годомъ выказывается лѣтописецъ-современникъ, принимавшій теплое участіе въ церкви Покрова на Звѣрницѣ. Въ такъ называемой новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1384 годомъ, при описаніи вѣчевой смуты въ Новгородѣ, лѣтописецъ говоритъ: „И столху Славлянѣ по князѣ, и звониша вѣче на Ярославли дворѣ по двѣ недѣли, а з д ѣ с е, н а с е й с т о р о н ѣ, три князи другое вѣче ставиша". Подъ 1418 годомъ опять виденъ лѣтописецъ современникъ описаннаго событія.—При

описаніи событія 1255 года лѣтописецъ прямо даетъ знать, что онъ принадлежитъ къ сторонѣ меньшихъ: „И побѣжа Михалко изъ города къ св. Георгію, како было ему своимъ полкомъ уразити нашю сторону.“ Если московскій лѣтописецъ неблагосклонно отзывается о Новгородцахъ, то и новгородскій пользуется случаемъ сказать дурное о Москвичахъ, упрекнуть ихъ въ трусости; такъ при описаніи Батыева нашествія читаемъ: „Москвичи же побѣгоша, ничего же не видѣвше“.

Мы упомянули о такъ называемой новогородской четвертой лѣтописи. Всякому съ перваго же взгляда на нее будетъ ясно, что это названіе неправильно, ибо означенная лѣтопись есть довольно полный сборникъ разныхъ лѣтописей, въ томъ числѣ и новгородской; но конечно онъ не можетъ получить названія отъ одной только составной части своей. Здѣсь, подъ 1352 годомъ, встрѣчаемъ мы лѣтописца псковскаго, распространяющагося о моровой язвѣ въ его городѣ; подъ 1371 годомъ встрѣчаемъ лѣтописца московскаго, который, разсказывая о сраженіи Москвичей съ Рязанцами, называетъ первыхъ нашими; видимъ явныя сшивки изъ разныхъ лѣтописей; такъ напримѣръ подъ 1386 годомъ два раза разсказано объ одномъ и томъ же событіи, именно о походѣ смоленскихъ князей подъ Мстиславль, сначала короче, а потомъ пространнѣе; а подъ 1404 годомъ два раза разсказано о взятіи Смоленска Витовтомъ.

Мы видѣли, что въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка распространилось мнѣніе о близкомъ концѣ міра; мы видѣли, что новгородскій владыка Іоаннъ въ 1397 году уговаривалъ Новгородцевъ помириться со Псковичами, представляя имъ, что уже приходитъ послѣднее время. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто въ сборникѣ, носящемъ названіе новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1402 годомъ: „Въ великій постъ, въ мартѣ мѣсяцѣ являлось знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю, на западѣ, звѣзда не малая въ видѣ копья, а на верху у нея какъ лучъ сіялъ. Это является ради нашихъ грѣховъ, прообразуетъ и претитъ и велитъ намъ покаяться; смѣю сказать, сбывается слово евангельское: знаменія на небеси являются; встали и языки другъ на друга: Татары, Турки, Фряги, Ляхи, Нѣмцы, Литва. Но что мнѣ говорить о Татарахъ и Туркахъ, и прочихъ языкахъ невѣрныхъ и некрещеныхъ? Мы сами, называемые христіане, правовѣрные и православные

ведемъ между собою брани и рати. Случается такъ: встаетъ правовѣрный князь на правовѣрнаго князя, на брата своего роднаго или на дядю, и отъ вражды, непокоренія и гнѣва доходитъ дѣло до кровопролитія. Воины, съ обѣихъ сторонъ православные христіане, ратуютъ, каждый по своемъ князѣ, волею и неволею; въ схваткѣ сѣкутся безъ милости: поднимаетъ руку христіанинъ на христіанина, куетъ копье братъ на брата, остритъ мечъ пріятель на пріятеля, стрѣлами стрѣляетъ ближній ближняго, сулицею прободаетъ сродникъ сродника, племенникъ своего племенника пизлагаетъ, и правовѣрный единовѣрнаго разсѣкаетъ, юноша сѣдинъ старческихъ не стыдится, и рабъ Божій раба Божіяго не пощадитъ“ [634].

Начало псковскихъ лѣтописей можно отнести ко второй четверти XIII вѣка. Относительно состава списковъ ихъ, до насъ дошедшихъ, встрѣчаемъ любопытное указаніе въ такъ называемой второй псковской лѣтописи, подъ 1352 годомъ: „Бысть моръ золъ во Псковѣ, и по селамъ, и по всей волости, хракотный: о семъ пространнѣ обрящеши написано въ русскомъ лѣтописци.“ Это пространное извѣстіе о морѣ, написанное, какъ по всему видно, Псковичемъ и современникомъ, находится во псковской первой и въ городской четвертой лѣтописи; но какая лѣтопись разумѣется здѣсь подъ именемъ русскаго лѣтописца? Мы думаемъ только, что здѣсь не можетъ разумѣться мѣстная псковская. Что касается характера псковскихъ лѣтописей, то разсказъ ихъ отличается особеннымъ простодушіемъ; при этомъ замѣчаемъ въ псковскихъ лѣтописцахъ сильную привязанность къ однимъ и тѣмъ же обычнымъ выраженіямъ при описаніи извѣстныхъ событій. Легко замѣтить, на какихъ отношеніяхъ сосредоточивается преимущественно участіе лѣтописца—это на отношеніяхъ къ Нѣмцамъ ливонскимъ и къ Новгороду; мы замѣтили, что жалоба на непособіе отъ Новгородцевъ служитъ постояннымъ припѣвомъ псковскаго лѣтописца.

Въ сѣверовосточной лѣтописи вообще въ описываемое время, именно съ конца XIV вѣка, замѣчаемъ важную перемѣну: годы мірозданія перестаютъ считаться съ марта и начинаютъ считаться съ сентября. Замѣтимъ и перемѣну въ веществѣ рукописей; съ XIV вѣка вмѣсто пергамена стали употреблять бумагу, сдѣланную изъ хлопчатой и тряпичную.

На югозападѣ во второй четверти XIII вѣка славился пѣвецъ Митуса, котораго лѣтописецъ называетъ словутнымъ, и говоритъ,

что онъ по гордости не хотѣлъ служить князю Даніилу; Митуса находился, какъ видно, въ службѣ владыки перемышльскаго, ибо взятъ былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ слугами послѣдняго [685]. До литовскаго владычества югозападные русскіе князья Рюриковичи въ любви къ книгамъ подражали, какъ видно, своимъ предшественникамъ: о Владимірѣ Васильковичѣ Волынскомъ читаемъ, что онъ говорилъ ясно отъ книгъ, потому что былъ философъ великій [686]. Этотъ князь самъ трудился надъ переписываніемъ книгъ: такъ говорится, что онъ самъ списалъ Евангеліе и Апостолъ, другія священныя и богослужебныя книги велѣлъ переписывать и раздавалъ по церквамъ [687]; молитвенникъ купилъ за 8 гривенъ купъ.

Что касается югозападной, т.-е. волынской лѣтописи, то къ сказанному прежде мы должны прибавить теперь, что эта лѣтопись любопытна отсутствіемъ хронологіи, ибо годы, выставленные въ дошедшихъ до насъ спискахъ, выставлены позднѣйшими переписчиками [688]; первоначально же лѣтопись составляла сплошной разсказъ, какъ это напримѣръ ясно видно между годами 1259 и 1260. Для объясненія этого служитъ слѣдующее мѣсто лѣтописи, находящееся подъ 1254 годомъ: „Въ та же лѣта, времени минувшу, хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя: чтый мудрый разумѣетъ; число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, въ задняя впишемъ по Антиохыйскымъ сором алумпіядамъ, Грьцкыми же численицами, Римьскы же високостомъ, якоже Евсевій и Памьфилъ, иніи хронографи списаша отъ Адама до Хрьстоса; вся же лѣта спишемъ росчетъше во задньяя“. Здѣсь слова: „Овогда же (нужа) писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя“—показываютъ намъ, что лѣтописецъ тяготился хронологическимъ порядкомъ, который заставляетъ прерывать нить однородныхъ извѣстій, понималъ, что иногда нужно вести разсказъ сплошь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и потомъ опять возвращаться назадъ къ другого рода событіямъ. Должно прибавить также, что разсказъ о кончинѣ князя Владиміра Васильковича обличаетъ современника, очевидца, писавшаго въ княженіе преемника Владимірова, Мстислава Даниловича; на это указываютъ слѣдующія слова въ обращеніи къ Владиміру: „Возстани, виждь брата твоего, красящаго столъ земли твоея: ксему же виждь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держитъ по преданью твоему“. Касательно образованности волын-

скаго лѣтописца мы должны замѣтить, что онъ знаетъ Гомера; такъ подъ 1232 годомъ читаемъ: „Олесть зла есть! якоже Омиръ пишетъ, до обличенья сладка есть, обличена же зла есть.“ Русскій языкъ остался господствующимъ, письменнымъ и правительственнымъ и послѣ утвержденія власти князей литовскихъ въ западной Руси. На русскомъ же языкѣ продолжались писаться и лѣтописи, слѣды которыхъ можно отыскать въ XIV вѣкѣ; до насъ дошла лѣтопись отъ первой половины XV вѣка, въ которой говорится, что она есть сокращеніе древнѣйшихъ; разсказъ ея отличается особенною наивностію [689].

Мы окончили тотъ отдѣлъ русской исторіи, который по преимуществу носитъ названіе д р е в н е й исторіи: мы не можемъ разстаться съ нимъ, не показавши его общаго значенія, не показавши отношеній его къ слѣдующему отдѣлу, тѣмъ болѣе, что теперь каждое слово наше будетъ находить подтвержденіе въ преждесказанномъ, читателю уже извѣстномъ.

На великой сѣверовосточной равнинѣ, на перекрестномъ открытомъ пути между Европою и Азіею и между сѣверною Европою и южною, т.-е. между новою Европою и старою, на пути изъ Варягъ въ Греки, основалось государство русское. „Земля наша велика и обильна“—сказали племена призываемымъ князьямъ; но они не могли сказать, что великая и обильная страна ихъ хорошо населена. То была обширная, дѣвственная страна, ожидавшая населенія, ожидавшая исторіи: отсюда древняя русская исторія есть исторія страны, которая колонизуется. Отсюда постоянное сильное движеніе народонаселенія на огромныхъ пространствахъ: лѣса горятъ, готовится богатая почва, но поселенецъ недолго на ней останется; чуть трудъ станетъ тяжелѣе, онъ идетъ искать новаго мѣста, ибо вездѣ просторъ, вездѣ готовы принять его; земельная собственность не имѣетъ цѣны, ибо главное дѣло въ населеніи. Населить какъ можно скорѣе, перезвать отовсюду людей на пустыя мѣста, приманить всякаго рода льготами; уйти на новыя, лучшія мѣста, на выгоднѣйшія условія, въ болѣе мирный, спокойный край; съ другой стороны удержать населеніе, возвратить, заставить другихъ не принимать его—вотъ важные вопросы колонизующейся страны, вопросы, которые мы встрѣчаемъ въ древней русской исторіи. Народонаселеніе движется; славянскій колонистъ, кочевникъ-земледѣлецъ, съ топоромъ, косою и плугомъ идетъ впередъ все къ

сѣверовостоку, сквозь финскихъ звѣроловов. Отъ такой расходчивости, расплывчивости, привычки уходить при первомъ неудобствѣ, происходила полуосѣдлость, отсутствіе привязанности къ одному мѣсту, что ослабляло нравственную сосредоточенность, пріучало къ исканію легкаго труда, къ безрасчетливости, къ какой-то междоумочной жизни, къ жизни день за день. Но разсматриваемая нами страна не была колонія, удаленная океанами отъ митрополіи: въ ней самой находилось средоточіе государственной жизни; государственныя потребности увеличивались; государственныя отправленія осложнялись все болѣе и болѣе, а между тѣмъ страна не лишалась характера страны колонизующейся; легко понять, какія трудности должно было встрѣтить государство при подчиненіи своимъ интересамъ интересовъ частныхъ; легко понять происхожденіе этихъ разнаго рода льготныхъ грамотъ, жалуемыхъ землевладѣльцамъ, населителямъ земель.

Если колонизація имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, то понятно, какъ должно быть важно для историка направленіе колонизаціи, ибо это направленіе будетъ вмѣстѣ и направленіемъ общаго историческаго движенія. Направленіе колонизаціи мы узнаемъ изъ первыхъ строкъ лѣтописца, который говоритъ о движеніи славянскихъ племенъ съ югозапада къ сѣверовостоку, съ береговъ Дуная къ берегамъ Днѣпра и далѣе на сѣверъ и востокъ. Такимъ образомъ два племени, которымъ принадлежитъ новая исторія Европы, славянское и германское, при раздѣленіи между собою европейской почвы, будущей исторической сцены, движутся путями противоположными: германское отъ сѣверовостока къ югозападу, славянское, наоборотъ, отъ югозапада къ сѣверовостоку. Судьба этихъ племенъ опредѣлилась означеннымъ движеніемъ, опредѣлилась природою странъ, занятыхъ въ слѣдствіе движенія прежнимъ бытомъ этихъ странъ, ихъ прежними отношеніями. Здѣсь прежде всего намъ представляется вопросъ: почему въ древней исторіи главнаго славянскаго государства, представителя славянскихъ государствъ по могуществу и самостоятельности, мы замѣчаемъ движеніе именно на сѣверовостокъ? Если германскія племена, при своемъ западномъ движеніи, разрушили западную Римскую имперію, поселились въ ея областяхъ, основали здѣсь отдѣльныя государства,— то почему же славянскія племена, при восточномъ движеніи, не разрушили восточной Римской имперіи и не основали на ея развали-

нахъ новыхъ государствъ? Почему, вмѣсто юговосточнаго направленія, они приняли сѣверовосточное? Причинъ тому много.

При движеніи своемъ къ юговостоку Славяне должны были сталкиваться съ стремительнымъ движеніемъ азіатскихъ племенъ, прорывавшихся чрезъ Каспійскія ворота, по нынѣшней южной Россіи къ западу. Извѣстны движенія Гунновъ, Аваровъ, и судьба народовъ, которые подпадали ихъ натиску. Отъ средняго Днѣпра славянскимъ племенамъ нельзя было двигаться къ югу и юговостоку, оставалось только направленіе сѣверовосточное, и мы видимъ, что племена отъ средняго Днѣпра двигаются въ этомъ направленіи къ Деснѣ, къ Окѣ; но и здѣсь даже они не безопасны отъ Азіатцевъ— и здѣсь они принуждены были платить дань Козарамъ.—Съ другой стороны однако мы видимъ славянскія племена на Нижнемъ Дунаѣ, видимъ славянское народонаселеніе и гораздо южнѣе, на Балканскомъ полуостровѣ; но Славяне здѣсь не господствуютъ, восточная имперія держится, на что есть также свои причины: вопервыхъ, здѣсь имперія была еще крѣпка, здѣсь были собраны всѣ остальныя жизненныя силы ея, благодаря которымъ она и просуществовала до половины XV вѣка; раньше этого времени ее не могли разрушить ни Готѳы, ни Аравитяне; Славяне были ближе, но у нихъ не было достаточныхъ силъ. Азіатскіе народы, стремившіеся съ востока на западъ, постоянно разрѣзывали Славянъ; мы видѣли, какъ Азіатцы оттолкнули русскихъ Славянъ отъ юга и заставили ихъ взять для своего движенія сѣверовосточное направленіе; западныхъ Славянъ задерживали Нѣмцы; такимъ образомъ къ Нижнему Дунаю, на Балканскій полуостровъ не приходили постоянно новыя массы славянскихъ племенъ, которыя бы тѣснили одни другихъ, заставляя прежде пришедшихъ двигаться впередъ, какъ это было на западѣ у германскихъ племенъ. Мы видѣли, какъ Мадьяры окончательно разрѣзали чехо-моравскихъ Славянъ отъ иллирійскихъ нижнедунайскихъ, порвали связь между ними, начинавшуюся было посредствомъ народной славянской церкви. Основаніе Русскаго государства на великомъ восточномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, соединеніе подъ одною властію славянскихъ племенъ, жившихъ по этому пути и около, могло, повидимому, перемѣнить дѣла на востокѣ: лодки Олега являются подъ Константинополемъ, Святославъ поселяется на Дунаѣ. Но судьба Святослава показала ясно, что первые русскіе князья не могли имѣть для

восточной имперіи того значенія, какое Одоакры и Кловисы имѣли для западной: славянскія племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, раскинулись широко и привольно по огромной сѣверовосточной равнинѣ Европы; они не получали никакого толчка съ сѣвера и сѣверовостока; ничто не побуждало ихъ покидать землю великую и обильную и отправляться искать новыхъ земель, какъ то дѣлывали германскія племена на западѣ; ничто не побуждало ихъ предпринимать стремительнаго движенія цѣлыми массами съ сѣвера на югъ, и Святославъ вовсе не былъ предводителемъ подобныхъ массъ: онъ оставилъ назади громадное владѣніе, рѣдкое населеніе котораго вовсе не хотѣло переселяться на югъ, хотѣло, чтобъ князь жилъ среди него и защищалъ его отъ дикихъ степныхъ ордъ: „Ты, князь, чужой земли ищешь; а насъ здѣсь чуть не взяли Печенѣги", говорятъ Кіевляне въ преданіи,—знакъ, что у Кіевлянъ была с в о я земля, а ч у ж о й искать они не хотѣли. Святославъ былъ предводителемъ только небольшой дружины, которая, не смотря на всю свою храбрость, не могла произвести никакого важнаго переворота на Балканскомъ полуостровѣ. Вытѣсненный Цимисхіемъ съ береговъ Дуная, Святославъ погибъ въ степи отъ Печенѣговъ; знакъ, что, съ одной стороны, имперія имѣла еще довольно силъ, чтобъ отбиться отъ князей новорожденной Руси, а съ другой стороны, степные варвары попрежнему отрѣзывали сѣверовосточныхъ Славянъ отъ имперіи; и дѣйствительно мы знаемъ, съ какими трудностями и опасностями въ началѣ и послѣ сопряжено было сообщеніе Руси съ Византіею вслѣдствіе того, что Печенѣги, Половцы, Татары стояли между ними. Слѣдствіемъ столкновенія первыхъ русскихъ князей съ Византіею было не разрушеніе имперіи, но принятіе христіанства Русью изъ Византіи: мы видѣли, какое великое вліяніе при образованіи Русскаго государства имѣло церковное преданіе, заимствованное изъ Византіи.

Такимъ образомъ и послѣ основанія Русскаго государства, т.-е. послѣ соединенія восточныхъ славянскихъ племенъ, главное направленіе движенія оставалось прежнее, т.-е. съ югозапада на сѣверовостокъ, потому что юговосточная часть великой равнины по прежнему занята кочевыми азіатскими ордами, на которыя новорожденная Русь не въ силахъ предпринимать наступательное движеніе. Правда, въ началѣ, когда средоточіе правительственной дѣятельности утвердилось въ днѣпровской области, мы замѣчаемъ въ князьяхъ

стремленіе переводить народонаселеніе съ сѣвера на югъ, населять людьми сѣвера южные украинскіе города, долженствовавшіе защищать Русь отъ степныхъ варваровъ. Но скоро господствующія обстоятельства взяли свое: степная украйна, область днѣпровская, подвергается постояннымъ сильнымъ опустошеніямъ отъ кочевниковъ; ея города пусты: въ нихъ живутъ псари да Половцы, по отзыву самихъ князей; куда же было удалиться русскимъ людямъ отъ плѣна и раззоренія? Конечно не на юговостокъ, прямо въ руки къ Половцамъ; конечно не на западъ, къ иновѣрнымъ Ляхамъ и Венграмъ; свободный путь оставался одинъ—на сѣверовостокъ: такъ ростовская изначала финская область получила свое славянское населеніе. Мы видѣли, какъ сѣверные князья воспользовались приплывомъ народонаселенія въ свою область; мы видѣли, какое значеніе въ русской исторіи имѣла колонизація сѣвера, совершившаяся въ историческое уже время, подъ вліяніемъ, подъ распоряженіемъ князей.

Такъ было въ XII вѣкѣ; въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ побужденія, заставлявшія народонаселеніе двигаться отъ югозапада къ сѣверовостоку, становятся еще сильнѣе: съ юговостока Татары, съ запада Литва; крайній сѣверовостокъ, еще неподвластный русскимъ князьямъ, населенный Зырянами и Вогуличами, не привлекателенъ и опасенъ для поселенцевъ невоинственныхъ, идущихъ небольшими массами; такимъ образомъ теперь съ востока, юга и запада населеніе, такъ сказать, сгоняется въ средину страны, гдѣ на берегахъ Москвы рѣки завязывается крѣпкій государственный узелъ. Мы видѣли, какъ московскіе князья воспользовались средствами, полученными отъ увеличившагося населенія ихъ области, какъ умѣли доставить этой области безопасность и тѣмъ болѣе привлечь въ нее насельниковъ, какъ Москва собрала около себя сѣверовосточную Русь.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, ходъ древней русской исторіи. Уже давно, какъ только начали заниматься русскою исторіею съ научною цѣлью, подмѣчены были главныя, особенно выдающіяся въ ней событія, событія поворотныя, отъ которыхъ исторія замѣтно начинаетъ новый путь. На этихъ событіяхъ начали останавливаться историки, дѣлить по нимъ исторію на части, періоды; начали останавливаться на смерти Ярослава I, на дѣятельности Андрея Боголюбскаго, на сороковыхъ годахъ XIII вѣка, на времени вступленія на

московскій престолъ Іоанна Калиты, на смерти Василія Темнаго и вступленіи на престолъ Іоанна III, на прекращеніи старой династіи и восшествіи новой, на вступленіи на престолъ Петра Великаго, на вступленіи на престолъ Екатерины II. Нѣкоторые писатели изъ этихъ важныхъ событій начали выбирать наиболѣе, по ихъ мнѣнію, важныя; такъ явилось дѣленіе русской исторіи на три большіе отдѣла: древнюю—отъ Рюрика до Іоанна III, среднюю отъ Іоанна III до Петра Великаго, новую отъ Петра Великаго до позднѣйшихъ временъ; нѣкоторые были недовольны этимъ дѣленіемъ, и объявили, что въ русской исторіи можетъ быть только два большихъ отдѣла—исторія древняя до Петра Великаго и новая послѣ него. Обыкновенно каждый новый писатель старался показать неправильность дѣленія своего предшественника, обыкновенно старался показать, что и послѣ того событія, при которомъ предшествующій писатель положилъ свою грань, продолжался прежній порядокъ вещей, что, наоборотъ, передъ этою гранью мы видимъ явленія, которыми писатель характеризовалъ новый періодъ и т. д. Споры безконечные! ибо въ исторіи ничто на оканчивается вдругъ и ничто не начинается вдругъ; новое начинается въ то время, когда старое продолжается.

Но мы не будемъ продолжать этихъ споровъ, мы не станемъ доказывать неправильности дѣленія предшествовавшихъ писателей и придумывать свое дѣленіе, болѣе правильное. Мы начнемъ съ того, что объявимъ всѣ эти дѣленія правильными; мы начнемъ съ того, что признаемъ заслугу каждаго изъ предшествовавшихъ писателей, ибо каждый, въ свою очередь, указывалъ на новую сторону предмета, и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его. Всѣ эти дѣленія и споры о правильности того или другого изъ нихъ были необходимы въ свое время, въ первое время занятія исторіею: тутъ необходимо, чтобы легче осмотрѣться, поскорѣе раздѣлить предметъ, поставить грани по болѣе виднымъ, по болѣе громкимъ событіямъ; тутъ необходимъ сначала внѣшній взглядъ, по которому эти самыя видныя, громкія событія и являются исключительными опредѣлителями историческаго хода, уничтожающими вдругъ все старое и начинающими новое. Но съ теченіемъ времени наука мужаетъ, и является потребность соединить то, что прежде было раздѣлено, показать связь между событіями, показать какъ новое проистекло изъ стараго, соединить разрозненныя части въ одно органическое цѣлое,

является потребность замѣнить анатомическое изученіе предмета физіологическимъ.

Впервые обыкновенно останавливаются на половинѣ XI вѣка, на смерти Ярослава I; здѣсь полагаютъ грань между первымъ и вторымъ періодомъ русской исторіи. Грань поставлена совершенно правильно, но какая же непосредственная связь между первымъ и вторымъ періодомъ, какъ второй произошелъ изъ перваго? Въ XVIII вѣкѣ, въ первомъ періодѣ видѣли Русь рождающуюся, во второмъ раздѣленную; связи между періодами не было показано, но удачныя названія, по крайней мѣрѣ, указывали на естественную связь между рожденіемъ и раздѣленіемъ. Позднѣйшіе писатели однако не воспользовались этими удачными названіями: они старались уничтожить всякую мысль о связи, естественномъ переходѣ, мысль случайно выразившуюся въ названіяхъ, опровергая послѣднія какъ неправильныя. „Вѣкъ св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не р о ж д е н і я,“ объявили они.—„Государство (въ первый періодъ), шагнувъ въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ (во второй періодъ).“ Читая эти слова, мы невольно начинаемъ думать, что имѣемъ дѣло съ Ассиріею, Вавилоніею, Мидіею, тѣми восточными государствами, которыя, шагнувъ внезапно отъ колыбели до величія, начинали потомъ разрушаться; и каково же должно быть наше удивленіе, когда послѣ узнаемъ, что государство, о которомъ идетъ рѣчь, послѣ трехсотлѣтняго разрушенія вдругъ опять обновилось и явилось могущественнѣе прежняго!—Потомъ первому періоду дали названіе норманскаго, второму удѣльнаго; въ первомъ выставили на главный планъ Норманновъ, всѣ явленія приписали ихъ дѣятельности; во второмъ—раздѣленіе Россіи на части, борьбу между князьями, владѣльцами этихъ частей. Но мы спросимъ: какая же связь между норманскимъ и удѣльнымъ періодами? какъ второй произошелъ изъ перваго? Нѣкоторые писатели попытались было указать на связь между норманизмомъ и удѣлизмомъ, объявивъ, что удѣльная система, тѣ княжескія отношенія, какія мы видимъ во время ея господства, были заимствованы отъ Норманновъ: попытка похвальная, но вполнѣ неудачная, потому что ни у Скандинавовъ, ни вообще у всѣхъ германскихъ племенъ не найдемъ ничего похожаго на отношенія, какія видимъ между русскими князьями, нигдѣ не видимъ, чтобы послѣ князя наслѣдовалъ братъ, а не сынъ,

нигдѣ не видимъ, чтобы главный столъ принадлежалъ старшему въ цѣломъ родѣ; подобныя отношенія видимъ только въ славянскихъ государствахъ, и потому должны заключить, что явленіе это есть чисто, исключительно славянское. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ случилось, что въ продолженіе цѣлаго перваго періода, до самой смерти Ярославовой, на первомъ планѣ дѣйствуютъ Норманны, дѣйствуютъ по нормански, отсюда все норманское, и вдругъ, при переходѣ въ слѣдующій періодъ, встрѣчаемъ господствующее явленіе—отношенія между князьями, потомками Норманновъ, и это явленіе есть чисто, исключительно славянское? ищемъ Норманновъ всюду, и нигдѣ не находимъ.

Это самое отсутствіе связи между первымъ и вторымъ періодомъ, если первый обозначимъ именемъ норманскаго, всего лучше показываетъ намъ невѣрность послѣдняго названія. Норманны основали государство, Норманны дѣйствуютъ преимущественно, даже исключительно въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ,—и вдругъ исчезаютъ, и вдругъ государство является славянскимъ! Дѣло въ томъ, что основалось государство славянское; въ основаніи его участвуютъ и Финны, и Норманны; но потомъ сцена дѣйствія немедленно же переносится на югъ, въ область днѣпровскую, въ сторону Славянъ исключительно, утверждается здѣсь, и потому славянское начало господствуетъ вполнѣ; въ первыхъ князьяхъ мы не должны видѣть Варяговъ, предводителей варяжскихъ дружинъ, морскихъ королей; мы должны видѣть въ нихъ князей извѣстнаго владѣнія, имѣющаго свои особенности, свои условія, которыя и опредѣляютъ характеръ дѣятельности историческихъ лицъ. Два раза является по нѣскольку князей въ новомъ владѣніи, но немедленно исчезаютъ въ пользу одного; въ третій разъ является опять нѣсколько князей, которые начинаютъ владѣть въ разныхъ областяхъ, и такой порядокъ вещей утверждается на долго; говорятъ, Россія раздѣлилась. Посмотримъ же теперь, что это за явленіе, какое отношеніе его къ явленіямъ предыдущимъ, къ первому, начальному періоду?

Исторія знаетъ различные виды образованія государствъ: или государство, начавшись незамѣтною точкой, въ короткое время достигаетъ громадныхъ размѣровъ, въ короткое время покоряетъ себѣ многіе различные народы, къ одной небольшой области, въ короткое время, силою завоеванія, привязываются многія другія государства, связь между которыми не условливается природою. Обыкно-

венно такія государства, какъ скоро возрасли, также скоро и падаютъ: такова, напримѣръ, судьба азіатскихъ громадныхъ государствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что государство начинается на ничтожномъ пространствѣ, и потомъ, вслѣдствіе постоянной напряженности силъ отъ внутренняго движенія, въ продолженіе довольно долгаго времени, распространяетъ свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ странъ и народовъ, образуетъ громадное тѣло, и наконецъ распадается на части, вслѣдствіе самой громадности своей и вслѣдствіе отсутствія внутренняго движенія, исчезновенія внутреннихъ живительныхъ соковъ: таково было образованіе государства Римскаго. Образованіе всѣхъ этихъ древнихъ громадныхъ государствъ, какова бы ни была въ другихъ отношеніяхъ разница между ними, можно назвать образованіемъ неорганическимъ, ибо они обыкновенно составляются наростаніемъ извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей посредствомъ завоеванія. Иной характеръ представляется намъ въ образованіи новыхъ, европейскихъ, христіанскихъ государствъ: здѣсь государства при самомъ рожденіи своемъ, вслѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій, являются уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать впослѣдствіи; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются обыкновенно въ видимомъ раздѣленіи, потомъ это раздѣленіе мало по малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется. Такое образованіе мы имѣемъ право назвать высшимъ, органическимъ.

Какое же образованіе нашего государства?

Громадность русской государственной области можетъ привести нѣкоторыхъ въ заблужденіе, заставить подумать, что Россія—колоссальное государство въ родѣ древнихъ—Ассирійскаго, Персидскаго, Римскаго; но стоитъ только внимательнѣе вглядѣться въ явленія начальной русской исторіи, чтобъ увидѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе. Мы видѣли, какъ прежніе историки обозначали древнюю русскую исторію: „государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ.“ Такъ должны были смотрѣть прежде, при внѣшности взгляда; для насъ же теперь это явленіе имѣетъ совершенно обратный смыслъ. Что значитъ: „государство шагнуло въ одинъ

вѣкъ отъ колыбели своей до величія?" Это значитъ, что государство при самомъ рожденіи своемъ является уже въ громадныхъ размѣрахъ, и что эти громадные размѣры условливаются природою: для области новаго государства была опредѣлена обширная восточная европейская равнина, которая, какъ обширная равнина, орошаемая въ разныхъ направленіяхъ бѣгущими великими рѣками, но берущими начало въ одномъ общемъ узлѣ, необходимо долженствовала быть областью единаго государства. Страна была громадна, но пустынна; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ, по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водяныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро обхватило племена, быстро намѣтило громадную для себя область; но эта область по прежнему оставалась пустынною; даннаго, кромѣ почвы, большею частію не было ничего, нужно было все населить, все устроить, все создать: „земля была велика и обильна, но наряду въ ней не было,"—и вотъ Русское государство, подобно другимъ, органически образованнымъ государствамъ, вступаетъ въ долгій, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго возрастанія, окрѣпленія.

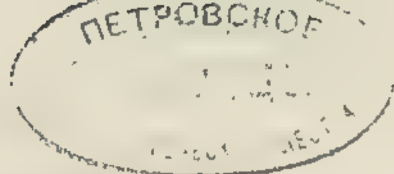
Въ этотъ періодъ мы видимъ и у насъ, какъ въ другихъ органически образованныхъ государствахъ, что страна какъ будто бы раздѣлилась на части, находящіяся подъ властію разныхъ владѣтелей. Всматриваясь внимательнѣе однако, мы видимъ, что при этомъ наружномъ раздѣленіи государство сохраняетъ единство, ибо владѣльцы частей находятся въ связи другъ съ другомъ и въ общей зависимости отъ одного главнаго изъ нихъ. Эти-то отношенія владѣльцевъ, характеръ ихъ зависимости отъ владѣльца верховнаго и должны стать на первомъ планѣ для историка, ибо они держатъ отъ себя въ зависимости всѣ прочія отношенія, опредѣляютъ ходъ событій не только въ то время, въ которое господствуютъ, но и на долго впередъ. Касательно этихъ внутреннихъ владѣльческихъ отношеній новыя европейскія государства раздѣляются на двѣ группы, на группу государствъ германскихъ и на группу государствъ славянскихъ; въ первыхъ мы видимъ господство такъ называемыхъ феодальныхъ отношеній, во вторыхъ, и преимущественно въ Россіи, сохранившей въ большей чистотѣ славянскій характеръ, видимъ господство родовыхъ княжескихъ отношеній. Тамъ, на западѣ, связью между частями государства служила зависимость владѣльца каждой изъ этихъ частей отъ своего высшаго

(вассала отъ сюзерена), зависимость, развивавшаяся изъ первоначальной зависимости членовъ дружины къ вождю; здѣсь, на востокѣ, связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ, отношеніе, основанное не только на происхожденіи всѣхъ владѣльцевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на особенномъ способѣ владѣнія, которымъ поддерживалось единство рода княжескаго; этотъ особенный способъ состоялъ въ томъ, что главный, старшій столъ переходилъ постоянно во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Явленія въ высокой степени любопытныя представляютъ намъ феодализмъ на западѣ, родовыя княжескія отношенія на востокѣ; единство государства повидимому расторгнуто, на сценѣ множество владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свои личныя цѣли съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей: тамъ вассалъ воюетъ противъ своего государя, здѣсь младшій князь вооружается противъ старшаго; феодальная цѣпь на западѣ и родовая связь на востокѣ кажутся такъ слабы, такъ ничтожны при страшной борьбѣ матеріальныхъ силъ, и не смотря на то, благодаря извѣстной экономіи человѣческихъ обществъ, эти двѣ нравственныя связи, нравственныя силы такъ могущественны, что въ состояніи охранить государственное единство; не смотря на частныя нарушенія обязанностей—феодальныхъ на западѣ, родовыхъ на востокѣ, вообще эти обязанности признаются безусловно, юныя государства крѣпко держатся за нихъ, какъ за основы своего единства; феодализму на западѣ и родовымъ княжескимъ отношеніямъ на востокѣ безспорно принадлежала опека надъ новорожденными европейскими обществами въ опасный періодъ ихъ младенчества.

Но этотъ періодъ началъ проходить для Руси: стало замѣтно образовываться крѣпкое государственное средоточіе; родовыя княжескія отношенія должны уступить мѣсто единовластію. Мы видѣли, гдѣ и какъ, при какихъ условіяхъ образовалось это государственное средоточіе, какъ нанесенъ былъ первый ударъ господствующимъ отношеніямъ, какъ началась, продолжалась и окончилась борьба между старымъ и новымъ порядкомъ вещей. Мы видѣли, какъ первоначальная сцена русской исторіи, знаменитая водная дорога изъ Варягъ въ Греки, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта.

жизненныя силы, слѣдуя изначала опредѣленному направленію, отливаютъ отъ югозапада къ сѣверовостоку; народонаселеніе движется въ этомъ направленіи и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія. Область верхней Волги колонизуется; мы видѣли, подъ вліяніемъ какого начала произошла эта колонизація, какой характеръ въ слѣдствіе этого приняли здѣсь отношенія новаго народонаселенія ко власти, его призвавшей, новыхъ городовъ къ князьямъ, ихъ построившимъ, отношенія, опредѣлившія характеръ новаго государства. Мы видѣли, какъ эти отношенія немедленно же обнаруживаютъ свое дѣйствіе, какъ, основываясь на нихъ, начинается борьба новаго порядка вещей съ старымъ, государственныхъ отношеній съ родовыми, и оканчивается торжествомъ первыхъ надъ послѣдними, вслѣдствіе чего сѣверовосточная Русь собирается въ одно цѣлое; мы видѣли причины, почему она собирается около Москвы; видѣли, какъ московскіе князья пользуются выгоднымъ положеніемъ своей срединной области, наибольшимъ стеченіемъ въ нее народонаселенія, богатѣютъ, усиливаются, подчиняютъ себѣ остальныхъ князей, отбиваютъ и Татаръ, и Литву.

Препятствій имъ при этомъ мало, пособій много. Способствовало имъ отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что условливалось природою страны, передвижкою народонаселенія, привычкою переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вездѣ находить одинакія удобства, одинакій бытъ; неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ сѣверовосточной Руси, вслѣдствіе чего голоса ихъ при важныхъ событіяхъ, при важныхъ борьбахъ не слышно; характеръ сѣвернаго народонаселенія вообще, изначала неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося, разсудительнаго: народонаселенію съ такимъ характеромъ скорѣе чѣмъ какому-либо другому должны были наскучить усобицы, сопряженныя съ ними безпокойства, бѣдствія, такое народонаселеніе должно было скорѣе другого понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовластіе, подчиненіе всѣхъ князей одному сильнѣйшему, причемъ, какъ видно, народонаселеніе присоединяемыхъ къ Москвѣ княжествъ ничего не теряло, не имѣло повода жалѣть о своей прежней особности. Не могло быть сильныхъ препятствій со стороны дружинъ, ибо дру-


ПЕТРОВСКОЕ

жинники, какъ мы знаемъ, не были тѣсно связаны съ извѣстнымъ княземъ, съ извѣстнымъ княжествомъ, имѣли право перехода отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгоднѣе. Наконецъ, сословіе, пользовавшееся могущественнымъ нравственнымъ вліяніемъ, сословіе духовное, изначала дѣйствовало въ пользу единовластія.

Извнѣ Литва не могла мѣшать Москвѣ усиливаться, сильно и долго защищать отъ нея слабѣйшія княжества; сначала Тевтонскій орденъ, еще могущественный, постоянно отвлекалъ вниманіе литовскихъ князей на западъ; потомъ, послѣ брака Ягайлова на Ядвигѣ, вниманіе ихъ было поглощено отношеніями къ Польшѣ, къ которымъ присоединились еще отношенія къ падающему и распадающемуся ордену, къ Богеміи, Венгріи. Натиски Швеціи и ордена Ливонскаго были таковы, что отдѣльныхъ силъ Новгорода и Пскова было достаточно для противоборства имъ. Продаваемая за деньги помощь татарская была постоянно готова для каждаго сильнаго и богатаго князя.

Между тѣмъ въ Европѣ происходятъ великія явленія; если на сѣверъ отъ Чернаго моря владычеству Азіатцевъ нанесенъ сильный ударъ отъ новорожденнаго Московскаго государства, если Куликовская битва предвозвѣстила конецъ давняго господства кочевыхъ варваровъ на великой восточной равнинѣ, вслѣдствіе начавшагося здѣсь сосредоточенія и усиленія европейскаго государства, то на югѣ одряхлѣвшая окончательно Византія пала предъ Турками. Европейскіе христіанскіе народы не поддержали Греческой имперіи: подобныхъ государствъ нельзя поддержать при всемъ желаніи и при всѣхъ средствахъ; кромѣ того европейскіе народы въ описываемое время были сильно заняты у себя: то былъ знаменитый XV вѣкъ, когда юныя европейскія государства, послѣ тяжелаго внутренняго процесса, знаменующаго такъ называемую Среднюю исторію, стремились къ окончательному сосредоченію, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. На востокѣ единовременно видимъ сосредоточеніе сѣверныхъ русскихъ областей около Москвы, сосредоточеніе Польши и образованіе литовскаго государства преимущественно изъ областей Руси югозападной. Польша соединяется съ Литвою подъ одною династіею, но соединяется внѣшнимъ соединеніемъ, ибо внутреннему препятствуетъ разность вѣроисповѣданій. И вотъ Римъ, пользуясь бѣдствіемъ Византіи, устроиваетъ дѣло

24*

соединенія церквей. Исидоръ, въ званіи митрополита всея Руси, подписываетъ во Флоренціи актъ соединенія; но въ Москвѣ этотъ актъ отвергнутъ, здѣсь рѣшили остаться при древнемъ благочестіи: одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многія вѣка впередъ опредѣляютъ судьбы народовъ! Если борьба между католицизмомъ и простестантизмомъ, борьба предвозвѣщенная въ описываемое время Гуссомъ, опредѣлила на долго судьбы западной Европы, то борьба между католицизмомъ и православіемъ, борьба условленная отринутіемъ Флорентійскаго соединенія въ Москвѣ, опредѣлила судьбы Европы восточной; вѣрность древнему благочестію, провозглашенная великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверовосточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на московскій престолъ польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова.

При такихъ обстоятельствахъ образовалось Московское государство. Формы, въ которыхъ оно образовалось, условливались отношеніями къ духовенству, дружинѣ и остальному народонаселенію: отношенія духовенства условливались византійскими преданіями; дружина не была дружиною завоевателей; сначала, на югѣ, при многочисленности членовъ княжескаго рода, члены дружины не могли пріобрѣсть значенія постоянныхъ областныхъ правителей; при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, при переходѣ князей изъ одной области въ другую, члены дружины не могли пріобрѣсть въ областяхъ значенія постоянныхъ знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ; на сѣверѣ, при осѣдлости князей, члены дружины получили возможность пріобрѣсть послѣднее значеніе; здѣсь видимъ богатыя и могущественныя фамиліи; но сначала уже замѣчаемъ, что при самыхъ богатыхъ и могущественныхъ изъ нихъ богатство и могущество не остаются долго: Алексѣй Петровичъ Хвостъ гибнетъ, какъ видно, отъ соперниковъ своихъ, отъ Вельяминовыхъ; значеніе послѣднихъ никнетъ при Димитріи Донскомъ; при Василіи Димитріевичѣ поднимаются Кошки, но не сохраняютъ своего первенствующаго положенія при Василіи Темномъ; Всеволожскій, поднявшійся было въ малолѣтство послѣдняго, скоро падаетъ, имѣніе его также переходитъ къ великому князю, равно какъ имѣ-

нія Свибловыхъ и Константиновичей. Соперничество фамилій безспорно много помогло и при уничтоженіи сана тысяцкаго и вообще помогало князьямъ управляться съ отдѣльными членами дружины, опасными или почему бы то ни было неугодными, тѣмъ болѣе, что вообще очень важное значеніе дружины не затрогивалось. Съ другой стороны значеніе старыхъ фамилій постоянно ослаблялось приплывомъ знатныхъ выходцевъ, искавшихъ службы при дворѣ сильныхъ князей московскихъ; особенно въ послѣднее время пріѣзжаетъ много князей, Рюриковичей и Гедиминовичей, которые въ описываемый періодъ, сохраняютъ свое первенствующее положеніе, именуются прежде бояръ; пришельцы заѣзжаютъ, оттѣсняютъ членовъ старыхъ фамилій; неудовольствіе послѣднихъ не можетъ вести ни къ чему: безъ нихъ обойдутся, другихъ слугъ много; невыгодно промѣнять службу въ сильной, богатой Москвѣ на службу въ другомъ княжествѣ; если же недовольный и отъѣдетъ, начнетъ крамолить, поджигать усобицы, то всѣ эти усобицы оканчивались торжествомъ князя московскаго, при чемъ извѣстна участь Вельяминова, Всеволожскаго Константиновичей. При постоянномъ движеніи, пріѣздѣ отовсюду новыхъ слугъ, трудно было образоваться какимъ нибудь постояннымъ отношеніямъ и положеніямъ, и потому видимъ смѣны, перемѣщенія; въ концѣ описываемаго времени видимъ на первомъ планѣ или князей или членовъ такихъ родовъ, которыхъ не видимъ прежде на первомъ мѣстѣ.—Касательно отношеній остального народонаселенія намъ не нужно ничего прибавлять къ тому, что было прежде сказано о значеніи городовъ сѣверовосточной Руси.

Такъ образовалось Московское государство.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Никон. IV. 239: И умзди князей царевыхъ, чтобъ печаловались о немъ царю Тахтамышу. Они же взяша много злато и сребро и великіе дары, такоже и царь Тахтамышъ взя многое злато и сребро и великіе дары.

2. Мещера была куплена еще Донскимъ; Таруса имѣла особыхъ князей. См. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 32.

3. Арцыбашевъ догадывается, что Цыбирца можетъ-быть испорченное Симбирскъ; но въ такомъ случаѣ не скорѣе ли Цывильскъ.—См. Акты истор. I, № 12.

4. Село Нижегородской губерніи Макарьевскаго уѣзда.

5. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 35.

6. Тамъ же, № 38.

7. Тамъ же, № 40.

8. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 37: Акты Арх. Эксп. I, № 10.

9 По Никонов. лѣтоп. (IV, 253), Новгородцы заплатили 350 рублей митрополичьему послу за то, что привезъ имъ благословеніе, а потомъ послали митрополиту еще 600 рублей. Въ Новгор. IV-й (П. С. Р. Л. IV, 100) подъ 1394 г.: „а отъ митрополита Кипріана бояринъ Дмитрокъ пріѣхалъ прошать сребра получетверстаста рублевъ, что ѣздилъ Кюръ Созоновъ да Васплай Щечкинъ въ Царьградъ къ Патріарху посломъ отъ Новагорода о благословеніи, и скопилъ долгу, а Новгородцы даша Дмитроку то сребро". Архангел. стр. 114: „и послаша Новгородцы и владыка Іоаннъ въ Ростовъ къ Θедору архіепископу Ростовскому, чтобъ ѣхалъ къ Москвѣ да билъ челомъ в. к. Вас. Дм. о миру. А митрополиту послаша грамоту цѣловалную... и арх. Θедоръ в. к. челомъ и даша Новгородцы в. князю 10.000 рублей, а владыка далъ в. князю 1000 рублей."

10. Татищ. IV, 388. Что подобныя сношенія съ Витовтомъ дѣйствительно были, о томъ прямо говоритъ Новгородская лѣтопись. См. ниже.

11. Любопытенъ разсказъ Архангел. лѣтописи (стр. 116): „И пришедше на Устюгъ (Новгородцы) въ соймахъ, и повоеваша, посады пожгоша, и волости многія повоеваша, а города Гледѣна не могоша взяти, и стояша подъ городомъ три недѣли.... а у Устюжанъ съ города и съ церквей копейщины просиша и они имъ не дали. И воеводы Новгородскія на Устюжанъ разгнѣвашася, да и церковь соборную Пречистыя пограбиша, а иконы чудотворныя Одигитріе взяша въ полонъ, а иные многи, и несше въ насадъ поставиша, и насадъ отъ берегу не пойде. Единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ, и связа икону убрусомъ, и глагола тако: Никой полонянинъ не связанъ на чужую землю пейдетъ. И пондоша прочь, а церковь соборную зажгоша.... И бысть на нихъ гнѣвъ Божій и Пречистые Его Матери, и бысть на нихъ на пути коркота, начало имъ корчити руки и ноги, хребты имъ ломати, и мало ихъ пріидоша здоровыхъ въ Новгородъ, и тамъ на нихъ слѣпота бысть.... Владыка же повелѣ имъ, обѣщався поставити церковь соборную на Устюзѣ, и чудотворныя иконы отвезти со всею крутою и съ полономъ назадъ. И сотвориша обѣтъ, иконы поставиша во св. Софѣи, и пѣвше молебны. И бысть имъ милость отъ Бога. Въ лѣто 6907, владыка Иванъ и Новгородцы послаша мастеровъ церковныхъ на Устюгъ, и съ ними гостей своихъ, людей добрыхъ, и проводи владыка и весь Новгородъ иконы чудотворныя до Ладоги; а гости многія проводиша до Устюга. И поставиша церковь на Устюзѣ древяну велику единаго лѣта, соборную Успеніе Пресвятыя Богородицы.“

12. И потому онъ называется въ лѣтописи разстригою.

13. Никон. IV, 300: „Иванъ владыка архіепископъ Новгородскій пріиде изъ Новагорода на Москву къ Кипріану митрополиту, позванъ о святительскихъ дѣлахъ, и пребысть у Кипріана митрополита въ наказаніи и смиреніи. Того же лѣта бысть соборъ на Москвѣ... отписася архіепископъ Иванъ Новгородцкій свое епискупьи.—Архангел. (121): „Пріѣха владыка Иванъ Новгородскій на Москву бити челомъ в. князю о Торжку, и Кипріанъ, по в. князя слову, владыку поймалъ, да посадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, за мѣсячной судъ, что не дали.—Татищ. IV. 404: в. князь Василій, увѣдавъ, яко Новгородцевъ владыка Іоаннъ на нихъ зло поучаетъ и въ волости Заволоцкой ропта возстаетъ, рекъ митрополиту Кипріану: „отче! не добрѣ творитъ владыка Іоаннъ съ Новгородцы: посылая на Волокѣ дани емлють и людей отчины моея пужають и сольщають къ себѣ; а вы поставлены къ миру и любве учити, мне же имѣніе собирати и возноситися. И митрополитъ вскорѣ посла въ Новгородъ стольника своего Новосильца, повели ему развѣдати добрѣ и владыку звати о святительскихъ дѣлахъ.“

14. Ниже устья рѣки Ямцы 50 верстъ градъ Колмогоры; есть и село Емецкое.—Арцыб. II, прим. 699.

15. Арханг. лѣтоп. прямо говоритъ, что в. князь велѣлъ брату своему Юрію воевать Двинскую землю.

16. Мы видѣли, что въ 1388 году свергнутъ былъ посадникъ Осипъ Захаровичъ и на его мѣсто возведенъ Василій Ивановичъ; подъ 1391 годомъ встрѣчаемъ имена старыхъ посадниковъ—Василія Ѳедоровича, Богдана Обакумовича, Ѳедора Тимоѳеевича; подъ слѣдующимъ годомъ упоминается о смерти двоихъ посадниковъ—Василія Ѳедоровича и Михаила Даниловича; но неизвѣстно, какъ лишился своей должности Василій Ивановичъ, и когда возведенъ опять въ степенные посадники свергнутый прежде Осипъ Захаровичъ; а въ 1394 году прямо говорится о вторичномъ сверженіи Осипа Захаровича и возведеніи на его мѣсто одного изъ старыхъ посадниковъ, Богдана Обакумовича. Подъ 1397 годомъ видимъ въ посадникахъ уже Тимоѳея Юрьевича, вѣроятно сына прежняго посадника Юрія Ивановича. Этотъ-то Тимоѳей Юрьевичъ, вмѣстѣ съ старымъ посадникомъ Юрьемъ Дмитріевичемъ и другимъ бояриномъ, Василіемъ Борисовичемъ, возвратилъ Новгороду заволоцкія его владѣнія, захваченныя московскимъ княземъ, посломъ къ которому, для заключенія мира, отправлялся старый посадникъ Осипъ Захаровичъ. Въ 1404 году степеннымъ посадникомъ былъ Александръ Ѳоминичъ. Подъ 1405 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти посадника Василія Ивановича, возведеннаго, какъ мы видѣли, въ 1388 году; но умеръ ли онъ снова степеннымъ посадникомъ, или только старымъ—неизвѣстно. Въ 1409 г. умерли двое извѣстныхъ намъ посадниковъ—Тимоѳей Юрьевичъ и Осипъ Захаровичъ; въ слѣдующемъ году умеръ неизвѣстный намъ посадникъ Кириллъ Адріановичъ; степеннымъ же въ то время былъ Григорій Богдановичъ, какъ видно, сынъ стараго, Богдана Обакумовича. Подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ имена посадниковъ: Юрія Онцифоровича, Ѳомы Есиповича (вѣроятно сына Осипа Захаровича) и Александра Ѳомича. Подъ 1414 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти неизвѣстнаго намъ посадника Кирилла Дмитріевича (который былъ тысяцкимъ въ 1404 году), подъ слѣдующимъ годомъ—Ѳеодосія Обакумовича, какъ видно, брата Богдана Обакумовича. Въ 1416 году степеннымъ посадникомъ является Иванъ Богдановичъ, какъ видно, другой сынъ Богдана Обакумовича: въ 1417 году Семенъ Васильевичъ; въ томъ же году умерли посадники: Юрій Онцифоровичъ, Иванъ Александровичъ, Борисъ Васильевичъ; въ 1418 году степеннымъ былъ Василій Осиповичъ, быть можетъ, сынъ Осипа Захаровича. Иванъ Богдановичъ умеръ въ 1419 году. Подъ 1420 встрѣчаемъ имя стараго посадника Аѳанасія Ѳедоровича; въ слѣдующій годъ умерли двое посадниковъ—Ѳедоръ Тимоѳеевичъ и Александръ Ѳоминичъ. Степеннымъ посадникомъ въ этомъ году былъ Андрей Ивановичъ; два конца—Неревскій и Славенскій, встали на этого Андрея за землю какого-то Клемен-

тія Артемьина: жители ихъ вооружились, пограбили дворъ посадника и другихъ бояръ, убили 20 человѣкъ помощниковъ Андреевыхъ, и, потерявши съ своей стороны двухъ человѣкъ, утихли.

17. Такъ въ Новгор. перв., въ четвертой же: Ѳеонаса Есифовича.

18. Посадъ Селца при р. Шелонѣ, въ Порховскомъ уѣздѣ.

19. С. г. г. и д. т. I, № 36. Но еще въ 1392 году Василій взялъ у хана ярлыкъ на Торусу: значитъ онъ оставилъ тамъ прежнихъ князей въ качествѣ подручниковъ.

20. Рѣка Смедва, впад. съ тульской стороны въ Оку.

21. Акты Арх. Эксп. I, № 14.

22. П. С. Р. Л. V, 232.

23. Объ этомъ Иванѣ Всеволодовичѣ подъ 1397 годомъ встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: „Князь Иванъ Всеволодичъ отъѣха со Твери на Москву къ в. к. Василью Дмитріевичу, а дядѣ своему в. к. Мих. Алек. Тверскому посла цѣлованіе крестное сложи.... Женися князь Ив. Всеволодичъ Тверскій на Москвѣ, у вел. княгини Евдокѣи поятъ дщерь в. кн. Дмитрія Ивановича Настасію.—Московскій князь далъ Ивану въ кормленіе Торжокъ“.—Въ Псков. лѣтоп. подъ 1399 годомъ: „Псковичи послаша ко кн. вел. Василью Дмитреевичу, и испросиша себѣ князя Ивана Всеволодовича, Александрова внука тверского, и пріѣха Иванъ Всеволодовичъ во Псковъ. Того же лѣта, въ осень, преставися князь Михаилъ Тверскій. Тоя же осени выѣха изо Пскова князь Иванъ.“

24. У Карамз., прим. 213, вставлено неизвѣстно къ какому году относящееся извѣстіе изъ Троицкой лѣтописи: князь Юрьи Всев. приде изъ Орды, добивался Кашина, да *третьей* части Твери.

25. Такъ наз. Тверская лѣтопись, рукоп. въ Импер. Публич. Библ.

26. Собр. Гос. гр. и дог. II, № 15.

27. Витовтъ въ письмѣ къ в. магистру Ордена наз. хана Chudandach. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. копіи съ Кенигсбергскихъ актовъ. Lief. VII, № 147.

28. Кромѣ Нѣмцевъ и Свидригайла, Витовтъ, ставши в. княземъ литовскимъ, долженъ былъ вести войну съ Димитріемъ Корибутомъ, княземъ сѣверскимъ, и Ѳедоромъ Коріатовичемъ, княземъ подольскимъ. Во время владычества Рюриковичей надъ южною Русью, Подолія была мало заселена. Послѣ Батыя утвердились здѣсь Татары. Олгердъ разбилъ трехъ братьевъ, князей татарскихъ—князя Хочебоя, Кутлубута и Дмитрія, которые были, по выраженію лѣтописца (Данилов. стр. 49), отчичи и дѣдичи Подольской земли. Олгердъ отдалъ эту землю сыновьямъ князя Коріата, которые населили страну и настроили въ ней городовъ. Три старшіе Коріатовича умерли безъ наслѣдниковъ; младшій, Ѳедоръ, остался одинъ господиномъ Подоліи и не хотѣлъ признавать власти Витовта; тогда послѣдній выгналъ Ѳедора изъ Подоліи и взялъ ее се-

бѣ; потомъ продалъ половину Польшѣ, опять выкупилъ и держалъ за собой до самой смерти своей, послѣ чего Поляки насильственно отторгнули ее отъ Литвы.—Отъ Александра Коріатовича дошла до насъ грамота, данная имъ Смотрицкому доминиканскому монастырю на мельницу. Здѣсь упоминается о дани Татарамъ; слѣд. Подолія еще не совсѣмъ была освобождена отъ ихъ зависимости. См. Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, т. I, № 4.

29. Акты относящ. къ Истор. Западн. Россіи, т. I, № 10.

30. Этихъ 20 слишкомъ князей лѣтописецъ высчитываетъ по именамъ, а потомъ говоритъ, что всѣхъ князей убито 74; но откуда же взялось 74, когда всѣхъ князей было 50? Касательно окупа съ Кіева въ однихъ лѣтописяхъ находимъ 3000, въ другихъ только 500 рублей.

31. Супрасльская рукопись, стр. 136: „князь же Василій обѣща ему дати силу свою и удержа его на тые сроки, а порова тьсти своему Витовту".

32. Лѣтоп. содерж. Русс. ист. отъ 852—1598 г., стр. 123, 124.

33. Русу, Ладогу, Орѣховъ, Тиверьскій, Корѣльскый, Копорью, Торжокъ, Волокъ Ламьскій, Порховъ, Вышегородъ, Высокое, Кошкинъ, Городецъ. П. С. Р. Л. IV, 107.

34. Съ перваго раза кажется, что Псковичи повоевали волости литовскія, и слѣд. Ржева (село Подржевка, къ югу отъ города Новоржева, Псковской губерніи, см. Сѣвер. Арх. 1822, № 23) и великія Луки принадлежали уже Витовту. Но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано слѣдующее: „Псковичи же отъслали ихъ (полки новгородскіе) къ Новугороду, а сами ѣхавше на крестномъ цѣлованіи повоеваша села новогородьская, Лукы и Ржеву (П. С. Р. Л. V, стр. 254). Псковичи дѣйствительно воевали и литовскія и новгородскія волости вмѣстѣ, ибо Ржева съ Великими Луками принадлежали Литвѣ и Новгороду пополамъ, какъ принадлежали прежде Новгороду и смоленскимъ князьямъ пополамъ; когда же Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ, то съ этимъ пріобрѣлъ право и на всю смоленскую волость.

35. Серпейскъ, заштатный городъ Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда.

36. Плава впадаетъ въ Упу близь Крапивны, Тульской губерніи; Дмитровецъ теперь деревня въ Калужской губерніи на рѣкѣ Протвѣ.

37. Моск. Арх. Мин. Ин. Д., копіи съ Кенигсберг. актовъ, Liefer. VI, № 144. За возможность пользоваться этими любопытными актами изъявляю глубочайшую благодарность князю Михаилу Андреевичу Оболенскому.

38. Никон. V, 109. Касательно другого выходца, Нелюба, въ Кенигсберг. тайномъ архивѣ находится донесеніе в. магистру Ордена о томъ, что Витовтъ помирился съ Свидригайломъ, намѣренъ помириться

и съ московскимъ княземъ, если тотъ выдастъ ему князя Александра Ивановича и Юрія смоленскаго.—Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, копіи съ актовъ Кенигсберг. архива. Lieferung II, № 26.

39. Шла молва, будто Свидригайло былъ отравленъ, и подозрѣвали въ преступленіи Ѳому, митрополичьяго намѣстника, послѣ обѣда у котораго великій князь заболѣлъ и на седьмой день умеръ. Витовтъ, узнавъ о смерти Свидригайла, прислалъ въ Кіевъ князя Ивана Ольгимантовича Ольшанскаго, въ качествѣ своего намѣстника. Этотъ князь палъ въ битвѣ при Ворсклѣ. Преемникомъ его былъ, какъ видно, сынъ прежняго князя Владиміра Олгердовича, Александръ или Олелько Владиміровичъ; отъ него имѣемъ мы двѣ грамоты: одну, данную въ 1411 году Кіевскому доминиканскому монастырю—въ ней Александръ подтверждаетъ пожалованіе отца своего (описаніе Кіево-Софійскаго Собора, стр. 99); другая дана имъ, вмѣстѣ съ женою, Лаврешевскому монастырю на десятину (Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, т. I, № 28); въ этой грамотѣ говорится: „Се язъ князь Олександро Володимеровичъ, и съ своею княгинею Московъкою и своими дѣтми, далъ есмъ десятину св. Богородицѣ и проч.“ Эта княгиня Московка была Анастасія, дочь московскаго вел. князя Василія Дмитровича. Преемникомъ Александра въ Кіевѣ былъ сынъ его Семенъ. Кромѣ преемства князей, лѣтописи упоминаютъ еще объ опустошеніи Кіева и всей русской земли Татарами подъ предводительствомъ Эдигея въ 1416 году (Густин. лѣтоп. стр. 354. — Постановленіе сеймовъ Виленскаго и Городельскаго см. въ Zbior praw Litewskich—Dzialynskiego, стр. 3, 7, 20.

40. Полное собр. рус. лѣтоп. IV, 197. „Пріиде местеръ Рижскій со всею силою своею, и Юрьевичи, и изъ Курска (и Курци, т. е. жит. Курляндіи), и подъ Островомъ, и подъ Котелномъ были, а на устьи Сини стояли по обѣ стороны рѣки“. Рѣка Синя впадаетъ въ Опочкинскомъ уѣздѣ въ рѣку Великую.

41. Мѣстечко Велья, при рѣкѣ того же имени, Псковск. губерн. Опочкинскаго уѣзда.

42. Село Логозовичи, Псковскаго уѣзда, на дорогѣ къ Изборску.

43. Карамз. V, прим. 202.—Приводимая Карамз. грамота въ примѣч. 218 не можетъ относиться къ 1420 году, по сличеніи именъ пословъ съ именами, какъ они читаются въ лѣтописи.

44. П. Р. Л. С. III, 104: „И взяша пригородъ Тиверскій“; въ другихъ спискахъ—Корѣльскій.

45. И повоеваша въ Варзугѣ (рѣка Варзуха Кольскаго уѣзда, Архангел. губерн.) погостъ Корѣлскыи, и въ землѣ Заволочскои погосты: въ Непоксѣ (Архангел. уѣзда), въ Козѣльскомъ монастырѣ св. Николы, Конечный погостъ, Яковлю, Курью, Ондреановъ берегъ, Кигъ островъ, Кярь островъ, Михаиловъ монастырь, Чиглонимъ, Хѣчнима.

46. Собр. гос. гр. и дог. I, № 39.

47. Тамъ же, № 41.

48. Тамъ же, № 42.

49. Что же касается извѣстія, сообщаемаго Герберштейномъ (Rerum Moscovit. Auctores varii, Francof. p. 6), будто Василій Димитріевичъ, подозрѣвая жену свою Анастасію (Софью) въ невѣрности, отказалъ великое княженіе не сыну Василію, но брату Юрію, то это сказка, выдуманная и разсказанная Герберштейну людьми, озлобленными на потомство Василія Темнаго.

50. Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 15.

51. Ѳедоръ Ив. подписался подъ 2-ю и 3-ю духовною Вас. Дмитр.

52. Никон. IV, 251; здѣсь ошибкою—Ѳедоровичъ см. Ѳеофановичъ.

53. Москов. Сборн. 1847 года, стр. 280.

54. Карамз. V, примѣч. 257.

55. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 43 и 44.

56. Тамъ же на оборотѣ написано: „А сю грамоту кн. великому приславъ съкладною вмѣстѣ князь Юрьи, къ Ордѣ ида."

57. Никон. V, 112; иначе говорится въ другихъ лѣтописяхъ, напр. П. С. Р. Л. V, 264: „И на той свадбѣ Захарья Ивановычъ Кошкынъ имался за поясъ у князя Василья Юрьевича у Косого". Въ Архангел. (стр. 138) прибавлено: „и ркучи тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою". По родословнымъ, у Ивана Ѳедоровича Кошки дѣйствительно значится сынъ Захарія.

58. Никон. V, 114: А отъ Москвичъ не бысь никоея же помощи, мнози бо отъ нихъ пияни бяху, а и съ собою медъ везяху, чтобъ пити еще.

59. Акты Истор. I, № 40.

60. Собр. Гос. гр. и дог. т. I, № 49 и 50. Такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Библіот.

61. Оставленная Юріемъ духовная написана прежде, а именно тотчасъ по приходѣ изъ Орды, когда еще онъ владѣлъ Дмитровомъ. Сл. С. г. г. и т. д. I, № 51.

62. С. г. г. и д. I, № 52 и слѣд.

63. Акты Арх. Эксп. т. I, № 29.

64. Никон. V, 120; Акты Истор. I, № 40.

65. Арханг. стр. 147.

66. С. г. г. и д. I, № 56 и 57.

67. Тамъ же, № 60.

68. Никон. V, 157.

69. См. посланіе духовенства къ Шемякѣ—Акты Истор. I, № 40. „Егда приходилъ къ Москвѣ безбожный царь Махметъ, и кн. вел. Вас.

Вас. колькое пословъ своихъ по тебѣ посылалъ такоже и грамотъ, зовучи тобе къ собѣ на помощь? и ты къ нему не пошелъ.

70. С. г. г. и д. I, № 46.

71. Тамъ же, № 47.

72. Тамъ же, № 48.

73. Тамъ же, № 45.

74. Неподобная и скверная дѣяху.

75. Акты Истор. I, № 40.

76. П. С. Р. Л. IV, 125; тамъ же, стр. 213, показано 2700 сгорѣвшихъ.

77. Тамъ же, стр. 125; стр. 213: „Посуливъ на собѣ (в. князь) отъ злата и сребра и отъ портища всякого и отъ коней, и отъ доспѣховъ пол-30 тысящь, а съ нимъ придоша 500 татаръ“.

78. Собр. гос. гр. и дог. I, № 61. Эта договорная грамота в. князя съ Андреевичами написана 17 іюля 445 года, слѣд. когда в. князь съ Михаиломъ Андреевичемъ находились въ плѣну татарскомъ, и Михаилъ дѣйствовалъ именемъ отсутствующаго старшаго брата.

79. Троицкіе—П. С. Р. Л. V, 268.

80. Городокъ Радонежъ близь Троицы упоминается Никон. IV, 205; VI, 130, село Радонежское. С. г. г. и д. I, №№ 21, 22

81. П. С. Р. Л. IV, 125; такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Библіот.

82. Архангельск. лѣт., стр. 153: здѣсь сказано, что Шемяка выпустилъ Василія 15 сентября.

83. Неволею, какъ сказано въ Львовской лѣтописи, III, 342. Въ одной лѣтописи рукоп. Импер. Публ. Библ. XVII вѣка читаемъ: „князь же великій пойде ко Твери, и обручалъ тогды князь великій за большого сына своего за князя Ивана Горбатаго, тако бо зва его отецъ“. Въ такъ наз. Тверской лѣтописи сказано, что Василій отдалъ тверскому князю Ржеву; но Ржевичи сдались Борису Александровичу только тогда, когда онъ пришелъ на нихъ съ пушками. Но въ договорѣ съ Казимиромъ и въ завѣщаніи Василія Темнаго Ржева въ Московской сторонѣ; развѣ предположить, что Василій взялъ себѣ назадъ этотъ городъ при болѣе благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ.

84. Духовная Іоанна III (С. г. г. и д. I, № 144): „Да сыну же своему Юрію даю городъ Брянскъ съ волостьми и погосты, изъ селы и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что къ Брянску потягло; да волости Соловьевичи, Прикладки, Пацынъ.“

85. С. г. г. и д. I, № 67: „Да что есмя взяли казну князя вел., и матере его вел. княгини, и его вел. княгини, и бояръ его и Марьину Голтяевы.“—Родосл.: „А у пятаго сына Андреева у Кобылина у Өедора у Кошки четыре сына; большой Иванъ, другой Өедоръ Голтяй; а

у Өедора у Голтяя дѣти: Иванъ да Гаврило, да Ондрей бездѣтны, да дочь его была за княземъ Ярославомъ Володимеровичемъ Боровскимъ"

86. Тамъ же, № 62.

87. С. г. г. и д. I, № 63.

88. Тамъ же, № 66.

89. Тамъ же, № 64.

90. Тамъ же, № 71 и слѣд.

91. Акты Истор. I, № 40.

92. Тамъ же, № 43.

93. Акты, относящ. къ исторіи западн. Россіи, т. I, № 49.

94. Рѣка Вологодской губерніи, Вельскаго уѣзда, впад. въ Вагу.— О смерти Шемякиной находимъ любопытное извѣстіе въ житіи св. Пафнутія Боровскаго (соч. Вассіаномъ Рыло, см. Макарьевскія минеи): „Нѣкій человѣкъ, именемъ Иванъ, съ бяше по наученію нѣкоихъ въ великомъ Новгородѣ, служа у нѣкоего князя благочествва, и господина своего отравою умори, послѣди же зазрѣвъ себѣ облечеся въ иноческій образъ и пріиде въ обитель святаго; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикомъ: зрите ли человѣка сего, яко ни иноческаго ради образа очистися отъ крови!.. Послѣди же повѣда блаженный единому ученику: съ человѣкъ князя Димитрія Шемяку отравою уби."

95. Акты Истор. I, № 56.

96. С. г. г. и д. I, №№ 84 и 85. Я ставлю этотъ договоръ прежде, потому что къ немъ не упоминается еще объ изгнаніи Ивана Можайскаго.

97. Тамъ же, №№ 78 и 79.

98. Акты Арх. Эксп. I, № 70.

99. С. г. г. и д. I, № 80.

100. Акты Арх. Экс. I, № 25 Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Кенигсбер. акты, Lief, VII, № 161: in unser Vormundshait vorwesunge und beschutzunge genczlich hat befulen (В. К. Московская).

101. Тамъ же, № 26.

102. Акты относящ. къ истор. запад. Россіи, I, № 33. Такъ наз. Тверская лѣтопись въ импер. Публ. Библ. Здѣсь сказано, что Тверскіе полки были съ воеводою Захаріею Ивановичемъ.

103. Акты Арх. Эксп. I, № 33. Съ тверской стороны договоръ написанъ отъ имени в. князя Бориса и удѣльныхъ: Өедора Өедоровича, Ивана Юрьевича и Андрея Ивановича.

104. Акты, относящ. къ исторіи запад. Росс. I, № 51.

105. Тамъ же, № 50. Здѣсь мы видимъ даже, что относительно смѣснаго суда между тверскими и новгородскими подданными дѣло идетъ непосредственно между в. князьями московскимъ и литовскимъ, какъ будто бы Новгородъ принадлежалъ совершенно Москвѣ, а Тверь Литвѣ:

„Асъ новгородцы в. к. Борысу жити по старинѣ; а всимъ обиднымъ, дѣломъ давати имъ межи собою судъ и расправа, на обѣ сторонѣ, безъ перевода: а о чемъ ся сопрутъ, и они сложатъ на митрополита, кто будетъ обѣйма нама любъ; и митрополитъ на кого помолвитъ, помолвитъ ли на новгородца, а не исправитца; а ему послати ко мнѣ, къ в. к. Василью и мнѣ то справити; а помолвитъ ли на Тферытина, а не исправитца, и ему послати до тебе, короля и в. к. Казимира, и тобѣ то исправити“.

106. Собр. гос, тр. и дог. I: № 76.

107. Акты Истор. I, № 51.

108. П. С. Р. Л. III, 111: „Прiѣха кн. вел. Васил. Васил. въ Новъгородъ, на Святой недѣли, апрѣля въ 1. Тогда же на Святой недѣли апрѣля въ 5, выѣха весь великiй Новъгородъ ратiю на поле, на Зарѣцкую сторону, къ Жилотогу, а князь Василей былъ тогда на городищѣ; и не бысть Новгородцемъ ничтоже“.—Значитъ Новгородцы хотѣли защищаться отъ Василiя.

109. П. С. Р. Л. III, 112; Акты Арх. Эксп. I, № 32.

110. Акты Истор. I, № 258.—О Тверской помощи см. такъ наз. Тверскую лѣтопись въ Импер. Публич. Библiот., гдѣ названы воеводы: Александръ Романовичъ и Карпъ Ѳедоровичъ.

111. Останокъ людей. Должно быть здѣсь разумѣются жители Торжка въ Московской великокняжеской сторонѣ, ибо Новгородскую сторону тверичи взяли еще прежде.

112. Акты Истор. I, № 53.

113. Акты Арх. Эксп. I, № 372.

114. Яжолбицкiй ямъ во 120 верстахъ отъ Новгорода.

115. Акты Арх. Эксп. I, № 58.

116. Соф. врем. II, 66, П. С. Р. Л. IV, 127: „Прiѣха въ Новгородъ к. в. Московьскый Василей Васильевичь, на миру, къ св. Софѣи на поклонъ; а Новгородци въ сторожѣ жиша“.

117. Что это значитъ? не должно ли читать наоборотъ.

118. Dlugossi XI, p. 497; Narbutt, VI, 488.

119. Dlugossi, XI, p. 508.

120. Тамъ же, p. 155. Scandalizavit hic sermo Ruthenos populos, viventes ritu Graecorum, et in suis confirmavit erroribus. Propter quod Sigismundum regem sanctutm vocabant, deducentem fidem Graecorum esse praestantiorem quam Latinorum. Eratque in ore omnium ac sermone Ruthenorum Sigismundus rex. summis laudibus illum efferentium, quod Graecorum ritum propensiorem quam Romanum judicasset.

121. Я здѣсь перевожу только слово въ слово Польскаго лѣтописца: Callidus tamen ipse polonicaeque avaritiae peritus plerosque Polonorum primores auro et argento implevit. Dlugossi, I, XI. p. 520.

122. Narbutt, VI, 518.

123. Dlugossi, XI, p. 548.

124. Ibid. p. 553.

125. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Кенигсбер. акты Lief. III, № 78 и 81; IV, № 96.

126. Вышегородское село Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда.

127. Dlugossi, XI, p. 566, In Withaudi ducis morte, et si nonnulli vultu simularent in prospectu tristitiam, multi tamen et praesertim Rutheni, laetabantur nimium, sperantes sibi et sectae suae schismaticae meliora, rerum permutatione, et Switrigelli successione, proventura.

128. Ibid. XI, p. 573. Quia tamen difficile visum est, illum de possessione ducatus magni detrahere, cum quod Wladislaus Poloniae rex occulto et intenso ardore sciebatur sibi favere, tum quod a Ruthenis miro diligebatur affectu.

129. Ibid. p. 582.

130. Ibid. p. 645, 724; П. С. Р. Л. III, 113: „Сей же князь лютъ и немилостивъ и сребролюбивъ, паче (всѣхъ) человѣкъ, и много князей литовскихъ погуби, иныя истопи, иныя погуби мечемъ, а наповъ и земскихъ людей не мало безъ милосердія изгуби."

131. Dlugossi, XI, p. 723: Dux Iwan Czartoryiski ritus et generis Ruthenici.

132. Рѣка Суходровъ вытекаетъ изъ Калужскаго уѣзда и впадаетъ въ Медынскомъ, въ рѣку Шаню.

133. Никон. V, 195: „Приходиша х. Колузѣ, Литва, панъ Судивой, панъ Родивилъ Осесовичь, Андрюшка Мостиловичь, Ябу Браловичь, Андрей Исаковичь, Николай Немировичь, Захарья Ивановичъ Кошкинъ, а рати съ ними 7000... Слышавъ же то Можаичи княжъ Ивановы Андрѣевича, а князя Ивана Андрѣевича тогда въ Можайскѣ не было, и собрася Можаичевъ сто человѣкъ, а воевода у нихъ князь Андрей Васильевичь Лугвица Суздальскихъ князей; такоже слышавше, и брата его князя Михаила Андрѣевича люди, и собрася ихъ сто же, а князя Михаила Андрѣевича у себя тогда въ Всрсѣ не было, а воевода у нихъ Судокъ; такоже слышавше и княжа Васильевы Ярославича люди, и собрася ихъ 60 человѣкъ, а князя Василья Ярославича тогда убо въ Боровцѣ не было, а воевода у нихъ Жиневъ; и сретошася съ Литвою въ Суходровѣ, и бысть имъ бой, и убиша ту воеводу князя Ив. Андр. Можайск., князя Андрея Вас. Лугвицу, да Корачарова, да иныхъ четыре человѣка, а Яропка да Семена Ржевскаго поимали княжа Ивановыхъ Андр. Можайскаго воеводъ, а брата его поимали воеводъ Судока да Филппа Щокина до Конінскаго да пять человѣкъ молодыхъ."

134. Никон. V, 215: „панъ Семенъ Единголдовъ."

135. Акты относящ. къ истор. зап. Рос. I, № 50.

136. Тамъ же, № 52, 139.

137. Акты Арх. Эксп. I, № 49.

138. Акты относ. къ истор. запад. Росс., № 58.

139. Тамъ же, № 52.

140. Тамъ же, № 41, 48, 57, 63.

141. Никон. V, 218: „Бывшу же ему близь Брашевы, и пріиде вѣсть ему“.

142. Карам. V, пр. 316.

143. П. С. Р. Л. IV, 213: „князь Александръ Васил. съ мужи новгородци поиде противу князя Ризскаго мастера, и противъ короля Прусскаго, и противъ короля Свейского Карла.“

144. Здѣсь варіантъ: въ однихъ спискахъ: „Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Порову рѣку, подлѣ новгородскихъ пословъ“;— а въ другихъ: „ подлѣ Новый городецъ“.

145. На Озолицу и на Желачкѣ.

146. Въ Псковской лѣтоп. сказано: „Того же лѣта (1459), въ великій постъ“; но ясно, что Псковичи не могли косить сѣно, и потомъ Нѣмцы придти въ великій постъ въ одномъ и томъ же году.

147. Съ пущичами; въ др. сп. съ пушками.

148. Житіе св. Іоны, архіепископа новгородскаго; рукоп. Румянц. Муз. № 154.

149. Никон. V, 285.

150. Тамъ же, 127.

151. Тамъ же, 117.

152. Тамъ же, 285.

153. Отъ единородія къ единоличію, еслибъ позволено было такъ выразиться.

154. Исторія Россіи, т. I, гл. 1.

155. Никон. IV, 55.

156. Тамъ же, 205.

157. С. г. г. и д. I, №№ 21, 22. Въ Твери то же самое явленіе, см. Карам. V, прим. 213.

158. Городна, такъ С. г. г. и д. № 25. Теперь Городня, село въ Коломен. уѣздѣ, въ 22 верстахъ отъ Коломны.

159. Песочна, сельце, въ 35 верстахъ отъ Коломны.

160. Похряны въ Бронницк. уѣздѣ на грап. съ Коломенск. — Устьмерска, теперь Усмерскій погостъ, Бронницкаго уѣзда, въ 30 вер. отъ уѣзди. города.

161. Боршева въ Бронниц. уѣзд. на колом. дор. Погостъ Иванъ тамъ же. Есть деревня Левычепо, въ Бронницкомъ уѣздѣ въ 28 вер. отъ уѣзднаго города.—Въ томъ же уѣздѣ село Гжель, въ 25 вер. отъ уѣзд-

наго города.—Есть село Горы въ Коломенск. уѣздѣ, въ 22 вер. отъ уѣздн. гор. Коневъ боръ тамъ же.

162. Астафьевское на Клязьмѣ, С. г. г. и д. I, № 24. Село Сѣверское въ Коломенск. уѣздѣ, въ 8 верст. отъ уѣздн. города. Въ Бронницкомъ уѣздѣ село Константиновское. Въ томъ же уѣздѣ есть сельце Островцы и деревня Островецъ. Въ томъ же уѣздѣ есть два села Малахова. Микульское въ Коломен. уѣз., Арининское въ Подол. уѣздѣ.

163. Кремиченскій погостъ, въ Рузскомъ уѣздѣ, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ томъ же уѣздѣ есть деревня Ѳомкино, въ 16 вер. отъ уѣздн. гор.; деревня Ростовцева въ Звенигород. уѣздѣ, въ 39 вер. отъ уѣздн. гор.; деревня Акатово Рузскаго уѣзда, въ 12 вер. отъ гор. Въ томъ же уѣздѣ деревня Скирманово, въ 28 вер. отъ уѣзд. гор. Въ Рузскомъ уѣздѣ есть село Каменки, въ 24 вер. Въ Звенигородск. уѣздѣ есть деревня Рузино въ 30 вер.; Въ томъ же уѣздѣ деревня Максимовка, въ 26 вер. Андреевскихъ два села и три деревни въ Звенигородск. уѣздѣ. Тамъ же село Вяземское. въ 15 вер. село Рюховское Волоколам. уѣзда, въ 10 вер. отъ гор.; село Лопасня Серпухов. уѣзда, въ 24 вер., деревня Северова въ Подольск. уѣздѣ, въ 4 вер. Въ томъ же уѣздѣ сельцо Голичино, въ 26 вер. деревня Растовка Серпух. уѣзда, въ 32 вер. Тамъ же село Талижи, 29 вер., село Битягово въ Подол. уѣздѣ, въ 18 вер. деревня Нагатино, Москов. уѣзда, въ 5 вер. Суходолъ дер. въ Боровскомъ уѣздѣ; Троена въ Калуж. губ.

164. Село Лучинское въ Подол. уѣздѣ, въ 15 вер. отъ гор.

165. Мы видѣли, что оно входило въ участокъ вдовы Калитиной.

166. С. г. г. и д. I, № 24. Самарово въ Переясл. уѣз. къ югу отъ Переясл. недалеко отъ границъ Алекс. уѣзда; Романовское въ Александр. уѣз.

167. Тамъ же, № 25.

168. Въ Звенигород. уѣздѣ есть три деревни Михайловскихъ и одно село Михайловское, есть деревня Михайлова есть сельцо Мельтихино, въ 25 вер. отъ уѣзд. гор.. Иславское въ 11 вер. Каринское въ 10. Козьмина деревня въ 7. Деревня Юрьева въ 15. Деревня Клаповка въ 4 вер.

169. Мы видѣли (г. III. примѣч. 468), что эта княгиня Ульяна не могла быть невѣсткою Калиты, какъ думалъ Карамзинъ; теперь же изъ распоряженія о волостяхъ видимъ ясно, что она была жена Калиты, мачиха Симеона и Іоанна.

170. Село Камарево въ Колом. уѣздѣ, въ 33 вер. отъ гор. Въ Волоколам. уѣздѣ есть село Бѣли, въ 16 вер. отъ города, Дмитровское въ 20 вер. отъ Звенигорода, Добрятинское въ Подол. уѣзд. Угожская волость на границѣ между звенигородскими и вышгородскими (дмитровскими) землями, у рѣки Локонки; тамъ же рѣка Плѣснь, отъ которой

получила названіе и волость. См. С. г. г. и д. I, № 139. Село Дамантовское и волость Сурожикъ на границахъ между Московскимъ и Звенигородскимъ уѣздами. См. тамъ же, № 140.

171. Деревня Тушково, въ Можайскомъ уѣздѣ, въ 25 вер. отъ гор. Въ Верейскомъ уѣздѣ есть деревни: Глинки и Глинцы. Тамъ же селоРуднино, въ 57 вер., деревня Гремячево, Моск. уѣзда, въ 16 в., село Дегунино, тамъ же, въ 9 вер.

172. Т. е. слобода, заведенная княземъ Иваномъ, братомъ Димитріевымъ; волость Инобашь или Инобажь получила свое названіе отъ рѣки. Волость Ижва граничила съ Сурожикомъ, ея положеніе и границы съ Сурожикомъ опредѣляются рѣкою Малогощею. Мушкова гора или Мушково, волость, двѣ трети которой принадлежали къ Дмитрову и треть къ Москвѣ; ея положеніе опредѣляется рѣками Малогощею, Истрою и Каменкою (С. г. г. и д. I, № 140). Упоминается еще Мошкова гора въ числѣ смоленскихъ волостей (Дѣла польск. № I, годъ 1494).

173. Красное теперь къ СЗ. отъ Юрьева; Васильевское къ СВ. отъ Ростова; Козмодемьянское къ Ю. отъ Юрьева; Богородское къ Ю. отъ Ростова; Богородское на ЮВ. отъ Юрьева; къ З. отъ нихъ Фроловское, Елохъ, къ ЮЗ. Петровское. Роща въ Тарусскомъ уѣздѣ, къ СЗ. отъ гор. переяславская волость Юлка между верховьями рѣкъ Дубны и Нерли (С. г. г. и д. I, № 138). Здѣсь видно отношеніе между волостью и станомъ: Юлка называется волостью, и въ ней станы: Большой, Борткый; но въ другихъ актахъ волость является въ иныхъ отношеніяхъ къ стану: если она не есть подраздѣленіе стана, то, по крайней мѣрѣ, является сораздѣленіемъ, напр. „Въ Шенкурьи на посадѣ, и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые станы и волости приписаны къ Шенкурьѣ къ посаду (Акты Арх. Экс. I, № 234).

174. С. г. г. и д. I, № 39.

175. Весково къ З. отъ Переяславля. Алексино къ С. отъ Юрьева.

176. „Крилатское, што было за Татаромъ, а княгиня моя дастъ съ того села черницѣ Софьѣ 50 руб. долгу ее.“ Село Крылатское, въ Моск. уѣздѣ, въ 12 вер. отъ гор.; тутъ же и Татарово.—Захарово въ Колом. уѣздѣ, въ 22 вер. отъ гор.

177. „Что было княжа Васильева Семеновича.“

178. Есть два села Косина въ Моск. уѣздѣ, оба въ 12 вер. отъ города. Лисинъ, быть можетъ, нынѣшній Лихвинъ. И теперь къ югу отъ Юрьева Польскаго есть село Богоявленское, къ ЮВ. Варварино и Өедоровское. Въ Серпухов. уѣздѣ Хотунь на СВ. отъ гор. Въ Подольск. уѣзд. Гастунова. Рѣка Лужа впад. въ Угру.

179. С. г. г. и д. I, 33.

180. Тамъ же, № 35. „Волокъ съ волостьми, а волости издѣтемле, воиничи“.

181. И теперь къ С. отъ Углича есть село Золоторучье.

182. „А что сынъ князь Иванъ купилъ село у Ортема въ Ростуновѣ слободкѣ, въ удѣлѣ брата своего, князя Ярослава, и то село сыну князю Ярославу, а на то мѣсто далъ есмь сыну Ивану Сеснпетрово село да Струшково“.

183. С. г. г. и д. I, №№ 43 и 44. Верстахъ въ 25 отъ города Буя (Костром. губер.), на востокъ два села называются Ликургами-Ликурги-Троица и Ликурги Рождество (труды Общ. Истор. и Древ. ч. VI).

184. Тамъ же, № 62.

185. Тамъ же, № 71.

186. Неизвѣстно, тутъ ли князь Константинъ Димитріевичъ, заключавшій договоръ заодно съ племянникомъ, уступилъ опять брату эти двѣ волости, или еще прежде уступилъ ихъ племяннику. С. г. г. и д. I, № 49.

187. Замошье, дер. Волоколам. уѣзда, въ 31 вер. отъ гор. — Селино сельцо Дмитр. уѣз. въ 26 вер. отъ гор. Тамъ же есть деревня Рогова въ 9 вер. отъ гор. Тамъ же деревня Кунишникова въ 4 вер. Тамъ же село Раменье въ 37 вер., деревня Лотосова въ 21 вер., село Куликово въ 25 вер.

188. С. г. г. и д. I, №№ 52, 60. Село Осташково Моск. уѣзд. въ 24 вер., деревня Щукина тамъ же въ 8 вер.

189. Акты Арх. Эксп. т. I, № 29.

190. С. г. г. и д. I, № 67.

191. Тамъ же, № 71.

192. Тамъ же, № 78.—Село Ершово въ Звенигород. уѣздѣ, въ 3 вер. отъ города.

193. Тамъ же, № 84.

194. Тамъ же, № 64.

195. Тамъ же, № 82. Село Вороново Дмитр. уѣзда, въ 10 верс. отъ гор.

196. Тамъ же, № 83—Колычево, село Колом. уѣзда, въ 7 вер. отъ гор., Никульское, тамъ же, въ 8 вер., Липатино, въ 22 вер., Малино, въ 35 вер., Велино-село Бронницкаго уѣзда, въ 3 вер. отъ гор. Кривцы, въ 6 вер. Марчюги, въ 17 вер. Головина во Владимірскомъ уѣздѣ, къ З. отъ города. Турабьева къ СВ. отъ Юрьева; Кучки къ Ю. Деревенька къ СЗ. Качалово, Ушаково въ Костром. уѣздѣ, къ ЮВ. отъ города.

197. Тамъ же, № 40.

198. См. примѣч. 85.

199. С. г. г. и д. I. № 86: „Романовъ княжо Михайлово Дѣева, и княжихъ Львовыхъ дѣтей, и княже Давыдово Засѣкина“.

200. Мячково, село Колом. уѣзда, въ 12 вер. отъ г. Чертаново, дерев. Можайскаго уѣзда, въ полверстѣ отъ города. Черкизово въ Колом. уѣздѣ

къ С. отъ города; Лысково къ ЮЗ., Козмодемьянское къ Ю. отъ Юрьева Польскаго; Добрынское, Волостиново къ СЗ; Матвѣйщево и Ворогово къ СЗ. отъ послѣднихъ. Ельцы къ ЮВ. отъ Юрьева Польскаго. Симизино къ ЮЗ. отъ Владиміра на границахъ Владимирскаго и Юрьевскаго уѣздовъ. Сарогужино къ СЗ. отъ Юрьева. Шокшова и Давыдовское въ СЗ. отъ Переяславля.

201. С. г. г. и д. I, № 32; въ договорѣ съ Василіемъ Дмитріевичемъ: „А въ Тулици и въ Берести не вступатися мнѣ в. князю Вас. Дм. (№ 36)"; въ договорѣ съ в. к. Юрьемъ Дмитровичемъ: „въ Тулу и въ Берести (№ 48)."

202. Акты Арх. Эксп. I, № 25.

203. С. г. г. и д. I, № 60.

204. Акты Ист. I, № 1 и 3.

205. Сахарова — Сказ. Русск. Нар. т. II, кн. VIII, стр. 97. — Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла Польскія № 1.—Буткова: три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами, въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1837 г. ч. 23. — Неволина: О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, въ Записк. Геогр. Общ. кн. VIII. — Antiquités Russes, t. II.— О двинскихъ волостяхъ см. Акты Арх. Эксп. I, № 13. Ср. книгу Большой чертежъ, стр. 195, 197, 201, 284.—Границы между Ржевою (московскою) и литовскими владѣніями означены такъ въ договорѣ Василія Темнаго съ Казимиромъ (Акты зап. Рос. № 50): „По озерѣ по Орлинце на полы, по озеро по Плотинце, по Красный борокъ, по Баранью рѣчку на верхъ Бѣлейки, по Бѣлейкѣ, на Пониклъ, съ Поникля на верхъ Сижьки, съ березы на мохъ, со мху на верхъ Осухи".

206. С. г. г. и д. I, № 21.

207. Тамъ же, № 34.

208. Тамъ же, № 86.

209. Тамъ же, № 40, 51.

210. Тамъ же, № 23.

211. Тамъ же, № 27.

212. Тамъ же, № 33: „А которые боярѣ умолвятъ, то подоймётъ князь, котораго умолвятъ, а бояромъ вины нѣтъ."

213. Тамъ же, № 35.

214. Тамъ же, № 38.

215. Тамъ же, № 40.

216. Тамъ же, № 37.

217. Акты Арх. Эксп. I, № 10.

218. С. г. г. и д. I, №№ 43 и 44.

219. Тамъ же, №№ 49 и 55.

220. Тамъ же, №№ 45 и 46.

221. Тамъ же, № 47.

222. Тамъ же, №№ 28, 48, 65.

223. Акты Арх. Эксп. I, № 14.

224. С. г. г. и д. I, № 25: „А что волости за княгинею за Ульяною-нсъ тыхъ волостей по ее животѣ дѣти мои дадуть дчери ее Сурожикъ, село Лучинское".

225. Дополн. къ акт. Истор. I, № 11.

226. Акты, относящ. къ истор. западной Россіи, I, № 48.

227. Тамъ же, № 57.

228. Тамъ же, № 63.

229. Тамъ же, № 46.

230. Акты истор. I, № 32: „Предаю монастырь, трудъ свой и своее братьи, Богу и Пречистѣй Богородицѣ, и господину князю великому, сыну своему Андрею Дмитріевичю".

231. Тамъ же, № 39: „И благодатію Божіею, земля наша и сущихъ окрестъ насъ братій нашихъ, великихъ князей дрьжавы и помѣстныхъ князей и начялниковъ, елико кто подъ собою имѣетъ, вси суть къ благочестію",

232. Акты Арх. Эксп. I, № 3.

233. Пол. собр. рус. лѣт. IV, 61: „Егда бо видяше (болѣзнь) гдѣ въ который родъ, или въ осподу".—Варіантъ къ осподу: въ семью.

234. Акты истор. I, № 32.

235. С. г. г. и д. I, № 52.

236. Акты истор. I, № 57.

237. Тамъ же, № 60.

238. Тамъ же, № 75; тамъ же, стр. 109.

239. Акты, относ. къ истор. запад. Россіи, I. № 50.

240. Никон. III, 78: „И тѣми даньми многу тяжесть творяше княземъ и черным людемъ".

241. Тамъ же, стр. 34.

242. Тамъ же, т. IV, стр. 192.

243. Тамъ же, V, стр. 111.

244. Тамъ же, т. III, стр. 78: „И сіи велицы бяху".

245. Тамъ же, стр. 20.

246. Тамъ же, стр. 37.

247. Тамъ же, стр. 41.

248. П. С. Р. Л. III, 61.

249. Никон. III, 57.

250. Тамъ же, стр. 59.

251. П. С. Р. Л. I, 227.

252. Акты Арх. Эксп. I, № 13.

253. Акты Истор. I, № 10 и 23.

254. С. г. г. и д. I, № 33.

255. Исторія Россіи, т. III, стр. 270.

256. С. г. г. и д. I, № 33: „А хто иметъ жити моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ какъ и своихъ, дань взяти какъ и на своихъ. А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на болшихъ и на путныхъ, тогды ти взяти на своихъ такъ же по кормленью и по путемъ, да дати ти мнѣ, а то опроче того урока трехъ сотъ рублевъ и дватцати.

257. А коли придетъ дань или ямъ. — С. г. г. и д. I, № 39. Въ жалованныхъ грамотахъ говорится: „Тѣмъ ихъ людемъ не надобѣ ямъ, опричь татарьсково яму.“ Акты относ. до юридич. быта I, стр. 107.

258. Тамъ же. № 35, догов. Василія Дм. съ Владим. Андр. „А выидетъ Юрьи съ посломъ, и намъ то подняти по розачту“.

259. С. г. г. и д. I, № 76, договоръ съ Тверью. — Въ другомъ договорѣ съ Тверью (Акты Арх. Эксп. I, № 14): „Съ воза по морткѣ обѣушной, а костки съ человѣка мортка; поѣдетъ на версѣ съ торговлею — морткаже, промыта съ воза по штидесятъ, а заповѣди шестьдесятъ одна“.—Въ договорѣ съ Рязанью (С. г. г. и д. I, № 36): „Съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набои деньга; а князей великихъ ладьи пошлинъ нѣтъ“.

260. С. г. г. и д. I, № 40.

261. Акты истор. I, № 2. Шестьдесятъ должно быть тоже самое, что промытъ, см. пр. 259.

262. Тамъ же, № 15.

263 Тамъ же, № 49. Акты Арх. Эксп. I, № 52. Акты относ. до юрид. быта, I. стр. 107.

264. Акты Арх. Эксп. I, № 5.

265. Тамъ же, № 18.

266. Тамъ же, № 39.

267. Тамъ же: „А куды архимандритъ пошлетъ на монастырскую службу старцевъ своихъ или бѣлцовъ на ватагу или на иную службу, а пошлинники мои и поватажники поватажнаго у насъ не емлютъ“.

268. Тамъ же, №№ 46 и 53.

269. Акты. истор. I, № 2.

270. Тамъ же, № 14: „Съ виною и съ поличнымъ и съ безатщинами“. Срав. Акты Арх. Эксп. I, № 4: „А коли розмирье князю великому съ Новымгородомъ, а тогды ихъ (людей Юрьева монастыря на Волокѣ) въ безатщину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но живутъ оприсны въ брезѣ князя великаго“.

271. Акты истор. I, № 39.

272. С. г. г. и д. I, № 40.

273. Акты Арх. Эксп. I, № 15.

274. С. г. г. и д. I, № 36.

275. Акты истор. I, № 25.

276. Акты Арх. Эксп. I, № 19.

277. С. г. г. и д. I, № 21: „А оброкомъ медовымъ городскимъ Васйлцева вѣданья подѣлятся сынове мои". № 23: „все на трое: и бортницы, и добрятиньская борть". № 25: „И что медъ оброчны Васильцева стану, и что отца моего купленные бортници подъ вѣчные варяхъ, то имъ все на трое". № 40: „А благословилъ есмь сына князя Ивана, далъ есмь ему Серпоховъ съ тамгою и съ мыты, и съ селы и зъ бортью и со всѣми пошлинами".

278. С. г. г. и д. № 34: Дмитрій Донской отказываетъ княгинѣ своей изъ Галича—Соль; князь Юрій Дмитріевичь отказываетъ сыну Димитрію Красному—Галичь съ солью, варницами. Тамъ же, № 51.

279. С. г. г. и д. I, № 86. Акты, относ. до юридич. быта, I, стр. 88.

280. Тамъ же, № 40.—Подробности о солевареньѣ находимъ въ жалованной грамотѣ великой княгини Маріи Ярославовны Чухломскому Покровскому монастырю (Акты истор. I, № 49): „Что ихъ варница монастырская у Соли съ Суплепскою варницею, и кто у нихъ будетъ закащикъ монастырской, и онъ въ той варницѣ варитъ на монастырь, какъ и на меня на великую княгиню варятъ въ моей варницѣ, безъ череду и безъ стоялищъ. Да что тутожъ у нихъ Соли монастырская же ихъ полварницы, на великомъ колодязѣ, да и въ иныхъ варницахъ три четвертины, ино не надобѣ съ нихъ ни противень, ни площьки, ни тамга, ни домытницы, ни иные имъ никоторые пошлины не надобѣ, ни явленое; а волости мои усольскіе, и ихъ тіуни и доводчики, у игуменовыхъ варницъ дровъ не емлютъ. См. также Акты Арх. Эксп. I, № 52. Акты, относ. до юридич. быта, I, стр. 445.

281. Акты истор. I, № 2.

282. Акты Арх. Эксп. I, №№ 1, 2, 3. „Отъ великаго князя отъ Ондрея къ посадникомъ и къ скотникомъ (т. е. сотникомъ) и къ старостамъ.. Како есмъ докончилъ съ новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватамманъ Ондрей Критцкый, отъдаютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ."

283. „Икона св. Александръ, икона золотомъ кована Парамшина дѣла, икона Благовѣщенье.

384. „ Чѣпь золотну врану съ крестомъ золотымъ, чѣпь золоту колчату, чѣпь огнивчату.

285. Между прочимъ: „поясъ золотъ сточный."

286. Между названіемъ вещей одно полустерто:„.. „ца золота съ каменьемъ."

287. Между прочимъ: „поясъ золотъ съ калитою, да съ тузлуки поясъ золотъ татауръ."

288. П. С. Р. Л. II, 219.

289. Никон. IV, 40. П. С. Р. Л. IV, 66.

290. Тамъ же, стр. 299.

291. Тамъ же, V, 153.

292. Тамъ же, IV, 40.

293. Тамъ же, III, 99. „Бысть постригъ у князя Михаила Ярославича тверскаго сыну его Димитрею.“

294. Никон. III, 175.

295. Акты. истор. I, № 2.

296. См. Родословныя таблицы.

297. Ник. III, 65.

298. П. С. Р. Л. III, 52: „Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ, поя въ Полотьскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчался въ Торопчи, ту кашю чини, а въ Новѣгородѣ другую.“

299. См. выше прим. 298.

300. Никон. III, 45.

301. Истрія Россіи, III, 9.

302. С. г. г. и д. I, № 56.

303. Никон. V, 41.

304. Тамъ же, стр. 79 и 112.

305. Тамъ же, стр. 8.

306. Тамъ же, IV, 202.

307. См. прим. 85.

308. Никон. III, 183.

309. Тамъ же, стр. 198.

310. Тамъ же, стр. 88, 93.

311. Тамъ же, стр. 61.

312. Тамъ же, стр. 63.

313. Тамъ же, стр. 66.

314. Тамъ же.

315. П. С. Р. Л. II, 192.

316. Тамъ же.

317. Ник. V, 50: „И медвѣди и съ ларми взимаша къ себѣ“.

318. Это сказаніе о Лукѣ Колоцкомъ замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: Лука былъ простой поселянинъ, жившій въ 15 верстахъ отъ Можайска, на рѣкѣ Колочѣ; онъ нашелъ на деревѣ икону Богородицы, отъ которой начали твориться чудеса; Лука понесъ икону въ Можайскъ, въ Москву, повсюду появленіе ея сопровождалось чудесами, и Лука собралъ отъ приносовъ большое богатство; разбогатѣвши, онъ построилъ себѣ на Колочѣ большой и красивый дворъ, какъ будто князь какой, набралъ отроковъ, вкусно пилъ, ѣлъ, ѣздилъ на охоту съ ястребами, соколами и кречетами, держалъ множество псовъ и медвѣдей и утѣшался ими. Мы видѣли, до какой дерзости дошелъ Лука относительно своего князя. Когда медвѣдь оставилъ его чуть живымъ, то князь Андрей Ди-

митріевичъ пріѣхалъ къ нему немедленно и сталъ говорить ему: „Зачѣмъ ты полюбилъ бѣсовское позорище и пляску и предался пьянству? Богъ тебя прославилъ чудотворнымъ образомъ Своей Матери, а ты низошелъ къ безполезному мірскому житію; по дѣломъ тебѣ такъ и приключилось!“ Лука съ плачемъ сталъ умолять князя распорядиться его богатствомъ на дѣло богоугодное, и князь построилъ монастырь Колоцкій, гдѣ Лука постригся и умеръ въ покаяніи.

319. „И пиша долго нощи.“ Никон. V, 198.

320. Никон. III, 48.

321. Тамъ же, IV, 294.

322. Тамъ же, V, 152: „Положиша его въ колоду, и осмоливьше съ полсми повезоша его на Москву на носилехъ.“—Стр. 151, въ разсказѣ о кончинѣ: „Много же тогда крикъ и вопль бысь, и плачь неутешимъ. И потомъ мало испивше меду, и легоша въ той же горницѣ мнози у него и поуснуша, единъ только діаконъ его не испилъ тогда, но легъ противу князя на другой лавицѣ зряше на-нь.“

323. Тамъ же, стр. 290.

324. П. С. Р. Л. II, 220.

325. Никон. III, 60.

326. Тамъ же, стр. 66. Ср. также, стр. 99.

327. Тамъ же, V, 43.

328. П. С. Р. Л. II, 220.

329. Исторія Россіи, т. III, стр. 325, 388; стр. 280; примѣч. 493.

330. Никон. III, 136: „Яко убо позна (св. Митрополитъ Петръ) свое еже изъ міра исхожденіе и часъ увиде, призываетъ нѣкоего именемъ Протасія, его же бѣ князь старѣйшину града поставилъ, князю убо тогда не прилучшуся во градѣ. Бѣ же Протасей онъ мужъ честенъ и вѣренъ и всякими добрыми дѣлы украшенъ.“

331. Москов. сбор. 1847 года, стр. 273.

332. Извѣстія Акад. Наукъ по II отд. т. V, стр. 351.—Копія съ грамоты князя Димитрія Константиновича въ государств. Архивѣ при дѣлѣ Волынскаго.

333. Никон. V, 214: „Князь же Димитрій (Шемяка), обдумавъ съ бояры своими, рече.“

334. Акты истор. I, № 2.

335. С. г. г. и д. I, № 27: „А коли ми будетъ и дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ княженьи, и кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ княжень... ми дань взяти, какъ и на своихъ.“ Тамъ же, № 28: „А кто служитъ вамъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженьи, или въ твоей вотчинѣ въ Тфери, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости.“—Тамъ же, № 76: „А бояромъ и слугамъ межи насъ волнымъ воля; а домы имъ

свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати. А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ: а которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ вашее отчинѣ, взяти вы на сихъ дань и судъ, какъ и на своихъ.

336. С. г. г. и д. I, № 35: „А которые бояре твои живутъ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ в. княженьи, а ти бояре съ тобою; а коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдуть съ твоимъ воеводою, а твой воевода съ моимъ воеводою вмѣстѣ; а хто живеть нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тымь потому же."— № 37: „А хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ, полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служитъ; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому тутъ сѣсти." №№ 43 и 44, 45, 46, 47, 49, 50, 52. Въ видѣ исключенія является слѣдующее условіе въ третьемъ договорѣ Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ: „А коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводъ, и твоихъ бояръ хто иметъ жити въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою. А коли ми будетъ самому всѣсти на конь, а тобѣ со мною; или тя куды пошлю, и твои бояре съ тобою." Тамъ же, № 33.

337. Тамъ же, № 27: „А чего ми будеть искати на твоихъ боярехъ, или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ собе по боярину, тѣ тому дѣлу учинять исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межи собѣ сопрутся, ѣхати имъ на третій, кого себѣ изберуть, тамо ѣхавъ перемолвятся." Тамъ же, № 28: „А кто будетъ служа намъ княземъ, а вшолъ въ каково дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити."

338. Акты юридич., стр. 177.

339. Никон. III, 208.

340. С. г. г. и д. I, № 33.

341. Тамъ же, № 52.

342. С. г. г. и д. I, № 37: „А городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто сѣсти, опричѣ путныхъ бояръ." № 43: „опричь путныхъ бояръ"; № 45: „опричь бояръ введенныхъ и путниковъ"; № 46: „опроче бояръ и путниковъ"; № 47: „опроче путныхъ бояръ"; № 49 тоже; № 52: „опроче бояръ введенныхъ и путниковъ".

343. Акты Арх. Эксп. I, № 51.

344. Симбир. сборникъ, введеніе къ бумаг. Кикиныхъ.

345. Котошихина о ключникахъ, о дьякахъ Никон. VI, 151. О литовск. путникахъ въ акт. запад. Россіи, III, № 19.

346. Никон. IV, 38.

347. Акты истор. I, № 36; Акты Арх. Эксп. I, № 21.

348. Дворцовые разряды, т. I, стр. 491: „Предъ государемъ посланъ по станомъ околничей Өедоръ Васильевичъ Головинъ." Стр. 615: „А въ окольничихъ, передъ государемъ, были дворяне." Что Окольничіе

принадлежали къ старшей дружинѣ, были боярами, видно ясно изъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, наприм.: „отъ великаго государя бояромъ нашимъ—окольничему (Морозову) да дворецкому (Бутурлину).“ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла польскаго двора, № II, стр. 254. Или: „Писахъ кн. велики къ Менглигирею царю, чтобы Менглигирей царь боярина его и окольничаго Костянтина Зоболоцкаго къ нему отпустилъ.“ Тамъ же, дѣла Крымск. № III, стр. 24.

349. С. г. г. и д. I, № 61: „Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля.“ № 83: „А что которые мои бояре и дѣти боярскіе и слуги мои.“—Акты истор. I, № 81: „Князи мои и бояре и дѣти боярскіе, и люди дворные.“—С. г. г. и д. I, № 1: „А изъ Бѣжицы, княже, людий не выводити ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ;“ № 3: „Ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ.“

350. С. г. г. и д. I, № 61: „Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля;“ № 76: „А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати. А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ, а которыхъ бояръ и слугъ, села, а имуть жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ“. № 23.

351. С. г. г. и д. I, № 27: „А которыи слуги потягли къ дворьскому тыхъ ны въ службу не пріимати, но блюсти ны ихъ съ одиного.“ № 33: „А земль ихъ не купити.“ № 40: „А тѣхъ бортниковъ, или садовниковъ, или псарей, или бобровниковъ, или барашовъ, дѣлюевъ не въсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобѣ, на котораго грамоты полные будетъ, а земли ихъ сыну князю Ивану. А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворьскимъ, волнымъ воля. А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ.

352. С. Г. г. и д. I, № 21: „А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленныхъ, которыи въ которой росписи, то того (сына).—А что мои люди куплении въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлять сынове мои.“ № 24: „А что моихъ людій дѣловыхъ или кого буди прикупилъ, или хто ми ся будетъ въ винѣ досталъ, такоже мои тивуни, и посельскіе, и ключники, и старосты, или хто ся будетъ у тыхъ людій женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю, куды имъ любо“. № 25: „А хто будетъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ или хто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, далъ есмь имъ волю. Также хто будетъ моихъ людій полныхъ, купленныхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу.“ № 83: „А что у меня у в. княгини колькое людей моихъ ни есть и большихъ и меньшихъ, и язъ ихъ всѣхъ пожаловала, ослободила.“

353. Акты истор. I, № 2: „Коли ставили прадѣды наши Св. Богородицю, князь великий Инъгваръ, князь Олегъ, князь Юрьи, а съ ними бояръ 300, а мужій 600".

354. П. С. Р. Л. II, 207, 110: „Другій бяшетъ дворный его слуга, любимы сынъ боярскій."

355. Акты, относ. къ истор. зап. Россіи, I, № 37, 53.

356. П. С. Р. Л. II, стр. 169.

357. Тамъ же, стр. 179.

358. Тамъ же, стр. 214.

359. Акты, относящ. къ истор. зап. Рос. I, № 6; 1383 годъ: „Милостію Божею, мы велики князь Витовтъ вѣдомо чинимъ каждому доброму, кто коли на сесь листъ позритъ, аже есмо допустили садити село княжую Луку, на сыромъ корени, у подолской земли, у каменецкомъ повѣтѣ, Василеви Карачовскому, слузѣ нашему; а дали есмо ему зо всими лѣсы и зъ дубровами, и съ полями и сѣножатми и зъ лугами, и зо всими пожитки, ему и дѣтемъ его и всимъ его потомкомъ, на вѣки вѣчные".—Иногда волости давались съ правомъ выкупа за извѣстную суму, напр. № 22: „Дали есмо сюю нашу грамоту Бедриху, што держитъ отъ насъ двѣ селищи, на тыи двѣ селищи записали есмо сею нашею грамотою шестьдесятъ копъ—подольскими полугрошники; коли же быхомъ хотѣли тыи двѣ селищи любо сами узяти у него, или кому приволили быхомъ выкупити, и тогды имѣемъ дати ему за ты двѣ селищи шестьдесятъ копъ." № 32.

360. Тамъ же, № 36; „А панъ Петръ съ того имѣнья имаетъ служити нами двѣма копьи." № 45: „А съ того намъ имаютъ служити и нашимъ намѣстникомъ двума стрѣлцема на заволапую войну, яко иніи земляне служатъ."

361. Тамъ же, № 46.

362 Тамъ же, № 59: „Тое имѣнье изъ вѣка боярьское, а не тяглое."—№ 55: „То старина за Витовта была, повѣдаютъ стары старцы и путники старые: зъ отчинъ боярьскихъ не давана посощина, и тожъ съ купли, хто што купитъ отчину боярьскую, и съ того тожъ не давана посощина; а што приданы великаго князя Витовта, или иныхъ в. князей, и съ того давана посощина. А также кому даетъ великій князь пустовщину, селище посощинное, а служба будетъ одна была съ того селища, и сядетъ самъ бояринъ на томъ селищи, и людей што за собою посадитъ на томъ селищи: съ того господарю конемъ служитъ и на пріѣздъ конь даетъ, а посощины и съ тыхъ людей не даетъ. А пріиметъ ли другое селищо, съ которого посощина хаживала, и посадитъ человѣка: съ того даютъ посощину; а што будетъ лѣсъ тогожъ селища николи не пахыванъ, и тотъ лѣсъ роспашетъ и посадитъ людей: и съ тыхъ людей пѣтъ посощины. Такожъ которому коли бояриву далъ будетъ се-

лища посощныи в. к. Витовтъ, или иныи в. князи, и тотъ бояринъ посадитъ слуги своя на тыхъ селищахъ, которымъ же слугамъ отпустилъ будетъ в. князь не давать посощины, а будутъ на то листы имѣти, а любо добрый договоръ: тыи не имаютъ давати посощины; а которымъ слугамъ не отпустилъ будетъ в. князь посощины, тыя имають давати посощину. Также о бобровыи гоны повѣдали тыижъ старци: гдѣ берегъ великого князя сумежный съ боярьскыми, туто гонити, бобры бобровникомъ и великого князя и боярьскымъ, и подѣляти бобры по старому; а сѣтей, и рожковъ, и осокъ, и собакъ бояромъ не держать, и поколодовъ, и кошовъ не ставити. А гдѣ князскыи или боярскыи берегы ихъ особныи, а в. князя берегъ не пришолъ будетъ къ которымъ і туто имъ ставити поколодвы и коши, и собакы держать и сѣти; какъ мога, такъ имъ бобра ловити."—Привилегія 1457 года см. у Дзялынскаго.—Zbior praw Litewskich, p. 28.

363. Никон. IV, III.

364. Тамъ же, V, 200, 278.

365. Акты истор. I, № 13, 36; Акты Арх. Эксп. I, № 9.

366. П. С. Р. Л. II, 175.

367. Тамъ же стр. 179; С. г. г. и д. II, № 3.

368. П. С. Р. Л. II, 179.

369. Тамъ же, стр. 170; ср. Исторія Россіи, т. III, стр. 17.

370. Тамъ же, стр. 165: Приде вѣсть Данилу, яко Ростиславъ сошелъ есть на Литву со всѣми бояры и съ нузники. Стр. 195: снузникомъ же сразившимся не стерпѣша.

371. Тамъ же, стр. 215.

372. С. г. г. и д. I, № 43: „А князей же моихъ служебныхъ съ вотчиною себѣ въ службу не примати, а которыя имутъ тебѣ служити, и имъ въ вотчину свою не вступатися. Тамъ же, № 56: князья служебные, бояре, дѣти боярскіе и земскіе люди. Акты истор. I, № 71: Князи мои и бояре, и дѣти боярскіе, и люди дворные.

373. П. С. Р. Л. II, 204.

374. Тамъ же, стр. 208.

375. Тамъ же, стр. 210.

376. Тамъ же, стр. 179.

377. С. г. г. и д. I, № 33: А Московьская рать хто ходилъ съ воеводами гѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не прімати. № 71.—Акты Арх. Эксп. I, № 64.

378. П. С. Р. Л. II, стр. 181.—Тамъ же, IV, стр. 123: А Новгородцы послаша *селниковъ* лускихъ и воцкихъ, и ижерьскихъ бояръ напередъ.—Но что значатъ здѣсь *селники?* жители или владѣльцы селъ?

379. Никон. IV, 21.

380. П. С. Р. Л. II, 184; Никон. IV, 133.

381. П. С. Р. Л. II, 168: Кондрату же любящу руский бой и понужающу Ляхы свои.

382. Тамъ же, стр. 183: Русь тщиви суть на брань, да стерпимъ устремленіе ихъ, не стерпими бо суть на долго время на сѣчи. Тамъ же, стр. 186.

383. Никон. IV, 52.

384. Тамъ же, V, 192.

385. П. С. Р. Л. II, 187.

386. Тамъ же, стр. 193: Одинъ же воинъ управи десьницю свою, изъемъ *рогтичу* изъ пояса своего далече верпъ, срази князя ятвяжьскаго съ коня своего. Вар.: *Рогатичю.*

387. Тамъ же, стр. 205.

388. Тамъ же, стр. 200: Борисъ же пріѣха и приведе сайгатъ королеви, кони и въ сѣдлѣхъ, щиты, сулицѣ, шеломы.

389. Тамъ же, стр. 210.

390. Никонъ III, 41: Совѣтъ бысть на татарове по всѣмъ градомъ Русскимъ; и посемъ иніи князижъ Рустіи, согласившеся межъ собою прогнаше Татаръ изъ градовъ своихъ.

391. Акты Арх. Эксп. I, № 42. См. также Акты истор. I, № 17.

392. А въ Русу ти, княже, ездити осень, а лѣто не ездити, ездити, на озвадъ (Възводъ или Озвадо—урочище) звѣря гонитъ. А въ Ладогу ти княже, слати осетрьникъ и медовара. Или: ехати ти въ Русу на третию зиму, а въ Ладогу ехати на третие лѣто, на възвадъ. А пожже, княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое. А свиньи ти бити за 60 верстъ отъ города, а дале куда кому угодно. Или: А свиньи ти, княже гонити за шестьдесятъ верстъ около города, а въ той шестидесятъ Новгородьцю гонити, князя докладая князя, а дале куды кому годно.—См. любопытную грамоту в. к. Василія Темнаго Русскимъ топникамъ, въ Древн. Вивл. ч. II, стр. 406.

393. Дворяномъ твоимъ и тивуномъ погонъ имати, какъ то пошло. Или: А дворяномъ твоимъ, какъ пошло, погонъ имати, отъ князя по 5 кунъ, а отъ тивуна по двѣ куны. Или: а отъ тиуна по двѣ долгѣи.

394. П. С. Р. Л. III, 57: И злыхъ съвѣтомъ яшася почисло, творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло.

395. Никон. IV, 145.

396. Акты Арх. Эксп. I, 32.

397. Antiquités russes, T. II, p. 490.

398. П. С. Р. Л. IV, 119.

399. См. нашей Исторіи, т. II, стр. 225.

400. Никон. III, 110.

401. Тамъ же, стр. 211.

402. Тамъ же, IV, 28.

403. П. С. Р. Л. III, 60.
404. Никон. IV, 33.
405. П. С. Р. Л. II, 205, 213.
406. С. г. г. и д. I, № 55.
407. П. С. Р. Л. III, 91.
408. Акты истор. I, № 60.
409. Никон. III, 194.
410. С. г. г. и д. I, № 60.
411. Тамъ же, № 21, 27, 33, 34, 35, 40, 45, 60, 71.
412. Тамъ же, № 86: А изъ Московскихъ селъ даю своей княгинѣ Напрудское у города и зъ дворы зъ городскими, что къ нему потягло.
413. Акты истор. I, № 261.
414. Акты относ. къ истор. запад. Рос. I; № 6. Ср. Времен. Моск. Ист. Общ. кн. 16.
415. Собр. древн. грам. и акт., городовъ: Вильна, Ковно, и проч. № 1—10. Акты запад. Россіи, I, № 60.
416. Никон. IV, 23, 37, 255.
417. Тамъ же, стр. 38.
418. Voyages et ambassad. de Guilleber de Lannoy p. 19, 22.
419. Никон. IV, 53.
420. Это слово употреблено въ лѣтописи.
421. П. С. Р. Л. IV, 72, 91.
422. Тамъ же, II, 19, 86, 198, 222. Lannoy, p. 24.
423. Акты истор. I, 36: Далъ есми село свое Филиповичи съ уѣздомъ по кое мѣсто уѣздъ былъ къ намъ и моей госпожи великой княгини Софьи; а она возметъ по той ищеѣ, съ нивами и съ пожнями со всею пашнею. См. также Рязанскія грамоты, изд. Пискаревымъ. № 2."
424. Житіе Саввы Вишерскаго, написанное извѣстнымъ Пахоміемъ Логоѳетомъ, рукописное въ библіот. Ундольскаго. Грамоты см. въ Истор. Росс, Іерар. III, стр. 559. Существуетъ и противное мнѣніе, что раздѣленіе новгородской области на пятины принадлежитъ позднѣйшему, Московскому времени (Ходаковскій въ Русск. истор. сбор. т. I. кн. 3, стр. 100; Неволинъ—въ Записк. Русск. Геогр. Общ. кн. VIII, стр. 43 и слѣд.). Это мнѣніе основывается на томъ, что въ источникахъ Новгородской исторіи о пятинахъ не упоминается раньше Московскаго покоренія. Но мы прежде всего спросимъ: въ позднѣйшихъ *однородныхъ* источникахъ упоминаются ли пятины? При подобнаго рода вопросахъ первое дѣло смотрѣть на однородность источниковъ, а не смѣшивать извѣстій лѣтописныхъ съ извѣстіями, находящимися въ актахъ, въ писцовыхъ книгахъ; никакъ нельзя при рѣшеніи извѣстнаго вопроса для одной эпохи приводить только лѣтописныя извѣстія, а для другой писцовыя книги и акты, на нихъ ссылающіеся. Извѣстно, что чѣмъ древнѣе

лѣтопись или актъ, тѣмъ замѣтнѣе въ ихъ составителяхъ любовь употреблять имена народныя вмѣсто именъ государствъ, имена жителей областей вмѣсто названія самихъ областей. Лѣтописецъ не знаетъ ни Польши, ни Богеміи, ни Швеціи, знаетъ только Ляховъ, Чеховъ, Свеевъ: какъ же отъ него требовать, чтобы вмѣсто *Вожанъ* онъ говорилъ: *Вотская пятина*? Въ другихъ же приводимыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ мы не въ правѣ ожидать названія пятинъ, ибо эти названія заключали бы въ себѣ большую неопредѣленность, напр.: „И совкупися въ Новъгородѣ вся волость новъгородская: пьсковичи, ладожане, корѣла, ижера, вожане." Наконецъ замѣтимъ, что сотня не есть пятина, водская земля не есть водская пятина, слѣд. тамъ, гдѣ употребляются эти названія, не должно было быть упомянуто слово: пятина. Что Герберштейнъ разумѣлъ пятины, которыя тянутъ къ концамъ, это ясно: Civitas latissimam ditionem in quinque partes distributam habebat: quarum quaelibet pars ad suae partis magistratum referebat: изъ которыхъ *каждая часть* тянула къ начальству *своей части!*—Ходаковскій и Кеппенъ указали, что *пятины* попадаются и въ другихъ мѣстахъ (Зап. Геогр. Общ. VIII. 43); въ одномъ актѣ 1738 года (Врем. Моск. Истор. Общ. кн. 17, стр. 17 смѣси) указываются пятины нижегородской епархіи и мы думаемъ, что всѣ эти пятины (кромѣ новгородскихъ) произошли вслѣдствіе церковнаго раздѣленія на десятины, откуда десятинники или десятильники; называется же Устюгъ десятиною ростовскаго архіепископа.

425. Дополн. къ акт. историч. I, № 8.

426. Акты истор. I, № 13, 36. 25, 28; Дополн. къ акт. истор. I. № 197. Акты Арх. Эксп. I, № 18, 39, 44, 37.

427. Акты Арх. Эксп. I, № 48.

428. Акты истор. I, № 59: „Также есмь игумена съ братьею пожаловалъ: котораго ихъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ собѣ откажетъ, а ихъ старожилца, и язъ князь велики тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому".

429. Акты Арх. Эксп. I, № 4 и 20.

430. Тамъ же, № 64. „Которые люди отъ нихъ вышли изъ ихъ селъ въ мои села в. к. или въ мои села в. княгини, и въ боярскіе села, сего лѣта, не хотя ѣхати на мою службу, в. князя къ берегу, и язъ князь в. пожаловалъ игумена Васьяна съ братьею, велѣлъ есми тѣ люди вывести опять назадъ; а которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣче, и язъ к. в. тѣхъ людей не велѣлъ пущати прочь; а надобѣ будетъ приставъ посельскому монастырьскому, и онъ емлетъ пристава моего у намѣстника Углецкаго на тѣ люди, которые отъ нихъ вышли".

431. Тамъ же, № 44, 46.

432. Акты истор. I, № 28. Акты Арх. Эксп. I, № 374.

433. С. г. г. и д. I, № 33

434. Тамъ же, № 21, 24, 25. Акты истор. I. № 255; Акты юрид., стр. 430, 434.

435. Никон. V, 192.

436. Усть Узы рѣки на Шелони.

437. П. С. Р. Л. III, 220.

438. А гостю нашему гостити по Суждальской земли, безъ рубежа по царевѣ грамотѣ. См. Новгородскія грам. въ I т. С. г. г. и д.; тамъ же, № 28.

439. П. С. Р. Л. III, 102.

440. Тамъ же, стр. 103.

441. Допол. къ акт. истор. I, № 6 и 7. Herrmann's Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches, p. 28; Славянскаго — Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новагорода съ Готландомъ и Любекомъ, 1847. Андреевскаго— О доворорѣ Новагорода съ нѣмецк. городами.

442. С. г. г. и д. II, № 3.

443. Тамъ же, № 8. Этотъ договоръ замѣчателенъ еще тѣмъ, что изъ него видна зависимость Смоленска отъ Литвы еще при Гедиминѣ, ибо смоленскій князь называетъ Гедимина старшимъ братомъ и сообразуется съ его внѣшними отношеніями.

444. Акты Арх. Эксп. I, № 16, С. г. г. и д. II. № 14, 16. Акты истор. I, № 22, 58. Lannoy, p. 35, 37.

445. Акты относ. къ истор. зап. Росс. I, № 21. Supplementum ad historica Russiae monumenta, № XXXVIII, XLI, XLII.

446. Акты истор. I, № 252. Замѣчательно, что еще въ началѣ XV вѣка Качи-бей или Хаджи-бей, нынѣшняя Одесса, была извѣстною гаванью, принадлежавшею къ литовско-русскимъ владѣніямъ; изъ нея въ 1415 году Ягайло отправилъ подольскую пшеницу въ Константинополь. Wapowski—Dz. Kor. pol. I, 376.

447. Никон. IV, 54.

448. Тамъ же, IV, 132.

449. Тамъ же, V, 54.

450. Вѣроятно для постройки стѣнъ.

451. Понятно, что здѣсь подъ этими сторонами разумѣется Москва.

452. А. а. э. I, № 42. Сборникъ библ. гр. А. С. Уварова, № 412.

453. Вилен. акты, I, № 6 и 8.

454. Тамъ же, № 7.

455. Никон. IV, 264: „Загорѣся (Зубцевъ) въ недѣлю порану, какъ нача торгъ сниматись“.

456. См. статью Казанскаго: Изслѣдованіе о древней русской монетной системѣ, въ Запискахъ Археолог. Общ. т. III.

457. Г. Егуновъ въ статьѣ своей о древней русской торгов., напечат. въ Современ.

458. Г. Казанскій въ означенной выше статьѣ.

459. Исторія Россіи, т. III, стр. 53.

460. Географ. Извѣс. 1850 г.

461. Villani—Istor. Fior. I. 6. c. 22, ap. Murat. T. XIII, p. 368.—Качеповскій, о кож. деньгахъ, стр. 22; Hammer. стр. 222.

462. При этомъ не должно смѣшивать *куны*, какъ монетной единицы, съ словомъ: *куны* въ общемъ значеніи денегъ, всякихъ кожаныхъ и металлическихъ.

463. Исторія Россіи, т. III. стр. 51.

464. Никон. III, 160.

465. Тамъ же, IV, 8.

466. П. С. Р. Л. IV, 192.

467. Ник. III, 86.

468. Тамъ же, IV, 85.

469. П. С. Р. Л. III, 112.

470. Житіе св. Михаила Клопскаго, по рукоп. библ. г. Ундольскаго, № 298.

471. П. С. Р. Л. IV, 110, 123.

472. Тамъ же, III, 239.

473. Никон. III, 221.

474. Тамъ же, IV, 79.

475. Тамъ же, III, 69.

476. Тамъ же, стр. 213.

477. Такъ понимаю я это извѣстіе: „А мастеры, старѣйшины и начальницы быша Русини родомъ, а Грѣчестии ученицы". Никон. III, 181.

478. Въ другихъ спискахъ: „Ключницю и хлѣбную каменну".

479. Здѣсь варіанты: „узоры тѣ нѣкимъ хитрецемъ Авдѣемъ" и „изриты нѣкимъ хытрецемъ".

480. Здѣсь два чтенія: „бисеромъ и златомъ".

481. Жаль, что пропущено существительное въ слѣдующемъ извѣстіи: „створи же въ ней (церкви св. Богородицы) блаженый пискупъ Иванъ отъ древа красна точенъ и позлащенъ днѣ и внѣ, дивленію подобенъ". Не иконостасъ ли это?

482. П. С. Р. Л. III, 50.

483. Никон. III, 95.

484. Акты истор. I, № 8.

485. Акты юридич., стр. 144, 432. Опис. кончины Мих. Яросл. Твер. въ Соф. лѣтоп.—Вотъ что говоритъ Ланноа (стр. 20) о головномъ уборѣ Новгородцевъ: Ont les dames deux trèches de leurs cheveulz pendans derrière leurs dos et les hommes une trèche. О Псковичахъ (стр. 22): Et ont les Russes d'icelle ville leurs cheveulz longs espars sur.

leurs espaulles, et les femmes ont ung ront déadême derrière leur testes commes les sains.

486. Никон. V, 48.

487. Твор. св. отцевъ, годъ 3, кн. 3.

488. Какъ то дѣлалъ митрополитъ Евгеній въ Словарѣ духовныхъ писателей, I, 333.

489. С. г. г. и д. II, № 2. Григорьева—о достовѣрн. ханскихъ ярлыковъ.

490. Тамъ же, № 7.

491. Никон. III, 192.

492. Тамъ же, стр. 191. Протоколы Константинопол. патріархата въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г.

493. Тамъ же, Степен. кн. I, 456. Посланіе митрополита Кипріана къ св. Сергію и Феодору 1378 года, іюля 3, изъ Любутска:

1. Слышу о васъ и о вашей добродѣтели, како мирьская вся мудрованія преобидите и о единой воли Божіей печетеся; и о томъ велми благодарю Бога, и молюся Ему, да сподобитъ насъ видѣти другъ друга и насладитися духовныхъ словесъ. Буди же вамъ свѣдомо: пріѣхалъ есмь въ Любутскъ, въ четверкъ, мѣсяца іюня 3 день, и иду къ сыну къ своему, ко князю къ великому, на Москву. Иду же яко же иногда Иосифъ отъ отца посланъ къ своей братіи, миръ и благословеніе нося. Аще нѣціи о мнѣ инако свѣщаютъ, азъ же святитель есмь, а не ратный человѣкъ; благословеніемъ иду, яко и Господь, посылая ученики своя на проповѣдь, учаше ихъ глаголя: пріемляй васъ. Мене пріемлетъ". Вы же будете готовы видитися съ нами, гдѣ сами погадаете; велми жадаю видитися съ вами и утѣшитися духовнымъ утѣшеніемъ.

2. Не утаилося отъ васъ и отъ всего рода христіанскаго, елико сотворилося надо мною, еже не сотворилося есть ни надъ единымъ святителемъ, какъ Русская земля стала. Язъ Божіимъ изволеніемъ и избраніемъ великаго и св. собора, и благословеніемъ и ставленіемъ вселенскаго патріарха, поставленъ есмь митрополитъ на всю Русскую землю, а вся вселенная то вѣдаетъ; и нынѣче поѣхалъ есмь былъ со всѣмъ чистосердечіемъ и з доброхотѣніемъ къ князю великому; и онъ послы ваша (?) разослалъ, мене не пропустити, и еще заставилъ заставы, рати сбивъ и воеводы предъ ними поставивъ, и елико зло надо мною дѣяти,еще же и смерти предати насъ немилостивно, такъ научи и наказаже. Азъ же его безъчестія и души егоболши стрега, инымъ путемъ пройдохъ, на свое чистосердечіе надѣяся и на свою любовь, еже имѣхъ есмь къ князю великому и къ его княгини и къ его дѣтемъ. Онъ же пристави надъ мною мучителя, проклятаго Никифора: и которое зло остави, еже не сдѣя надо мною? Хулы и поруганія, посмѣханіе, грабленіе, голодъ! Мене вночи заточилъ, нагаго и голоднаго, и отъ тоя ночи студени и нынѣ-

ча стражу. Слуги же моя надъ многимъ злымъ, что надъ ними издѣлали, отпуская ихъ на клячахъ хлибвыхъ, безсѣдолъ, во обротѣхъ лычныхъ, изъ города вывели ограбленныхъ и до сорочки, и до ножевъ и до ноговицъ, и сапоговъ и киверовъ не оставили на нихъ! Токоли не обрѣтеся никтоже на Москвѣ добра похотѣти душѣ князя великаго и всей отчинѣ его!... И аще міряне блюдутся князя, занеже у нихъ жены и дѣти, стяжаніе и богатство, и того не хотять погубити: вы же иже міра отреклися есте и иже въ мірѣ живете единому Богу, како, толику злобу видѣвъ, умолчали есте!... Которую вину нашелъ есть на мнѣ князь великій? Чѣмъ язъ ему виноватъ или отчинѣ его? Кладетъ на мене вины, что былъ есмь въ Литвѣ первое: и которое лихо учинилъ есмь, бывъ тамо? Аще былъ есмь въ Литвѣ, много христіанъ горькаго плѣненія освободилъ есмь, мнози отъ невѣдящихъ Бога познали нами истиннаго Бога и къ православной вѣрѣ св. крещеніемъ пришли. Церкви св. ставилъ есмь, христіанство утвердилъ есмь, мѣста церковная, запустошена давными лѣты, оправилъ есмь Новый Городокъ Литовскый давно отпалъ, и язъ его оправилъ, и десятину досталъ къ митрополіи же и села. Въ Волыньской же земли такоже колько лѣтъ стояла Волимерьская епископія безъ владыки, запустошала: и язъ владыку поставилъ и мѣсто исправилъ.

3. 1378, Октября 18 изъ Кіева. „Елико смиреніе и повиновеніе и любовь имѣете къ св. Божіей церкви и къ нашему смиренію, вся познал есмь отъ словъ вашихъ. (Правосл. Собесѣдн. 1860 года).

494. Акты относ. къ истор. зап. Рос. I, № 25.

195. Слово, „*тамъ*“ вовсе не должно означать здѣсь непремѣнно: „въ Литву, въ западную Русь“, а просто означаетъ мѣстность назначенія.

196. Въ настольной грамотѣ Фотія (Акты истор. I, № 254) временемъ посвященія Фотіева выставленъ 1393 годъ; это показаніе опровергають: 1) актомъ, который никакъ не можетъ быть предпочтенъ оз начепному акту; во 2) предположеніемъ, что Фотія не стали бы держать такъ долго въ Константинополѣ; по причинѣ неотправленія его въ Русь могли найти много; въ 3) предположеніемъ, что литовскіе епископы поставили бы это обстоятельство въ вину Фотію; но какъ бы стали обвинять Фотія въ томъ, въ чемъ не обвиняли Кипріана? притомъ нужно еще предположить, что литовскіе епископы знали объ этомъ обстоятельствѣ.—Показаній настольной грамоты нельзя опровергать, не показавши прежде, какъ могла произойти такая странность?

497. Никон. V, 33.

198. Говорятъ: „Виновныхъ въ расхищеніи казны церковной не нашлось. Потому Фотій нашелъ нужнымъ обратиться къ совѣсти похитителей. Онъ издалъ увѣщательную грамоту“,—и приводятъ грамоту, напечатанную въ Актахъ Истор. I, № 256. Но въ этой грамотѣ гово-

рится не о расхищеніяхъ казны церковной, а объ одномъ случаѣ покражи имущества, принадлежавшаго частному лицу и положеннаго въ церкви на сбереженіе: „Церкви Божіей сокровенное взять... кто будетъ тое съкровище въсхитилъ, да не презритъ слезящаго о немъ... дондеже татекрадьственное пріобрѣтенье поверже̂тъ рыда̂ющему по немъ и възратитъ погубившему“.

499. См. статью: „Фотій, митр. Кіев.“, въ прибавл. къ Твор. св. отцевъ, ч. XI 1852 г.

500. Въ лѣтописи сохранились имена двоихъ клевстниковъ: Саввы Аврамiева, и купца литовскаго, или торговавшаго въ Литвѣ, Ѳомы Лазарева, Никон. V, 53, 54.

501. Никон. V, 54.

502. Акты запад. Рос. I, № 23.

503. Полоцкаго, Черниговскаго, Луцкаго, Владимірскаго, Перемышльскаго, Смоленскаго, Холмскаго, Туровскаго. Акты зап. Росс. I, № 24.

504. Акты зап. Рос. I, № 12.

505. Тамъ же, № 25.

506. Акты истор. I, № 19.

507. Никон. V, 70.

508. См. вышеприведенн. статью: Фотій М. К., стр. 42.

509. Дополн. къ акт. истор. I, № 183.

510. Правда, что въ Никон. подъ 1431 годомъ читаемъ: „Тоеже зимы кн. Юрьи Дм. разверже миръ“, но въ 1) на правильность размѣщенія событій въ Ник. спискѣ нельзя полагаться; во 2) если князья поссорились еще зимою, то зачѣмъ же не ѣхали въ Орду ранѣе, а дожидались осени?

511. Св. Алексій хотя и родился въ Москвѣ, однако по отцѣ былъ южнорусскаго происхожденія.

512. П. С. Р. Л. IV, 208 и 209.

513. Акты истор. I, № 39,—П. С. Р. Л. VI, 162.

514. П. С. Р. Л. VI, 167.

515. Акты истор. I, № 41, 262.

516. Акты истор. I. № 264.

517. Тамъ же, № 263.

518. Акты запад. Росс. I, № 42.

519. Акты арх. эксп. I, № 42.

520. Акты истор. I, № 47.

521. Тамъ же, № 42.

522. Тамъ же, № 48.

523. Акты арх. эксп. I, № 80.

524. Акты истор. I, № 45.

525. Тамъ же, № 61.

526. Тамъ же, № 272. Какъ видно на соборѣ были только епископы областей, находившихся въ тѣснѣйшей зависимости отъ Москвы: не было ни новгородскаго, ни тверскаго, ни рязанскаго.
527. Акты истор. I, № 62, 63, 273.
528. Тамъ же, № 66.
529. П. С. Р. Л. VI, 169.
530. Акты истор. I, № 69.
531. Акты арх. эксп. I, № 9.
532. Никон. V, 82.
533. Тамъ же, IV, 67.
534. Тамъ же, № 266.
535. Тамъ же, 73.
536. Акты истор. I, № 50.
537. Тамъ же, № 254.
538. Акты Арх. Эксп. I, № 375.
539. Тамъ же, № 370. Новопоставляемый мѣнялъ свое иноческое имя на другое.
540. Акты истор. I, № 8; ср. № 7.
541. Тамъ же, № 268.
542. Никон. Ш, 69.
543. Тамъ же, стр. 108.
544. Тамъ же, стр. 193.
545. Тамъ же, IV, 24.
546. Церковн. уставъ Синодал. библіот. у Карам. V, пр. 232.
547. Никон. IV, 196. — По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Евеимій былъ обвиненъ въ томъ, что вмѣшивался въ дѣла княжескія, лжемудрствовалъ о Христѣ, какъ Арій, о Богородицѣ, какъ Несторій, и что не соглашался признать надъ собою никакого другаго суда кромѣ вселенскаго собора. См. Христіан. Чтен. 1852, апрѣль.
548. Русскія Достопам. ч. I, стр. 106.
549. Между прочимъ: „Ни раба на священичьство привести, аще не преже господинъ его отпуститъ предо многыми послыхы съ грамотою и пустить аможе хощеть; и по поставленіи да не присвоитъ къ себѣ.... Отъ поставляемаго требуется между прочимъ, чтобъ онъ не былъ „или резовникъ, или челяде друча голодомъ и наготою, страдою насилье творя, или дани бѣгая, или чародѣецъ“.
550. Акты истор. № 57.
551. Тамъ же, № 57.
552. Тамъ же, № 61.
553. Тамъ же, № 64.
554. Дополн. къ Акт. истор. I, № 181.
555. Акты истор. I, № 253.

556. Тамъ же, № 11.

557. Тамъ же, № 44.

558. Акты Арх. Эксп. I, № 369.

559. П. С. Р. Л. IV, 209: „И биша ему челомъ о сборованіи“.

560. Акты истор. I, № 8.

561. Между прочимъ: „Какъ измолвить дьяконъ: со страхомъ Божьимъ и съ вѣрою приступите, тогды бы приходили къ царьскимъ дверемъ да причащалися, а руки положа къ персемъ крестообразно, а къ судари бы не прикасались; такъ же и женкамъ давайте причастье, обѣдни не кончавъ, а причащалися бы ся у другихъ дверей, что противу жертвейника; а мужи бы къ св. причастью въ вотолахъ не приходили, но снимал вотолы; а на комъ пригодится опашень или шуба; ини бы припоясывали“.

562. Акты истор. I, № 9.

563. Тамъ же. № 20.

564. Тамъ же, № 35, № 34.

565. Тамъ же, № 60.

566. Тамъ же, № 23.

567. Тамъ же, № 30.

568. Тамъ же, № 22.

569. См. Куницына: Историч. изображ. древ. судопроизвод. стр. 53; авторъ неосновательно полагаетъ начало ереси въ Новгородѣ.

570. Акты истор. I, № 6. П. С. Р. Л. V, 235.

571. Тамъ же, № 21, 33, 34.

572. Никон. IV, 70, 277; Акты Арх. Эксп. I, № 9, № 54.

573. Акты истор. I, № 50.

574. Тамъ же, III, 190.

575. П. С. Р. Л. III, 101.

576. Никон. V, 35.

577. С. г. г. и д. I, № 22.

578. Акты арх. эксп. I, № 9.

579. С. г. г. и д. № 25.

580. Тамъ же, № 82 и 83.

581. С. г. г. и д. I, № 21, 39.

582. П. С. Р. Л. IV, 191, 215; V, 22.

583. Никон. V, 33.

584. Рукоп. Румянц. Муз. № 155.

585. Акты относ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 26.

586. Тамъ же, № 29.

587. Тамъ же, № 62, 65.

588. См. объ этихъ монастыряхъ Истор. Русск. цер. пер. II, изд. 2, стр. 159, и слѣд.

589. Акты истор. № 12.

590. Проф. Шевыревъ (Поѣздка въ Кир. Бѣл. мон. ч. I, стр. 151) относитъ дѣйствіе посланія Кириллова къ слишкомъ позднему явленію, именно къ браку князя Александра Ивановича Суздальскаго на дочери великаго князя Василія, и думаетъ, что суздальскіе князья, Симеонъ и Василій, умерли въ изгнаніи; но мы видѣли, что одинъ изъ нихъ умеръ въ Вяткѣ, а другой въ Городцѣ, помирившись съ великимъ княземъ московскимъ, и въ этомъ примиреніи именно можемъ допустить участіе совѣтовъ Кирилловыхъ.

591. Акты истор. I, № 16.

592. Тамъ же, № 27.

593. Прологъ, 30-го сентября; рукопис. житіе въ библіот. Ундольскаго, № 146.

594. Какъ напр. Св. Павелъ Комельскій.

595. Это случилось съ Св. Димитріемъ Прилуцкимъ, съ Св. Стефаномъ Махрищскимъ, рукопис. житіе перваго въ библіот. гр. Уварова, втораго въ библіот. Ундольскаго. № 178. а.—Были и другаго рода притѣсненія, напр. въ житіи Св. Михаила Клопскаго читаемъ: „Бысть же нужи нѣкоей належащи монастырю отъ архіепископа Евфимія (перваго) овогда насильствіемъ среброимація, овогда монастырскихъ коней отъятіемъ.—Здѣсь считаю пріятною обязанностію изъявить глубочайшую благодарность графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову и Вуколу Михайловичу Ундольскому за возможность, которую они мнѣ доставили, пользоваться ихъ прекрасными библіотеками.

596. Никон IV, 225.

597. Тамъ же, стр. 73.

598. Карамз. V, прим. 254.

599. Акты. истор. I, № 5.

600. Допол. къ акт. истор. I, № 180.

601. Акты Арх. Эксп. I, № 369.

602. Акты истор. I, № 265, 276.

603. Тамъ же, № 37.

604. Акты Арх. Эксп. I, № 40.

605. Акты истор. I, № 24.

606. П. С. Р. Л. II, 215.

607. Жалованныя монастырямъ грамоты см. въ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 22, 25, 34, 51, 62, 82, 82.—Акты истор. I, № 3, 13, 14, 15, 25, 28, 29, 36, 38, 49, 50, 54, 55, 58, 59, 67, 70, 71, 266, 375.—Допол. къ акт. истор. I, № 10, 184—197.—Акты Арх Эксп. I, № 3, 5, 7, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 11, 42, 43, 45, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 68, 69, 373.—Опис. Государ. Арх. стар. дѣлъ, стр. 208. Акты юридич. стр. 145.

608. Акты истор. I, № 253.
609. П. С. Р. Л, II, 215.
610. Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, I, № 7, 13, 14, 28.
611. Тамъ же, № 43.
612. Акты Арх. Эксп. I, № 13.
613. Псковская Судная грамота, Одесса, 1847 г.
614. А Кримскому (читай: Кромскому) татю, и коневому и перевѣтнику, и зажигалнику, тѣмъ живота не дати. Чтобъ и на посадѣ покрадется, ино дважды е пожаловати, а изличивъ, казнити по его винѣ, и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати. Крим. Кромъскому татю — Что здѣсь татьба на посадѣ противополагается татьбѣ на Крому, въ Кромномъ городкѣ, это ясно; но почему такое различіе? Не употреблено ли здѣсь слово: *Кромскій* въ значеніи *торговаго*, если торгъ находился въ Крому, въ Кромномъ городкѣ.
615. Допол. къ акт. истор. 1, № 189.
616. Акты Арх. Эксп. I, № 28.—Москвитянинъ 1848, № 2.
617. Описаніе Государств. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 201.
618. Акты юридич. № 71. Не должно забывать, что всѣ означенныя формы принадлежать купчимъ новгородскимъ.
619. Тамъ же, № 72.
620. Тамъ же, № 110.
621. Тамъ же, № 260.
622. Тамъ же, № 409. Всѣ эти завѣщанія новгородскія.
623. Акты истор. I, № 255.
624. Акты юридич. № 357; Записки археологич. общ. т. III, стр. 250; относительно Напсрсковской грамоты можно успокоиться на объясненіи Неволина.
625. Dzialynskiego—Zbior praw Litewskich, 28.
626. Акты, относящ. къ исторіи Запад. Россіи, I, № 30, 31.
627. Тамъ же, № 3. Временникъ Москов. истор. общ. кн. 16.
628. Никон. IV, 55.
629. Тамъ же, стр. 153.
630. Тамъ же, V, стр. 93.
631. Тамъ же, стр. 125.
632. Акты истор. I, № 261.
633. С. г. г. и д. т. I, № 18, 28, 31, 35, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 67, 76, 80.—Акты Арх. Эксп. I, № 14.
634. Никон. III, 115.
635. П. С. Р. Л. II, 208.
636. Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи I, № 39, 40.
637. Никон. III, 39.
638. П. С. Р. Л. V, 272.

639. Акты истор. I, № 261, 267. Акты Арх. Эксп. I, № 50.

640. Лѣтопись XVII вѣка, хранящ. въ Император. публич. библ.

641. П. С. Р. Л. I, 195: Любовному ученью же и тщанью дивляся сего честнаго святителя Кирила, со страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ (я читаю: не входнѣ) написанья (я читаю: написанье) себѣ вдахъ, сего первато словесе дѣтеля написати. Никон. III, 59, 86.

642. Чтенія Моск. истор. общ. 1847, № 8.

643. Твор. Св. Отцевъ, годъ первый, кн. 1, 2, 3. Тамъ же годъ второй, кн. 1. О Серапіонѣ ср. Шевырева —Поѣздка въ Кирилл. монастырь, II, стр. 36.

644. Пр. Макарія Исторія Русской церкви, V, 150 и слѣд.

645. Никон. V, 72.

646. Пр. Макарія Истор. Русс. церкви V, 414.

647. Тамъ же, VI, 147; V, 254.

648. Степен. кн. I, 410.

649. П. С. Р. Л. VI, 325.—Рукоп. библіот. Ундольск. № 297.

650. Ключевскаго. Житія святыхъ какъ историч. источники, стр. 93.

651. П. С. Р. Л. VI, стр. 182, 320.

652. Сахарова.—Сказ. русск. нар. т. II.

653. Сборникъ библ. гр. Уварова, 408.

654. Истор. Русск. Церк. пер. II, стр. 62.

655. Словарь духов. писат. I, стр. 113.

656. Извѣс. Импер. Акад. Наукъ по отд. Русск. яз. т. II, л. 14, статья Сухомлинова о Пчелахъ.

657. Исторія Русск. церк. пер. II, стр. 63.

658. П. С. Р. Л. VI, 87.

659. Истор. Русск. церк. пер. II, стр. 98. Макарьевскія Минеи, февраль.

660. Древ. Росс. стихотвор. стр. 31.

661. П. С. Р. Л. V, 227.—На островѣ Валаамѣ въ Преображенскомъ монастырѣ показываютъ могилу Магнуса. Карам. IV, прим. 348.

662. Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 15, 1852.

663. Никон. III, 27.

664. Краледвор. рукоп. Ярославъ.—Догадка моя относительно Пахомія основывается во первыхъ на томъ, что сказаніе о смерти Батыя находится въ житіи св. Михаила Черниговскаго, написаннаго Пахоміемъ (житіе это указалъ мнѣ г. Ундольскій въ своей библіотекѣ. „Твореніе ермонаха Пахомія св. горы.“ Начало: „Что реку или что возглаголю; № 300). Во вторыхъ, преданіе о Саввѣ Сербскомъ указываетъ на Серба или Сербію. Въ житіи ярославскихъ князей Василія и Константина (повѣсть сложена многогрѣшнымъ рабомъ Пахоміемъ'

рукоп. библ. Ундол. № 141, а.) говорится, что Батый стоялъ подъ Ярославлемъ 2 года и 6 мѣсяцевъ, ища отца своего: „бяше бо той окаянный царь Батый родомъ града Ярославля, отъ веси Череможьскія и дошедъ отца своего, въ лѣто 6745 взять бысть градъ Ярославль.“ Изъ Россіи Батый пошелъ въ болгарскую землю, и Богъ охрабрилъ па него короля Владислава, въ сраженіи съ которымъ Батый былъ убитъ. (Это другой Пахомій, русскій.)

665. П. С. Р. Л. 75; VI, 90.

666. Времен. Москов. Истор. Общ., кн. 14.

667. Въ нѣкоторыхъ спискахъ пространнаго сказанія видно знакомство съ этимъ третьимъ сказаніемъ или словомъ.

668. Любопытное указаніе па мѣстничество.

669. Карамз. V, прим. 65.

670. Въ такъ-наз. тверской.

671. П. С. Р. Л. VI, 98.

672. Никон. IV, 258.

673. Тамъ же, V, 192. П. С. Р. Л. IV, 103.

674. П. С. Р. Л. т. IV, стр. 104.

675. Никон. VI, 285; такъ-наз. тверская, стр. 167.

676. Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго изданъ К. М. Оболенскимъ, Москва, 1851.

677. Т. II, стр. 329.

678. Отъ начала русскія земли до княженія великаго князя Ивана Васильевича Московскаго.... сѣдшу ему княжити послѣ отца своего в. к. Василія Ивановича.... Еще же молю ваше братіе преподобіе и благородіе чтущихъ и послушающихъ книги сія, еже аще обрящетъ кто много недостаточное или неисполненное, да не позазритъ ми, не бо бѣхъ Кіянинъ родомъ, ни Новагорода, ни Владимера, но отъ вѣси ростовскыхъ областей.—Этотъ лѣтописный сборникъ находился сначала въ рукахъ г. Строева и разсмотрѣнъ имъ подробно; потомъ перешелъ въ библіотеку г. Погодина, и отсюда уже въ Императорскую Публичную.

679. Исторія отнош. между русск. княз. Рюрик. дома, стр. 336.

680. Приготовляя къ печати третій томъ моей исторіи, я не могъ еще пользоваться этимъ сборникомъ, и потому прошу моихъ читателей принять во вниманіе сказанное теперь при чтеніи 287 и 288 страницы третьяго тома.

681. Никон. IV, 16.

682. Троицкая лѣтоп. у Карамз. V, прим. 148.

683. П. С. Р. Л. VII, 118.—Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ объясненіи: „глаголетъ бо писаніе.“ По всѣмъ вѣроятностямъ это объясненіе взято изъ того же источника, откуда взято „разсужденіе о громѣ и молніи,“ находящееся въ книгахъ преподобнаго чудотворца Кирилла, въ

Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. См. поѣздку туда Проф. Шевырева, ч. II, стр. 24.

684. Одного характера съ Новгородскою четвертою сборники, носящіе названіе Софійскихъ лѣтописей.

685. П. С. Р. Л. II, 180.

686. Тамъ же. стр. 220.

687. Тамъ же, 222, 233. Здѣсь я различаю выраженія: „самъ списа,“ и просто „списа.“

688. Это замѣчено Карамзинымъ, т. III, прим. 113.

689. Лѣтописецъ Литвы и Хроника Русская, стараніемъ и трудами Игнатія Даниловича; Вильна, 1827 г. — Даниловича: — О Литовскихъ лѣтописяхъ. Жур. Нар. Просв. 1840, ноябрь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Присоединеніе къ Москвѣ княжества Нижегородскаго. — Столкновеніе великаго князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ Донскимъ. — Договоры великаго князя съ родными братьями. — Отношенія къ Новгороду Великому. — Внутреннія движенія въ Новгородѣ. — Ссора Новгорода со Псковомъ. — Отношенія Москвы къ Рязани и Твери. — Усобицы между тверскими князьями. — Нашествіе Эдигея на Москву. — Отношеніе великаго князя къ Татарамъ послѣ Эдигеева нашествія. — Отношенія литовскія: взятіе Смоленска Витовтомъ; намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ; битва Витовта съ Татарами на Ворсклѣ; вторичное взятіе Смоленска Витовтомъ; борьба московскаго князя съ литовскимъ и миръ на Угрѣ; взглядъ лѣтописца на литовскія и татарскія отношенія. — Отношенія Литвы къ Польшѣ и Тевтонскому ордену. — Борьба Пскова и Новгорода съ Ливонскимъ орденомъ. — Борьба Новгорода со Шведами. — Смерть Василія Димитріевича. — Его духовныя грамоты. — Бояре Василія.. 5

ГЛАВА II. Малолѣтство Василія Васильевича. — Новая усобица дяди съ племянникомъ. — Споръ въ Ордѣ между ними. — Московскій бояринъ Всеволожскій.— Ханъ рѣшаетъ дѣло въ пользу племянника Василія противъ дяди Юрія Димитріевича. Отъѣздъ боярина Всеволожскаго отъ великаго князя къ дядѣ его Юрію.—Возобновленіе борьбы между дядею и племянникомъ.— Василій попадается въ плѣнъ къ Юрію.— Василій въ Коломнѣ. Продолженіе борьбы. Смерть Юрія. Василій утверждается въ Москвѣ.— Отношенія Василія Васильевича къ двоюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Юрія, Василію Косому и Димитрію Шемякѣ.— Ослѣпленіе Косого.—Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ.—Отношенія татарскія. Плѣнъ великаго князя у казанскихъ Татаръ и освобожденіе.—Шемяка овладѣваетъ Москвою, захватываетъ великаго князя въ Троицкомъ монастырѣ и ослѣпляетъ. Слѣпой Василій получаетъ Вологду.—Движенія его приверженцевъ, которые овладѣваютъ Москвою.— Продолженіе борьбы Василія съ Шемякою. — Дѣятельность духовенства въ этой борьбѣ.—Смерть Шемяки. — Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ.—Отношенія къ Рязани и Твери.— Отношенія

къ Новгороду и Пскову.—Событія въ Литвѣ, борьба ея съ Польшею.—Отношенія Литвы къ Москвѣ.—Татарскія нашествія.—Борьба Новгорода и Пскова со Шведами и Нѣмцами. Смерть великаго князя Василія; его духовная грамота; его приближенные.. 48

ГЛАВА III. Общій ходъ событій.—Причины усиленія московскаго княжества.—Московскія волости.—Ихъ судьба по княжескимъ завѣщаніямъ.—Способы ихъ увеличенія. Границы ихъ.—Перемѣны въ отношеніяхъ между старшимъ и младшими князьями.—Положеніе женщины въ родѣ княжескомъ.—Служебные князья.—Титулы княжескіе.—Печати.—Посаженіе на столъ.—Отношеніе къ Татарамъ.—Законодательная власть князя.—Финансы.—Богатство князей.—Жизнь русскаго князя на сѣверѣ и югѣ.—Положеніе дружины.—Войско.—Характеръ войны.—Города.—Сельское народонаселеніе.—Козаки.—Бѣдствія политическія и физическія.—Торговля.—Деньги.—Искусство, ремесла.—Церковь.—Законодательные памятники.—Международное право.—Нравы.—Обычаи.—Литература.—Лѣтописи.—Общій ходъ русской исторіи до образованія Московскаго государства.. 120

2007053013